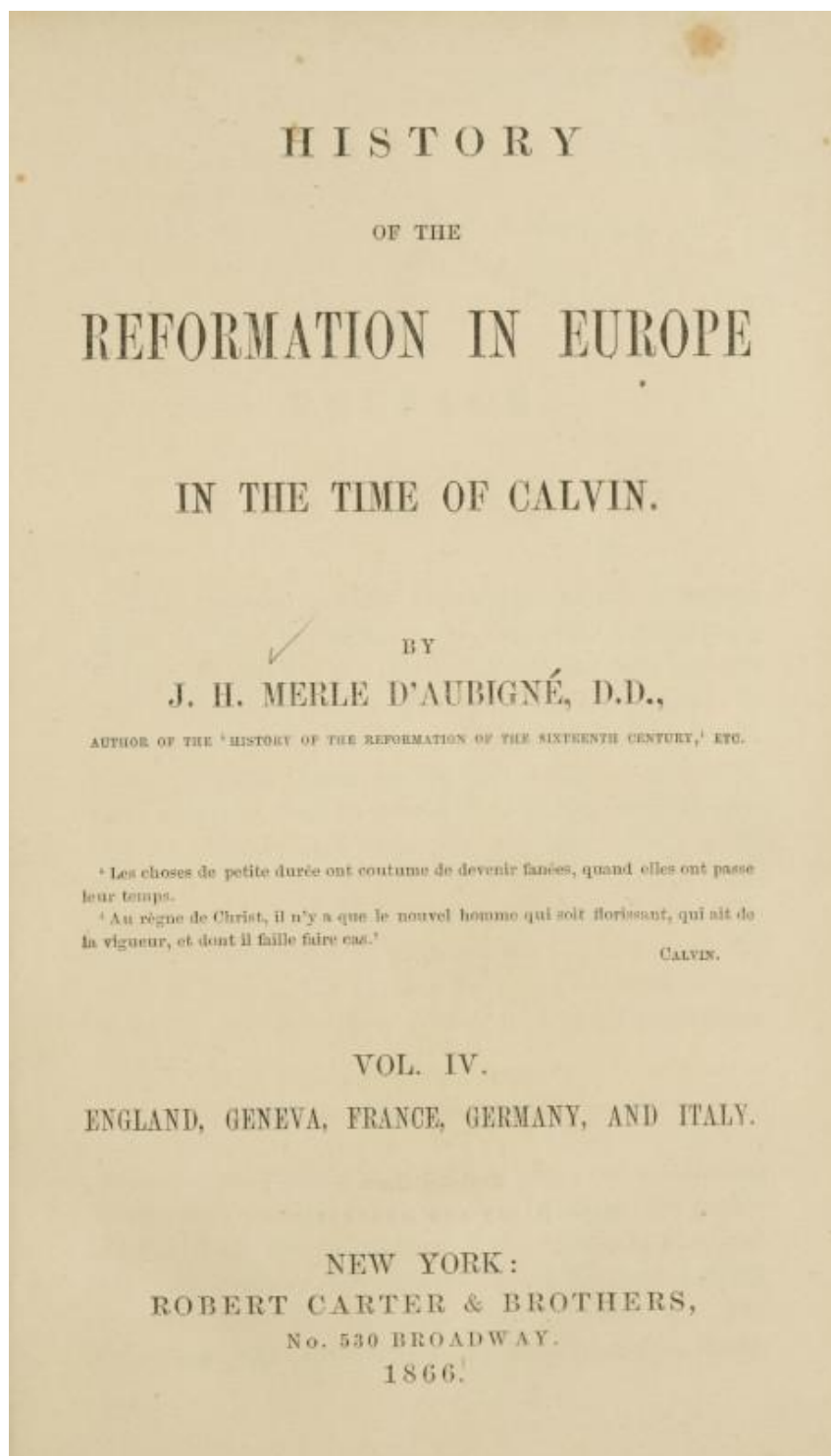

История реформации в Европе во времена Кальвина. Том 4 (из 8)

Ж. Х. Мерль д'Обинье

Электронная книга проекта Гутенберга по истории Реформации в Европе во времена Кальвина. Том 4 (из 8)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Реформации в Европе во времена Кальвина. Том 4 (из 8)

Автор: Ж. Х. Мерль д'Обинье

Дата выхода: 1 августа 2019 [Электронная книга № 60035]

Последнее обновление: 17 октября 2024

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Брайан Уилсон, Дэвид Эдвардс, Колин Белл, Дэвид Кинг и команда онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net>. (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА". ТОМ 4 (ИЗ 8) ***

История реформации в Европе во времена Кальвина, Том 4 из 8

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА.

Дж. Х. Мерль Д'Обинье, доктор медицинских наук,

АВТОР "ИСТОРИИ РЕФОРМАЦИИ ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА" И ДР.

‘Les choses de petite durée ont coutume de devenir fanées, quand elles ont passé leur temps.

‘Au règne de Christ, il n’y a que le nouvel homme qui soit florissant, qui ait de la vigueur, et dont il faille faire cas.’

Кальвин.

ТОМ IV.

АНГЛИЯ, ЖЕНЕВА, ФРАНЦИЯ, ГЕРМАНИЯ И ИТАЛИЯ.

НЬЮ-ЙОРК:

РОБЕРТ КАРТЕР И БРАТЯ,

БРОДВЕЙ, дом № 530.

1866.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В этом томе рассказывается о событиях важной эпохи Реформации Англии, Швейцарии, Франции, Германии и Италии. С самого начала автор намеревался написать *Историю Реформации в Европе*, что он и указал в названии своей работы. Некоторые люди, введенные в заблуждение последними словами этого названия, предположили, что он намеревался дать просто биографию Кальвина: это не было его идеей. Этот великий богослов должен занять свое место в этой истории, но, какой бы интересной ни была жизнь человека, и особенно жизнь столь великого слуги Божьего, история работы Бога в различных частях христианского мира, по нашему мнению, представляет больший и более постоянный интерес.

Deo soli gloria. Omnia hominum idola pereant!

В 1853 году в пятом томе своей *Истории реформации шестнадцатого века* автор описал начало реформы в Англии. Теперь он возвращается к теме, на которой остановился, а именно после падения и смерти Вулси. Нижеследующие страницы были написаны тринадцать лет назад, сразу после публикации пятого тома; с тех пор они были переработаны и дополнены.

Наиболее важным фактом той эпохи в Великобритании является акт, посредством которого Английская церковь восстановила свою независимость. Этому сопутствовало особое обстоятельство. Когда Генрих VIII освободил свой народ от папского владычества, он провозгласил себя главой Церкви. И, следовательно, из всех протестантских стран Англия является той, в которой Церковь и государство наиболее тесно связаны. Законодатели англиканской церкви впоследствии поняли опасность, которую представлял этот союз, и, следовательно, заявили в Тридцать седьмой статье (*О гражданских магистратах*), что, 'когда они приписывали Королевскому Величеству верховную власть, они не предоставляли своим князьям нести слово Божье'. Это не означало, что король не должен проповедовать; такая идея никому не приходила в голову; но что гражданская власть не должна брать на себя определение доктрин божественного Слова.

К сожалению, эта мера предосторожности оказалась недостаточной. Не так давно в связи с *Эссе и обзорами* был поднят вопрос о доктрине, и дело было передано на апелляцию в верховный суд, последний вынес свое решение в отношении важных догм. Тайный совет постановил, что отрицание полного богодухновения Священного Писания, замены грешника Христом в крестной жертве и необратимых последствий страшного суда не противоречит

исповеданию веры Англиканской церкви. Когда рационалисты услышали об этом решении суда, они восторжествовали; но огромное количество протестов было подано во всех частях Великобритании. Хотя мы испытываем величайшее уважение к личностям и намерениям членов судебного комитета Тайного совета, мы осмеливаемся спросить, не подрывает ли это решение фундаментальные принципы англиканской церкви; более того (хотя в этом мы можем ошибаться), не является ли это нарушением Конституции Англии, частью которой являются религиозные уставы? Факт тем более серьезен, что это было совершено, несмотря на противодействие (которое, безусловно, заслуживало того, чтобы его приняли во внимание) двух главных духовных наставников Церкви — архиепископа Кентерберийского, примаса всей Англии, и архиепископа Йоркского, обоих членов совета. Вынужденный описать в этом томе исторический факт, из которого возникло зло, автор придерживается мнения, что он должен уважительно, но откровенно указать на само зло. Он делает это с большей свободой, потому что считает, что в этом вопросе он согласен с большинством епископов, духовенства и благочестивых мирян Английской церкви, к которым он давно испытывает искреннее уважение и привязанность.

Но давайте не будем бояться. Беды Церкви не должны мешать нам признать, что никогда еще евангельское христианство не было распространено так широко, как в наши дни. Мы знаем, что христиане Великобритании не только будут твердо придерживаться стандарта веры, но и удвоят свои усилия по привлечению душ к Евангелию как дома, так и в самых отдаленных странах. И если в какой-то момент они будут вынуждены сделать выбор — и либо отказаться от своего союза с гражданской властью, либо пожертвовать святыми доктринами Слова Божьего, - то (по нашему мнению) в Англии нет ни одного евангелического служителя или мирянина, который ни на минуту не колебался бы в выборе курса, который он должен избрать.

Англия сейчас больше, чем когда-либо, нуждается в изучении Отцов Реформации по их трудам и в том, чтобы вдохновляться их духом. В наши дни есть люди, сбившие с пути странным воображением, и которые, если не принять мер предосторожности против своих заблуждений, могут опрокинуть славную колесницу христианской истины и ввергнуть ее в пропасть суеверного романизма или в крутую пропасть неверия. С одной стороны, схоластические доктрины (например, пресуществление) смело исповедуются в некоторых протестантских церквях; возрождаются монашеские ордена, папистские обряды, свечи, облачения четырнадцатого века и все ряженные средневековья. С другой стороны, рационализм, который, хотя и остается в рамках закона, от этого не менее опасен, нападает на богодухновенность Писания, искупление и другие важнейшие доктрины. Да будет нам позволено призвать всех, у кого в сердце Божья слава, безопасность Церкви и процветание их страны, сохранить в неприкосновенности драгоценное сокровище Слова Божьего и научиться у людей Реформации отвергать глупые ошибки и рабское ярмо одной рукой, а другой - пустые теоремы недоверчивой философии.

Я бы попросил разрешения привлечь внимание к важному факту. В предыдущем томе было показано, что духовная реформация Англии происходила из Слова Божьего, сначала прочитанного в Оксфорде и Кембридже, а затем народом. Единственное участие, которое король принял в этом, было противодействием, которому он последовал вплоть до костра. Настоящий том показывает, что официальная реформа, реформа злоупотреблений, исходила от Палаты общин, от самых известных мирян Англии. Король принимал лишь пассивное участие в этой работе. Таким образом, ни внутренняя, ни внешняя реформа не исходили от Генриха VIII. Из

всех деяний Реформации ему принадлежит только одно: он порвал с папой. Это было большое преимущество, и это большая честь для короля. Но могло ли это продолжаться без двух других реформ? Мы сильно сомневаемся в этом. Реформация в Англии в первую очередь исходила от Бога; но если мы посмотрим на вторичные причины, то она исходила от народа, а не от суверена. Благородный сосуд политической конституции, который веками оставался почти неподвижным, начал двигаться вперед при первом дуновении Евангелия. Рационалисты и паписты, несмотря на все свои надежды, никогда не лишат Великобританию Реформации, совершенной Словом Божиим; но если Англия потеряет Евангелие, она в то же время потеряет свою свободу. Принуждение при господстве папства или эксцессы при господстве неверности были бы одинаково фатальны для него.

Выдающийся писатель опубликовал в 1858 году важную работу, в которой он рассматривал историю Англии со времен падения Вулси.^[1] Мы с большим удовольствием признаем ценность томов мистера Фруда; но мы не согласны с его мнением относительно характера Генриха VIII. Хотя мы считаем, что он оказал большие услуги Англии как король, мы не склонны, что касается его личной жизни, считать его образцовым принцем, а его жертв преступниками. Мы также отличаемся от ученого историка в некоторых деталях, которые были частично указаны в наших примечаниях. Но каждый должен засвидетельствовать, как хорошо мистер Фрауд использовал оригинальные документы, которые были у него в распоряжении, и с каким талантом написана история, и мы не могли не радоваться, заметив благоприятную точку зрения, с которой в этой своей последней работе он рассматривает Реформацию.

Поговорив об Англии, автор возвращается к истории Женевы; и читатели, возможно, посетуют, что он остановился на ней дольше, чем это согласуется с общей историей Реформации. Он признает, что в этом возражении может быть доля истины, и заранее принимает свое осуждение. Но он мог бы ответить, что в соответствии с принципами, определяющими характеристики Прекрасного, живейший интерес часто вызывает то, что происходит на самой узкой сцене. Он мог бы добавить, что особый характер Женевской реформы, когда политическая свобода и евангельская вера торжествуют вместе, имеет особое значение для нашего времени. Он мог бы сказать, что если он слишком много говорил о Женеве, то это потому, что он знает и любит ее; и что, хотя все считают естественным для ботаника, даже когда он обращает внимание на растения всего мира, ограничиваться описанием тех, которые растут непосредственно вокруг него, женеvcу должно быть позволено рассказывать о цветах, украшающих берега, на которых он живет, и чей аромат распространился далеко по всему миру.

В этой части нашей работы мы продолжали обращаться к наиболее достоверным документам шестнадцатого века, во главе которых стоят Реестры Государственного совета Женевы. Среди новых источников, которые мы изучили, мы можем упомянуть важную рукопись из архивов Берна, которая была предоставлена в наше распоряжение государственным канцлером г-ном де Штюрлером. Этот фолиант объемом в четыреста тридцать страниц содержит протоколы заседаний Лионского инквизиционного суда, собравшегося для суда над Бодишоном де ла Мезонневым по обвинению в ереси. Чтобы не раздувать этот том, было необходимо опустить многие интересные обстоятельства, содержащиеся в этом документе; мы бы сократили их еще больше, если бы не учли, что факты того судебного процесса еще не вошли в историю и более трех столетий оставались скрытыми среди государственных бумаг Берна.^[2] Де ла Мезоннев был главным мирянином Женевской реформации, — *капитаном лютеран*, как его часто называют

свидетели в своих показаниях. Роль, которую он сыграл в реформировании Женевы, не была должным образом оценена. Несомненно, избыток его качеств, особенно энергии, иногда заходил слишком далеко; но его любовь к правде, неукротимое мужество и неутомимая активность делают его одним из самых выдающихся персонажей Реформы. Фамилии Мезоннев в этом городе больше не существует, но от него происходит множество самых древних и уважаемых семей по прямой или побочной линии.^[3]

Другая рукопись позволила нам узнать о главной миссии посольства, которое обращалось к Франциску I. с просьбой освободить Бодишона де ла Мезоннева. Главой этого посольства был Рудольф Дизбахский: господин Фердинанд де Дизбах из Берна был так любезен, что предоставил в наше распоряжение рукописные записи своей семьи; и обстоятельства, которые мы узнали из них, не дают слишком возвышенного представления о щедрости этого короля.

Проект Франциска I и Меланхтон, описанный в части тома, посвященной Франции и Германии, и приводимые там важные буквы, доселе неизвестные в нашем языке, кажутся достойными внимания просвещенных и серьезных умов.

В заключение остановимся на Италии. Мы могли бы пожелать описать в этом томе путешествие Кальвина в Феррару и даже его прибытие в Женеву; но большое место, отведенное другим странам, не позволило нам распространить женевскую реформацию на тот период. Два выдающихся человека, чьи таланты и труды мы уважаем, мсье Альбер Рилье из Женевы и мсье Жюль Бонне из Парижа, обсудили трансальпийскую экспедицию Кальвина. Эссе мсье Рилье (*Два неясных момента жизни Кальвина*) было опубликовано в виде брошюры, а ответ мсье Бонне (*Кальвин в Италии*) появился в "Ревю Кретъен" за 1864 год, стр. 461 кв. м., и в *Бюллетене de "Общество истории французского протестантизма"* за 1864 год, стр. 183 кв. м. М. Рилье отрицает, что Кальвин когда-либо посещал город Аоста, а М. Бонне утверждает, что он это делал. К сожалению, данных недостаточно для решения небольшого числа второстепенных вопросов; но важный факт путешествия Кальвина *через Аосту*, кажется, не вызывает сомнений, и когда мы дойдем до этой эпохи в жизни Реформатора, мы приведем такие доказательства — по нашему мнению, неоспоримые доказательства — которые должны убедить каждый беспристрастный ум.

Прежде чем описать резиденцию Кальвина в Ферраре, автор должен был рассказать о движениях, которые происходили в Италии с начала Реформации. Будучи вынужденным ограничивать себя, учитывая масштабы своей задачи, он сначала хотел исключить те страны, в которых Реформация была подавлена, такие как Италия и Испания. Более внимательно изучив проделанную там работу, он не смог решиться обойти ее молчанием. Среди старейших изданий книг того периода, которыми он пользовался, - экземпляр трудов Аонио Палеарио (1552), недавно подаренный маркизом Крезии из Неаполя библиотеке Школы евангелического богословия в Женеве. В этом томе не хватает тридцати двух листов (стр. 311-344), и в конце стр. 310 находится следующее примечание к рукописи: *Quæ desunt pagellæ sublatæ fuerunt de mandato Rev. Vicarii Neap.*; 'недостающие страницы были вырваны по приказу преподобного викария Неаполя'. Это вызвало раздражение автора, который хотел прочитать эти страницы еще больше из-за того, что инквизиция вырезала их. К счастью, он нашел их в голландском издании, принадлежащем профессору Андре Шербулиезу.

Некоторым показалось, что политическая свобода заняла слишком много места в первом томе этой истории; однако мы воображали, что оказываем услугу времени, в которое живем,

показывая сосуществование в Женеве гражданской эмансипации и евангелической реформы. На континенте есть образованные люди с возвышенным характером, но незнакомые с Евангелием, которые пребывают в заблуждении относительно причин, отделяющих их от христианства. По их мнению, это вытекает из того обстоятельства, что Церковь, глава которой находится в Риме, враждебна правам народа. Многие из них говорили, что религию можно укрепить и увековечить, объединившись со свободой. Но разве она не объединена со свободой в Швейцарии, Англии и Соединенных Штатах Америки? Почему бы нам не увидеть повсюду, и во Франции в частности, а также в странах, которые мы только что называли, религию, уважающую права Бога, объединяющуюся с политикой, уважающей права людей? Это не Энциклика Пия IX. то, что Евангелие называет своим спутником, - это свобода. Евангелие нуждается в свободе, а свобода нуждается в Евангелии. Люди, у которых есть только один или другой из этих двух основных элементов жизни, больны; люди, у которых нет ни того, ни другого, мертвы.

‘Величайшей вообразимой нелепостью, ’ говорит один из выдающихся философов и благородных умов нашей эпохи, месье Жоффруа, - было бы утверждение, что нынешняя жизнь - это все, и что после нее ничего нет. Я не знаю ничего более великого ни в одной отрасли науки’. Не может ли, однако, быть другой абсурд, достойный того, чтобы быть помещенным рядом с ней? Тот же философ говорит, что в том, что касается нашего состояния после этой жизни, "наука и философия за две тысячи лет так и не пришли к единому общепринятому результату".^[4] Следовательно, рядом с абсурдом, на который указал М. Жоффруа, мы уверенно помещаем другой, как второй из ‘величайших вообразимых абсурдов’, а именно, тот, который заключается в вере после двух тысяч лет бесплодных трудов, что есть другой способ, помимо христианства, познать невидимую и вечную жизнь и обладать ею. Существенный факт истории религии и истории мира: *Бог, явленный во плоти*, является лучом с небес, который открывает нам эту жизнь и обеспечивает ее для нас. Мы знаем, какой ветер неверия разметал по бесплодным пескам многие благородные души, стремящиеся к чему-то лучшему, и для которых Христос открыл врата вечности; но будем надеяться, что их падение будет лишь временным, и что многие, просвещенные свыше, отведут свои взоры от окружающей их пустыни и, подняв их к небесам, воскликнут: *Я встану и пойду к Отцу моему*.

Мы должны, как говорит Жоффруа, "возобновить наши исследования"; но "прежде всего, - добавляет он, - мы должны признаться в тайном пороке, который до сих пор делал бессильными все наши усилия’. Этот тайный порок состоит в том, что мы рассматриваем вопрос только с интеллектуальной и теоретической точки зрения, в то время как абсолютно необходимо разобраться с ним практически и сделать его индивидуальным фактом. Обсуждаемый вопрос относится к области человечества, а не философии. Он касается не только понимания, но и совести, воли, сердца и жизни. Настоящий порок состоит в том, что мы не распознаем внутри себя зло, которое отделяет нас от Бога, а вне нас - Спасителя, который ведет нас к Нему. Царственный путь к познанию невидимой и вечной жизни и обладанию ею - это знание и обладание тем Сыном Человеческим, тем Сыном Божьим, Который властно сказал: Я ЕСМЬ ПУТЬ, ИСТИНА И ЖИЗНЬ; НИКТО НЕ ПРИХОДИТ К ОТЦУ, КАК ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ МЕНЯ.

MERLE D'AUBIGNÉ.

Гравелин, О-Вив, Женева:
май 1866 г..

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТВЕРТОГО ТОМА.

КНИГА VI.

АНГЛИЯ НАЧИНАЕТ ОТВЕРГАТЬ ПАПСТВО.

ГЛАВА I.

НАЦИЯ И ЕЕ ПАРТИИ.

(Осень 1529 г.)

Различные религиозные течения—Евангелическая реформация и правовая реформа—Создание могущественного протестантизма—Выборы нового парламента—Тревога клерикальной партии—Три партии—Общество братьев—христиан—Всеобщее движение в Лондоне—Банкет и беседы пэров и членов парламента-Агитация среди народа [1](#)

ГЛАВА II.

ПАРЛАМЕНТ И ЕГО ЖАЛОБЫ.

(Ноябрь 1529 г.)

Импульс, приданный политической свободе Реформацией—Жалобы, выдвинутые Палатой общин—Поборы, пособия, святые дни, тюремные заключения-Палата общин защищает евангелистов—Вопрос епископов—Их ответ—Их действия в вопросе реформы [9](#)

ГЛАВА III.

РЕФОРМЫ.

(Конец 1529 г.)

Выявлены и исправлены злоупотребления—Реформа духовенства в целях самообороны-Фишер обвиняет палату общин, которая жалуется королю—Уловки епископов—Грубость Палаты общин—Подавление множественности и отсутствия постоянного места жительства—Этих реформ недостаточно-Радость народа, горе духовенства [15](#)

ГЛАВА IV.

ОТЕЦ АННЫ БОЛЕЙН ПЕРЕД ИМПЕРАТОРОМ И ПАПОЙ РИМСКИМ.

(Зима 1530 г.)

Мотивы Генриха VIII.—Конгресс в Болонье—Генрих отправляет посольство—Кранмер присоединился к посольству—Смущение и тревога папы римского—Климент дарует англичанам аудиенцию—Нога папы римского—Угрозы—Уилтшир принят и проверен Карлом—Недовольство англичан—Отъезд Уилтшира—Кранмер остается [20](#)

ГЛАВА V.

ОБСУЖДЕНИЯ ПО ПОВОДУ РАЗВОДА В ОКСФОРДЕ И КЕМБРИДЖЕ.

(Зима 1530 г.)

Вечеринки в Кембридже—Шумное собрание—Ропот против евангелистов—Собрание выступает за короля—Почитание Священного Писания—Суровое письмо короля Оксфорду—Противодействие молодых сотрудников университета—Гнев короля—Еще одна королевская миссия в Оксфорде—Университет принимает решение о разводе—Евангельское мужество капеллана Латимера—Король и канцлер Кембриджа²⁹

ГЛАВА VI.

ГЕНРИХ VIII. КАТОЛИКИ ПОДДЕРЖИВАЛИ ЕГО ВО ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ, ПРОТЕСТАНТЫ ОБВИНЯЛИ В ГЕРМАНИИ.

(Январь -сентябрь 1530 г.)

Сорбонна обсуждает развод—Французские университеты санкционируют развод—Итальянские университеты делают то же самое—Мнение Лютера—Кранмера в Риме—Английская знать пишет Папе Римскому—Папа предлагает, чтобы у короля было две жены—Прокламация Генриха против папских булл³⁸

ГЛАВА VII.

ЛАТИМЕР ПРИ ДВОРЕ.

(Январь -сентябрь 1530 г.)

Латимер, искушаемый Двором; укрепленный учебой—Христианская индивидуальность—Латимер желает обратить короля—Жажда Церкви, бедности, Креста и Библии—Он молит короля спасти его собственную Душу—Проповедь Латимера—Отсутствие смещения двух Сил—Смелость Латимера в деле морали—Священники разоблачают его перед королем—Благородный характер реформаторов⁴⁵

ГЛАВА VIII.

КОРОЛЬ ИЩЕТ ТИНДЕЙЛА.

(январь-май 1531 г.)

Плющ и дерево, или Практика папства—Воан ищет невидимого Тиндейла—Воана посетил незнакомец—Беседа Воана и Тиндейла в поле—Тиндейл не доверяет духовенству—Негодование короля—Тиндейл тронут королевским состраданием—Король хочет сначала обрести Веру, а потом Церковь—Генрих угрожает евангелистам войной⁵²

ГЛАВА IX.

КОРОЛЬ АНГЛИИ ПРИЗНАН ГЛАВОЙ ЦЕРКВИ.

(январь-март 1531 г.)

Верховенство Папы Римского, наносящее ущерб государству—Все духовенство объявлено виновным—Оспорено признание королевского превосходства—Страдания духовенства—Они

ведут переговоры и подчиняются—Дискуссии в Йоркском собрании—Опасность королевского превосходства [60](#)

ГЛАВА X.

РАЗЛУКА КОРОЛЯ И КОРОЛЕВЫ.

(март -июнь 1531 г.)

Вопрос о разводе будоражит страну—Случай отравления—Реджинальд Поул—Недовольство Поула—Благосклонность короля—Откровенность Поула и гнев Генриха—Просит Генриха подчиниться папе—Королева Екатерина покидает дворец [66](#)

ГЛАВА XI.

ЕПИСКОПЫ ГРАБЯТ ДУХОВЕНСТВО И ПРЕСЛЕДУЮТ ПРОТЕСТАНТОВ.

(Сентябрь 1531-1532 гг.)

Стоксли предлагает, чтобы низшее духовенство заплатило—Бунт среди священников—Речь епископа—Битва—Чтобы примирить духовенство, Генри разрешает им преследовать протестантов [72](#)

ГЛАВА XII.

МУЧЕНИКИ.

(1531.)

Раскаившийся Билни проповедует на Полях—Его враги и его друзья—Билни посажен в тюрьму, где он встречается с Пети—Диспуты суд—Билни приговорен к смерти—Прощальный визит его Друзей—Его выводят на казнь—Его последние слова—Его смерть—Заключение и мученичество в Бейфилде—Тьюксбери, привязанный к Древу Истины—Его смерть—Многочисленные мученики [77](#)

ГЛАВА XIII.

КОРОЛЬ ГРАБИТ ПАПУ И ДУХОВЕНСТВО.

(март-май 1532 г.)

Характер Томаса Кромвеля—Отмена первородства-Духовенство склоняется перед королем—Две противоречивые клятвы—Слухи о священниках—Сэр Томас Мор уходит в отставку—Два зла королевской реформы [86](#)

ГЛАВА XIV.

СВОБОДА ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОПОВЕДИ В 16 ВЕКЕ.

(1532.)

Опасности процветающей нации—Ламберт и свободное исследование—Принципы Лютера—Образы или Слово Божье—Свобода проповеди—Святой Павел сожжен епископом—Латимер испытывает отвращение к Суду—Больше воров, чем пастухов—Католический дон Кихот—

Латимера вызвали к примасу—Его Твердость—Попытка заманить его в ловушку—Его отказ отречься—Отлучен—Уловка епископов—Латимер спасен своим согласием с Лютером⁹¹

ГЛАВА XV.

ГЕНРИХ VIII. НАПАДАЕТ НА СТОРОННИКОВ ПАПЫ РИМСКОГО И РЕФОРМАЦИИ.

(1532.)

Францисканцы проповедуют против короля—Генриха сравнивают с Ахавом—Беспорядки в часовне—Христианские собрания в Лондоне—Бейнхема преследуют Другие—Призывают отречься—Роковой поцелуй—Муки Бейнхема—Трагедия совести—Бейнхема посетили в его темнице—Ложь из роз—Самоубийство преследователя—Последствия мученичества—Истинная Церковь Божья¹⁰³

ГЛАВА XVI.

НОВЫЙ ПРИМАС ВСЕЙ АНГЛИИ.

(Февраль 1532 - март 1533 гг.)

Кто станет преемником Уорхэма?—Кранмер в Нюрнберге—Дом Осиандера—Его ошибка—Кранмер женится—Отозван в Лондон—Отказывается возвращаться—Следует за императором в Италию—Дата женитьбы Генриха на Анне Болейн—Кранмер возвращается в Лондон—Борьба между королем и Кранмером—Папа не имеет власти в Англии—Назначение епископов без Папы—Кранмер трижды протестует—Любая слабость является ошибкой—Истинная доктрина епископата—Призыв реформаторов¹¹²

ГЛАВА XVII.

КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА СХОДИТ С ТРОНА, И НА НЕГО ВОСХОДИТ КОРОЛЕВА АННА БОЛЕЙН.

(ноябрь 1532 - июль 1553 гг.)

Климент предполагает, что у Генриха должно быть две жены—Его опасное путешествие в Болонью—Его усилия по разводу—Становится известно о браке короля с Анной—Франция и Англия разделяются—Угрожающее заявление—Папа озадачен—Парламент освобождает Англию—Письмо Кранмера королю—Изменение, требуемое королем—Генрих ясно выражает себя—Заседание Церковного суда—Твердость Екатерины—Ее брак аннулирован—Королева Анна представлена народу—Ее продвижение по городу—Чувства новой королевы—Екатерина и Анна—Угрозы Папы и король ¹²⁵

ГЛАВА XVIII.

РЕФОРМАТОР В ТЮРЬМЕ.

(Август 1532 - май 1533 гг.)

Очаровательный персонаж Фрита —Он возвращается в Англию—Чистилище—Гомер спасает Фрита—Поедание Христа—Фрит путешествует по Англии—Письмо Тиндейла Фриту—Мор охотится на Фрита—Дурной характер Мора—Мор и Фрит—Фрит в тюрьме—Он пишет "*Бастиян*"—Обращенный Растелл—Посетители Фрита в Тауэре—Фрит и Пети—Причина и следствие ¹³⁹

ГЛАВА XIX.

РЕФОРМАТОР ПРЕДПОЧИТАЕТ СКОРЕЕ ПОТЕРЯТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ, ЧЕМ СОХРАНИТЬ ЕЕ.

(Май -июль 1533 г.)

Фрит вызван к Королевской комиссии—Письмо Тиндейла Фриту—Кранмер пытается спасти его—Лорд Фицуильям, комендант Тауэра—Фрит переведен в Ламбет—Попытка примирения—Фрит остается непреклонным—Пророчество о Вечере Господней—Джентльмен и Привратник желают спасти Фрита—Их план—Фрит не будет спасен—Фрит предстает перед Епископальным судом—Допрашивается в Реальном присутствии—Кранмер не может спасти его—Осуждение и казнь Фрита—Влияние его сочинений¹⁵⁰

ГЛАВА XX.

АНГЛИЯ ПОСТЕПЕННО ОТДЕЛЯЕТСЯ ОТ ПАПСТВА.

(1533.)

Сенсация, вызванная браком Анны—Изоляция Генриха—Протестанты отвергают его—Рождение Елизаветы—Новая звезда—Английские посланники в Марселе—Боннер и Гардинер—Готовятся к объявлению войны—Эмоции папы—Генрих обращается к Генеральному совету—Гнев Папы—Франциск I и Климент понимают друг друга—Ответ Папы—Грубость Боннера—Прокламация Генриха против Папы—Точка разделения¹⁶³

ГЛАВА XXI.

ПАРЛАМЕНТ ОТМЕНЯЕТ УЗУРПАЦИЮ ПАП В АНГЛИИ.

(январь-март 1534 г.)

Генрих желает отделить христианский мир от Рима—Шведский стол папе римскому—Народ, а не король, хочет Реформации—Папа пытается заполучить Генриха—Кранмер настаивает—Палата общин выступает против папской власти—Отмена римских поборов—Парламент выступает в защиту веры Священного Писания—Генрих осужден в Риме—Беспокойство Папы—Великое Устройство¹⁷⁵

КНИГА VII.

ДВИЖЕНИЯ РЕФОРМАЦИИ В АНГЛИИ, ЖЕНЕВЕ, А ТАКЖЕ ВО ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ.

ГЛАВА I.

ЕПИСКОП СБЕГАЕТ ИЗ ЖЕНЕВЫ, ЧТОБЫ НИКОГДА НЕ ВЕРНУТЬСЯ.

(Июль 1533 г.)

Епископ желает похоронить *Секту*—Оживленные беседы—План перевода заключенных—Отличное оживление—Немецкие торговцы и Мезоннев—Он желает спасти заключенных—Восстановлен конституционный порядок—Епископ хочет сбежать—Его последняя ночь в Женеве—Бегство—Освобождение—Радость и печаль—Пословица¹⁸⁴

ГЛАВА II.

ДВА РЕФОРМАТОРА И ДОМИНИКАНЕЦ В ЖЕНЕВЕ.

(июль -декабрь 1533 г.)

Прибытие Фромана и Александра—Милосердный Соломон—Приказ проповедовать согласно Писанию—Проповеди в домах и на улицах—Епископ запрещает проповедовать Евангелие—Молчаливый ответ—Приглашение Великому проповеднику—паписту—Прибытие Фербитиу—Он выступает против чтения Библии—Оружейник Жанен—Оскорблены реформаторы; Ликование священников—Фербитиу вызывает лютеран на дискуссию—Ответ Фромана—Суматоха—Фроман и Александр изгнаны-Де ла Мезоннев уезжает в Берн¹⁹⁴

ГЛАВА III.

ФАРЕЛЬ МЕЗОННЕВ И ФУРБИТИ В ЖЕНЕВЕ.

(Декабрь 1533 - январь 1534 гг.)

Сообщение о том, что папизм восторжествовал—Прибытие Фареля—Его персонаж—Бодишон де ла Мезоннев—Жалобы и требования бернцев—Вспыхивает заговор—Вооруженные собрания гугенотов для богослужения—Рождество и Новый год—Прощание доминиканца—Оружие для Библии—Прибытие послов из Берна—Три реформатора в Женеве—Бернцы требуют публичного обсуждения ²⁰⁶

ГЛАВА IV.

ТУРНИР.

(январь-февраль 1534 г.)

Доминиканец отказывается говорить—Либерализм и негибкость—Начинается беседа—Различные обвинения—Указывали ли на бернцев?—Два Чемпиона—Папа и Священное Писание—Толкование Соборов—Священники были бы всем—Ирония и горячность Фареля—Римский епископат—Проповеди и беседы—Истории о Фареле—Домовладелец и его слуга—Легенды и рифмы—Изменение в подготовке²¹⁷

ГЛАВА V.

СЮЖЕТ.

(Январь и февраль 1534 г.)

Высший исторический интерес—Епископ замышляет *Государственный переворот*—Собрание его приспешников для его осуществления—Вылазка из дворца—Убиты два гугенота—Защитникисредневековья—Беспорядки в городе—Ужас в Совете—Правосудие, а не беспорядки—Обыск во дворце—Сцены и разоблачение—Убийц ищут в соборе—Южная башня—Преступники обнаружены—Изъятие документов, относящихся к заговору—Осуждение и фанатизм Убийцы—Он повешен; его брат арестован. спасенный — обвиняемый секретарь епископальной палаты — Народ избирает Совет гугенотов ²²⁹

ГЛАВА VI.

ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ РИМСКО-КАТОЛИЦИЗМА.

(с 10 февраля по 1 марта 1534 г.)

Доминиканец перед своими судьями—Ошеломляющее отречение—Доминиканцы и францисканцы—Прибывает отец Кутелье, настоятель францисканцев—Его первая проповедь—Он говорит белым и черным —Прибегает к лести—Крещение у Мезоннева—Евангелисты просят построить Церковь—Фарель навещает отца—настоятеля-Папа, Зверь Апокалипсиса[243](#)

ГЛАВА VII.

ФАРЕЛ ПРОПОВЕДУЕТ В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ МОНАСТЫРЯ В РИВЕ.

(С 1 марта по 25 апреля 1534 г.)

Гугеноты в монастыре Рив—Прибытие толпы—Проповедь Фареля—Два противоположных эффекта—Вдохновение Бога—Радость евангелистов—Прощание с бернцами—Казнь Портье—Два проповедника—Фрибургцы разрывают Союз—Три брата Фареля в тюрьме—Беспокойство реформатора—Человеческие привязанности [251](#)

ГЛАВА VIII.

СМЕЛЫЙ ПРОТЕСТАНТ В ЛИОНЕ.

(С 1530 По 1534 гг.)

Реликварий—*Табльдот*—Кто такой Петрус?—Борьба с двумя священниками из Вены—Они покидают Поле боя—Мезоннев должен быть сожжен—Опасность—Прибытие Бодишона и Жанена—Их отправляют в тюрьму—Формирование Суда[261](#)

ГЛАВА IX.

БОДИШОН ДЕ ЛА МЕЗОННЕВ ПЕРЕД ЛИОНСКИМ ИНКВИЗИЦИОННЫМ СУДОМ.

(С 29 апреля по 21 мая.)

Допрос—Первые свидетели—Волнения в Женеве—Протест торговцев консульству—Бернцы—Допрос—Заседание под открытым небом перед дворцом—Король должен быть проинформирован—Инквизиторы желают осудить Бодишона—Предполагаемая государственная измена Небу[269](#)

ГЛАВА X.

ДВА БОГОСЛУЖЕНИЯ В ЖЕНЕВЕ.

(Май -июль 1534 г.)

Мораль в Реформации—Явление Девы Марии—Савойская процессия—Вторая процессия входит в Женеву—Ниспровергнутые изображения—Старое и новое богослужение—Первая евангельская Пятидесятница—Священник сбрасывает ветхого Человека—Преображение—Рыцарь Родоса—Уличные танцы и песни—Проповедь на крепостных валах[277](#)

ГЛАВА XI.

ДЕРЗОСТЬ ДВУХ ГУГЕНОТОВ В ТЮРЬМЕ И ПЕРЕД ЛИОНСКИМ СУДОМ.

(Май -июнь 1534 г.)

Новый Завет в тюремном саду—Обсуждение—Процессия и судебные поручения—Ложные показания—Депрессия Жанена—Поиск более убедительных доказательств—Допросы Де Симье в Женеве—Гордость Бодишона перед судом— Помещен в одиночную камеру—Заклученный угрожает судьям-Героическое сопротивление [286](#)

ГЛАВА XII.

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР.

(Июль 1534 г.)

Строгость к показаниям Мезоннева—Кутелье—Мезонневаобвиняют в рецидиве — Преступление в том, что он был мирянином—Лайон и Шамбери выступают в его защиту—Окончательная повестка—Приговор суда—Приговорен к смертной казни—Нет мечу в религии—Эффективное средство правовой защиты [295](#)

ГЛАВА XIII.

НОЧЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОГО ИЮЛЯ В ЖЕНЕВЕ.

(Июль 1534 г.)

Праздник Тела Христова—Женитьба бывшего священника-Дискуссия перед Собором—Крещение—Две Власти меняются ролями—Подготовка нападения—Охотничий отряд—Монах за кафедрой признает свои ошибки—План нападения—Замыслы врага—Прибытие савояров—Предупреждение от дофинезийца—Каноники—Савояры ждут Сигнала—Факел—Савояры удаляются—Епископ—Горбун—Заговорщики бегут—Размышление и бдительность—Католики покидают Женеву—Право на гражданство—Тревога монахинь Рассказы о реформаторах [303](#)

ГЛАВА XIV.

ГЕРОИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ И СЧАСТЛИВОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ.

(Август и сентябрь 1534 г.)

Бернские Дизбахи—Миссия Рудольфа Дизбахского во Францию—ужасная необходимость—Решение разрушить пригороды—Надвигающаяся опасность—Беженец из Авиньона—Страппадо в Пени—Последствия Приказа о сносе—Сопротивление католиков—Мезоннев освобожден—Сессия в Тур—де—Перс—Заклученные возвращены своим семьям-Письмо Франциска I.-Фербиты требовали и отказались [320](#)

ГЛАВА XV.

ПРИГОРОДЫ ЖЕНЕВЫ РАЗРУШЕНЫ, И ПРОТИВНИКИ ГОТОВЯТСЯ.

(Сентябрь 1534 - январь 1535 гг.)

Беспорядочная жизнь монахов монастыря Святого Виктора—Руины и голоса в монастыре—Причитания—Возведены крепостные стены—Приюты открыты для бедных—Угрозы—Голод и железный круг—Разбой—Справедливости больше нет—Отлучение от Церкви—Апелляция

женевцев к Папе—Стойкость за Евангелие и Свободу—Все в заговоре против города—Энергия и умеренность—Швейцария против Женева—Уверенность в Боге—Мудрость превыше силы—Песнь воскресения³³²

ГЛАВА XVI.

КОРОЛЬ ФРАНЦИИ ПРИГЛАШАЕТ МЕЛАНХТОН ВОССТАНОВИТЬ ЕДИНСТВО И ИСТИНУ.

(Конец 1584 г. - август 1535 г.)

Меньшинство и большинство, Радость и страх -Разница между Генрихом VIII. и Франциск I.—Эразмианцы и политики—Умеренные евангелисты—Эффект плакатов—Король пытается оправдаться—Протесты решительных протестантов—Мнение швейцарцев—Кажется, что все надежды потеряны—Папа—реформатор—Папистская партия во Франции—Умеренная партия—Двое Дю Белле—Чего ожидают от Меланхтона—Устранены два препятствия—Усилия посредников—Что они думают о Франциске I.—Красноречивый призыв—Важность Франции для реформации—Меланхтон пытается заполучить епископа Парижа—Епископ в восторге—Франциск I. Меланхтон - Искренен ли он?—Мученическая смерть Корнона и Бриона—Кардинал Дю Белле отбывает в Рим—Надежда на реформы в Италии—Дипломатическое послание Дю Белле Меланхтону—Две натуры во Франции—Новые просьбы—Идея короля-Применима к Сорбонне—Тревога Сорбонны—Уловка кардинала де Турнона—Возможен ли Смешанный конгресс?³⁴⁶

ГЛАВА XVII.

УВЕНЧАЕТСЯ ЛИ ПОПЫТКА УСТАНОВИТЬ ЕДИНСТВО И ИСТИНУ УСПЕХОМ?

(Август -ноябрь 1535 г.)

Индивидуальность и католицизм—События в Германии—Важность миссии в Германию—Неуверенность Меланхтона—Серьезность французского посланника—Противодействие его семьи—Самоанализ Меланхтона-Финальная атака—Меланхтон соглашается—Его характер—Он идет к курфюрсту—ПроситРазрешения—Курфюрст отказывается—Печаль Меланхтона—Лютер соглашается с ним—Вмешательство Курфюрста—Волнения в Германии—Особые опасения немцев—Аргументы Курфюрста—Курфюрст одерживает верх—Суровое письмо к Меланхтон—Скорбь Меланхтона—Опасения Лютера, держащегося в стороне от государства—Курфюрст королю—Меланхтон Франциску I.—Он не отказывается от своего замысла—Его пыл—Король возобновляет свой проект—Оппозиция католиков—Курфюрст принимает Дю Белле—Дю Белле перед Собранием—Его речь—Ходатайство от имени евангелистов—Две партии приходят к взаимопониманию—Папство—Пресуществование—Массовые изображения—Свобода воли—Чистилище—Добрые дела —Монастыри—Безбрачие—Два вида—Сорбонна и Оправдание—РеформаФранциска I.—Вмешательство в защиту угнетенных—Политический союз—Франциск I. играет две роли—Причастие святых³⁷²

ГЛАВА XVIII.

ЕВАНГЕЛИЕ На СЕВЕРЕ ИТАЛИИ.

(С 1519 По 1536 гг.)

Пламя в Италии—Книготорговец из Павии—Книги реформаторов—Энтузиазм по поводу Лютера—Тревога папы и кардиналов—Венеция—от Розелли до Меланхтона—Множество источников живой воды—Курионе—Его исследования и духовные потребности—Читает Лютера и Цвингле—Уезжает в Германию—Арестован и отправлен в монастырь Святого Бенигнуса—Святыня и Библия—Курионе во время чумы—Проповедники папства—Нападение и защита—Курионе отправлен в тюрьму—Прикован цепью к стене—Он узнает комнату—Ищет средства обеспечения безопасности—Исключительный способ—Его побег—Он преподает в Павии—Рене Французская—Мекенас и Доркас—Воскрешение христианства—Гости герцогини406

ГЛАВА XIX.

ЕВАНГЕЛИЕ В ЦЕНТРЕ ИТАЛИИ.

(С 1520 По 1536 гг.)

Персонаж Оккино—Ищет спасения в аскетизме—Контраст—Священное Писание—Странствующее служение Оккино—Многолюдные собрания—Его проповедь—Дитя Флоренции—Честолюбивый Ученый—Учеба и проповедь—Аонио Палеарио—Уезжает из Рима в Сиену—Поэма о Бессмертии—Палеарио переступает Порог—Его жена и дети—Любовь к Родине—Его друг Беллантес—Заговор против Палеарио—Фауст Беллантес сообщает ему об этом—Палеарио остается непреклонным—Его жена—Реформаторы—Двенадцать обвинителей—Они предстают перед архиепископом—Кажется, все против Палеарио—Его страхи—Он предстает перед Сенатом—Он защищает себя—Немцы—Защита реформаторов—Возрождение образования—Иисус Христос как камень преткновения—Слова мученика—Жена и друзья Палеарио—Его оправдание и отъезд—Евангелисты Болоньи—Их обращение к саксонскому послу—Святой Павел объяснил428

ГЛАВА XX.

ЕВАНГЕЛИЕ В НЕАПОЛЕ И РИМЕ.

(С 1520 По 1536 гг.)

Альфонсо Вальдес в Вормсе—Диалог Вальдеса—Божье наказание—Одобрение и Неодобрение—Меркурий и Харон—Сатана—Хуан Вальдес в Неаполе—Влияние Хуана Вальдеса—Чиахи и Паузилиппо—Обращение Петра Мученика—Его метод проповеди—Чистилище—Оппозиция—Обращенный Галеаццо Караччиоли—Письмо Кальвина—Знаменитые женщины в Чиахе—Обсуждаемые там идеи—Оккино проповедует в Неаполе—Триумвиры—Прибытие Карла V. в Неаполь—Беседа Джулии Колонна и Вальдес—Совершенство—Гарантия спасения—Смирение—Королевский путь—Размышления—Проповедники басен—Хорошие и дурные качества Вальдеса—Эдикт против лютеран—Карнесекки—Секретарь Климента VII.—Интервью с Карлом V.—Обращение Карнесекки—Разные категории—Фламинио—Бедный студент—Ценит сокровища Небес—Гость Гиберто и Караффы—Вера Фламинио—Противостоит Карнесекки и любит его—Приближается к католицизму—Красноречие Божественной любви—Его члены—Евангелический монах—Венецианский сенатор—Влияние Контарини—Станный призыв—Он принимает кардинализм—Сохраняет свою независимость—Точка зрения Контарини—Рассвет в Италии—Два лагеря—Надежды—Времена Рима—Слава мученикам454

КНИГА VI. АНГЛИЯ НАЧИНАЕТ ОТВЕРГАТЬ ПАПСТВО.

ГЛАВА I. НАЦИЯ И ЕЕ ПАРТИИ. (Осень 1529 г.)

Англия, в период, о котором мы собираемся рассказать, начала отделяться от папы римского и реформировать свою Церковь. В истории этой страны падение Вулси отделяет старые времена от новых.

Уровень мирян постепенно повышался. Детям бедняков давались определенные инструкции; университеты посещали представители высших классов, а король был, вероятно, самым образованным принцем в христианском мире. В то же время уровень духовенства падал. Духовенство было ослаблено и развращено своими триумфами, и англичане, проснувшиеся с возрастом и наконец открывшие глаза, были возмущены гордыней, невежеством и беспорядками священников.

В то время как Франция, польщенная тем, что Рим назвал ее своей старшей дочерью, желала, даже реформируя свою доктрину, сохранить союз с папством; англосаксонская раса, ревнивоотносившаяся к своим свободам, желала сформировать Церковь, одновременно национальную и независимую, оставаясь при этом верной доктринам католицизма. Генрих VIII. является олицетворением той тенденции, которая не исчезла вместе с ним и следы которой нетрудно было бы обнаружить даже в более поздние дни.

В то время в Англии существовали и другие элементы, рассчитанные на более эффективную реформу. Священное Писание, переведенное, изученное, распространяемое и проповедуемое с четырнадцатого века Уиклиффом и его учениками, стало в шестнадцатом веке, благодаря публикации "Завещания" Эразма и переводам Тиндейла и Ковердейла, мощным инструментом настоящего евангельского возрождения и породило реформу Священных Писаний.

Эти ранние достижения исходили не от Кальвина — в то время он был слишком молод; но Тиндейл, Фрит, Латимер и другие евангелисты эпохи правления Генриха VIII, обученные тем же Словом, что и женеvский реформатор, были его братьями и предшественниками. Несколько позже его книги и письма Эдуарду VI, регенту, примасу, сэру У. Сесилу и другим оказали неоспоримое влияние на реформу Англии. Мы находим в этих письмах доказательства уважения, которое самые умные люди королевства испытывали к этому простому и сильному человеку, которого даже не протестантские голоса во Франции объявили "величайшим христианином своего времени".^[5]

Реформа, евангелическая и юридическая.

Религиозная реформация может быть двух видов: внутренняя или евангелическая, внешняя или легальная. Евангелическая реформация началась в Оксфорде и Кембридже почти в то же время, что и в Германии. Правовая реформация начиналась в Вестминстере и Уайтхолле. Студенты, священники и миряне, движимые вдохновением свыше, открыли первый; Генрих VIII. и его парламент собирався приступить ко второму, причем руки у него были порой несколько грубоватыми. Англия начала с духовной реформации, ноу другой тоже были свои мотивы. Те, кто очарован реформацией в Германии, иногда демонстрируют презрение к реформации в Англии. “Ее автором был король, движимый своими страстями”, - говорят они. Мы поместили библейскую часть этого великого преобразования на первое место; но мы признаем, что для того, чтобы оно овладело народом в шестнадцатом веке, было необходимо, как провозгласил пророк, чтобы короли были его отцами-кормилицами, а королевы - его матерями-кормилицами.^[6] Если были необходимы разнообразные реформы, если наряду с немецкой сердечностью, швейцарской простотой и другими характеристиками Бог пожелал основать протестантизм, обладающий сильной и протянутой рукой; если должна была существовать нация, которая с большой свободой и силой должна была нести Евангелие на край света, требовались специальные инструменты для формирования этой надежной организации, а лидеры народа — палата общин, лорды и король — каждый должен был сыграть свою роль. Во Франции не было ничего подобного: и принцы, и парламенты выступали против реформы; и отсюда отчасти возникает различие между этими двумя великими нациями, ибо Франция имела в лице Кальвина более могущественного реформатора, чем любой из тех, кем обладала Англия. Но давайте не будем забывать, что мы говорим о шестнадцатом веке. С тех пор работа продвинулась; в христианском мире произошли важные изменения; политическое общество с каждым днем становится все более отличным от религиозного и независимым; и мы охотно говорим вместе с Паскалем: “Славно состояние Церкви, когда ее поддерживает один Бог!”

Два противоположных элемента — реформирующий либерализм народа и почти абсолютная власть короля — объединились в Англии для осуществления правовой реформы. На этом уникальном острове эти две соперничающие силы часто действовали сообща; либерализм нации одерживал одни победы, деспотизм принца - другие; король и народ соглашались идти на взаимные уступки. Посреди этих компромиссов маленькая евангельская паства, не имевшая права голоса в подобных вопросах, свято хранила вверенное ей сокровище: Слово Божье, истину, свободу и христианскую добродетель. Из всех этих элементов возникла Англиканская церковь. Некоторые называют это странной церковью. Действительно, странно, ибо нет ничего, что теоретически так несовершенно соответствовало бы идеалу Церкви, и, возможно, нет ни одного, члены которого с большей силой и величием осуществляли бы цели, ради которых Христос создал свое царство.

Созван новый парламент.

Едва Генрих VIII. отказался ехать в Рим отстаивать свое дело, как он издал указ о созыве нового парламента (25 сентября 1529 г.). Непопулярность Вулси до сих пор препятствовала его созыву: теперь сила обстоятельств вынудила короля созвать его. Когда он был накануне отделения от папы римского, он почувствовал необходимость опереться на народ. Свобода всегда выигрывает там, где страна совершает акт независимости по отношению к Риму. Поскольку в Англии было разрешено, что Священное Писание должно регулировать вопросы религии, естественно, что народу и его представителям также должно быть дано разрешение

регулировать государственные вопросы. Все королевство пришло в движение, и различные партии стали более отчетливыми.

Папская партия была встревожена. Фишер, епископ Рочестерский, и без того очень встревоженный, встревожился, увидев, что мирян призывают давать советы по религиозным вопросам. Умы людей были в смятении во дворце епископа, в доме сельского священника и в келье монаха. Сторонники Рима встретились и посоветовались о том, что делать, и удалились со своих совещаний, не предвидя и не представляя себе ничего, кроме поражения. Дю Белле, в то время епископ Байонны, а затем Парижа, посланник короля Франции и очевидец всех этих волнений, писал Монморанси: “Я полагаю, что в этом парламенте священники будут ужасно напуганы”.^[7] Амбициозные священнослужители начинали понимать, что клерикальный характер, до сих пор столь благоприятствовавший их продвижению по политической карьере, теперь станет для них препятствием. “Увы! - воскликнула одна из них. - мы должны снять наши платья”.^[8]

Однако те представители духовенства, которые были полны решимости оставаться верными Риму, постепенно пришли в себя. Во главе их встал прелат. Фишер, епископ Рочестерский, был образованным, умным, смелым и слегка фанатичным; но его убеждения были искренними, и он был полон решимости пожертвовать всем ради поддержания католицизма в Англии. Хотя он и был недоволен путем, на который вступил его августейший ученик король Генрих, он не отчаивался в будущем и искренне применял к папству слова нашего Спасителя: *"Врата ада не одолеют его"*.

Недавний акт короля усилил надежды Фишера. Сэр Томас Мор был назначен канцлером. Епископ Рочестерский действительно сожалел, что король не поручил эту должность священнослужителю, как это было принято; но он подумал про себя, что мирянин, всецело преданный Церкви, каким был новый канцлер, возможно, в те странные времена был бы для нее более полезен, чем священник. Поскольку Фишер был в Церкви, а еще больше в государстве (ибо сэр Томас, несмотря на свою мягкую *утолию*, был более папистским и более жестоким, чем Вулси), было ли папству чего бояться? Вся римская партия сплотилась вокруг этих двух людей и вместе с ними готовилась бороться против Реформации.

Этой иерархической партии противостояла политическая партия, в глазах которой воля короля была высшим правилом. Герцоги Норфолк и Саффолк, президент и вице-президент Совета, сэр Уильям Фиц-Уильям, лорд-адмирал, и те, кто соглашался с ними, были против церковного господства не из любви к истинной религии, а потому, что они считали, что прерогативам государства угрожают амбиции священников, или же потому, что, стремясь к почестям и власти для себя, они были нетерпеливы, постоянно встречая на своем пути ненасытных клерков.

Между этими двумя партиями появилась третья, на которую епископы и знать смотрели с презрением, но за которой в конце концов должна была закрепиться победа. В городах и деревнях Англии, и особенно в Лондоне, можно было встретить много скромных людей, воодушевленных новой жизнью, — бедных ремесленников, ткачей, сапожников, живописцев, лавочников, — которые верили в Слово Божье и получили от него моральную свободу. Днем они занимались своими делами, но ночью прокрались по какому-то узкому переулку, проскользнули во двор и поднялись в какую-то верхнюю комнату, в которой уже собрались другие люди. Там они читали Священные Писания и молились. Иногда даже днем можно было увидеть, как они раздают благожелательно настроенным гражданам определенные книги, строго запрещенные

покойным кардиналом. Организованные под названием “Общество братьев-христиан”, они имели центральный комитет в Лондоне и миссионеров повсюду, которые распространяли Священное Писание и простым языком объясняли свои уроки. Несколько священников, как в городе, так и в деревне, принадлежали к их обществу.

Это христианское братство оказывало мощное влияние на людей и начинало заменять юридические и теократические идеи папства духовными и животворящими принципами Евангелия. Эти благочестивые люди требовали от своих слушателей нравственного возрождения и умоляли их войти через веру в Спасителя в близкие отношения с Богом, не прибегая к посредничеству духовенства; и те, кто слушал их, восхищенные рассказами об истине, благодати, нравственности, свободе и Слове Божьем, принимали учения близко к сердцу. Так началась новая эра. Утверждалось, что Реформация вошла в Англию с черного хода. Это не так; это была истинная дверь, которую открыли эти миссионеры, еще до разрыва с Римом проповедовавшие учение Христа.^[9] Люди празднично говорят о страстях Генриха, интригах его придворных, параде его послов, мастерстве его министров, покладистости духовенства и колебаниях парламента. Мы тоже будем говорить об этих вещах; но превыше всего было нечто другое, нечто лучшее — жажда, проявленная на этом острове к Слову Божьему, и внутренняя трансформация, произошедшая в убеждениях большого числа его жителей. Именно это произвело такую мощную революцию в британском обществе.

Разговор за столом.

В промежутке между выдачей судебных приказов и заседанием парламента высказывались самые противоположные мнения. Разговоры повсюду касались настоящих и будущих событий, и было общее ощущение, что страна находится накануне великих перемен. Члены парламента, прибывшие в Лондон, собрались за одним столом, чтобы обсудить насущные вопросы. Знатные лорды устраивали роскошные банкеты, на которых гости говорили о злоупотреблениях Церкви, о приближающейся сессии парламента и о том, к чему это может привести.^[10] Можно было бы упомянуть какой-нибудь поразительный пример алчности священников; другой лукаво напомнил о странной привилегии, которая позволяла им безнаказанно совершать определенные грехи, за которые они сурово наказывали в других. - Даже в Лондоне есть дома с дурной славой, которыми пользуются священники, монахи и каноники.^[11] И, - добавляли другие, - они заставили бы нас взять таких людей, как эти, нашими проводниками на небеса”. Дю Белле, французский посол, литератор, который, хотя и был епископом, приставил Рабле к своей персоне в качестве секретаря, часто приглашался на приемы, устраиваемые знатными вельможами. Он внимательно слушал и был поражен остроумными и часто очень язвительными замечаниями, высказанными гостями в адрес беспорядков, творимых священниками. Однажды чей-то голос воскликнул: “Поскольку Вулси пал, мы должны немедленно урегулировать положение Церкви и ее служителей. Мы наложим арест на их имущество”. Дю Белле, вернувшись домой, не преминул сообщить об этом Монморанси. “Мне нет необходимости, - говорит он, - записывать этот странный язык шифром, ибо благородные лорды произносят его за открытым столом. Я думаю, они сделают что-нибудь, о чем будут говорить”.^[12]

Ведущие члены Палаты общин провели более серьезные встречи друг с другом. Они сказали, что наговорили достаточно и теперь должны действовать. Они уточнили, какие злоупотребления, по их утверждению, были устранены, и подготовили петиции о реформе для представления королю.

Вскоре движение переместилось из сферы дворянства в сферу народа; сфера, которая всегда важна, и особенно когда происходит социальная революция. Мелкие торговцы и ремесленники высказывались более энергично, чем лорды. Они не просто говорили. Посланец епископа Лондонского зашел в лавку торговца в приходе Сент-Брайд и оставил на прилавке повестку, требующую от него уплаты определенного канцелярского налога, возмущенный торговец взял свой ярд мерки, после чего офицер выхватил шпагу, а затем, то ли от страха, то ли от нечистой совести, убежал. Продавец последовал за ним, напал на улице и проломил ему голову. Лондонские лавочники еще не вполне понимали представительную систему; они использовали свои посохи, когда им следовало дожидаться выступлений членов парламента.

Король терпел эту агитацию, потому что она соответствовала его целям. Были советники, которые намекали, что опасно давать волю страстям народа и что англичане, сочетающие огромную физическую силу с решительным характером, могут зайти слишком далеко на пути реформ, если их принц передаст им бразды правления. Но Генрих VIII, обладавший энергичной волей, думал, что ему будет легко сдерживать народное волнение, когда ему заблагорассудится. Когда Юпитер нахмурился, весь Олимп задрожал.

ГЛАВА II. ПАРЛАМЕНТ И ЕГО ЖАЛОБЫ. (Ноябрь 1529 г.)

Открытие Нового парламента.

Утром 3 ноября Генрих отправился на своей барке во дворец Брайдуэлл; и, облачившись в великолепные одежды, используемые для больших церемоний, в сопровождении лордов своей свиты он проследовал в церковь Блэкфрайарз, в которой собрались члены нового парламента. После прослушивания мессы Святого Духа король, лорды и палата общин собрались в парламенте; когда, как только король занял свое место на троне, новый канцлер, сэр Томас Мор, объяснил причину их вызова. Томас Одли, канцлер герцогства Ланкастер, был назначен спикером нижней палаты.

Вообще говоря, парламент ограничился принятием постановлений правительства. Великая Хартия действительно существовала уже давно, но до сих пор она была не более чем мертвой буквой. Реформация вдохнула в нее жизнь. “Христос выводит нас из рабства к свободе посредством Евангелия”, - сказал Кальвин.^[13] Эта эмансипация, которая была по сути духовной, вскоре распространилась на другие сферы и дала импульс свободе во всем христианском мире. Даже в Англии был необходим такой импульс. При Плантагенетах и Тюдорах конституционная машина существовала, но она работала только тогда, когда ею руководила сильная рука хозяина. Без Реформации Англия, возможно, долго бы спала.

Импульс, приданный религиозной истиной скрытым свободам народа, впервые был ощути́м в парламенте 1529 года. Представители разделяли живые чувства своих избирателей и заняли свои места с твердой решимостью провести необходимые реформы в делах как Церкви, так и

государства. Действительно, в первый же день несколько членов совета указали на злоупотребления клерикального господства и предложили изложить желания народа королю.

Палата общин могла бы по собственному желанию взяться за решение этой задачи и, предложив опрометчивые изменения, придать Реформе характер насилия, который мог бы вызвать замешательство в государстве; но они предпочли обратиться к королю с просьбой принять необходимые меры для выполнения пожеланий нации; и соответственно петиция, составленная с уважением, но ясным и сильным языком, была принята. Реформация началась в Англии, как и в Швейцарии и Германии, с личного обращения. Сначала реформировался индивид; но народу было необходимо реформироваться впоследствии, и меры, необходимые для успеха, не могли быть приняты в шестнадцатом веке без участия правящих сил. Поэтому целый народ собирался свободно и благородно выразить своему правителю свои обиды и пожелания.

Петиция Палаты Общин.

В один из первых дней сессии спикер и некоторые члены, которым было приказано сопровождать его, направились во дворец. “Ваше высочество, - начали они, - в последнее время возникло много разногласий и полемики, и с каждым днем они, вероятно, будут усиливаться и возникать среди ваших подданных все чаще и чаще, что приведет к великому беспокойству, досаде и нарушению вашего спокойствия, из чего вытекают главные причины”.^[14]

Это вступление не могло не привлечь внимания короля, и спикер Палаты общин начал смело излагать длинный список претензий Англии. “Во-первых, прелаты вашего превосходнейшего королевства и духовенство того же самого на своих собраниях приняли множество законов без вашего высочайшего королевского согласия и без согласия кого-либо из ваших подданных-мирян.

“А также многие из ваших упомянутых подданных, и особенно те, кто принадлежит к самому бедному сословию, ежедневно вызываются к упомянутым духовным ординариям или их комиссарам по обвинению легкомысленных и нескромных личностей, отлучаются от церкви и подвергаются чрезмерным и надуманным обвинениям.

“Прелаты позволяют священникам требовать разные суммы денег за таинства, а иногда отказывают в том же самом без предварительной оплаты денег.

Также упомянутые духовные ординарии ежедневно даруют различные блага определенным молодым людям, называя их своими племянниками или родственниками, поскольку они находятся в меньшинстве и в возрасте, не способные ни к излечению от какого-либо такого блага... в результате чего упомянутые обычные люди накапливают для себя большие суммы денег, а бедные глупые души вашего народа погибают без доктрины или какого-либо хорошего учения.

“Также по всему вашему королевству проводится множество праздников, на которых совершается множество великих, отвратительных пороков, праздных и распутных развлечений, число которых могло бы быть сокращено вашим величеством.

“А также упомянутые духовные ординарии отдадут под опеку нескольких ваших подданных до того, как те узнают причину их заключения или имя их обвинителя”.^[15]

До сих пор Палата общин ограничивалась вопросами, которые обсуждались неоднократно; они боялись затрагивать тему ереси в присутствии Защитника римской веры. Но среди них были евангелисты, которые были очевидцами страданий реформированных. Поэтому, рискуя оскорбить короля, Оратор смело выступил в защиту мнимых еретиков.

“Если обвиняемому обычно предъявляют обвинение в ереси, упомянутые ординарии задают ему такие тонкие вопросы о высоких тайнах нашей веры, которые способны быстро заманить в ловушку простого необразованного мирянина. И если какая-либо ересь была таким образом исповедана на словах, но никогда не совершалась мыслями или делами, они отправляют указанного человека на очищение. И если сторона, обвиняемая таким образом, отрицает обвинение, для того же самого привлекаются свидетели, не обладающие достаточной правдивостью или достоверностью, и передают сторону, обвиняемую таким образом, в руки мирян”.

Спикер не удовлетворился простым указанием на болезнь: “Мы смиреннейшим образом умоляем вашу светлость, в ком заключается единственное лекарство, по вашей доброте согласиться, чтобы, помимо горячей любви, которую ваше Высочество зародит в сердцах всех ваших подданных к вашей светлости, вы совершили самый благородный подвиг и явили самый милосердный прецедент, который когда-либо совершал суверенный лорд по отношению к своим подданным”.

Король выслушал петицию со свойственным ему достоинством, а также с определенной добротой. Он признал справедливые требования, содержащиеся в петиции Палаты общин, и увидел, насколько далеко они будут поддерживать религиозную независимость, к которой он стремился. Тем не менее, не желая принимать сторону ереси, он выбрал только самые вопиющие злоупотребления и пожелал, чтобы его верные прихожане взяли их исправление на себя. Затем он направил петицию епископам, требуя от них ответить на выдвинутые против них обвинения, и добавил, что отныне его согласие будет необходимо для придания силы закона актам Созыва.

Ответ епископов.

Это королевское послание было как гром среди ясного неба для прелатов. Что! епископы, преемники апостолов, обвиняемые представителями нации и требующие от короля оправдать себя как преступников!... Неужели палата общин Англии забыла, что такое священник? Эти гордые священнослужители думали только о неизгладимых добродетелях, которые, по их мнению, даровало им рукоположение, и закрывали глаза на пороки своей подверженной ошибкам человеческой природы. Мы можем понять их эмоции, их смущение и гнев. Реформация, которая совершила турне по континенту, была у ворот Англии; король стучался в их двери. Что нужно было сделать? Они не могли сказать. Они собрались и снова и снова перечитывали петицию. Архиепископ Кентерберийский и епископы Лондонский, Линкольнский, Сент-Асаф и Рочестерский придрались к этому и ответили на это. Они охотно бросили бы его в огонь, что, по их мнению, было лучшим ответом; но король ждал, и архиепископу Кентерберийскому было поручено просветить его.

Уорхэм принадлежал не к самой фанатичной партии; он был благоразумным человеком, и желание реформ едва оформилось в Англии, когда, будучи неуверенным и робким, он поспешил доставить определенное удовлетворение своей пастве, исправив злоупотребления, которые он санкционировал в течение тридцати лет.^[16] Но он был священником, римским священником; он представлял негибкую иерархию. Воодушевленный криками своих коллег, он решил произнести знаменитое *non possumus*, однако менее популярное в Англии, чем в Риме.

“Сир, - сказал он, - палата общин вашего величества упрекает нас в немилосердном поведении.... Напротив, мы любим их всей душой и осуществляем духовную юрисдикцию Церкви только в отношении лиц, зараженных губительным ядом ереси. Иметь мир с такими было против Евангелия нашего Спасителя Христа, в котором он говорит: *Я пришел принести не мир, но меч*.

“Палата общин вашей светлости жалуется, что духовенство ежедневно издает законы, противоречащие статутам вашего королевства. Мы черпаем свой авторитет из Священных Писаний Божьих и всегда будем усердно применять их, чтобы привести в соответствие с ними наши уставы; и мы молимся, чтобы ваше Высочество, с согласия вашего народа, соответствующим образом смягчили законы вашей Светлости; за этим последует самое надежное и сердечное соединение и согласие.

“Они обвиняют нас в том, что мы отправляемся в тюрьму до вынесения приговора по подозрению в ереси.... Истина заключается в том, что некоторые отступники, монахи, прелюбодейные священники, разорившиеся торговцы, бродяги и праздные люди с порочными намерениями приняли отвратительные мнения, недавно возникшие в Германии; и они соблазнили некоторых в простоте и невежестве. В отношении них, если суд был вынесен в соответствии с законами Церкви, мы ни в чем не виноваты.

“Они жалуются, что были допущены два свидетеля, пусть даже они никогда не были так опорочены, чтобы досаждать вашим подданным с риском для их жизни, позором, издержками и расходами.... На это мы отвечаем, что судья должен уважать качества свидетеля; но в случае ереси нет необходимости рассматривать исключения, если их рассказ правдоподобен. Это универсальный закон христианского мира, и он принес всеобщее благо.

“Они говорят, что мы даем пособия нашим племянникам и родственникам, находящимся в молодом возрасте или младенцах, и что мы пользуемся такими пособиями на время совершеннолетия наших упомянутых родственников. Если это делается для нашего собственного употребления и выгоды, это нехорошо; но если это посвящается воспитанию и использованию тех же самых групп или применяется для поддержания служения Богу, мы не видим ничего, кроме того, что это может быть разрешено ”.

Что касается нерегулярной жизни священников, прелаты отметили, что они осуждаются законами Церкви, и, следовательно, по этому поводу нечего сказать.

Наконец, епископы воспользовались возможностью перейти в наступление: “Мы умоляем вашу светлость пресечь ересь. Мы умоляем вас об этом, стоя на коленях, изо всех сил”.^[17]

Таково было положение римского католицизма в Англии. Его защиты было бы достаточно, чтобы осудить его.

ГЛАВА III. РЕФОРМЫ. (Конец 1529 г.)

Возмущение ответом.

Ответ епископов подвергся критике в королевской резиденции, в Палате общин, на собраниях горожан, на улицах столицы и в провинциях, повсюду вызвав живое возмущение. “Как!” воскликнули они. “Епископы обвиняют самых благочестивых и деятельных христиан Англии — таких людей, как Билни, Фрит, Тиндейл и Латимер, — в праздности и неправильности, примеры которых их монахи и священники постоянно показывают нам. Ни к чему Палате общин неоспоримо доказывать свои претензии, если епископы в ответ на печально известные факты выдвигают свою схоластическую систему. Мы осуждаем их практику, а они укрываются за своими теориями; как будто упрек, брошенный им, не заключался именно в том, что их жизнь противоречит их законам. ‘Вина не в Церкви’, - говорят они. Но мы обвиняем именно ее служителей”.

Возмущенный парламент смело взял топор, набросился на дерево и обрубил засохшие и гнилые ветви. Один законопроект следовал за другим, раздражая духовенство, но наполняя людей радостью. Когда обсуждался вопрос о взносах на наследство, один из депутатов нарисовал трогательную картину алчности и жестокости священников. “У них нет сострадания”, - сказал он. “Все дети умерших должны были бы умереть с голоду и просить милостыню, вместо того чтобы они из милосердия отдали бы им глупую корову, которую задолжал покойник, если бы у него была только одна”. В палате представителей поднялось возмущение, и они запретили духовенству брать какие-либо сборы за погребение, если последствия были незначительными.

“И это еще не все”, - сказал другой. “Духовенство монополизирует большие участки земли, а бедняки вынуждены платить непомерную цену за все, что они покупают. Они - все на свете, кроме проповедников Слова Божьего и пастырей душ. Они покупают и продают шерсть, ткани и другие товары; они держат кожевенные и пивоваренные заводы.... Как они могут выполнять свои духовные обязанности в разгар таких занятий?”^[18] Следовательно, духовенству было запрещено владеть большими поместьями или заниматься коммерческим бизнесом, кожевенным, пивоваренным и т. д. В то же время множественность бенефиций (некоторые невежественные священники имели до десяти или двенадцати) была запрещена, и было введено принудительное проживание. Палата общин далее постановила, что любой человек, ходатайствующий о разрешении на не проживание (даже если заявление подано самому папе римскому), должен быть подвергнут крупному штрафу.

Духовенство наконец осознало, что оно должно измениться. Они запрещали священникам содержать лавки и таверны, играть в кости или другие азартные игры, проезжать по городам и деревням с ястребами и гончими, присутствовать на неподобающих развлечениях и проводить ночь в подозрительных домах.^[19] Конвокация приступила к введению суровых наказаний за эти

нарушения, удвоив их за супружескую измену и утроив за инцест. Миряне спросили, как получилось, что Церковь так долго ждала, прежде чем принять это решение, и стали ли эти скандалы преступными только потому, что Палата общин осудила их?

Епископы обвиняют общественность.

Но епископы, реформировавшие низшее духовенство, не собирались отказываться от своих собственных привилегий. Однажды, когда в верхнюю палату был внесен законопроект, касающийся завещаний, архиепископ Кентерберийский и все остальные прелаты нахмурились, зашептались и беспокойно огляделись по сторонам.^[20] Они воскликнули, что Палата общин - еретики и раскольники, и чуть ли не называли их неверными и атеистами. Повсюду добрые люди требовали, чтобы мораль снова соединилась с религией и чтобы благочестие сводилось не просто к определенным церемониям, но к пробуждению совести, живой вере и святому поведению. Епископы, не понимая, что в то время в мире совершалась Божья работа, были полны решимости поддерживать древний порядок вещей любым риском.

Их усилия имели некоторые шансы на успех, поскольку Палата лордов была по сути консервативной. Епископ Рочестерский, искренний, но ограниченный человек, полагающийся на уважение, внушаемое его возрастом и характером, смело выступил в качестве защитника Церкви. “Милорды, ” сказал он, - эти законопроекты не имеют никакой другой цели, кроме разрушения Церкви; и, если Церковь падет, вся слава королевства падет вместе с ней. Вспомните, что случилось с богемцами. Подобно им, наша община кричит: ‘Долой Церковь!’ Откуда исходит этот крик? Просто от недостатка веры.... Милорды, спасите страну, спасите Церковь”.

Эта речь вызвала сильное возмущение в палате общин. Некоторые члены Палаты думали, что епископ отрицает, что они христиане. Они послали тридцать своих ведущих людей к королю. “Сир, ” сказал Оратор, - это посягательство на честь вашего величества - клеветать перед верхней палатой на тех, кого избрали ваши подданные. Их обвиняют в неверии, то есть в том, что они ничем не лучше турок, сарацин и язычников. Будьте рады вызвать к себе епископа, который оскорбил вашу общину”.

Король дал милостивый ответ и немедленно послал одного из своих офицеров пригласить архиепископа Кентерберийского, епископа Рочестерского и шестерых других прелатов предстать перед ним. Они пришли, весьма обеспокоенные тем, что принц может им сказать. Они знали, что, как и все плантагенеты, Генрих VIII. не допустит, чтобы его духовенство сопротивлялось ему. Как только король сообщил им о жалобе, поданной палатой общин, их сердца упали, и они пали духом. Они думали только о том, как избежать гнева принца, и самый почитаемый среди них Фишер, прибегнув ко лжи, утверждал, что, говоря о “недостатке веры”, он думал не о палате общин Англии, а только о Богеме. Другие прелаты подтвердили это недопустимое толкование. Это был более серьезный проступок, чем сам проступок, и недостойное уклонение стало поражением клерикальной партии, от которого они так и не оправались. Король допустил это оправдание, но впоследствии заставил епископов почувствовать, как мало уважения он к ним питал. Что касается Палаты общин, то она громко выразила презрение, вызванное в ней уловкой епископов.

У них все еще оставался один шанс на спасение. Смешанные комитеты двух палат рассмотрели резолюции Палаты общин. Пэры, особенно церковные пэры, выступили против реформы,

апеллируя к обычаю. “Обычай! - иронически заметил юрист из Грейз-инн. - у воров всегда был обычай грабить на Шутерс-хилл, следовательно, это законно и должно соблюдаться!” Это замечание сильно разозлило прелатов: “Что? наши действия сравниваются с грабежами!” Но юрист, обращаясь к архиепископу Кентерберийскому, всерьез пытался доказать ему, что взыскания духовенства в вопросах завещаний и моргов были открытым грабежом. Светские лорды постепенно приняли мнение Общины.

В разгар этих дебатов король не упускал из виду свои собственные интересы. Шесть лет назад он собрал заем у своих подданных; он считал, что парламент должен освободить его от этого долга. Этому требованию воспротивились члены парламента, наиболее преданные принципам Реформации; в частности, Джон Пети, друг Билни и Тиндейла, заявил в парламенте: “Я отдаю королю все, что я ему одолжил; но я не могу дать ему то, что ему одолжили другие”. Генрих, однако, не был обескуражен и в конце концов добился требуемого акта.

Плюрализм отменен.

Король вскоре показал, что доволен Палатой общин. Два законопроекта встретили жесткое противодействие со стороны лордов; это были законопроекты об отмене плюрализма и отказа от проживания. Эти два обычая были настолько удобны и выгодны, что духовенство решило не отказываться от них. Генрих, видя, что два дома никогда не придут к согласию, решил устранить затруднение. По его желанию восемь членов от каждого встретились однажды днем в Звездной палате. Состоялась оживленная дискуссия; но лорды-миряне, присутствовавшие на конференции вместе с палатой общин, и епископы были вынуждены уступить. Оба законопроекта были приняты лордами на следующий день и получили одобрение короля. После этого триумфа король объявил перерыв в работе парламента в середине декабря.

Различные реформы, которые были проведены, были важны, но они не были Реформацией. Многие злоупотребления были исправлены, но доктрины остались неизменными; власть духовенства была ограничена, но авторитет Христа не возрос; сухие ветви дерева были срезаны, но к дикому побегу не был привит отпрыск, способный приносить хорошие плоды. Если бы дело остановилось на этом, мы, возможно, получили бы Церковь с менее отталкивающей моралью, но не со святым учением и новой жизнью. Но Реформация не удовлетворилась более благопристойными формами, она потребовала второго творения.

В то же время парламент сделал большой шаг навстречу революции, которая должна была преобразовать Церковь. Новая власть заняла свое место в мире: миряне восторжествовали над духовенством. Несомненно, были честные католики, которые дали свое согласие с законами, принятыми в 1529 году; но, тем не менее, эти законы были продуктом Реформации. Именно это вдохновило мирян на новую энергию, парламент - на смелые действия и придало свободам нации тот импульс, которого они до сих пор ждали. Радость была велика по всему королевству; и, в то время как король отправился в Гринвич, чтобы отпраздновать там Рождество “с большим количеством яств, переодеваний и интермедий”, членов Палаты общин приветствовали в городах и деревнях публичными ликованиями.^[21] В глазах народа их представители были похожи на солдат, только что одержавших блестящую победу. Только духовенство во всей Англии было подавлено и раздражено. Вернувшись в свои резиденции, епископы не могли скрыть своей тревоги по поводу опасности, нависшей над Церковью.^[22] Священники, которые были первыми жертвами, принесенными на алтарь реформы, склонили головы. Но если духовенство предвидело дни траура, то миряне с радостью приветствовали славную эпоху

народных свобод и величия Англии. Друзья Реформации пошли еще дальше; они верили, что Евангелие произведет полное изменение в мире, и говорили, как сообщает нам Тиндейл, “как будто золотой век наступит снова”.^[23]

ГЛАВА IV. ОТЕЦ АННЫ БОЛЕЙН ПЕРЕД ИМПЕРАТОРОМ И ПАПОЙ РИМСКИМ. (Зима 1530 года.)

Прежде чем эти славные надежды могли осуществиться, необходимо было освободить Великобританию от ига римского господства. Это была цель, к которой стремились все великодушные монахи; но поможет ли им король?

Мотивы Генри.

Генрих VIII. Сочетал силу тела с силой воли; и то, и другое было отмечено в его мужественной фигуре. Живой, деятельный, страстный, неистовый, нетерпеливый и сладострастный — кем бы он ни был, он был всей своей душой. Сначала он всем сердцем болел за Римскую церковь; он совершал паломничества босиком, писал против Лютера и льстил папе. Но вскоре он устал от Рима, не стремясь к Реформации. Будучи глубоко эгоистичным, он заботился только о себе. Если папское господство оскорбляло его, то евангелическая свобода раздражала. Он намеревался оставаться хозяином в своем собственном доме, единственным хозяином и повелителем над всеми. Даже без развода Генрих, возможно, отделился бы от Рима. Вместо того чтобы терпеть какие-либо противоречия, этот необычный человек предавал смерти друзей и врагов, епископов и миссионеров, государственных министров и фаворитов — даже своих жен. Таков был принц, которого Реформация признала королем Англии.

Однако история была бы несправедлива, если бы утверждала, что только эта страсть побуждала его к действию. Вопрос о престолонаследии на протяжении столетия наполнял страну смутой и кровью. Этого Генрих забыть не мог. Возобновится ли борьба двух Алых роз после его смерти, что, возможно, приведет к разрушению древней монархии? Если Мария, принцесса хрупкого здоровья, умрет, Шотландия, Франция, партия Белой Розы, герцог Саффолк, жена которого была сестрой Генриха, могут втянуть королевство в бесконечные войны. И даже если бы дни Марии продлились, ее право на корону могло быть оспорено, поскольку ни одна женщина-монархиня еще не восседала на троне. Другой ход мыслей также занимал голову короля. Он искренне поинтересовался, был ли законным его брак с вдовой его брата. Еще до его заключения он испытывал сомнения по этому поводу. Но даже его защитники, если таковые имеются, должны признать, что одно обстоятельство в то время придавало необычную силу этим сомнениям. Страсть побудила короля разорвать священные узы; он полюбил другую женщину.

Католические авторы полагают, что этот мотив вины был единственным. Это ошибка, поскольку два первых бесспорно занимали мысли Генриха. Что касается парламента и народа, любовь короля к Анне Болейн затронула их очень мало. Государственные соображения заставили их считать развод справедливым и необходимым.^[24]

В то время в Болонье с большой помпой заседал конгресс.^[25] 5 ноября Карл V. прибыв из Испании, въехал в город в сопровождении великолепной свиты и 20 000 солдат. Он был покрыт золотом и сиял изяществом и величием. Папа ждал его перед церковью Сан-Петронио, восседаая на троне, и надев тройную корону. Император, повелитель Италии, которую его солдаты превратили в последнее опустошение,^[26] пал ниц перед понтификом, но в последнее время был его пленником. Союз этих двух монархов, обоих врагов Генриха VIII, казалось, был обречен на разорение короля Англии и срыв его великого дела.

Посольство Генриха в Рим.

И все же незадолго до этого в Уайтхолле был принят посол Карла V. Это был магистр Юстас Шаппюи, который уже выполнял миссию в Женеве.^[27] Он пришел просить помощи против турок. Генрих ухватился за этот шанс: он вообразил, что момент благоприятен и что ему следует отправить посольство к главе империи и Церкви. Он послал за графом Уилтширским, отцом Анны Болейн; Эдвардом Ли, впоследствии архиепископом Йоркским; Стокли, впоследствии епископом Лондонским, и некоторыми другими. Он сказал им, что император желает его союза, и поручил им отправиться в Италию и объяснить Карлу V. серьезные мотивы, побудившие его расстаться с Екатериной. “Если он будет упорствовать в своей несогласии с разводом, - продолжал Генри, - пригрозите ему, но в завуалированных выражениях. Если угрозы окажутся бесполезными, скажите ему прямо, что, как и мои друзья, я сделаю все, что в моих силах, чтобы успокоить мою беспокойную совесть”. Он добавил более спокойно: “Я решил бояться Бога больше, чем людей, и полностью полагаться на утешение Спасителя”.^[28] Был ли Генри искренен, когда говорил так? Никто не может сомневаться в его чувственности, его схоластическом католицизме и его жестоком насилии: должны ли мы также верить в его лицемерие? Он, без сомнения, пребывал в заблуждении и обманывался относительно состояния своей души.

К депутации присоединился важный член. Однажды, когда король был занят этим делом, в дверях его кабинета появился Томас Кранмер с рукописью в руке. Кранмер обладал тонким пониманием, горячим сердцем, характером, возможно, слишком слабым, но обширной образованностью. Очарованный Священным Писанием, он не желал искать истину нигде больше. Он предложил Генриху VIII новую точку зрения. “Главное, - сказал он, - знать, чему учит Слово Божье по рассматриваемому вопросу”. “Покажи мне это”, - воскликнул король. Кранмер принес ему свой трактат, в котором доказывал, что Слово Божье выше всякой человеческой юрисдикции и что оно запрещает брак с вдовой брата. Генри взял работу в руки, перечитал ее снова и снова и похвалил ее превосходство. Ему в голову пришла блестящая идея. “Достаточно ли вы сильны, чтобы отстаивать перед римским епископом положения, изложенные в этом трактате?” - спросил король. Кранмер был робок, но убежден и предан делу. “Да, - ответил он, - с Божьей милостью и если ваше величество прикажет”. “Тогда женись, - воскликнул Генрих с восторгом, - я пошлю тебя”.^[29] Кранмер отбыл вместе с остальными в январе 1530 года.

Тревога Клементя.

В то время как послы Генриха медленно разъезжались, Карл V., более чем когда-либо возмущенный разводом, попытался заручиться поддержкой папы римского. Климент VII, который был умным человеком и обладал определенным добрым чувством юмора, но в глубине души был хитрым, лживым и трусливым, забавлял могущественного императора словами. Когда он узнал, что король Англии отправляет к нему посольство, его охватила глубочайшая печаль.

Что ему оставалось делать? каким путем он мог обратиться? Раздражать императора было опасно; отделить Англию от Рима означало бы понести большие потери. Оказавшись между Карлом V и Генрихом VIII, он громко застонал; он ходил взад и вперед по своей комнате, жестикулируя; затем внезапно остановился, опустился в кресло и разрыдался. У него ничего не получалось: он думал, что его как будто околдовали. Какая была необходимость королю Англии посылать к нему посольство? Разве Климент не сказал Генриху через епископа Тарбского: “Я согласен, что брак должен состояться, при условии, что это будет без моего разрешения”.^[30] Это было бесполезно: папа просил его обойтись без папства, и король действовал только в соответствии с этим. Он был более папистским, чем папа.

В довершение своих несчастий Карл начал оказывать на понтифика более серьезное давление, и, уступив его настойчивости, Климент 7 марта составил меморандум, в котором приказал Генриху “принять Екатерину с любовью и относиться к ней во всем с любовью мужа”.^[31] Но едва была написана сводка, как было объявлено о прибытии английского посольства. Встревоженный папа римский немедленно положил документ обратно в свой портфель, пообещав себе, что пройдет много времени, прежде чем он его опубликует.

Как только английские посланники разместились в Болонье, послы Франции пришли засвидетельствовать свое почтение. Де Грамон, епископ Тарбский, был преисполнен вежливости, особенно по отношению к графу Уилтширскому. “Я оказал большое уважение месье де Рошфору”, - писал он своему хозяину 28 марта. “Я вышел ему навстречу. Я часто навещал его в его квартире. Я приветствовал его и предложил ему свои просьбы и услуги, сказав, что таковы были ваши приказы”.^[32] Климент VII поступил иначе: прибытие графа Уилтширского и его коллег вызвало у него тревогу. И все же он должен решиться принять их: он назначил день и час аудиенции.

Генрих VIII. пожелал, чтобы его представители явились с большой помпой, и, соответственно, посол и его коллеги пошли на большие расходы с этой целью.^[33] Уилтшир первым вошел в зал для аудиенций; будучи отцом Анны Болейн, он был назначен королем человеком во всей Англии, наиболее заинтересованным в успехе своих планов. Но Генрих плохо рассчитал: личная заинтересованность графа в разводе сделала его ненавистным как Карлу, так и Клементу. Папа, одетый в папскую мантию, восседал на троне в окружении своих кардиналов. Послы приблизились, произнесли обычные приветствия и встали перед ним. Понтифик, желая выразить свои добрые чувства к посланцам “*Защитника веры*”, согласно обычаю, снял свою туфлю, любезно подставив ее для поцелуев этих гордых англичан. Восстание вот-вот должно было начаться. Граф, оставаясь неподвижным, отказался поцеловать туфельку его святейшества. Но это было еще не все; прекрасный спаниель с длинной шелковистой шерстью, которого Уилтшир привез из Англии, последовал за ним в епископальный дворец. Когда епископ Рима выставил ногу, пес сделал то, что сделали бы другие собаки при аналогичных обстоятельствах: он бросился на ногу и схватил папу за большой палец ноги.^[34] Клемент поспешно вернул ее обратно. Возвышенное граничит со смешным: послы, заливаясь смехом, подняли руки и спрятали лица за длинными богатыми рукавами. “Эта собака была *протестанткой*”, - сказал преподобный отец. “Кем бы он ни был, - сказал один англичанин, - он научил нас, что ногу папы больше заслуживают того, чтобы ее кусали собаки, чем целовали христиане”. Папа, оправившись от волнения, приготовился слушать, а граф, вновь став серьезным, объяснил понтифику, что Священное Писание запрещает мужчине жениться на жене своего брата, Генриха VIII. потребовал от него аннулировать как незаконный его союз с

Екатериной Арагонской. Поскольку Климент, казалось, не был убежден, посол умело намекнул, что король, возможно, объявит себя независимым от Рима и поставит британскую церковь под руководство патриарха. “Этому примеру, - добавил посол, - непременно будут подражать другие королевства христианского мира”.^[35]

Взволнованный папа пообещал не подавать иск в Рим при условии, что король откажется от идеи реформирования Англии. Затем, напустив на себя самый любезный вид, он предложил представить посла Карлу V. Это давало Уилтширу шанс получить резкий отпор. Граф видел это, но долг обязывал его посоветоваться с императором, и он принял предложение.

Отец Анны Болейн отправился на аудиенцию к племяннику Екатерины Арагонской. Представители двух женщин, чьи соперничающие интересы взбудоражили Европу, эти двое мужчин не могли встретиться без столкновения. Правда, граф льстил себя надеждой, что, поскольку в интересах Карла было разлучить Генриха с Франциском I., этот флегматичный и политичный принц, конечно же, не пожертвовал бы самыми серьезными интересами своего правления ради сантиментов; но он был обманут. Император принял его со спокойным и сдержанным видом, но без каких-либо любезных проявлений. Посол искусно начал с разговора о турецкой войне; затем, искусно перейдя к положению в королевстве Англии, он указал на государственные причины, которые сделали развод необходимым. Тут Чарльз резко остановил его: “Господин граф, вам нельзя доверять в этом деле; вы являетесь его участником; позвольте высказаться вашим коллегам”. Граф ответил с почтительной холодностью: “Сир, я говорю здесь не как отец, а как слуга моего господина, и мне поручено сообщить вам, что его совесть осуждает союз, противоречащий закону Божьему”.^[36] Затем он предложил Чарльзу немедленную реституцию приданого Кэтрин. Император холодно ответил, что поддержит свою тетю в ее правах, а затем резко повернулся к послу спиной и отказался его больше слушать.^[37]

Таким образом, Карл, который всю свою жизнь был искусным политиком, поставил в этом вопросе дело справедливости выше интересов своего честолюбия. Возможно, он мог потерять важного союзника; это не имело значения; прежде всего он защитил бы женщину, с которой недостойно обошлись. В этом случае мы испытываем больше сочувствия к Карлу, чем к Генриху. Возмущенный император поспешно покинул Болонью 22 или 24 февраля.

Граф поспешил к своему другу г-ну де Грамону и, рассказав о том, как с ним обошлись, предложил, чтобы короли Франции и Англии объединились самыми тесными узами. Он добавил, что Генрих не мог принять Климента в качестве своего судьи, поскольку тот сам заявил, что не знаком с законом Божьим.^[38] “В Англии, “ сказал он, ” три или четыре месяца будет тихо. Сидя в бальном зале, она будет наблюдать за танцующими и примет свое решение в зависимости от того, хорошо они танцуют или плохо”.^[39] Политическое правило, которому часто следовали.

Политика Грамонта.

Грамон был готов выступить заодно с Генрихом против императора, но, как и его хозяин, он не мог решиться обойтись без папы. Он стремился побудить Климента присоединиться к двум королям и отказаться от Карла; в противном случае — как он, в свою очередь, намекал — Англия отделится от Римской церкви. Это означало рисковать потерей Западной Европы, и, соответственно, папа ответил с большим беспокойством: “Я сделаю то, о чем вы просите”.

Однако была оговорка, а именно, что шаги, открыто предпринятые папой, абсолютно ничего не решат.

Климент еще раз принял посла Генриха VIII. Граф захватил с собой книгу, в которой Кранмер доказывал, что папа не может никого лишить соблюдения закона Божьего, и подарил ее папе. Последний взял ее и пробежал глазами, по его виду было видно, что тюрьма не могла быть для него более неприятной, чем этот дерзкий том.^[40] Граф Уилтширский вскоре обнаружил, что в Италии ему делать нечего. Карл V, обычно такой сдержанный, перед своим отъездом высказал самые горькие замечания. Его канцлер с видом триумфатора перечислил английскому послу всех богословов Италии и Франции, которые выступали против воли короля. Папа казался марионеткой, которой император двигал по своему усмотрению, а кардиналы преследовали только одну цель — возвеличить римскую власть. Уставший и испытывающий отвращение, граф отбыл во Францию и Англию вместе с большей частью своих коллег.

Кранмер остался позади. Будучи послан показать Клименту, что Священное Писание выше всех римских понтификов и говорит на языке, совершенно противоположном языку пап, он не раз просил аудиенции, на которой мог бы выполнить свою миссию. Коварный понтифик ответил, что выслушает его в Риме, полагая, что таким образом откладывает его выступление до греческих календарей. Но Климент был обманут; английский врач, решив выполнить свой долг, отказался ехать в Лондон с остальными членами посольства и отправился в католическую метрополию.

ГЛАВА V. ДИСКУССИИ О РАЗВОДЕ В ОКСФОРДЕ И КЕМБРИДЖЕ. (Зима 1530 г.)

Отъезд Уилтшира.

В то же самое время, когда Генрих отправил послов в Италию за согласием папы, он призвал все университеты христианского мира заявить, что вопрос о разводе имеет божественное право и что папе нечего сказать по этому поводу. По его мнению, решение должен принимать всеобщий голос Церкви, а не голос одного человека.

Сначала он попытался провести опрос в Кембридже, и, поскольку ему нужен был опытный человек для этой цели, он обратился к старому слуге Вулси, Стивену Гардинеру, умному, активному, хитрому церковнику и доброму католику. Только одно было выше его католицизма — его желание завоевать расположение короля. Он стремился подняться, подобно кардиналу, на вершину величия. Генри назвал своим коллегой главного благотворителя Эдварда Фокса.

Прибыв в Кембридж однажды в субботу около полудня во второй половине февраля, королевские уполномоченные провели вечернее совещание с вице-канцлером (доктором Бакмастером), доктором Эдмундсом и другими влиятельными людьми, которые решили присоединиться ко двору. Но эти врачи, члены политической партии, вскоре обнаружили, что им мешает сомнительная поддержка, на которую они не рассчитывали; это была поддержка

друзей Евангелия. Их убедила статья, опубликованная Кранмером о разводе. Гардинер и члены конференции, услышав о помощи, которую евангелисты хотели им оказать, сначала были раздосадованы. С другой стороны, защитники римского двора, встревоженные союзом двух оппозиционных им партий, в ту же ночь начали посещать колледж за колледжем, не оставляя камня на камне, чтобы предотвратить опасность. Гардинер, обеспокоенный их рвением, писал Генриху VIII: "Когда мы собирались, собирались и они; когда мы заводили друзей, они заводили друзей".^[41] Доктор Ватсон, доктор Томсон и другие фанатичные личности в одно время кричали очень громко, в другое говорили шепотом.^[42] Они сказали, что Анна Болейн была еретичкой, что ее брак с Генрихом передаст Англию Лютеру; и они рассказали тем, кого хотели заполучить, — писал Гардинер королю, — "много басен, слишком утомительных, чтобы повторять их вашей светлости". Эти "басни" не только наскучили бы Генри, но и сильно разозлили бы его.

Шумная встреча.

Вице-канцлер, лстя себя надеждой, что, несмотря на эти крики, у него большинство голосов, созвал собрание докторов, бакалавров богословия и магистров искусств на вторую половину воскресного дня. Собралось около двухсот человек, и отчетливо выделялись три партии. Самыми многочисленными и возбужденными были те, кто выступал за папу против короля. Евангелисты были в меньшинстве, но были столь же решительны, как и их противники, и гораздо спокойнее. Политикам, обеспокоенным тем, что друзья Латимера и Кранмера склонны голосовать вместе с ними, пришлось бы, однако, принять их поддержку, если бы они хотели одержать победу. Они решили воспользоваться предоставленной им возможностью. 'Самые ученые сенаторы,' сказал вице-канцлер, - я созвал вас, потому что великая любовь, которую король питает к вам, побуждает меня обратиться к вашей мудрости'. После этого Гардинер и Фокс передали письмо, которое передал им Генри, и вице-канцлер зачитал его собравшимся. В нем король выразил надежду увидеть единодушие докторов в том, что они сделают то, что ему нравится. Начались обсуждения, и вскоре вопрос о разрыве с Римом стал отчетливо вырисовываться за вопросом о разводе. Эдмундс говорил от имени короля, Томсон - от имени папы римского. Произошел обмен антагонистическими мнениями и разлад идей среди многих; ораторы разгорячились; один голос заглушал другой, и неразбериха стала крайней.^[43]

Вице-канцлер, желая положить конец шумихе, предложил передать этот вопрос в комитет, решение которого следует рассматривать как решение всего университета, с которым было принято. Затем, более ясно видя, что королевское дело не может увенчаться успехом без помощи евангелической партии, он предложил некоторых из ее лидеров — докторов Сэлкота, Репса, Кроума, Шэкстона и Латимера — в качестве членов комитета. Услышав эти имена, на собрании раздался взрыв ропота. Сэлкот, настоятель больницы Святого Бенета, был особенно оскорбителен по отношению к врачам римской партии. 'Мы протестуем,' заявили они, 'против присутствия в комитете тех, кто одобрил книгу Кранмера и, таким образом, уже высказал свое мнение'. 'Когда о каком-либо деле говорят по всему королевству,' ответил Гардинер, - нет ни одного разумного человека, который не высказал бы своим друзьям все, что он об этом думает'. Весь день прошел в оживленных препирательствах. Вице-канцлер, желая положить этому конец, сказал: "Джентльмены, становится поздно, и я приглашаю каждого занять свои места и высказать свое мнение тайным голосованием".^[44] Это было бесполезно; никто не занял своего места; неразбериха, упреки и декламации продолжались. С наступлением темноты вице-канцлер отложил заседание до следующего дня. Врачи расстались в большом волнении, но с разными чувствами. В то время как политики не видели ничего другого для обсуждения, кроме

вопроса о женитьбе короля, евангелисты и паписты считали, что реальный вопрос заключается в следующем: что будет править в Англии — Реформация или папство?

На следующий день, когда имена членов комитета были поставлены на голосование, участники заседания разделились на две равные части. Чтобы получить большинство голосов, Гардинер предпринял попытку убрать с дороги некоторых своих противников. Расхаживая взад и вперед по зданию Сената, он начал нашептывать что-то на ухо некоторым из менее решительных; и, внушив им то ли надежду, то ли страх, он убедил некоторых покинуть заседание.^[45]

Затем милость была поставлена на голосование в третий раз и принята. Гардинер одержал победу. Вернувшись в свою комнату, он отправил список королю. Шестнадцать членов комитета, обозначенных буквой "А", были благосклонны к его величеству. "Что касается двенадцати других, - писал он, - мы надеемся выиграть большинство из них *хорошими средствами*". Комитет собрался и удовлетворил королевское требование. Они тщательно изучили отрывки из Священного Писания, пояснения переводчиков и высказали свое мнение.^[46] Затем последовало общественное обсуждение. Гардинер не был лишен страха; поскольку там могли быть умелые нападающие и неуклюжие защитники, он искал людей, способных достойно защищать королевское дело. Примечательным обстоятельством было то, что, минуя традиционных врачей, он добавил к защите, лидерами которой были он и Фокс, двух врачей-евангелистов, Салкота, настоятеля церкви Святого Бенета, и представителя. Политическую часть вопроса он оставил за своим коллегой и за собой; но, несмотря на весь свой католицизм, он желал, чтобы на первое место были поставлены библейские доводы. Обсуждение велось с большой тщательностью,^[47] и победа осталась за чемпионами короля.

Большинство за короля.

9 марта, когда доктора, профессора и магистры встретились после вечерни в монастырском зале, вице-канцлер сказал: "Нам показалось совершенно очевидным, наиболее соответствующим Священному Писанию и мнениям комментаторов, что женитьба мужчины на вдове своего брата, умирающего бездетным, противоречит божественному и естественному закону".^[48] Таким образом, Священное Писание действительно, если не прямо, было объявлено Кембриджским университетом высшим и единственным правилом христиан, а противоположные решения Рима считались не имеющими обязательной силы. Слово Божье было отомщено за долгое презрение, которому оно подвергалось, и, после того как было поставлено ниже слова папы, теперь было восстановлено на своем законном месте. В этом вопросе Кембридж был прав.

Письмо короля в Оксфорд.

Следующим шагом было необходимо попробовать Оксфорд. Здесь оппозиция была сильнее, и папистская партия надеялась на победу. Генри поручил Лонгленду, епископу Линкольна и ректору университета, взяться за это дело; к нему присоединились доктор Белл, а впоследствии и Эдвард Фокс, главный раздащик милостыни. Король, обеспокоенный результатами переговоров и желая любой ценой добиться благоприятного решения, передал Лонгленду письмо для университета, в каждом слове которого сквозил неприкрытый деспотизм. 'Мы желаем и повелеваем вам, ' сказал он, - чтобы вы, не склоняясь к своевольным и зловещим мнениям ваших собственных отдельных умов, считая, что мы являемся вашим суверенным сеньором, и полностью отдавая свою привязанность истинным попыткам божественного

обучения в этом направлении, демонстрировали и заявляли о своей истинной и справедливой учености в упомянутом деле.... И мы, за то, что вы так поступаете, будем для вас и для нашего университета там такими добрыми и милостивыми господами за то же самое, что и вы, поскольку вы увидите, что это хорошо сделано в вашем грядущем благополучии. И в случае, если вы не будете вести себя здесь честно, мы так быстро и пристально рассмотрим ваш неестественный проступок здесь, что в дальнейшем это не повлияет на ваше спокойствие и непринужденность.... Приспосабливайтесь к простой истине; уверяю вас, что те, кто это делает, будут уважаемы и выдвинуты, а противоположным пренебрегут и мало что сделают.... Мы не сомневаемся, что ваше решение доставит нам большое удовольствие".

Это королевское послание вызвало большой переполох в университете. Некоторые раболепно склонили головы, поскольку король говорил с жезлом в руке. Другие заявляли, что их убеждают политические причины, и говорили, что у Генриха должен быть наследник, право которого на трон не может быть оспорено. И, наконец, некоторые были убеждены, что Священное Писание благоприятствует королевскому делу. Все мужчины в возрасте и с образованием, а также все, у кого были способности или честолюбие, высказались за развод. Тем не менее вскоре возникла серьезная оппозиция.

Молодые члены Сената с энтузиазмом относились к Екатерине, Церкви и папе римскому. Их богословское образование было несовершенным; они не могли вникнуть в суть вопроса, но они судили сердцем. Видеть угнетенную католичку, видеть презираемый Рим распаляло их гнев; и если старшие члены церкви утверждали, что их точка зрения более разумна, то младшие считали свою более благородной. К несчастью, когда выбор лежит между полезным и великодушным, полезное обычно побеждает. Тем не менее, молодые врачи не были готовы уступить. Они говорили — и не ошибались, — что религия и мораль не должны приноситься в жертву государственным соображениям или страстям правителей. И, видя призрак Реформы, скрытый за призраком развода, они считали себя призванными спасти Церковь. 'Увы!' сказали королевские делегаты, епископ Линкольнский и доктор Белл, 'увы! мы находимся в постоянном замешательстве и не можем с какой-либо уверенностью предвидеть, чем закончится это дело'.^[49]

Они согласились с главами факультетов, что для подготовки университета в школах богословия должны быть торжественно проведены три публичных диспута. Таким образом они надеялись выиграть время. "Такие диспуты, - говорили они, - являются очень почетным средством развлечь толпу, пока мы не будем уверены в согласии большинства".^[50] Состоялись обсуждения, и младшие учителя, каждый день договариваясь о том, что нужно было сделать или сказать, выражали всю теплоту своих чувств.

Когда известие об этих оживленных дискуссиях дошло до Генриха, его недовольство вырвалось наружу, а те, кто находился непосредственно рядом с ним, раздули его негодование. 'Большая часть молодежи нашего университета, - сказал король, - отличающаяся склочными манерами, ежедневно объединяется"... Придворные, вместо того чтобы умерить его гнев, вызвали его гнев. Каждый день, сказали они ему, эти молодые люди, невзирая на свой долг по отношению к своему государю и не соглашаясь с мнениями самых добродетельных и образованных людей университета, собираются вместе, чтобы обсудить взгляды его величества и выступить против них. "Видано ли когда-нибудь, - воскликнул король, - чтобы такое количество достойных малого образования удерживало своих старших в столь важном деле?"^[51] Генри в раздражении

написал главам палат: *"Не существует бонума, раздражающего крабоедов"*. Нехорошо ворошить осиное гнездо. Эта угроза еще больше взволновала молодежь: если кого-то термин 'шершень' позабавил, других он разозлил. В жаркую погоду шершень (король) гоняется за более слабыми насекомыми; но шум, который он издает при полете, предупреждает их, и малыши убегают от него. Генри не мог скрыть своей досады; он боялся, что маленькие мушки окажутся сильнее большого шершня. Ему было не по себе в своем Виндзорском замке, и дерзкое сопротивление Оксфорда преследовало его повсюду, куда бы он ни направлял свои шаги — на террасе, в обширном парке и даже в королевской часовне. "Как! - воскликнул он. - неужели этот университет посмеет показать себя более жестоким и своенравным, чем все другие университеты, за границей или дома?"^[52] Кембридж признал право короля, а Оксфорд отказался.

Желая покончить с этим делом, Генрих вызвал Щедрого на милостыню Фокса в Виндзор и приказал ему повторить в Оксфорде победу, одержанную им в Кембридже. Затем он продиктовал своему секретарю письмо к непокорным: "Мы не можем ни в малейшей степени удивляться тому, что вы, не имея уважения к нашему сословию, будучи вашим принцем и суверенным сеньором, все же помня о тех благодеяниях, которые мы всегда оказывали вам, до сих пор отказывались исполнить наше желание. Не позволяйте больше личному голосованию светлых и своевольных голов преобладать над образованными. Своим усердием исправьте ошибки и задержки прошлого.

"Дано под нашей печатью в нашем виндзорском замке".^[53]

Фоксу было доверено это письмо.

Лорд-распорядитель милостыни и епископ Линкольнский немедленно созвали молодых преподавателей университета и заявили, что дальнейшее сопротивление может привести к их гибели. Но оксфордскую молодежь не испугали угрозы насилия. Едва Линкольн закончил, как несколько магистров искусств громко запротестовали. Некоторые даже говорили 'очень злобно'. Не позволяя такому бунту остановить себя, епископ приказал провести голосование. Двадцать семь человек проголосовали за короля, двадцать два - против. Королевские уполномоченные еще не были удовлетворены; они собрали все факультеты и предложили членам высказать свое мнение по очереди. Это многих напугало, и только у восьми или десяти хватило смелости открыто заявить о своем несогласии. Епископ, ободренный таким результатом, распорядился провести окончательное голосование путем тайного голосования. Секретность придала смелости многим из тех, кто не осмеливался заговорить; и, хотя тридцать один проголосовал за развод, двадцать пять выступили против. Это не имело большого значения, поскольку два прелата имели большинство. Они немедленно составили устав от имени университета и отправили его королю. После чего епископ, гордый своим успехом, отслужил торжественную мессу сошествия Святого Духа.^[54] Однако Святому Духу не уделялось особого внимания в этом бизнесе. Одни повиновались князю, другие - папе; и если мы хотим найти тех, кто повиновался Христу, мы должны искать их в другом месте.

Евангельское мужество Латимера.

Кембриджский университет был первым, кто направил Генри свое представление. В воскресенье перед Пасхой (1530) вице-канцлер Бакмастер прибыл в Виндзор до полудня. Суд находился в часовне, где проповедовал Латимер, недавно назначенный одним из королевских

капелланов. Вице-канцлер зашел во время службы и услышал часть проповеди. Латимер сильно отличался от раболепствующих придворных Генриха. Он не побоялся даже напасть на тех своих коллег, которые не выполнили свой долг: 'Это не благочестивый проповедник, который промолчит и не ударит вас своим мечом за то, что вы снова курите.... Капелланы не будут выполнять свои обязанности, а скорее будут лстить. Но что за этим последует? Вступив в брак, они понесут Божье проклятие на свои головы за свой труд. Министр должен обличать, не боясь никого, даже если ему грозит смерть".^[55] Латимер был особенно смелым во всем, что касалось ошибок Рима, совершенных Генрихом VIII. желал сохранить Англиканскую церковь. 'Нечестивые люди (сказал он), люди, презирующие Бога, кричат: "Мы крещены, следовательно, мы спасены". Жениться, креститься и не повиноваться Божьим заповедям - значит быть хуже турок! Возрождение исходит из Слова Божьего. Именно веря этому Слову, мы рождаемся свыше".^[56]

Так говорил один из отцов британской реформации: таково истинное учение Англиканской церкви; противоположное учение - всего лишь пережиток папизма.

Когда прихожане покидали часовню, вице-канцлер поговорил с секретарем (Кромвелем) и ректором и рассказал им о причине своего визита. Король прислал сообщение, что примет депутацию после вечерней службы. Желая придать определенное значение решению университетов, Генрих приказал всему двору собраться в зале для аудиенций. Вице-канцлер вручил письмо королю, который остался им очень доволен. 'Спасибо, господин вице-канцлер, - сказал он. - Я очень одобряю то, как вы справились с этим делом. Я передам вашему университету знаки моего удовлетворения....Вы слышали проповедь мистера Латимера, - добавил он, которую очень высоко оценил, и затем удалился. Герцог Норфолк, подойдя к вице-канцлеру, сказал ему, что король желает видеть его на следующий день.

На следующий день доктор Бакмастер, верный назначению, прождал все утро; но король изменил свое решение и отправил депутату из Кембриджа приказ, что он может отбыть, как только пожелает. Едва было доставлено сообщение, как король вошел в галерею. Идея, которая совершенно захватила его разум, подтолкнула его к продолжению; он хотел поговорить с доктором о принципе, выдвинутом Кранмером. Генри задержал Бакмастера с часу до шести, повторяя во всех возможных формах: "Может ли папа даровать разрешение, когда так велел закон Божий?"^[57] Он даже проявил много неприязни к вице-канцлеру, потому что этот вопрос не был решен в Кембридже. Наконец он покинул галерею и, чтобы смягчить резкость своих упреков, очень любезно поговорил с доктором, который поспешил прочь так быстро, как только мог.

ГЛАВА VI. ГЕНРИХ VIII. ПОДДЕРЖИВАЕМЫЙ ВО ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ КАТОЛИКАМИ И ОБВИНЯЕМЫЙ В ГЕРМАНИИ ПРОТЕСТАНТАМИ. (Январь-сентябрь 1530 г.)

Генри апеллирует к иностранному мнению.

Король не ограничился выяснением мнения Англии; он апеллировал к универсальному учению Церкви, представленному, согласно его взглядам, университетами, а не папой римским. Элемент личной убежденности, столь сильно отмеченный у Тиндейла, Фрита и Латимера, отсутствовал в официальной реформации, исходившей от принца. Чтобы знать, что говорится в Священном Писании, Генрих собирался послать делегатов в Париж, Болонью, Падую и Виттембург; он послал бы даже на Восток, если бы такое путешествие было легким. Тот ложный католицизм, который искал толкования Библии в церквях и приходящих в упадок школах, где превозносились традиционализм, ритуализм и иерархизм, был фальшивым папством. К счастью, верховный глас Слова Божьего преодолел эту роковую тенденцию в Англии.

Генрих VIII, полный уверенности в дружбе короля Франции, подал заявление сначала в Парижский университет; но доктор Педро Гарри, испанский священник, столь же невежественный, сколь и фанатичный (по словам английских агентов),^[58] с энтузиазмом взялся за дело Екатерины Арагонской. С помощью импульсивного Беда он добился мнения, противоположного желаниям Генриха.

Услышав об этом, встревоженный принц вызвал Дю Белле, французского посла, во дворец, подарил ему для Франциска I. знаменитую бриллиантовую лилию стоимостью 10 000 фунтов стерлингов, а также признание в размере 100 000 ливров, которые Франциск задолжал Генриху за военные расходы, и добавил подарок в размере 400 000 крон для выкупа сыновей короля. Не в силах противостоять таким веским аргументам, Франциск поручил Дю Белле представить парижскому факультету "великие угрызания совести Генриха";^[59] после чего Сарбонны посоветовались, и несколько врачей воскликнули, что было бы оскорблением чести папы предполагать, что он способен отказать в утешении раненой совести христианина. Во время этих дебатов секретарь записывал фамилии, получал голоса и заносил их в протокол. Пламенный папист, заметивший, что большинство будет против мнения Рима, вскочил, набросился на секретаря, вырвал список у него из рук и разорвал его. Все встали со своих мест, и 'поднялся великий беспорядок и суматоха'. Они заговорили все вместе, каждый пытался отстаивать свое собственное мнение; но так как никто не мог быть услышан среди общего шума, врачи в ярости поспешили из комнаты. "Беда вел себя как одержимый", - писал Дю Белле.

Тем временем послы короля Англии расхаживали взад-вперед по соседней галерее, ожидая разделения. Привлеченные криками, они выбежали вперед и, увидев странное зрелище, представленное богословами, и "услышав язык, на котором они разговаривали друг с другом", удалились в сильном раздражении. Дю Белле, который всем сердцем болел за союз двух стран, призвал Франциска I положить конец подобным 'дерзостям'. Президент парижского парламента приказал Беду предстать перед ним и сказал ему, что человеку его круга не подобает вмешиваться в дела принцев и что, если он не прекратит свое сопротивление, он будет наказан так, как не скоро забудет. Сорбонна извлекла пользу из урока, преподанного наиболее влиятельным из ее членов, и 2 июля подавляющим большинством голосов высказалась за развод. Университеты Орлеана, Анже и Буржа уже сделали это, а вскоре то же самое сделал Тулузский.^[60] Генрих VIII. с ним были Франция и Англия.

Этого было недостаточно: он должен был получить еще и Италию. Он наполнил этот полуостров своими агентами, которым было приказано получить от епископов и университетов декларацию, отвергнутую папой. Богатый и могущественный деспот никогда не испытывает недостатка в преданных людях для осуществления своих замыслов.

Болонский университет в государстве Церкви был, после Парижа, самым важным в католическом мире. В то время там пользовался большой репутацией монах. Благородный по происхождению и красноречивый проповедник, Баттиста Паллавичини был одним из тех независимых мыслителей, которых часто встречали в Италии. Английские агенты обратились к нему; он заявил, что он и его коллеги готовы доказать незаконность брака Генри, и когда Стоксли заговорил о вознаграждении, они ответили: 'Нет, нет! то, что мы получили даром, мы даром и отдаем'. Агенты Генриха не могли сдержать радости: папский университет выступает против папы! Особенно обрадовались те из них, кто имел представление о Реформации. 10 июня красноречивый монах предстал перед послами с суждением о своих способностях, которое превзошло все, что они себе представляли. Брак Генриха был объявлен "ужасным, отвратительным, омерзительным для христианина и даже для неверного, запрещенным божественным и человеческим законом под страхом самого сурового наказания".^[61]... Святой отец, который может сделать почти все, 'невинно продолжал университет, 'не имеет права разрешать такой союз'. Университеты Падуи и Феррары поспешили присоединить свои голоса к университетам Болоньи и объявили брак с вдовой брата 'недействительным, отвратительным, нечестивым и омерзительным'.^[62] Генрих был завоевателем на всем протяжении истории. С ним было то всеобщее согласие, которое, по мнению некоторых выдающихся врачей, составляет саму суть католицизма. Крук, один из агентов Генриха и выдающийся греческий ученый, который выполнял свою миссию с неутомимым рвением, воскликнул, что "правое дело короля было одобрено всеми врачами Италии".^[63]

Протестанты осуждают развод.

Посреди этой гармонии католичества было одно исключение, о котором никто и не мечтал. Этот развод, который, согласно легкомысленному выражению определенной партии, был причиной Реформации в Англии, нашел противников среди отцов и детей Реформации. Послы Генриха были ошеломлены. "Моя верность обязывает меня объявить вашему высочеству, - писал Крук королю, - что все лютеране категорически против вашего Высочества в этом деле и препятствовали своей жалкой злобой, без причины или авторитета, насколько могли, а также здесь, как и в Падуе и Ферраре, где их немало".^[64] Швейцарские и немецкие реформаторы были вызваны, чтобы высказать мнение по этому вопросу, Лютер, Колампадий, Цвингле, Буцер, Гриней и даже Кальвин,^[65] все высказали одно и то же мнение. 'Конечно, 'сказал Лютер, - король согрешил, женившись на жене своего брата; этот грех принадлежит прошлому; поэтому пусть покаяние изгладит его, как оно должно изгладить все наши прошлые грехи. Но брак не должен быть расторгнут; такой великий грех, который грядет, не должен быть допущен.^[66] В мире существуют тысячи браков, в которых есть доля греха, и все же мы не можем их расторгнуть. *Мужчина прилепится к своей жене, и они будут одной плотью.* Этот закон превосходит другой и отменяет меньший'. Коллективное мнение лютеранских докторов соответствовало справедливым и христианским чувствам Лютера.^[67] Таким образом (мы повторяем) событие, которое, по мнению католических авторов, стало причиной религиозной трансформации Англии, было одобрено романистами и осуждено евангелистами. Кроме того, последние очень хорошо знали, что Реформация должна исходить не из развода или брака, не из дипломатических переговоров или университетских уставов, а из силы Слова Божьего и свободного убеждения христиан.

Обращение к Папе Римскому на английском языке.

Пока решались эти вопросы, Кранмер находился в Риме, прося папу о том обсуждении, которое понтифик обещал ему на их конференции в Болонье. Климент VII. никогда не собирался давать его: он думал, что, оказавшись в Риме, будет легко уклониться от своего обещания; именно это сейчас занимало его внимание. Среди средств, которые папы иногда использовали в своих трудностях с королями, одним из наиболее распространенных было привлечение агентов этих князей. Это был первый случай, когда Климент нанял Кранмера; он назначил его великим милостынщиком во всех штатах короля Англии, некоторые даже говорят, что во всем католическом мире. Это было немногим больше, чем титул, и "предназначалось лишь для того, чтобы на то время успокоить его желудок в надежде на более обильное угощение в будущем, если бы ему было угодно подкрепиться каким-нибудь папским блюдом".^[68] Но Кранмер находился под влиянием более чистых мотивов; и, не отказываясь от титула, данного ему папой, — поскольку перед ним стояла задача привлечь его на сторону короля, он, таким образом, поставил бы под угрозу свою миссию, — он не придавал этому значения и проявлял еще большее рвение к выполнению возложенных на него обязанностей.

Посольство не добилось успеха, и в Англии это вызывало беспокойство. Некоторые из лучших друзей папы не могли понять его слепоту. Два архиепископа, герцоги Норфолк и Саффолк, маркизы Дорсет и Эксетер, тринадцать графов, четыре епископа, двадцать пять баронов, двадцать два аббата и одиннадцать членов Нижней палаты решили направить обращение Клименту VII. 'Пресвятейший отец, ' начали они, ' король, который является нашей главой и душой всех нас, всегда стоял на стороне римского престола среди атак твоих многочисленных и могущественных врагов, и все же он один не получит никакой пользы от своих трудов.... Тем временем мы ощущаем поток бедствий, надвигающийся на содружество.^[69] Если ваше Святейшество, который должен быть нашим отцом, решил оставить нас сиротами, мы будем искать средства правовой защиты в другом месте.... Тот, кто болен, любыми средствами избавится от своего недуга; и есть надежда в замене страданий, когда, если мы не можем получить то, что является благом, мы можем получить меньшее зло.... Мы умоляем ваше Святейшество поразмыслить над собой; вы исповедуете, что на земле вы - наместник Христа. Тогда постарайся показать себя таким, каким ты есть, произнеси свой приговор во славу и хвалу Богу'. Климент выиграл время: два с половиной месяца он не отвечал, думая об этом вопросе, снова и снова прокручивая его в уме. Большая трудность заключалась в согласовании воли Генриха VIII, который желал другую жену, и воли Карла V. Который настаивал на том, что он должен сохранить старую.... Существовал только один способ удовлетворить обоих этих принцев одновременно, и это было то, что король имел двух жен вместе. Уолси уже лелеял эту идею. Более двух лет назад папа намекнул на это Да Казале: "Пусть он возьмет другую жену", - сказал он, говоря о Генрихе.^[70] Теперь Климент вернулся к этому и, послав частным образом за Да Казале, сказал ему: "Вот к чему мы пришли: мы разрешаем его Величеству иметь двух жен".^[71] Непогрешимый понтифик предложил королю двоеженство. Да Казале был еще более удивлен, чем во время первого сообщения Клемента. "Святой отец, - сказал он папе, - я сомневаюсь, что такой способ удовлетворит его Величество, поскольку он больше всего на свете желает снять бремя со своей совести".^[72]

Это гнусное предложение ни к чему не привело; король, уверенный в лордах и народе, быстро продвигался по пути независимости. На следующий день после того, как папа разрешил ему взять двух жен, Генрих издал смелое заявление, запрещающее любому, кто попросит или принесет папскую буллу, противоречащую королевской прерогативе, "лишение свободы и дальнейшее телесное наказание по благоволению его Величества".^[73] Климент, встревоженный,

ответил на обращение: 'Мы так же, как и вы, желаем, чтобы у короля были дети мужского пола; но, увы! мы не Бог, чтобы дарить ему сыновей'.^[74]

Люди начинали задыхаться от этих маневров и уступок папства; им требовался воздух, и некоторые заходили так далеко, что говорили, что если им не дадут воздуха, они должны порвать свои оковы и выломать двери.

ГЛАВА VII. ЛАТИМЕР ПРИ ДВОРЕ. (Январь -сентябрь 1530 г.)

Прокламация против Папских булл.

Генрих, видя, что не может добиться от папы того, о чем просил, сблизился с евангелической партией в своем королевстве. В рядах Реформации он нашел умных, благочестивых, смелых и красноречивых людей, которые пользовались доверием части народа. Почему бы принцу не попытаться примирить их? Они протестуют против власти папы: хорошо! он освободит их от нее, но при одном условии: если они отвергнут папскую юрисдикцию, они признают его собственную. Если бы план Генриха удался, Англиканская церковь была бы цезарео-папистской церковью (как мы видим в другом месте), основанной на британской земле; но именно Слову Божьему было суждено заменить папу в Англии, а не короля.

Первым из врачей-евангелистов, которого Генри попытался заполучить, был Латимер. Он включил его, как мы видели, в список своих капелланов. "Остерегайся противоречить королю", - сказал ему однажды придворный, не доверяя его откровенности. 'Говори так, как говорит он, и вместо того, чтобы брать на себя смелость руководить им, старайся следовать за ним'. "Жениться, по твоему совету! - ответил Латимер. - Должен ли я говорить так, как он говорит? Говори то, что велит тебе твоя совесть.... И все же я знаю, что благоразумие необходимо.

Gutta cavat lapidem non vi sed sæpe cadendo.

Капля дождя проделывает дыру в камне не от силы, а от частого падения. Точно так же принца нужно завоевывать понемногу.

Этот разговор не был бесполезен для капеллана, который серьезно взялся за работу среди всей суматохи двора. Он изучал Священное Писание и Отцов Церкви и откровенно провозглашал истину с кафедры. Но у него не было личной беседы с царем, которая внушала ему определенный страх. Мысль о том, что он не рассказал Генри о состоянии своей души, беспокоила его. Однажды, в ноябре месяце, капеллан был у себя в кабинете и читал том св. Августина, который лежал перед ним, он прочел следующие слова: "Тот, кто из страха перед какой-либо силой *скрывает истину*, вызывает на себя гнев Божий, ибо он боится людей больше, чем Бога'. В другой раз, когда он изучал святого Златоуста, его поразили эти слова: "предатель истины не только тот, кто открыто ради истины учит лжи; но и тот, кто *не произносит свободно и не показывает истину*, которую он знает'. Эти две фразы глубоко запали ему в сердце.^[75] 'Они заставили меня сильно испугаться, - продолжал он, - сильно обеспокоили и

раздосадовали мою совесть'. Он решил заявить о том, чему Бог научил его в Священном Писании. Его откровенность могла стоить ему жизни (во времена Генри люди гибли легко); это не имело значения. "Я предпочел бы понести суровое наказание, - сказал он, - чем стать предателем истины".^[76]

Письмо Латимера Генри.

Латимер размышлял о том, что церковный закон, который на протяжении веков был самой сутью религии, должен уступить место евангельской вере - что форма должна уступить место жизни. Члены Церкви (называющие себя возрожденными через крещение) обычно посещали катехизис, проходили конфирмацию, присоединялись к богослужению и принимали участие в причастии без какого-либо реального индивидуального преобразования; а затем, наконец, отдыхали все вместе на церковном дворе. Но Церковь, по мнению Латимера, должна начинаться с обращения своих членов. Для строительства храма Божьего нужны живые камни. Христианский индивидуализм, которому Рим противостоял со своей теократической точки зрения, вот-вот должен был возродиться в христианском обществе.

Благородный Латимер принял решение дать королю понять, что все настоящие преобразования должны начинаться дома. Это было не пустяковое дело. Генрих, обладавший разносторонней информацией и живым пониманием, но также властный, страстный, вспыльчивый и упрямый, не знал никаких других правил, кроме побуждений своей сильной натуры; и хотя он был вполне готов отделиться от папы, он ненавидел все новшества в доктрине. Латимер не позволил остановить себя подобным препятствиям и решил открыто атаковать эту трудную позицию.

‘Ваша светлость,’ написал он Генри, ‘я должен показать то, что узнал из Священного Писания, или же отречься от Иисуса Христа. Отрицания которого следует бояться больше, чем потери всех мирских благ, чести, продвижения по службе, славы, тюрьмы, клеветы, обид, изгнания и всевозможных мучений и жестокости, да, и самой смерти, пусть она никогда не была такой постыдной и болезненной.^[77]... Между вами и мной такое же большое расстояние, как между Богом и человеком; ибо вы здесь для меня и для всех ваших подданных вместо Бога; и поэтому я должен трепетать, обращаясь к вашей светлости. Но поскольку ты смертный человек, имеющий в себе испорченную природу Адама, то ты нуждаешься в заслугах страсти Христа для своего спасения не меньше, чем я и другие твои подданные”.

Латимер опасался, что под покровительством Генриха будет основана Церковь, которая будет стремиться к богатству, власти и помпезности; и он не ошибся. ‘Жизнь нашего Спасителя была очень бедной. В каком мерзком и жалком месте была уложена в постель мать Иисуса Христа! И в соответствии с этим началом был процесс и конец его жизни в этом мире.... Но это он сделал, чтобы показать нам, что его последователи и викарии не должны ценить сокровища этого мира.... Ваша светлость, возможно, поймет, какие средства и хитрость воображает духовность, чтобы сломить и противостоять действиям, которые были предприняты в последнем парламенте против их излишества”.

Латимер хотел дать королю понять, кто такие истинные христиане. ‘Наш Спаситель показал своим ученикам,’ продолжал он, - что они должны предстать перед королями. А потому примите это за верный вывод, что там, где истинно проповедуется Слово Божье, есть гонения, а там, где царят тишина и покой в мирских удовольствиях, нет истины”.

Затем Латимер приступил к изложению того, что принесет Англии настоящее богатство. 'Ваша светлость обещали в своем последнем заявлении, что у нас будет Священное Писание на английском языке. Пусть нечестие мирских людей не отвлекает вас от вашей благой цели и обещания. Есть прелаты, которые под предлогом мятежа и ереси препятствуют свободному распространению Евангелия Христа.... Они скорее отправят тысячу человек в ад, чем одного к Богу.'^[78]

Латимер приберег напоследок обращение, с которым он решил обратиться к совести своего хозяина: "Я молю Бога, чтобы ваша светлость делали то, что повелевает Бог, а не то, что кажется хорошим в ваших собственных глазах; чтобы вы были признаны одним из членов его Церкви и верным хранителем его даров, а не, - добавил он, выказывая презрение к титулу, которым Генри очень гордился, - и не защитником его веры; ибо он не желает, чтобы ее защищал человек силой, но только своим словом.

А потому, милостивый король, вспомни о себе. Сжался над своей душой и подумай, что близок тот день, когда ты отчитаешься за свой пост и за кровь, пролитую твоим мечом. В тот день, чтобы ваша Милость могла стоять непоколебимо и не стыдиться, но быть ясной и готовой в своих расчетах, и чтобы (как говорится) ваш *покой был* запечатлен кровью нашего Спасителя Христа, которая служит только в этот день, - это моя ежедневная молитва к Тому, Кто претерпел смерть за наши грехи, который также постоянно молится Своему Отцу о благодати для нас".^[79]

Так писал отважный капеллан. Подобное письмо Латимера Генриху VIII. Заслуживает упоминания. Король, похоже, не обиделся на это. Он был абсолютным принцем, но иногда в его характере проявлялась некоторая щедрость. Поэтому он продолжал проявлять свою доброту к Латимеру, но не ответил на его призыв.

Проповедь Латимера.

Латимер часто проповедовал при дворе и в сити. Многие знатные лорды и старинные семьи все еще цеплялись за предрассудки средневековья, но некоторым нравилась Реформация, и они слушали проповеди капеллана, которые были намного лучше обычных проповедей. Его ораторское искусство было сведено к одной заповеди: "Христос - проповедник из всех проповедников".^[80] "Христос, — воскликнул он, — взял на себя наши грехи: не дело греха - не для того, чтобы совершить его, но чтобы искупить его; и таким образом он был великим грешником мира."^[81] ... Это очень похоже на то, как если бы я был должен другому человеку 20 000 фунтов, должен был выплатить их немедленно, или же отправиться в темницу Ладгейта; и когда я попаду в тюрьму, один из моих друзей должен прийти и спросить: "Куда идет этот человек; я отвечу за него; я все заплачу за него". Такую роль сыграл с нами наш Спаситель Христос".

Проповедуя перед царем, он провозгласил, что авторитет Священного Писания превышает всех сил земных. 'Бог, ' сказал он, ' велик, вечен, всемогущий, непреходящий; и Писание, благодаря ему, также велико, вечно, могущественнейшее и святое.... Нет короля, императора, магистрата или правителя, который не был бы обязан верить этому святому слову".^[82] Он был осторожен, чтобы не вкладывать "два меча' в одну руку. 'В этом мире у Бога два меча, ' сказал он. ' мирской меч находится в руках королей, которым подчиняются все подданные — как духовенство, так и миряне. Духовный меч находится в руках служителей и проповедников Слова Божьего, чтобы исправлять и обличать. Не смешивай их. Богу отдай свою душу, свою веру; ... королю - дань

уважения.^[83] Поэтому пусть проповедник исправляет все духовным мечом, никого не боясь, даже если за этим последует смерть".^[84] Такие формулировки поразили суд. 'Ты был сегодня на проповеди?' - спросил однажды один из его слушателей ревностного придворного. 'Да', - ответил тот. 'И как тебе понравился новый капеллан? — Жениться, хотя он мне всегда нравился - мятежник.'^[85]

Смелость Латимера.

Латимер не позволил запугать себя. Твердый в доктрине, он в то же время был в высшей степени практичен. Он был моралистом, и это может объяснить, как ему удавалось какое-то время оставаться при дворе. Мирские люди, которые вскоре теряют терпение, когда вы проповедуете им о кресте, покаянии и изменении сердца, не могут не одобрить тех, кто настаивает на определенных правилах поведения. Король считал удобным держать большое количество лошадей в аббатствах, основанных для поддержки бедных. Однажды, когда Латимер проповедовал перед ним, он сказал: 'Принц не должен предпочитать своих лошадей беднякам. Аббатства были созданы для удобства бедных, а не для содержания в них королевских лошадей.'^[86]

В собрании воцарилась мертвая тишина — никто не осмеливался поднять глаза на Генри, — и многие проявляли признаки гнева. Едва капеллан покинул кафедру, как к нему подошел придворный, по-видимому, лорд-камергер, и спросил: "Что ты собираешься делать с королевскими лошадьми?" Они являются опорой и частью чести короля, а также его королевства; а потому, выступая против них, вы выступаете против чести короля'. 'Отнимать права бедных,' ответил Латимер, 'противно чести короля'. Затем он добавил: "Мой господин, Бог - великий магистр королевского дома, и он ответит за каждого, кто правит в нем".^[87]

Таким образом, Реформация предприняла попытку восстановить верховенство совести даже при дворах князей. Латимер, зная, как и Кальвин, что "уши князей мира сего привыкли, чтобы их баловали и льстили", вооружился несокрушимой храбростью.

Ропот становился все громче. В то время как старые капелланы пускали все на самотек, другой хотел восстановить нравственность среди христиан. Реформатор живо реагировал на выдвинутые против него обвинения, поскольку у него не было стального сердца. Упреки и клевета казались ему иногда подобными тем порывистым ветрам, которые заставляют земледельца поспешно бежать в поисках убежища в какое-нибудь укромное место. "О Господи! - воскликнул он в своей камере. - Эти люди щиплют меня; нет, они вгрызаются в меня по полной".^[88] Ему хотелось бы убежать в пустыню, но он вспомнил, что сделали с его Учителем. "Я утешаю себя, - сказал он, - что Сам Христос был известен как подстрекатель народа против императора".

Священники, обрадованные тем, что Латимер осудил короля, решили воспользоваться этим, чтобы погубить его. Однажды, когда был грандиозный прием и король был окружен своими советниками и придворными, монах проскользнул в гущу толпы и, упав на колени перед монархом, сказал: 'Сир, ваш новый капеллан проповедует мятеж'. Генри повернулся к Латимеру: 'Что вы на это скажете, сэр? Капеллан преклонил колени перед принцем и, повернувшись к его обвинителям, сказал им: 'Неужели вы хотите, чтобы я ничего не говорил о короле в королевской проповеди?' Его друзья дрожали, опасаясь, что его арестуют. "Ваша светлость," продолжал он, 'я отдаю себя в ваши руки: назначьте других врачей проповедовать

вместо меня перед вашим Величеством. Есть много людей, более достойных этой комнаты, чем я. Если вашей светлости будет угодно, я мог бы быть их слугой и носить за ними их книги.^[89] Но если ваша светлость позволит мне выступить в роли проповедника, я бы хотел, чтобы вы позволили мне успокоить мою совесть. Позвольте мне сформулировать свое учение для моей аудитории.

Генри, которому всегда нравился Латимер, встал на его сторону, и капеллан удалился с низким поклоном. Когда он покинул аудиторию, его друзья, которые наблюдали эту сцену с сильнейшим волнением, окружили его, говоря со слезами на глазах:^[90] 'Мы были убеждены, что ты будешь спать этой ночью в Башне'. - *Сердце короля в руке Господа*, - спокойно ответил он.

Евангелические реформаторы Англии благородно сохранили свою независимость в присутствии католического и деспотического короля. Твердо убежденные, свободные, сильные люди, они не поддались ни соблазнам двора, ни соблазнам Рима. Мы увидим еще более поразительные примеры их решения, завещанные ими своим преемникам.

ГЛАВА VIII. КОРОЛЬ ИЩЕТ ТИНДЕЙЛА. (Январь -май 1531 г.)

Дуб И Плющ.

Генрих VIII, обнаружив, что хочет, чтобы такие люди, как Латимер, сопротивлялись папе, стремился привлечь на свою сторону других людей того же склада. Он нашел ту, чей высокий диапазон он сразу понял. Томас Кромвель положил перед ним книгу, которую тогда очень охотно читали по всей Англии, а именно "*Практика прелатов*". Она была найдена в домах не только жителей Лондона, но и фермеров Эссекса, Саффолка и других графств. Король читал ее с таким же рвением, как и его подданные. Ничто так не интересовало его, как история медленного, но впечатляющего прогресса священства и прелатства. Его особенно поразила одна притча, в которой дуб олицетворял королевскую власть, а плющ - папство. 'Сначала плющ вырастает из земли, а затем некоторое время ползет по земле, пока не найдет большое дерево. Там он присоединяется под землей к стволу дерева и ползет все выше и выше, красиво и мягко. И вначале, пока оно еще тонкое и маленькое, так что бремя не ощущается, кажется чудесным украшать дерево зимой и переносить непогоды. Но в разгар сезона он пускает корни в кору дерева, чтобы крепко держаться на ней, и не перестает карабкаться вверх, пока не окажется на вершине и выше всего остального. И тогда он протягивает свои ветви вдоль ветвей дерева, и зарастает все, и становится большим, тяжелым и толстым; и так сильно высасывает влагу из дерева и его ветвей, что она душит их. И тогда мерзкий вонючий плющ разрастается на пне дерева и становится сиденьем и гнездом для всех нечистых птиц и для слепых сов, которые ястребят в темноте и не осмеливаются подлететь к свету. Точно так же римский епископ в самом начале скитался по земле.... Он подкрался и пустил корни в сердце императора, и хитростью взобрался на императора, и подчинил его, и заставил его опуститься к его ногам и целовать их еще некоторое время. Да, когда он возложил корону на голову императора, он снова сбил ее ногами".^[91]

Генрих охотно схватился бы за свой меч, чтобы потребовать удовлетворения от папы римского за это оскорбление. Книга была написана Тиндейлом. Отложив ее, король поразмыслил над тем, что он только что прочитал, и подумал про себя, что у автора есть несколько поразительных идей "о проклятой власти папы", и что он, кроме того, одарен талантом и рвением и мог бы оказать отличную услугу в деле упразднения папства в Англии.

Тиндейл со времени своего обращения в Оксфорде ставил Христа превыше всего. Он смело сбросил с себя ярмо человеческих традиций и не желал принимать никаких других указаний, кроме Священного Писания. Полный воображения и красноречия, активный и готовый переносить усталость, он подвергал себя всем опасностям при выполнении своей миссии.^[92] Генри приказал Стивену Воэну, одному из своих агентов, находившемуся в то время в Антверпене, попытаться найти Реформатора в Брабанте, Фландрии, на берегах Рейна, в Голландии, ... где бы он ни оказался; предложить ему охранную грамоту в соответствии с инструкцией по знакам, убедить его вернуться в Англию и добавить самые любезные обещания от имени его семьи. Ваше Величество.^[93]

Одержать верх над Тиндейлом казалось даже более важным, чем заполучить Латимера. Воан немедленно взялся искать его в Антверпене, где, как говорили, он находился, но найти не смог. 'Он в Марбурге', - сказал один; "Во Франкфурте", - сказал другой; "в Гамбурге", - заявил третий. Тиндейл, как и прежде, был невидим. Чтобы быть более уверенным, Воан решил написать три письма, адресованных этим трем местам, умоляя его вернуться в Англию.^[94] 'Я возлагаю большие надежды, - сказал английский агент своим друзьям, - на то, что я сделал что-то, что доставит удовольствие его Величеству'. Тиндейл, самый последовательный из английских реформаторов, самый непреклонный в своей вере, трудившийся над Реформацией с сердечного одобрения монарха, действительно был бы чем-то экстраординарным.

Едва эти три письма были отправлены, как Воан услышал о позорном наказании, которому сэра Томас Мор подверг брата Тиндейла.^[95] Надеялся ли Генрих привлечь Реформатора такими унижениями? Воан, сильно раздосадованный, написал королю (26 января 1531 г.), что это событие заставит Тиндейла подумать, что они хотят заманить его в ловушку, и он перестал присматривать за ним.

Воан знакомится с Тиндейлом.

Три месяца спустя (17 апреля), когда Воан был занят копированием одной из рукописей Тиндейла, чтобы отправить ее Генри (это был его ответ на *Диалог* сэра Томаса Мора), в его дверь постучал мужчина. 'Некто, называющий себя вашим другом, очень хочет поговорить с вами, — сказал незнакомец, - и просит вас следовать за мной". - 'Кто этот друг? Где он? — спросил Воан. - Я его не знаю, ' ответил посыльный. ' но пойдите, и вы сами увидите. Воан сомневался, благоразумно ли было следовать за этим человеком в незнакомое место. Однако он решил сопровождать его. Агент Генриха VIII. и гонец поплутал по улицам Антверпена, вышел из города и, наконец, добрался до пустынного поля, у края которого по ровной местности медленно текла Шельда.^[96] Приблизившись, Воан увидел мужчину благородной осанки, на вид лет пятидесяти. ' Ты меня не узнаешь? ' спросил он Воана. 'Я не могу вспомнить ваши черты", - ответил тот. 'Меня зовут Тиндейл', - представился незнакомец. 'Тиндейл!' - восхищенно воскликнул Воэн. ' Тиндейл! какая счастливая встреча!

Тиндейл, который слышал о новых планах Генриха, не доверял ни принцу, ни его мнимому Реформаторству. Бесконечные переговоры короля с папой римским, его светскость, его любовные похождения, преследование евангельских христиан и особенно позорное наказание, которому подвергся Джон Тиндейл, - все это вызывало у него отвращение. Однако, будучи проинформирован о характере миссии Воана, он пожелал обратить ее в свою пользу, обратившись с несколькими предупреждениями к принцу. 'Я написал несколько книг,' сказал он, 'чтобы предупредить ваше Величество о скрытом поведении духовенства вашего королевства по отношению к вашей персоне, в чем я показал сердце истинного подданного; с намерением, чтобы ваша светлость могли приготовить свои средства против их коварных мечтаний. Изгнанный из своей родной страны, я страдаю от голода, жажды, холода, отсутствия друзей, повсюду окруженный великой опасностью, в бесчисленных тяжелых и ожесточенных боях, я не ощущаю их суровости по той причине, что надеюсь своими трудами воздать честь Богу, истинное служение моему государю и радость его народу'.^[97]

'Не унывай, - сказал Воэн. - твое изгнание, нищета, войны - всему пришел конец; ты можешь возвращаться в Англию.... 'Какое это имеет значение,' сказал Тиндейл, 'если мое изгнание закончится, если Библия будет изгнана? Неужели король забыл, что Бог повелел распространять Его Слово по всему миру?' Если это по-прежнему будет запрещено его подданным, то сама смерть была бы для меня приятнее жизни.^[98]

Воан не считал себя побежденным. Гонец, который держался поодаль и ничего не мог слышать, был поражен, увидев двух мужчин, беседовавших на этом уединенном поле так долго и с таким оживлением. 'Скажите мне, каких гарантий вы желаете, - сказал Воан. - король предоставит их вам'. 'Конечно, король дал бы мне охранную грамоту, - ответил Тиндейл, - но духовенство убедило бы его, что обещания, данные еретикам, не являются обязательными'. Приближалась ночь. Агент Генри, возможно, приказал проследить за Тиндейлом и схватить его.^[99] Эта идея пришла в голову Воану, но он отверг ее. Однако Тиндейл начал чувствовать себя не в своей тарелке.^[100] 'Прощайте, - сказал он. - Вы скоро снова увидите меня или услышите новости обо мне'. Затем он ушел, покинув Антверпен. Воан, вернувшийся в город, был удивлен, увидев, что Тиндейл направляется к открытой местности. Он предположил, что это была военная хитрость, и в очередной раз усомнился, не следовало ли ему схватить Реформатора, чтобы угодить его хозяину. - Возможно, я не достиг своей цели, - сказал он.^[101] Кроме того, было уже слишком поздно, поскольку Тиндейл исчез.

Король о трактате Тиндейла.

Как только Воан вернулся домой, он поспешил отправить в Лондон отчет об этой необычной конференции. Кромвель немедленно отправился ко двору и положил перед королем письмо посланника и книгу Реформатора. "Хорошо!" - сказал Генри. "Как только у меня будет свободное время, я прочту их оба".^[102] Он так и сделал и разозлился на Тиндейла, который отклонил его приглашение, не доверял его словам и даже осмелился давать ему советы. Король в порыве гнева вырвал последнюю часть письма Воана, бросил ее в огонь и полностью отказался от своей идеи привезти Реформатора в Англию, чтобы использовать его против папы, опасаясь, что такой факел охватит пламенем все королевство. Он думал только о том, как бы схватить его и наказать за его высокомерие.

Он послал за Кромвелем. Перед ним на столе лежал трактат Тиндейла, который Воан скопировал и отправил. 'Эти страницы,' сказал Генрих своему министру, указывая на рукопись,

‘ Эти страницы - работа провидца: они полны лжи, подстрекательства к мятежу и клеветы. Воан проявляет слишком много привязанности к Тиндейлу.^[103] Пусть он остерегается приглашать его войти в царство. У него порочный и закаленный характер, которого невозможно изменить. Я слишком счастлив, что он уехал из Англии”.

Кромвель удалился в досаде. Он написал Воану; но король счел письмо слишком слабым, и Кромвелю пришлось исправить его, чтобы оно соответствовало гневу принца.^[104] Честолюбивый человек, он склонился перед упрямой волей своего хозяина; но потеря Тиндейла казалась невосполнимой. Соответственно, сообщая Воану о гневном короле, он добавил, что, если здравое размышление образумит Тиндейла, король был *”настолько склонен к милосердию, жалости и состраданию”*^[105], что он, несомненно, с удовольствием встретился бы с ним. Воан, чье сердце завоевал Тиндейл, снова начал охотиться за ним и провел с ним вторую беседу. Он дал ему прочесть письмо Кромвеля, и когда Реформатор дошел до только что процитированных нами слов о сострадании Генриха, его глаза наполнились слезами.^[106] ‘Какие благородные слова!’ - воскликнул он. ‘Да, - сказал Воэн. - в них столько нежности, что они разбили бы самое твердое сердце в мире. Глубоко тронутый Тиндейл попытался найти какой-нибудь способ исполнить свой долг по отношению к Богу и королю. ‘Если бы его Величество,’ сказал он, - снизошел до того, чтобы разрешить распространение Священного Писания среди людей во всей его чистоте, как это делается в государствах императора и в других христианских странах, я бы обязался никогда больше не писать. Я бы бросилась к его ногам, предложив свое тело в жертву, готовая, если потребуется, подвергнуться пыткам и смерти.

Но между монархом и Реформатором лежала пропасть. Генрих VIII. видя семена ереси в Священных Писаниях, Тиндейл отвергал любую реформацию, которую они хотели провести, запрещая Библию. “Ересь проистекает не из Священного Писания, - сказал он, - не больше, чем тьма от солнца”.^[107] Тиндейл снова исчез, и название его убежища неизвестно.

Генри не удается завоевать Тинсдейл.

Король Англии не был обескуражен полученной проверкой. Ему нужны были люди, обладающие талантом и рвением, — люди, решившие напасть на папу римского. Кембридж дал Англии учителя, которого можно было бы поставить рядом с Латимером и Тиндейлом, а возможно, и выше. Это был Джон Фрит. Он жаждал истины; он искал Бога и был полон решимости всецело посвятить себя Иисусу Христу. Однажды Кромвель сказал королю: ‘Как жаль, ваше высочество, что такой выдающийся в литературе и науках человек, как Фрит, оказался среди сектантов!’ Как и Тиндейл, он покинул Англию. Кромвель, с согласия Генриха, написал Воану: “Его величество настоятельно желает примирения Фрита, который (по его твердому убеждению) не так далеко продвинулся на пути зла, как Тиндейл. Всегда исполненный милосердия, король готов принять его с благосклонностью. Постарайтесь привлечь его милосердием, политически.” Воан немедленно начал свои расспросы — это был май 1531 года, — но первое известие, которое он получил, было то, что Фрит, служитель Евангелия, только что женился в Голландии. “Этот брак, - писал он королю, - может случайно помешать моему убеждению”.^[108] Это было еще не все: Фрит смело печатал в Амстердаме ответ Тиндейла сэру Томасу Мору. Генри был вынужден отказаться от него, как он отказался от своего друга. Он преуспел ни с кем, кроме Латимера, и даже капеллан рассказал ему много суровой правды. Между духовной реформой и реформой политической была явная несовместимость. Дело Божье отказалось объединяться с делом престола. Христианская вера и видимая Церковь - это две разные вещи. Некоторым (и среди

них реформаторам) требуется христианство — живое христианство; другие (и это был случай Генриха и его прелатов) ищут Церковь и ее иерархию, и их мало волнует, можно ли найти там живую веру или нет. Это серьезная ошибка. Сначала должна существовать настоящая религия; а затем эта религия должна создать истинное религиозное общество. Тиндейл, Фрит и их друзья хотели начать с религии; Генри и его последователи - с церковного общества, враждебного вере. Таким образом, король и реформаторы не смогли прийти к взаимопониманию. Генри, глубоко задетый смелостью этих евангелистов, поклялся, что, поскольку у них не будет мира, у них должна быть война ... война на ножах.

ГЛАВА IX. КОРОЛЬ АНГЛИИ ПРИЗНАН ГЛАВОЙ ЦЕРКВИ. (январь-март 1531 г.)

Генрих VIII. желал внести большие изменения в церковную корпорацию своего королевства. Его королевская власть во многом опиралась на власть духовенства. Так было во всехкатолических монархиях, но Англии было на что жаловаться больше, чем другим. Из трех сословий - Духовенства, дворянства и общины - первое было самым могущественным. Дворянство было ослаблено гражданскими войнами; палата общин долгое время была лишена авторитета и энергии; таким образом, прелаты занимали первое место, так что в 1529 году архиепископ и кардинал (Уолси) был самым могущественным человеком в Англии, не исключая даже короля. Генрих почувствовал на себе это иго и хотел освободиться не только от господства папы, но и от влияния высшего духовенства. Если бы он только намеревался отомстить понтифику, этого было бы достаточно, чтобы позволить Реформации действовать; когда с небес дует могучий ветер, он сметает все ухищрения людей. Но Генриху не было недостатка ни в благоразумии, ни в расчете. Он опасался, что разнообразие доктрин вызовет беспорядки в его королевстве. Он хотел освободиться от папы и прелатов, небросаясь в объятия Тиндейла или Латимера.

Папское правление Вредно для государства.

Короли и народ заметили, что господство папства и его власть над духовенством были непреодолимым препятствием на пути к автономии государства. Еще в 1268 году Людовик Святой провозгласил, что Франция обязана быть верной только Богу; и другие принцы последовали его примеру. Генрих VIII был полон решимости сделать больше — разорвать цепи, которые приковывали духовенство к римскому престолу, и приковать их к короне. Могущество Англии, избавленной от папства, которое было ее язвой, тогда развивалось бы свободно и энергично и поставило бы страну на первое место среди наций. Обновляющий дух эпохи благоприятствовал планам Генриха; он должен был без промедления привести в исполнение смелый план, который Кромвель развернул у него на глазах в Уайтхолл-парке. Генри не мог думать ни о чем, кроме как добиться признания себя главой Церкви.

Эта важная революция не могла быть совершена простым актом королевской власти — особенно в Англии, где конституционные принципы уже обладали неоспоримым влиянием. Необходимо было убедить духовенство перейти Рубикон, освободившись от Рима. Но как этого добиться? Это было предметом размышлений проницательного Кромвеля, который, постепенно

завоевав доверие короля и заняв место, ранее занимаемое Вулси, использовал его по-другому. Побуждаемый честолюбием, обладающий энергичным характером, здравым смыслом, непоколебимой твердостью, никакие препятствия не могли остановить его деятельность. Он искал, как бы передать королю духовный скипетр, и это был план, на котором он остановился. Было известно, что короли Англии время от времени возрождали старые законы, пришедшие в упадок, и сурово наказывали тех, кто их нарушал. Кромвель представил королю, что статуты предусматривают наказание любого человека, который признает достоинство, установленное папой римским в английской церкви; что Вулси, выполняя функции папского легата, посягнул на права короны и был осужден, что было всего лишь справедливостью; в то время как члены духовенства, признавшие незаконную юрисдикцию мнимого легата, стали таким же виновными, как и он. - Статут *Премунити*, - сказал он, - осуждает их так же, как и их вожда. Генри, который внимательно слушал, нашел, что решение его государственного секретаря соответствовало букве закона и что оно отдавало все духовенство в его власть. Он без колебаний передал всю полноту власти своим министрам. При таком положении вещей в Англии не было ни одного невиновного человека; две палаты парламента, тайный совет, вся нация должны были предстать перед судом. Генрих, полный "снисходительности", был рад ограничиться духовенством.

Смущение духовенства.

Собрание провинции Кентербери собралось 7 января 1531 года, Кромвель вошел в зал и спокойно занял свое место среди епископов; затем, поднявшись, он сообщил им, что их имущество и бенефиции подлежат конфискации на благо его Величества, поскольку они подчинились неконституционной власти кардинала. Какая ужасная новость! Это было как удар грома для этих эгоистичных прелатов; они были поражены. Наконец некоторые из них набрались немного храбрости. 'Сам король санкционировал полномочия кардинала-легата', - сказали они. 'Мы просто подчинились его высшей воле. Наше сопротивление прокламациям его Величества безошибочно погубило бы нас'. — "Это не имеет значения, - последовал ответ. - Был закон: вы должны подчиняться конституции страны даже с риском для своей жизни".^[109] Перепуганные епископы положили к подножию трона внушительную сумму, которой они надеялись искупить свои проступки и свои выгоды. Но это было не то, чего желал Генрих: он притворился, что мало дорожит их деньгами. Угроза конфискации должна заставить их заплатить выкуп еще большей стоимости. - Милорды, - сказал Кромвель, - в петиции, которую некоторые из вас не так давно подали папе римскому, вы называли короля своей *душой* и своей *головой*.^[110] Тогда прямо признайте верховенство короля над Церковью,^[111] и его величество по своей великой доброте дарует вам прощение.' Какое требование! Растерянное духовенство собралось, и началось обсуждение чрезвычайной важности. "Слова в обращении к папе, — говорили одни, - были простой формой и не имели того значения, которое им приписывали". - "Король, будучи не в состоянии развязать гордиев узел в Риме, - говорили другие, намекая на развод, - намеревается разрубить его своим мечом".^[112] — "Светская власть, - восклицали наиболее ревностные, ' не имеет права голоса в церковных делах. Признать короля главой Церкви означало бы ниспровергнуть католическую веру.... Глава Церкви - папа римский.' Дебаты длились три дня, и, когда министры Генри указали на теократическое правительство Израиля, священник воскликнул: 'Мы противопоставляем Новый Завет Ветхому; согласно Евангелию, Христос - глава Церкви'. Когда об этом сообщили королю, он сказал: 'Очень хорошо, я согласен. Если вы объявите меня *главой Церкви* можете добавить *под Богом*.' Таким

образом, папские притязания были скомпрометированы еще больше. "Мы скорее подвергнем себя всему, - заявили они, - чем свергнем римского понтифика".

Епископы Линкольнский и Эксетерский были отправлены умолять короля отозвать свое требование: они не смогли даже добиться аудиенции. Генрих принял решение: священники должны уступить. Им сказали, что единственным способом получить прощение был отказ от папского верховенства. Епископы предприняли новую попытку удовлетворить как требования короля, так и требования своей собственной совести. 'Падайте духом перед духовенством, и они станут львами', — говорили придворные. "Противостоите им, и они станут овцами". - "Ваша судьба в ваших собственных руках. Если вы откажетесь выполнить требование короля, позор Вулси покажет вам, чего вы можете ожидать. Архиепископ Уорхэм, президент Конвокации, благоразумный человек, далеко преклонных лет и близкий к концу, попытался найти какой-то компромисс. Масштабные движения, взбудоражившие Церковь по всей Европе, встревожили его. В прошлом он жаловался королю на узурпацию Уолси,^[113] и был недалек от признания королевского превосходства. Он предложил включить в закон простую статью, наделяющую короля необходимой юрисдикцией, а именно, *Quantum per legem Christi licet*, насколько это позволяет закон Христа. 'Матерь Божья!' воскликнул король, который, как и его брат-монарх Франциск I., имел привычку говорить непочтительные вещи. - Вы хитро обошлись со мной. Я думал, что выставил дураками этих прелатов, а теперь вы так распорядились делами, что они, скорее всего, выставят дураком меня. Пойдите к немцам раз, и позвольте мне провести дело без каких-либо *квантований* или *истерик*.... Настолько, насколько позволяет закон Христа! Подобная сдержанность заставила бы кого-то поверить, что мой авторитет был спорным".^[114]

Духовенство подчиняется.

Министры Генриха осмелились в этом случае воспротивиться ему: они показали ему, что этот пункт предотвратит немедленный разрыв с Римом и впоследствии может быть отменен. Наконец он уступил, и архиепископ внес статью с поправкой на рассмотрение конвокации. Это был торжественный момент для Англии. Епископы были убеждены, что король просит их сделать то, что неправильно, и концом этого будет разрыв с Римом. Во времена Гильдебранда прелаты ответили бы Отрицательно и нашли бы сочувственную поддержку в мирянах. Но все изменилось; люди начали уставать от длительного господства священников. Примас, желая покончить с этим делом, обратился к своим коллегам: 'Признаете ли вы короля единственным защитником Церкви и духовенства Англии и, насколько это разрешено законом Христа, также вашим верховным главой?' Все потеряли дар речи. - Вы позволите мне узнать ваше мнение? - продолжил архиепископ. Наступила мертвая тишина. "Тот, кто молчит, кажется, соглашается", — сказал предстоятель. - "Тогда мы все молчим", - ответил один из прихожан.^[115] Были ли эти слова вдохновлены мужеством или трусостью? Были ли это согласие или протест? Мы не можем сказать. В этом вопросе мы не можем встать ни на сторону короля, ни на сторону священников. Сердце человека легко принимает сторону тех, кто угнетен; но здесь угнетенные были также и угнетателями. Затем Конвокация поддержала мнение университетов относительно развода, и таким образом Генри одержал свою первую победу.

Теперь, когда король получил власть, духовенству было разрешено отдавать ему свои деньги. Они предложили сто тысяч фунтов стерлингов — огромную сумму по тем временам, — почти эквивалентную в пятнадцать раз большей сумме наших денег. 22 марта 1531 года учтивый

архиепископ подписал документ, который одним махом лишил духовенство Англии как богатства, так и почестей.^[116]

В собрании Йорка дискуссия была еще более оживленной. 'Если вы провозглашаете короля верховным главой,' сказал епископ Тонсталь, 'это может касаться только мирских вопросов'. — 'В самом деле!' возразил министр Генриха. - Необходим ли акт созыва, чтобы установить, что король правит? "Если речь идет о духовных вещах, - ответил епископ, - то я ухожу из собрания, чтобы не уходить из Церкви".^[117]

- Милорды, - сказал Генрих, - никто не оспаривает вашего права проповедовать и совершать таинства.^[118] Разве Павел не подчинился суду Кесаря, а сам наш Спаситель - суду Пилата? Церковные теории Генриха возобладали также в Йорке. В Англии произошла великая революция, и новые компромиссы должны были укрепить ее.

Король, получив желаемое, в своей великой милости снизошел до того, чтобы простить духовенство за их непростительный проступок, заключавшийся в признании Уолси папским легатом. По просьбе палаты общин эта амнистия была распространена на всю Англию. Нация, которая поначалу не видела в этом деле ничего, кроме акта освобождения себя от узурпированной власти пап, выразила Генриху свою благодарность; но у медали была и обратная сторона. Если папа был лишен власти, то король был облечен властью. Разве возложенная на него функция не противоречила Евангелию? Разве этот акт не придал бы англиканской реформации территориальный и аристократический характер, который привнес бы в Реформатскую Церковь мир со всем его великолепием и богатством? Если королевское превосходство наделяет англиканскую церковь пышностью богослужения, изучением классики, высокими почестями, не принесет ли оно также с собой роскошь, sinecуры и светскость среди прелатов? Разве мы не увидим, как королевская власть высказывается по вопросам догмы и объявляет самые священные доктрины безразличными? Немного позже была предпринята попытка ограничить власть короля в религиозных вопросах. "Мы не поручаем нашим князьям служение Слову Божьему или таинствам", - гласит тридцать седьмой религиозный устав.

ГЛАВА X. РАЗЛУКА КОРОЛЯ И КОРОЛЕВЫ. (Март -июнь 1531 г.)

Король, добившись от духовенства столь важной уступки, обратился к своему парламенту с просьбой об услуге другого рода, которая, по его мнению, была еще более неотложной.

30 марта 1531 года, когда сессия подходила к концу, сэр Томас Мор, канцлер, отправился в Палату общин и представил им решение различных университетов о браке короля и власти папы римского. Палата общин смотрела на это дело, по существу, с политической точки зрения; они не понимали, что, поскольку король прожил двадцать лет с королевой, его не следует разлучать с ней. Документы, оказавшиеся у них перед глазами, "заставили их возненавидеть брак' Генриха и Екатерины.^[119] Канцлер пожелал, чтобы члены парламента сообщили в своих

соответствующих графствах и городах, что король просил об этом разводе не по собственной воле или удовольствию, а "только для успокоения своей совести и гарантии наследования его короны".^[120] "Просвещайте людей, - сказал он, - и сохраняйте мир в стране, руководствуясь чувствами верности монарху".

Ответ Кэтрин.

Король поспешил воспользоваться полномочиями, которые предоставили в его руки университеты, духовенство и парламент. Сразу же после отсрочки некоторые лорды отправились в Гринвич и представили королеве решения, осуждавшие ее брак, и убедили ее принять арбитраж четырех епископов и четырех пэров-мирян. Екатерина ответила печально, но твердо: "Прошу вас, передайте королю, что я заявляю, что являюсь его законной женой, и в этом пункте я буду придерживаться до тех пор, пока римский суд не примет решения об обратном".^[121]

Приближавшийся развод, который, несмотря на отказ Кэтрин, вызвал большое волнение в народе; и членам парламента было нелегко поддерживать порядок, как того желал сэр Томас Мор. Священники провозглашали со своих кафедр падение Церкви и пришествие Антихриста; нищенствующие монахи сеяли недовольство в каждом доме, в который они входили, причем самые фанатичные из них не боялись намекать, что гнев Божий скоро низвергнет нечестивого монарха с его трона. В городах и деревнях, в замках и пивных люди не говорили ни о чем, кроме развода и первенства, на которое претендовал король. Женщины, стоявшие у их дверей, мужчины, собравшиеся у кузницы, более или менее неуважительно отзывались о парламенте, епископах, опасностях Римской церкви и перспективах Реформации. Если несколько друзей собирались ночью у очага, они рассказывали друг другу странные истории. Предметом их разговоров были король, королева, папа римский, дьявол, святые, Кромвель и высшее духовенство. Цыгане, в то время прогуливавшиеся по стране, усугубляли неразбериху. Иногда они появлялись посреди этих оживленных дискуссий и предсказывали прискорбные события, иногда вызывая мертвых, чтобы заставить их говорить о будущем. Ужасные бедствия, которые они предсказывали, повергали слушателей в ужас, а их зловещие пророчества были причиной беспорядков и даже преступлений. Соответственно, был принят закон, предусматривающий наказание в виде изгнания против них.^[122]

Неприятное событие, как правило, еще больше поражало воображение мужчин. Сообщалось, что епископ Рочестерский, этот прелат, столь ужасный для реформаторов и столь добрый к бедным, чудом избежал отравления своим поваром. Семнадцать человек заболели после того, как съели овсянку в епископском дворце. Умер один из приближенных епископа, а также бедная женщина, которой были розданы остатки еды. Было злонамеренно замечено, что епископ был единственным, кто откровенно выступал против развода и королевского превосходства. Клевета была нацелена даже на трон. Когда Генри услышал об этом, он решил быстро разобраться со всей этой чепухой; он приказал квалифицировать преступление как государственную измену, и несчастного повара отвезли в Смитфилд, где он *сварил до смерти*.^[123] Это был вариант наказания, вынесенного евангелистам. Таково было жестокое правосудие шестнадцатого века.

Реджинальд Поул.

В то время как университеты, парламент, конвокация иная, казалось, поддерживали Генриха VIII, один голос прозвучал против развода. Это был голос молодого человека, воспитанного королем, и этот голос глубоко тронул его. Там еще оставался в Англии в некоторых отпрысков дома Йорков, и среди них племянник несчастного Уорвика, которого Генрих VII. были безжалостно преданы смерти. У Уорика осталась сестра Маргарет, и король, желая унять угрызения совести, которые он испытывал из-за трагической кончины этого принца, "невиннейшего из людей", ^[124] выдал ее замуж за сэра Ричарда Поула, джентльмена из ее собственной семьи. Она осталась вдовой с двумя дочерьми и тремя сыновьями. Младший, Реджинальд, стал фаворитом Генриха VIII, который предназначил ему архиепископскую кафедру Кентерберийскую. "Ваша доброта такова, - сказал ему Поул, - что король не мог бы даровать большего даже сыну". ^[125] Но Реджинальд, которому его мать рассказала историю казни несчастного Уорвика, заразился непобедимой ненавистью к Тюдорам. Соответственно, несмотря на определенные евангельские тенденции, Поул, видя, что Генрих отделяется от папы римского, решил броситься в объятия понтифика. Реджинальд, облаченный в римский пурпур, стал президентом совета и примасом всей Англии при королеве Марии. Элегантный в своих манерах, с тонким интеллектом и искренний в своих религиозных убеждениях, он был эгоистичен, раздражителен и честолюбив. Желание возвышения и мести сбило благородную натуру с пути истинного. Если ветвь, представителем которой он был, когда-либо вернет себе корону, это могло произойти только с помощью римских понтификов. Отныне их дело принадлежало ему. Осыпанный благодеяниями Генриха VIII, он постоянно преследовался воспоминаниями о правах Рима и Белой Розы; и он зашел так далеко, что оскорбил перед всей Европой принца, который был его первым другом.

В это время Поул жил в загородном доме, который подарил ему Генрих. Однажды в этом очаровательном убежище он получил послание от герцога Норфолка. 'Король предназначает вам высшие почести Английской церкви, ' писал этот вельможа, - и сразу же предлагает вам важные кафедры Йорка и Винчестера, которые остались вакантными после смерти кардинала Вулси'. В то же время герцог поинтересовался мнением Поула о разводе. Братья Реджинальда, и особенно лорд Монтегю, умоляли его ответить так, как ответил весь католический мир, и не раздражать принца, гнев которого погубил бы их всех. Кровь Уорика и восстание короля против Рима побудили Поула с ужасом отвергнуть все почести, которые предлагал Генрих; и все же этот принц был его благодетелем. Он воображал, что нашел золотую середину, которая позволила бы ему удовлетворить как свою совесть, так и своего короля.

Он отправился в Уайтхолл, где Генрих принял его как друга. Поул колебался в отчаянии; он хотел поделиться с королем своими мыслями, но слова не шли с его губ. Наконец, ободренный приветливостью принца, он собрался с духом и дрожащим от волнения голосом сказал: 'Вы не должны разлучаться с королевой'. Генрих ожидал чего-то другого. Неужели так оплачивают за его доброту? Его глаза вспыхнули гневом, и он положил руку на свой меч. Поул смирился. 'Если я обладаю какими-то знаниями, то кому я обязан ими, как не вашему Величеству? Слушая меня, вы слушаете своего собственного ученика'. ^[126] Король пришел в себя и сказал: 'Я подумаю о твоём мнении и пришлю тебе свой ответ'. Поул удалился. 'Он привел меня в такую ярость, - сказал король одному из своих джентльменов, - что я чуть не ударил его.... Но в этом человеке есть что-то такое, что покоряет мое сердце".

Монтегю и другой брат Реджинальда снова заклинали его принять высокое положение, которое король зарезервировал за ним; но его душа возмутилась тому, что он находится в подчинении у

Тюдора. Поэтому он написал мемуары, которые представил Генриху и в которых умолял его безоговорочно передать вопрос о разводе римский суд. 'Как я могу выступать против вашего брака с королевой?' сказал он. "Разве я не должен обвинять ваше величество в том, что вы более двадцати лет прожили в незаконном союзе?"^[127] Разводом вы настроите против себя все силы — папу, императора; а что касается французов ... мы никогда не сможем найти в себе силы доверять им. В этот момент вы находитесь на краю пропасти.... Еще один шаг, и все кончено.^[128] Остается только один способ обезопасить вашу светлость, и это подчинение папе римскому.' Генрих был тронут. Дерзость, с которой этот молодой дворянин осмелился обвинить его, задела его гордость; однако его дружба возобладала, и он простил его. Поул получил разрешение, о котором он просил, покинуть Англию с обещанием постоянной выплаты ему пенсии.

Кэтрин покидает Виндзор.

Реджинальд Поул был, так сказать, последним звеном, объединявшим королевскую чету. До сих пор король продолжал оказывать королеве всяческое уважение; их взаимная привязанность, казалось, оставалась прежней, только они занимали разные комнаты.^[129] Теперь Генри решил сделать важный шаг. 14 июля в апартаменты королевы вошла новая депутация, одна из которых сообщила ей, что, поскольку ее брак с принцем Артуром был должным образом оформлен, она не может быть женой брата своего мужа. Затем, упрекнув ее в том, что она, вопреки законам Англии и достоинству короны, сослалась на его Величество перед трибуналом папы римского, он пожелал, чтобы она выбрала для своей резиденции либо замок Окинг, либо Эстамстид, либо Бишемский монастырь. Екатерина осталась спокойной и ответила: 'Куда бы я ни ушла, ничто не сможет лишить меня титула, который принадлежит мне. Я всегда буду женой его величества'.^[130] Она покинула Виндзор в тот же день и переехала в Мор, великолепный особняк, который Вулси окружил прекрасными садами; затем в Эстамстид и, наконец, в Амптхилл. Король больше никогда ее не видел, но все паписты и недовольные сплотились вокруг нее. Она вступила в переписку с правителями Европы и стала центром партии, выступавшей против освобождения Англии.

ГЛАВА XI. ЕПИСКОПЫ ГРАБЯТ ДУХОВЕНСТВО И ПРЕСЛЕДУЮТ ПРОТЕСТАНТОВ. (Сентябрь 1531-1532 гг.)

Поскольку Генрих, порвав с Екатериной, порвал и с папой римским, он почувствовал необходимость более тесного объединения со своим духовенством. Желая приступить к установлению своего нового сана, он нуждался в епископах, и особенно ловких епископах. Поэтому он назначил Эдварда Ли, архиепископа Йоркского, и Стивена Гардинера, епископа Винчестерского; и этим двум людям, преданным схоластическим доктринам, честолюбивым и раболепствующим, было поручено установить новую церковную монархию короля Англии. Хотя папа поспешил разослать свои буллы, они заявили, что сохраняют свое достоинство "немедленно и только" перед королем,^[131] и без промедления начали организовывать странную

лигу. Если королю нужны были епископы против папы, то епископам нужен был король против реформаторов. Вскоре этот союз получил крещение кровью.

Но прежде чем зайти так далеко, прелаты обсудили способы сбора 118 000 *фунтов стерлингов*. Они обязались платить королю. Каждый хотел сделать свою долю как можно меньше и переложить большую часть бремени на своих коллег. Епископы решили в значительной степени возложить это на плечи приходского духовенства.

Сражение начал Стоксли, епископ Лондонский. Способный, жадный, жестокий человек, ревниво относившийся к своим прерогативам, он созвал собрание из шести или восьми священников, на которых, по его мнению, он мог положиться, чтобы выработать с их помощью такие решения, которые ему впоследствии было бы легче навязать их братьям. Этим избранным священнослужителям было предложено встретиться 1 сентября 1531 года в здании капитула собора Святого Павла.

План епископа разнесся по городу и вызвал всеобщее возмущение. Справедливо ли было, что жертвы должны были заплатить штраф? Некоторые миряне, обрадованные тем, что духовенство ссорится, попытались раздуть пламя, вместо того чтобы погасить его.

Церковный бунт.

Когда наступило 1 сентября, епископ вместе со своими служителями вошел в здание капитула, где должна была состояться конференция с участием восьми священников. Вскоре вокруг собора Святого Павла послышался необычный шум: появились не только шесть или восемь священников, но и шестьсот человек в сопровождении большого количества горожан и простонародья. Толпа раскачивалась взад-вперед перед воротами собора, крича и требуя, чтобы их впустили в дом капитула наравне с немногими избранными. Что было делать? Советники прелата посоветовали ему добавить нескольких менее жестоких священников к тем, кого он уже выбрал. Стоксли последовал их совету, надеясь, что ворота и засовы будут достаточно прочными, чтобы не впустить остальных. Соответственно, он составил список новых членов церкви, и один из его офицеров, выйдя к разъяренной толпе, зачитал имена тех, кого выбрал епископ. Последний выступил вперед, не без труда; но в то же время изгнанные священники предприняли энергичную попытку войти. Завязалась ожесточенная борьба людей, толкающихся и кричащих, но чиновники епископа быстро прошли внутрь, и те, кто был назначен, поспешно закрыли двери. До сих пор победа, казалось, оставалась за епископом, и он уже собирался заговорить, когда шум стал оглушительным. Священники снаружи, раздраженные тем, что их финансовые вопросы должны были решаться без них, протестовали, говоря, что они должны сами распоряжаться своими кошельками. Взяв в руки все, что смогли найти, и с помощью мирян они начали колотить в дверь капитула. Им это удалось: дверь поддавалась, и все, священники и горожане, вместе ворвались внутрь.^[132] Чиновники епископа тщетно пытались остановить их; их грубо оттеснили в сторону.^[133] Их одежды были разорваны, по лицам струился пот, черты были обезображены, а некоторые даже были ранены. Наконец разъяренные священники вошли в комнату, бушующая и крича. Это было больше похоже на свору гонимых, бросающихся на оленя, чем на преподобное духовенство метрополии Англии, предстоящее перед своим епископом. Прелат, обладавший тактом, не выказал гнева, а скорее попытался утихомирить бунтовщиков. "Братья мои, - сказал он, - я немало удивляюсь, почему вы так опрометчивы. Вы не знаете, что вам скажут, поэтому я молюсь, чтобы вы выслушали меня терпеливо. Вы все знаете, что мы люди слабого положения, и из-за недостатка мудрости

совершили проступок по отношению к королю и попали в *премуниверситет*, по причине чего все наши земли, товары и движимое имущество были ему конфискованы, а наши тела готовы были быть заключены в тюрьму. И все же его Светлости в своем великом милосердии угодно простить нас и принять небольшую сумму вместо всего нашего пособия — около ста тысяч фунтов, которые должны быть выплачены через пять лет. Я призываю вас внести свой вклад в выплату этой предоставленной суммы".^[134]

Это было как раз то, чего не хотели священники. Им показалось странным, что у них просят денег за преступление, которого они не совершали. "Милорд, - ответил один из них, - мы никогда не оскорбляли *премьер-министра*, мы никогда не вмешивались в дела кардинала."^[135] Пусть епископы и настоятели заплатят; они совершили преступление, и у них хорошие места.' — "Милорд, - добавил другой, - двадцать дворян".^[136] год - это всего лишь жалкое существование для священника, и все же это все, что у нас есть. Сейчас все так дорого, что бедность вынуждает нас говорить "Нет". Не нуждаясь в королевском помиловании, мы не имеем желания платить. Эти слова потонули в аплодисментах. 'Нет!' воскликнула толпа, которая снова зашумела. - Мы ничего не заплатим". Чиновники епископа рассердились и перешли к резким выражениям; священники отвечали оскорблением на оскорбление; а горожане, обрадованные тем, что их 'хозяева' ссорятся, раздували раздор. На словах они вскоре перешли к драке. Епископальные приставы, пытавшиеся навести порядок, были 'избиты', и даже жизнь епископа была в опасности. Наконец собрание разошлось в большом замешательстве. Стоксли поспешил пожаловаться канцлеру сэру Томасу Мору, который, будучи большим другом прелата, отправил в тюрьму пятнадцать священников и пятерых мирян. Они, без сомнения, заслужили это; но епископы, которые, чтобы сберечь свои излишества, лишали бедных викариев всего необходимого, были еще более виновны.

Епископы и священники.

Таково было единство, существовавшее между епископами и священниками Англии в то самое время, когда Реформация только появлялась на пороге. Прелаты понимали опасность, которой они подвергались из-за этого евангельского учения, источника света и жизни. Они знали, что все их церковные притязания рассыплются перед дуновением божественного Слова. Соответственно, не довольствуясь лишением их скромного состояния бедных пасторов, для которых они должны были быть отцами, они решили лишить тех, кого они называли *еретиками*, не только их денег, но и их свободы и жизни. Позволил бы это Генри?

Король не хотел выводить Англию из-под папской юрисдикции без согласия духовенства. Если бы он сделал это по собственному почину, священники восстали бы против него и сравнили его с Лютером. В то время в христианском мире существовало три великие партии: евангелическая, католическая и папистская. Генрих намеревался свергнуть папство, но не заходил так далеко, как евангелизм: он желал остаться в католичестве. Появился один способ удовлетворить духовенство. Хотя они были фанатичными приверженцами Церкви, они принесли в жертву папу римского; теперь они воображали, что, принеся в жертву нескольких еретиков, они искупят свою трусливую покорность. В более позднюю эпоху Людовик XIV. сделал то же самое, чтобы исправить ошибки другого рода. Провинциальный Кентерберийский синод собрался и обратился к королю: 'Ваше высочество однажды защищали Церковь своим пером, когда вы были всего лишь ее членом; теперь, когда вы ее верховный глава, ваше Величество должны сокрушить ее врагов, и тогда ваши заслуги превзойдут все похвалы'.^[137]

Чтобы доказать, что он не был другим Лютером, Генрихом VIII. согласился передать учеников этого еретика священникам и дал им право заключать их в тюрьму и сжигать при условии, что они помогут королю восстановить власть, узурпированную папой. Епископы немедленно начали охоту на друзей Евангелия.

Завещание вызвало много разговоров в графстве Глостер. Уильям Трейси, джентльмен безукоризненного поведения и "полный добрых дел, одинаково щедрый по отношению к духовенству и мирянам",^[138] умер, моля Бога спасти его душу благодаря заслугам Иисуса Христа, но не оставив священникам денег на проведение месс. Кости примаса Англии выкопали и сожгли. Но этого было недостаточно: они должны были сжечь и живых.

ГЛАВА XII. МУЧЕНИКИ. (1531.)

Прокламация против Папских булл.

Первые удары были нанесены придворному капеллану. Епископы, находя опасным иметь такого человека рядом с королем, хотели бы (говорит нам Латимер) бросить его на горящие угли.^[139] Но Генрих любил его, удар не удался, и священникам пришлось обратиться к тем, кто был не так хорош при дворе. Томас Билни, обращение которого положило начало Реформации в Англии,^[140] был вынужден покаяться на Кресте Святого Павла; но с того времени он стал жертвой ужаснейшего террора. Его отступничество показало слабость его веры. Билни обладал искренним и живым благочестием, но его суждения были менее здоровыми, чем у многих его друзей. Он не избавился от определенных угрызений совести, которые у Лютера и Кальвина уступили верховному авторитету Слова Божьего.^[141] По его мнению, никто, кроме священников, рукоположенных епископами, не имел власти связывать и освобождать.^[142] Эта смесь правды и заблуждения стала причиной его падения. Всегда можно встретить таких искренних, но недостаточно просвещенных людей — людей, которые, терзаемые угрызениями совести, колеблются между Римом и Словом Божьим.

Наконец вера взяла верх в Билни. Оставив своих кембриджских друзей, он отправился в Восточные графства, чтобы встретить свою мученическую смерть. Однажды, придя в отшельничеств окрестностях Норвича, где жила благочестивая женщина, его слова обратили ее ко Христу.^[143] Затем он начал проповедовать 'открыто в полях' перед огромными толпами. Его голос был слышен по всей округе. Оплакивая свое прежнее падение, он сказал: "То учение, от которого я когда-то отрекся, есть истина. Пусть мой пример послужит уроком всем, кто меня слышит".

Вскоре он повернул в сторону Лондона и, остановившись в Ипсвиче, не ограничился проповедью Евангелия, а яростно обрушился на заблуждения Рима перед изумленной аудиторией.^[144] Несколько монахов пробрались к его слушателям, и Билни, увидев их, крикнул: "Агнец Божий берет на себя грехи мира. Если епископ Рима осмеливается говорить, что

капюшон святого Франциска спасает, он богохульствует над кровью Спасителя'. Джон Хагген, один из монахов, немедленно записал эти слова. Билни продолжил: "Призывать святых, а не Христа, значит класть голову под ноги, а ступни над головой".^[145] Ричард Семан, другой брат, записал эти слова. 'После меня придут люди,' продолжал Билни, 'которые будут учить той же вере, истинному Евангелию нашего Спасителя, и выведут вас из заблуждений, в которых обманщики так долго держали вас'. Брат Юлий поспешил записать это смелое предсказание.

Латимер, окруженный милостями короля и роскошью знати, наблюдал за своим другом издали. Он вспомнил их прогулки по полям вокруг Кембриджа, их серьезный разговор, когда они взбирались на холм, впоследствии названный в их честь "холмом еретиков",^[146] и визиты, которые они вместе наносили бедным и заключенным.^[147] Латимер совсем недавно видел Билни в Кембридже в страхе и тоске и тщетно пытался вернуть ему покой. "Теперь он радовался, что Бог наделил его такой силой веры, что он был готов сгореть за Христа".

Билни и Пети в тюрьме.

Билни, все больше приближавшийся к Лондону, прибыл в Гринвич примерно в середине июля. Он раздобыл несколько Новых Заветов и, тщательно спрятав их под одеждой, обратился к скромному христианину по имени Стейпл. Достав их 'из рукава', он попросил Стейпла раздать их своим друзьям. Затем, словно движимый жаждой мученичества, он снова повернулся к Норвичу, епископ которого Ричард Никс, слепой восьмидесятилетний старик, был в первых рядах преследователей. Прибыв в уединенное место, где жила благочестивая "анакорисса", он оставил ей один из драгоценных томов. Этот визит стоил Билни жизни. Бедная одиночка читала Новый Завет и одалживала его людям, которые приходили навестить ее. Епископ, услышав об этом, сообщил сэру Томасу Мору, который арестовал Билни,^[148] доставлен в Лондон и заключен в Тауэр.

Билни снова начал дышать: с него сняли тяжесть; он был близок к тому, чтобы понести наказание, которого заслуживало его падение. В соседней комнате находился Джон Пети, член парламента, обладавший некоторым красноречием, который раздавал свои книги и милостыню в Англии и за морями. Филипп, младший тюремщик Тауэра, который был хорошим человеком, сказал двум заключенным, что их разделяла только деревянная перегородка, что было источником большой радости для обоих. Он часто убирал панель и позволял им беседовать и вместе трапезничать.^[149]

Это счастье длилось недолго. Суд над Билни должен был состояться в Норвиче, где он был схвачен: престарелый епископ Никс хотел подать пример в своей епархии. Толпа монахов — августинцев, доминиканцев, францисканцев и кармелитов — посетила тюрьму евангелиста, чтобы обратить его в свою веру. Доктор Галл, провинциал францисканцев, согласившись с тем, что заключенный должен использовать Священное Писание,^[150] был поколеблен в своей вере; но, с другой стороны, Стоукс, августинец и убежденный папист, повторил Билни: "Если ты умрешь в своих взглядах, ты погибнешь".

Начался судебный процесс, и ипсвичские монахи дали свои показания. "Он сказал, — заявил Уильям Кейд, — что евреи и сарадины давно бы обратились, если бы идолопоклонство христиан не вызывало у них отвращения к христианству". - "Я слышал, как он сказал, - добавил Ричард Нил, - "Долой ваших золотых, серебряных и каменных богов". - "Он заявил, - продолжил Кейд, - что священники отбирают приношения у святых и вешают их на шею своим женщинам; а затем,

если приношения оказываются недостаточно красивыми, их снова наносят на изображения".^[151]

Все предвидели, чем закончится это печальное испытание. Один из друзей Билни попытался спасти его. Латимер поднял этот вопрос на кафедру и призвал судей принять решение по справедливости. Хотя имя Билни не было произнесено, все они знали, о ком идет речь. Епископ Лондонский пошел и пожаловался королю на то, что его капеллан имел наглость защищать еретика от епископа и его судей.^[152] 'В мире нет проповедника, ' сказал Латимер, - который не говорил бы так, как говорил я, хотя Билни никогда не существовало'. Капеллану снова удалось сбежать благодаря благосклонности Генри, которой он пользовался.

Билни был осужден и, после того как священники унизили его, был передан шерифу, который, испытывая большое уважение к его добродетелям, попросил прощения за исполнение своего долга. Благоразумный епископ написал канцлеру, прося приказа сжечь еретика. "Сначала сожги его, - грубо ответил Мор, - а потом требуй у меня вексель о возмещении ущерба".^[153]

Билни со Своими друзьями.

Несколько друзей Билни отправились в Норвич, чтобы попрощаться с ним: среди них был Паркер, архиепископ Кентерберийский. Был вечер, и Билни в последний раз ужинал. На столе стояла скромная еда (эль), и на лице его сияла радость, наполнявшая его душу. "Я удивлен, — сказал один из его друзей, - что вы можете есть так весело". - "Я всего лишь следую примеру фермеров графства, - ответил Билни, - которые, имея полуразрушенный дом, в котором им приходится жить, все же тратят деньги, лишь бы содержать его в порядке". С этими словами он встал из-за стола и сел рядом со своими друзьями, один из которых сказал ему: "Завтра огонь заставит вас почувствовать его всепожирающую ярость, но Святой Дух Божий охладит его для вашего вечного освежения. ' Билни, по-видимому, размышляя над сказанным, протянул руку к лампе, горевшей на столе, и сунул палец в пламя. 'Что ты делаешь?' - воскликнули они. 'Ничего, ' ответил он, - я просто испытываю свою плоть. Завтра Божьи розги сожгут все мое тело в огне'. И, все еще держа палец в пламени, словно проводя любопытный эксперимент, он продолжил: 'Я чувствую, что огонь по Божьему повелению от природы горячий; но все же Святое Слово Божье и опыт мучеников убеждают меня, что, когда пламя поглотит меня, я его не почувствую. Как бы то ни было, эта щетина на моем теле будет потрачена впустую, за болью на время последует невыразимая радость".^[154] Затем он вытащил свой палец, первый сустав которого был обожжен. Он добавил: "Когда ты пройдешь через огонь, ты не обожжешься".^[155] Эти слова оставались запечатленными в сердцах всех, кто их слышал, до дня их смерти", - говорит хронист.

За городскими воротами, известными как *Епископские ворота*, была низкая долина, называемая *ямой Лоллардов*: она была окружена возвышенностью, образующей своего рода амфитеатр. В субботу, 19 августа, отряд копейщиков пришел за Билни, который встретил их у ворот тюрьмы. Один из его друзей подошел и призвал его быть твердым, Билни ответил: 'Когда моряк поднимается на борт своего корабля и выходит в штормовое море, волны швыряют его туда-сюда; но надежда достичь мирной гавани заставляет его переносить опасность. Мое путешествие начинается, но какие бы штормы я ни испытал, мой корабль скоро достигнет порта'.^[156]

Билни проходил по улицам Норвича посреди плотной толпы; его поведение было серьезным, черты лица спокойными. Его голова была обрита, и он был одет в халат мирянина. Доктор Уорнер, один из его друзей, сопровождал его; другой раздавал щедрую милостыню по всему маршруту. Процессия спустилась в яму Лоллардов, в то время как зрители рассыпались по окрестным холмам. Прибыв на место наказания, Билни упал на колени и помолился, а затем, поднявшись, тепло обнял кол и поцеловал его.^[157] Обратив глаза к небу, он затем повторил Апостольский символ веры, и когда он исповедовал воплощение и распятие Спасителя, его эмоции были таковы, что даже зрители были тронуты. Придя в себя, он снял мантию и взобрался на кучу, декламируя сто сорок третий псалом. Трижды он повторил второй стих: *"Не вступай в суд с рабом твоим, ибо пред очами твоими не оправдается ни один человек из живущих."* И затем он добавил: *"Я простираю к тебе руки мои; душа моя жаждет тебя"*. Повернувшись к палачу, он спросил: «Ты готов?» — "Да", - был ответ. Билни прислонился к столбу и поднял цепь, которая приковывала его к нему. Его друг Уорнер, с глазами, полными слез, в последний раз попрощался. Билни добродушно улыбнулся ему и сказал: *"Доктор, пасите стадо; пасите свою паству, чтобы, когда Господь придет, он застал вас за этим занятием"*. Несколько монахов, дававших показания против него, почувствовав волнение зрителей, задрожали и прошептали мученику: "Эти люди поверят, что мы являемся причиной вашей смерти, и откажут им в подавании", на что Билни сказал им: "Добрые люди, не сердитесь на этих людей ради меня; даже если они и виноваты в моей смерти, *это не они*".^[158] Он знал, что его смерть произошла по воле Бога. К куче поднесли факел: огонь тлел несколько минут, а затем внезапно разгорелся с новой силой, и было слышно, как мученик несколько раз произнес имя Иисуса. Сильный ветер, раздувавший пламя с одной стороны, продлил его агонию; трижды казалось, что оно отступает от него, и трижды возвращалось, пока, наконец, вся куча не разгорелась, и он не скончался.

Революция в сознании людей.

После этой смерти в умах людей произошел странный переворот: они восхваляли Билни, и даже его преследователи признавали его добродетели. "Матерь Христова, - воскликнул епископ Норвича (это была его обычная клятва), - боюсь, я сжег Авеля и отпустил Каина". Латимер был безутешен; двадцать лет спустя он все еще оплакивал своего друга, а однажды (проповедуя перед Эдуардом VI.) напомнил, что Билни всегда делал добро даже своим врагам, и назвал его "этим благословенным мучеником Божьим".^[159]

Врагам Реформации было недостаточно одного мученичества. Стоксли, Ли, Гардинер и другие прелаты и священники, чувствуя себя виноватыми перед Римом, которым они пожертвовали ради своих личных амбиций, желали искупить свои ошибки, принеся в жертву реформаторов. Видя у своих ног роковую пропасть, вырытую между ними и римским первосвященником их неверием, они пожелали заполнить ее трупами. Преследования продолжались.

В то время в темнице епископа Лондонского находился благочестивый евангелист. Он был прикован вертикально к стене цепями вокруг шеи, талии и ног. Обычно самым виновным заключенным разрешалось сидеть и даже лежать на полу, но для этого человека не было покоя. Это был Ричард Бейфилд, обвиняемый в том, что привез с континента ряд Новых Заветов, переведенных Тиндейлом.^[160] Когда один из его тюремщиков рассказал ему о мученической смерти Билни, он воскликнул: «И я тоже, и сотни людей со мной, умрут за веру, которую он исповедовал». Вскоре после этого он предстал перед епископальным судом. "С какой целью, — спросил Стоксли, - вы принесли в страну заблуждения Лютера, великого еретика Колампадия и

других членов этой проклятой секты?" - "Чтобы возвещать Евангелие, - ответил Бейфилд, - и прославлять Бога перед народом".^[161] Соответственно, епископ, осудив его, а затем низложив, призвал лорд-мэра и шерифов Лондона, "клянусь внутренностями Иисуса Христа" (он имел наглость сказать), поступить с Бейфилдом "согласно *похвальному обычаю* знаменитого королевства Англии".^[162] 'О вы, священники, ' сказал евангелист, словно вдохновленный Духом Божиим, - разве недостаточно того, что ваша жизнь порочна, но вы должны помешать распространению жизни по Евангелию среди людей?' Епископ поднял свой посох и с такой силой ударил Бейфилда в грудь, что тот упал навзничь и потерял сознание.^[163] Постепенно он пришел в себя и сказал, придя в сознание: 'Я благодарю Бога за то, что я избавлен от нечестивой церкви Антихриста и собираюсь стать членом истинной Церкви, которая торжествующе царит на небесах'. Он взобрался на кучу; пламя, коснувшееся его только с одной стороны, поглотило его левую руку. Правой рукой Бейфилд отделил ее от тела, и рука упала. Вскоре после этого он перестал молиться, потому что перестал жить.

Джон Тьюксбери, один из самых уважаемых лондонских торговцев, которого епископы уже дважды предавали казни на дыбе и чьи конечности они переломали,^[164] почувствовал, что мученическая смерть его друга придала ему мужества. "Только Христос", - обычно повторял он: в этих двух словах заключалась вся его теология. Он был арестован, доставлен в дом сэра Томаса Мора в Челси, заперт в сторожке привратника, его руки, ноги и голова были закованы в колодки;^[165] но они не смогли добиться от него желаемого отречения. Офицеры отвели его в сад канцлера и так крепко привязали к *древу истины*, как назвал это знаменитый ученый, что у него из глаз потекла кровь; после чего они его выпороли.^[166] Тьюксбери остался тверд.

16 декабря епископ Лондонский отправился в Челси и сформировал суд. 'Ты еретик, ' сказал Стоксли, ' отступник; ты навлек на себя великое отлучение от церкви. Мы передадим тебя светской власти'. Он был сожжен заживо в Смитфилде 20 декабря 1531 года. "Теперь, - сказал фанатичный канцлер, - теперь он издает вопли в аду!"

Утопии епископов.

Таковы были в тот период жестокие *утопии* епископов и остроумного сэра Томаса Мора. Другие евангельские христиане были брошены в тюрьму. Напрасно один из них восклицал: "Чем больше они преследуют эту секту, тем больше она будет разрастаться".^[167] Это мнение не остановило преследование. 'Невозможно, ' говорит Фокс (несомненно, с некоторым преувеличением), - назвать всех, кто подвергался преследованиям до времен королевы Анны Болейн. С таким же успехом можно сосчитать песчинки на морском берегу!"

Таким образом, настоящая Реформация кровью своих мучеников показала, что она не имела ничего общего с политикой, тиранией, интригами и разводом Генриха VIII. Если бы этимужи Божьи не были сожжены этим принцем, возможно, можно было бы подумать, что он был автором преобразования Англии; но кровь реформаторов взывала к небесам, что он был ее палачом.

ГЛАВА XIII.

КОРОЛЬ ГРАБИТ ПАПУ И ДУХОВЕНСТВО.

(Март -май 1532 г.)

Генрих VIII. позволив епископам выполнить их задачу по преследованию, приступил к выполнению своей собственной, заключающейся в том, чтобы заставить папство извергнуться. К несчастью для духовенства, король не смог напасть на папу, и они полностью избежали ударов. Поединок между Генрихом и Климентом становился все более ожесточенным, и в течение трех месяцев (март, апрель и май) Римская церковь, лишенная важных прерогатив, узнала, что после стольких веков богатства и почестей наконец настал час ее унижения.

Генрих был полон решимости, превыше всего, не допустить, чтобы его дело рассматривалось в Риме. Что подумали бы, если бы он уступил? 'Мог ли папа, ' писал Генрих своим посланникам, ' заставить королей оставить обязанности, возложенные на них Богом, чтобы смириться перед ним? Это значило бы растоптать славу нашей личности и привилегии нашего королевства. Если папа будет упорствовать, проститесь с понтификом и немедленно возвращайтесь к нам", — "Папе римскому, - добавил Норфолк, - не мешало бы подумать, намерен ли он продолжать послушание Англии апостольскому престолу".^[168]

Екатерина, со своей стороны, не осталась в стороне: она написала трогательное письмо папе римскому, сообщив ему, что муж изгнал ее из дворца. Климент, находясь в глубочайшем замешательстве, повел себя, однако, очень корректно: он призвал короля (25 января) вернуть королеву и отстранить Анну Болейн от двора. Генрих решительно отверг требование понтифика. "Папа никогда не обращался с принцем так, как ваше Святейшество обращались со мной", - сказал он. "Не по приукрашенной причине,^[169] нашим проводником должна быть только правда'. Король готовился начать освобождение Англии.

Характер Кромвеля.

Томас Кромвель - представитель политической реформы, проведенной этим принцем. Он был одной из тех сильных натур, которых Бог создает для выполнения важных дел. Его быстрое и уверенное суждение научило его тому, что можно было бы сделать при короле эпохи Тюдоров, а его бесстрашная энергия позволила ему достичь этого. Он испытывал инстинктивный ужас перед суевериями и злоупотреблениями, выслеживал их в самом отдаленном уголке и отбрасывал энергичной рукой. Все препятствия были сметены колесами его машины. Он даже защищал евангелистов от их гонителей, не связывая себя, однако, никакими обязательствами, и поощрял чтение Священного Писания; но королевское превосходство, инициатором которого он был, было его кумиром.

Требования Рима в Англии были многочисленными: король и Кромвель на данный момент удовлетворились отменой одного из них - присвоения папством годового дохода всех церковных пособий. - *Этианнекси*, - сказал Кромвель, - обошлись Англии в восемьсот тысяч дукатов со второго года правления Генриха VII.^[170] Если вследствие отмены аннатов папа римский не посылает епископу свою буллу о рукоположении, архиепископ или два епископа должны рукоположить его, как в старые времена.' Соответственно, в марте 1532 года Нижняя палата приняла резолюцию, которую они выразили в следующих словах: *С этим биллем коммуны согласны*, С этим законопроектом Палата общин соглашается.

Епископы были вне себя от радости: им пришлось понести большие расходы на их учреждение, и первые деньги, полученные от их благотворительности, достались папе римскому. Их друзья обычно оказывали им денежные авансы; но если епископ умирал вскоре после своей интронизации, эти авансы были утрачены. Некоторые епископы, опасаясь противодействия папы, воскликнули: 'Эти взыскания противоречат закону Божьему. Святой Павел повелевает нам удаляться от всех тех, кто поступает неупорядоченно. Поэтому, если папа утверждает, что сохраняет аннаты, пусть вашему величеству и парламенту будет угодно лишить народ послушания Римскому престолу'.^[171] Король был более умеренным, чем прелаты: он сказал, что подождет год или два, прежде чем дать свое согласие на законопроект.

Если епископы отказывали папе в его прежних доходах, они отказывали королю в новой власти, на которую претендовала корона, и утверждали, что никакая светская власть не имеет права вмешиваться в их дела.^[172] Кромвель оказал им сопротивление и решил провести реформу злоупотреблений. "Духовенство, - обратилась палата общин к королю, - без вашего и нашего согласия принимает законы, противоречащие статутам королевства, а затем отлучает от церкви тех, кто нарушает эти законы".^[173] Во второй раз перепуганные епископы тщетно молили короля привести его законы в соответствие с их законами. Генрих VIII. настаивал на том, что Церковь должна соответствовать государству, а не государство Церкви, и был неумолим. Епископы хорошо знали, что именно их союз с могущественными понтификами, всегда готовыми защитить их от королей, придал им столько силы в средние века, и что теперь они должны уступить. Поэтому они приспустили свой флаг перед органом власти, который они сами создали. Созыв действительно предпринял последнюю попытку. Это означало, что "власть епископов исходит непосредственно от Бога, а не от власти какого-либо светского князя, как *ваше Высочество показали в вашей собственной книге, превосходно написанной против Мартина Лютера*". Но король был тверд и в конце концов заставил прелатов уступить.^[174] Так была совершена великая революция: духовная власть была отнята у тех высокомерных священников, которые так долго узурпировали права членов Церкви. Это было всего лишь правосудие, но его следовало передать в руки лучше, чем руки Генриха VIII.

Противоречивые клятвы.

Кромвель готовил новый удар, который должен был обрушиться на тройную корону понтифика. Он обратил внимание своего хозяина на клятвы, которые епископы приносили при своей хиротонии, как королю, так и папе римскому. Генрих сначала зачитал клятву папе римскому. 'Я клянусь, ' сказал епископ, - защищать папство Рима, царственность Святого Петра, от всех людей. Если я узнаю о каком-либо заговоре против папы римского, я буду сопротивляться ему изо всех сил и предупрежу его. Еретиков, раскольников и мятежников нашего святого отца я буду преследовать всеми своими силами".^[175] С другой стороны, епископы одновременно принесли присягу королю, в которой они отказались от каждого пункта или разрешения, которые, исходя от папы, могли каким-либо образом нанести ущерб его Величеству. На одном дыхании они должны повиноваться папе римскому и не повиноваться ему.

Такие противоречия не могли продолжаться долго: король хотел, чтобы англичане были не с Римом, а с Англией. Соответственно, он послал за спикером Палаты общин и сказал ему: 'Внимательно изучив этот вопрос, я нахожу, что епископы, вместо того чтобы быть полностью моими подданными, являются таковыми лишь наполовину. Они приносят клятву папе римскому, совершенно противоположную той, которой они клянутся короне; так что они скорее

подданные папы, чем мои.^[176] Я передаю этот вопрос на ваше попечение." Парламент был отложен на три дня из-за чумы; но прелаты заявили, что они отказываются от всех распоряжений папы, ущемляющих права его Величества.^[177]

Политическая партия была в восторге, папская - в замешательстве. Монастыри вновь наполнились слухами, проклятиями и самыми странными проектами. Монахи во время визитов, которые они совершали во время своих ежедневных обходов, возмущались посягательствами на власть папы римского. Поднявшись на кафедру, они выступили с речью против святотатства, автором которого (по их словам) был Кромвель, а жертвами - английский народ.

До последнего английские священники надеялись на сэра Томаса Мора. Этот ученик Эразма вел себя подобно своему учителю. Обрушившись с едкими шутками на римские суеверия, он обернулся и, увидев, что Реформация атакует их еще более мощным оружием, огнем сразился с евангелистами. В течение двух лет он исполнял обязанности лорда-канцлера с непревзойденной активностью и добросовестностью. Собрание предложило ему четыре тысячи фунтов стерлингов "за те усилия, которые он предпринял в борьбе с Богом",^[178] он ответил: "Я не получу вознаграждения, кроме как от одного Бога"; и когда священники убедили его принять деньги, он сказал: 'Я бы скорее выбросил их в Темзу'. Он преследовал не из каких-либо корыстных побуждений; но чем больше он продвигался, тем более фанатичным становился. Каждое воскресенье он надевал стихарь и служил мессу в Челси. Герцог Норфолкский однажды удивил его этим снаряжением. 'Что я вижу?' - воскликнул он. 'Мой лорд-канцлер, исполняющий обязанности приходского писаря... ты позоришь свою должность и своего короля'.^[179] — "Это не так, - серьезно ответил сэр Томас, - потому что я чту его хозяина и всех нас".

Важный вопрос о присяге епископа предупредил его, что он не может служить одновременно королю и папе. Вскоре он принял решение. Днем 16 мая он отправился в Уайтхолл-гарденс, где его ожидал король, и в присутствии герцога Норфолкского снял печати.^[180] Вернувшись домой, он радостно сообщил жене и дочерям о своей отставке, но они были сильно этим встревожены. Что же касается сэра Томаса, обрадованного освобождением от своего подопечного, то он больше, чем когда-либо, предавался бичеванию, не отказываясь от своих остроумных высказываний - Эразма и Лойолы в одном лице.

Генри передал печати сэру Томасу Одли, человеку, хорошо расположенному к Евангелию: это готовило освобождение Англии. И все же Реформация все еще подвергалась большой опасности.

Настоящие Основатели Реформы.

Генрих VIII. хотел упразднить папство и поставить на его место католицизм — сохранить доктрину Рима, но заменить власть понтифика властью короля. Он был неправ, придерживаясь католической доктрины; он был неправ, устанавливая юрисдикцию князя в церкви. Евангельским христианам пришлось бороться с этими двумя пороками в Англии и установить высший и исключительный суверенитет Слова Божьего. Можем ли мы винить их, если они не преуспели полностью? Чтобы достичь своей цели, они добровольно пролили свою кровь.

ГЛАВА XIV.

СВОБОДА ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОПОВЕДИ В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

(1532.)

Есть писатели, которые всерьез приписывают Реформацию в Англии разводу Генриха VIII и, таким образом, молча обходят стороной Слово Божье и труды евангелистов, которые действительно основали протестантское христианство в этой стране. Также забудьте, что свет исходит от солнца. Если бы не вера таких людей, как Билни, Латимер и Тиндейл, Англиканская церковь со своим королем, государственными министрами, парламентом, епископами, соборами, литургией, иерархией и церемониями была бы доблестным кораблем, хорошо оснащенный мачтами, парусами и такелажем и укомплектованным опытными моряками; но на нее не действовало бы дуновение небес. Церковь устояла бы на месте. Ее настоящая сила заключается в смиренных членах царства Божьего. 'Те, кого Господь возвысил до высокого положения, ' говорит Кальвин, - чаще всего мало-помалу отступают или погибают от одного удара'. Англия, с ее богатством и величием, нуждалась в противовесе: живой вере бедных духом. Если люди достигают высокой степени материального процветания; если они своей энергией покоряют силы природы; если они вынуждают промышленность щедро снабжать их своими запасами; если они покрывают моря своими кораблями, более отдаленные страны своими колониями и рынками и заполняют свои склады и жилища продуктами со всей земли, тогда их окружают большие опасности. Материальные блага угрожают погасить священный огонь в их сердцах; и если Святой Дух не окажет благотворного противодействия таким ловушкам, то люди, вместо того чтобы играть нравоучительную и цивилизующую роль, могут оказаться ничем иным, как огромной шумной машиной, приспособленной только для удовлетворения вульгарных appetites. Чтобы нация могла воздавать должное высокому и славному призванию, она должна иметь внутри себя жизнь веры, святость совести и надежду на нетленное богатство. В то время в Англии были люди, в сердцах которых Бог зажег священный огонь и которым предстояло стать важнейшими инструментами ее нравственного преобразования.

Обследование Ламберта.

Примерно в конце 1531 года молодой священник Джон Николсон по фамилии Ламберт находился на борту одного из кораблей, которые вели торговлю между Лондоном и Антверпеном. Он был капелланом на английской фабрике в последнем месте, хорошо разбирался в трудах Лютера и других реформаторов, был близок с Тиндейлом и с силой проповедовал Евангелие. Будучи обвинен в ереси неким Барлоу, он был схвачен, закован в кандалы и отправлен в Лондон. Оставшись один на корабле, он перебрал в памяти главные события своей жизни — как он был обращен в Кембридже служением Билни; как, смешавшись с толпой у Креста Святого Павла, он услышал проповедь епископа Рочестерского против Нового Завета; и как, напуганный нечестием священников и сгорая от желания познать Бога, он пересек море. Когда он добрался до Англии, его доставили в Ламбет, где он прошел предварительное обследование. Затем его отвезли в Отфорд, где у архиепископа был прекрасный дворец, и оставили там на некоторое время в жалкой дыре, почти без еды. Наконец его привели к архиепископу, и от него потребовали ответа на сорок пять различных статей.

Ламберт за время своего пребывания на Континенте полностью проникся принципами Реформации. Он считал, что только при полной свободе исследования люди могут быть убеждены в истине. Но он не блуждал без компаса по бескрайнему океану человеческих мнений: он взял в руки Библию, твердо веря, что каждое учение, содержащееся в ней, истинно, а все, что ему противоречит, ложно. С одной стороны, он видел ультрамонтанскую систему, которая выступает против свободы вероисповедания, свободы печати и даже свободы чтения; с другой стороны, протестантизм, который заявляет, что каждый человек должен быть свободен изучать Священное Писание и подчиняться его учению.

Архиепископ в сопровождении своих офицеров занял свое место в дворцовой часовне, ввели Ламберта, и начался допрос.

- Вы читали книги Лютера? - спросил прелат.

‘Да,’ ответил Ламберт, - и я благодарю Бога за то, что я когда-либо делал это, ибо через них Бог показал мне, а также огромному множеству других, такой свет, который не может выдержать тьма’. Затем, свидетельствуя о свободе исследования, он добавил: "Лютер превыше всего желает, чтобы его труды и труды всех его противников были переведены на все языки с целью, чтобы все люди могли видеть и знать, что говорится с каждой стороны, благодаря чему они могли бы лучше судить, что является истиной. И это делается не только сотнями и тысячами, но и целыми городами и странами, как высокими, так и низкими. Но (продолжил он) в Англии наши прелаты настолько погрязли в сладострастии, что у них нет досуга изучать Священное Писание Бога; они ненавидят его не меньше, чем смерть, не приводя никаких других причин, кроме тиранического изречения Сарданапала: *Таково воло, таково джубео, сиди pro ratione voluntas*, так я хочу, так я приказываю, и пусть моя воля остается в силе". ^[181]

Ламберт, желая донести эти вопросы до людей, сказал: ‘Когда вы захотите купить ткань, вы не будете довольствоваться просмотром товаров одного торговца, а пойдете от первого ко второму, от второго к третьему, чтобы найти, у кого ткань лучше. Будете ли вы более небрежно относиться к здоровью своей души?... Когда вы отправляетесь в путешествие, не зная в совершенстве пути, вы будете спрашивать одного человека за другим; так и мы должны искать входа в царство Небесное. Сам Златоуст учит вас этому. ^[182]... Читайте труды не только Лютера, но и всех других, будь они дурными или хорошими. Ни один хороший закон не запрещает этого, но только фарисейские конституции.’

Уорхэм, который тогда был таким же противником свободы прессы, как сейчас папы римские, не мог видеть в этой свободе исследования ничего, кроме безграничного хаоса. ‘Изображений достаточно,’ - сказал он, ‘чтобы сохранить в нашей памяти Христа и Его святых’. Но Ламберт воскликнул: ‘Какое нам дело до бессмысленных камней или дерева, вырезанных рукой человека? Это Слово, исходящее из груди Самого Христа, в совершенстве показывает нам Его благословенную волю". ^[183]

Уорхэм спросил Ламберта о количестве его последователей, и тот ответил: "Великое множество людей во всех регионах и царствах христианского мира думают так же, как я показал. Я предвижу, что толпа приближается к половине христианского мира". ^[184] Ламберт был возвращен в тюрьму; но после того, как Мор снял печати, а Уорхэм умер, этот вестник свободы и истины увидел, как с него спали цепи. Однако однажды ему суждено было погибнуть в огне и, забыв обо всех спорах, воскликнуть посреди пламени: "Никто, кроме Иисуса Христа".

Евангельское мужество Латимера.

В Лондоне был служитель Слова, который раздражал друзей Рима больше всех остальных; этим человеком был Латимер. Двор Генриха VIII, светский, великолепный, любивший удовольствия, интриги, элегантность одежды, мебели, банкеты, изысканность языка и манер, не был благоприятным полем для Проповеди Евангелия. 'Очень трудно,' сказал один реформатор, 'чтобы дорогие украшения, торжественные банкеты, чрезмерная гордыня, поток удовольствий и разврата не приносили за собой много зла'. Таким образом, священники и придворные не могли выносить проповедей Латимера. Если Ламберт выступал за свободу исследования, то королевский капеллан был за свободу проповеди: его рвение иногда доходило до неосторожности, а его едкое остроумие, его чрезвычайная откровенность не щадили начальство. Однажды несколько честных торговцев, алчущих Слова Божьего, умоляли его прийти и проповедовать в одной из городских церквей. Он трижды отказывался, но в конце концов уступил их молитвам. Смерть Билни и других мучеников глубоко ранила его. Он знал, что дикие звери, однажды попробовав крови, жаждут большего, и боялся, что эти убийства, эти бойни только ожесточат его противников. Он решил осыпать прелатов-преследователей своими сарказмами. Взойдя на кафедру, он проповедовал, опираясь на эти слова из послания того времени: *Вы не под законом, но под благодатью.*^[185] 'Что? - воскликнул он. - Святой Павел учит христиан, что они не находятся под законом.... Что он имеет в виду?... Больше никакого закона! Святой Павел призывает христиан нарушать закон. Скорее! донесите на святого Павла, схватите его и отведите к милорду епископу Лондона!... Добрый апостол должен быть приговорен нести хворост у Креста Святого Павла. Какое приятное зрелище - видеть святого Павла с хворостом за спиной перед милордом собственной персоной, восседающим на своем епископском троне!... Но нет! Я ошибаюсь, его светлость не удовлетворился бы такой малостью ... он скорее сжег бы его'.^[186]

Эта ироничная формулировка дорого обошлась Латимеру. Напрасно он говорил в одной из тех церквей, которые, будучи зависимыми от монастыря, не находились под епископальной юрисдикцией: все вокруг осуждали его и отравляли ему жизнь. Придворные говорили о его проповедях, пожимали плечами, показывали на него пальцами, когда он приближался к ним, и отворачивались от него. Благосклонность короля, который, возможно, улыбнулся этому взрыву ораторского искусства с кафедры, с трудом защитила его. Двор с каждым днем становился для него все более невыносимым, и Латимер, удалившись в свой кабинет, испустил множество тяжелых вздохов. 'Какие муки я терплю! - сказал он. ' в каком мире я живу! Ненависть в постоянном действии; группировки, борющиеся друг с другом; глупость и тщеславие, ведущие хоровод; лицемерие, безбожие, разврат, все пороки, разгуливающие на свободе.... Это слишком. Если бы я мог что-то сделать... но у меня нет ни таланта, ни усердия, необходимых для борьбы с этими монстрами.... Я устал от двора.

Латимер покидает Корт.

Латимер недавно был представлен церкви Западного Кингтона в епархии Солсбери. Желая сохранить свободу христианской церкви и видя, что ее больше не существует в Лондоне, он решил попытаться найти ее в другом месте. 'Я уезжаю,' сказал он одному из своих друзей. 'Я уезжаю и буду жить в своем приходе'. — 'Что вы это говорите?' - воскликнул другой. - "Кромвель, который находится на вершине славы и имеет глубокие замыслы, намерен совершить для вас великие дела.... Если вы покинете двор, о вас забудут, и ваши соперники займут ваше место'. —

‘Единственное, чего я желаю, - сказал Латимер, - это быть полезным’. Он удалился, повернувшись спиной к епископскому посоху, о котором упоминал его друг.

Латимер начал усердно проповедовать в Уилтшире, и не только в своем собственном приходе, но и в округах вокруг него. Его усердие было так велико, его проповедь так могущественна, говорит Фокс,^[187] что его слушатели должны либо поверить в доктрину, которую он проповедовал, либо восстать против нее. ‘Всякий, кто не входит во двор через дверь, которая есть Христос, будь то священник, епископ или папа римский, является разбойником’, - сказал он. “В Церкви больше воров, чем пастухов, и больше козлов, чем овец”.^[188] Его слушатели были поражены. Один из них (доктор Шервуд) сказал ему: ‘Какая проповедь, или, скорее, какая сатира! Если мы вам поверим, всей конопки в Англии не хватило бы, чтобы повесить этих воров в епископы, священники и викарии.’^[189] Все это, без сомнения, преувеличение, но такое преувеличение опрометчиво, дерзко и нечестиво.’ Священники оглядывались в поисках какого-нибудь доблестного защитника Рима, готовые вместе с ним бороться с церковными распрями.

Однажды в деревню прискакал старый врач странного вида; на нем не было рубашки, но он был одет в длинную мантию, доходившую до пяток лошади, “весь перепачканный, как слюна”, - говорит хронист.^[190] Он не заботился о вещах телесных, чтобы люди поверили, что он был более предан размышлениям об интересах души. Он с серьезным видом слез с коня, объявил о своем намерении поститься и начал серию долгих молитв. Этот человек по имени Хаббердин, дон Кихот римско-католической церкви, странствовал по всему королевству, перевознося папу римского в ущерб королям и даже Иисусу Христу и выступая с речами против Лютера, Цвингля, Тиндейла и Латимера.

В праздничный день Хаббердин надел священническую мантию, несколько более чистую, чем та, которую он обычно носил, и поднялся за кафедру, где взялся доказывать, что новое учение пришло от дьявола, что он и продемонстрировал историями, баснями, снами и забавными диалогами. Он танцевал, и скакал, и подскакивал, и жестикулировал, словно был театральным актером, а его проповедь была своего рода интерлюдией.^[191] Его слушатели были удивлены и озадачены; Латимер испытал отвращение. “Ты лжешь, - сказал он, - когда называешь веру в Священное Писание новой доктриной, если только ты не хочешь сказать, что она делает новыми творениями тех, кто ее принимает”.

Поскольку Хаббердин не смог заткнуть рот красноречивому капеллану с его фокусами, епископы и знать по соседству решили осудить Латимера. Посыльный вручил ему судебный приказ, призывающий его лично предстать перед епископом Лондона для ответа по поводу некоторых совершенных им эксцессов и преступлений.^[192] Отложив бумагу, в которой содержалось это угрожающее сообщение, Латимер задумался. Его положение было критическим. В то время он страдал от камня, от болей в голове и кишечнике. Это было в разгар зимы, и, кроме того, он был один в Вест-Кингтоне, без друга, который мог бы дать ему совет. Обладая щедрым и отважным темпераментом, он поспешно бросился в гущу боя, но легко впал в уныние. ‘Господи милосердный! что это за мир такой, - воскликнул он, - что я буду подвергнут такому великому труду и мукам, которые превышают мои силы, ради того, чтобы произнести бедную простую проповедь! Но мы должны обязательно пострадать и так войти в царство Христово’.^[193]

Ужасная повестка лежала на столе. Латимер взял ее и прочел. Он больше не был блестящим придворным капелланом, очаровывавшим своим красноречием светские собрания; он был

бедным сельским священником, всеми покинутым. Он был опечален. "Я удивлен, - сказал он, - что милорд Лондонский, у которого такая большая епархия, в которой он должен проповедовать Слово во время и не во время,^[194] имеет достаточно времени, чтобы приехать и побеспокоить меня в моем маленьком приходе ... несчастный я, который ему совершенно незнаком'. Он обратился к своему ординарцу; но епископ Стокли не собирался отпускать его, и, будучи столь же способным, сколь и вспыльчивым, он умолял архиепископа, как примаса всей Англии, вызвать Латимера в свой суд и поручить ему (епископу Лондона) допросить его. Друзья капеллана были в ужасе и умоляли его покинуть Англию, но он отправился в Лондон.

Попытка заманить Латимера в ловушку.

29 января 1532 года суд, состоящий из епископов и докторов канонического права, собрался под председательством примаса Уорхэма в соборе Святого Павла. Когда появился Латимер, епископ Лондона вручил ему бумагу и приказал подписать ее. Реформатор взял бумагу и прочитал ее. Там было шестнадцать статей о вере в чистилище, призывании святых, достоинствах паломничеств и, наконец, о силе ключей, которые (говорилось в документе) принадлежали епископам Рима, "даже если их жизнь была порочной",^[195] и другие подобные темы. Латимер вернул бумагу Стокли, сказав: 'Я не могу ее подписать'. Три раза за одну неделю ему приходилось предстать перед судьями, и каждый раз повторялась одна и та же сцена: обе стороны были непреклонны. Затем священники изменили свою тактику: они начали дразнить Латимера и ставить его в неловкое положение бесчисленными вопросами. Как только один заканчивал, другой начинал с софистики, правдоподобия и бесконечных уверток. Латимер пытался заставить своих противников держаться в пределах круга, из которого они вышли, но они его не слушали.

Однажды, войдя в холл, Латимер заметил перемену в расстановке мебели. Там был дымоход, в котором раньше горел огонь: в этот день огня не было, и очаг был невидим. Над ним висел какой-то гобелен, а стол, вокруг которого сидели судьи, находился в середине комнаты. Обвиняемый сидел между столом и камином. "Мастер Латимер, - сказал пожилой епископ, которого он считал одним из своих друзей, - прошу вас, говорите немного громче: я плохо слышу, как вы знаете". Латимер, удивленный этим замечанием, наострил уши, и ему показалось, что он слышит в камине стук пера по бумаге.^[196] "Хо-хо! - подумал он. - они спрятали кого-то там, чтобы записывать мои ответы". Он осторожно отвечал на придирчивые вопросы, к большому смущению судей.

Латимер испытывал отвращение не только к уловкам своих врагов, но еще больше к их "вызывающему беспокойство беспокойству";^[197] потому что, удерживая его в Лондоне, они вынуждали его пренебрегать своими обязанностями, и особенно потому, что они считали преступлением проповедовать истину. Архиепископ, желая расположить его к себе знаками уважения и привязанности, пригласил его приехать и повидаться с ним; но Латимер отказался, не желая ни за какие деньги отказываться от свободы кафедры. Реформаторы шестнадцатого века не утверждали, что все доктрины должны проповедоваться с одной кафедры, но что евангельская истина должна свободно проповедоваться повсюду. "Я желал и продолжаю желать, - писал Латимер архиепископу, - чтобы наш народ усвоил разницу между доктринами, которым научил Бог, и теми, которые исходят только от нас самих. Иди, сказал Иисус, и научи всему.... Каким вещам?... все, что Я повелел вам, а не то, что вы считаете нужным проповедовать."^[198] Давайте же все тогда приложим усилия, чтобы в один голос проповедовать

дела Божьи. Я искал не своей выгоды, но выгоды Христа; не своей славы, но славы Божьей. И пока у меня остается дыхание жизни, я буду продолжать это делать".^[199]

Так говорил смелый проповедник. Именно благодаря такой непоколебимой верности совершаются великие революции.

Латимер отлучен от церкви.

Поскольку Латимер был глух ко всем их уговорам, ничего не оставалось, как пригрозить костром. Обвинение было передано Кентерберийскому собранию, и 15 марта 1532 года он предстал перед этим собранием в Вестминстере. Перед ним были представлены пятнадцать статей. 'Мастер Латимер, - сказал архиепископ, - синод призывает вас подписать эти статьи'. — "Я отказываюсь", - ответил он.— Все епископы горячо настаивали на нем. 'Я категорически отказываюсь', - ответил он во второй раз. Уорхэм, друг учености, не мог решиться осудить одного из лучших гениев Англии. 'Пожалейте себя', - сказал он. 'В третий и последний раз мы умоляем вас подписать эти статьи'. Хотя Латимер знал, что отрицательный ответ, вероятно, отправит его на костер, он все же ответил: "Я категорически отказываюсь".^[200]

Терпение Собрания истощилось. 'Еретик! упрямый еретик! - воскликнули епископы. 'Мы слышали это из его собственных уст. Пусть он будет отлучен от церкви. Приговор об отлучении был вынесен, и Латимер был доставлен в башню Лоллардов.

Велико было волнение как в городе, так и при дворе. Создания священников уже распевали на улицах песни с таким бременем, как это:

А потому было бы жаль, если бы ты умер от холода.^[201]

'Ах!' сказал Латимер в "Башне мучеников". - Если бы они попросили меня признаться в том, что я слишком поспешил использовать сарказм, я был бы готов сделать это, потому что грех - это тяжелое бремя. О Боже! к Тебе взываю Я; омой меня в крови Иисуса Христа'. Он искал смерти, хорошо зная, что немногие покидали ту башню, кроме эшафота. 'Что же нам делать?' - спросили Уорхэм и бишопы. Многие из них передали бы заключенного мировому судье, чтобы тот сделал то, что было принято, но правлению папства в Англии подходил к концу, а Латимер был королевским капелланом. Один ловкий прелат предложил способ все уладить. "Мы должны получить от него что-нибудь, пусть даже самую малость, а затем повсюду сообщать, что он отрекся".

Несколько священников отправились навестить заключенного: 'Ты ничего не уступишь?' - спросили они.— 'Я был слишком жесток, ' сказал Латимер, ' и я смиряюсь соответственно'. — 'Но разве вы не признаете заслугу трудов?' — "Нет!" — 'Молитвы святым?' — 'Нет!' — 'Чистилище?' — 'Нет!' — "Власть ключей, данных папе?" — "Нет!" Я говорю тебе'. — Блестящая идея пришла в голову одному из священников. Лютер учил, что иметь распятие и изображения святых не только разрешено, но и похвально, при условии, что это просто напоминание нам о них, а не призыв к ним. Он добавил, что Реформация не должна отменять постные дни, но стремиться сделать их реальностью.^[202] Латимер заявил, что придерживается того же мнения.

Депутация поспешила сообщить эту новость епископам. Наиболее фанатичные из них не могли решиться удовлетвориться такой малостью. Что? никакого чистилища, никакой добродетели в мессе, никаких молитв к святым, никакой силы ключей, никаких достойных дел! Это было

знаменательное поражение, но епископы знали, что король не потерпит осуждения своего капеллана. После долгого обсуждения Собрание решило, что, если мастер Латимер подпишет эти две статьи, он должен быть освобожден от наказания в виде отлучения от церкви. Фактически, 10 апреля Церковь отозвала уже вынесенное ею осуждение.^[203]

ГЛАВА XV. ГЕНРИХ VIII. НАПАДАЕТ НА СТОРОННИКОВ ПАПЫ РИМСКОГО И РЕФОРМАЦИИ. (1532 г.)

Францисканцы проповедуют в Генрихе.

Жизненным принципом реформации Генриха VIII. было ее противопоставление как Риму, так и Евангелию. Он не колебался, как многие, между этими двумя доктринами: он одинаково наказывал, изгнанием или костром, последователей Ватикана и последователей Священного Писания.

Желая показать, что принятое им решение расстаться с Екатериной незыблемо, король поселил Анну Болейн во дворце в Гринвиче, хотя королева все еще находилась там, и выделил ей приемную комнату и королевский парадный вид. Толпа придворных, оставив заходящую звезду, повернулась к тому, что появлялось над горизонтом. Генрих уважал личность Анны и стремился, чтобы весь мир узнал, что если она на самом деле не королева, то однажды станет ею. В поведении короля ощущался недостаток деликатности и принципиальности, что вызывало сильное раздражение католической партии, и не без причины.

Монахи ордена святого Франциска, служившие в королевской часовне в Гринвиче, пользовались любой возможностью, чтобы заявить о своей привязанности к Екатерине и папе римскому. Анна тщетно пыталась расположить их к себе своими чарами; если с немногими ей это удалось, то с большим числом она потерпела неудачу. Их настоятель, отец Форест, духовник Екатерины, горячо защищал права этой несчастной принцессы. Проповедуя на кресте Святого Павла, он произнес проповедь, в которой Генри подвергся жестоким нападкам, хотя его имя не было названо. Те, кто слышал это, подняли большой шум по этому поводу, и Форест был вызван в суд. "Что с ним сделают?" - спрашивали люди; но вместо того, чтобы отправить его в тюрьму, как многие ожидали, король хорошо принял его, полчаса беседовал с ним и "прислал ему большой кусок говядины со своего стола".

Вернувшись в свой монастырь, Форест с триумфом описал этот лестный прием, но король не достиг своей цели. Среди этих монахов были люди независимого, возможно, фанатичного характера, которых не могли завоевать никакие благосклонности.

Один из них, по имени Пето, до тех пор неизвестный, но впоследствии получивший большую известность в католическом мире как кардинал-легат папы римского в Англии,^[204] подумав, что Форест сказал недостаточно, решил пойти дальше. Возвышение Анны Болейн наполнило его

гневом: он жаждал высказаться, и поскольку король и весь двор должны были присутствовать в часовне 1 мая, он выбрал для своего текста слова пророка Илии, обращенные к царю Ахаву: *Псы будут лизать твою кровь.*^[205] Он нарисовал портрет Ахава, описал его злобу и нечестие, и хотя он не назвал Генриха VIII., некоторые отрывки заставили слушателей почувствовать себя неловко. При произнесении, повернувшись к царю, он сказал: 'Теперь послушай, о царь, что я должен сказать тебе, как в старые времена Михей говорил Ахаву. Этот новый брак незаконен. Есть и другие проповедники, которые, чтобы стать богатыми аббатами или могущественными епископами, предают свою душу, свою честь и свое потомство. Берегись, чтобы тебе, будучи соблазненным подобно Ахаву, не подвергнуться наказанию Ахава... у которого псы слизали его кровь'.

Придворные были поражены; но король, черты лица которого не дрогнули во время этого обращения, дождался окончания службы, покинул часовню как ни в чем не бывало и позволил Пето отбыть в Кентербери. Но Генри не мог допустить, чтобы подобные оскорбления остались незамеченными. Священнику по имени Кирван было поручено проповедовать в той же часовне в следующее воскресенье. Прихожане были еще более многочисленны, чем раньше, и к тому же еще более любопытны. Несколько монахов ордена Наблюдающих, друзей Пето, проникли на чердак, полные решимости защитить его. Доктор начал свою проповедь. После установления законности предполагаемого брака Генри он дошел до проповеди предыдущего воскресенья и оскорблений проповедника. 'Я обращаюсь к тебе, Пето, - воскликнул он, - который называет себя Михеем; мы ищем тебя, но тебя нигде нет, ты бежал от страха и стыда'. На чердаке послышался шум, и один из Наблюдателей по имени Элстоу поднялся и крикнул: 'Вы знаете, что отец Пето уехал в Кентербери на заседание провинциального совета, но я здесь, чтобы ответить вам. И на этот бой я вызываю тебя, Кирван, пророк лжи, который ради собственного тщеславия предает своего короля на вечную погибель'.

В часовне мгновенно воцарилась неразбериха: ничего не было слышно. Затем король поднялся: его царственная фигура, царственный вид, величественные манеры внушили толпе благоговейный трепет. Все замолчали, и взволнованная паства почтительно покинула часовню. Пето и его друга вызвали на совет. 'Ты заслуживаешь того, чтобы тебя зашили в мешок и бросили в Темзу', - сказал один из них. - Мы ничего не боимся, - ответил Элстоу. - путь на небеса по воде так же короток, как и по суше.^[206]

Генрих, таким образом, развязав войну со сторонниками папы римского, обратился к сторонникам Реформации. Как ребенок, он метался туда-сюда, сначала с одной стороны, потом с другой; но его забава была еще более ужасной, потому что каждый раз, когда он касался земли, брызгала кровь.

Христианские собрания в Лондоне.

В то время в Англии было много христиан, которым римское богослужение не приносило никакого назидания. Раздобыв перевод Слова Божьего, сделанный Тиндейлом, они почувствовали, что обладают им не только для себя, но и для других. Они искали общества друг друга и встречались вместе, чтобы почитать Библию и получить духовные милости от Бога. Несколько христианских собраний такого рода было организовано в Лондоне, на чердаках, на складах, в школах и магазинах, и одно из них проходило на складе на Боу Лейн. Среди его завсегдатаев был сын глостерширского рыцаря по имени Джеймс Бейнхэм, человек, хорошо разбиравшийся в классической литературе, и выдающийся юрист, уважаемый всеми за свое

благочестие и благотворительность. Свободно давать советы вдовам и сиротам, следить за правосудием в отношении угнетенных, помогать бедным студентам, защищать благочестивых людей и посещать тюрьмы - таковы были его повседневные занятия. "Он был прилежным читателем Священного Писания и сильно увлекался молитвой".^[207] Когда он вошел на собрание, каждый мог видеть, что его лицо выражало спокойную радость; но в течение месяца после этого его друзья на Боу-Лейн замечали, что он взволнован и подавлен, и слышали, как он тяжело вздыхает. Причина была вот в чем. Незадолго до этого (в 1531 году), когда он занимался своими делами в Миддл Темпл, этот 'образцовый юрист' был арестован по приказу Мора, который все еще был канцлером, и доставлен как преступник в дом знаменитого гуманиста в Челси. Сэр Томас, весьма огорченный тем, что столь выдающийся человек покидает Римскую церковь, употребил все свое красноречие, чтобы вернуть его обратно; но, сочтя его усилия бесполезными, он приказал отвести Бейнхэма в свой сад и привязать к 'дереву истины'. Там канцлер выпорол его или приказал, чтобы его выпороли: мы принимаем последнюю версию, которая более вероятна.^[208] Бейнхэм отказался назвать имена джентльменов Храма, запятнанных ересью, его поместили в Тауэр. 'Вздерните его на дыбу', - закричал ученый канцлер, ставший теперь фанатичным преследователем. Приказ был выполнен в его присутствии. Руки и ноги несчастного протестанта были схвачены инструментом и растянуты в противоположных направлениях; его конечности были вывихнуты, и он вышел хромым из камеры пыток.^[209]

Бейнхэм подвергся преследованиям.

Сэр Томас сломал своей жертве конечности, но не проявил мужества; и соответственно, когда Бейнхэма вызвали к епископу Лондона, он отправился во дворец, радуясь тому, что ему снова предстоит исповедовать своего Хозяина. 'Вы верите в чистилище?' строго спросил его Стоксли. Бейнхэм ответил: *"Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха"*.^[210] 'Верите ли вы, что мы должны призвать святых помолиться за нас?' Он снова ответил: *"Если кто—нибудь согрешит, у нас есть заступник перед Отцом - Иисус Христос праведный"*.^[211]

Человек, который отвечал только текстами из Священного Писания, ставил в неловкое положение. Мор и Стоксли давали самые заманчивые обещания, и не жалели средств, чтобы склонить его.^[212] Вскоре они прибегли к более серьезным объяснениям: 'Объятия Церкви, вашей матери, все еще открыты для вас, - сказали они, - но если вы продолжите упрямиться, они сомкнутся против вас навсегда. Сейчас или никогда! Целый месяц епископ и канцлер настаивали на своих мольбах; Бейнхэм ответил: 'Моя вера - вера святой Церкви'. Услышав эти слова, Фоксфорд, секретарь епископа, достал бумагу. 'Вот отречение, - сказал он. - Прочтите его. Бейнхэм начал так: 'Я добровольно, как истинный кающийся грешник, вернувшийся из своей ереси, полностью отрекаюсь'.... При этих словах он остановился и, пробежав взглядом то, что последовало дальше, продолжил: "Нет, эти статьи не являются еретическими, и я не могу от них отказаться". Теперь были приведены в движение другие пружины, которые потрясли Бейнхэма. Молитвы его друзей, угрозы врагов, особенно мысль о его жене, которую он любил и которая останется одна в нужде, незащищенная перед гневом всего мира, - все это тревожило его душу. Он потерял из виду узкую тропинку, по которой ему следовало идти, и пять дней спустя слабым голосом прочел свое отречение. Но едва он дочитал до конца, как разрыдался и сказал, борясь со своими эмоциями: "Я оставляю доктрины при себе". Он согласился остаться в Римской церкви, по-прежнему сохраняя свою евангельскую веру. Но епископ и его офицеры имели в виду не это. "Поцелуй эту книгу", - сказали они ему угрожающе. Бейнхэм, словно

ошеломленный, поцеловал книгу; это был знак; заклинание считалось завершенным. Он был приговорен к уплате штрафа в размере двадцати фунтов стерлингов и отбыванию епитимьи на кресте Святого Павла. После этого он был освобожден 17 февраля.

Бэйнхэм вернулся к своим собратям: они печально посмотрели на него, но не упрекнули в его вине. В этом не было необходимости. Червь раскаяния терзал его; он испытывал отвращение к роковому поцелую, которым скрепил свое падение; его совесть никогда не была спокойна; он не мог ни есть, ни спать и дрожал при мысли о смерти. В одно время он прятал свою тоску и заглушал ее в своей груди; в другое время его горе прорывалось наружу, и он пытался облегчить свою боль горестными стонами. Мысль о том, чтобы предстать перед судом Божиим, повергала его в обморок. Восстановление совести во всех ее правах было главной работой Реформации. Лютер, Кальвин и бесконечное число более безвестных реформаторов достигли безопасной гавани посреди таких бурь. "В душах всех протестантов разыгрывалась трагедия", — говорит писатель, не принадлежащий к Реформации, - "вечная трагедия совести".

Бейнхэм чувствовал, что единственный способ восстановить мир - это открыто обвинить себя перед Богом и людьми. Взяв в руки Новый Завет Тиндейла, который был одновременно и его радостью, и его силой, он отправился в церковь Св. Он тихо сел посреди прихожан, а затем в определенный момент встал и сказал: 'Я отрицал истину'.... Он не мог продолжать из-за своих слез.^[213] Придя в себя, он сказал: "Если бы я снова не вернулся к доктрине, от которой я отрекся, это слово Священного Писания осудило бы меня и душой, и телом в судный день'. И он поднял Новый Завет перед всем собранием. 'О друзья мои, ' продолжал он, - лучше умрите, чем согрешите, как согрешил я. Адское пламя поглотило меня, и я не почувствовал бы его снова ни за что на свете".^[214]

Затем враги снова схватили его и заперли в епископском угольном погребе, где, заковав в кандалы, оставили на четыре дня. После этого его отвели в Тауэр, где бичевали каждый день в течение двух недель и, наконец, осудили как закоренелого еретика.

Бэйнхэм казнен.

Накануне казни четверо выдающихся людей, одним из которых был Латимер, обедали вместе в Лондоне. Широко распространялась информация, что Бейнхэм должен был быть казнен за слова о Томасе Бекете как о предателе, достойном ада. 'Стоит ли человеку жертвовать своей жизнью из-за такого пустяка?' - спросили четверо друзей. 'Давайте отправимся в Ньюгейт и спасем его, если возможно'. Их провели по нескольким мрачным коридорам, и наконец они очутились в присутствии человека, который сидел на соломинке, держа книгу в одной руке и свечу в другой.^[215] Он читал; это был Бейнхэм. Латимер подошел к нему поближе. 'Позаботьтесь, - сказал он, - чтобы никакое тщеславие не заставило вас пожертвовать своей жизнью ради мотивов, которые не стоят такой цены'. 'Я осужден, ' ответил Бейнхэм, - за то, что доверяю Писанию и отвергаю чистилище, мессы и достойные подвиги'. — 'Я признаю, что за такие истины человек должен быть готов умереть'. Бейнхэм был готов; и все же он разрыдался. 'Почему вы плачете?' - спросил Латимер. 'У меня есть жена, - ответил подсудимый, - лучшая, которая когда-либо была у этого человека. Вдова, лишенная всего и без кормильца, все будет показывать на нее пальцем и говорить: "Это жена еретика".^[216] Латимер и его друзья пытались утешить его, а затем покинули мрачное подземелье.

На следующий день (30 апреля 1532 года) Бейнхэма повели на эшафот. Солдаты на лошадях окружили груды: мастер Пэйв, городской чиновник, руководил казнью. Бейнхэм послемолитвы встал, обхватил кол и был прикован к нему цепью. "Добрые люди, - обратился он к людям, стоявшим вокруг него, - я умираю за то, что сказал, что каждому мужчине и женщине разрешено иметь Божью книгу. Я умираю за то, что сказал, что истинный ключ к небесам принадлежит не римскому епископу, а проповеди Евангелия. Я умираю за то, что сказал, что нет другого чистилища, кроме креста Христова, с вытекающими из него преследованиями и невзгодами'. — 'Ты лжешь, еретик, - воскликнул Пейв. ' Ты отверг благословенное таинство алтаря'. — 'Я не отрицаю причастия тела Христова, ' продолжил Бейнхэм, ' но я отрицаю твоё идолопоклонство перед куском хлеба'. — 'Зажги огонь", - крикнул Пейв. Палачи подожгли шлейф пороха, и когда пламя приблизилось к нему, Бейнхэм поднял глаза к небу и сказал городскому клерку: 'Да простит тебя Бог! да простит господь сэра Томаса Мора... молитесь за меня, все добрые люди!' Руки и ноги мученика вскоре были отрезаны, и, думая только о том, как прославить своего Спасителя, он воскликнул: 'Смотрите! вы ищете чудес, и вы можете увидеть одно из них здесь; ибо в этом огне я чувствую не больше боли, чем если бы лежал на ложе из роз".^[217] У первобытной Церкви едва ли был более славный мученик.

Образ Бейнхэма постоянно стоял у Пейва перед глазами, и его последняя молитва день и ночь звучала в его сердце. На чердаке своего дома, вдали от шума, он оборудовал нечто вроде молельни, где поставил распятие, перед которым обычно молился и проливал горькие слезы.^[218] Он ненавидел себя: наполовину обезумев, он испытывал неописуемую скорбь и боролся в великой тоске. Умиравший Бейнхэм сказал ему: 'Пусть Бог проявит к тебе больше милосердия, чем ты проявил ко мне!' Но Пейв не мог верить в милосердие: он не видел другого средства от своего отчаяния, кроме смерти. Примерно через год после мученической смерти Бейнхэма он отправил своих слуг и клерков с разными поручениями, оставив в доме только одну служанку. Как только его жена ушла в церковь, он вышел сам, купил веревку и, тщательно спрятав ее под халатом, поднялся на чердак. Он остановился перед распятием и начал стонать и рыдать. Слуга побежал вверх. "Возьми этот ржавый меч, - сказал он, - вычисти его хорошенько и не мешай мне". Едва она вышла из комнаты, как он привязал веревку к балке и повесился.

Служанка, не услышав ни звука, снова встревожилась, поднялась на чердак и, увидев своего хозяина повешенным, пришла в ужас. Она с плачем побежала в церковь, чтобы забрать свою госпожу домой;^[219] но было слишком поздно: несчастного человека невозможно было вернуть к жизни.

Истинная Церковь Божья.

Если смерть мучеников повергала нечестивых в пучину отчаяния, то она часто оживляла искренние души. Толпа, окружавшая эшафот этих мужей Божьих, рассеялась в глубоком волнении. Одни возвращались на свои поля, другие в свои лавки или мастерские; но бледные лица мучеников следовали за ними, их слова звучали в их душах, их добродетели смягчали многие сердца, испытывающие отвращение к Евангелию. 'О! если бы я был с Бейнхемом!' - воскликнул один.^[220] Эти люди еще некоторое время продолжали часто посещать римские церкви, но вскоре их совесть громко воззвала к ним: 'Только Христос спасает нас'; и они отказались от обрядов, в которых не могли найти утешения. Они искали уединения; они раздобыли труды Уиклиффа и Тиндейла, и особенно Новый Завет, который они читали тайком, и если кто-нибудь приближался, поспешно прятали их под кроватью, на дне сундука, в дупле

дерева или даже под камнями, пока враг не отступал и они не могли снова забрать книги. Потом они шептались о них своим соседям и часто радовались встрече с людьми, которые думали так же, как они. Происходили удивительные перемены. В то время как священники громко воспевали в соборах хвалу святым, Богородице и *Телу Господню*, люди шептались о Спасителе, *кротком и смиренном сердцем*. По всей Англии был слышен тихий голос, подобный тому, который слышал Илия, и, услышав его, он завернул свое лицо в мантию и стоял молча и неподвижно, потому что Господь был там. Вот-вот должны были произойти великие перемены.

Недаром в этой истории мы так подробно описываем жизнь и смерть этих евангельских людей. Мы хотим показать, что Церковь в Англии, как и во всем мире, - это не просто церковная иерархия, в которой прелаты осуществляют власть над наследием Господа; и не сбитое с толку собрание людей, чей дух воображает о религии всевозможные доктрины, противоречащие откровению с небес, и чье исповедание веры охватывает все мнения, которые встречаются в стране, от католической схоластики до пантеистического материализма. Церковь Божья, возвышенная над человеческими системами как суеверных, так и недоверчивых, является собранием тех, кто живой верой является причастниками праведности Христа и новой жизни, творцом которой является Святой Дух, — тех, в ком побежден эгоизм и кто отдает себя Спасителю, чтобы вместе со своими братьями добиться завоевания мира. Такова истинная Церковь Божья; как вы увидите, она сильно отличается от всех тех, что придуманы человеком.

ГЛАВА XVI. НОВЫЙ ПРИМАС ВСЕЙ АНГЛИИ. (Февраль 1532 -март 1533 гг.)

Человек, который на протяжении более тридцати лет имел важный голос в управлении церковными делами королевства, теперь исчез со сцены, уступив место самому влиятельному из реформаторов Англии. Уорхэм, архиепископ Кентерберийский, ученый канонист, искусный политик, искусный придворный и друглитераторов, поставил своей особой задачей возвеличивать священнические прерогативы и с этой целью прибегнул к самому надежному средству, борясь с праздностью, невежеством и продажностью священников. Он даже надеялся на реформу духовенства при условии, что она будет исходить от епископальной власти. Но когда он увидел очередную реформацию, совершенную во имя Слова Божьего, без священников и против священников, он повернулся и начал преследовать реформаторов и укреплять папскую власть. Встревоженный действиями Палаты общин, он 24 февраля 1532 года послал за тремя нотариусами и в их присутствии протестовал против каждого акта парламента, унижающего авторитет римского понтифика.^[221]

Смерть Уорхэма.

22 августа того же года, как раз в самый разгар кризиса, "второй папа", как его иногда называли, был смещен со своего престола смертью, и народ с тревогой гадал, кого назначат на его вакантное место.

Выбор был важен, поскольку номинация могла стать символом того, чем должна была стать Англиканская церковь. Был бы он прелатом, преданным папе римскому, как Фишер; или католиком, поддерживающим развод, как Гардинер; или умеренным евангелистом, привязанным к королю, как Кранмер; или решительным реформатором, как Латимер? В этот момент, когда для христианского мира начиналась новая эра, важно было знать, кого Англия выберет своим проводником; будет ли она идти во главе цивилизации, как Германия, или замыкать тыл, как Испания и Италия. Король не одобрял ни одну из крайностей и колебался между двумя другими кандидатами. Учитывая все обстоятельства, он не доверял таким людям, как Лонгленд и Гардинер, которые могли обещать и не выполнить. Ему нужен был кто-то менее политический, чем тот, и менее фанатичный, чем другой, - человек, отделенный от папы из принципа, а не просто для удобства.

Кранмер, проведя несколько месяцев в Риме, вернулся в Англию.^[222] Затем, снова отправившись в Германию с поручением от короля, он прибыл в Нюрнберг, вероятно, осенью 1531 года. Он с интересом осматривал этот древний город — его прекрасные церкви, монументальные фонтаны, его старый и живописный замок; но было нечто, что привлекало его больше, чем все эти вещи. Присутствуя на совершении таинства, он заметил, что, пока священник бормотал Евангелие на латыни у алтаря, дьякон взшел на кафедру и прочитал его вслух по-немецки.^[223] Он увидел, что, хотя в Нюрнберге все еще сохранялась некоторая видимость католицизма, на самом деле там царило Евангелие. Имя одного человека часто всплывало в разговорах, которые он вел с высокопоставленными лицами города. Они отзывались об Осиандере как о человеке большого красноречия.^[224] Кранмер последовал за толпой, которая хлынула в церковь Святого Лаврентия, и был поражен талантом и благочестием священника. Он искал с ним знакомства, и два доктора часто беседовали друг с другом либо в доме Кранмера, либо в кабинете Осиандера; и немецкий богослов, перешедший на сторону Генриха VIII, вскоре после этого опубликовал книгу о незаконных браках.

Ошибка Осиандера.

Кранмер, у которого было любящее сердце, любил принимать участие в простых трапезах, благочестивых богослужениях и дружеских беседах в доме Осиандера: вскоре он стал почти членом семьи. Но, хотя его близость с нюрнбергским пастором крепла с каждым днем, он не разделял всех его мнений. Когда Осиандер сказал ему, что он должен заменить авторитет Рима авторитетом Священного Писания, Кранмер дал свое полное согласие; но англичанин понял, что немец придерживается иных, чем у Лютера, взглядов на оправдание грешника. "То, что оправдывает нас, 'сказал он,' это не вменение заслуг Христа верой, а внутреннее сообщение о его праведности'. 'Христос,' сказал Кранмер, - заплатил цену нашего искупления, принес в жертву свое тело и исполнив закон; и если мы всем сердцем верим в это дело, которое он довел до совершенства, мы оправданы. Оправданный человек должен быть освящен и совершать добрые дела; но не дела оправдывают его".^[225] Разговор двух друзей зашел также о Вечере Господней. Какой бы ни была доктрина Кранмера раньше, вскоре он (подобно Кальвину) пришел к выводу о реальном присутствии Христа не в облатке, которую священник держит между пальцами, а в сердце верующего.^[226]

В июне 1532 года протестантские и римско-католические делегаты прибыли в Нюрнберг, чтобы заключить религиозный мир. Безбрачие духовенства сразу же стало одним из обсуждаемых вопросов. Главам папства казалось невозможным согласиться с этой статьей. 'Лучше

полностью отменить мессу, - воскликнул архиепископ Майнца, - чем разрешить бракосочетание священников'. "Они должны, наконец, прийти к этому, - сказал Лютер. - Бог низвергает сильных мира сего с их трона".^[227] Кранмер придерживался его мнения. "Лучше, - сказал он, - для священника иметь свою собственную жену, чем иметь чужих жен, как у священников".^[228] "Какие услуги не может благочестивая жена оказывать пастору своему мужу, - добавил Осиандер, - среди бедных, женщин и детей?"

Кранмер потерял жену в Кембридже, и его сердце жаждало любви. Семья Осиандера представила ему трогательную картину семейного счастья. Одним из ее членов была племянница жены Осиандера.^[229] Кранмер, очарованный ее набожностью и прямоотой и надеющийся найти в ней добродетельную женщину, которая является венцом для ее мужа, попросил ее руки и женился на ней, не прислушиваясь к незаконному приказу тех, кто "запрещает жениться".^[230]

Тем не менее Кранмер не забыл о своей миссии. Король Англии желал заключить союз с немецкими протестантами, и его агент заигрывал с принцем Саксонии, избранным на выборах. "Прежде всего, - ответил благочестивый Джон Фредерик, - два короля (Франции и Англии) должны быть в согласии с нами в том, что касается символов веры".^[231] Альянс потерпел неудачу; но в тот же момент дела приняли неожиданный оборот. Император, выступавший против Солимана, обратился за помощью к королю Англии, и Гранвелл немного поговорил на эту тему с Кранмером. Последний закупал экипажи, лошадей, лодки, палатки и другие вещи, необходимые для его путешествия, с намерением присоединиться к императору в Линце, когда курьер внезапно привез ему приказ возвращаться в Лондон.^[232] Это было очень досадно. Как раз в тот момент, когда он был близок к заключению союза с племянником королевы Екатерины, в результате которого был бы решен вопрос о разводе, посланнику Генриха пришлось отказаться от всего. Он с тревогой гадал, что могло послужить мотивом этого внезапного и необычного отзыва. Это объяснялось в письмах его друзей.

Нерешительность Кранмера.

Уорхэм был мертв, и король думал о Кранмере в качестве его преемника на посту архиепископа Кентерберийского и примаса всей Англии. Реформатор был очень тронут: 'Увы, ' воскликнул он, - никто никогда не желал епископства меньше, чем я.^[233] Если я приму это, мне придется отказаться от прелестей учебы и спокойной сладости неизвестного состояния".^[234] Зная властный характер Генриха и его особые религиозные принципы, Кранмер считал, что при нем реформация Англии невозможна. Он видел себя объектом бесконечных споров: для самого миролюбивого из людей больше не будет мира. Блестящая карьера, высокое положение — он был в ужасе. 'Моя совесть, ' сказал он, ' восстает против этого призыва. Какой же я негодяй! Я не вижу на своем пути ничего, кроме неприятностей, конфликтов и непреодолимых опасностей".

По зрелом размышлении Кранмер решил, что сможет выйти из затруднительного положения, выиграв время, надеясь, что король, который не любил задержек, несомненно, передаст престол другому.^[235] Он прислал ответ, что важные дела препятствуют его возвращению в Англию. Солиман отступил перед императором; последний решил пройти через Италию в Испанию и назначил встречу с папой в Пьяченце или Генуе. Посол Генриха счел своим долгом нейтрализовать роковые последствия этой встречи; и когда Карл покинул Вену 4 октября, Кранмер последовал за ним двумя днями позже. Возвышенное достоинство, ожидавшее его, угнетало его, как ночной кошмар. На своем пути он не встретил ни жителей, ни еды, и сено было

его единственной постелью.^[236] Иногда он пересекал поля сражений, покрытые трупами турок и христиан. Комета появилась на востоке, предвещая какое-то трагическое событие. Многие заявляли, что видели в небесах пылающий меч. "Эти странные признаки, - писал он Генри, - свидетельствуют о какой-то серьезной мутации".^[237] Кранмеру и его коллегам не удалось привлечь папу римского на свою сторону. Прошло несколько месяцев, в течение которых умы людей были настолько возбуждены, что кардиналы забыли о всяких приличиях. "Увы! - говорит католический историк. - все время, пока продолжалось это дело, они ходили в консисторию, как на спектакль".^[238] Карл V. наконец одержал верх.

Затем произошла та знаменитая беседа (октябрь 1532 г.) между королями Франции и Англии в Кале и Булони, которую мы описывали в другом месте;^[239] и, когда два принца пришли к взаимопониманию, Генрих всерьез задумался о том, чтобы положить этому делу конец. Женился ли он в то время на Анне Болейн? Кажется, все указывает в этом направлении; и если верить некоторым из наиболее заслуживающих доверия историков, свадьба состоялась в следующем месяце ноябре.^[240] Возможно, это была довольно частная свадьба, юридические формальности не были завершены. Свидетельства современников расходятся, и этот вопрос до сих пор не прояснен. В любом случае, Генри решил подождать, прежде чем предавать бракосочетание огласке. Конференция, которую папа собирался провести в Болонье с послом Франциска I. Вероятность встречи короля Франции с понтификом в Марселе, которая могла придать новый аспект великому делу, и, возможно, желание обсудить это с Кранмером, которому он предназначил престол Кентерберийский, — по-видимому, побудили принца отложить церемонию на несколько недель. Однако он, не теряя времени, вызвал будущего предстоятеля в Лондон.

После распространения в Италии сообщения о том, что король собирается поставить Кранмера во главе английской церкви, императорский двор отнесся к нему с необычным вниманием. Карл V, его министры и иностранные послы открыто заявили, что такой человек вполне заслуживает высокого положения в обществе короля, своего повелителя.^[241] Примерно в середине ноября император дал Кранмеру прощальную аудиенцию; и последний вскоре после этого прибыл в Англию. Не желая действовать вопреки общему обычаю и мнению священнослужителей, он счел более благоразумным оставить свою жену на некоторое время с Осиандером. Несколько позже он послал за ней, но она так и не была представлена ко двору. В этом не было необходимости, и это могло бы только смутить благочестивую немецкую леди.

Кранмер и король.

Как только Кранмер прибыл в Лондон, он нанес визит королю, будучи полностью поглощен мыслями о том, что должно было произойти между ним и его государем. Генрих сразу перешел к делу: он сказал ему, что назначил его архиепископом Кентерберийским. Кранмер возражал, но король не принял отказа. Тщетно бог настаивал на своих доводах: монарх был тверд. Бороться с Генрихом VIII было непросто. Кранмер был встревожен эффектом, произведенным его сопротивлением. "Ваше высочество, - сказал он, - покорнейше прошу прощения у вашей светлости".^[242]

Покинув короля, он поспешил к своим друзьям, особенно к Кромвелю. Бремя, которое возложил на него Генрих, казалось еще более невыносимым, чем когда-либо. Зная, как трудно противостоять принцу с деспотическим характером, он предвидел конфликты и, возможно, компромиссы, которые отравили бы его жизнь, и не мог решиться принести свое счастье в

жертву властной воле монарха. 'Будьте осторожны, - говорили его друзья, - отказывать в одолжении столь могущественному принцу так же опасно, как и оскорблять его'. Но Кранмер был обеспокоен своим отказом. "Я чувствую что-то внутри себя", - сказал он,^[243] "что восстает против верховенства папы и всех суеверий, которым я должен был бы подчиниться как примас Англии. Нет, я не буду епископом!" Он мог пожертвовать своим покоем и счастьем, подвергнуть себя мучительной борьбе; но признать папу и подчиниться его юрисдикции было непреодолимым препятствием. Его друзья покачали головами. "*Vаше nolo episcopari*", - сказали они, - не будет возражать против *воли нашего господина о сущности епископа*".^[244] И все-таки, что это такое? Позволяя королю возвести вас на вершину почестей и власти.... Вы отказываетесь от всего, чего желают люди.' "Я скорее расстался бы с жизнью, - ответил Кранмер, - чем сделал что-либо против своей совести для удовлетворения своего честолюбия".^[245]

Генрих, раздосадованный этими задержками, снова вызвал Кранмера во дворец и приказал ему говорить без опаски. 'Если я приму этот пост, ' ответил этот искренний человек, ' я должен получить его из рук папы римского, а этого моя совесть не позволит мне сделать.... Ни папа, ни какой-либо другой иностранный принц не имеют власти в этом королевстве.'^[246] Такая причина, как эта, имела большой вес для Генриха. Он немного помолчал, словно размышляя,^[247] а затем обратился к Кранмеру: "Можете ли вы доказать то, что вы только что сказали?" "Конечно, могу, - ответил доктор. - Священное Писание и Святые Отцы поддерживают верховную власть королей в их королевствах и таким образом доказывают, что притязания папы являются жалкой узурпацией".

Такое заявление заставило Генриха сделать еще один шаг в своих реформах. Поскольку он еще не думал о создании епископов и архиепископств без папы римского, он послал за несколькими учеными юристами и спросил их, как он может присвоить епископский сан Кранмеру, не задевая совести будущего примаса. Юристы предложили, чтобы, поскольку Кранмер отказался подчиниться римскому верховенству, в Рим был послан кто-нибудь, кто сделал бы вместо него все, что требует закон. "Пусть другой делает это, если ему нравится, - сказал Кранмер, - *no super animam suam*, рискуя своей душой. Что касается меня, я заявляю, что не буду признавать авторитет папы больше, чем это согласуется со Словом Божьим; и что я оставляю за собой право выступить против него и критиковать его ошибки".

Юристы нашли плохие прецеденты, оправдывающие плохую меру. 'Архиепископ Уорхэм, - говорили они, - сохраняя преимущества, которые он получал от государства, протестовал против всего, что государство делало во вред Риму. Если покойный архиепископ сохранил права папства, почему бы новому архиепископу не сохранить права королевства?... Кроме того, (добавили они) папа очень хорошо знает, что, принося ему присягу, каждый епископ делает *et o salvo ordine meo* без ущерба для прав своего ордена".^[248]

Поскольку было признано, что в акте освящения должны быть сохранены "права слова Божьего", Кранмер согласился стать примасом Англии. Генрих VIII, который был менее продвинут на практике, чем в теории, все же потребовал от Климента VII. буллы, необходимые для инаугурации нового архиепископа. Понтифик, обрадованный тем, что ему еще есть что сказать Англии, поспешил отправить их, адресуя непосредственно самому Кранмеру. Но последний, который ничего не хотел принимать от папы, отправил их королю, заявив, что он не получит своего назначения из Рима.^[249]

Протест Кранмера.

Приняв обращенный к нему призыв, Кранмер намеревался порвать с порядками Средневековья и восстановить, насколько это было в его силах, порядок Евангелия. Но он не стал бы скрывать своих намерений: все должно быть сделано при свете дня. 30 марта 1533 года он вызвал в вестминстерский капитул Уоткинса, королевского протонотария, вместе с другими высокопоставленными лицами Церкви и государства. Войдя, он взял бумагу и громко и отчетливо прочитал: "Я, Томас, архиепископ Кентерберийский, протестую открыто, публично и недвусмысленно,^[250] что я не буду связывать себя клятвой ни в чем, противоречащем закону Божьему, правам короля Англии и законам королевства; и что я не буду связан ничем, что касается свободы право слова, управление Англиканской церковью и реформирование всего, что может показаться необходимым для реформирования в ней. Если мой представитель при папе Римском принес от моего имени клятву, противоречащую моему долгу, я заявляю, что он сделал это без моего ведома, и что указанная клятва недействительна. Я хочу, чтобы этот протест повторялся на каждом этапе нынешней церемонии".^[251] Затем, обращаясь к протонотарию: "Я прошу вас подготовить столько копий этого моего протеста, сколько может потребоваться".

Кранмер покинул здание капитула и вошел в аббатство, где его ожидали духовенство и многочисленная толпа. Он не был удовлетворен тем, что однажды провозгласил свою независимость от папства; он хотел сделать это несколько раз. Чем древнее была римская власть в Британии, тем больше он ощущал необходимость провозглашения верховенства божественного Слова. Облечившись в священнические одежды, Кранмер встал на верхней ступени главного алтаря и сказал, обращаясь к собранию: "Я заявляю, что приношу требуемую от меня клятву только в соответствии с оговорками, содержащимися в протесте, который я подал сегодня в капитуле". Затем, преклонив колени перед алтарем, он прочитал его во второй раз в присутствии епископов, священников и народа;^[252] после чего епископы Линкольна, Эксетера и Святого Асафа посвятили его в епископат.

Архиепископ, стоя перед алтарем, приготовился принять паллий, но сначала ему предстояло выполнить свой долг: если он пожертвовал своим покоем, он не собирался жертвовать своими убеждениями. В третий раз он поднял протест и снова прочитал его^[253] перед огромной толпой, заполнившей собор.^[254] Поскольку обычный порядок церемонии дважды прерывался чрезвычайным заявлением, все были вольны хвалить или порицать действия прелата, как им заблагорассудится. Кранмер, таким образом, трижды опубликовав свои запасы, прочел, наконец, клятву, которую архиепископы Кентерберийские имели обыкновение приносить Святому Петру и святой апостольской Церкви Рима, с обычным протестом: *salvo meo ordine* (без ущерба для моего ордена).

Тройной протест Кранмера был актом христианского решения. Некоторое время спустя он сказал: 'Я выразил этот протест по доброй воле: я всегда любил простоту и ненавидел фальшь'. Но с его стороны было неправильно использовать после этого формулу, обычно используемую при посвящении. Несомненно, это была не более чем форма; форма, навязанная королем, и Кранмер протестовал против всего плохого, что она могла содержать: тем не менее, "необходимо поступать последовательно во всем", как говорит Кальвин;^[255] и здесь мы встречаемся с одной из тех слабостей, которые иногда проявляются в жизни благочестивого реформатора Англии. Ему ни за что не следовало приносить присягу папе; эта клятва была

пятном, которое в какой-то мере запятнало весь его епископат. И все же, если бы мы хотели сурово осудить его, мы бы забыли эту поразительную истину — *во многих вещах мы оскорбляем всех*. Кранмер был первым нарушителем, и у него есть претензии на внимание тех, кто удобно устроился на посту, завоеванном им с такими большими страданиями. Энергия, с которой он трижды провозгласил свою независимость, заслуживает нашего восхищения. Тем не менее, любая слабость - это недостаток, и когда этот недостаток совершается на высоком посту, это может привести к фатальным последствиям. Святость клятвы, данной церковниками, была поставлена под угрозу поступком Кранмера, и мы видели, как в более поздние времена другие богословы тайно общались с римскими доктринами, делая вид, что отвергают папство. В протестантской церкви Англии иногда встречались переодетые паписты.

Труды Кранмера.

После церемонии новый архиепископ вернулся на свое место в Ламбете. С того часа этот литератор, сам ученый, поистине благочестивый человек, выдающийся проповедник и неутомимый трудолюбец, никогда не переставал трудиться на благо Церкви. Ему удалось внедрить христианскую веру во многие сердца, а иногда и защитить ее от дурного настроения короля. Он постоянно стремился распространять вокруг себя умеренность, милосердие, истину, благочестие и мир. Когда Кранмер стал примасом всей Англии, 30 марта 1533 года, в Вестминстерском соборе, месте захоронения королей, был похоронен папский орден, и можно было предвидеть, что апостольский орден будет возрожден. Англия сохранила епископат, потому что это была форма, в которой она приняла христианство во втором веке, и потому что она считала это необходимым для выполнения функций контроля и управления в Церкви. Но она отвергла римское суеверие, которое делает епископов единственными преемниками апостолов, и утверждает, что они наделены неизгладимым характером и духовной силой, которой не обладает ни один другой священник.^[256] "Совершенно очевидно, - сказал Кранмер, - что в начале религии Христа епископы и пресвитеры (священники) были не двумя вещами, а только одной".^[257] Он заявил, что епископ не является необходимым для назначения пастора; что не только пресвитеры обладают этим правом, но и "*народ также по своему избранию*". 'До того, как появились христианские князья, епископов и священников обычно избирал народ', 'сказал он. Кранмер был не единственным человеком, исповедовавшим эти принципы, которые делают епископальную и пресвитерианскую конституцию двумя разновидностями, имеющими много общего. Самые достопочтенные отцы англиканской церкви — Пилкингтон, Ковердейл, Уитгифт, Фулк, Тиндейл, Джуэл, Брэдфорд, Бекон и другие — признали идентичность епископов и пресвитеров. Согласно Реформации, Англия принадлежит не к папистской системе епископства, а к евангелической системе. Публичный акт, который вернул бы эту Церковь к ее святому происхождению, стал бы для нее источником огромного процветания.

Великие реформаторы Англии отделились не только от Рима, но и от полукатолицизма, который должен был прийти ему на смену. Для них дух и жизнь заключались в служении Слову Божьему, а не в обрядах и церемониях. Своим благородным примером они призвали всех людей Божьих следовать за ними.

ГЛАВА XVII.

КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА СХОДИТ С ТРОНА, И НА НЕГО ВОСХОДИТ КОРОЛЕВА АННА БОЛЕЙН.

(ноябрь 1532 - июль 1553 гг.)

Кранмер был на архиепископском троне: если бы Анна Болейн сейчас заняла свое место на королевском троне рядом с Генрихом, по мнению папы, все было бы потеряно. Климент еще раз вернулся к своему любимому предложению о двоеженстве, уже высказанному им в 1528 и 1530 годах. Правда, это предложение не могло быть приемлемым ни для Генриха, ни для Карла V. Но это делало все лучше в глазах понтифика: тогда у него была бы видимость согласия с планами короля, без малейшего риска увидеть их воплощение. "Вместо того чтобы выполнять просьбу его величества, - сказал он одному из английских посланников, - я бы предпочел предоставить ему необходимое разрешение иметь двух жен: это было бы меньшим скандалом".^[258]

Упорство папы Римского.

Упорство, с которым папа снова и снова советовал Генриху совершить преступление двоеженства, не помешало самым выдающимся защитникам католицизма воскликнуть, что "иметь сразу двух жен - это тайна беззакония, примера которой нет в христианском мире".^[259] Необычное утверждение после того, как кардинал, а затем и папа римский несколько раз советовали то, что они называли "тайной беззакония". И снова, в третий раз, король отказался от лекарства, которое было хуже самой болезни.

Папа хотел любой ценой помешать Риму потерять Англию; и, перейдя на другую сторону, он решил попытаться расположить к себе Карла V. и убедить его не возражать против развода. Чтобы добиться успеха, Клемент решил совершить путешествие в Болонью в самое худшее время года. Он отправился в путь 18 ноября с шестью кардиналами и определенным количеством приближенных, и ему потребовалось двадцать дней, чтобы добраться до этого города через Перуджу. Большинство его офицеров сделали все, чтобы отговорить его от этой болезненной экспедиции, но тщетно. Дождь лил как из ведра; реки вздулись и их нельзя было преодолеть; дороги были грязными и разбитыми; мулы валились с ног от усталости один за другим; курьеры, которые ехали впереди, просили папу путешествовать пешком, и, наконец, любимый мул его Святейшества сломал ногу. Это не имело значения: он должен был выступить против Реформации Англии: бедный понтифик, уже больной, думал только об этом. Но неудобства путешествия усилились; папа часто останавливался на постоянных дворах, где не было постели, и ему приходилось спать на соломе.^[260] Наконец 7 декабря он добрался до Болоньи, но в таком плачевном состоянии, что, несмотря на свою любовь к церемониям, проник в город украдкой.

Его ожидало еще одно разочарование. Умер кардинал Анконы, самый влиятельный член Священной коллегии, на которого Климент полагался в завоевании расположения императора, который очень уважал его. Но это не охладило рвения понтифика: "Я твердо решил угодить королю в этом великом деле",^[261] сказал он посланцам Генриха и добавил: "Чтобы добиться всеобщего согласия между всеми князьями христианского мира, я бы отдал сустав своей руки".^[262] На самом деле Климент взялся за дело и зашел так далеко, что сказал Карлу, что, согласно теологам, папа не имел права разрешать брак между братом и сестрой; но император был непоколебим. Затем папа предложил перемирие на три или четыре года между Генрихом,

Франциском и Карлом, в течение которого он созывает генеральный совет, которому передаст все дело. Фрэнсис сообщил Генри, что все это было не более чем уловкой.^[263]

Генрих женится на Анне Болейн.

Король, убежденный, что папа шутит с ним, больше не колебался следовать тому курсу, на который, казалось, указывали интересы его народа и его собственное счастье. Он решил, что Анна Болейн должна стать его женой и королевой Англии. Именно сейчас, согласно второй гипотезе, состоялась свадьба. Кранмер утверждает в письме, написанном 17 июня 1533 года, что он не проводил церемонию, что он услышал об этом только через две недели, и что в прошлом году она отмечалась "почти в день Святого Павла"^[264] (25 января 1533 г.). Какую дату мы должны принять: нынешнюю или 15 ноября, указанное Холлом, Холлинshedом, Бернетом и другими? Формулировки Кранмера недостаточно точны, чтобы разрешить этот вопрос.

Какой бы ни была дата свадьбы — ноябрь или январь, — она стала всеобщей темой разговоров в начале 1533 года; люди говорили об этом не публично, а в частном порядке, одни нападали, другие защищали. Если члены римской партии распространяли нелепые истории и возмутительную клевету на Анну, члены национальной партии отвечали, что чистота ее жизни, ее умеренность, ее целомудрие, ее мягкость, ее благоразумие, ее благородное и возвышенное происхождение, ее приятные манеры и (они добавили несколько позже) ее пригодность для того, чтобы дать наследника английской короне, сделали ее достойной королевской милости.^[265] Мужчины, возможно, зашли слишком далеко в своих упреках, а также в своих восхвалениях.

Этот важный шаг со стороны Генриха VIII. сопровождался взрывом ропота против Климента VII. "Папа, - сказал он, - сбивается с пути Искупителя, который в этом мире был послушен князьям. Что? должен ли принц подчиняться высокомерию человека, которого Бог поставил под его начало? Должен ли король смириться перед этим человеком, над которым он стоит по воле Бога? Нет, это было бы извращением порядка, установленного Богом." Это то, что Генрих представил Франциску через лорда Рочфорда;^[266] но эти слова не тронули короля Франции, поскольку император как раз тогда пошел ему на несколько уступок, а парижские евангелисты его раздражали. С этого часа сердечные чувства между двумя монархами постепенно ослабевали. Англия все больше и больше обращала свои взоры к Евангелию, а Франция - к Риму. Как раз в то время, когда Анна Болейн собиралась воцариться во дворцах Уайтхолл и Виндзор, Екатерина Медичи въезжала во дворцы Сен-Жермен и Фонтенбло. Контраст между двумя нациями с каждым днем становился все более отчетливым и разительным: Англия продвигалась к свободе, а Франция - к драконьим боям.

Краткое Изложение Отлучения от церкви.

Развод между Римом и Уайтхоллом вскоре стал очевидным. Краткое изложение Климента VII. объявление, размещенное в феврале на дверях всех церквей во Фландрии, в государствах врага короля и как можно ближе к Англии, привлекло большое количество читателей.^[267] 'Что нам делать?' - обратился понтифик к Генриху. 'Неужели мы должны пренебречь безопасностью твоей души?... Мы призываем тебя, сын наш, под страхом отлучения от церкви вернуть королеве Екатерине причитающиеся ей королевские почести, сожительствовать с ней и прекратить публичное общение с Анной; и это в течение месяца со дня, когда тебе будет представлено это резюме. В противном случае, по истечении указанного срока, мы объявляем тебя и упомянутую

Анну *ipso facto* отлученными от церкви и приказываем всем мужчинам сторониться вашего присутствия.^[268] Похоже, что этот документ, затребованный империалистами, был разослан по всей Фландрии без ведома папы римского.^[269]

Копия была немедленно отправлена королю его агентами. Он был удивлен и взволнован, но в конце концов поверил, что она подделана его врагами.^[270] Как он мог вообразить, что папа римский, как раз в то самое время, когда он выказывал королю особые знаки своей привязанности,^[271] (даже условно) предал бы его анафеме и изолировал среди своего народа? Генрих отправил копию документа Бенету, своему агенту в Риме, и пожелал, чтобы тот тщательно выяснил, действительно ли он исходит от папы или нет.

Бенет представил этот документ Клементу как документ, пересланный ему его друзьями во Фландрии. Последний был 'пристыжен и в большом замешательстве', - писал посланник.^[272] Затем он перечитал это более внимательно, остановился на некоторых отрывках и, казалось, поперхнулся. Дойдя до конца, он выразил свое удивление и сделал вид, что копия отличается от оригинала. 'В частности, есть одна ошибка, которая почти душит папу римского каждый раз, когда о ней упоминается', - писал Бенет Кромвелю. Этой ошибкой было включение королевы Анны Болейн в порицание без предварительного предупреждения, что (по их словам) противоречило всем заповедям Божьим. Соответственно, доктор Бенет получил приказ часто упоминать об этой ошибке во время своих аудиенций у папы римского, и он не преминул это сделать. В этот момент, когда он был близок к потере Англии, папа был больше обеспокоен тем, что совершил формальную ошибку в отношении Анны Болейн, чем тем, что наложил интердикт на монарха могущественного королевства. Кроме того, нет никаких сомнений в том, что он сам продиктовал эту злополучную фразу.

Бенет и его друзья воспользовались раздражением папы и даже усилили его: они передали сводку сановникам Церкви из окружения Климента, и последние признали, что документ, должно быть, оскорбителен для его Величества Англии и что "во многом виноват папа".^[273] Бенет передал *опечатки* понтифика королю, но было слишком поздно: удар возымел действие. Возмущенный Генрих собирался демонстративно перейти к тем самым действиям, которыми Рим угрожал своими громами.

Пока папа колебался, Англия твердо добивалась своей эмансипации. 4 февраля состоялось заседание парламента, и были произнесены самые смелые высказывания. "Народ Англии, в согласии со своим королем, - говорили красноречивые ораторы, - имеет право принимать высшие решения по всем вопросам, как мирским, так и духовным;^[274] и, конечно, англичане обладают достаточным интеллектом для этого. И все же, несмотря на запреты, изданные столь многими нашими князьями, мы каждую минуту видим, как из Рима прибывают буллы, регулирующие завещания, браки, разводы - короче говоря, все. Мы предлагаем, чтобы впредь эти вопросы решались исключительно в национальных судах'. Закон принят. Апелляции должны были подаваться не в Рим, а в первую очередь епископу, затем архиепископу и, если король был заинтересован в деле, в Верхнюю палату церковного собрания.

Король немедленно воспользовался этим законом, чтобы запросить Созыв, может ли папа разрешить мужчине жениться на вдове своего брата. Из шестидесяти шести присутствующих и ста девяноста семи проголосовавших по доверенности только девятнадцать человек в Верхней палате проголосовали против короля. Оппозиция была сильнее в Нижней палате; но даже она

согласилась с другой палатой, заявив, что папа Юлий II. превысил свои полномочия, дав Генри разрешение, и, следовательно, брак был недействительным с самого начала.

Письмо Кранмера.

Теперь ничего не оставалось, как приступить к разводу. 11 апреля, за два дня до Пасхи, Кранмер, как архиепископ, написал письмо королю, в котором изложил, что, желая занять должность архиепископа Кентерберийского, "согласно законам Бога и Святой Церкви, для облегчения жалоб и немощей людей, подданных Бога и ваших вдуховных делах", ^[275] он молил милости его Величества об этой должности. ^[276] Кранмер не отказался от королевского вмешательства, но он избегал смешивать духовные дела с мирскими. ^[277]

Генри, который, несомненно, с нетерпением ждал этого письма, встревожился, прочитав слова 'согласно законам Бога и Святой Церкви'. Бог и Церковь.... Хорошо! но как же король и королевское превосходство? Примас, казалось, отстаивал право действовать *по собственному желанию*, прося благосклонности короля, совершал простой акт вежливости.... Претендовала ли Англиканская церковь на то, чтобы занять место понтифика и оставить короля в стороне?... Генрих имел в виду не это. Устав от притязаний папы Римского, потерпит ли он рядом с собой папу в малом масштабе? Он намеревался быть хозяином в своем собственном королевстве — хозяином всего. Письмо должно быть изменено, и Генри намекнул на это Кранмеру.

В тот день или на следующий после того, когда было написано это письмо, при дворе был большой праздник в честь Анны Болейн. 'Королева Анна в тот вечер торжественно вошла в свой гардероб, открыто, как королева', - говорит Холл. Вероятно, именно во время этого празднества король, отведя прелата в сторону, пожелал, чтобы он пресек нежелательный переход. Идея, выдвинутая выдающимся историком, о том, что Кранмер отправил Генриху оба письма вместе, чтобы тот мог выбрать, какое ему больше понравится, кажется мне неприемлемой. Кранмер, как представляется, подчинился, ожидая лучших дней. Вернувшись в Ламбет, он переписал свое письмо, опустив слова, на которые было указано ранее. Не удовлетворившись просьбой *облагосклонности* короля, он пожелал получить его *лицензию*, его разрешение действовать дальше. Он датировал свое второе письмо тем же днем и отправил его своему хозяину, который остался им доволен. ^[278]

Это само по себе не удовлетворило Генриха: в своем ответе архиепископу он еще решительнее обозначил свое намерение не иметь в Англии независимого от короны примаса:

"Следовательно, вы должным образом признаете, что вам не подобает, будучи нашим подданным, осуществлять какую-либо часть вашей упомянутой должности *без полученной нами лицензии на это*.... Принимая во внимание все это, хотя мы, будучи вашими королями и суверенами, не признаем никого высшего на земле, кроме Бога; однако, поскольку вы находитесь под нашим руководством, по Божьему призванию и нашему с вами, самым главным служителем нашей духовной юрисдикции, мы не откажем в вашей смиренной просьбе".

Этот язык был ясен. Генрих VIII. однако он не претендовал на произвольную власть, на которую претендовал папа: человеческие и божественные законы должны были быть верховной властью в Англии; но он, король, должен был быть их главным толкователем. Кранмер должен это понимать. 'Этим законам мы, как христианский король,' писал Генрих, 'всегда до сих пор подчинялись и всегда будем подчиняться самым послушным образом'. Церковная система,

которую Генрих VIII. установил в Англии в 1533 году, не была свободной Церковью в свободном государстве, и этому нет причин удивляться.

Кранмер, получив королевское разрешение, отправился в поместье Мортлок, чтобы подготовить акт, который в течение шести лет держал Англию и континент в напряжении. Взяв с собой епископов Линкольнского и Винчестерского и нескольких юристов, он спокойно и без помпы направился в монастырь Данстейбл, расположенный в пяти милях от Амптхилла, где остановилась королева Екатерина. Он хотел избежать дурной славы судебного процесса, состоявшегося в Лондоне.

Церковный суд.

Поскольку церковный суд был должным образом сформирован, Генрих и Екатерина были вызваны предстать перед ним 10 мая. Король присутствовал в качестве поверенного, но королева ответила: 'Мое дело рассматривается папой римским; я не принимаю другого судьи'. Немедленно была выписана новая повестка на 12 мая, и, поскольку королева не явилась ни лично, ни в сопровождении кого-либо из ее слуг, она была объявлена непокорной,^[279] и суд продолжился. Королю каждый вечер докладывали о ходе дел за каждый день, и он часто испытывал сильное беспокойство. Какое-нибудь неожиданное событие, обращение Екатерины, внезапное вмешательство папы или императора могло все остановить. Его придворные были настороже, ожидая новостей. Анна ничего не сказала, но ее сердце учащенно забилося; и амбициозный Кромвель, чья судьба зависела от успеха дела, иногда был в большой тревоге. Кранмер опирался на утверждения Священного Писания и проявил большую справедливость и прямоту во время судебного разбирательства.^[280] 'Я добровольно не причинил вреда ни одному человеческому существу', - сказал он. Но он знал, что у королевы много сторонников; возможно, они уговорят ее предстать перед судьями. Тогда поднялся бы большой переполох, и голос народа был бы услышан.^[281] Архиепископ едва мог сдерживать свои эмоции, когда думал об этом. Он действительно должен был ожидать непреклонного сопротивления со стороны королевы; но посреди всего происходившего вокруг нее волнения она одна оставалась спокойной и решительной. Ее рука вцепилась в папскую мантию, и ничто не могло заставить ее отпустить ее. 'Я законная жена короля,' повторила она. 'Я королева Англии. Моя дочь - дитя короля, и я отдаю ее в руки ее отца'.

В среду, 23 мая, председатель в присутствии всего архиепископского суда проследовал в церковь монастыря Святого Петра в Данстейбле, чтобы вынести окончательное решение о разводе. Присутствовало несколько человек, привлеченных любопытством; но, хотя Данстейбл находился недалеко от Амптхилла, все домочадцы Кэтрин почтительно держались в стороне от поступка, который должен был нанести их хозяйке такой тяжкий удар. Примас, зачитав решения нескольких университетов, провинциальных советов и других учреждений, продолжил: "Поэтому мы, Томас, архиепископ, примас и легат, впервые призвав имя Христа и имея Бога всецело перед нашими глазами, объявляем, что брак между нашим суверенным господином королем Генрихом и светлейшей леди Кэтрин, вдовой его брата, заключенный вопреки закону Божьему, недействителен; и поэтому мы приговариваем, что для упомянутого светлейшего принца Генриха и упомянутой светлейшей леди Кэтрин оставаться в браке незаконно". упомянутый притворный брак.^[282] Акт, очень тщательно составленный двумя нотариусами, был немедленно отправлен королю.

Развод был объявлен, и Генрих был свободен. Многие люди поддались чувству тревоги: они думали, что вся Европа объединится против Англии. 'Папа отлучит англичан от церкви, - говорили некоторые, - и тогда император уничтожит их'. Но, с другой стороны, большинство нации желало покончить с темой, которая волновала их умы в течение последних семи лет. Англия, выбравшись из лабиринта, выхода из которого она никак не ожидала найти, снова начала дышать.

Брак Екатерины был признан недействительным: теперь оставалось только признать брак Анны Болейн. 28 мая архиепископальный суд, состоявшийся в Ламбете, во дворце примаса, официально объявил, что Генрих и Анна сочетались законным браком, и теперь королю не оставалось ничего другого, как скрепить свой союз пышной коронацией. Конечно, было бы предпочтительнее, если бы новая королева спокойно заняла свое место на троне; но клеветнические слухи заставили короля представить свою жену народу во всем великолепии королевской крови.

Анна Предстала перед Народом.

В три часа дня в четверг перед Троицей из Гринвича тронулась великолепная процессия. Пятьдесят барж, украшенных богатыми знаменами, перевозили представителей различных городских компаний, и метрополия радостно приветствовала объединение, которое обещало открыть будущее света и веры: это был почти религиозный праздник. На знамени торговцев рыбой была надпись: *"Все богослужение принадлежит одному Богу"*; на знамени галантерейщиков: *"Я уповаю только на Бога"*; на знамени бакалейщиков: *"Бог дарует благодать"*; а на знамени ювелиров: *"Одному Богу да будет вся слава"*. Лондонский сити, таким образом, отстаивал в присутствии огромной толпы принципы Реформации. Баржа лорд-мэра непосредственно следовала за галерой, полностью обитой золотой тканью, на которой сидела Анна. Рядом с ней плыла другая веселая баржа, на которой была устроена небольшая гора, усаженная красными и белыми розами, посреди которой сидели несколько юных дев, поющих под аккомпанемент сладкой музыки. Сотня богато украшенных барк, перевозивших английскую знать, замыкала великолепную процессию, а реку покрывало бесчисленное количество лодок и яликов. В тот момент, когда Анна ступила на берег у Тауэра, тысячи труб зазвучали в знак триумфа, и все орудия крепости произвели такой грохот, какого раньше редко кто слышал.^[283]

Генрих, любивший звук пушек, встретил Анну у ворот и поцеловал ее, и новая королева с триумфом въехала в эту огромную крепость, из которой три года спустя ей предстояло выйти по приказу того же принца, чтобы взойти невинной жертвой на жестокий эшафот. Она вежливо улыбалась всем вокруг; и все же, охваченная внезапным волнением, она иногда дрожала, как будто вместо радостных цветов, по которым она ступала легкой и грациозной поступью, она видела глубокую пропасть, зияющую под ней.

Король и королева провели весь следующий день (пятницу) в Тауэре. В субботу Анна уехала из Тауэра в Вестминстер.^[284] Улицы пестрели знаменами, а дома были увешаны бархатом и золотой тканью. Все государственные и церковные чины, послы Франции и Венеции и придворные чины открывали шествие. Королеву несли на великолепных носилках, покрытых белой тканью, расшитой золотом, ее голову, которую она держала скромно склоненной, окружал веночек из драгоценных камней. Люди, толпившиеся на улицах, были полны энтузиазма и, казалось, торжествовали больше, чем она сама.

На следующий день, в воскресенье, она отправилась на коронацию в древнее Вестминстерское аббатство, куда для встречи с ней были вызваны епископы и двор. Она села в богатое кресло, откуда вскоре спустилась к главному алтарю и преклонила колени. После предписанных молитв она встала, и архиепископ возложил ей на голову корону святого Эдуарда. Затем она причастилась и удалилась; граф Уилтшир, ее отец, дрожа от волнения, взял ее за правую руку ... он был на вершине счастья, и все же ему было не по себе. Увы! каприза человека, который возвел свою дочь на трон, может оказаться достаточно, чтобы сбросить ее с него! Сама Анна, посреди всей этой помпезности, более грандиозной, чем когда-либо виденная на коронации английской королевы, не могла полностью забыть принцессу, место которой она теперь заняла. Не может ли она, в свою очередь, быть отвергнутой?... Одной этой мысли было достаточно, чтобы заставить ее содрогнуться.

Чувства Новой королевы.

Анна не обрела в браке с Генрихом того счастья, о котором мечтала, и часто было видно, как тень пробегает по этим чертам, когда-то таким лучезарным. Идол, которому эта молодая женщина пожертвовала всем, — великолепие трона - не удовлетворил ее стремления к счастью: она заглянула в себя и, став королевой, снова обнаружила то влечение к евангельскому учению, которое она испытывала в обществе Маргариты Валуа и которое среди ее честолюбивых устремлений почти угасло в ее сердце. Она обнаружила, что как для тех, у кого есть все, так и для тех, у кого нет ничего, есть только одно благо — сам Бог. Вероятно, она не отдалась Ему полностью, потому что ее лучшие впечатления часто были мимолетными; но она воспользовалась своей властью, чтобы помочь тем, кто, как она знала, был предан Евангелию. Она ходатайствовала о помиловании Джона Ламберта, который все еще находился в тюрьме, и этот верный исповедник Иисуса Христа поселился в Лондоне, где начал учить детей латыни и греческому, не пренебрегая, однако, защитой истины.^[285]

Две женщины в течение некоторого времени привлекали взгляды всей Англии — та, которая восходила на трон, и другая, которая сходила с него. Ничто так не пробуждает сочувствия великодушных душ, как несчастье, и особенно невинность в несчастье; и, соответственно, судьба Кэтрин всегда будет вызывать живой интерес, даже в рядах протестантизма. Однако мы не должны забывать, что дело Екатерины было делом старых времен и римского папства, и что дело Анны отождествлялось с тем светом, свободой и новой жизнью, которые отличают современные времена. Это правда, Екатерина умерла с позором, но в мире, окруженная своими женщинами, своими офицерами, своими верными слугами; в то время как юная Анна, разлученная со своими друзьями, одна на эшафоте, моля Бога благословить принца, приговорившего ее к смерти, была жестоко отрублена мечом палача. Если с одной стороны была невинность и развод, то с другой - невинность и мученичество.

Король, который сообщил Екатерине через лорда Маунтджоя о приговоре архиепископии, официально уведомил о своем разводе и браке различных коронованных особ Европы, и в частности короля Франции, императора и папу римского. Последний 11 июля отменил приговор архиепископа Кентерберийского, объявил брак короля с Анной Болейн незаконным и пригрозил отлучить обоих от церкви, если они не разойдутся до конца сентября. Генрих гневно приказал своим богословам продемонстрировать, что булла недействительна, отозвал своего посла, герцога Норфолка, и сказал, что настал момент для всех монархов и всего христианского народа выйти из-под ига римского епископа. 'Папа и его кардиналы,' писал он Франциску I, -

притворяются, что имеют в своем распоряжении принцев, которые являются свободными людьми. Сир, вы, я и все князья христианского мира должны объединиться для сохранения наших прав, вольностей и привилегий; мы должны оттолкнуть большую часть христианского мира от римского престола".^[286]

Но у Генриха были схоластические предрассудки, которые заставляли его впадать в самые странные противоречия. В то время как он использовал свою дипломатию, чтобы изолировать папу, он все еще молил его объявить недействительным его брак с Екатериной.^[287] Настоящую Реформацию мы должны искать не при дворе этого принца: мы должны искать ее в другом месте.

ГЛАВА XVIII. РЕФОРМАТОР В ТЮРЬМЕ. (Август 1532 - май 1533 гг.)

Благородный характер Фрита.

Один из ведущих ученых Англии собирался скрепить свидетельство своей веры кровью. Джон Фрит был одной из самых ярких звезд Кембриджского университета. 'Вряд ли можно было бы найти равного ему в учености', - говорили многие. Соответственно, Вулси пригласил его в свой колледж в Оксфорде и Генриха VIII. желал поместить его в число своих богословов. Но тайны Слова Божьего привлекали Фрита больше, чем тайны науки: потребности совести преобладали в нем над потребностями интеллекта, и, пренебрегая собственной славой, он стремился только быть полезным человечеству.^[288] Искренний, решительный и в то же время умеренный христианин, проповедующий Евангелие с большой чистотой и любовью, этот тридцатилетний мужчина, казалось, был обречен стать одним из самых влиятельных реформаторов Англии. Ничто не могло бы помешать ему сыграть главную роль, если бы он обладал энтузиазмом Лютера или неукротимой силой Кальвина. В его характере были менее сильные, но, возможно, более дружелюбные черты; он мягко учил тех, кто был против истины, и в то время как многие, как говорит Фокс,^[289] 'берут в руки мехи, чтобы раздуть огонь, но мало кто попытается его погасить', Фрит стремился к миру. Споры между протестантами огорчали его. 'Мнения, за которые люди идут на войну, - сказал он, - не заслуживают тех великих трагедий, зрителями которых они делают нас. Пусть среди нас больше не будет вопроса о цвинглианцах или лютеранах, ибо ни Цвингли, ни Лютер не умирали за нас, и мы должны быть едины во Христе Иисусе'.^[290] Этот слуга Христа, кроткий и смирен сердцем, как и его Господин, никогда не спорил даже с папистами, если только не был вынужден это делать.^[291]

Отличительной чертой Фрита как реформатора был истинный католицизм, охватывающий всех христиан. Он был не из тех, кто воображает, что национальная Церковь должна думать только о своей нации; но из тех, кто верит, что если Церковь является хранительницей истины, то она является таковой для всей земли; и что религия нехороша, если у нее нет стремления распространиться на все расы человечества. В английской реформации было несколько ярко

выраженных национальных элементов: король и парламент; но был и универсальный элемент: живая вера в Спасителя мира. Никто в шестнадцатом веке не представлял этот истинно католический элемент лучше, чем Фрит. 'Я понимаю Церковь Божью в широком смысле', - сказал он. "В нее входят все те, кого мы считаем членами Христа. Это сеть, брошенная в море".^[292] Этому принципу, посеянному в то время как семя английской реформации, суждено было в один прекрасный день наполнить мир миссионерами.

Фрит, отклонив блестящие предложения, которые король сделал ему через Кромвеля и Воана, присоединился к Тиндейлу в переводе и публикации Священного Писания на английском языке. Трудясь таким образом для Англии, он испытал непреодолимое желание лично распространять там Евангелие. Поэтому он покинул Нидерланды, вернулся в Лондон и направился в Реддинг, где приор был его другом. Ссылку не использовал его, и он вошел в этот город ужасно одеты, и больше похож на нищего, чем тот, кого Генрих VIII. желал, чтобы место рядом с ним. Это было в августе 1532 года.

Его труды предшествовали ему. Получив в Нидерландах три работы, написанные в защиту чистилища тремя выдающимися людьми — Растеллом, шурином сэра Томаса Мора, самим Мором и Фишером, епископом Рочестерским, — Фрит ответил им: 'Чистилище! существует не только один, их два. Первое - это *Слово Божье*, второе - это *Крест Христов*: я имею в виду не деревянный крест, а крест скорби. Но жизнь папистов настолько порочна, что они изобрели третью'.^[293]

Сэр Томас, выведенный из себя ответом Фрита, сказал тем шутливым тоном, который он часто использовал: "Я предлагаю ответить молодому доброму отцу Фриту, чья мудрость такова, что трое стариков вроде моего брата Растелла, епископа Рочестерского, и я сами кажемся сущими младенцами, когда сталкиваемся с отцом Фритом наедине".^[294] Изгнанник вернулся в Англию, и теперь у Мора была возможность отомстить за себя более действенно, чем своими шутками.

Обжарить в бульоне.

Фрит, как мы уже говорили, погрузился в Чтение. Его странный вид иностранца, прибывшего из далекой страны, привлек внимание, и его приняли за бродягу. 'Кто вы?' - спросил судья. Фрит, подозревая, что находится в руках врагов Евангелия, отказался назвать свое имя, что усилило подозрения, и бедный молодой человек был посажен в колодки. Поскольку они дали ему почти ничего поесть, намереваясь заставить его назвать свое имя, его голод вскоре стал невыносимым.^[295] Зная имя директора гимназии, он попросил разрешения поговорить с ним. Едва Леонард Кокс вошел в тюрьму, как мнимый бродяга, весь в лохмотьях, обратился к нему на правильной латыни и начал сожалеть о своем жалком заточении. Никогда еще в столь мерзком подземелье не произносились более благородные слова. Директор школы, пораженный таким красноречием, сочувственно приблизился к несчастному и спросил, как случилось, что такой образованный человек оказался в таком глубоком несчастье. Вскоре он сел, и двое мужчин заговорили по-гречески об университетах и языках. Кокс не мог разобрать, что именно: он испытывал уже не простую жалость, а любовь, которая переросла в восхищение, когда он услышал, как заключенный с чистейшим акцентом декламирует те благородные строки из *Илиады*, которые были так применимы к его собственному случаю:

Пой, о Муза,

Мечь глубокая и смертоносная; откуда в Грецию

Возникли бесчисленные беды, от которых многие души

Могучих воинов невидимым теням

Несвоевременно отправлено.^[296]

Преисполненный уважения, Кокс поспешил к мэру, горько пожаловался на несправедливость, причиненную столь замечательному человеку, и добился его освобождения. Гомер спас жизнь реформатору.

Фрит отправился в Лондон и поспешил присоединиться к верующим, которые привыкли собираться на Боу-лейн. Он поговорил с ними и воскликнул: 'О! какое утешение видеть такое огромное количество верующих, идущих путем Господним!' ^[297] Эти христиане попросили его разъяснить им Священное Писание, и, восхищенные его увещеваниями, они, в свою очередь, воскликнули: "Если следовать правилу святого Павла, из этого человека, несомненно, вышел бы лучший епископ, чем из многих тех, кто носит митру". ^[298] Вместо посоха он должен был нести крест.

Красноречие Фрита.

Один из слушавших испытывал большие сомнения относительно учения о Вечере Господней; и однажды, после того, как Фрит представил им Христа как пищу христианской души через веру, этот человек последовал за ним и сказал: 'Наши прелаты думают иначе; они верят, что хлеб, преобразенный освящением, становится плотью, кровью и костями Христа; что даже нечестивые едят это мясо зубами, и что мы должны поклоняться хозяину.... То, что вы только что сказали, опровергает их ошибки, но, боюсь, я не могу этого вспомнить. Прошу записать это.' Фрит, который не любил дискуссий, был встревожен такой просьбой и ответил: "Я не хочу касаться этой ужасной трагедии"; ^[299] так он назвал спор о Евхаристии. Мужчина повторил свою просьбу и пообещал, что он никому не передаст документ, Фрит написал объяснение доктрины Причастия и передал его этому лондонскому христианину, сказав: 'Мы должны есть и пить тело и кровь Христа не зубами, но слухом и верой'. Брат взял трактат и, поспешив с ним домой, внимательно прочел его.

Вскоре все присутствующие на собрании на Боу-Лейн заговорили об этом письме. Один человек, ложный брат по имени Уильям Холт, внимательно выслушал то, что было сказано, и подумал, что нашел возможность уничтожить Фрита. Приняв лицемерный вид, он благочестивым тоном обратился к человеку, у которого была рукопись, как будто хотел просветить его в вере и в конце концов попросил у него об этом. Получив его, он поспешил сделать копию, которую отнес сэру Томасу Мору, который все еще был канцлером.

Фрит вскоре понял, что напрасно пытался остаться неизвестным; он с такой силой призывал тех, кто жаждал праведности, прийти ко Христу за водами жизни, что друзья и враги были поражены его красноречием. Заметив, что о его имени заговорили в разных местах, он покинул столицу и незамеченным проехал по нескольким округам, где нашел несколько небольших христианских общин, которые пытался укрепить в вере.

Тиндейл, оставшийся на континенте, услышав о трудах Фрита, начал сильно беспокоиться о нем. Он слишком хорошо знал жестокий нрав епископов и многих других людей. 'Я заставляю змея выбраться из его темного логова, - сказал сэр Томас, говоря о Тиндейле, - как Геракл

заставил Цербера, сторожевого пса ада, выйти на дневной свет.... Я не оставлю Тиндейлу самого темного угла, в котором он мог бы спрятать голову.^[300] В глазах Тиндейла Фрит был великой надеждой Церкви в Англии; он трепетал, опасаясь, что грозный Геркулес схватит его. 'Горячо любимый брат Джейкоб, ' писал он, называя его Джейкобом, чтобы ввести в заблуждение своих врагов, — будь холоден, трезв, мудр и осмотрителен и держись низко, избегая высоких вопросов, которые выходят за рамки обычных возможностей. Но истолкуйте закон истинно и приоткройте завесу Моисея, чтобы осудить всякую плоть и доказать, что все люди грешники. Затем отвергните милосердие Господа нашего Иисуса и позвольте израненной совести испить его.... Всем доктринам, которые бросают туман на этих двоих, чтобы затенить и скрыть их, сопротивляйтесь изо всех сил.... Возлюбленные в моем сердце, нет никого, на кого я питаю столь великую надежду и доверие, и кому радуется мое сердце, не столько из-за вашей учености и других дарований, которыми вы, возможно, обладаете, сколько из-за того, что вы руководствуетесь тем, что может чувствовать совесть, а не воображением мозга. Крепко держитесь за скалу помощи Божьей; и если от вас потребуется что-либо, противоречащее славе Божьей и его Христа, тогда стойте твердо и верьте себя Богу. Он - наш Бог, и наше искупление близко".^[301]

Опасения Тиндейла были слишком обоснованны. Сэр Томас Мор держал в руках новый трактат Фрита: он прочитал его и поочередно поддался гневу и сарказму. "Оттачивая свой ум, собирая свой дух и оттачивая свое перо", если использовать слова хрониста,^[302] он ответил Фриту и описал свое учение под изображением рака. Это его не удовлетворило. Хотя он вернул печати королю в мае, он продолжал занимать свой пост до конца года. Он приказал разыскать Фрита и пустил по следу всех своих ищеек. Если реформатора раскроют, он пропал; когда сэр Томас Мор однажды поймал своего человека, ничто не могло его спасти — возможно, ничего, кроме веселой шутки. Например, однажды, когда он допрашивал евангелиста по имени Сильвер: 'Вы знаете, - сказал он с улыбкой, - что серебро нужно испытать в огне'. "Да, - немедленно возразил обвиняемый, - но не ртуть".^[303] Еще больше обрадованный остротой, выпускаю беднягу на свободу. Но Фрит не был шутком: следовательно, он не мог надеяться снискать расположение бывшего канцлера Англии.

На Фрита охотятся Другие.

Сэр Томас охотился за реформатором по морю и суше, обещая большую награду тому, кто его выдаст. Не было ни одного округа, ни города, ни деревни, где Мор не искал бы его, ни одного шерифа или мирового судьи, к которому он не обращался, ни одной гавани, куда он не посылал бы какого-нибудь офицера, чтобы поймать его.^[304] Но ответ со всех сторон был: 'Его здесь нет'. Действительно, Фрит, узнав о великих усилиях своего врага, перебежал с места на место, часто меняя одежду и нигде не находя безопасности. Решив покинуть Англию и вернуться в Тиндейл, он отправился в Милтон Шоун в Эссексе с намерением отправиться в путь. Корабль был готов к отплытию, и, покинув свое убежище, он со всеми предосторожностями спустился к берегу. Его предали. Агенты Мора, стоявшие на страже, схватили его, когда он поднимался на борт, и отнесли в Тауэр. Это произошло в октябре 1532 года.

Сэр Томас Мор был встревожен и раздосадован. Он видел, как новая власть поднимает голову в Англии и во всем христианском мире, и чувствовал, что, несмотря на свое остроумие и влияние, он не в состоянии ее остановить. Этот столь любезный человек, этот писатель с таким чистым и элегантным стилем не так уж сильно боялся гнева короля; что приводило его в отчаяние, так это

то, что Священное Писание с каждым днем распространялось все шире и постоянно растущее число его сограждан обращалось в евангельскую веру. Эти новые люди, которые, казалось, обладали большим благочестием, чем он сам — он был старым приверженцем старого папства! — сильно раздражали его. Он утверждал, что только у него и его друзей есть привилегия быть христианами. Рвение сторонников Реформации, то, как они приносили в жертву свой покой, свои деньги и свои жизни, приводило его в замешательство. "Эти дьявольские люди, - сказал он, - печатают свои книги за большие деньги, несмотря на большую опасность; не стремясь ни к какой выгоде, они раздают их всем подряд и даже разбрасывают по ночам."^[305] Они не боятся ни труда, ни путешествия, ни расходов, ни боли, ни опасности, ни ударов, ни увечий. Они получают злонамеренное удовольствие, стремясь уничтожить других, и эти ученики дьявола думают только о том, как бы им ввергнуть души простаков в адское пламя.' В таком напряжении дал волю своему гневу эlegantный утопист — человек, который всю свою жизнь мечтал о плане воображаемого мира для совершенного счастья каждого. Наконец он поймал главного из этих учеников сатаны и надеялся предать его смерти на костре.

Труды Фрита в тюрьме.

Вскоре по Лондону разнеслась весть о том, что Фрит находится в тауэре, и несколько священников и епископов немедленно отправились туда, чтобы попытаться вернуть его папе. Их главным аргументом было то, что Мор опроверг свой трактат о Вечере Господней. Фрит попросил показать опровержение, но ему было отказано. Однажды епископ Винчестерский, вызвав заключенного, показал его Фриту и, подняв книгу, заявил, что книга совершенно заткнула ему рот; Фрит протянул руку, но епископ поспешно отдернул книгу. Самому Мору было стыдно за это извинение, и он сделал все возможное, чтобы предотвратить его распространение. Фрит мог получить только письменную копию, но он решил ответить на нее немедленно. Не было никого, с кем он мог бы посоветоваться, не было книги, к которой он мог бы обратиться, а цепи, которыми он был закован, едва позволяли ему сидеть и писать.^[306] Но, прочитав в своей темнице при свете маленькой свечи оскорбления Мора и обнаружив, что его обвиняют в том, что он собрал весь яд, который можно было найти в трудах Уиклифа, Лютера, Николампадиуса, Тиндейла и Цвингле, этот смиренный слуга Божий воскликнул: 'Нет! Лютер и его учение - это не цель, к которой я стремлюсь, а Священные Писания Бога'.^[307] "Он заплатит за свою ересь лучшей кровью в своем теле", - говорили его враги; и благочестивый ученик отвечал: "Как овца, связанная рукой мясника, с робким видом умоляет, чтобы его кровь скорее пролилась, так и я молюсь своим судьям, чтобы моя кровь могла быть пролита *завтра*, если по моей воле..." смерть должна открыть глаза королю".^[308]

Перед смертью Фрит пожелал спасти, если на то будет Божья воля, одного из своих противников. Был один из них, у которого не было ни упрямства, ни злобы: это был Растелл, шурин Мора. Поскольку он не мог поговорить ни с ним, ни с кем-либо из врагов Реформации, он задумал написать в тюрьме трактат, который следовало бы назвать "*Оплот*". Но недавно поступил строгий приказ, согласно которому у него не должно было быть ни пера, ни чернил, ни бумаги.^[309] Некоторые евангельские христиане Лондона, которым удалось получить к нему доступ, тайно снабдили его письменными принадлежностями, и Фрит начал. Он писал ... но каждую минуту прислушивался, опасаясь, что лейтенант Тауэра или надзиратели внезапно обнаружат его и перо в его руке.^[310] Часто ему в голову приходила блестящая мысль, но какая-то внезапная тревога вытесняла ее из головы, и он не мог вспомнить ее.^[311] Однако он набрался смелости: его обвинили в том, что добрые дела не приносят пользы: он с большим

красноречием принялся объяснять всю их полезность и каждый раз повторял: 'Неужели это ничто? это все еще ничего не значит? Воистину, Растелл, - добавил он, - если ты считаешь полезным только то, что оправдывает нас, то солнце бесполезно, потому что оно не оправдывает.'^[312]

Как он заканчивал эти слова он услышал грохочущие ключи в дверь, и, испугавшись, тут же кинул бумагу, чернила и перо в укрытие. Однако он смог завершить трактат и отправить его Растеллу. Шурин Мора прочел это; его сердце было тронут, разум просветлен, предрассудки рассеяны; и с того часа этот дух выбора перешел к Евангелию Христа. Бог дал ему новые глаза и новые уши. Чистая радость наполнила сердце заключенного. 'Растелл теперь считает свой естественный разум глупостью', - сказал он. "Растелл, стань ребенком, испей мудрости, которая приходит свыше".^[313]

Обращение шурина сэра Томаса Мора произвело большую сенсацию, и визиты в камеру Фрита с каждым днем становились все более частыми. Хотя он был разлучен со своей женой и с Тиндейлом, которых он был вынужден оставить в Нидерландах, у него никогда не было так много друзей, братьев, матерей и отцов; он плакал от радости. Он достал из тайника ручку и бумагу и, как всегда неутомимый, начал писать сначала *"Зеркало самопознания"*, а затем *"Письмо верным последователям Евангелия Христа"*. "Подражатели Господу, - сказал он им, - осените себя крестным знамением, не как это делает суеверная толпа, чтобы поклониться ему, но как свидетельство того, что вы готовы нести этот крест, как только Богу будет угодно послать его. Не бойся, когда ты получишь это, ибо у тебя также будет сто отцов вместо одного, сто матерей вместо одной, сто особняков уже в этой жизни (ибо Я совершил испытание), а после этой жизни - радость вечная".^[314]

Фрит навещает Пети.

В начале 1533 года, когда Анна Болейн была замужем за королем Англии, Фрит увидел, как с него спали цепи: ему разрешили получить все, о чем он просил, и даже разрешили покидать Тауэр ночью под честное слово. Он воспользовался этой свободой, чтобы навестить друзей Евангелия и посоветоваться с ними о том, что следует делать. В частности, однажды вечером, покинув Тауэр, Фрит отправился в дом Пети, желая еще раз обнять этого большого друга Реформации, этого твердого члена парламента, который, как мы видели, был брошен в тюрьму и наконец вышел на свободу. Пети, ослабленный долгим заключением, был близок к концу; преследование волновало и причиняло ему боль, и, по-видимому, иногда его волнение переходило в бред. Когда он оплакивал пленение молодого и благородного реформатора, появился Фрит. Пети был сбит с толку, его разум блуждал. Это Фрит или его призрак? Он был похож на апостолов, когда Рода пришла сказать им, что Питер ждет их у ворот. Но, постепенно придя в себя, Пети сказал: 'Ты здесь! как тебе удалось ускользнуть от бдительности стражей? "Сам Бог, - ответил Фрит, - даровал мне эту свободу, коснувшись их сердец".^[315] Затем два друга поговорили об истинной реформации Англии, которая, по их мнению, не имела ничего общего с дипломатическими действиями короля. По их мнению, речь шла не о том, чтобы перегружать внешнюю Церковь новыми украшениями, а о том, чтобы "увеличить это избранное, освященное и невидимое собрание, избранное прежде основания мира".^[316] Фрит не скрывал от Пети своей уверенности в том, что он будет призван умереть за Евангелие. Ночь прошла в таких христианских беседах, и только на рассвете узник поспешил вернуться в Тауэр.

Друзья евангелиста думали иначе, чем он. Восшествие на престол Анны Болейн, казалось, должно было открыть двери тюрьмы Фрита, и в воображении они видели его на свободе, трудящимся либо на континенте, либо дома над тем настоящим преобразованием, которое совершается Писаниями Божьими.

Но этому не суждено было сбыться. Большинство евангелистов были воздвигнуты Богом в Англии во время правления Генриха VIII. нашли — не то влияние, которое они должны были оказывать, но — смерть. И все же их кровь была взвешена на божественных весах; она осветила Реформацию Англии и стала духовным семенем для будущих веков. Если Церковь этой богатой страны, обладающей таким мирским великолепием, тем не менее стала свидетелем развития мощной евангельской жизни в своих недрах, она не должна забывать причину, но понимать вместе с Тертуллианом, что *кровь мучеников - это семя Церкви*.

ГЛАВА XIX.

РЕФОРМАТОР ПРЕДПОЧИТАЕТ СКОРЕЕ ПОТЕРЯТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ, ЧЕМ СОХРАНИТЬ ЕЕ.

(С мая по июль 1533 г.)

Враг был начеку: начинался второй период пленения Фрита, который должен был закончиться мученической смертью. Епископы Генриха, которые, отвергнув папу в угоду королю, оставались приверженцами схоластических доктрин, опасались, что реформатор ускользнет от них: поэтому они взялись уговаривать Генриха предать его смерти. На стороне Фрита были королева, Кромвель и Кранмер. Это не обескуражило их, и они сообщили королю, что, хотя этот человек был заключен в Лондонский Тауэр, он не переставал писать и действовать в защиту ереси. Это было время Великого поста, и враги Фрита пришли к соглашению с доктором Кервином, королевским капелланом, который должен был проповедовать перед двором. Не успел он взойти на кафедру, как начал выступать с речью против тех, кто отрицал материальное присутствие Христа в воинстве. Повергнув своих слушателей в ужас, он продолжил: "Неудивительно, что эта отвратительная ересь так сильно распространилась среди нас. Человек, который сейчас находится в Лондонском Тауэре, имеет наглость защищать его, и никто не думает о том, чтобы наказать его.

Фрита отдали под суд.

Когда служба закончилась, блестящая паства покинула часовню, и каждый, выходя, спрашивал, как зовут этого человека. 'Фрит' - был ответ, и громкие восклицания раздались, услышав это. Удар возымел действие, схоластические предрассудки короля возродились, и он послал за Кромвелем и Кранмером. 'Я очень удивлен,' сказал он, 'что Джона Фрита так долго продержали в Тауэре без допроса. Я желаю, чтобы суд над ним состоялся без промедления; и если он не откажется от своих слов, пусть понесет заслуженное наказание. Затем он назначил шестерых главных духовных и светских пэров Англии для допроса: это были архиепископ Кентерберийский, епископы Лондонский и Винчестерский, лорд-канцлер, герцог Саффолкский и граф Уилтширский. Это свидетельствовало о том значении, которое Генрих придавал этому

делу. До сих пор все мученики падали под ударами либо епископов, либо кого-то другого; но в данном случае сам король простер свою сильную руку против слуги Божьего.

Приказ Генриха поверг Кранмера в сильнейшее беспокойство. С одной стороны, Фрит был в его глазах последователем Евангелия; но, с другой стороны, он нападал на доктрину, которую архиепископ тогда считал христианской; ибо, подобно Лютеру и Осиандру, он все еще верил в единосущие. "Увы! - писал он архидьякону Хокинсу. - он исповедует доктрину Николампадия".^[317] Однако он решил сделать все, что в его силах, чтобы спасти Фрита.

Лучшие друзья молодого реформатора увидели, что готовится свалка, чтобы поглотить самого верного христианина в Англии. 'Возлюбленные мои, ' писал Тиндейл из Антверпена, - не бойтесь людей, которые угрожают, и не доверяйте людям, которые говорят честно. Ваше дело - Евангелие Христа, свет, который должен питаться кровью веры. Лампу необходимо ежедневно подправлять, чтобы свет не гас.^[318] Недостатка в примерах, подтверждающих эти слова, не было. Двое пострадали в Антверпене во славу Евангелия; четверо - в Риселле во Фландрии. В Руане во Франции преследуют, а в Париже за Евангелие схвачены пять врачей. Видите, вы не одиноки: следуйте примеру всех других ваших дорогих братьев, которые предпочитают страдать в надежде на лучшее воскресение. Носите образ Христа в своем смертном теле и храните свою совесть чистой и непорочной.... *Una salus victis, nullam sperare salutem*: единственная безопасность побежденных - это не искать никого. Если бы вы только могли написать нам и рассказать, как у вас дела. В этом письме от мученика к мученице была одна фраза, достойная уважения женщины-христианки: "Ваша жена вполне довольна волей Божьей и не хотела бы, чтобы ради нее препятствовали славе Божьей".

Кранмер спасет Фрита.

Если друзья думали о Фрите на берегах Шельды, то они в равной степени беспокоились о нем на берегах Темзы. Достойные граждане Лондона спрашивали, какой смысл Англии оставлять папу, чтобы цепляться за Христа, если она сжигала слуг Христа? Маленькая Церковь прибегла к молитве. Архиепископ Кранмер хотел спасти Фрита: он любил этого человека и восхищался его благочестием. Если обвиняемый предстанет перед комиссией, назначенной королем, он погиб: необходимо без промедления придумать какие-то средства, чтобы спасти его от неминуемой смерти. Архиепископ заявил, что, прежде чем приступить к судебному разбирательству, он хотел бы переговорить с подсудимым и попытаться убедить его, что было вполне естественно. Но в то же время предстоятель, по-видимому, опасался, что, если конференция состоится в Лондоне, люди нарушат общественный покой, как во времена Уиклифа.^[319] Поэтому он решил, что оно должно состояться в Кройдоне, где у него был дворец. Страх примаса кажется довольно странным. Бунт из-за Фрита в то время, когда король, палата общин и народ были в гармонии, казался маловероятным. У Кранмера был другой мотив.

Среди лиц, составлявших его семью, был джентльмен с доброжелательным характером и склонностью к Евангелию, который был огорчен жестокостью епископов и считал законным и христианским поступком отнимать у них, по возможности, их жертвы. Дав ему в спутники одного из привратников Ламбетского дворца, Кранмер поручил Фриту его заботам, чтобы тот доставил его в Кройдон. Они должны были провести заключенного в четырех- или пятичасовом пешем путешествии по полям и лесам без каких-либо констеблей или солдат. Странная прогулка и странный эскорт.^[320]

Лорд Фицуильям, первый граф Саутгемптон и губернатор Тауэра, в то время лежал больной в своем доме в Вестминстере, испытывая такую сильную боль, что из него вырывались громкие стоны. 10 июня, по желанию милорда Кентерберийского, дворянина архиепископа и привратника из Ламбета, Галлуа по фамилии Перлебин был введен в спальню дворянина, где они обнаружили его лежащим на кровати в крайней агонии. Фицуильям, светский человек, был сильно разгневан на евангелистов, которые, по его мнению, были причиной всех трудностей Англии. Джентльмен почтительно вручил ему письмо примаса и королевский перстень. 'Чего ты хочешь?' - резко спросил он, не вскрывая письма. 'Его светлость желает, чтобы ваша светлость доставили нам мастера Фрита. При упоминании этого имени нетерпеливый Саутгемптон пришел в ярость и проклял Фрита и всех еретиков.'^[321] Ему показалось странным, что джентльмену и носильщику приходится доставлять такого важного заключенного в епископальный суд: неужели в Тауэре не было солдат? Были ли у Фицуильяма какие-нибудь подозрения, или он сожалел, что реформатор покинул стены, в которых его так надежно держали? Мы не можем сказать, но он должен повиноваться, потому что ему принесли королевскую печать. Соответственно, поспешно снимая свою с пальца: 'Фрит, - сказал он, - Фрит.... Вот, покажи это лейтенанту Тауэра и поскорее уведи своего еретика. Я слишком счастлив избавиться от него.

Несколько часов спустя Фрит, джентльмен и Перлебин сели в лодку, пришвартованную недалеко от Тауэра, и быстро поплыли ко дворцу архиепископа в Ламбете. Сначала все трое хранили строгое молчание, лишь время от времени прерываемое глубокими вздохами джентльмена. Поскольку ему было поручено для начала попытаться склонить Фрита к какому-то компромиссу, он наконец нарушил молчание. 'Мастер Фрит, - сказал он, - если вы не будете благоразумны, вы пропали. Какая жалость! вы, столь сведущие в латыни и греческом, в Священном Писании, в древних учениях и во всех видах знаний, вы погибнете, и все ваши замечательные дары погибнут вместе с вами, не принеся никакой пользы миру и меньшего утешения вашей жене и детям, вашим родственникам и друзьям'.... Джентльмен с минуту помолчал, а затем начал снова: 'Ваше положение опасно, мастер Фрит, но не отчаянно: у вас много друзей, которые сделают все, что в их силах, в вашу пользу. Со своей стороны, сделайте что-нибудь для них, сделайте какую-нибудь уступку, и вы будете в безопасности. Ваше мнение о чисто духовном присутствии тела и крови Спасителя преждевременно: для нас в Англии еще слишком рано; подождите, пока не наступят лучшие времена!'

Фрит не произнес ни слова: не было слышно ни звука, кроме плеска воды и плеска весел. Джентльмену показалось, что он потряс молодого доктора, и после минутного молчания он продолжил: 'Милорд Кромвель и милорд Кентерберийский испытывают к вам большую привязанность: они знают, что, если вы молоды годами, вы стары знаниями и можете стать самым прибыльным гражданином этого королевства.... Если вы прислушаетесь к их совету, они никогда не допустят, чтобы вам причинили вред; но если вы будете твердо стоять на своем мнении, спасти вашу жизнь невозможно, потому что у вас есть как хорошие друзья, так и смертельные враги'.

Попытка примирения.

Джентльмен остановился и посмотрел на заключенного. Именно такими словами был соблазнен Билни; но Фрит держался в присутствии Бога, готовый отдать свою жизнь, чтобы спасти ее. Он поблагодарил джентльмена за его доброту и сказал, что его совесть не позволит

ему отступить из уважения к человеку от истинного учения о Вечере Господней. 'Если меня спросят по этому поводу, я должен отвечать по совести, хотя я потерял бы двадцать жизней, если бы у меня было так много. Я могу подтвердить это большим количеством отрывков из Священного Писания и древних докторов, и, если я буду по-настоящему испытан, мне нечего будет бояться'. — 'Жениться!' джентльмен сказал: 'Если бы вас хорошенько испытали, вы были бы в безопасности; но в этом я очень сомневаюсь. Наш Учитель Христос не подвергся справедливому испытанию, да и не подвергся бы, как я думаю, если бы сейчас снова присутствовал в мире. Как же тогда вам быть, когда ваши мнения так малопонятны и так отвратительны?' — 'Я знаю, - ответил Фрит, - что доктрина, которой я придерживаюсь, - это очень тяжелое мясо, которое сейчас трудно переварить; но послушайте меня'. Говоря это, он взял джентльмена за руку: 'Если вы проживете еще двадцать лет, вы увидите всю сферу моего мнения относительно этого таинства алтаря - все, за исключением определенного класса людей. Моя смерть, как вы говорите, была бы печальной для моих друзей, но это продлится недолго. Но, учитывая все обстоятельства, моя смерть будет лучше для меня и для всех моих, чем жизнь в постоянном рабстве. Бог знает, что ему делать со своим бедным слугой, чье дело я сейчас защищаю. Он поможет мне, и никто не заставит меня отступить'".

Лодка достигла Ламбета. Путешественники высадились на берег, вошли во дворец архиепископа и, немного подкрепившись, отправились пешком в Кройдон, расположенный в двенадцати милях от Лондона.

Трое путешественников двинулись дальше по холмам и равнинам Суррея. Тут и там на скудных пастбищах паслись отары овец, а на востоке простирались обширные леса. Джентльмен скорбно шагал рядом с Фритом. Было бесполезно снова просить его взять назад свои слова; но офицера Кранмера посетила другая мысль — позволить Фриту сбежать. Местность в то время была малонаселенной: леса, покрывавшие ее с востока, и меловые холмы могли послужить укрытием для беглеца. Трудность заключалась в том, чтобы убедить Перлебина. Джентльмен замедлил шаг, подозвал привратника, и они вдвоем последовали за заключенным. Когда они отошли так далеко, что он не мог слышать их разговора, джентльмен сказал: 'Я уверен, вы слышали этого человека и обратили внимание на его речь с тех пор, как он спустился с Башни'. — 'Я никогда не слышал ни о таком постоянном человеке, - ответил Перлебин, - ни о таком красноречивом человеке'. — "Вы ничего не слышали, - продолжил джентльмен, - ни о его знаниях, ни о его красноречии. Если бы вы могли услышать его в университете или с кафедры, вы бы восхищались им еще больше. В Англии никогда не было человека его возраста, обладающего такой обширной ученостью. И все же наши епископы обращаются с ним так, как будто он большой болван или идиот.... Они ненавидят его, как самого дьявола, и хотят избавиться от него любыми средствами'. — "Женитесь!" - сказал привратник. - "Если бы в нем не было ничего другого, кроме уважения к его внешности, одновременно привлекательной и дружелюбной, к его характеру, такому мягкому, кроткому и смиренному, было бы жаль, если бы его прогнали'. — 'Прогнали', - перебил джентльмен, - "его непременно прогонят, если мы однажды привезем его в Кройдон'. И, понизив голос, он продолжал: 'Клянусь Богом, если бы ты, Перлебин, был в моем уме, мы бы никогда не привели его туда'. — 'Что вы имеете в виду?' - спросил изумленный привратник. Затем, после минутного молчания, он добавил: "Я знаю, что на вас лежит гораздо большая ответственность в этом вопросе, чем на мне; и поэтому, если вы честно сможете спасти этого человека, я всем сердцем соглашусь на ваше предложение'. Джентльмен снова перевел дыхание.

Попытка спасти Фрита.

Кранмер желал, чтобы были предприняты все возможные усилия, чтобы изменить настроения Фрита; и, потерпев неудачу, он пожелал спасти его другим способом. Его желанием было, чтобы Реформатор отправился в Кройдон пешком; чтобы его сопровождали только двое его слуг, отобранных из тех, кто наиболее расположен к новой доктрине. Приближенный примаса никогда бы не осмелился взять на себя, кроме как по желанию своего господина, ответственность за содействие побегу заключенного, которого должны были судить первые лица королевства, назначенные самим королем. Довольный тем, что заполучил носильщика для своего предприятия, он начал обсуждать с ним пути и средства. Он хорошо знал местность, и его план был составлен.

‘ Видите вон тот холм перед нами, - сказал он Перлбину. - это Брикстон-Козуэй, в двух милях от Лондона. С обеих сторон раскинулись отличные леса. Когда мы доберемся до вершины, мы позволим Фриту сбежать в лес по левую руку, откуда он сможет легко попасть в Кент, где он родился и где у него много друзей. Мы задержимся на час или два в дороге после его побега, чтобы дать ему время добраться до безопасного места, а когда наступит ночь, мы отправимся в Стритхэм, который находится в полутора милях отсюда, и поднимем крик в городе, что наш пленник убежал в лес справа по направлению к Уондсворту; что мы следовали за ним больше миль и наконец потеряли его, потому что нас было недостаточно много. В то же время мы возьмем с собой столько людей, сколько сможем, чтобы искать его в том направлении; если потребуется, мы будем заниматься этим всю ночь; и прежде чем мы сможем разослать весть о случившемся в Кройдон, Фрит будет в безопасности, а епископы будут разочарованы.

Мы видим, что джентльмен был не очень щепетилен в средствах спасения жертвы от римских священников. Перлебин думал так же, как и он. "Твой план мне нравится, - ответил он. - А теперь иди и расскажи пленнику, потому что мы уже у подножия холма".

Обрадованный джентльмен поспешил вперед. ‘ Мастер Фрит, - сказал он, - давайте немного поговорим. Я не могу скрыть от вас, что задача, которую я взял на себя - доставить вас в Кройдон, как овцу на заклание, - чрезвычайно огорчает меня, и нет такой опасности, которой я бы не отважился, чтобы вызволить вас из пасти льва. Мы с этим добрым парнем разработали план, с помощью которого ты можешь сбежать. Послушай меня. Когда джентльмен изложил свой план, Фрит дружелюбно улыбнулся и сказал: ‘Значит, это результат ваших долгих консультаций. Вы зря потратили время. Если бы вы оба бросили меня здесь и отправились в Кройдон, заявив епископам, что потеряли меня, я бы последовал за ними так быстро, как только мог, и принес им весть, что я нашел и снова привел Фрита.

Джентльмен не ожидал такого ответа. Заключенный отказывается от свободы! "Вы сумасшедший", - сказал он. - "Вы думаете, что ваши доводы обратят епископов? В Милтон-Шоне ты пытался спастись за морем, а теперь отказываешься спастись сам!" — ‘Это разные случаи, - ответил Фрит. - тогда я был на свободе и, согласно совету святого Павла, я бы охотно воспользовался своей свободой для продолжения учебы. Но теперь высшая сила, так сказать, с соизволения Всемогущего Бога, овладела мной, и моя совесть обязывает меня защищать учение, за которое меня преследуют, если я не хочу навлечь на себя осуждение нашего Господа. Если бы я сейчас убежал, я бы убежал от моего Бога; если бы я убежал, я бы убежал от свидетельства, которое я обязан нести его Святому Слову, и я заслужил бы тысячу адов. Я от

всего сердца благодарю вас обоих за ваше доброе отношение ко мне, но умоляю вас доставить меня туда, куда мне было назначено, иначе я отправлюсь туда совсем одна".^[322]

Те, кто желал спасти Фрита, не рассчитывали на такую честность. Таковы, однако, были мученики протестантизма. Двое слуг архиепископа продолжили свой путь вместе со своим странным пленником. У Фрита были спокойные глаза и веселый вид, и остальная часть путешествия прошла в благочестивой и приятной беседе. Когда они добрались до Кройдона, он был передан служащим епископального суда и провел ночь в сторожке привратника примаса.

Сосредоточьтесь На Реальном Присутствии.

На следующее утро он предстал перед епископами и пэрами, назначенными для его допроса. Кранмер и лорд-канцлер Одли добивались его оправдания, но некоторые другие судьи были людьми без жалости.

Начался экзамен:

‘Верите ли вы, - спросили они, - что таинство алтаря является или не является настоящим телом Христовым?’ Фрит ответил просто и твердо: ‘Я верю, что хлеб - это тело Христово в том смысле, что он преломлен, и таким образом учит нас, что тело Христово должно было быть преломлено и предано смерти, чтобы искупить нас от наших беззаконий. Я верю, что хлеб является телом Христовым в том смысле, что он *раздается*, и таким образом учит нас, что тело Христово и плоды его страстей раздаются всем верующим людям. Я верю, что хлеб является телом Христовым в той мере, в какой он *принимается*, и, таким образом, он учит нас, что подобно тому, как внешний человек принимает причастие зубами и ртом, так и внутренний человек действительно получает через веру тело Христово и плоды его страстей’.

Судьи не были удовлетворены: они хотели официального и полного опровержения. ‘Не думаете ли вы,’ спросил один из них, ‘что естественное тело Христа, его плоть, кровь и кости содержатся под таинством и присутствуют там без всяких фигур речи?’ — ‘Нет, - ответил он, - я так не думаю’, - добавив с большим смирением и милосердием: "Несмотря на это, я не хотел бы, чтобы кто-либо считал мои слова догматом веры. Ибо подобно тому, как я говорю, что вы не должны составлять какой-либо необходимый пункт веры со своей стороны; так и я говорю снова, что мы не составляем никакого необходимого пункта веры со своей стороны, но оставляем безразличным, чтобы все люди судили в этом, поскольку Бог откроет их сердца, и ни одна сторона не должна осуждать или презирать другую, но питать во всем братскую любовь и переносить немощи друг друга".^[323]

Затем уполномоченные взялись убедить Фрита в истинности пресуществления; но он цитировал Священное Писание, святого Августина и Златоуста и красноречиво защищал доктрину духовного вкушения. Придворные встали. Кранмер был тронут, хотя все еще находился под влиянием учения Лютера.^[324] ‘Этот человек говорил превосходно, - сказал он доктору Хиту, когда они выходили, - и все же, по моему мнению, он неправ’. Немногим позже он посвятил одно из самых важных своих сочинений объяснению доктрины, которую ныне исповедует молодой реформатор; возможно, слова Фрита начали его потрясать.

Полный любви к нему, Кранмер желал спасти его. Четыре раза в ходе экзамена он вызывал Фрита и беседовал с ним наедине,^[325] всегда отстаивая мнение лютеран. Фрит предложил поддержать свою доктрину в ходе публичной дискуссии против любого, кто был готов напасть

на нее, но никто не принял его вызов.^[326] Кранмер, огорченный тем, что все его усилия оказались бесполезными, обнаружил, что ему больше нечего делать; дело было передано ординарцу, епископу Лондона, и 17 июня заключенный снова был заключен в Тауэр. Епископ выбрал в качестве своих заседателей для судебного разбирательства Лонгленда, епископа Линкольнского, и Гардинера, епископа Винчестерского: более суровых судей в епископской коллегии было не сыскать. В Кембридже Фрит был самым выдающимся учеником умного и честолюбивого Гардинера; но это, вместо того чтобы возбудить сострадание в этом суровом человеке, только усилило его гнев. "Фрит и его друзья, - сказал он, - негодяи, богохульники и отродья дьявола".^[327]

Фрит приговорен к смертной казни.

20 июня Фрита отвели в собор Святого Павла к трем епископам, и, несмотря на смиренный нрав и почти робкий характер, он отвечал смело. Клерк записал все его ответы, и Фрит, схватив ручку, написал: 'Я, Фрит, думаю так. Так я говорил, писал, защищал, утверждал и публиковал в своих трудах'.^[328] Епископы спросили его, откажется ли он от своих ошибок, Фрит ответил: 'Пусть правосудие восторжествует и приговор будет вынесен'. Стоксли не заставил себя долго ждать. "Не желая, чтобы ты, нечестивый Фрит, - сказал он, - стал еще более нечестивым и заразил стадо Господне своей ересью, мы объявляем тебя отлученным и изгнанным из Церкви и оставляем тебя светским властям, самым серьезным образом требуя от них в истине Господа нашего Иисуса Христа, чтобы твоя казнь и наказание не были слишком суровыми, *и при этом мягкость не была слишком смягчена*".^[329]

Фрита отвезли в Ньюгейт и заперли в темной камере, где он был скован по рукам и ногам такими тяжелыми цепями, какие только мог нести, а на шее у него был железный ошейник, который приковал его к столбу, так что он не мог ни стоять прямо, ни сесть. Воистину, "мягкость" не была "слишком смягчена". Милосердие никогда его не подводило. "Я умру, - сказал он, - но я не осуждаю ни тех, кто следует Лютеру, ни тех, кто следует Николампадию, поскольку оба отвергают пресуществление".^[330] Молодого механика двадцати четырех лет, по имени Эндрю Хьюит, поместили в камеру. Фрит спросил его, за какое преступление его отправили в тюрьму. 'Епископы, ' ответил он, - спросили меня, что я думаю о причастии, и я ответил: "Я думаю так же, как Фрит". Затем один из них улыбнулся, и епископ Лондона сказал: "Фрит еретик и уже приговорен к сожжению, и если вы не откажетесь от своего мнения, вы будете сожжены вместе с ним". "Очень хорошо, - ответил я, - я доволен".^[331] Поэтому они отправили меня сюда, чтобы меня сожгли вместе с вами.'

4 июля их обоих отвезли в Смитфилд: палачи привязали их к столбу спина к спине; поднесли факел, пламя взметнулось в воздух, и Фрит, протянув руки, обнял его, как дорогого друга, которого он хотел бы поприветствовать. Зрители были тронуты и выказывали знаки живого сочувствия. "По правде говоря, - сказал впоследствии один христианин-евангелист, - он был одним из тех пророков, которых Бог, сжалившись над этим королевством Англии, воздвиг, чтобы призвать нас к покаянию".^[332] Там были его враги. Кук, священник-фанатик, наблюдая за некоторыми молящимися, крикнул: "Не молитесь за таких людей так же, как не молились бы за собаку".^[333] В этот момент нежный свет озарил лицо Фрита, и было слышно, как он умолял Господа простить его врагов. Хьюит умер первым, и Фрит возблагодарил Бога за то, что страдания его младшего брата закончились. Передав свою душу в руки Господа, он скончался. "Воистину, - восклицали многие, - велики победы, которые Христос одерживает в своих святых".

Труды Фрита просветили так много душ, что этот реформатор внес огромный вклад в обновление Англии. 'Однажды англичанин, ' рассказывает Томас Бекон, пребендарий Кентерберийский и капеллан архиепископа Кранмера, ' простившись со своей матерью и друзьями, отправился в Дербишир, а оттуда в Пик, чудесную бесплодную страну", где тогда "не было ни учености, ни искры благочестия". Придя в маленькую деревушку под названием Олсоп в Долине, он случайно встретил некоего джентльмена, также по имени Олсоп, лорда этой деревни, человека не только преклонных лет, но и зрелого в знании учения Христа. После того, как они "вдоволь поужинали", джентльмен показал своему гостю некоторые книги, которые он называл *своими драгоценностями и главными сокровищами*: это были Новый Завет и несколько книг Фрита. В этих благочестивых трактатах этот древний джентльмен усердно и добродетельно трудился среди своих скал и гор. "Он не только любил Евангелие, - добавляет капеллан Кранмера, - он *"также жил по нему"*." ^[334]

Трудам Фрита не суждено было всегда читаться с одинаковой жадностью: содержащаяся в них истина, однако, хороша на все времена. Книги апостолов и реформаторов, которые этот джентльмен из Олсопа прочел в шестнадцатом веке, были лучше рассчитаны на то, чтобы принести радость и мир в душу, чем светлые произведения, которые с такой жадностью читают в мире.

ГЛАВА XX. АНГЛИЯ ПОСТЕПЕННО ОТДЕЛЯЕТСЯ ОТ ПАПСТВА. (1533 г.)

Анна Болейн.

Когда Фрит взошел на эшафот, Анна Болейн уже месяц сидела на английском троне. Артиллерийские залпы, которыми приветствовали новую королеву, эхом разнеслись по всей Европе. Больше не могло быть сомнений: дочь графа Уилтшира, сияющая изяществом и красотой, носила корону Тюдоров; каждый, особенно императорская семья, должен понести ответственность за последствия этого поступка. Однажды сэр Джон Хэкет, английский посланник в Брюсселе, прибыл ко двору как раз в тот момент, когда Мария, регентша Нидерландов, собиралась садиться на лошадь. ' У вас есть какие-нибудь новости из Англии? — спросила она его по-французски. - Никаких, ' ответил он. Мэри удивленно посмотрела на него, ^[335] и добавила: 'Тогда у меня есть, и не слишком хорошее мнение'. Затем она рассказала ему о женитьбе короля, и Хэкет невозмутимо возразил: "Мадам, я не знаю, состоялось ли это, но каждый, кто относится к этому хладнокровно и без семейных предрассудков, согласится, что это законный и добросовестный брак". Мария, которая была племянницей несчастной Екатерины, ответила: "Господин посол, видит Бог, я хочу, чтобы все прошло хорошо; но я не знаю, как император и король, мой брат, воспримут это, потому что это касается их так же, как и меня". — "Думаю, я могу быть уверена", — ответила она. Сэр Джон, "что они отнесутся к этому благосклонно". - "Этого я не знаю, господин посол", - ответила регентша, которая сильно в этом сомневалась; и затем, сев на лошадь, она поехала на охоту. ^[336]

Карл V был раздражен: он немедленно потребовал от папы вмешаться, и 12 мая Климент призвал короля прибыть в Рим. Понтифик был сильно смущен: испытывая особую симпатию к Бенету, агенту Генриха, он отвел его в сторону и сказал ему наедине:^[337] 'Это дело такой важности, что подобного не было уже много лет. Я боюсь разжечь огонь, который не смогут погасить ни папа, ни император. И затем он невозмутимо добавил: "Кроме того, я не могу объявить об отлучении короля от церкви до тех пор, пока император не соберет армию, готовую сдержать его". Генрих, которому сказали об этом *в стороне*, ответил: "Учитывая справедливость нашего дела, при полном согласии нашей знати, общин и подданных, нам все равно, что может сделать папа". Соответственно, он обратился от папы ко всеобщему совету.

Теперь папа был смущен еще больше, чем когда-либо; "Я не могу стоять спокойно и ничего не делать", - сказал он.^[338] 12 июля он отменил все судебные разбирательства в Англии и отлучил короля от церкви, но приостановил действие приговора до конца сентября. "Я надеюсь, - презрительно сказал Генрих, - что до этого папа поймет свою глупость".^[339]

Он рассчитывал, что Франциск I поможет ему понять это; но этот принц собирался принять племянницу папы в свою семью, и Генрих приложил все усилия, но безрезультатно, чтобы предотвратить встречу Климента и Франциска в Марселе. Король Англии, который уже имел против себя Нидерланды, Империю, Рим и Испанию, увидел, что Франция также ускользает от него. Он был изолирован в Европе, и это стало серьезной проблемой. Возмущенный и возмущенный, он пришел к необычному решению, а именно обратиться к ученикам и друзьям того самого Лютера, к которому он раньше так пренебрежительно относился.

Миссии Воана и Манна.

Стивен Вон и Кристофер Манн были отправлены, первый в Саксонию, другой в Баварию.^[340] 1 сентября Воан добрался до Веймара, где ему пришлось пять дней ждать курфюрста Саксонии, который был на охоте. 5 сентября он получил аудиенцию у принца и заговорил с ним сначала по-французски, а затем по-латыни. Видя, что курфюрст, не говоривший ни по-французски, ни по-английски, ни по-латыни, ответил ему только кивками,^[341] он попросил канцлера быть его переводчиком. Письменный ответ был отправлен Воану в семь часов вечера: курфюрст Саксонии повернулся спиной к могущественному королю Англии. Он сказал, что недостойн иметь при своем дворе послов от его королевского величества; и, кроме того, император, который был его единственным повелителем, мог быть недоволен. Раздражение Воана было чрезвычайным. 'Странная грубость!' - воскликнул он. 'Более невежливого отказа на столь любезное предложение никогда не было. И, к моему еще большему несчастью, это первая миссия подобного рода, которую мне когда-либо доверяли.' Он покинул Веймар с твердым намерением не вручать свои верительные грамоты ни ландграфу Гессенскому, ни герцогу Лауэнбургскому, которых ему было поручено навестить: он не хотел подвергаться новым оскорблениям.

Странная судьба выпала на долю короля Англии! папа отлучил его от церкви, а еретики не желали иметь с ним ничего общего! Больше никаких союзников, никаких друзей! Пусть будет так: если нация и монарх согласны, чего бояться? Кроме того, в тот самый момент, когда ему было нанесено это оскорбление, его радость достигла апогея; надежда вскоре обрести наследника, о котором он мечтал столько лет, совершенно захватила его. Он приказал подготовить официальное письмо, извещающее о рождении принца, "к великой радости

короля, - говорилось в нем, - и всех его любящих подданных'. Незаполненной была оставлена только дата письма.

7 сентября, через два дня после отказа курфюрста, Анну, проживавшую тогда во дворце в Гринвиче, уложили в постель прекрасным, хорошо сложенным ребенком, напоминавшим сплетникам черты обоих родителей; но увы! это была девочка. Генри, взволнованный двумя сильными чувствами: любовью к Анне и желанием иметь сына, пребывал в большом беспокойстве во время родов. Когда ему сказали, что ребенок - девочка, любовь, которую он питал к матери, возобладала, и, хотя его самые заветные желания были разочарованы, он принял младенца с радостью. Но знаменитое письмо, извещающее о рождении принца ... что теперь с ним делать? Генрих приказал секретарю королевы добавиться к слову *принци* отправил циркуляр, не внося никаких изменений в выражение своего удовлетворения.^[342] Крещение было отпраздновано с большой помпой; перед принцессой несли двести факелов - достойную эмблему света, который ее правление прольет за границу. Ребенка называли Елизаветой, и Генрих дал ей титул принцессы Уэльской, объявив ее своей преемницей на случай, если у него не будет потомства мужского пола. В Лондоне царил великое оживление; *Те Деумы*, звон колоколов и музыка наполняли воздух. Адепты судебной астрологии заявляли, что звезды предвещают славное будущее. Над Англией действительно восходила яркая звезда, и английский народ, сбросив иго Рима, был готов начать путь свободы, нравственности и величия. Непреклонной Элизабет не суждено было блистать дружелюбием, которым отличалась ее мать, и ограничения, которые она накладывала на свободу, скорее напоминают нам о ее отце. И все же, в то время как на континенте короли попирали ногами независимость своих подданных, английский народ под руководством дочери Анны Болейн должен был развиваться, преуспевать в литературе и искусствах, расширять мореплавание и торговлю, исправлять злоупотребления, пользоваться своими свободами, энергично следить за общественным благом и возносить факел Евангелия Христа.

Английские посланники в Марселе.

Король Франции, крайне враждебно относившийся к обретению Англией независимости от Рима, в конце концов убедил Генриха послать двух английских агентов (Гардинера и Брайана) в Марсель. 'Вы будете держать ухо востро', - сказал Генрих VIII. им: "и внимательно прислушивайтесь, но держите рты на замке'. Английские послы, приглашенные на конференцию с Климентом и Франциском и получившие от этих великих личностей приглашение выступить, заявили, что у них нет полномочий. 'Зачем же тогда вас послали?' - воскликнул король, не в силах скрыть досаду. Послы ответили только улыбкой.^[343] Франциск, который намеревался поддержать авторитет папы римского во Франции, не желал, чтобы Англия была свободной: похоже, он предчувствовал счастливые последствия того, что независимость принесет пользу соперничающей нации. Соответственно, он отвел послов в сторону и попросил их немедленно отправиться по делу к понтифику. 'Мы здесь не ради его Святейшества, - сухо ответил Гардинер, - и не для того, чтобы вести с ним какие-либо переговоры, а только для того, чтобы выполнять то, что прикажет нам король Англии'. Уловки папства разрушили его в умах английского народа. Франциск I, недовольный молчанием Гардинера и раздраженный его скованностью, намекнул королю Англии, что был бы рад видеть присланными "инструменты получше".^[344] Генри действительно отправил в Марсель другой инструмент, но позаботился о том, чтобы выбрать еще более острый.

Эдвард Боннер, архидиакон Лестера, был умным, активным человеком, но честолюбивым, грубым и неотесанным, лишенным деликатности и уважения к тем, с кем ему приходилось иметь дело, вспыльчивым и, как он показал себя позже протестантам, жестоким гонителем. На какое-то время он снискал расположение Кромвеля, и поскольку ветер дул против папства, Боннер был против папы римского. Генрих передал ему свое обращение к генеральному совету и поручил представить его Клименту VII: это был 'билль о разводе' между папой и Англией. Боннер, гордый тем, что доставил столь важное послание, прибыл в Марсель с твердым намерением доказать Генриху свое рвение. Если бы Лютер сжег буллу папы римского в Виттемберге, Боннер сделал бы то же самое; но в то время как Лютер действовал как свободный человек, Боннер был всего лишь рабом, доводящим до фанатизма свое подчинение приказам своего деспотичного хозяина.

Гардинер был поражен, когда услышал о прибытии Боннера. Какое унижение для него! Он опустил голову, сжал губы,^[345] а затем поднял глаза и руки, словно проклиная день и час, когда появился Боннер. Никогда еще двое мужчин не были так не похожи друг на друга. Гардинер не мог поверить в эту новость. План, разработанный без его участия! Епископу видеть, как одному из его подчиненных поручают миссию более важную, чем его собственная! Когда Боннер нанес ему визит, Гардинер изобразил крайнюю холодность и привел все доводы, рассчитанные на то, чтобы отговорить его от исполнения поручения. "Но у меня есть письмо от короля, — ответил Боннер, — скрепленное его печатью и датированное Виндзором; вот оно." И он достал из своей сумки письмо, в котором Генрих VIII сообщал, что он обжаловал приговор, недавно вынесенный против него папой.^[346] "Хорошо", — ответил Гардинер и, взяв письмо, прочитал: "Мы рады, что, если вы сочтете его *хорошим и полезным* (Гардинер остановился на этих двух словах), вы уведомите папу об упомянутой апелляции в соответствии с формами, требуемыми законом; если нет, вы ознакомите нас с вашим мнением по этому поводу". уважение. — "Это ясно, — сказал Гардинер. — вам следует посоветовать королю воздержаться, поскольку это уведомление сейчас не будет ни хорошим, ни полезным". — "А я говорю, что это и то, и другое", — возразил Боннер.

Одно обстоятельство привело двух англичан к гармонии, по крайней мере на какое-то время. Екатерина Медичи, племянница папы римского, была замужем за сыном Франциска I. И Климент сделал кардиналами четырех французских прелатов. Но ни одного англичанина, даже Гардинера! Это изменило вопрос; сомнений больше быть не могло. Франциск приносит Генриха в жертву папе, а папа оскорбляет Англию. Гардинер сам пожелал, чтобы Боннер уведомил понтифика об апелляции, и английский посланник, опасаясь отказа, если он попросит аудиенции у Климента, решил пренебречь обычными формальностями и взять место приступом.

Клемент И Боннер.

7 ноября архидьякон Лестерский в сопровождении Пеннистона, джентльмена, который передал ему последние распоряжения короля, рано утром отправился в папский дворец, готовясь развязать войну между Англией и папством. Поскольку его не ждали, папские чиновники остановили его у дверей, но англичанин протиснулся внутрь и вошел в зал, через который должен был пройти папа по пути в консисторию.

Вскоре появился понтифик в своей накидке и зашагал между кардиналами Лотарингии и Медичи, его свита следовала позади. Его взгляд, отличавшийся поразительной живостью, сразу же упал на стоявшего вдалеке Боннера,^[347] и, приближаясь, он не сводил глаз с незнакомца, как будто удивленный и встревоженный его появлением. Наконец он остановился

посреди зала, и Боннер, подойдя к датария, сказал ему: "Будьте любезны сообщить его Святейшеству, что я желаю поговорить с ним". Офицер отказался, и бесстрашный Боннер сделал вид, что собирается направиться к папе. Климент, желая узнать, что означают эти нескромные действия, велел кардиналам отойти в сторону, снял епитрахиль и, подойдя к нише у окна, подозвал к себе Боннера. Последний без каких-либо формальностей проинформировал папу, что король Англии обжаловал его решение в генеральном совете и что он (Боннер), посланник его Величества, готов вручить ему подлинные документы упомянутого обращения, достав их (пока он говорил) из своего портфеля. Клемент, который не ожидал ничего подобного, был сильно удивлен: "Для него это был ужасный завтрак", - говорится в документе того времени.^[348] Не зная, что ответить, он пожал плечами: 'на итальянский манер'; и, наконец, немного придя в себя, он сказал Боннеру, что идет в консисторию, и просил его вернуться днем. Затем, подозвав кардиналов, он покинул зал.

Посланник Генриха прибыл вовремя, но ему пришлось ждать полтора часа, поскольку его Святейшество было занято аудиенцией. Наконец его и Пеннистона провели в кабинет папы римского. Климент пристально посмотрел на последнего, и, когда Боннер представил его, папа заметил с недоверчивым видом: 'Это хорошо, но мне также нужны некоторые члены моего совета'; и он приказал послать за Симонеттой, Каписучи и датарием. Ожидая их прибытия, Клемент прислонился к окну и, казалось, погрузился в раздумья. Наконец, не в силах больше сдерживаться, он воскликнул: "Я очень удивлен, что его Величество ведет себя так по отношению ко мне". Бесстрашный Боннер ответил: 'Его Величество не менее удивлен, что ваше Святейшество, получившее от него столько услуг, отплачивает ему неблагодарностью'. Клемент вздрогнул, но сдержался, увидев вошедшего датария, и приказал этому офицеру прочитать обращение, которое только что вручил ему Боннер.^[349]

Дата начиналась так: "Учитывая, что мы претерпели от папы много обид и оскорблений (*gravaminibus et injuriis*).... Всплеснув руками и кивнув в знак несогласия, Клемент иронически воскликнул: "О квесто и молто веро!" имея в виду, что это было ложью, замечает Боннер.^[350] Далее в документе говорится: "Принимая во внимание, что его Святейшество поражает нас своим духовным мечом и желает отделить нас от единства Церкви; мы, желая законным щитом защитить царство, которое Бог дал нам,^[351] обращаемся с этими подарками от нашего имени и от имени всех наших подданных к святому вселенскому собору".

Генеральный совет.

При этих словах папа римский пришел в ярость,^[352] и дата остановилась. Жесты Климента и отрывистые слова, произносимые с горячностью, показывали, какой ужас он испытывал перед советом.... Собор поставил бы себя выше папы; собор, возможно, сказал бы, что немцы и король Англии были правы. 'Говорить о всеобщем соборе! О Господи! - воскликнул он.'^[353]

Папа сделал судорожные движения, складывая и разворачивая свой носовой платок, что всегда было признаком его сильного гнева. Наконец, словно для того, чтобы скрыть свою страсть, он сказал: 'Продолжайте, я слушаю'. Когда доклад закончился, папа холодно сказал своим офицерам: 'Это хорошо написано! *Questo è bene fatto.*'

Затем, повернувшись к Боннеру, он спросил: 'Вы хотите мне еще что-нибудь сказать?' Боннер был не в том настроении, чтобы проявлять хоть малейшее внимание. Человек севера, он получал удовольствие от демонстрации своей грубости и непреклонности в элегантном,

коварном и коррумпированном обществе Рима. Он смело повторил свой протест и передал 'провокацию' короля папе римскому, который разразился новыми причитаниями. "Ха! - яростно воскликнул он. - его Величество проявляет большое уважение к Церкви, но не проявляет ни малейшего уважения ко мне". Он *зарычал*^[354], когда читал новый документ.... Как раз в этот момент один из его офицеров объявил о прибытии короля Франции. Франциск не мог прибыть в более подходящий момент. Климент встал и направился к двери, чтобы встретить его. Король почтительно снял шляпу и, держа ее в руке, отвесил низкий поклон,^[355] после чего поинтересовался, что делает его Святейшество. 'Эти английские джентльмены,' сказал понтифик, - находятся здесь, чтобы уведомить меня о некоторых провокациях и призывах ... и по прочим вопросам,'^[356] добавил он, демонстрируя большое недовольство. Франциск сел рядом со столом, за которым сидел папа, и, повернувшись спиной к посланнику Генриха, который удалился в соседнюю комнату, они начали разговор вполголоса, который Боннер, несмотря на все свои усилия, не мог расслышать.

Этот разговор, возможно, решил вопрос о разделении Англии и Франции. Король показал, что он оскорблен ходом событий, который он охарактеризовал как неподобающий; и Климент узнал, к своему огромному удовлетворению, что англичане не говорили с Франциском о соборе. "Если вы предоставите мне и императору свободу действий против Англии, - сказал он королю, - я обеспечу вам владение миланским герцогством".^[357] Монарх пообещал послушание своего народа указам папства, и папа в своей радости воскликнул: "*Задание для бонта востра!*" Боннер, который не упускал из виду двух ораторов, заметил, что в этот момент король и папа "весело рассмеялись вместе" и казались лучшими друзьями в мире.

Король удалился, Боннер снова подошел к папе, и датарий закончил чтение. Таинственный разговор и смех Климента и Франциска не смягчили англичанина: он был так же груб и резок, как француз был мягок и дружелюбен. Прошло много времени с тех пор, как папство открыто терпело подобные оскорбления, и даже немецкая реформация не подвергала его таким пыткам. Вошедший кардинал Медичи, глава недовольных, слушал Боннера, опустив голову и уставившись в пол: он был унижен и возмущен. "Это вопрос огромной важности, - сказал Климент. - Я проконсультируюсь в консистории и дам вам свой ответ".

Во второй половине дня в понедельник, 10 ноября, Боннер вернулся во дворец, чтобы узнать, что угодно папе: но в тот день был устроен грандиозный прием, лорды и леди двора Франциска I. были представлены Клименту, который в течение двух часов только и делал, что благословлял венки, зрителей и подставлял ногу для поцелуев знати и дам.^[358]

Ответ Климента.

Наконец был представлен Боннер: "*Доминик доктор, quid vultis?* Сэр доктор, чего вы хотите?" - спросил папа. 'Я желаю получить ответ, который ваше Святейшество обещало мне'. Климент, у которого было время прийти в себя, ответил: 'Конституция папы Пия, моего предшественника, осуждает все обращения к генеральному собору. Поэтому я отклоняю апелляцию его Величества как незаконную'. Папа произнес эти слова спокойно и с достоинством, но произошел инцидент, который вывел его из себя. Боннер, обиженный тем, что его государю не оказали должного уважения, прямо сообщил папе, что архиепископ Кентерберийский — этот Кранмер — также желает обратиться к собору. Это зашло слишком далеко: Климент, не сдерживаясь больше, встал и, подойдя к посланцу Генриха, сказал ему: "Если ты немедленно не покинешь комнату, я прикажу бросить тебя в котел с расплавленным свинцом".^[359] — "Поистине,

- заметил Боннер, - если папа и пастырь, то он, как говорит король, мой повелитель, жестокий пастырь".^[360] И, не позаботившись принять свинцовую ванну, он отбыл в Лион.^[361]

Климент был в восторге не только от отъезда, но еще больше от поведения Боннера: наглость английского посланника чудесным образом помогла ему; и соответственно он поднял большой шум по этому поводу, жалуясь всем, и особенно Фрэнсису. 'Я устал, раздосадован, мне противно все это', - сказал этот принц своим придворным. "То, что я с большим трудом делаю за неделю для моего доброго брата (Генриха VIII.), его собственные министры отменяют за час". Климент пытался в секретных интервью^[362] усилить это недовольство, и ему это удалось. Таинственное взаимопонимание было очевидным для всех, и Ванн, английский агент, который никогда не упускал из виду ни папу, ни короля, сообщил Кромвелю о тесном единстве их взглядов.^[363]

Когда Генрих VIII. узнал, что король Франции ускользает от него, он был одновременно раздражен и встревожен. Брошенный этим принцем, он увидел, как папа ввел интердикт против его королевства, император вторгся в Англию, а народ поднял восстание.^[364] У него не было покоя ни днем, ни ночью: его гнев против папы продолжал возрастать. Желая предотвратить, по крайней мере, восстания, которые сторонники папства могли бы вызвать среди его подданных, он продиктовал своему секретарю странное воззвание: "Пусть ни один англичанин не забудет самого благородного и любящего принца этого королевства, - сказал он, - которого самым несправедливым образом судит *великий идол* и самый жестокий враг религии Христа, который называет себя Папой". У принцев есть два способа добиться правоты — общий совет и меч. Итак, король, подав апелляцию на незаконный приговор римского епископа в генеральный совет, созданный законным образом, упомянутый узурпатор отклонил апелляцию и, таким образом, объявлен вне закона. Согласно Священному Писанию, римскому епископу предоставлено не больше юрисдикции, чем любому другому епископу. Отныне почитайте его не как идола, который всего лишь человек, узурпирующий Божью силу и авторитет; и человек, который ни в жизни, ни в учении, ни в общении не похож на служителя или ученика Христа".^[365]

Генрих, дав волю своему раздражению, одумался и счел более благоразумным не публиковать прокламацию.

В Марселе Англия и Франция разделились: первая - потому, что она отдалялась от папы римского; другая - потому, что она приближалась к нему. Именно здесь было сформировано то тайное соглашение между Парижем и Римом, которое, принятое преемниками Франциска I. и более или менее поддерживаемое другими монархами христианского мира, на протяжении нескольких столетий наполняло славные страны деспотизмом и преследованиями, а часто и безнравственностью. Встреча в Марселе между папой и королем Франции стала переломным моментом: с тех пор правительства и нации, следовавшие за Римом, пришли в упадок, в то время как те, кто отделился от него, начали подниматься.

ГЛАВА XXI.

ПАРЛАМЕНТ ОТМЕНЯЕТ УЗУРПАЦИЮ ПАП В АНГЛИИ.

(Январь-март 1534 г.)

Кричите против папства.

В то время как папство интриговало с Францией и империей, Англия энергично работала над полным упразднением римской власти.^[366] 'В Англии должен быть поднят один громкий крик против папства', - сказал Кромвель совету. "Пришло время поставить этот вопрос перед народом. Епископы, пасторы, викарии, приоры, аббаты и проповедники религиозных орденов должны все заявить со своих кафедр, что епископ Рима, именуемый Папой Римским, подчиняется, как и остальные епископы, генеральному совету и что у него не больше прав в этом королевстве, чем у любого другого иностранного епископа".

Необходимо было следовать тем же курсом и за границей. Генрих решил отправить послов в Польшу, Венгрию, Саксонию, Баварию, Померанию, Пруссию, Гессен и другие немецкие государства, чтобы сообщить им, что он тронут рвением, которое они проявили в защиту Слова Божьего и искоренении древних заблуждений, и сообщить всем людям, что он сам "совершенно полон решимости ограничить власть папы *ad justos et legitimos mediocritatis suæ modos*", до справедливых и законных границ своей посредственности".^[367]

На этом он не остановился. Желая прежде всего вывести Францию из-под влияния Рима, он поручил своим послам передать Франциску I. от его имени и от имени народа: "Вскоре мы сможем устроить папе такой прием, какого у него никогда раньше не было".^[368] Это было вполне в стиле Генри. "Дела здесь идут такими темпами, - писал герцог Норфолк Монморанси, - что папа скоро потеряет послушание Англии; и другие нации, видя великие плоды, выгоду и барыши, которые это принесет, также отделятся от Рима".^[369]

Все это было серьезно: существовал некоторый шанс, что пророчество Норфолка сбудется. Бедный понтифик не мог думать ни о чем другом и начал верить, что идея собора, в конце концов, была не такой уж неразумной, поскольку место и время встречи и способ проведения привели бы к бесконечным дискуссиям; и если бы встреча когда-нибудь состоялась, он, таким образом, был бы освобожден от ответственности, которая с каждым днем становилась для него все более гнетущей. Поэтому он приказал Генриху VIII. сообщить, что он согласился созвать генеральный совет. Но события не стояли на месте; позиция была другой. 'В этом больше нет необходимости', - холодно ответил король. По его мнению, Англиканская церковь была самодостаточна и могла обойтись без Римской церкви.

Король Франции, встревоженный, немедленно возобновил свою роль посредника. Дю Белле, его посол в Риме, прилагал неустанные усилия, чтобы внушить консистории мнение, благоприятное Генриху VIII. По словам этого дипломата, король Англии был готов восстановить дружеские отношения с Климентом VII, и только парламент желал навсегда порвать с папством: именно народ желал реформ, именно король выступал против них. "Делай свой выбор", - красноречиво воскликнул он.^[370] 'Все, чего желает король, - это мира с Римом; все, чего требует народ, - это войны. С кем ты пойдешь — со своими врагами или со своим другом? Утверждения Дю Белле, хотя и странные, были основаны на истине, которую нельзя отрицать. Это были лучшие из людей, которые хотели видеть протестантизм в Англии, а не короля.

Тревога Римского двора.

Римский двор почувствовал, что пробил последний час, и решил отправить в Лондон бумаги, необходимые для примирения Генриха. На Континенте верили, что король Англии наконец добьется своего, и люди приписывали это усилению французской политики в Риме после брака Екатерины Медичи с Генрихом Орлеанским. Но чем больше французы торжествовали, тем больше возмущались империалисты. Напрасно папа сказал им: 'Вы не понимаете положения дел: дело сделано.... Король Англии женат на Анне Болейн. Если я аннулирую брак, кто возьмется привести в исполнение мой приговор?' — "Кто?" - воскликнули послы Карла V. "Кто?"... Император.^[371] Слабый понтифик не знал, в какую сторону повернуть: у него оставалась только одна надежда — если Генрих VIII, как он ожидал, восстановит католицизм в своем королевстве, факт столь важный заставит Карла V.

Этого факта не стоило опасаться: в умах народа Великобритании началось движение, остановить которое было уже невозможно. В то время как многие благочестивые души приняли Слово Божье в свои сердца, король и наиболее просвещенная часть нации согласились положить конец невыносимой узурпации римского понтифика. 'Мы искали в Священном Писании права папства, - заявили члены палаты общин парламента, - но вместо того, чтобы найти там институт пап, мы нашли институт королей — и, согласно Божьим заповедям, священники должны подчиняться им в той же степени, что и миряне'. — 'Мы поразмыслили о нуждах королевства, - сказал королевский совет, - и пришли к выводу, что нация должна составлять одно тело; что у одного тела может быть только одна голова, и этой головой должен быть король'. Парламент, собравшийся в январе 1534 года, должен был нанести смертельный удар верховенству папы римского.

Этот удар был нанесен не Генрихом и не Кранмером, а Томасом Кромвелем.^[372] Не обладая живой верой Кранмера, Кромвель желал, чтобы проповедники открыли Слово Божье и проповедовали его "с чистой искренностью" перед людьми,^[373] и он впоследствии добился от каждого англичанина права прочесть его. Будучи в высшей степени государственным деятелем с твердыми суждениями и энергичными действиями, он был впереди своего поколения; и его судьбой, подобно тем генералам, которые смело маршируют во главе армии, было обеспечить победу делу, за которое он сражался; но, преследуемый предателями, скрывавшимися среди его солдат, быть принесенным в жертву князем, которому он служил, и встретить трагическую смерть до часа своего триумфа.

Палата общин, желая положить конец преследованиям, практикуемым духовенством против евангельских христиан, призвала — это было беспрецедентно^[374] — лорда-епископа Лондона явиться в их коллегия адвокатов, чтобы ответить на жалобу, поданную на него Томасом Филипсом, одним из последователей Реформации. Последний три года просидел в тюрьме по обвинению в ереси. Парламент, не желая, чтобы епископ мог по своему усмотрению превратить одного из подданных его Величества в еретика, внес законопроект о подавлении доктрин, осуждаемых Церковью. Они заявили, что, поскольку авторитет римского епископа противоречит Священному Писанию и законам королевства, слова и действия, противоречащие решениям понтифика, не могут рассматриваться как ересь. Затем, обратившись к конкретному делу, послужившему поводом для жалобы, парламент признал Филипса невиновным и освободил его из тюрьмы.

Поддержав таким образом дело религиозной свободы, Палата общин приступила к окончательной отмене привилегий, которые епископы Рима последовательно узурпировали к большому ущербу как для Церкви, так и для народа. Они восстановили Англии права, которых у нее лишил Рим. Они запретили все обращения к папе, какого бы рода они ни были,^[375] и заменили их обращением к королю в канцелярии. Они проголосовали за то, чтобы избрание епископов не касалось римского суда, а принадлежало главному церковному органу епархии, капитулу ... по крайней мере, внешне, ибо на самом деле это относилось к короне, король назначал человека, которого должен был избрать капитул. Эта странная конституция была отменена при Эдуарде VI, когда назначение епископов было возложено исключительно на короля. Если это и не было лучше, то, по крайней мере, более искренним; но исключительный союз был восстановлен при Елизавете.

Жалоба на римские поборы.

В то же время в парламенте прозвучали новые и громкие жалобы на римские поборы. "На протяжении веков римские епископы обманывали нас, - говорили красноречивые ораторы, - заставляя нас верить, что они обладают властью обходиться без всего, даже без Божьих заповедей. Мы отправляем в Рим сокровища Англии, а Рим взамен отправляет нас обратно... лист бумаги. Чудовище, которое разжирело на содержании нашего народа, носит сотню разных имен. Они называют это послаблениями, сборами, пенсиями, провизией, прокуратурами, делегированием полномочий, рескриптом, апелляцией, отменой, реабилитацией, смягчением канонических наказаний, лицензиями, петровскими пенсами и многими другими именами помимо этого. И после того, как римляне таким образом заполучили наши деньги всевозможными уловками, они смеются над нами втихаря.' Парламент запретил всем, даже самому королю,^[376] обращаться в Рим за каким-либо разрешением или делегированием чего бы то ни было, и приказал им, в случае необходимости, обращаться к архиепископу Кентерберийскому. Затем, немедленно применив эти принципы на практике, они объявили брак короля с Екатериной недействительным, поскольку "ни один мужчина не властен обходиться без Божьих законов",^[377] и ратифицировали брак между Генрихом и Анной, провозгласив их детей наследниками короны. В то же время, желая, чтобы Англия стала полностью английской, они лишили двух итальянцев, Кампеджи и Гинуччи, престолов Солсбери и Вустера, которые они занимали.

Таким образом, в марте 1534 года — важная дата для Англии — были обрублены одна за другой основные ветви древа папства. Ствол действительно остался, хотя и ободранный; но прошло еще несколько месяцев, и это тоже должно было засыпать землю его падением. Тем не менее Палата общин проявила определенную степень уважения. Когда Климент пригрозил королю отлучением от церкви, тот дал ему отсрочку на три месяца; Англия, желая ответить ему взаимностью, сообщила папе, что он может получить некоторую компенсацию. В то же время она сделала важное заявление: "Мы не отделяемся от христианской церкви, - заявила Палата общин, - а просто от узурпированной власти Папы Римского; и мы сохраняем католическую веру, как она изложена в Священном Писании'. Все эти реформы были проведены с большим единодушием, по крайней мере внешне. Епископы, даже самые схоластичные, такие как Стоксли из Лондона, Тонстал из Дарема, Гардинер из Винчестера и Роулэнд Ли из Ковентри, заявляли, что римское папство было изобретением человека и что папа был для них всего лишь епископом, братом, каким были его предшественники для епископов древности.^[378]

Каждое воскресенье во время прекращения работы парламента прелат проповедовал у Креста Святого Павла, "что папа не является главой Церкви", и все люди говорили "Аминь".

Тем временем Дю Белле, французский посол в Риме, ждал акта, которым король Англии должен был еще раз связать себя с папой римским, — акта, которого Франциск I все еще давал ему основания ожидать. Каждое утро он ожидал, что оно прибудет, и каждый вечер его ожидания обманывались. Он обратился к английским посланникам, а затем в римскую канцелярию, чтобы узнать, нет ли каких новостей; но везде ответ был один и тот же — ничего.

Осуждение Генри.

Срок, установленный Климентом VII. по истечении этого срока он созвал консисторию на понедельник, 23 марта. Дю Белле присутствовал на нем, все еще надеясь предотвратить любые действия, которые могли бы отделить Англию от папства. Кардиналы представили ему это как подчинение Генриха VIII. поскольку он еще не прибыл, папе ничего не оставалось, как привести приговор в исполнение. 'Разве вы не знаете,' в тревоге воскликнул Дю Белле, 'что курьеру, которому поручено доставить депеши этого принца, предстоит пересечь моря, а ветры могут быть встречными? Король Англии ждал вашего решения шесть лет, а вы не можете подождать шесть дней?'^[379] "Медлить совершенно бесполезно", - сказал кардинал из имперской фракции; "мы знаем, что происходит в Англии. Вместо того чтобы думать о возмещении ущерба, король с каждым днем расширяет раскол. Он заходит так далеко, что разрешает разыгрывать драмы при своем дворе, в которых святой конклав, и некоторые из ваших самых прославленных личностей в частности, выставляются на посмешище. В последнем ударе, хотя и тяжелом, не было необходимости. Священники больше не могли сдерживать свое раздражение; мятежный принц должен быть наказан. Девятнадцать из двадцати двух кардиналов проголосовали против Генриха VIII.; остальные трое лишь потребовали дальнейшего расследования. Климент не мог скрыть своего удивления и раздражения. Без всякой цели он потребовал еще одной встречи в соответствии с обычаем, требующим двух или даже трех консультаций:^[380] ошеломленный внушительным и неожиданным большинством голосов, он уступил.

Беспокойство папы Римского.

Затем Симонетта вручила ему приговор, который несчастный папа взял и зачитал голосом скорее преступника, чем судьи. "Призвав имя Христа и восседая на троне правосудия,^[381] мы постановляем, что брак между Екатериной Арагонской и Генрихом, королем Англии, был и остается действительным и каноническим; что упомянутый король Генрих обязан сожительствовать с упомянутой королевой; оказывать ей королевские почести; и что он должен быть вынужден выполнять эти обязанности '. Произнеся эти слова, бедный понтифик, встревоженный смелым поступком, который он только что совершил, повернулся к посланцам Карла V. и сказал им: 'Я выполнил свой долг; теперь император должен выполнить свой и привести приговор в исполнение'. "Император не станет сдерживаться", - ответили послы, но сделать это было не так легко, как было сказано.

Так завершилось великое дело; король Англии был осужден. Было темно, когда папа покинул консисторию; столь долгожданная новость немедленно разнеслась по городу ; сторонники императора, охваченные радостью, разожгли костры на всех открытых местах, и пушки дали несколько залпов. Банды гибеллинов прошли парадом по улицам, выкрикивая:*Imperio e Spagna* (Империя и Испания). Весь город был в смятении. Беспокойство папы еще больше

усилилось из-за этих демонстраций. 'Он замучен', - писал Дю Белле своему господину. Климент провел всю ночь в беседе со своими богословами. 'Что должно быть сделано? Англия потеряна для нас. О! как я могу отвратить гнев короля?' Климент VII так и не оправился от этого удара; мысль о том, что при его понтификате Рим потерял Англию, заставляла его содрогаться. Малейшее упоминание об этом возобновляло его муки, и скорбь вскоре свела его в могилу.

Однако он не знал всего. Зло, угрожавшее Риму, было больше, чем он себе представлял. Если бы в этом вопросе не было ничего, кроме решения принца, недовольного римским двором, противоположное решение одного из его преемников могло бы снова поставить Англию под власть понтификов; и они, несомненно, не пожалели бы усилий, чтобы вернуть расположение английских королей. Но, несмотря на Генриха VIII, чистая доктрина, подобная доктрине апостольских времен, распространялась по разным частям страны; доктрина, которая должна была не только отвоевать Англию у папы римского, но и утвердить на этом острове истинное христианство — обширную евангелическую пропаганду, которая должна была утвердить стандарт слова Божьего даже на краю света. Таким образом, империя Христианского Мира должна была быть отнята у церкви, сбитой с пути гордыней, и которая призывала человечество объединиться с ней, чтобы они могли спастись; и быть отдана тем, кто учил, что, согласно божественным заявлениям, никто не может быть спасен, кроме как объединившись с Иисусом Христом.

КНИГА VII. ДВИЖЕНИЯ РЕФОРМАЦИИ В АНГЛИИ, ЖЕНЕВЕ, ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ.

ГЛАВА I. ЕПИСКОП СБЕГАЕТ ИЗ ЖЕНЕВЫ, ЧТОБЫ НИКОГДА НЕ ВЕРНУТЬСЯ. (Июль 1533 г.)

Дух времени.

Мы видели, как Реформация продвигалась в недрах великой нации; теперь мы увидим, как она продвигается в одной из самых маленьких. Падение Уолси в Англии и бегство принца-епископа из Женевы - две исторические даты, которые имеют определенное сходство. После ухода этих двух прелатов в умах людей произошло движение вперед, и Реформация продвигалась более решительными шагами. Эти две страны сейчас по своему значению находятся на двух крайних точках в ряду наций; но в шестнадцатом веке скромный город Леман играл более важную роль в Церкви Христа, чем могущественная Англия. Кальвин и его школа сделали больше, чем Тюдоры,

Стюарты и их богословы, чтобы сдержать реакцию папства и обеспечить триумф истинного христианства. Шестнадцатый и семнадцатый века провозгласили Женеву врагом Рима; и, по правде говоря, небольшая группа, маршировавшая под ее знаменами, почти два столетия удерживала свои позиции против мощной и хорошо дисциплинированной армии римских понтификов. Мы не забыли Виттемберг, мы не забудем Женеву. Историку не позволено пройти мимо малышей, которые внесли свой вклад в развитие человеческого разума. Тем, кто отдыхает в целебной тени большого евангельского дуба, под его зелеными ветвями, мы должны рассказать историю о желуде, из которого он вырос. Человек, который презирает скромные вещи, не может понять великих вещей. "Господь, - говорит Кальвин, - намеренно создал свое царство маленьким и непритязательным, чтобы его божественная сила была лучше известна, когда мы видим прогресс, которого никто не ожидал".

1 июля 1533 года епископ Женевы вернулся в свой город с помощью священников, католиков, фрибургцев и 'мамелюков' с намерением 'похоронить эту секту', как он называл Реформацию. Многие из самых преданных друзей Евангелия находились в изгнании или в епископальной тюрьме; в окрестностях города появились враждебные банды, и все ожидали победы римской партии. Дерево было готово вот-вот сорваться с корнем, прежде чем оно успело дать хоть какую-то тень. Но когда Бог вложил в народ зародыш религиозной или даже политической жизни, эта жизнь торжествует, несмотря на все сопротивление людей. Есть скалы и горы, которые, кажется, вот-вот остановят течение могучих вод, и все же реки все еще текут своим чередом. Раздраженный Пьер де ла Бом бесновался в Женеве и бил кулаком по земле, словно желая раздавить реформу и свободу у себя под ногами; но тем самым он открыл пропасть, в которой были поглощены его права как принца, его привилегии как епископа, налоги, подати, священники, монахи, митры, изображения, алтари и вся религия римских понтификов.

Если епископу было не по себе, то и людям было не по себе. Против злоупотреблений папства выступали не только сильные мужчины, но даже женщины превозносили prerogatives евангельской веры. Однажды (в июне или июле 1533 года) в одном из их домов была большая вечеринка, на которую были приглашены два джентльмена из соседнего округа, сир де Симье и господин де Фласьен, 'не считая семи или восьми их слуг'. В их присутствии жена Бодишона дела Мезоннева исповедовала евангельскую истину. Де Симье упрекнул женевскую даму, 'Совершенно очевидно, что вы добропорядочная папистка', - сказала она. 'И что вы добрый лютеранин, ' парировал Де Симье. "Молю Бога, - воскликнула леди, - чтобы мы все были такими, потому что это хорошая вещь и хороший закон!"^[382] Двум джентльменам было достаточно; они попрощались с дамами, и их восемь "молодчиков" последовали за ними. Другой инцидент еще лучше покажет дух времени.

Только что был убит евангелист по имени Куртет. Многим гугенотам казалось странным, что, в то время как их противники поражали человека — настоящий образ Бога, — они должны уважать изображения, сделанные из дерева, холста или камня. В Женеве было заслуженно знаменитое место, ранее занимаемое замком Гондебо, короля Бургундии, откуда однажды сбежала его племянница Клотильда, чтобы выйти замуж за Хлодвигу и обратить его в свою веру. Это была очень древняя аркада, снесенная всего за эти несколько лет,^[383] и известная как *Порт-дю-Шато* (ворота замка). Рядом с этим местом стоял образ Пресвятой Богородицы, объект великого почитания.^[384] 12 июля 1533 года некоторые "лютеране", считая богохульством считать

Деву Марию "спасением мира", подошли к воротам, унесли изображение, разбили его на куски и сожгли.

Епископ, чувствуя, что такие люди, как они, способны на все, решил сделать заключенных гугенотов недосыгаемыми для них. Вскоре за границей распространился слух, что он тайно готовил лодки для доставки заключенных ночью во Фрибург или Шильонский замок, "чтобы там доставить им свое удовольствие".^[385] Все гугенотское население было в смятении; каждый мужчина взвалил на плечо аркебузу и присоединился к своему отряду; Филипп, главнокомандующий, приказал охранять подходы к озеру, чтобы не допустить переправы плененных граждан в другое место.

Беспокойство в Городе.

Благородный энтузиазм, который Реформация зажигает в душе, возвышает человека, в то время как философское безразличие ученых и священников служит лишь его унижению. Женевцы, преисполненные любви к справедливости и свободе, были готовы рискнуть всем, что им было дороже всего, чтобы уберечь невинных граждан от несправедливого осуждения, а прелата, посланного папой, от узурпации прав, принадлежавших магистратам, избранным народом. Необычайное волнение царило в умах людей, и несколько гугенотов направились к берегу озера. Пьер Верн, воспользовавшись темнотой, сел в лодки, привязанные к берегу, и перерезал швартовы, а также веревки, к которым были привязаны весла, так что они пришли в негодность.^[386] По улицам ходили многочисленные патрули, вооруженных людей сопровождали горожане, как молодые, так и старые, несущие *montres de feu*, то есть прутья с железными наконечниками, с несколькими зажженными спичками или портсигарами на конце, которые в то время использовались для разряжания аркебуз. Страшный час, когда злонамеренное использование государем своей власти ускоряет его гибель, наконец настал для Женевского епископа. Де ла Бом и его приверженцы, наблюдавшие из своих окон за прохождением этих возбужденных отрядов, были удивлены количеством аркебузиреров, которыми внезапно наполнился город. 'Им сообщили, что на каждого аркебузирера приходится по три или четыре спички, что вызвало большую тревогу во дворце'. Комета, появившаяся в июле месяце, встревожила их еще больше.^[387] Пока что гугенотам нужен был человек, который укажет путь; они должны были найти его в Бодишон-де-ла-Мезоннев.

Лютеранство этого гражданина было устаревшим. Он был большим другом Джона Луллина, которому, как известно, принадлежала гостиница "Медведь", в то время часто посещавшаяся немецкими торговцами, которые были, по большей части, лютеранами. Несколько нюрнбергских купцов по фамилии Токвер прибыли туда во время Великого поста 1526 года.^[388] Де ла Мезоннев, у которого было много дел с Германией, часто навещал их, 'ел и пил с ними'. Их разговор был очень оживленным и обычно касался религии. Еще в 1523 году торговцы Нюрнберга слышали Евангелие из уст Осиандера и старались распространять его повсюду, куда бы ни пошли. Их слова поразили Де ла Мезоннева еще больше, "потому что в то время в Женеве не было никаких упоминаний о лютеранстве, или, по крайней мере, почти никаких".^[389] В то время на службе у Луллина находился молодой человек из Лиона по имени Жан Демаи, около двадцати пяти лет от роду, очень привязанный к Римской церкви. Прислуживая за столом, он внимательно прислушался к разговору между Бодишоном и немцами и сохранил его в своей памяти. Отважный женевец не сдерживался и говорил, иногда за обедом, иногда за ужином,^[390] 'Бог не назначал Великий пост. Исповедоваться священникам - чистое безумие, потому что они

не могут отпустить тебе грехи. Ходить на мессу - оскорбление. Все религиозные ордена, нищенствующие и прочие - чепуха.' 'Что же тогда вы будете делать с монахами?' - спросил один из группы. 'Прикажите им всем возделывать землю', - ответил он. 'Если ты будешь говорить такие вещи,' заметил один католик, 'Церковь откажет тебе в погребении'. "Когда я умру, - ответил он, - на моих похоронах не будет проповедей и не будут звонить в колокола; я буду похоронен там, где пожелаю".^[391] Высказывания Бодишона не сохранились в стенах гостиницы "Медведь". Вскоре они стали повторяться по всему городу и окрестностям. "Этот человек, - говорили многие, - один из главных лютеран и в первых рядах тех, кто их разжигал".^[392] Именно это он и собирался сделать.

Бодишон возвращает пленников к жизни.

12 июля 1533 года Бодишон провел день за городом, готовясь к сбору урожая. Возвращаясь ночью с полей, он был удивлен, увидев необычную охрану у городских ворот, и, когда спросил, что это значит, ему ответили, что епископалы собираются отвести пленников в какое-то место силы. Он немедленно решил заставить епископа — но исключительно страхом — следовать курсу, предписанному законами. Он приказал пятидесяти самым решительным из своих друзей взять по посоху с железным наконечником и воткнуть в конец по пять спичек. Затем он спрятал их все в доме недалеко от дворца. Вскоре город окутала тьма; на улицах не было никого, кроме нескольких патрулей. Де ла Мезоннев приказал солдатам своего отряда зажечь спички и встал во главе их. В левой руке они держали посох, а в правой - меч. Войдя во дворец и направившись в апартаменты принца, они предстали перед ним, окружив его своими двумястами пятьюдесятью огнями; и Бодишон, выступая в качестве представителя, призвал его выдать своих пленников их законным судьям. Епископ с изумлением уставился на эту группу людей с мечами и пылающими факелами; ночное время года усилило его ужас, и он подумал, что если он не уступит, то будет предан смерти. Бодишону такая идея не приходила в голову; но Пьер де ла Бом, вообразив, что настал его последний час,^[393] отдал требуемый приказ. После чего отряд дефилировал перед ним, зажигая иллюминаторы, и покинул епископский дворец. Заключенные-гугеноты были переданы синдикату, который поручил их тюремщику той же тюрьмы 'надежно содержать их под страхом смерти'. Они перешли от произвольной власти епископа к законной власти соборов. Конституционный порядок был восстановлен.^[394]

Епископ провел очень беспокойную ночь. Гугеноты, факелы и шпаги, которыми он был окружен, не давали ему спать; и когда наступил рассвет, он, как и его придворные, был совершенно беззащитен. 13 июля выпало на воскресенье, и какое воскресенье! 'Я покину город', - сказал прелат своим слугам. Слух о его скором отъезде распространился по всему миру, и некоторые каноники поспешили во дворец, чтобы отговорить его. 'Я поеду', - повторил он. Его последователи напрасно внушали ему, что, если он уйдет, католическая вера, епископат, авторитет принца, его доходы - все будет потеряно; ничто не могло поколебать его. Он был полон решимости уйти. Томас Беккет умер бы на месте; но Пьер де ла Бом, как говорится в документе того времени, 'очень горячо заботился о собственной безопасности, но более чем равнодушно относился к церкви'.^[395]

Однако одна мысль встревожила робкого епископа, и действия синдигов Дю Креста и Коке, которые пришли умолять его не покидать город и свою паству, лишь усилили его отчаяние. Он думал, что если гугеноты узнают о его отъезде, они, возможно, остановят его и вернут во дворец. Ему не снилось ничего, кроме преследований; он не видел ничего, кроме тюрем, мечей и

трупов. Он решил обмануть синдикат и заверил их, что непременно вернется через шесть недель; но он пообещал себе, что Женева никогда больше его не увидит. Затем он попросил магистратов выделить шесть десятков аркебузирова для охраны его отъезда на следующее утро.

Когда синдики приняли решение созвать совет, приставы обошли город и подняли членов совета с постелей. Женева желала сохранить своего епископа, в то время как епископ хотел покинуть ее. Совет постановил, что на следующее утро на рассвете, из опасения, что прелат уйдет рано, синдики должны пойти и указать на необходимость его пребывания.^[396]

Епископу Не терпелось уйти.

Едва синдикаты покинули его, как он впал в новый ужас. Он думал, что сбор шестидесяти аркебузирова разнесет весть о его отъезде, что гугеноты бросятся к оружию, что он окажется между двумя отрядами, вооруженными копьями и аркебузами.... Он должен поторопиться и уехать один, ночью или при свете дня, без всяких церемоний, прежде чем синдики успеют собрать совет, который, как он полагал, не сможет собраться раньше завтрашнего дня. В ту ночь во дворце никто не спал; все были заняты приготовлениями к отъезду и позаботились о том, чтобы ничто не выдало снаружи царившего внутри волнения. Это была ужасная ночь. Епископу явились два призрака, которые привели его в ужас, — Евангелие и свобода. Он не видел иного способа спастись от них, кроме бегства. Но что сказали бы герцог и папа? Чтобы успокоить свою совесть, в последний момент он написал письмо совету, в котором призвал их выступать против евангелических собраний и поддерживать римскую религию "мордикусзубами и ногтями".

Скоро должен был рассвет; во дворце царило уныние, но все было готово к бегству. В этот момент раздался стук в ворота.... Это были четыре синдика; епископ опоздал на несколько минут.... Вошли синдики и призвали Пьера де ла Бом во имя мира, страны и религии. Они указали ему на последствия его ухода: монархическая власть рушится, республика поднимается на ее руинах, Римская церковь исчезает, а церковь новаторов обретает форму....

Но ничто не могло сдвинуть епископа с места; он оставался бесчувственным, как статуя. Затем они умоляли его оставить государственные дела в порядке; назначить на время своего отсутствия викария, чиновника, апелляционного судью. Пьер де ла Бом отказывался от всего. Одна только мысль была у него в голове — он хотел убежать. "Увы! - говорили умеренные католики. 'Он не наводит порядок в государстве, а что касается церкви, пастором которой он является... он бросает свою паству.'^[397] Когда синдикаты удалились, он подал сигнал к отправлению. Нельзя было терять ни минуты, подумал он; скоро рассветет, и кто знает, может быть, магистраты, которые так много внимания уделяют его присутствию, отдадут приказ остановить его. Пусть каждый выполняет свой долг! Пусть не будет ни минуты промедления! Епископ позаботился о том, чтобы не покидать дворец ни через главный вход, ни через обычные городские ворота. В подземельях здания был проход, который вел на малолюдную улицу — Рю дю Буль, ныне Рю де Лафонтен. Следуя по этой улице, епископ мог добраться до потайного хода в городской стене, который Фроман называет *la fausse porte du sel*. Тогда Пьер де ла Бом был бы за пределами Жeneвы; тогда он был бы в безопасности. Соответственно, епископ покинул свои покои, спустился в подвал дворца и сбежал из этого здания (которое теперь является тюрьмой) подобно преступнику, сбегающему из своей темницы. Его офицеры были подавлены; они хотели бы раздавить этих дерзких гугенотов, но были вынуждены оставить им чистое поле боя. Сам епископ, вынужденный покинуть свой дворец и свою власть, испытывал великую досаду.^[398] Он с беспокойством оглядывался по сторонам и дрожал, опасаясь, что на углу улицы появятся

гугеноты. Посягательства, которые он допустил на свободы граждан, были не из тех, что способны успокоить его, и в отчаянии он ускорил шаги.

Отъезд епископа.

Группа беглецов достигла потайного хода; ключ был у прелата; он прошел через него и оказался на берегу озера. Врага не было видно. Он сел в лодку, которая была приготовлена для него, и добрался до другого берега. Он немедленно вскочил на лошадь, которая ждала его, и ускакал галопом. Он чувствовал, что чем дальше он шел, тем легче становилась тяжесть у него на сердце. Теперь свирепые гугеноты больше не будут беспокоить его, и он 'воспрянет духом'. "Он удалился в Башню Мая, - говорится в хронике, - и больше туда не возвращался".^[399]

Успех Бодишона де ла Мезоннева превзошел его ожидания. Мало того, что заключенные были спасены от незаконной власти епископа, но и сам прелат исчез. Нескольких гугенотов, размахивавших *монстрами вражды*, было достаточно, чтобы освободить Женеву. Не было пролито ни капли крови. "Как при звуке труб Гедеона и при виде его светильников, - говорят евангелисты, - амаликитяне и мадианитяне бежали ночью, так и епископ и его последователи бежали при звуке оружия и при виде огня".^[400]

Ранним утром 14 июля весть об отъезде епископа распространилась по городу. Католические члены собора, покинутые лжесвидетельным принцем, чувствовали себя отныне неспособными противостоять потоку, который надвигался с непреодолимой силой. 'Все католики, ' говорит сестра Жанна, - были глубоко опечалены". Папа обвинил епископа в том, что он оставил свою церковь, и упрекнул его в трусости.^[401] "Этот несчастный город, потеряв своего принца и пастора, - говорили люди в Италии, - станет прибежищем каждого злодея и тронем ереси".^[402] Но то, что причинило столько горя папистам, было источником огромной радости евангелистов. Они утверждали, что принц, сбегав, отрекся от узурпированной им власти и что граждане восстановили свои права.^[403] Солнце Женевы садилось, согласно старому стилю (стилю римского двора); но согласно новому (стилю Евангелия) оно восходило; и Женева, озаренная его лучами, должна была передавать этот божественный свет другим. 14 июля 1533 года в Женеве произошло падение той гибридной державы,^[404] которая утверждает, что держит в руках два меча. С тех пор исчезли и другие короли-епископы, даже в самых католических странах; и последний, римский, шатается на своем пьедестале. Жители Женевы с того момента, как потеряли из виду этого бесстыдного и безжалостного прелата, перестали заботиться о нем и никогда не спрашивали о нем. Они даже изобрели присловье, которым пользуются по сей день; и когда они хотят сказать о человеке, к которому испытывают полное безразличие, они говорят: *Я не меньшею соуи па плюс ке де Бом* (Мне на него наплевать).^[405]

ГЛАВА II.

ДВА РЕФОРМАТОРА И ДОМИНИКАНЕЦ В ЖЕНЕВЕ. (Июль -декабрь 1533 г.)

Епископ пал со своего трона, и вместе с ним исчез деспотизм, который оскорбительно узурпировал свободы народа; законные магистраты снова воссели на своих курульных креслах,

а свобода и справедливость были на их стороне. Они расследовали дела граждан, от которых, как утверждал Пьер де ла Бом, он избавился без формального судебного разбирательства. Единственным человеком, которого можно было обвинить в смерти Вернли, был Пьер л'Ост, и он нашел убежище в доминиканской церкви, куда епископ не позаботился последовать за ним. Синдикаты отправились в церковь; бедняга, дрожа всем телом, тщетно цеплялся за алтарь и кричал: 'Я требую привилегий, дарованных этому святылищу'. Он был арестован, и началось расследование. Это доказывало невиновность заключенных гугенотов и показывало, что беспорядки, в которые попал Вернли, были вызваны буйством самого каноника, который был вооружен с головы до ног и громкими криками дразнил своих противников. Магистраты, однако, сочли, что кровь жертвы требовала крови того, кто ее пролил. Пьер л'Ост, городской перевозчик, отрицал, что нанес смертельный удар, но признался, что нанес жестокий: он был осужден и обезглавлен. Все остальные заключенные были освобождены.

Но горе Клодин Леве не принесло облегчения; ее муж все еще находился под стражей в замке Гайяр, и губернатор отказался освободить его. Совет обратился к бернским депутатам в Женеве с просьбой заступиться за заключенного, и 4 сентября один из них, Эме Леве, отправившийся в Виль-ла-Гран, примерно в лиге от города, в сопровождении Ж. Луллена и К. Савоя, был передан им.^[406]

Прибывают Фромант и Александр.

Пока этот благочестивый человек находился в темницах Гайяра, обрушившиеся на него оскорбления, суровость тюрьмы и почти неминуемая смерть, которая ему угрожала, вдохнули в его веру новую жизнь; так что, когда смотритель освободил его от уз, он внутренне поклялся, что своим освобождением ускорит торжество Евангелия. Едва добравшись домой, он написал Энтони Фроманту, евангелисту, чья церковь когда-то была рыночной площадью, а кафедра - прилавком торговли рыбой, и умолял его вернуться. Последний не колебался и, зная, что ожидавшая его там борьба была выше сил одного человека, пригласил сопровождать его одного из братьев из Парижа, находившегося в то время в Пэй-де-Во. Это был Александр Канус, которого также звали Дюмулен. Итак, однажды Эме и Клодин Леве увидели, как прибыли два евангелиста. Один поселился у них в Сен-Жерве на правом берегу, а другой - у Клода Саломона, недалеко от Молара, на левом берегу; таким образом, будучи расквартированными в двух частях, на которые был разделен город, они могли делить работу.

Саломон, разделявший с Леве честь и опасность принимать евангелистов, был таким же мягким, в то время как его друг Мезоннев был быстрым и часто жестоким. Однажды, вскоре после бегства епископа, последний увидел перед собой на улице двух сторонников епископа, которых он подозревал в подготовке какого-то заговора; его кровь вскипела при виде этого, и он воскликнул: 'Здесь так много предателей.... У меня руки чешутся прикоснуться к ним'.^[407] Однако чувство долга удержало его, и он ничего не предпринял. Но Саломон был спокоен и полон милосердия и сострадания: он не испытывал ни одного из этих мимолетных порывов и думал только о том, чтобы навестить больных и бедняков и приютить незнакомцев, которых римские гонения загнали в Женеву. 'Эти бедные беженцы, - сказал он, - более обездолены, чем все остальные'. Его жена, "ни изящная, ни приятная",^[408] щедро заботилась о них. Они были Гаем и Доркас из Священного Писания.

Для Того, Чтобы Проповедовать Священные Писания.

Фроман и Александер, расквартированные по обе стороны Роны, проповедовали Слово в частных домах с такой силой, что новая вера распространялась повсюду, "подобно слоям виноградной лозы";^[409] старые подвои дали молодые побеги, которые пустили корни и сформировали другие подвои. Священники были встревожены и воскликнули, что если эти доктрины будут продолжать проповедоваться подобным образом, то вскоре вся страна будет заражена этой сектой. Они обратились к епископу, который находился в своем замке Мэй — беспокойный, взволнованный и упрекающий себя в своем позорном бегстве. Желая искупить эту вину, он ответил 24 октября, запретив любую проповедь в Женеве, кроме как в соответствии с древним обычаем. Ликующие священники представили эти епископские послания совету. Трусливое поведение епископа привело к отчуждению магистратов. "*Проповедуйте Евангелие, - ответил совет, - и не говорите ничего, что не может быть доказано Священным Писанием*". Эти важные слова, которые принесли победу Реформации, все еще можно прочесть в официальных протоколах.

Велика была радость среди реформированных. Они увидели в этих словах указ, который сделал евангельское христианство законной религией^[410] в Женеве (как и в Риме в третьем и четвертом веках), и разрешил им сформировать Церковь, которая должна быть свободной, но не доминирующей. Тот же факт вновь проявился в другие времена и в других странах. С этого дня все, кто хоть сколько-нибудь склонялся к Евангелию, отправлялись в дом Мезоннева или какого-нибудь другого лидера гугенотов и садились в самой большой комнате. Вскоре входил проповедник, занимал свое место за столом и обычно (как могло показаться) под каминной доской большого выступающего камина. Затем он провозглашал Слово Божье. Эти евангелисты "*не волновались*", они не говорили с горечью, как некоторые другие, и не поднимали большого шума; но призывали души приближаться ко Христу без страха, потому что Он *кроток и смирен сердцем*; и такая простая, добродушная проповедь привлекала всех, кто ее слышал. Епископ воскликнул, что это был всего лишь 'раскрашенный язык' и 'притворная нежность'; но число слушателей стало настолько значительным, что два миссионера были вынуждены проповедовать на улицах и перекрестках города в Моларде, у подножия Кутанса и в других местах. Как только они появлялись где-нибудь, вокруг них собиралось многочисленное собрание, слушатели теснились друг к другу, и обращенные к ним живые слова приносили больше плодов, чем схоластические или тривиальные проповеди, произносимые в прекрасных церквях слушателям, дремлющим в удобных креслах. "Эти проповеди в домах, на улицах и перекрестках, - сказал сам Фромант, - не лишены опасности для жизни, но являются большим продвижением к Слово и наносят ущерб папству".^[411]

Католическая партия встревожилась; их лидеры встретились, и прокуратор-фискал встретился с чиновниками епископа и священниками, которые были "сильно озлоблены против двухреформаторов",^[412] решили задержать их. Всякий раз, когда назначалось собрание, сержанты натыкались на него неожиданно. 'Но как только они увидели поднятые алебарды, верующие, значительно увеличившиеся в числе, исполнили свой долг, окружили своих служителей и помогли им бежать'. Вследствие этого епископальная полиция стала действовать более изощренно: они следили за священниками и нападали на них, когда они были одни, "ставя своей целью не что иное, как их жизни".^[413] Но эти усилия священников усилили уважение, которое люди испытывали к евангелистам. "Такие преследования, - говорили гугеноты, - являются знаком, по которому мы можем узнать, что священники - отличные слуги Христа".^[414]

Епископ, раздосадованный тем, что покинул свой епископальный город, нигде не мог найти покоя. Одно время он был в Майской башне, другое - в Лон-ле-Сольнье, теперь в Арбуа, теперь еще где-то. Мысль о том, что два реформатора пришли занять его место в Женеве, встревожила его; и когда он обнаружил, что горожане не обратили внимания на его строгий запрет проповедовать Евангелие, отправленный 24 октября, его раздражение достигло апогея. "Мы должны применить героическое средство от болезни", - сказал он и 20 ноября продиктовал патент на имя прокурора-фискала.

Проповедь Евангелия запрещена.

Великий Совет собрался 30 ноября, чтобы заслушать оглашение писем. "Мы повелеваем, - сказал епископ, - чтобы никто в нашем городе Женеве не проповедовал, не разъяснял и не позволял проповедовать или разъяснять, тайно или публично, или каким бы то ни было образом, *священную страницу, святое Евангелие*,^[415] без нашего специального разрешения, под страхом вечного отлучения от церкви и штрафа в размере сто ливров. Двести человек были поражены, евангелисты возмутились, а лучшие католики опустили головы. Епископ, который запрещает проповедовать *святую страницу, святое Евангелие*! ... запретить это также в то самое время (Адвент), когда это было обычным делом провозглашать! Отлучить от церкви всех, кто это проповедует! Запретить преподавать это *каким бы то ни было образом*! Запретить им говорить об этом во дворах, садах или где-либо еще! Не было исключено ни одной комнаты, ни одного подвала, ни кухни, ни чердака! Однако апостол Павел заявляет, что *Евангелию Христа нельзя препятствовать*. Волнение Двухсот человек было настолько велико, что всякое обсуждение стало невозможным; "весь совет встал и вышел", - читаем мы в протоколе заседания. Таков был безмолвный, но энергичный ответ Женевы своему епископу.

В городе волнение было еще сильнее и выражалось в ропоте и вздохах, а также в иронических шутках. 'Вы слышали новость?' - спросили гугеноты. "Епископ собирается издать приказ под звуки трубы, запрещающий нам говорить о Боге и Христе как добро, так и зло". Глупый запрет был подобен маслу, подлитому в огонь: проповеди стали более частыми, и даже равнодушные начали читать Священные Писания. Фроман и его друзья в изобилии распространяли евангелические книги: сначала Новый Завет, затем различные недавно написанные трактаты, такие как "*Сокровенная вера*", "*Братство Святого Духа*", "*Маньеризм крестителя*", "*Сеньора Иисуса Христа*" и "*Жизнь Маршана*".^[416] Печатник Де Вингль и один из его людей по имени Гроссне помогали им в этой работе. Но паписты иногда грубо обращались с кольпортерами; один джентльмен из соседей, поймав Гросна на большой дороге, отрезал ему уши.^[417] Это не возымело никакого эффекта; люди жаждали истины, и все стремились услышать Слово Божье.

Лидеры епископальной партии, видя, что ничто не может остановить этих *prêcheurs de cheminées* (печных проповедников) и их слушателей, стали искать проповедника, чье энергичное красноречие могло бы вновь разжечь угасающий римский пыл, - одного из тех стойких чемпионов, которые могут наносить тяжелые удары в серьезных состязаниях. В течение трех или четырех столетий доминиканцы как инквизиторы играли главную роль в папстве; они были искусны, красноречивы, проницательны в управлении государством, упорны в своих замыслах, непреклонны в догмах, расточительны на угрозы, осуждения и костры. В Савойе и даже в Женеве много говорили об одном из них, докторе Сорбонны по имени Ги Фербитиз, — "великом богослове, - говорили они, - восторженном слуге папы, заклятом враге Реформации, дерзком и жестоким до последней степени".^[418] Как раз в это время он проповедовал в Шамбери

и Монмейане, очаровывая всех слушателей. Женевские католики подали прошение в Сорбонну об этом великом проповеднике. Они думали, что такой камень, перенесенный в долину Лемана, остановит разрушительный поток реформ. Их молитва была удовлетворена, и Фербити льстил себя надеждой, что завоюет более справедливую корону, чем все его предшественники. Гордый своим орденом, своей репутацией и своей Церковью, он прибыл в Женеву с надменной головой, горящими глазами и угрожающими жестами; можно было подумать, что он собирается стереть всех своих противников в порошок. 'Ах! эти бедные лютеране,' сказал он презрительно, 'эти бедные проповедники каминов! "Он был охвачен страстью", - говорит Фромант.^[419] Указав на него, гугеноты сказали: "Посмотрите на этого Атласа, который воображает, что несет на своих плечах шатающуюся Церковь римского понтифика".^[420]

Фербити оскорбляет читателей Библии.

Был составлен заговор, главным орудием которого должен был стать Фербити. Синдики, дю Крест, Бод, Мальбуиссон и многие другие добрые женевцы были привлечены священниками на сторону папы, и таким образом последние держали в своих руках совет, казну, артиллерию и, одним словом, городскую собственность, помимо невежественного населения.^[421] Доктор Сорбонны едва высадился в монастыре своего ордена, как прибыла депутация от каноников и попросила его проповедовать в соборе, а не в доминиканской церкви. 'Проповеди, произнесенные в соборе Святого Пьера, - сказали монахи, - произведут большую сенсацию'. — 'Очень хорошо,' сказал Фербити. - Я обещаю вам, что буду довольно громко кричать против современных еретиков'. Было высказано возражение, что проведение подобных проповедей в соборе противоречит установившемуся обычаю. "Мы поместим его туда силой оружия, - ответили церковники, - и он будет говорить все, что ему заблагорассудится".

Утром в воскресенье, 30 ноября, некоторое количество священников и мирян вооружились; и ревностный Фербити, заняв свое место в середине отряда, направился к собору. "В самом деле, - с удивлением сказали некоторые женевцы, - он собирается проповедовать большими силами'. Но в тот день он сдержался и не встретил сопротивления. На следующий день, в понедельник, он всерьез взялся за работу. Его проповедь представляла собой непрерывную декламацию, полную напыщенных фраз, восхваляющих папство, и инвектив в адрес проповедников. 'За кафедрой он ведет себя как сумасшедший,' сказал присутствовавший при этом Фромант. 'он ревет без всякой причины'. Но фанатики были в экстазе. 'Вы слышали доктора Фербити?' - спрашивали в сити. В среду послушать его собралась огромная толпа. Доминиканец взошел на кафедру с твердым намерением сокрушить еретиков, как это сделал до него его покровитель святой Доминик.

Он вообразил, что его великое дело - принизить Библию, а затем возвысить папу римского, и принялся за работу соответствующим образом. 'Все, кто читает Священные Писания на вульгарном языке, ' сказал он, - обжоры, пьяницы, развратники, богохульники, воры и убийцы.... Те, кто их поддерживает, такие же злые, как и они, и Бог накажет их. Все, кто не желает повиноваться папе, или кардиналам, или епископам, или викариям, или священникам, являются стадом дьявола. Они отмечены им хуже, чем евреи, предатели, убийцы и разбойники, и должны быть повешены на виселице. Все, кто ест мясо в пятницу и субботу, хуже турок и бешеных собак.... Остерегайтесь этих еретиков, этих немцев, как остерегались бы прокаженных и гнили. Не вступайте с ними в деловые или иные отношения и не позволяйте им жениться на ваших дочерях. Вам лучше отдать их собакам.^[422]

Среди евангелистов, слушавших эту череду оскорблений, был некто Жанен, человек небольшого роста, мастер копий, алебард, дротиков и стрел, за что его обычно называли *коллонье*, или оружейник. Его деятельность была неутомимой; он присутствовал повсюду; он проводил беседы наедине и проповедовал "в компаниях, изо всех сил убеждая" тех, кто слушал его, принять веру, которую Лютер нашел в Священном Писании.^[423] Отправившись в церковь Святого Пьера, он сел рядом с несколькими добрыми католиками, среди прочих Пьером Пенне, братьям которого вскоре предстояло прославиться в Женеве своим рвением во имя римской веры. Жанен, не в силах мириться с такими оскорбительными высказываниями, забеспокоился и воскликнул, что проповедник не понимает, что говорит. Окружавшие его католики, раздосадованные тем, что им мешают молиться, сказали: 'Убирайтесь, здесь достаточно одного проповедника'.^[424] Но им было нелегко заставить его придерживаться язык. Более красноречивое вмешательство должно было вскоре потревожить оратора.

Фербити бросает вызов лютеранам.

Доминиканец ясно видел, что одни лишь злоупотребления не восстановят папство; необходимо утвердить его фундаментальные доктрины, и он взялся за это в других выступлениях. Продолжая оскорблять реформаторов как "негодяев, которые вместо того, чтобы носить *рясы*, одеваются как *разбойники*", он утверждал, что только священники в силу института таинств могут приводить души к общению с Богом. Он даже использовал выражения, которые, должно быть, показались бы странными поклонникам Марии. "Священник, освящающий элементы Таинства, - сказал он, - стоит выше Святой Девы, ибо она только однажды дала жизнь Иисусу Христу, тогда как священник творит его каждый день, так часто, как ему заблагорассудится. Если священник произносит священные слова над мешком, полным хлеба, или в погребке, полном вина, весь хлеб благодаря этому самому действию преобразуется и становится драгоценным телом Христа, а все вино превращается в кровь — чего Дева никогда не делала.... Ах, священник! ... вы должны не просто приветствовать его, вы должны преклонить колени и пасть ниц перед ним".

Этого было недостаточно; доминиканец считал своим долгом утвердить доктрину пресуществления, на которой основано достоинство священника. Он воскликнул: 'Мы должны верить, что тело Иисуса Христа находится в воинстве во плоти и костях. Мы должны верить, что он находится там так же, как был во чреве Пресвятой Девы или на древе истинного креста. Мы должны верить в это под страхом вечных мук, ибо наш святой богословский факультет парижской Сорбонны и наша мать святая Церковь верят в это. Да, Иисус Христос в воинстве, каким он был во чреве Девы, ... но маленький ... маленький, как муравей. Это вопрос, который не подлежит дальнейшему обсуждению.

После чего доминиканец, довольный тем, что одержал знаменательную победу, позволил себе порывистость, присущую его духовному высокомерию, и, разразившись потоком оскорблений, воскликнул: "Где эти несчастные лютеране, которые проповедуют обратное? Где эти еретики, эти негодяи, которые хуже евреев, турок и язычников?... Где эти прекрасные *трубные проповедники*? Позвольте им выйти вперед, и они получат ответ.... Ха! ха! Они будут очень осторожны и не покажутся никому, кроме как у камина, потому что они храбры только для того, чтобы обманывать бедных женщин и тех, кто ничего не знает."^[425]

Сказав это, монах сел, гордый своим красноречием. В конгрегациях царило сильное волнение; реформаторам был брошен вызов на поединок; люди задавались вопросом, ответят ли они на этот вызов. Последовала минутная пауза, когда Фромант поднялся и, стоя посреди церкви,

жестом велел им замолчать. 'Ради всего Святого,' сказал он, - послушайте, что я должен вам сказать!' Прихожане обратили свои взоры на человека, произнесшего эти слова, и евангелист звучным голосом воскликнул: 'Господа, я предлагаю свою жизнь — да, я готов пойти на костер, если я не докажу с помощью Священного Писания, что то, что только что сказал доктор Фербитиз, является ложью и языком Антихриста'. Затем он привел авторитетные источники из Священного Писания против утверждений доминиканца. 'Это правда', - воскликнули реформаторы; и некоторые из них, взглянув на монаха, крикнули: 'Пусть он ответит на это'. Фербитизу, пораженный тем, что услышал себя опровергнутым такими простыми пассажами, не осмелился подняться, но остался прикованным к своему месту, спрятав голову за кафедру. "Пусть он ответит", - кричали гугеноты со всех сторон: их крики были бесполезны.

Беспорядки в церкви.

Каноники и их друзья, обнаружив, что их оракул нем, отважились на спор, который был гораздо более в их духе. Они обнажили мечи (в те времена священники часто носили мечи) и, приблизившись к Фроманту, воскликнули: 'Убейте его— убейте лютеране!'... Ах, негодяй! он посмел привлечь к ответственности нашего доброго отца. 'Ничто, кроме смерти, не могло искупить преступление мирянина, осмелившегося противоречить священнику. Был только один пункт, по которому эти церковники не были согласны: это был вопрос о том, должны ли они *сжечь* или *утопить* евангелиста. Одни кричали: 'Сожгите его— сожгите его!', а другие: 'Вместе с ним в Рону!' — "Поднялся немалый переполох", - пишет Фроман. Как раз в тот момент, когда священники собирались увести его, Бодишон де ла Мезоннев, Эми Перрен, Жанен ле Коллонье и другие окружили его, как телохранители, желая вывести из церкви. Это не утихомирило суматоху; люди бросились за ним, и магистраты хотели его арестовать. 'Они набросились друг на друга, - говорит Фромант, - либо чтобы увидеть его, либо ударить, либо унести'. Буйная толпа сделала последнюю попытку схватить евангелиста, как раз когда они подошли к большим дверям собора. Бодишон де ла Мезоннев, заметив это, остановился, обнажил шпагу и, повернувшись лицом к бунтовщикам, закричал громким голосом: 'Я убью первого, кто к нему прикоснется. Пусть восторжествует закон, и если кто-то поступил неправильно, пусть он будет наказан'. Католики, напуганные взглядом Мезоннева, отпрянули назад, и друзья Фромана, воспользовавшись этим благоприятным моментом, оттащили его от врагов. Затем "женщины, как сумасшедшие, бросились за ним с большой яростью, бросая в него много камней".^[426] Гугенот Перрен, скорее политик, чем евангелист, встревоженный суматохой, сказал Фроманту: 'Мы испортили дело; все шло очень хорошо, а теперь все пропало'. Другой (этими словами Фроман обозначает себя), уверенный в своей правоте, ответил просто: 'Все выиграно!' Будущее показало, что он был прав. Когда Фроман прибыл в дом Бодишона, — обычное убежище друзей Евангелия, - Ле Коллонье отвел его на сеновал и заботливо спрятал под сеном. Де ла Мезонневу и Жанену пришлось впоследствии дорого заплатить за свои любезные услуги. Последний едва успел покинуть чердак, как прибыл Клод Бод со своими офицерами и алебардами. "Они обыскали весь дом и даже воткнули свои копья в сено, но, никого не найдя, удалились".^[427]

Александр, который не произнес ни слова в церкви, проводил своего друга до главных дверей. Видя, что Жанен уводит Фромана, и полагая, что тот в безопасности, он остановился 'на верхней ступеньке лестницы посреди народа' и, не позволяя себе устрашиться народного гнева, воскликнул: 'Он очень правильно отчитал его. Доктор Фербити проповедовал против священных книг; он лжепророк.' Синдикаты, довольные, что поймали хотя бы одного, отвели Александра в

ратушу, и некоторые требовали приговорить его к смертной казни. Мудрец Валтасар воспротивился этому: 'Не этот человек поднял шум', - сказал он. - Кроме того, он француз, а король Франции, возможно, воспользуется *какой-нибудь возможностью* напасть на наш город, если мы предадим смерти его подданных. Двое "*магометан*" были пожизненно изгнаны из города под страхом смертной казни; и в то же время было решено, что адвентистским проповедникам следует сказать "проповедовать только Евангелие, чтобы избежать беспорядков".

Стража вывела Александра из города в местечко под названием Ла Монне, где, увидев, что толпа следует за ним, он повернулся к ним и сказал: "Я не буду отдыхать, как солдат, срок службы которого истек". Затем Он обращался к толпе в течение двух часов, и многие были обращены к Евангелию. Де ла Мезоннев, вернувшись домой, отправился на поиски Фромана на сеновал; и как только наступила ночь, двое друзей тайно покинули Женеву, забрали Александра в Ла-Монне, а затем все трое отправились в Берн.

ГЛАВА III. ФАРЕЛЬ, МЕЗОННЕВ И ФУРБИТИЭ В ЖЕНЕВЕ. (Декабрь 1533 - январь 1534 гг.)

Фербиты, посещаемые католиками.

Де ла Мезоннев был полон решимости отстаивать свободу проповеди Евангелия. 'Мы называли лютеранами, - сказал Фроман; 'теперь, *Лютер* в переводе с немецкого означает *ясно*, и нет ничего яснее, чем Евангелие Иисуса Христа. Дело лютеран - это дело света'. И поэтому Де ла Мезоннев хотел распространять его.

Ревностный гугенот не терял ни минуты после своего прибытия в Берн. Он рассказал всем своим друзьям (которых у него было много) о том, что происходит в Женеве. Фромант и Александр, стоявшие рядом с ним, поддержали его жалобы и повторили оскорбления доминиканца. Бернцы были взбешены оскорблениями, которыми монах осыпал протестантов, но ими двигали более благородные мотивы. Они думали, что Женеве, столь известная энергичным характером своих граждан, станет большим приобретением для Реформации; и теперь люди начали говорить в Савойе, на площади Во, во Фрейбурге и во Франции, что реформаторское движение было подавлено в городе гугенотов. "По всей Женеве распространился громкий слух, - говорит Фарель, - о том, что мастер Фербити одержал победу в своих диспутах с лютеранами".^[428] Бернцы решили помочь Реформе, находящейся под угрозой, отправив запрос в Женеву... не большие батальоны, а скромный проповедник Евангелия. Они послали Уильяма Фареля в качестве компаньона Мезоннева.

В воскресенье, 21 декабря, в праздник святого Фомы Кентерберийского, Фербити, гордый тем, что ему приходится восхвалять столь героического святого, был более энергичен, чем когда-либо. 'Все, кто следует за этой проклятой сектой, - кричал он, - похотливые и прожорливые люди, распутники, честолубивые убийцы и воры, которые живут как звери, наслаждаясь собственной чувственностью, не признавая ни Бога, ни высшего'. Эти слова вызвали энтузиазм

католиков, глава которых решил всем скопом отправиться во дворец епископа, чтобы поблагодарить преподобного отца. Благородный Персеваль де Песмес, *capitaine des bons*, ‘капитан добра’, как называли его монахини, возглавлял их. ‘Преподобнейший отец,’ сказал потомок крестоносцев, ‘мы благодарим тебя за проповедь такого доброго учения и умоляем тебя ничего не бояться’. — ‘Крепко держись за меч, капитан; на моей стороне я буду использовать дух и язык’. Когда соглашение было заключено, депутация удалилась.

Едва они покинули епископский дворец, как по городу распространился странный слух. ‘Де ла Мезоннев вернулся из Берна и привез с собой печально известного Уильяма Фареля!’ Фарель, вернувшись в Женеву, не должен был покидать ее до тех пор, пока там не будет завершена работа Реформации. ‘Как!’ воскликнули католики. - этот негодяй, этот дьявол, которого мы изгнали, вернулся!’ Они были так разгневаны, что де Песм, Мальбуиссон и другие, встретив в тот же день Фареля и Мезоннева на улице, обнажили шпаги и набросились на них; их спасли несколько гугенотов. Епископалы посовещались и решили взяться за оружие, чтобы изгнать реформатора.

Фарель И Бодишон.

Католики были встревожены не без причины. Фарел был героем. Начинаясь работа требует одного из тех сильных людей, которые энергией своей воли преодолевают все препятствия и приводят в движение все силы своей эпохи для осуществления задуманного ими плана. Кальвин и Лютер - великие люди Реформации шестнадцатого века. Кальвин защитил ее от опасных врагов; он дал обновленной Церкви божественное тело и простую мощную конституцию. Библейская вера, которую он изложил, совершает и будет совершать кругооборот по всему миру. Но когда он прибыл в Женеву, внешне Реформа уже была завершена. Фарель действительно является реформатором этого города, а также других мест в Швейцарии и Франции. Благородный и простой евангелист, его гений был менее велик, его имя менее прославлено, чем у его преемника; но он не переставал рисковать своей жизнью в жестоких битвах за Спасителя и, по милости божьей, оказался в этой прекрасной стране, заключенной между Альпами и Юрой, тем, чем является огонь в природе, — самым могущественным из Божьих агентов. Он не был, какиногда воображают, человеком с горячей головой, склонным к вспышкам насилия и вспыльчивости. С энергией он сочетал благоразумие - с рвением, беспристрастностью. "Молил бы Бог, - сказал он по случаю своей дискуссии с Фербитиом, - чтобы каждый человек высказывал каждую вещь, не склоняясь к одной стороне больше, чем к другой".^[429] Но следует признать, что в нем было больше силы, чем осмотрительности, и беспримерная активность была главной чертой его характера. Отваживаться повсюду, действовать при любых обстоятельствах, проповедовать в любом месте, отваживаться на любую опасность было его удовольствием и его жизнью. Его чрезмерный гений ‘наслаждался приключениями’, как говорили о знаменитом завоевателе, и он никогда не был так по-настоящему счастлив, как на поле боя. Фарел начал работу, а Кэлвин завершил ее.

Другой человек, мирянин, был призван сыграть не менее важную роль в Женевской реформации. Было отмечено^[430], что в великих революциях народов Бог иногда дает не советника, к которому следует прислушиваться, а поток, которому нужно следовать. В Женеве действительно бушевал мощный поток реформ, и человеком, олицетворявшим эту народную силу, был Бодишон де ла Мезоннев. Благородный сердцем, как и по происхождению, сначала он был просто независимым политиком и противником папства; но, открыв свой дом и свое

сердце Евангелию, он с каждым днем любил его все больше и больше. Конечно, он не обладал всеми евангельскими достоинствами; он был в некотором роде шутком, и его часто можно было застать смеющимся над суевериями своего времени. Иногда он также проявлял жестокость в своих действиях и словах. Но республиканская энергия, которая характеризовала его, сделала его наиболее приспособленным человеком для борьбы с Римом, герцогом и инквизицией. Сильный, гордый, непоколебимый, он был на маленькой сцене тем, чем были курфюрст Саксонии и ландграф Гессенский на большой сцене, покровителем евангелического учения. Несмотря на благородное происхождение, он занимался торговлей и имел обширный бизнес. Богатый и щедрый, он обеспечивал потребности нового вероучения. Магистраты городов, с которыми он имел дело, проявляли к нему большое уважение; и заступилась за него не только могущественная Бернская республика, но и король Франциск I. Де ла Мезоннев не сомневался в триумфе Реформации. Однажды, когда торговец из Лозанны покупал одну из его лошадей, самоуверенный женевец сказал ему: 'Ты заплатишь мне, когда в Лозанне перестанут служить мессы'. Два или три месяца спустя, расплачиваясь со своими счетами в Лионе, он сказал одному из своих корреспондентов: 'Вы заплатите мне, когда священники в этом городе станут такими же, как сейчас в Берне'. Это заставило фанатичных католиков воскликнуть: 'Он - причина извращения Женевы. Слава богу, он умер десять лет назад!'^[431] Де ла Мезоннев был очень близок с Бертелье: последний положил начало независимости города, первый провел реформу. Они оба были первопроходцами, но если смерть Бертелье была самой героической, то жизнь Бодишона - самой образцовой.

Де ла Мезоннев умел в случае необходимости сочетать благоразумие с энергией. 21 декабря, когда доминиканец с большим блеском произнес проповедь в соборе, некоторые реформаты смело сказали: 'Почему бы нашему священнику (Фарелю) не проповедовать в церкви так же хорошо, как папскому доктору?' и пригласили реформаторов войти в здание. Возмущенные католики воскликнули: 'Скорее это будет стоить нам жизни!' Де ла Мезоннев успокоил своих друзей; он хотел испытать законные средства и попросить у магистратов церковь.

Завязывается заговор.

На следующий день он предстал перед советом и вручил письмо от вождей могущественной Бернской республики. "Как? - сказали они. - Вы изгоняете из своего города наших слуг, людей, привязанных к Святому Слову, которых мы поручили вам, и в то же время вы терпите людей, которые богохульствуют против Бога. Ваш проповедник напал на нас; мы подадим на него в суд и попросим вас арестовать его. Более того, мы просим предоставить место, в котором Фарел мог бы публично проповедовать Евангелие.' Большая часть совета была поражена этими двумя просьбами. Они собирались обсудить их, когда на улице послышался шум. Вспыхнул заговор.

Было около полудня. От восьми до девяти сотен священников и мирян направлялись во дворец епископа, где у них была назначена встреча. Во дворце все было в движении; погреба были открыты, и слуги бегали туда-сюда с бутылками в руках. 'Они поставляли вино в изобилии, и каждый мужчина обещал выполнить свой долг. Это были респектабельного вида люди, хорошо одетые. Двести человек должны были остановиться в Сен-Пьере, чтобы атаковать еретиков с тыла. Все остальные должны были отправиться в Молар, "сгорая за дело Божье", и напасть на дом Бодишона, где должен был находиться Фарель.'^[432]

Де ла Мезоннев, поняв, что происходит, поспешно покинул зал совета и бросился защищать свой дом.^[433] Его первой заботой было спрятать Фарела так хорошо, как он мог, а затем, пока шли приготовления к штурму его дома, он предпринял шаги для его защиты. Но совет, узнав, что происходит, покинул ратушу и приказал сторонникам епископа сложить оружие. Им казалось странным сделать это после стольких протестов и такого рвения, и все же они подчинились. "Нечестивые торжествуют в воздухе, - говорили гугеноты, - и все эти слухи в конце концов развеялись в прах".^[434]

Фарел покинул свое убежище и возобновил свои проповеди по домам; но его слушатели имели необычный вид. Перед священником можно было разглядеть гордые черты гугенотов, со шлемами на головах, с мечами на поясе, а некоторые были вооружены кирасами, аркебузами или алебардами; поскольку католики в последний раз прибегали к оружию, они опасались неожиданности. Бодишон наблюдал за собранием. Надев аллекре (разновидность легкого нагрудника) и держа в руке посох, он "приводил людей в порядок", распределяя их по местам, и всякий раз, когда ему случалось слышать какой-либо разговор, "приказывал им замолчать"; тогда Фарель начинал говорить и проповедовать Евангелие со смелостью.^[435]

Синдики, оказавшиеся между реформаторами и католиками, не могли сказать, что делать. Если бы они арестовали Фербитиу, они привели бы в ярость католиков и савояров; если бы они позволили ему продолжать свои филиппики против реформатов, они оскорбили бы гугенотов и бернцев. Поэтому Двести человек решили оставить Доминиканца якобы на свободе, в то же время на самом деле обращаясь с ним как с заключенным. Он мог идти, куда ему заблагорассудится, но его сопровождали шесть охранников, которые следовали за ним даже до подножия кафедры. 'Увы!' воскликнули его друзья. 'они поручили преподобному отцу нести стражу!' Услышав это, монах надменно заметил: 'Я нахожусь под давлением из-за группы людей, которые ни на что не годны'.

Наступил день Рождества: у доминиканца была 'очень многочисленная аудитория, особенно женская'. На алтарях курились благовония; в хоре звучали песнопения; верующие никогда не проявляли такого рвения, и монах проповедовал с такой теплотой, что "на памяти человеческой никогда не было столь прекрасного богослужения".^[436] В то же время Фарел, просто одетый, проповедовал в большой комнате. Не было ни благовоний, ни свечей, ни песнопений, но слова Бога будоражили совесть людей. Это еще больше разозлило Фербитиу, и в последний день года он воскликнул с кафедры: "Все, кто следует новому закону, - еретики и самые никчемные из людей".^[437] Так закончился 1533 год.

Фербити уходит.

Новый год должен был склонить чашу весов в сторону Реформации; соответственно, духовенство, словно в ужасе от будущего, решило уничтожить дерево с корнем и открыло первый день 1534 года чрезвычайным воззванием. "Именем монсеньора Женевского и его викария, - говорили священники со всех кафедр, - приказано, чтобы никто не проповедовал Слово Божье публично, ни в частном порядке, и чтобы все книги Священного Писания, будь то на французском или на немецком, были сожжены".^[438] Реформаты, которые в большом количестве присутствовали в церкви, были поражены новогодним подарком, который епископ преподнес своему народу. Доминиканец, проповедовавший в тот день в последний раз, превзошел всех и попрощался со своей аудиторией в жалкой эпиграмме:

Je veux vous donner mes étrennes,

Dieu convertisse les luthériens!

S'ils ne se retournent à bien,

Qu'il leur donne fièvres quartaines!

Qui veut *si, prennent ses mitaines!*^[439]

Несмотря на то, что он ссылался на квартальную лихорадку, католики говорили со слезами на глазах: 'С какой преданностью он прощается с нами!' Однако не все были тронуты в равной степени: как раз в тот момент, когда монах собирался уходить, стражники остановили его, потому что он забыл, что он пленник.

Тем временем епископский мандат вызывал волнения в городе. 'Запретите проповедовать Евангелие, - говорили некоторые, - сожгите священные книги! Какая ужасная идея! Магометане никогда не делали ничего подобного по отношению к Корану или геберам с книгами Зороастра. Те, кому поручено проповедовать Слово Божье, - это те самые люди, которые предадут его огню!' Так католики и евангелисты взялись за оружие — первые, чтобы уничтожить Библию, другие - чтобы защитить ее.

Они оставались при оружии не только в ночь на первое января, но и во вторую, третью и часть четвертого, расположившись бивуаками на площадях и разжигая большие костры. Жители Женевы часто брались за оружие из других побуждений. Если бы кто-нибудь сейчас пошел к католикам и спросил их: 'Почему вы это делаете?', они бы ответили: 'Потому что мы хотим изгнать Библию', а если бы тот же вопрос был задан реформатам, они бы ответили: 'Потому что мы хотим сохранить ее'. Этим беднякам часто нечего было есть или пить; и когда какая-либо группа отправлялась в дом за провизией, другая сторона часто забирала добычу. Они были вынуждены предоставить поставщикам сильный эскорт.^[440]

Без сомнения, это было странное зрелище - видеть город, наполненный вооруженными людьми из-за Слова мира. Именно таким образом проявлялись великие эмоции в ту эпоху, и было бы нелепо изображать людей шестнадцатого века с манерами девятнадцатого. Евангельские христиане верили, что если бы у них забрали Библию, то и Иисус был бы потерян для них; казалось, что если бы больше не было Священного Писания, то не было бы больше Христа, не было бы больше спасения. Политические гугеноты, не беспокоясь по этому поводу, считали, что Библия - лучшее средство избавиться от епископа. Следовательно, все одинаково проводили дни и ночи с оружием в руках у сторожевых костров, не желая, чтобы у них отняли Священные Писания. Реформированные, желая казаться миролюбивыми, сочли своим долгом немного уступить и убедили Александра удалиться, поскольку он был изгнан на законных основаниях. Он направился во Францию, где вскоре после этого принял мученическую смерть. Но евангелическое дело в Женеве ничего не потеряло, ибо, когда Александр уехал с одной стороны, Фроман вернулся с другой; и почти в тот же момент посольство из Берна, возглавляемое Себастьяном из Дисбаха, появилось у городских ворот. Эти достойные депутаты, видя, что происходит, — биваки, солдат, копы и аркебузы, — остановили своих лошадей, с изумлением осмотрели группы, спросили, что все это значит, и, наконец, призвали соперничающие партии отступить. Женевцы начали понимать странность своего положения: гугеноты почувствовали, что Библию должна защищать сила, отличная от силы их аркебуз;

поэтому мужчины обеих партий уступили мудрым увещаниям бернцев, и каждый удалился в свой дом.^[441]

Три реформатора в Женеве.

Дизбах и его коллеги пришли с намерением привлечь доминиканца к ответственности; но, закрыв дверь перед монахом, они хотели широко распахнуть ее перед Реформацией. Фарель пробыл в Женеве некоторое время; Фромант только что прибыл; но это было еще не все. Человек скромной внешности, входивший в бернскую свиту, должен был представлять для римско-католицизма большую угрозу, чем сами прославленные послы. С ними был молодой и обходительный Вире. Слабый и обессиленный, он все еще страдал от раны, нанесенной священником из Пайерна, но депутаты Берна настояли на том, чтобы он сопровождал их. Таким образом, Фарель, Вирет и Фроман — трое людей живой веры и неутомимого рвения — собирались работать вместе в Женеве. Все, казалось, указывало на то, что реформированные банды Швейцарии снимают маску со своих батарей и готовятся демонтировать батареи папы римского. Они были готовы открыть яростный огонь, который разрушил бы толстые стены, которые так долго укрывали оракулов и требования папства.

Вире немедленно спросил о своих друзьях Фареле и Фроменте, которые были вынуждены скрываться во время вооруженного кризиса; несколько гугенотов отправились на их поиски и привели в Тет-нуар, где размещалось посольство. 'Ты останешься с нами,' сказали бернцы. 'мы защитим твою свободу, а ты будешь проповедовать Евангелие'. Трое реформаторов немедленно начали проповедовать в частных домах,^[442] провозглашая авторитет и доктрины тех Священных Писаний, которые духовенство осудило. Какое странное противоречие! Епископ только что наложил запрет на Библию, и три самых влиятельных проповедника на французском языке теперь публично преподавали ее божественные уроки.... Никогда прежде в Женеве не видели такого количества и таких хороших работников. "И паписты ничего не осмелились предпринять против них".^[443]

Но бернцы хотели большего: 'Вы защищаете доминиканца, который клеветает на нашу добрую репутацию', - заявили они совету. "Вы презираете наш образ жизни, вы осуждаете святое Евангелие Божье, вы жестоко обращаетесь с теми, кто желает понять его, и изгоняете тех, кто его проповедует: соответствует ли такое поведение вашему договору о союзе? Пусть монах защищает то, чему он учил: мы привели проповедников, которые покажут ему ложность его учения. Если вы откажетесь от этих просьб, Берн найдет другие способы отстоять свою честь.' Синдики ответили бернцам: 'Не наше дело знать, что касается священников; обратитесь к князю-епископу'. — "Это простая уклончивость", - ответил Берн. 'Мы возвращаем вам наши союзнические грамоты'. При этих словах главный синдик, встревожившись, предложил доминиканцу предстать перед ними. Бернцы согласились, но "при условии, что монах будет обязан отвечать перед священниками перед всем народом".^[444] Это был существенный момент.

ГЛАВА IV. ТУРНИР. (Январь-февраль 1534 г.)

Три реформатора.

9 января было важной датой в истории Женевской реформации и, возможно (мы могли бы добавить), в истории Европы. Миряне вот-вот должны были восстановить свои права: священник должен был предстать перед женевскими мирянами и бернскими магистратами. Как только Совет Двухсот был собран, вошли послы в сопровождении трех человек, которые привлекли особое внимание всех присутствующих. Глаза, полные огня, дерзкая отвага, неукротимые черты лица одного из них выдавали в нем Фарела. Второй, менее известный, обладал, хотя и молодостью, благоразумием человека в летах и мягкостью святого Иоанна; это был Вирет. Третий, невысокого роста и невзрачной наружности, решительный в походе, живой и разговорчивый; это был Фромант. Все они заняли свои места справа от главного синдика. Монах ордена Святого Доминика, вошедший в свою очередь, сел слева на приподнятую скамью. Они встретились, чтобы нападать на папство и защищать его. Турнир, на котором присутствовала огромная толпа джентльменов и горожан, напоминал одно из тех "торжественных судебных решений", к которым люди прибегали на протяжении веков, чтобы прекратить определенные споры. Предмет спора был важнее, чем обычно. Истина и традиция, средневековые и новое время, независимость и рабство находились на волоске. Поэтому все, кто интересовался божественными и человеческими вещами, ждали с нетерпением. Их ожидания были обмануты.

Как раз в тот момент, когда должна была начаться борьба, один из сражающихся отступил назад. Доминиканец встал и сказал: "Господа, я монах и врач из Парижа; я не могу появляться перед мирянами без разрешения моего прелата". Он сел. "Вы предложили перед всем народом," сказал Себастьян из Дисбаха, "защищать свою позицию Священным Писанием, а теперь хотите получить лицензию". Фарел встал и заметил, что монах и великий апостол придерживались противоположных мнений: "Святой Павел отказался в таком случае предстать перед священниками в Иерусалиме и обратился к кесарю. Цезарь, несомненно, был мирянином, и более того — язычником." Монах воздержался отвечать на этот неопровержимый аргумент, но, с жалостью посмотрев на человека, осмелившегося заговорить с ним, сказал с презрительным жестом, "что он не имеет никакого отношения к этому человеку". Затем, вспомнив, как страппадо и кол привели в чувство таких придиричивых людей в Париже, он добавил: "Пусть он идет и говорит так во Франции!" "Добрый отец," сказал главный синдик, "поскольку вы не отвечаете, когда наши лорды Берна обвиняют вас, покиньте это место и сядьте вон на ту скамью, где вы услышите остальное". Монаху Святого Доминика пришлось покинуть свое почетное место и подойти к стойке бара; но, несмотря на это унижение, он снова отказался говорить. Тогда синдики послали просить великого викария разрешить ему ответить, но этот сановник ответил: "Я болен". Депутаты обратились с той же просьбой к чиновнику г-ну де Вейги, который ответил: "Епископ запретил мне это делать". "Позор! - восклицали многие. - Все эти священники отказываются давать отчет о своей вере". Доминиканец сказал совету: "Пусть мои господа послы выберут в качестве судей двух докторов из Германии; и мы выберем двух из Парижа; тогда я отвечу не только Фарелю, Вире и Фроменту, но и ста или двум сотням таких проповедников.... Один я встречу с ними со всеми! Бернцы заявили, что доверяют это дело

только тем, у кого есть законные полномочия. Они хотели большего. Отказ доминиканца лишь усилил их желание видеть Реформацию свободно проповедуемой в Женеве. Не довольствуясь богословской дискуссией, они сказали синдикам: "Способ умиротворить город и быть справедливыми по отношению ко всем - это выбрать одну из приходских церквей и назначить в нее проповедника Евангелия. Те, кто хочет пойти на проповедь, пойдут на проповедь; те, кто хочет пойти на мессу, пойдут на мессу; каждый человек должен оставаться свободным в своей совести; никто не должен быть ограничен, и все будут удовлетворены". "Мы всего лишь миряне," ответили изумленные синдики. "не наше дело выбирать проповедников и назначать им церкви". Совет послал депутацию в Берн, чтобы смягчить строгость глав государства, но это было бесполезно. Чем большую *гибкость* (пользуясь языком рукописи) проявляют женевцы, тем большую негибкость проявляют бернцы. Это была борьба между податливыми и непреклонными; и податливые, как обычно, были вынуждены уступить.^[445]

Потребовано возмещение ущерба.

Бернские послы энергично осуществляли свои планы и требовали возмещения ущерба за оскорбления доминиканца и строительства церкви для проповедников Евангелия. "Если вы откажетесь," добавил Дисбах, "мы вернем вам печати нашего союза; мы заберем обратно наши; мы подадим в суд на монаха ... и на того, кого сочтем нужным". Двести человек были поражены, у некоторых из глаз невольно потекли слезы, и даже люди снаружи были сильно встревожены (говорится в протоколе Заседания Совета). Присоединив дела к словам, Себастьян Дизбахский положил союзные грамоты на стол. Все собрание немедленно поднялось с неописуемым волнением и со слезами умоляло послов забрать свои письма. "Мы сделаем все возможное, чтобы удовлетворить вас!" - воскликнул премьер-синдик, каким бы стойким католиком он ни был. Суровый бернский аристократ был тронут. "Мы забираем их обратно," сказал он наконец, "но заявляем, что вернем их, если вы не удовлетворите наши требования".^[446] Затем все было подготовлено к испытанию. Женева взялась за дело в пустыне церковных злоупотреблений: священник, обвиняемый мирянами, вот-вот должен был предстать перед судом мирян. Это само по себе было революцией.

Монах на суде.

27 января, когда Двести человек заседали в качестве суда справедливости, Фербити предстал перед ними. Он набрался храбрости; его прямая голова и уверенный взгляд показывали, что он уверен в победе. Он призвал бернцев изложить свои претензии, но протестовал против расследования из-за священнического статуса, которым он был облечен. Затем состоялся следующий разговор:—

Посол.— Вы публично проповедовали, что четыре вида палачей разделили одежду нашего Спасителя Иисуса Христа у подножия креста, и что первыми были немцы. Это слово касается нас.

Монах.— Я никогда не употреблял таких слов; и я не знаю, к какой стране принадлежали палачи.

Ambas.— В ближайшее время мы докажем это обвинение. Вы сказали, что те, кто ест мясо в пятницу и субботу, хуже евреев, турок и бешеных собак.

Монах.— Я не хотел тем самым оскорбить их превосходительства из Берна; я проповедовал только жителям этого города.

Ambas.—Ты сказал, что все, кто читает Священное Писание вульгарным языком, ничем не лучше развратников, обжор, пьяниц, богохульников, убийц и грабителей.

Монах.—Я подтверждаю, что не оскорблял моих лордов Берна.

Ambas.— Вы говорили в общей манере и, следовательно, включили их в свое обвинение.

Монах.— Я разговаривал только с женевцем.

Ambas.— Вы сказали: ‘Избегайте этих нечестивых современных еретиков, этих немцев, как вы избегали бы прокаженных и нечистых людей. Не позволяй им жениться на твоих дочерях, лучше отдай их собакам’.

Монах.—Я отрицаю, что проповедовал эту статью.

Ambas.— Вы сказали: ‘Что современные еретики, которые не желают повиноваться папе или кардиналам, епископам и викариям, являются по этой причине стадом дьявола и хуже бешеных собак ... и должен быть повешен на виселице.

Монах. — Это символ веры, и я не должен отвечать за это перед тобой.

Премьер-синдик.—Вам приказано отвечать.

Монах.—Я не буду отвечать.

Премьер-синдик.—Обвинение предъявлено.

Амбас. — ‘Высокопочтимые лорды, мы принадлежим к тем, кто читает Священное Писание на вульгарном языке. Мы принадлежим к тем, кто считает нашего Господа *единственным главой Церкви*, ее вечным и суверенным пастырем; и, более того, мы немцы; и по этой причине мы считаем, что упомянутые статьи были произнесены против нас. Если бы мы были такими, как говорится в этих статьях, мы заслуживали бы телесного наказания; и поэтому мы требуем, в соответствии *с законом талиона*, чтобы упомянутый проповедник был подвергнут наказанию, подобному тому, которое должны были понести мы’.

Доводы посла не были неопровержимыми. Посланники из Цюриха, Базеля и других евангелических кантонов, даже от ландграфа Гессенского или курфюрста Саксонского, с таким же успехом могли обвинить монаха в том, что он оскорбил их. Но именно этим объясняется поведение бернских депутатов. Протестантизмом злоупотребляли, его фундаментальные принципы были растоптаны. Бернцы преследовали монаха не для того, чтобы отомстить за личное оскорбление; чего они хотели, так это увидеть, как Слово Божье будет поставлено на место слова папы римского и Реформация утвердится в Женеве. Испытанию подверглось Евангелие, а не милорды Бернские; но последние считали себя поборниками Реформации в Швейцарии, и когда враги нападали на нее, они считали своим долгом защищать ее. Остаться вне ристалища означало бы неподчинение верховному судье боя. Послы привели четырнадцать свидетелей, готовых поклясться, что монах сказал то, что ему приписывали.^[447]

Фербиты, не видя другого выхода, решили сражаться за Рим. В четверг, 29 января, по городу распространился слух, что монах проведет дискуссию с реформаторами. Двести человек и некоторое количество других граждан собрались в Отель де Виль, чтобы присутствовать на этой важной битве.

Вот-вот должен был начаться один из турниров Реформации в Женеве; двое участников были на ристалище. С одной стороны, доминиканец, чемпион Рима, выступил вперед со схоластическими знаниями, которыми нельзя было пренебрегать, непреклонным фасадом, легкими, достаточно сильными, чтобы заставить замолчать всех своих соперников, и языком, снабженным неиссякаемым потоком слов.^[448] Одновременно жестокий и искусный, он использовал все виды оружия и обладал особым искусством скрывать свои ошибки и делать их менее очевидными.^[449] На другой стороне был Фарел, менее опытный, чем его соперник, в хитростях диалектики, но полный любви к истине, твердый, как воин, наступающий на ее защиту, и готовый опровергнуть схоластические доводы монаха неопровержимыми доказательствами Писаний Божьих. Обладая мужественным красноречием и звучным голосом, его ясный, энергичный и временами ироничный язык позволял судить о софизмах его противников^[450].

Реформатор поднялся первым и сказал: 'Это серьезное дело; поэтому давайте говорить со всей мягкостью. Пусть один не стремится взять верх над другим. Для нас не может быть более благородного триумфа, чем видеть, как торжествует правда. Чтобы это было признано всеми, я охотно соглашаюсь пожертвовать своей жизнью.' Тронутое его словами, собрание воскликнуло: 'Да, да! это то, чего мы желаем'.

Фербити начал с утверждения авторитета папы римского. Он утверждал, что главы Церкви могут предписывать то, чего нет в Священном Писании, и в доказательство этого процитировал Второзаконие: "Если возникнет дело, слишком трудное для твоего суждения, приди к священникам и постарайся поступать согласно всему, что они тебе скажут".^[451]

Фарель, напротив, отстаивал авторитет Священного Писания и заявлял, что все доктрины должны основываться только на них. Он напомнил, что Бог в этой самой книге Моисея сказал: *"Не прибавляйте к Слову, которое Я заповедую вам, и ничего не убавляйте от него"*.^[452] "То, что сказано о священнике-левите в Ветхом Завете (добавил он), должно быть применено не к римским священникам, а к Иисусу Христу, который это вечный первосвященник. Поэтому мы должны идти к нему, ему мы должны повиноваться, а не к священнику".^[453] "Христос, - воскликнул Фербити, 'дал святому Петру ключ от царства небесного, а Святой Петр передал его священникам, своим преемникам'. 'Ключ к небесному царству,' ответил Фарел, - это Слово Божье. Если кто-либо верит в обетования благодати всем своим сердцем, небеса открываются для него. Если кто-то отвергает их, небеса закрываются для него".

Поскольку было уже поздно, обсуждение перенесли на следующий день, и Фербити высокомерно заявил, что он готов. Голос из густи толпы выкрикнул: 'Постарайтесь больше придерживаться Слова Божьего и меньше - учения Сорбонны'. "Я буду вести себя как мужчина", - ответил он. "Если сила человека заключается в недостатке здравого смысла, тогда вы настоящий мужчина", - грубо ответил говоривший.

На следующий день обсуждение вступило в новую фазу.

Толкование Соборами.

Фарел повсюду отстаивал право и обязанность христианского народа читать Священные Писания, понимать их и подчиняться только им. Фербиты, напротив, утверждали, что Священное Писание должно быть прочитано только духовенством и пониматься в соответствии с толкованием соборов. Он доказывал свою точку зрения доводами, которые могли иметь

некоторую силу в глазах его друзей, но они не имели ничего общего с Фарелом, который настаивал на необходимости непосредственного контакта каждой христианской души со Священными Писаниями Бога. Не от соборов (утверждал он) и не от пап, а от самого Слова Божьего, что каждый христианин должен верою принять спасающую истину. Первое собрание в Иерусалиме (обычно называемое первым собором), не состояло ли оно, согласно повествованию в Деяниях, из апостолов, пресвитеров *ивсей церкви*, и не начиналось ли оно в своем письме словами: "Апостолы, пресвитеры и *братья*"? Защищая, таким образом, права мирян-членов паствы, он энергично выступал против института всех тех сановников, которые в Римской церкви являются *господами над Божьим наследием*: "Вы изобретаете всевозможные вещи", - сказал он доминиканцу,^[454] "вы вводите разнообразие орденов, бесчисленное количество высокопреосвященств, епископов". , прелаты, архиепископы, приматы, кардиналы, папы и другие высшие чины, о которых Писание не упоминает. Вы делаете все по своему усмотрению, без какого-либо отношения к Богу или праву. Апостолы советовались со всем собранием верующих, кроме вас ... вы делаете все, вы - это все! ... ты кроишь и придаешь форму, как тебе заблагорассудится. Христианский народ призван тобой на совет не больше, чем собаки и скоты. Твоим таинствам нужно поклоняться, а Божьи попираешь ногами. Ваша папская монархия превосходит все остальные в гордости, помпезности и пиршествах. Вы хотите, чтобы те, кто должен учить людей быть принцами с титулами, поместьями, судами и правительствами. Вы хотите иметь богатого торжествующего Иисуса, который предаст смерти всех, кто ему противоречит.... Ах, господа, Спаситель не был таким здесь, внизу: он был беден, смирен, предан смерти, а его ученики были изгнаны, заключены в тюрьму, побиты камнями и убиты.... Какое сходство есть между Апостольской Церковью и вашей?... Главный аргумент в вашей - палач.... Апостолы, в отличие от вас, не подвергали гневным отлучениям; они, в отличие от вас, не заключали в тюрьму и не осуждали.... Нет! Иисуса нет среди вас. Он находится среди тех, кого изгоняют, избивают, сжигают за Евангелие, какими были мученики во времена первоначальной Церкви".

Громы Фарела.

Энергичные слова реформатора прозвучали для его противника подобно раскату грома. Фербити был сбит с толку; его мысли спутались; он потерял присутствие духа и, желая утвердить доктрину епископата в том виде, в каком она понимается в Риме, процитировал стих, в котором говорится, что епископ должен быть *мужем одной жены*, что очень позабавило собрание. Он сделал больше: желая доказать, что в апостольские времена были епископы римского образца, он упомянул Иуду Искарота. "Это написано об Иуде, - сказал он, - его епископство позволил взять себе другой: *Episcopatum suum accipiat alter*. Поскольку у Иуды было епископство, он по необходимости должен был быть епископом"; и он пришел к выводу, что от римского епископата спасения нет. Доктор не сдержал своего обещания вести себя *как мужчина*. Фарел улыбнулся этому странному аргументу и принялся хлестать доминиканца бичом иронии. 'Поскольку вы процитировали того доброго епископа Иуду, - сказал он, - Иуду, который продал Спасителя мира; поскольку вы утверждали, что у него была епархия, прошу вас, скажите мне, в какой части Римской империи она находилась и сколько стоила, согласно обычаю Рима. Этот епископ, чье имя вы используете, очень похож на некоторых прелатов, которые вместо того, чтобы проповедовать Слово Божье, *носят сумку*,^[455] и вместо того, чтобы прославлять Иисуса Христа, продают его, продавая его членов, души которых они отдают дьяволу, получая от него взамен деньги.'^[456]

Монах, пораженный такой смелостью, снова воскликнул угрожающим тоном: 'Иди и повтори то, что ты говоришь, в Париже или любом другом городе Франции'. Он был настолько уверен в том, что евангелист будет отправлен на костер, что не смог удержаться от повторения столь безапелляционного аргумента. Это было все, чего хотел бы Фарел: "Если бы Богу было позволено публично объяснить мою веру, - сказал он, - я бы доказал это Священным Писанием, а если бы я этого не сделал, я бы согласился быть преданным смерти".

По мере продолжения дискуссии чувства с обеих сторон накалялись — одни защищали Фербиту, другие поддерживали Фарела.

Никто не был более усерден в этом словесном турнире, чем Бодишон де ла Мезоннев; он сопровождал евангелического чемпиона, когда тот шел на собрание и возвращался с него, не желая перекладывать на других заботу о защите его личности. Католики не преминули заметить постоянные отлучки великого гражданина; это их совершенно шокировало: его близость с ненавистным еретиком казалась им в высшей степени постыдной. Молодой человек двадцати пяти лет по имени Делорм, родившийся в Фонтене, в полутора лье от города, и который больше года занимался своими делами у родственника в Женеве, специально наблюдал за Бодишоном и был удивлен, увидев, что столь знатный человек так часто навещает бедного проповедника Фареля.^[457] Он сделал пометку, которой воспользовался в будущем.

Диспут продолжался всю пятницу. Субботний рынок, воскресные службы и праздник Очищения, пришедшийся на понедельник, прервали его на три дня. Три служителя воспользовались предоставленным им свободным временем, чтобы с жаром проповедовать народу. Каждый день они провозглашали Евангелие в большом зале дома своего друга, и Бодишон следил за тем, чтобы все проходило организованно, что было очень необходимо, поскольку шумиха, вызванная обсуждением, привлекала большие толпы. Вечером евангелисты собирались в разных домах и беседовали далеко за полночь. Днем они пытались привлечь на свои собрания тех, кто все еще колебался между папством и Реформацией. - Ах, - с досадой воскликнула юная Делорм, - посмотрите, какие усилия они прилагают, чтобы увеличить свою партию.^[458] Вся Женева была охвачена волнением.

Рассказы о Фареле.

Но сенсация не ограничилась этим городом: гнев, вызванный дискуссиями, проявился в яростных выступлениях в близлежащих районах. Праздные, любопытные и набожные останавливались и расспрашивали путешественников, "чтобы узнать великие новости из Женевы, которые они так желали узнать".^[459] Многие священники и монахи проповедовали в деревнях вокруг города против *еретиков* и *ереси*; и в Женеве, а также в других местах, через которые проезжал Фарел, всегда находился какой-нибудь монах или пожилая женщина, которые рассказывали странные истории о реформаторе. 'У него нет белков под глазами, - говорили они. - Борода у него рыжая и жесткая, и в каждом ее волоске сидит дьявол. У него на голове рога, а ноги раздвоены, как у быка.... Наконец — и это показалось мне более ужасным, чем все остальное, — он сын еврея из Карпантраса.^[460]

Все эти слухи, облетевшие город, достигли гостиницы "Тет-Нуар", где остановились бернцы и трое реформаторов. Домашняя жизнь этой гостиницы не была поучительной. У хозяина (согласно хронике) было две жены: его законная супруга и служанка, которая исполняла обязанности хозяйки. Первая, честный человек, вела себя подобающе проповедникам

Евангелия, хотя они ей и не нравились; но другая женщина ненавидела их, и каждый раз, когда они входили в дом, и хозяин, и слуга хмурились на них. Однако они сдерживались перед знатными лордами Берна, приветствуя их вымученными улыбками, но исправляли это, когда оставались наедине с проповедниками. Последние обычно обедали вместе, и хозяин и слуга, прислуживая им, слышали из уст евангелистов слова, которые их сильно разозлили. Вместо праздных историй и шуток, столь обычных за обеденным столом, три министра обменивались друг с другом правдивыми словами; и этот разговор, столь новый для двух слушателей, заставил их скорчить гримасы (как записывает Фромант, который их видел). Едва трое гостей выходили из комнаты, как служанка, которая сдерживала себя, кричала им вслед: 'Еретики! предатели! разбойники! гугеноты! Немцы!' ... 'Я бы предпочел, - сказал хозяин, - чтобы они ушли, не заплатив (это говорило о многом), при условии, что это было далеко ... так долго, что мы никогда их больше не увидим. Эти два несчастных человека чувствовали, что библейское учение осуждает их беспорядочную жизнь, и ненависть, которую они испытывали к святости Слова Божьего, вымещалась на тех, кто провозглашал его.

'Служанка-прелюбодейка, неспособная служить проповедникам так, как Иродиада служила Иоанну Крестителю, - говорит Фромант, - отомстила за себя другим способом'. Обращаясь к одной из тех женщин, которые болтают без умолку обо всем на свете: 'Только представьте себе, что я видела', - сказала она. "Однажды ночью, когда проповедники ложились спать, я тихонько прокралась за ними и, подойдя к двери, заглянула в дырочку.... Что я видел? Они *кормили дьяволов!* Смятение соседки не помешало слуге продолжить: 'Эти дьяволы были похожи на черных кошек ... их глаза сверкали огнем, когти были кривыми и заостренными ... они были под столом ... двигались взад и вперед.... Да, я видел их через дыру. Вскоре об этом узнали все сплетники квартала, 'после чего в округе поднялся большой переполох".^[461]

К этой истории слуги священники добавили свою и сказали: 'В Женеве обитают три дьявола в обличье людей — Фарель, Вирет, Фромант; и много бесноватых. Если ты когда-нибудь послушаешь этих трех гоблинов, они набросятся на тебя, войдут в твое тело, и тебе конец.^[462] Не удовлетворившись простым повторением подобных абсурдов в своей беседе, священники начали проповедовать людям о 'трех дьяволах'. Затем о них была написана песня; и вскоре толпа католиков ходила взад и вперед по улицам, распевая эти грубые стишки:

Фарел фарера,

Viret virera,

Фромант на моудре,

Dieu nous aidera

Et le diable les emportera.^[463]

Популярная эпиграмма была ошибочной. В тот самый момент, когда католики пели ее о городе, надвигались трагические события, которые должны были изменить все в Женеве. Это была Римская церковь, которая собиралась *измениться*, а папство уйти.

ГЛАВА V. ЗАГОВОР. (Январь и февраль 1534 г.)

Христианский мир в шестнадцатом веке.

В шестнадцатом веке сознание справедливости, истины и свободы пробуждалось во всем христианском мире, и люди повсюду, особенно в Женеве, начали протестовать против прискорбных извращений социальной и религиозной жизни, навязанных папством в былые времена. Но угасающее Средневековье энергично восстало против этого пробуждения, которое должно было обречь их на причисление к мертвым. Целью продолжающейся борьбы было обеспечить триумф Реформации — или, как выражались другие, триумф прогресса и цивилизации. Эта борьба является высшим интересом истории. Придворные интриги, и даже сражения армий, которые больше нравятся некоторым умам, — мелочи по сравнению с этими могущественными движениями человечества. Тем не менее, если у них было свое величие и своя необходимость, то у них была и своя опасность. Чтобы уберечь корабль, вышедший в открытое море, от столкновения с коварными отмелями беспорядка и распутства, было необходимо, чтобы Господь повелел ему. В то время, когда человечество разрывало светские цепи папства и фантастические институты феодализма, было необходимо, чтобы оно прилепилось к суверенному Хозяину, который единственный дает дыхание жизни отдельным людям и нациям. Если Англия так долго пользовалась драгоценными плодами свободы, а Франция до сих пор не смогла их получить, то это потому, что первая приветствовала Реформацию, а вторая ее отвергла. Одним из величайших зол, порожденных папством, было притупление морального чувства; и возрождение шестнадцатого века было возрождением морали. В католицизме были искренние люди; но в их глазах все было хорошо при условии, что они достигали цели, которую считали славной. И поэтому, как ни странно, мнимые блюстители порядка легко становились убийцами.

Замышляемый государственный переворот.

Епископ Женевский внимательно наблюдал из своего безмолвного монастыря за всем, что происходило в его епархии, в то время столь странно взволнованной. Он желал вновь взойти на свой двойной трон и все еще надеялся восстановить власть принца и папы в городе. Многие католики, особенно при дворах епископа и герцога, на самом деле не видели в этой реформации доктрины ничего, кроме 'народного возмущения, которое было бы непродолжительным'. "Положение дел скоро изменится", — сказали они.^[464] Возможно, если бы Кальвин не пришел, это пророчество могло бы исполниться; но другие видели вещи в более мрачных тонах. *Буря Лютера*, по их мнению, перевернула бы все; та же волна, которая сейчас угрожает власти понтифика, вскоре сметет власть королей. Люди не знали, как действовать, чтобы предотвратить такое несчастье; и самые решительные прямо говорили, что единственное средство спасти Женеву — это учредить одного верховного судью. Разве римляне не создали диктаторов в час крайней опасности? Все эти соборы Двадцати пяти, Шестидесяти, двухсот человек и, прежде всего, Генеральный совет народа были (по мнению епископалов) бесполезны и пагубны. Управление должно быть передано в руки одного человека и предпочтительно одному из лордов Фрибурга. Ревностный католицизм этого кантона и его возмущение смертью Вернли гарантировали точность, с которой миссия будет выполнена. Не похоже, чтобы что-то было решено по поводу этого выбора, но епископ решил предпринять смелый политический

ход. Достигнув взаимопонимания с герцогом Савойским,^[465] он подписал в Арбуа документы, которые учредили в Женеве *заместителя принца* в мирских делах с *полными полномочиями наказывать преступников*. Документ был немедленно направлен Портье, епископальному секретарю, доверенному лицу епископа, который должен был определить, в соответствии с главами партии, благоприятный момент и наилучшие средства для приведения его в исполнение. Со своей стороны, герцог не заставил их ждать помощи. Портье получил незаполненные ордера, скрепленные гербом герцога, с правом использовать их по своему усмотрению, чтобы довести дело до благополучного завершения. Заговор был искусно придуман. Туринский двор, лорды Фрибурга и мамлюки - все должны были помогать епископу; но, согласно общепринятой формуле, 'Там был Бог и Бернская республика'.^[466]

Действительно, поначалу казалось, что инструменту суждено остаться всего лишь макулатурой. Епископальный заговор существовал; акт был подписан князем-епископом 12 января, но первого февраля он все еще оставался мертвой буквой. Портье, зная о духе, которым были воодушевлены горожане, опасался обнародовать епископальное постановление ни магистратам, ни народу. Однако в частном порядке он обсуждал с некоторыми из своих приближенных способы приведения приговора в исполнение; среди них были два брата по имени Пеннет, один из которых был епископальным тюремщиком. Сторонники епископа в Женеве, а также в Арбуа и Турине считали, что логические дискуссии приносят только вред: что им следует прибегнуть к более решительным мерам; что только сила заставит женевцев согнуть шею под ярмо; и, наконец, что бунт, нарушающий общественный порядок, будет, даже если он потерпит неудачу, лучшим средством оправдания назначения лейтенанта, облеченного абсолютной властью. Некоторые вспыльчивые епископалы, и особенно двое Пеннетов, *сейды* партии, решили действовать немедленно: "Они вместе с несколькими другими взяли на себя обязательство пролить много крови", - говорится в документе, написанном через несколько дней после случившегося.^[467]

Убиты два гугенота.

Во вторник, 3 февраля, самые возбужденные из епископальной партии собрались во дворце: тюремщик Пенне, его брат Клод, Жак Дезель и несколько других. Это было после ужина. Воспламененные желанием спасти власть принца и папы, взволнованные таинством, которое они до сих пор соблюдали, и раздраженные тем, что доминиканец Фербитиз, которому противоречил Фарель и которого преследовали бернцы, возможно также (как полагали некоторые) действовавшие по приказу епископа, эти люди вооружились и вышли из дворца, 'намереваясь нанести удар и убить остальных', - говорится в документе, который мы только что процитировали. Эти фанатики — мы верим, что они были искренни, но, к несчастью, придерживались мнения, что заколоть еретика — одно из самых достойных деяний для завоевания рая, - эти фанатики вошли во двор собора Святого Пьера. Как только они подошли к ступеням и большой платформе, на которую выходит белораморный портал собора, они встретили двух гугенотов, нотариуса Николаса Поррала и Стивена д'Адда.^[468] Их кровь вскипела при виде двух еретиков: тюремщик Пенне выхватил шпагу, прыгнул на Поррала, ударил его; и, видя, что он падает, дерзко продолжил свой путь со своей бандой по улице дю Перрон к Молару, месту сбора всех бунтовщиков. Д'Адда и несколько других подошедших гугенотов окружили раненого Поррала, подняли его и, желая как можно скорее остановить начинающийся бунт, отнесли его в отель-де-Вилль и положили, бледного и истекающего кровью, перед синдиками и советом.

Магистраты были тронуты этим зрелищем, как в старые времена — если мы можем сравнить великие события древности с мелочами, положившими начало современности, — так и в старые времена труп Цезаря, покрытый ранами и пронесенный через Форум, вызвал негодование и крики пораженного народа. Д'Адда проинформировал синдикат о жестоком нападении Пеннета и потребовал наказать убийцу. Но едва он закончил говорить, как снаружи послышался сильный шум: двор отель-де-Виль наполнился взволнованными горожанами; поднялись шумные крики, ворота зала распахнулись, и "невоздержанные (говорится в Журнале регистрации) многие люди ворвались внутрь, яростно выкрикивая: Правосудие! правосудие!' Уважаемый человек, достойный торговец и ревностный гугенот по имени Николас Бержер, живший на улице дю Перрон, случайно оказался в своей лавке как раз в тот момент, когда мимо проходил отряд, ранивший Порраля. Привлеченный шумом, он, вероятно, двинулся к двери: Клод Пенне, заметив его, остановился и, словно позавидовав подвигу своего брата, прыгнул на безоружного горожанина и одним ударом кинжала уложил его мертвым к его ногам. "Все добрые люди, - добавляли горожане, - преисполнены ужаса и требуют, чтобы преступник был наказан по закону".

Это событие было не лишено важности. Это был новый акт в той упорной борьбе, которая в начале шестнадцатого века постоянно велась в маленьком городке на берегу озера Леман и в других формах повторялась в других странах. Комбатанты не пересекают границу, не отметив свой путь кровью. Те, кто тогда сражался в последних битвах того, что можно назвать железным веком, верили, что служат делу справедливости. Беспристрастная история уклоняется от того, чтобы нарисовать слишком отвратительную картину этих дерзких поборников Рима и феодализма. Даже в Женеве, где они были, возможно, более жестокими, чем где бы то ни было, не все они были лишены благородных чувств. Несомненно, многие были воодушевлены партийным духом; но были и такие, кто желал блага своей стране. В их глазах и религия, и порядок были скомпрометированы союзом Швейцарии с Реформацией, и они считали, что это священное дело может быть поддержано только энергичным вмешательством епископальной партии. Они ошибались, но их ошибка заключалась, по существу, не в этом. Великое зло состояло в развращении их морального чувства принципами фанатичного фанатизма, так что все средства казались хорошими для достижения их цели; все - даже кинжал.

В то время как люди требовали справедливости за двойное убийство, в городе поднялся сильный шум: забили барабаны, и все бросились к оружию. Граждане, желавшие независимости и реформ, восклицали, что последователи епископа, неспособные победить их словами, хотели одержать над ними победу с помощью *мандоссе* (разновидность испанского меча). "Это пятый бунт, который устраивают священники, чтобы спасти мессу", - сказали они, взявшись за оружие, но не для того, чтобы атаковать, а для поддержки установившихся властей.

Совет был поражен известием о смерти Бергера. Все его члены выступали против подобных преступлений; но трое из четырех синдиков были католиками: Дю Крест, Клод Бод и Мальбуиссон, и члены совета обычно разделялись в той же пропорции, что и синдикаты. Кроме того, Портье, возглавлявший группу, был аккредитованным агентом князя-епископа, авторитет которого совет желал поддерживать. Синдики обсуждали, что следует предпринять, когда послы Берна потребовали встречи с советом. Благородные лорды, которые обычно сохраняли такое холодное отношение, были очень взволнованы: 'Когда мы подходили к отель-де-виль, ' сказали они, - все люди, которых мы встречали, хватались за оружие. Следует опасаться, что произойдет большая бойня (*tuerie*); мы заклинаем вас позаботиться об этом и предложить наши

услуги, чтобы унять беспорядки'. Премьер-синдик умолял их сделать это; и, когда бернцы ушли, совет продолжил свои обсуждения.

Тем временем основные гугеноты собрались на совещание. Двое их друзей только что пали под ударами своих противников: один из них был мертв; их партия взялась за оружие; Портье и Пеннетты в тревоге бежали; католическая фракция была обескуражена. При таком положении вещей им было бы легко обрушиться на своих противников и одержать решительную победу; но среди них преобладали чувства порядка и законности. У них не было желания нарушать закон, но они хотели апеллировать к нему; в Женеве были судьи. Кровь должна быть отомщена не насилием, а справедливостью. 'Никаких беспорядков,' сказали вожди гугенотов, 'никакой мести, никаких нападений, никаких сражений! ... но давайте поможем магистратам, чтобы они могли выполнять свой долг'. Пятьсот вооруженных горожан, самых доблестных людей Женевы, прибыли в полном порядке и выстроились перед отель-де-Виль, в то время как их начальники — Мезоннев, Саломон, Перрен и Эме Леве — вошли в зал заседаний совета. 'Достопочтенные лорды,' сказали они, 'мы собрались здесь только для того, чтобы сохранить порядок. Мы опасаемся, что священники подготовили четвертую или пятую *вылазку*; и поэтому мы здесь все вместе, чтобы избежать их ярости и оказать помощь синдикату. Мы молимся, чтобы убийцы и те, кто руководил беспорядками, были наказаны'.^[469] Не было ни минуты колебаний: все, как католики, так и протестанты, желали, чтобы виновные были наказаны, и их разыскивали.

Обыск во дворце епископа.

Считалось, что они прятались во дворце епископа: действительно, вполне вероятно, что живший там секретарь Портье отправился туда и предоставил убежище своим сообщникам, поскольку это было самое безопасное место во всей Женеве. "Мы пойдем и отведем их туда", - сказал синдик Дю Крест, католик, но лояльный человек. Остальные синдики встали, и все покинули отель-де-Виль в сопровождении своих офицеров. При внушительном виде главных магистратов города, требовавших впустить их во дворец, слуги епископа открыли двери, и немедленно начался строгий обыск. Ни одна комната, ни подвал, ни чердак не ускользнули от пытливых глаз магистратов и их сержантов; 'но, несмотря на все усилия, которые они приложили, - говорится в "Муниципальном реестре", - ни один из виновных не был найден'. Многие верили, что им удалось спастись; одна только Перроннетта, жена секретаря епископальной церкви, видя, с какой энергией ведется охота за убийцами, почувствовала, что ее страдания удвоились из-за судьбы ее мужа. Синдикаты, желая предотвратить новые интриги, решили оставить нескольких своих офицеров в епископском особняке с приказом нести охрану ночью. Мужчины расположились в вестибюле, чтобы дожидаться утра, но никто в городе не знал, что они там.

Эти храбрые люди говорили о том, что происходит в Женеве, когда незадолго до восьми часов вечера (уже некоторое время было темно, так как было начало февраля) на улице послышался низкий, сдавленный голос, как будто кто-то говорил через замочную скважину. Стражники прислушались. Голос послышался снова и несколько раз отчетливо произнес имя привратницы. 'Это был священник, тихо звавший слугу', - говорится в "Реестре совета'. Гугеноты, мгновенно поняв, какую выгоду они могли бы извлечь из этого неожиданного обстоятельства, попросили молодого человека, который был с ними, имитировать женский голос и отвечать. Изменив тон, он спросил: 'Чего ты хочешь?' Священник, не сомневающийся в поле и функциях говорившего, сказал (по-прежнему тихим голосом), что ему нужны

определенные ключи для господина госсекретаря Портье и Клода Пенне. Вероятно, они хотели использовать их, чтобы спрятаться в каком-нибудь более безопасном месте и, возможно, покинуть город через потайные ворота. Молодой человек, снова приняв женский голос, спросил: 'Что вы будете с ними делать?' "Я отнесу их в церковь Святого Пьера, где они спрятаны", - ответил священник. Это было именно то, что хотел знать охранник. Один из них встал, открыл калитку, и священник, увидев вместо женщины вооруженного мужчину, в испуге убежал. Охранник, не прекращая преследовать его, побежал в отель-де-виль, где постоянно заседал совет, и рассказал синдикам всю историю. Убийцы, которых они искали, были спрятаны в соборе. Магистраты решили отправиться туда немедленно.

Поиск.

Искать убийц в огромном соборе, сплошь заполненном часовнями, алтарями и другими местами, где люди могли спрятаться, было непростой задачей. Синдикаты вошли между восемь и девятью часами вечера с определенным количеством офицеров, несущих факелы. Двери немедленно закрылись, чтобы никто не мог выйти, и в нефе воцарилась мертвая тишина. В мерцающем свете факелов это сооружение, один из прекраснейших памятников двенадцатого века, демонстрировало все свое величественное величие. Но это великолепие византийской и готической архитектуры, эти изящные пропорции, это восхитительное единство, так хорошо рассчитанное, чтобы произвести глубокое впечатление величия и гармонии, не поразили милордов Женевы, которые думали о других вещах. Дю Крест и его коллеги не были заняты архитектурными украшениями и святыми образами.... Они охотились на убийц.

Начался обыск: магистраты и их офицеры осмотрели часовни Святого Креста, Богородицы, Святого Мартина, Святого Маврикия, святого Антония и девять других внутри; они тщательно осмотрели восемнадцать алтарей, так богато украшенных всем, что требуется для католического богослужения. Сержанты разнесли свои факелы по всем углам, они приподняли ковры, они наклонились, чтобы найти виновных. Апсиду, трансепт, святилище они обыскали все; они осмотрели ризницу, киоски, проходы, галереи, лестницы — они ничего не нашли. Затем они отправились в часовню Маккавеев, примыкающую к собору, которую кардинал-епископ Жан де Броньи построил за столетие до этого, украсив ее великолепной резьбой, великолепными картинами и лепниной, украшенной золотыми бусинами. Они прошли мимо тех столов, за которыми все еще можно было увидеть молодого человека, держащего свиней под дубом, - кардинал желал таким образом вызвать в памяти скромные воспоминания о своей юности; но ни Портье, ни Пенне, ни кого-либо из их сообщников найти не удалось. Поиски длились почти три часа, и магистраты и их офицеры начали терять всякую надежду, когда одному из них пришла в голову мысль, что, возможно, убийцы, за которыми они присматривали, прячутся в одной из трех башен. Синдики и их свита решили осмотреть их, начав с южной башни высотой сто пятьдесят футов. Поднимаясь по многочисленным ступеням, они думали, что, если показания священника верны, преступники должны быть там, и, возможно, они найдут не только Портье и Пеннетов, но и банду их хорошо вооруженных друзей. Поскольку лестница была очень узкой, епископам было бы легко закрыть проход и даже убить некоторых из тех, кто присматривал за ними. Люди, исполнявшие приказ синдика, поднимались медленно и неуклонно и приблизились к большому шпилю с его четыремя готическими окнами, увенчанными полукруглыми арками. Шаги этой многочисленной компании эхом отдавались по винтовой лестнице. Офицер Совета, шедший во главе отряда, достигнув вершины башни,

осторожно выдвинул вперед свой факел и увидел в одном углу сверкающие руки и глаза. Он приблизился, сопровождаемый своими друзьями, и увидел хитрого Портье и свирепого Пеннета, пригнувшихся к земле, 'вооруженных,' говорится в Реестре, 'мечами, железными пиками, топорами и кинжалами и одетых в кольчуги'. Двое злоумышленников, хотя и были вооружены до зубов, и не думали защищаться: они были скорее мертвы, чем живы. Государственные служащие схватили их и заперли в тюрьме отель-де-Виль.^[470]

Заговор раскрыт.

Пока все это происходило в Сен-Пьере, охрана, которую синдики оставили во дворце, ободренные успехом своей уловки, решили воспользоваться случаем, чтобы выведать секреты дома; и, приняв простой, добродушный вид, они вступили в разговор со слугами, расспрашивая их так искусно, что вскоре те узнали все, что хотели. 'Секретарь епископа в одиночку и без поддержки слишком слаб, - говорили они, - чтобы противостоять воле совета и народа'. "Но он не такодинок, как вы думаете, - ответил один из них. - с ним милорд епископ, его высочество герцог Савойский", - а затем гордо продолжил: 'Он даже получал от них письма!' Независимые граждане, изображая недоверие, воскликнули! 'Что! Портье получают секретные послания от таких великих личностей!' ... Один из епископалов, задетый презрительной усмешкой, громко заявил, "что письма существовали, *in buffeto* (говорится в Реестре Совета на классической латыни), в буфете секретаря'. При этих словах хитрые гугеноты внезапно вскочили и, ликуя, поспешили в комнату Портье, взломали шкаф, достали лежавшие там бумаги и отнесли их синдикам. Это открытие было все же важнее другого.

Магистраты поспешили вскрыть пакет и обнаружили пачку бумаг, все они имели отношение к заговору, который епископ замыслил с целью подчинения Женевы. Они изучили содержимое и встревожились. 'Вот акт, подписанный епископом 12 января прошлого года, всего двадцать дней назад, о назначении временного губернатора, наделенного полномочиями наказывать мятежников. Принц из простого каприза назначает неконституционного представителя, для которого не должно быть никаких других законов, кроме его собственной воли. Вот бланки ордеров, скрепленных гербом герцогов Савойских. Это настоящий заговор, государственная измена.' Дата принятия закона достаточно ясно указывала на то, что Пьер де ла Бом был зачинщиком беспорядков, которые были на грани того, чтобы повергнуть город в смятение. Было решено, что Портье, признанный участник этой революционной интриги, должен предстать перед синдиками; и для ведения процесса был избран государственный обвинитель Жан Ламбер, убежденный гугенот.^[471]

Однако, прежде чем начать этот судебный процесс, должен был завершиться судебный процесс по делу Пеннета, менее сложный, чем предыдущий. Дело было ясным, предусмотренным законом и не заслуживающим прощения. Клод Пенне смело выступил вперед, как человек, подвергающийся преследованиям за христианскую религию. Он был признан виновным в убийстве Николаса Берже в его магазине в Перроне, и Синдик дю Крест, католик, но мудрый человек, вынес смертный приговор. Это не изменило поведения Пеннета. Он не раскаивался в содеянном: фанатизм заглушал в нем голос совести. Так было и со всеми его друзьями, ревнителями римской партии. В них страсть заняла место разума, и они хвастались убийством как благородным, святым и героическим поступком. Пеннет попросил о встрече с Фербити, доминиканцем, который содержался в тюрьме за оскорбление противников Рима. Монаха ордена инквизиции отвели в камеру убийцы, 'и когда они увидели друг друга, то

не смогли удержаться от слез", - говорит монахиня из Сент-Клер.^[472] Пеннет пожелал умереть благочестиво: 'поэтому этот добрый католик исповедался'. ... 'Я приговорен к эшафоту за любовь к Иисусу Христу, - сказал он доминиканцу, - и я взываю к вашим святым молитвам'. Преподобный отец, тронутый до слез благочестием и жалкой судьбой этого драгоценного сына Церкви, поцеловал его и сказал: "Сир Клод, идите бодро и радуйтесь своему мученичеству, ни в чем не сомневаясь; ибо царство небесное открыто и ангелы ждут вас".^[473]

Казнь Пеннета и чудеса.

Убийство, в котором был виновен Пеннет, было, по мнению доминиканца, делом рук святого. Большинство епископаловдумали так же; и было опасение, что их партия, на стороне которой было население, воспротивится приведению приговора в исполнение. Де ла Мезоннев, решив поддержать закон силой, собрал в своем доме определенное количество вооруженных людей.^[474] Но в их вмешательстве не было необходимости. Ничто не помешало отправлению правосудия, и палач отрубил убийце голову и повесил его тело на виселице. Вскоре население пришло в смятение. 'Вы слышали новости?' - спрашивали люди. 'В том месте, где висит тело Пеннета, творятся чудеса. Его лицо такое же румяное, а губы такие свежие, как у живого, и белый голубь постоянно парит у него над головой'. Набожные совершали паломничества к месту казни.

Другой Пеннет, тюремщик, ранивший Поррала и который, по словам сестры Жанны, "был не менее ревностен, чем его брат, в отстаивании святой католической религии", все это время прятался в доме бедной нищенки, куда монахини Сен-Клер, которые одни были посвящены в тайну, украдкой приносили ему еду. Казнь брата встревожила его; поэтому однажды ночью, когда сильно подморозило, он босиком покинул свое убежище и тайком добрался до монастыря Сент-Клер, где монахини снабдили его маскировочным костюмом, в котором он сбежал в Савойю.

Остался третий правонарушитель — государственный преступник Портье. Генеральному прокурору дело показалось настолько серьезным, что он пожелал довести его до сведения народа. Генеральный совет собрался 8 февраля, и Ламберт приказал зачитать собравшимся письма, найденные во дворце, а также незаполненные ордера герцога. 'Что? губернатор Женевы, наделенный временными полномочиями суверенной власти, полномочиями наказывать граждан, отстаивающих свои политические и религиозные права; конституция государства попрана князем-епископом; и герцог Савойский, этот извечный враг независимости Женевы, насильственно способствующий этой узурпации и насилию!' Все это представляло собой преступный заговор даже в глазах благонамеренных католиков. Голос народа и голос справедливости были в гармонии. Генеральный прокурор потребовал, чтобы Портье предстал перед своими судьями. Судебный процесс шел гораздо медленнее, чем в случае с двумя Пеннетами, поскольку римско-католики приложили все усилия, чтобы спасти его, и даже предложили большие суммы денег. Но генеральный прокурор и гугеноты постоянно заявляли, что "имел место заговор против свобод города"; спасти епископского секретаря было невозможно.

Однако Портье и его агенты только начали выполнять полученные ими приказы; настоящим преступником был епископ. Его статус принца скрывал его личность, так что, даже если бы он был в Женеве, ни один волос не упал бы с его головы. Но Пьеру де ла Бому предстояло понести наказание, которое по воле Божьей обрушивается на неправедных правителей. Он желал

использовать свою власть для угнетения, и Бог разрушил эту власть. Когда в народном собрании были зачитаны запечатанные письма епископа, наделявшие Женеvu диктатором, граждане были потрясены; угрюмое молчание выдавало их негодование; казалось, они слышат похоронный звон по ушедшей древней династии. Женевцы решили порвать с епископальными традициями и поставить у власти никого, кроме людей, известных своей приверженностью к унии Женеvy со Швейцарией и делу Реформации. В то время как среди уходящих в отставку синдигов был только один, кто принадлежал к этой категории, четверо друзей независимости были призваны народом на первую должность в государстве. Это были Майкл Септ, один из гугенотов, который в 1526 году бежал в Берн и вернул швейцарский союз; Ами де Шапурж, Эме Куртэ и Ж. Дювийяр. Таким образом, исполнительный совет стал гугенотским большинством. Решающий удар был нанесен епископальным заговором, который широко распахнул доселе полуоткрытую дверь и позволил победоносной Реформации войти в город.^[475]

ГЛАВА VI. ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ РИМСКОГО КАТОЛИЦИЗМА. (С 10 февраля по 1 марта 1534 г.)

Фербиты Вызваны на Совет.

Недвусмысленные знаки вскоре дали знать о произошедшей перемене. Каждый знал, что наступил критический момент; но чтобы он был спасительным, необходимо было просветить людей и ясно поставить перед ними цель, которой предполагалось достичь. Во всем, что касается религиозных вопросов, первым делом необходимо досконально разобраться в них; расплывчатость всегда вредит истинной религии. Магистраты решили прояснить вопросы, по которым развернулась дискуссия, и, соответственно, новые синдики приказали Фербитиу предстать перед Советом. Этот орган, призвавший к себе на помощь депутатов Берна и трех реформаторов, предложил монаху доказать Священным Писанием, как он и обещал, выдвинутые им доктрины. "Во—первых, — сказали они, - вы обвинили тех, кто ест мясо, *которое Бог сотворил для приема*,^[476] в том, что они хуже, чем *турки*". - "Господа, - ответил монах, - я признаю, что наш Господь не устанавливал запрета, о котором я говорил; поэтому я докажу свое утверждение указами Святого Фомы ."- "Хо! - хо! - воскликнул Фарел. - ты притворился, что доказываешь все Словом Божьим; ты даже согласился, в противоположном случае, быть сожженным на костре, и теперь ... ты отказываешься от Священных Писаний!"

Они не ограничились этим вопросом; лорды Берна четырнадцатью свидетелями доказали другие заблуждения, проповедуемые Фербитичем; например, что Бог накажет тех, кто читает Священное Писание на вульгарном языке, и что Христос отдал папство святому Петру. Они также доказали реальность оскорблений, произносимых доминиканцем в адрес реформированных христиан, за исключением, однако, того, что *немец* (швейцарский немец) был среди палачей Господа нашего: оказалось, что какой-то остряк выдумал эту историю, чтобы высмеять монаха. Бернцы заявили, что, поскольку монах, по его собственному признанию, был

всего лишь 'проповедником декретов святого Фомы' и рассказчиком историй, правосудие должно восторжествовать.

Доминиканец начал бояться и предложил извиниться в соборе за оскорбление перед Богом и владыками Берна. 'Мы согласны,' сказал главный синдик, 'и после этого вы покинете Женеву и никогда не вернетесь сюда под страхом смерти'. Доминиканец не желал ничего лучшего, как убраться отсюда как можно скорее.^[477]

В результате этого решения доминиканца в сопровождении его охраны в воскресенье, 15 февраля, тихо отвели в больницу Сен-Пьер. Он был сильно взволнован, ходил торопливо, и его разум был отвлечен противоречивыми эмоциями. Дойдя до подножия кафедры, он поспешно взошел на нее и, бросив взгляд на толпу, заполнившую церковь, почувствовал, как его замешательство усилилось. Он видел себя между двумя силами — ужасными бернцами и ужасными доминиканцами - и чувствовал себя неспособным удовлетворить одну, не оскорбив другую. Однако он попытался взять себя в руки, перекрестился, произнес "Аве Мария" и воззвал к Пресвятой Деве.... Бернец выглядел удивленным; но гораздо хуже было, когда вместо того, чтобы прочитать опровержение, предоставленное ему синдиками, он начал бегло просматривать его, отклоняться от него и, наконец, сказал что-то совсем другое. Один из бернцев крикнул ему: 'Господин доктор, вам здесь нечего делать, кроме как отречься', - и множество голосов немедленно поддержали это замечание. Но монах больше, чем когда-либо, уклонялся от ответа, колебался и пришел в замешательство;^[478] многие гугеноты покинули свои места, большое волнение охватило церковь, и терпение прихожан подходило к концу. 'Ты делаешь из нас дураков', - кричали они монаху. 'Не забивай нам уши своей обычной чепухой. Приходите, хорошегопеччави!'"^[479] Но опровержения не последовало. Затем поднялся большой шум; несколько буйных людей взошли на кафедру, схватили ученика святого Доминика и грубо потащили его вниз.^[480] 'Они заставили стул упасть вслед за ним, - говорит сестра Жанна, - и он чуть не умер на месте' (добрая сестра часто краснеет слишком сильно). Католики в тревоге покинули церковь, а доктора Сорбонны, нарушившего свое обещание, отвели обратно в тюрьму.^[481]

Затем бернские послы предстали перед Советом и попросили разрешения публично проповедовать Евангелие в одной из церквей. Синдикаты ответили, что это именно то, чего они хотят, и что они потребуют от проповедника Великого поста привести свои проповеди в соответствие с Евангелием.

Доминиканцы и францисканцы.

Фанатичный доминиканец, уполномоченный читать адвентистские лекции, скомпрометировавший католицизм, а собор объявил против каждого проповедника, который не должен проповедовать в соответствии со Словом Божьим, женевское духовенство решило предпринять последнее усилие. Они сказали, что должны выбрать монаха другого сорта для прохождения курса Великого поста, и поэтому обратились к францисканцам, которые часто мечтали о преобразовании религиозного общества. Между этими двумя нищенствующими орденами существовали большие различия: доминиканцы были богаты, францисканцы бедны; доминиканцы стремились к господству, францисканцы - к смирению; доминиканцы были застывшими в своих доктринах и обычаях, францисканцы были гибкими и имели вкус к новшествах. Они знали, как заразить толпу своим энтузиазмом и бичеванием, своими вкрадчивыми манерами и чудесными видениями. - Именно такого человека, - сказал старейший

из католиков, - мы хотим видеть после доминиканца. Если бы Женева устояла перед грубостью одного, она была бы очарована лестью другого. Таким образом духовенство надеялось незаметно вернуть Женеву в объятия Рима.

Отец Куртелье, настоятель францисканцев Шамбери, известный своим красноречием и остроумием, был приглашен приехать и проповедовать в Женеву во время Великого поста. Он прибыл в субботу, 14 февраля: на следующее утро (это было воскресенье, предшествующее Масленице) он предстал перед Советом. Главный синдик, взяв на себя обязанности, в некотором роде епископальные, сказал ему: 'Преподобный отец, вы не должны проповедовать ничего, кроме чистого Евангелия Божьего'. — 'Я обязуюсь это делать,' ответил хорошо обученный монах. - Вы будете удовлетворены.' А затем, желая показать, насколько он сговорчив, он представил девять статей, сказав: "Это то, что я хочу проповедовать"; добавив, как будто он выступал перед коллегией кардиналов: 'Вычеркните то, что вы не одобряете'. Совет, в значительной степени лютеранский, обнаружив, что священник превратил их в вероучительный суд, приказал зачитать документ. *Обращение к Деве Марии* было одной из статей; *Чистилище* было другой; *Молитва за умерших*; *Обращение к Святым*.... Гугеноты возразили, и эти четыре пункта были вычеркнуты из списка; но ему разрешили перекреститься на кафедре, повторить приветствие ангела Марии, которое записано в Евангелии от святого Луки, и отслужить мессу. Священник вернулся в свой монастырь с исправленными статьями.^[482]

Проповедь Куртелье.

В Пепельную среду преподобный настоятель взошел за кафедру и умело потрудился над тем, чтобы удержать Женеву в орбите папства. Два вождя Реформации — мирянин Бодишон де ла Мезоннев и реформатор Фарель — со многими своими *сообщниками* (как называет их отец Куртелье),^[483] желая услышать, как монаху удастся убедить папу и Лютера согласиться, пошли во францисканскую церковь в Рив (Куртелье не был допущен к чести собора). Монах начал с того, что громким голосом повторил воззвание к Пресвятой Деве: *Аве Мария*..., после чего Фарель и гугеноты закричали так, чтобы все могли их слышать: "Глупо приветствовать Деву Марию!" — "Я делаю это с *разрешения Совета*", - простодушно ответил монах, и все католики в собрании, желая поддержать своего защитника, начали выкрикивать: "*Аве Мария, благодарение богу*!" Поднялся такой громкий и всеобщий ропот, что Фарелю, Мезонневу и их друзьям пришлось придержать языки.^[484]

Куртелье продолжал, стараясь говорить одновременно в соответствии с папой и Евангелием. Одно предложение противоречило другому; то, что в один момент было белым, в следующий момент стало черным; его проповедь была мешаниной идей без результата, музыкальным напевом без гармонии. Фарел и его друзья вскоре поняли маневр. 'Он использует маскировку, чтобы заманить нас в ловушку,' сказали они, - и постарается не показывать зубы при старте. Он дает нам пить... как они делали в Вавилоне, яд в золотой чаше.' Испытывая отвращение к такой обрезке, Фарел встал и сказал: "Вы не можете учить истине, потому что вы ее не знаете". Бедный монах резко остановился: постепенно набравшись смелости и желая угодить друзьям Евангелия, он начал оскорблять как священников, так и пап. Теперь настала очередь католиков, и францисканец, заметив их гнев и желая вернуть себе их расположение, снова начал поносить реформаторов. Не имея доктрины, не имея мнений, он колебался между Римом и Виттембергом, и вместо того, чтобы удовлетворить всех, он раздражал обе стороны. - Мы не можем служить Богу и дьяволу, - с отвращением сказал Фромант.

Преподобный настоятель теперь изменил свою тактику, зная, как и все добрые францисканцы, что мух нужно ловить медом, и начал восхвалять женевцев в экстравагантных выражениях: "Леди и джентльмены, - сказал он с кафедры, - остерегайтесь, как бы вы не поддались соблазну людей (Фарела и двух его друзей), которые учат вас, что вы и ваши отцы были идолопоклонниками и что вас уводят в ад. Нет! вы благородный и могущественный город ... у вас хорошая репутация... и достойные люди.... Дамы и господа, всегда сохраняйте свой славный титул и будьте достойны великого имени, которое носит ваш благородный город. Разве это не называется *Женева, Гебенна*,^[485] то есть, *род праведный, род бенигны, род святой, род преклары, род девоты?* ... добрый, милосердный, святой, прославленный и набожный народ.... Ваше имя говорит само за себя." Монах был неистощим на экстравагантные комплименты, хотя очень хорошо знал, что ему следует думать о "святости" женевцев, и особенно о монахах и священниках.

Эта последняя попытка римско-католической церкви в Женеве не увенчалась успехом. Напротив, гугеноты, спровоцированные его заискиванием, заявили: "Мы не желаем угождать ни джентльменам, ни леди",^[486] и твердыми шагами двинулись по пути Реформ. Фарель, отложив в сторону многочисленные церемонии, которыми Рим перегружал общественное богослужение, желал восстановить крещение в соответствии с евангельским установлением как знак возрождения. Новость распространилась и возбудила большое любопытство даже среди незнакомых людей, находившихся в Женеве. 22 февраля, в первое воскресенье Великого поста, два савояра, Клод Теверон из гор Гран-Борнан и Анри Адврейон из прихода Тонон, были в Моларе, где также собралось несколько женевцев, как католиков, так и лютеран. "Вы слышали, — сказал один из них, - что в доме Бодишона будет крещение?" - "Давайте пойдем и посмотрим, на что это похоже", - сказали савояры и, следуя за несколькими гугенотами, вошли в большой зал, который был переделан путем удаления перегородок.^[487] Некоторые места были уже заняты; двум незнакомцам удалось найти место, но более поздние гости были вынуждены стоять у двери. 'Здесь, должно быть, триста с лишним человек,' сказал Адврейлон своему другу. На приподнятом стуле сидел молодой человек с мягким лицом и пронизательными глазами: им сказали, что это Вирет из Орбе; справа и слева от него были Фарел и Фромант. Джентльмен из города приятной наружности, которому на вид было от сорока до пятидесяти лет, провожал людей на их места и следил за тем, чтобы все велось пристойно. "Это Бодишон де ла Мезоннев, - сообщили савоярам, - хозяин заведения и величайший лютеранин Женевы".^[488]

Реформированное Крещение.

Затем началась служба. Мягкое красноречие Вире очаровало его слушателей; двое незнакомцев, однако, с удовольствием оказались бы за пределами собрания, в которое они нагло влезли; но все проходы были забиты: 'Мы не можем выйти, - сказал Адврейон, - из-за огромной толпы людей'; поэтому они решили остаться до конца. Как только проповедь закончилась, двое савояров уже собирались уходить, когда Де ла Мезоннев громко сказал: 'Пусть никто не двигается, здесь будет праздноваться крещение'. Крещение состоялось, и Вирет добавил: 'Иоанн крестил Иисуса Христа чистой, прозрачной водой; крестить маслом, солью и слюной, как это делают лицемеры, неправильно'. Двое незнакомцев, оскорбленные такими выражениями, убрались так быстро, как только могли.

Поскольку многие люди не смогли принять участие в богослужении, гугеноты, чье терпение было исчерпано, решили больше не довольствоваться узкими залами, которые не позволяли

всем, кто любил Слово Божье, слышать его. 'Иисус Христос повелевает проповедовать Евангелие по всему миру, - сказал Фарель, - поэтому оно должно быть проповедано в Женеве', после чего он попросил построить церковь. Бернские послы обязались представить петицию. 'Высокочтимые лорды, ' сказали они Совету, ' когда мы и наши министры проходим по улицам, люди кричат нам вслед: "Привет! еретики, вы не смеее появляться на публике, вы проповедуете свою ересь по дырам и углам, как в свинарниках"'.^[489] Мы долго мирились с этим, и теперь мы пришли просить вас о церкви. Никто не будет принужден слушать нашего проповедника; каждый человек будет ходить на то богослужение, которое он предпочитает, и, таким образом, все будут удовлетворены'. Синдики, сильно смущенные, заявили, что они опечалены *позором*, обрушившимся на бернцев, но заявили, что не в их юрисдикции назначать кафедру лютеранскому проповеднику; что она принадлежит князю-епископу и его викариям. 'И все же, ' добавили они, - если вы по своей воле выберете какое-нибудь здание, в котором сможете проповедовать свои доктрины ... вы сильны ... мы не можем противостоять вам ... мы не смеем.

Фарель и Куртелье.

Отказ синдиков вызвал раздражение евангелистов; Фарел решил побеседовать с отцом-настоятелем. Хотел ли он убедить Куртелье, временами такого сговорчивого, в том, что евангельское учение должно проповедоваться в церквях; или же, убежденный, подобно Лютеру, в том, что папство - это сила антихриста, сопротивляющаяся царству Божьему, желал ли он высказать кордельеру свое мнение? Мы не можем сказать: возможно, отчасти это было и то, и другое. В сопровождении бесстрашного Мезоннева и мудрого советника Бальтазара Фарель отправился во францисканский монастырь. Куртелье принял их в своей келье, и реформатор, пожаловавшись на то, что евангельская истина не может быть проповедана, монах, вместо того чтобы пойти на малейшую уступку, укрылся за авторитетом папы римского, превознося непогрешимость и могущество его святейшества. Разве Альварус Пелагиус, францисканец, как и он сам, не провозгласил, что юрисдикция папы римского универсальна, охватывая весь мир, как его временные, так и духовные аспекты?^[490] Разве другой монах не учил, что "папа занимает место Бога"?^[491] Но Фарел, вместо того чтобы искать свои идеи о Риме в трудах средневековых монахов, черпал их из Священного Писания, и особенно из Откровения святого Иоанна. 'Ваш святой Отец, ' сказал он настоятелю, - это зверь, которому поклоняются невежды. Евангелист Иоанн говорит нам о звере с семью головами,^[492] который "пожирает живущих на земле" и ведет войну со святыми, и он добавляет: *семь голов - это семь холмов, на которых он восседает. Семь холмов, ты слышишь?* Всем известно, что Рим построен на *семи холмах*. Следовательно, святой престол не апостольский, а дьявольский'. Куртелье был тронут. По его словам, он увещевал Фарела "как мог", но реформатор ответил, беседа стала более теплой, и в конце концов евангелисты, не сумев убедить монаха, распрощались с ним. Мезоннев вышел из кельи, раздосадованный слепотой Куртелье, и все трое вместе покинули монастырь.

Этот энергичный аргумент, применявший библейские пророчества об Антихристе к папе римскому, уже использовался Лютером. Никакие доказательства не вызывали большего гнева у католиков и не вдохновляли евангелистов на большую твердость.

ГЛАВА VII.

ФАРЕЛ ПРОПОВЕДУЕТ В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ МОНАСТЫРЯ В РИВЕ.

(С 1 марта по 25 апреля 1534 г.)

Беседа с отцом-настоятелем оказалась бесполезной; церкви оставались закрытыми.

Евангелисты больше не могли ждать: большинство жителей были за Словом Божиим, но для них не было открыто ни одной церкви. Стены Сен-Пьера, Сен-Жерве, Сен-Жермена и Мадлен содержали лишь внешние и бесплодные формы римского богослужения: жизни и движения там больше не было; они перешли в сердца решительных мужчин и благочестивых женщин, собравшихся вокруг Фареля. Ни зала в доме Мезоннева, ни какого-либо другого не хватило *для любителей Этого Слова*. Каждый день множеству слушателей приходилось оставаться на улице. "Увы! - говорили они. - Евангелие не может найти в Женеве ничего, кроме *тайных комнат*, и мы можем только шептать о благодати Христа. И все же благодать должна быть провозглашена по всему городу и распространиться даже на край света". Они собирались принять соответствующие меры.

Фарел В Большом зале.

Во второе воскресенье Великого поста (1 марта 1534 г.), после того как евангелисты выслушали Фарела в одном из обычных залов, двадцать девять самых знатных гугенотов остались и начали расспрашивать, что следует предпринять. 'Совет,' сообщил один из них, 'сказал милордам Берна выбрать для своего проповедника любое место, которое им понравится ... что ж, предположим, мы возьмем одно. На то, чтобы Евангелие было опубликовано, воля Божья. Но папа и его люди заботятся об этом не больше, чем в древности жрецы Вакха, Юпитера и Венеры. Без дальнейших просьб давайте делать то, что повелевает Бог.' При этих словах Мезоннев и другие гугеноты направились в монастырь в Риве. Там проповедовал отец Куртелье: он только что закончил свою проповедь, и толпа покидала церковь. Отважный Бодишон, к их великому удивлению, сообщил монахам, что Фарель собирается там проповедовать, а также что будут звонить колокола, что удивило их не меньше. Два или три гугенота, войдя на колокольню, в течение часа трижды громко ударили в колокола. Тем временем Де ла Мезоннев принял свои меры. Вместо того чтобы завладеть церковью, он выбрал часть монастыря, названную *большой аудиторией*, или *монастырем*. Эта часть монастыря была построена в форме галереи, а посередине располагался внутренний двор: он был просторнее церкви и вмещал четыре или пять тысяч человек.^[493]

Звон колоколов в необычный час был слышен по всему городу. Каждая нота, звучавшая в ушах женеццев, возвещала им о том, что Евангелие, которым тогда был взбудоражен весь христианский мир, наконец-то будет публично провозглашено в их стенах. 'Мастер Фарел, 'сказали они, - собирается проповедовать в монастыре в Риве', и со всех сторон собралась толпа. Послушать его собрались люди всех мастей: евангелисты, политические гугеноты, равнодушные и фанатичные. Некоторые священники скрежетали зубами и даже пытались прогнать некоторых своих прихожан, но это был напрасный труд: число их увеличивалось с каждой минутой. Некоторые францисканские монахи, пораженные видом такого необычайного множества людей, не смогли удержаться от желания пойти в большую аудиторию и послушать, что там говорилось.

Де ла Мезоннев отдал необходимые распоряжения по размещению людей. Собрание, хотя и почтительное, было глубоко взволновано. В том месте, где они встретились, собрались люди из разных партий: возможность послушать знаменитого Фареля и цель, которой должны были достичь такие встречи, а именно изменение религии Женевы, — все это глубоко взволновало их умы. Но если происходило какое-либо неподобающее движение, Мезоннев со своего возвышения рукой призывал к молчанию. Наконец появился реформатор. Католики были поражены, когда увидели его: 'Что?' воскликнули они. - Никаких священнических украшений! Он одет как мирянин, в испанский плащ и шапочку с полями.^[494] Но под этой шапочкой и плащом скрывалось то, что редко можно было найти под одеяниями священников — пылкая душа, сердце, переполненное любовью, и такое красноречие, что слушатели воскликнули, как когда-то Кальвин: "Ваши раскаты грома вызвали потрясение". неопишуемая тревога в моей душе".^[495] Фарел начал говорить: заимствуя свой огонь из писаний пророков и апостолов, говорит один из его биографов, он просвещал и воспламенял сердца.^[496] Он пробудил во многих живое чувство любви ко Христу. Бог, как говорит Кальвин, действовал сам по себе через служение реформатора. Некоторые начали обдумывать и смаковать благодать, которую они раньше глотали, не пробуя на вкус.^[497] Собрание было очаровано и восхищено; души многих были воспламенены пылом божественного духа.

Среди францисканцев, слушавших Фареля, был Жак Бернар, принадлежавший к одной из лучших семей Женевы. Он был живым, умным, образованным и дерзким человеком и долгое время искренне поклонялся Пресвятой Деве. Он часто яростно выступал против реформаторов, а за несколько дней до этого, встретившись с Фарелем и Виретом, хмуро сказал им: 'В прошлые времена было достаточно раскольников, которые запрещали мужчинам приветствовать Деву Марию и осенять себя крестным знамением'. Затем, не сказав больше ни слова, он грубо повернулся к ним спиной. Но в этот раз никто в большом зале не был более внимателен, чем Жак. Бог дал ему *новые глаза* и *новые уши*. Говорили, что монастырь в Риве был для него как дорога в Дамаск — что там этот новый Савл стал новым Павлом.^[498] Эта первая проповедь Фареля способствовала, по крайней мере, обращению Бернарда, и вскоре он мужественно отстаивал истины, на которые когда-то так яростно нападал.

Но этот свет, просветивший одних, ослепил других. Гнев людей, преданных папству, не знал границ; они предавались ужасным вспышкам страсти, а их последователи распространяли пламя по городу. Пожар вспыхнул на следующий день. Эти двести едва собрались, когда Николя дю Крест, трое Мальбуиссонов, Жирарден и Филипп де ла Рив с несколькими другими предстали перед ними и сказали: "Вчера священник проповедовал новый закон в монастыре в Риве; мы хотели бы знать, было ли это с вашего согласия. В тот же момент прибыли послы из Берна и высказались совсем по-другому: "То, о чем мы так долго просили, - сказали они, - было достигнуто *по вдохновению Бога*, без нашего ведома. Место, в котором вы нам отказали, было дано самим Господом. Да, Бог по вдохновению Святого Духа вложил в сердца ваших граждан желание, чтобы Евангелие проповедовалось в большом зале. Позвольте служителю продолжать свою проповедь в этом месте и не раздражайте тех, кто может прийти послушать его".

Фарел продолжает проповедовать.

Хотя, чтобы удовлетворить католиков, Совет сначала намекнул бернцам, что, поскольку они возвращаются домой, было бы вполне естественно, если бы они взяли с собой своих служителей, Фарель продолжал каждый день проповедовать многочисленным конгрегациям.

Его слушатели были более чем когда-либо убеждены в заблуждениях Рима и в истинности евангельского учения — вещей, которые казались им ясными как божий день. Многие отбросили свою пассивность; их сокрушенные сердца радостно приняли прощение Спасителя и, 'не заботясь больше о легкомысленных вещах, столь почитаемых папистами', посвятили себя делам истинной невинности и милосердия. В Женеве царило большое веселье. Группы людей прошли парадом по городу с радостными песнями; группы собирались в Моларде и беседовали о происходящих необыкновенных вещах. Евангелисты больше не сомневались в победе. Молодой савоярец по имени Генри Персен, приблизившись к одной из этих групп, узнал Бодишона де ла Мезоннева, который, окруженный несколькими лютеранами, 'разговаривал с несколькими присутствовавшими там католиками'. Последние защищали свою Церковь: 'Неужели эти три трубных проповедника лучше папы римского, епископа, каноников, священников и монахов?' Мезоннев ответил: "Ставлю сто крон против пятидесяти, что на следующую Пасху в Женеве не будет отслужено ни одной мессы". Ни один из католиков не согласился бы на это пари. Бодишон ошибся, но всего на несколько месяцев.^[499]

В субботу, 7 марта, послы Берна в последний раз посетили евангелическую ассамблею. Они оставляли Фарела, Вирета и Фроменту без защиты среди смертельных врагов и без сил, способных противостоять им в одиночку. Соответственно, как только служба закончилась, они встали и сказали: "Прощайте, господа из Женевы, мы вверяем вам наших проповедников".^[500] — "Нет необходимости хвалить их, - ответил женевец, - мы знаем, какой опасности они подвергаются, пытаюсь спасти людей из рабства, в которое они попали'. Покидая зал, Клод Бернар отвел трех евангелистов к себе домой, где они и жили с тех пор.

Де ла Мезоннев отбыл примерно в то же время, что и бернец, направляясь по делам во Франкфурт. Дату, которую мы не можем установить, он отвез Фареля и Вире в Лозанну, чтобы "аналогичным образом соблазнить" жителей этого города; но жители Лозанны, священники и их друзья (поскольку средний класс был благосклонен к Реформе), 'прогнали проповедников'. Едва ли возможно, чтобы два реформатора предпочли покинуть Женеву в ту важную эпоху, о которой мы рассказываем; и все же современный документ заставил бы нас поверить в это. Когда Де ла Мезоннев прибыл во Франкфурт, он беседовал с лютеранами и общался, как могло бы показаться, в соответствии с ритуалом Лютера.^[501]

Вскоре после этого Портье был признан виновным в сговоре с епископом против свободы города и приговорен к лишению головы. Закон наказал виновных, и общественная совесть была удовлетворена. Необходимо, чтобы справедливость царила среди народов; когда ее попирают ногами и виновных считают невиновными, из груди добрых людей вырывается крик скорби, мы не будем говорить о мести. Но это осуждение было масштабным и имело важные последствия для Женевы; оно, по словам хрониста, 'наводило ужас на слуг епископа'. Поскольку Портье всего лишь выполнял приказы принца, осуждение слуги было осуждением хозяина. Епископальные агенты начали понимать, что они должны подчиняться законам и уважать суды мирян. Власть епископальной фракции была сломлена.^[502]

Успехи Фарела.

Фарель стал более энергичным, в то время как, с другой стороны, францисканский проповедник делал все, что мог, чтобы поддержать пошатнувшееся папство. Эти две противоположные системы находились тогда в конфликте не только в одной стране: это было в одном городе, в одном доме - монастыре в Риве. Однажды кордельер учил в церкви, что "облатка перестает быть

хлебом, и что *рот* принимает тело Иисуса Христа", в то время как Фарель сказал в монастыре: "Это правда, что жизнь *заклучена* в теле Христа; но у нас нет общения с ним, кроме как через истинную веру. Вера - это уста души, готовые принять Спасителя.' В церкви кордельер поощрял покупку индульгенций, практику епитимий и сатисфакций; но в большом зале Фарель воскликнул: "Все наши грехи прощены *даром*. Как же тогда монахи смеют устраивать свои представления, которые Слово Божье разбило вдребезги?"^[503] Постепенно кордельер понизил тон: властный голос Фареля заставил его замолчать. 'Вы должны знать, - писала мадам де ла Мезоннев своему мужу, находившемуся во Франкфурте, - вы должны знать, что мастер Уильям храбро выполняет свой долг, возвещая Слово Божье'. Она добавила: 'У нас не было никаких запретов: нам никто не противоречит. Наш бизнес значительно расширяется'.^[504]

Римско-католицизм приходил в упадок: Фрибург поспешил его поддержать. 'Увы!' ответили синдики послам. - Мы не посылаем Фарела проповедовать: это дело рук народа. Мы скорее остановим поток, чем помешаем людям прийти их послушать. Что касается нас, то мы не отменили ни одной церемонии, не снесли ни одной церкви.' Таким образом, в Женеве, как и в могущественной Англии, Реформ желала скорее нация, чем ее лидеры; и везде было одно и то же. Затем фрибургцы, спокойные и сдержанные, выступили вперед, в гущу народного собрания, холодно положили свои союзнические письма перед премьер-синдиком и попросили прислать письма из Женевы. 'Держите их! держите их!' - раздались крики со всех сторон; и горожане бросились к депутации, осыпая их знаками любви и молитвами. Господа Фрибургские, сурово разорвав объятия, удалились, оставив союзные грамоты на столе.

Встревоженный Совет теперь решил сделать все, что в его силах, чтобы умиротворить католиков и фрибургцев. Каждый год на Пасху совершалась грандиозная процессия, в ходе которой изображения и мощи святых проносились через город. Совет распорядился воздавать им обычные почести. Эме Леве заявил, что он не откажется от живого Бога ради этого множества *мелких божков*, и синдики передали ему специальный заказ через полицию. Но Леветы по-прежнему не вешали драпировки на свой дом и держали лавку открытой, как в обычный день. За это преступление Эме три дня продержали в тюрьме на хлебе и воде.

Семейные проблемы Фарела.

Рассмотрение дела Фрибурга побудило магистратов к этому суровому акту; но евангелическое движение это не остановило. После Пасхи число христианских собраний увеличилось. Фарел энергично гнал вперед машину Реформ, и его голос то тревожил, как раскаты грома на Синае, то утешал, как Евангельские заповеди Блаженства. И все же среди этих многочисленных работ часто наблюдалось, как он останавливался, охваченный грустью. Преследования во Франции продолжались: триста лютеран находились в парижских тюрьмах. 'Что за норовистые кони!' - воскликнул он. 'Они отступают, вместо того чтобы наступать! Какие враги восстают против Икупителя, который со славой царствует на небесах! Но Бог не оставит свою работу'.^[505] У него были еще более тяжкие горести, чем эти: его собственные братья Даниэль, Уолтер и Клод были схвачены врагом из желания отомстить им за зло, которое творил реформатор. Один из троих, который был моложе его, был приговорен к пожизненному заключению, а его мать, уже овдовевшая, проливала горькие слезы. 'Увы!' сказал Уильям Фарел. - ее сын, родившийся после меня, долгое время находился в тюрьме, и ему пришлось пережить больше горя, чем мне'. Реформатор обратился к высокопоставленным друзьям с просьбой добиться от короля освобождения своего брата, но строгость тюремного заключения только усилилась. 'Я не знаю,

’ сказал он 28 апреля 1534 года, ‘ кто так разжег огонь.... Да будет угодно Богу, чтобы бедный узник держался твердо и бесстрашно заявлял то, что следует сказать о добром Спасителе”.^[506] Фарел обладал той сыновней привязанностью, которая серьезна и уважительна по отношению к отцу, нежна и кротка по отношению к матери. Это заставило его воскликнуть в отчаянии: ‘Увы! бедная вдова! О моя убитая горем мать!’ Любовь, которую он испытывал ко Христу, усилила его естественные привязанности.

Де ла Мезоннев, вернувшись в Женеву после Пасхи, собирался снова отправиться в Лион. Фарель, зная, что его друг Де ла Форж, парижский купец, также отправится в этот город в это время года, передал Бодишону письмо для его парижских братьев, в то время столь страдавших, направив его в *священный сосуд "Избранный Богом"*. "Иисус, - писал он этой маленькой пастве в столице, - это камень преткновения, с которым мир боролся с начала времен и всегда будет бороться; но его усилия тщетны. Ни один совет не может противостоять Богу, и если нечестивые поднимут свои рога, они будут сломлены’. Затем он попросил заступничества членов церкви за своего брата. ‘Прошу вас, ’ сказал он, - расскажите о моем брате в тех кругах, где вы лучше меня знаете, что это целесообразно. Что?! длительное заключение, конфискация его имущества, шестьсот крон, которые вытянул из него епископ, — разве этого недостаточно? О! если бы беднягу можно было выпустить на свободу! Все здесь, кто боится Господа, умоляют вас напрячься ради него”.^[507] Евангелисты Женевы были заинтересованы в судьбе братьев своего реформатора. В то же время Фарель написал также Де ла Форжу, поблагодарив его за своего брата и, зная об опасностях, которые грозили парижскому торговцу, добавил: "Если у нас есть Иисус, это небесное сокровище не может быть отнято у нас: давайте идти вперед, даже если весь мир восстанет против Него".

Рассказывая о наших реформаторах, мы, естественно, уделяем внимание их трудам, борьбе, писаниям и испытаниям; однако полезно иногда проникать во внутреннее святилище их сердец и их семейной жизни. Мы тронуты и радуемся, обнаружив там такое изобилие самых законных и нежных человеческих чувств. Они были не только христианами, но и мужчинами. Этот факт является доказательством искренности их благочестия; он подобен источнику чистой воды, бьющему на поле битвы, освежая и возрождая к жизни тех, кого могли утомить столь многочисленные сражения.

ГЛАВА VIII. СМЕЛЫЙ ПРОТЕСТАНТ В ЛИОНЕ. (1530-1534 гг.)

Фарел, который был так огорчен долгим заключением одного из членов своей семьи, и не подозревал, что друг, которого он любил как брата, вскоре окажется в темнице. Де ла Мезоннев, торговавший всевозможными товарами, но особенно шелковыми тканями, драгоценностями и мехами, в течение двадцати лет имел привычку посещать лионские ярмарки и бывал там три-четыре раза в год. В последнее время откровенность, с которой он отстаивал евангельские доктрины, оскорбила многих людей и таким образом проложила путь к катастрофе, которая

теперь казалась неизбежной. За ним ухаживали купцы, его уважали магистраты, но, с другой стороны, он был на плохом счету у священников, а священники были могущественны.

Реликварий.

Однажды, в 1530 году, когда он был в Нюрнберге по делам, богатый купец из этого города, убежденный протестант, не питавший любви к реликвиям, подарил ему ценный реликварий в уплату долга.^[508] Поскольку Лион был известен своей преданностью, Бодишон, который мало заботился об этом предмете и смотрел на него только как на товар, подумал, что за него можно получить хорошую цену в этом городе, и, случайно оказавшись там вскоре после этого, предложил маленькую коробочку менять. Было бы лучше, если бы он отказался от этого в Нюрнберге, но тогда на него только снизошла христианская мудрость. Меняла взял предмет и благоговейно осмотрел его. Наверху было изображение Святого Иакова из серебра, 'тщательно выкованное' и весившее около четырех марок. Под ним находился реликварий: серебряная шкатулка со стеклом, позволяющим видеть внутренность, и несколько маленьких пергаментных этикеток с именами святых, чьи мощи находились внутри. Лионский меняла с обожанием смотрел на драгоценные останки святого Христофора, святого Сириака и еще одного человека. Он снял шапку, поклонился мощам и благочестиво поцеловал их; и так как его жена и дети столпились вокруг него с благочестивым любопытством, он заставил каждого из них поцеловать священные останки. Повернувшись к Мезонневу, он сказал: 'Месье Бодишон, я удивлен, что вы принесли мне эту реликвию таким способом'. Мезоннев ответил: 'Весьма вероятно, что это кости какого-нибудь обычного тела, которое священники дают людям целовать, чтобы обмануть их'. При этих словах восемнадцатилетний подмастерье, очень фанатичный юноша, в негодовании вышел из лавки и сел на скамейку на улице. Обменщик заплатил Бодишону семьдесят турнских ливров за его товар, и гугенот удалился. Но когда он проходил мимо скамейки запасных, ученик, не в силах сдерживать свой гнев, оскорбил его. Мезоннев ограничился ответом, что, будь он в Женеве, 'он отдал бы ему реликвии даром'. Это дело начало вызывать подозрения у Бодишона.^[509]

В следующем году (1531), когда Мезоннев снова был в Лионе и обедал за обеденным столом в торговом центре Cour d'Or, он встретился с некоторыми купцами из соседних провинций, и особенно из Оверни, жители которой, честные и милосердные, но невежественные и мстительные, отличались в то время легковерной набожностью, столь же чрезмерной, сколь и суеверной. Женевец не стеснялся открыто заявлять перед ними о своих религиозных убеждениях, и фанатичные овернцы были очень удивлены, услышав, как он *"в своей манере говорит о Евангелии и вере во время всей трапезы"*. "Придержи язык, - сердито сказали они, - если бы ты был в нашей стране, тебя бы сожгли."^[510]

Кто такой Петрус?

Годом позже (в 1532 году), также в ярмарочное время, де ла Мезоннев, брокер Борне, которому он доверил ювелирное изделие для продажи, Гумберт де Ош и другие торговцы ужинали за столиком в "Золотом купе". Это был один из тех дней, когда Церковь запрещает есть мясо. Борне принес немного рыбы, и все они отведали ее, в том числе и Бодишон. Это удивило одного из гостей, который спросил его, едят ли в Женеве мясо в постные дни. 'Конечно, есть,' ответил он, - и если бы я был в месте, где это можно было бы достать, я бы не стал затрудняться по этому поводу, потому что Бог этого не запрещает'. — "Папа и Церковь запрещают это", - резко возразил Борне. Бодишон заявил, что он не признает власти папы запрещать то, что разрешает

Бог. “Бог сказал святому Петру, - возразил Борне, - “*Все, что ты свяжешь на земле, будет связано на небесах*” (Матфея xvi. 19). Папа теперь на месте святого Петра; следовательно’.... — ‘Папа и священники, ’ возразил Мезоннев, - настолько далеки от того, чтобы быть подобными святому Петру, что среди них много тех, кто ведет порочную жизнь и нуждается в наведении порядка и реформировании. Только Слово Божье приносит благодать грешнику.’ Затем он начал повторять “некоторые отрывки из Евангелий на французском языке”, выбирая те, которые возвещают об Иисусе Христе и о полном прощении, которое он дает. Он заявил, что каждый христианин, проповедующий Евангелие, может быть Божьим инструментом для освобождения душ от греха и осуждения; а затем, набравшись смелости, он воскликнул: “Я - *Петрус*; ты (поворачиваясь к Борне) - *Петрус*. Каждый человек - это Петр, при условии, что он тверд в вере в Иисуса Христа’. Все присутствующие были очень поражены его наблюдениями, и странный человек стал еще чернее в их глазах.^[511]

На праздник Богоявления в 1533 году брат Лионеля Рейно, священник ордена Святого Иоанна Иерусалимского, и мессир Жан Барбье из Вьенского кафедрального собора прибыли в Купе д'Ор в сопровождении клерка, сопровождавшего последнего. Они сели за стол всей компанией. Все говорили одновременно. Однако один из гостей — а он обычно был среди тех, кто говорил больше всех, — казался погруженным в свои мысли. Де ла Мезоннев (ибо это был он) устремил взгляд на венских священников и, помолчав несколько мгновений, сказал им: “Можете ли вы объяснить мне, почему несколько лет назад во Вьенне казнили некоего кордельера?” Он ссылаясь на Стивена Ренье, о котором мы уже говорили в другом месте.^[512] ‘Он был еретиком, ’ сказал Барбье, - и учил бесконечным ошибкам в Анноне и других местах’. Де ла Мезоннев смело взялся за его защиту. ‘Вы поступили неправильно, приговорив его к смерти, - сказал он. - Он был действительно хорошим человеком, хорошо образованным и, вероятно, принесшим великие плоды’. Борьба началась немедленно. Бодишон утверждал, что от нас требуется соблюдать не заповеди Церкви, а только заповеди Бога; в то время как священник изо всех сил пытался доказать, что Бодишон неправ. Женевец оживился и заговорил с большой смелостью. Этот новый вид турнира поглотил все внимание: гости перестали есть и пить, устремили взгляды на двух чемпионов и широко раскрыли уши. Венский купец, некий господин Симон де Монвербан, знакомый Бодишона, которого последний часто жестоко избивал, заметил ему: ‘Наконец-то ты нашел человека, который ответит тебе’. Но женевец так убедительно отвечал на доводы венца, и спор стал таким оживленным, что трое священников, внезапно встав из-за стола, поспешно вышли из комнаты и удалились в отдельную комнату. ‘Если бы этот человек был во Вьенне, - сказал Барбье, - я бы отправил его в тюрьму’. Тюрьма и последовавший за ней костер были более надежным оружием, чем дискуссия.^[513]

Враждебность к Бодишону.

Де ла Мезоннев, вернувшись в Лион на пасхальные и августовские ярмарки, встретил значительное количество торговцев в торговом центре Cour d'Or и немедленно взялся просвещать их, чувствуя, что речь дана именно для таких целей; но, поскольку он также опасался, что его разрозненных замечаний, если им не последовать, будет недостаточно, чтобы исправить опоздание некоторых людей, он решил использовать различные стимуляторы. Соответственно, он не жалел ни труда, ни усталости. Симон де Монвербан, который снова был там, был поражен его рвением и жаловался на это. ‘Всякий раз, когда торговцы садятся за стол, ’ сказал он, - всякий раз, когда он встречает их в общем зале, когда они входят или выходят, везде и всегда Бодишон заводит разговоры и споры о Евангелии’. Больше не ограничиваясь

вопросами о посте или образах, он перешел прямо к тому, что было существенно: он выдвинул Священное Писание как источник истины и провозгласил, что каждый грешник, даже самый великий, был спасен, объединившись верой с Иисусом Христом. Люди напрасно осуждали его. Напрасно два купца, одного по имени Аркон, а другого Хьюз, твердили всем подряд и самому Бодишону, что, если бы он был в их стране, его сожгли бы; последний, который не сомневался в них, продолжал свои доводы. Во время ярмарки Лион был свободным городом, и он воспользовался этим, чтобы распространить чистое Евангелие. Симон де Монвербан пожаловался шурина женевского гугенота, ярому паписту, который ответил: "Я бы хотел, чтобы Бодишон умер десять лет назад; он - причина всех бед в Женеве".^[514]

Де ла Мезоннев снова был в Лионе на праздниках Всех Святых (ноябрь 1533 г.) и Богоявления (1534 г.). Однажды вечером, когда многочисленная компания ужинала в гостинице, разговор зашел о религиозных обстоятельствах того времени. Послушав некоторое время, он воскликнул: "Это бессмыслица - молиться святым, слушать мессу и исповедоваться священникам!" - и продолжил цитировать *Евангелия и Апостолов*, чтобы доказать свои слова. 'В нашей стране,' снова утверждали те, кто его слышал, 'в Авиньоне, в Клермоне вас отправили бы на костер!' Это было бремя старой песни, и они были только удивлены, что его не сожгли в Лионе. Де ла Мезоннев, хорошо зная, что они хотели сжечь его из римского благочестия, ограничился улыбкой. Но его спокойствие вызвало гнев других гостей. Овернские купцы в порыве гнева встали из-за стола и, обращаясь к хозяйке, пожелали, чтобы она впредь не принимала Мезоннева. 'Если мы найдем его здесь, когда придем снова,' сказали они, - то пойдем и поселимся в другом месте'. Хозяйка пообещала овернцам не принимать его в будущем.^[515]

Приближалась Пасхальная ярмарка 1534 года, и поскольку она была самой масштабной в этом году, Мезоннев не хотел ее пропустить. Но обстоятельства стали более угрожающими и сделали путешествие опасным. Как мы видели, в замке Пеней на Лионской дороге и в других укрепленных местах были предатели, бежавшие из Женевы и уведшие с собой всех женевцев, до которых смогли дотянуться. Друзья Бодишона хотели, чтобы он отложил это путешествие. "Ярмарка бесплатна (*франш*) для всех", - ответил он. "Да! - сказал Фроман. - при папстве существует множество привилегий для воров, разбойников и убийц; но для евангелистов все свободы, привилегии и обещания князей нарушены".^[516] Мезоннев хорошо это знал, но он был не из тех, кого можно бояться. Узнав о его намерениях отправиться за границу, некие *предатели* (как Фроман называет фанатичных сторонников епископа и папы) поспешили уведомить своих лионских друзей о приближающемся прибытии Бодишона, заклиная их предать его смерти. - За ним следили и *рекомендовали* им попечение.^[517]

Де ла Мезоннев с письмами Фареля выехал из Женевы утром 25 апреля и прибыл в Лион 26 апреля, не подозревая, что враги поджидают его и готовят эшафот. С ним был оружейник Жанен, его адъютант по религиозным вопросам, который снабдил себя евангелическими книгами, напечатанными в Невшателе, чтобы распространять их в Лионе. Бодишон, как обычно, остановился в отеле *Соре d'Or* близ Сен-Пьер-ле-Ноннена и был радушно принят хозяйкой, несмотря на обещание, данное ею овернцам несколько месяцев назад. Жанен тоже остановился там и хранил свои евангелические книги в отведенной ему комнате.

На следующий день в гостинице поднялся большой переполох. Прибыли торговцы из Оверни, и одним из первых, кого они увидели, был знаменитый еретик!... Краска бросилась им в щеки, и они поссорились с хозяйкой за то, что она не сдержала своего обещания. То, что они не

удовлетворились одними словами, ясно из последующих событий. Фанатики Франции хотели разделить с фанатиками Женева честь предать смерти капитана лютеран.^[518]

Мезоннев немедленно начал ухаживать за Этьеном де ла Форжем, чтобы передать ему письма реформатора; но, придя в его дом на площади Эрбери, он, к своему великому разочарованию, узнал, что парижский торговец еще не прибыл.

Бодишон и Жанен арестованы.

Враги Реформации не теряли времени даром. 27 апреля, на следующий день после его прибытия, против Мезоннева были предъявлены обвинения, а на следующее утро, 28-го, судебные исполнители арестовали его и его друга Жанена 'по распоряжению суда сенешаля Лиона' и заключили его в королевскую тюрьму. Но это было не то, чего хотели священники. "Эти двое мужчин, - сказали они, - обвиняются в преступлениях против нашей святой веры, интересов короля, нашего повелителя, и общего блага, мы требуем, чтобы они были отправлены в тюрьму архиепископского престола и предстали перед церковными судьями".^[519] Двое заключенных были соответственно переведены в тюрьму архиепископа. Великий гугенот понял, что попал в ловушку, и приготовился встретить своих врагов.

В епископском дворце царило большое волнение. Этой Лионской церкви, которая была церковью примаса всей Галлии, из которой тридцать епископов были канонизированы, которая поставила так много кардиналов, легатов, государственных деятелей и послов, чей капитул, состоящий из семидесяти каноников, включал в их число сыновей императоров, королей и герцогов и почетными канониками которой были короли Франции, — этой церкви предстояла слава суда и казни мирянина, который был правой рукой Фареля, как Иероним Пражский был правой рукой Яна Гуса. Все его высокопоставленные лица — деканы, камергеры, старосты, ректоры, рыцари, теологи и школьники — все говорили об этом счастливом обстоятельстве. Духовенство столичной церкви Святого Иоанна Крестителя, в частности, принимало активное участие в этом деле, и стены этого огромного готического здания отзывались эхом на часто повторяемое имя капитана лютеран. 29 апреля члены *инквизиционного суда* собрались в зале правосудия епископальной тюрьмы и, облачившись в служебные мантии, заняли свои места на судебных скамьях. Это были Стивен Фэй, чиновник примаса, и Бенедикт Буатье, рядовой чиновник Лиона, — оба они были генеральными викариями примаса Франции. Третьим судьей был Джон Готере, инквизитор "еретической правды". Ами Поншон, государственный нотариус, должна была выполнять функции секретаря;^[520] и Клод Бельевр, королевский адвокат, должны были помогать им своим присутствием. Составив таким образом суд, они вызвали к себе Бодишона де ла Мезоннева, который назвал свое имя, возраст (сорок шесть лет) и состояние здоровья, и процесс начался.^[521]

ГЛАВА IX.

БОДИШОН ДЕ ЛА МЕЗОННЕВ ПЕРЕД ЛИОНСКИМ ИНКВИЗИЦИОННЫМ СУДОМ.

(С 29 апреля по 21 мая 1534 г.)

Экзамен.

Суд священников с самого начала хотел четко указать, что римское учение находится под вопросом: необходимо было заново провозгласить, что *in instanti* в тот самый момент, по слову священника, в трапезе больше не было ни хлеба, ни вина, но только тело и кровь Спасителя. 'Что вы думаете о таинстве алтаря?' - был первый вопрос, заданный судом Мезонневу. Он отверг римское заблуждение; но его протестантизм, как мы видели, пришел из Германии, и лютеране учили, что "в таинстве алтаря, в хлебе и вине были истинное тело, истинная кровь Христа";^[522] и поскольку, согласно лютеранской доктрине, присутствие было духовным, сверхъестественным и небесным,^[523] Мезоннев, исповедовавший эту веру и принявший причастие во Франкфурте в лютеранской церкви, ответил: "Я верю, что настоящее тело Христово находится в благословенном воинстве",^[524] но, зная аксиому юриспруденции, что ни один обвиняемый не обязан сам себя обвинять, он не стал бы более точно заявлять о своей вере.

Если эта доктрина заинтересовала суд, то связь обвиняемого с главарями того, что они называли *ересью*, также имела большое значение в их глазах, и врач, хорошо известный во Франции, вызвал у них сильное недовольство. "Вы знаете *Фарелла*?" - спросили они Мезонневу, который спокойно ответил: 'Он из Дофини; его привезли в Женеву милорды из Берна; и когда я слышу его, я верю в ту часть его проповедей, которая кажется мне правильной, и не более'. Эти два ответа могли бы натолкнуть некоторых на надежду, что они проявят милосердие к обвиняемому; но это не входило в намерения каноников Святого Иоанна. Суд объявил, что свидетели будут допрошены на следующий день. Все они должны были быть на стороне обвинения; они могли что-то выдумать, дополнить или преувеличить, и подсудимый не имел бы возможности привести каких-либо свидетелей для защиты.

Первым, кто дал показания, был молодой рабочий двадцати двух лет от роду, по имени Филипп Мартин, по профессии ткач. 'Я прожил три года в Женеве, ' сказал он, ' и за это время лютеранская секта чрезвычайно размножилась. Я был свидетелем многих вооруженных собраний и беспорядков, папистов против евангелистов, как днем, так и ночью. Среди наиболее видных представителей лютеранской партии был Бодишон, а после него Жан Филипп, Жан Голаз, Ами Перрен, которые обычно присутствовали на вооруженных собраниях, руководя всем и обеспечивая расходы. Около года назад канонику по имени Вернли проткнули тело; Бодишон был там, вооруженный и в кирасе.'^[525] Де ла Мезоннев спокойно прервал его: 'Свидетель говорит неправду. Когда каноник был ранен, я был в этом самом городе Лионе. Поэтому я обвиняю его в лжесвидетельстве и желаю, чтобы он был взят под стражу'. Мартин дал ложные показания; это могли подтвердить все, кто знал Мезонневу в Женеве и Лионе. Это было плохое начало.

Первого мая показания дал фанатичный юноша по имени Пьер, брат двух Пенне, осужденный за убийство гражданина и заговор против свобод города. 'Бодишон всецело поддерживает эту лютеранскую секту, - сказал он. - он их предводитель. Однажды в прошлом году он собрал всех лютеран и вооружил их для разграбления церквей, что закончилось смертью четырех сыновей и

ранением многих других".^[526] Это тоже было ложью: Вандель, гугенот, был ранен во время беспорядков, поднятых священниками; но погибших не было. 'Свидетель ненавидит меня,' сказал Мезоннев, 'потому что один из его братьев был казнен по решению суда'. — Бодишон, — продолжал Пенне в еще большем волнении, — вместо того чтобы бояться синдиков, заставляет их унижаться перед ним. — "Я готов потерять голову, — воскликнул Мезоннев, — если синдики заявят, что я когда-либо причинил им какое-либо неудовольствие".^[527] Суд поднялся.

Эмоции в Женеве.

Все это время Женева была сильно взволнована: известие об аресте Бодишона вызвало беспокойство среди его друзей. Мужчины говорили об этом 'в городе и на полях', короче говоря, повсюду. Когда друзья встретились друг с другом, они спросили: "Вы слышали, что Бодишон предстал перед архиепископским судом Лиона за то, что он лютеранин?" Набожный (если можно воспользоваться словами рукописи) "предал его сатане как главную причину ереси в Женеве";^[528] в то время как гугеноты, взволнованные и встревоженные опасностями, угрожавшими их другу, обдумывали, что следует предпринять. Они решили действовать немедленно и одновременно в Лионе, Берне и даже в Париже, если смогут. Томас, брат Бодишона, немедленно отправился в Лион и попросил аудиенции у монсеньора дю Пейра, королевского генерал-лейтенанта. 'По какой причине, — спросил он, — и по какой власти мой брат Бодишон де ла Мезоннев был отправлен в тюрьму?' — 'Я его не задерживаю,' ответил дю Пейра. 'обратитесь к главному викарию'. Томас, узнав, что его брат находится в руках священников и, следовательно, находится в еще большей опасности, решил приложить все усилия, чтобы спасти его.

Томас и женевцы были не единственными людьми, заинтересованными в этом деле. Заключение Бодишона в тюрьму было посягательством на права иностранных торговцев и ставило под угрозу проведение ярмарок в Лионе. Какой немецкий лютеранин приедет туда в будущем? Жители, особенно трактирщики, торговцы и купчихи, предвидели большие денежные потери, а князья коммерции чувствовали ущерб, нанесенный одному из них. В результате в городе поднялся большой переполох, и многие торговцы, "как жители города, так и иностранцы", решив пожаловаться на это, обратились в консульство (или городской совет), которому они "с большой скорбью" заявили^[529], что заключение Бодишона де ла Мезоннева в тюрьму было нарушением привилегий ярмарки; и что многие торговцы должны были получать от него определенные суммы, которые он не мог выплатить сейчас, потому что он не мог собрать деньги, которые ему задолжали другие торговцы. "Поэтому мы молим вас, — сказали они в заключение, — не допустить нарушения наших привилегий". — "Освободите моего брата, по своей воле, без всяких оговорок", — добавил Томас де ла Мезоннев. Четверо консулов поддержали это возражение.^[530] Муниципалитет постановил, что Жан де ла Бесси, генеральный прокурор Лиона, и один член совета должны потребовать освобождения Бодишона от инквизиционного суда. "Мой брат, — сказал Томас, — является гражданином Берна и Фрибурга, и в силу договоров между королем и лордами Лиги он не может быть взят в плен в этом королевстве".^[531] Священники были полны решимости не обращать внимания на просьбу магистратов: серьезный инцидент вывел их из состояния апатии.

Бернское вмешательство.

Только что прибыла депеша, адресованная монсеньору королевскому генерал-лейтенанту: она была от лордов Берна. Генерал-лейтенант хорошо знал ценность швейцарского вмешательства.

Разве четыреста из них в битве при Сесии, после смерти Баярда, не остановили своей стремительностью и самопожертвованием армию союзников? Поэтому монсеньор дю Пейра решил поддержать молитву бернцев и дал городскому секретарю необходимые инструкции. Сообщение произвело еще большее впечатление на Тома де ла Мезоннева. Теперь больше не могло быть задержек! Горя нетерпением увидеть своего брата на свободе, воображая, что он добьется большого успеха, ускорив дело, он не стал бы ждать ни дня, ни часа. Ему следовало бы сообразить, что поспешность увеличивает шансы на неудачу и что нетерпеливый человек ставит под угрозу как свой характер, так и свое дело; но он не мог видеть ничего, кроме страданий Бодишона и вреда, нанесенного женевской реформации его пленением. Он больше не владел собой: ему хотелось в этот самый миг вызволить своего брата из пасти льва. 'Немедленно освободите его,' сказал он, 'чтобы мы могли ответить лордам Берна с курьером, который готов вернуться'. Главный викарий коротко ответил: 'Мы, конечно, распорядимся об этом, как положено'.^[532] Эта холодная формула показалась Томасу дурным предзнаменованием, и с того часа его страхи усилились.

С другой стороны, Бодишон, осведомленный о происходящем, набрался смелости; и судьи, прекрасно понимая, что не годится осуждать на основании подозрительных улик человека, у которого были такие могущественные сторонники, решили хитро склонить Мезоннева к какому-нибудь еретическому заявлению.

5 мая сержанты снова привели своего заключенного. 'Каковы ваши мнения относительно веры?' - спросил суд. Де ла Мезоннев ответил: 'Я добрый христианин; если вы так не думаете, передайте меня моему начальству (магистратам Женевы), чтобы оно допросило меня'. Но вместо этого главный викарий попытался заставить его объяснить свои идеи по поводу пресуществления, будучи уверенным, что поймает его на ошибке. Подсудимый только ответил: 'Я не обязан вам отвечать'. Суд тщетно пытался заставить его заговорить: 'Я не буду давать никакого ответа', - повторил он. Они прочитали ему ответ Жанена о причастии, который (по-видимому) был очень шокирующим для ушей римлян, и спросили его, что он думает об этом; но Бодишон не попался в ловушку. "Я не судья, - сказал он, - и не мое дело решать, хорош ответ или плох".^[533] Затем, перейдя в наступление, он добавил: 'Если бы французы были заключены в тюрьму в Женеве по делам, аналогичным моему, вы были бы довольны?' — 'У вас там Фарелл и другие французы, - ответили судьи, - и вы не выдали их королю'. Власти Лиона пожаловались человеку, которого они держали в тюрьме, на то, что в Женеве людей оставили на свободе. Бодишон гордо возразил: "Наш город свободный", - и удалился.^[534] "Они напрасно расставляют свои ловушки", - сказал реформатор, говоря о напаках папства. "В руках Бога множество побед, чтобы восторжествовать над ними и их вождем".^[535]

Судьи были сильно смущены: они хотели не освободить Мезоннева, а (как ему часто говорили) сжечь его; и все же, поскольку для них было невозможно не ответить, по крайней мере, соблюдая некоторые формальности, таким высоким и могущественным господам, как господа Бернские, они придали своему ответу определенную торжественность. В среду, 6 мая, официальные лица, викарии-епископы, инквизиторы и другие церковные сановники заняли свои места перед главными дверями архиепископского дворца. Публично и под открытым небом они были готовы услышать требование швейцарцев, поддержанное генерал-лейтенантом короля. Городской клерк, делегированный лионскими советниками, изложил содержание писем из Берна, и в то же время Томас де ла Мезоннев представил двух крупных городских торговцев в качестве залога за своего брата.^[536] Дело женевского узника приобретало все

большее значение: суверенное государство, к которому у короля были все основания относиться вежливо, взялось за его защиту; судебный процесс становился международным делом. Суд знал, что Франциск I был восприимчив и что было опасно препятствовать ему, как он показал в деле Беды. Таким образом, после тщательного изучения, они постановили, что они "подробно проинформируют короля, *нашего государя*, чтобы он мог выразить свое благоволение, и до тех пор, пока не поступит его ответ, упомянутый Бодишон не должен быть освобожден; в то же время ему должно быть разрешено, в связи с его делом, разговаривать с теми, кто имеет с ним дело, в присутствии тюремщиков архиепископской тюрьмы, которым предписано обращаться с ним хорошо и осмотрительно, в соответствии с его положением".^[537]

Бодишон.

Были получены два очка: с Бодишоном должны были обращаться как с пленником Марка, и его дело должно было быть передано королю. Воспоминание *оэстрападах* в Париже было слишком свежим, чтобы евангелисты питали какие-то живые надежды: однако это был проблеск света. Сами судьи, чувствуя, что дело становится трудным и успех сомнителен, предприняли попытку добиться от Бодишона отречения, которое, кроме того, было бы более славным для Рима (как они думали), чем смертный приговор. Поэтому 21 мая суд, призвав на помощь двух искусных в полемике инквизиторов, Николаса Морини и Жана Рапинати, вызвал к себе Мезоннева, когда отец Морини попытался доказать ему на основании Священного Писания материальное присутствие Христа в Причастии. Бодишон понимал цитируемые отрывки иначе, чем врачи. Отказываясь останавливаться на материальной субстанции, плоти (как это делали они, а также жители Капернаума, которых обвиняет Евангелие), он придерживался слов нашего Спасителя: *Оживляет дух; плоть ни в чем не приносит пользы; слова, которые Я говорю вам, суть дух и жизнь*.^[538] — 'Я понимаю эти слова так же хорошо, как и вы, и даже лучше, но я не буду вступать ни в какую дискуссию. Я не обязан отвечать инквизиторам'.^[539] Суд, спровоцированный этими отказами, решил задать ему главный вопрос: 'Подчиняешься ли ты нашему святому отцу, папе Римскому?' К великому разочарованию генерального викария и инквизиторов, он просто ответил: "Я не обязан отвечать". - "Мы ваши судьи в этом вопросе", — воскликнули они с раздражением. - "Мы приказываем и призываем вас к ответу".^[540] Но он этого не сделал; и тогда, оправившись от волнения, они попытались заставить его расправиться коварным вопросом.

Александр, который с такой энергией проповедовал Евангелие в Лионе, только что был брошен в тюрьму. Если бы Де ла Мезоннев признал в нем своего друга, они могли бы легко отнести их друг к другу. Поэтому судьи коварно спросили его: "Не ел ли Жак де ла Круа, он же Александр, в прежние времена у себя дома?" — "Если он ел и пил у меня дома, - ответил Бодишон, - надеюсь, это пошло ему на пользу". И это было все. Заманить пленника в ловушку было невозможно: его здравый смысл срывал все козни его противников.

Так судьи преследовали невинного человека. В то время люди становились между Богом и душой человека. Это было не только посягательством на свободу человека, это было государственной изменой Небу. Такое серьезное рассмотрение придает трагический интерес этому судебному процессу и побуждает нас добросовестно воспроизвести все его болезненные фазы. Судью не интересуют отношения души с ее Создателем. "Власть человека заканчивается там, где начинается власть Бога".^[541] Бог не отдает свою славу другому. Тот, кто желает

осуществлять власть над совестью, безумец; более того, он атеист. Он осмеливается сместить Бога с его трона и сесть на его место.

ГЛАВА X. ДВА БОГОСЛУЖЕНИЯ В ЖЕНЕВЕ. (Май-июль 1534 г.)

Мораль в Реформации.

В то время как они преследовали Мезоннева на берегах Роны и Соны, борьба между католицизмом и реформой активизировалась на берегах озера Леман: евангелисту в Лионе угрожала смерть, но римско-католицизм был на грани исчезновения в Женеве. Она рушилась под собственной тяжестью: религиозные ордена, и особенно францисканцы, которые были основаны для ее поддержки, теперь сотрясали ее основы. Печально известные злоупотребления и скандальные беспорядки с каждым днем делали протест против монашества и папства все более необходимым. В тот самый момент, когда в Лионе начинался судебный процесс (3 мая), достопочтенная дама Женевы мадам Жакмет Матонье, проходя мимо францисканского монастыря, заметила женщину, известную своим беспорядочным образом жизни, которая украдкой проникла в здание. 'Для тебя было бы лучше,' сказала она, 'остаться со своим мужем'. При этих словах два монаха, стоявшие у двери, яростно набросились на мадам Матонье и избивали ее до крови. Этот инцидент, о котором вскоре стало известно, взбудоражил весь город. Синдикаты отправились в монастырь, заперли двух монахов в тюрьме и забрали ключ. "Мужчины, живущие в монастырях, - говорили люди, - не должны быть запятнаны таким развратом; и все же трудно найти хотя бы один монастырь из десяти, который не был бы притоном распутства, а скорее домом целомудрия".

Грех породил смерть. Римское духовенство погубило себя отвратительными манерами большого числа своих членов. Но начинались лучшие времена; нравственность поднималась вместе с верой из могилы, в которой они были похоронены так долго, и распространяла по христианскому миру могучие зародыши новой жизни. Печальное зрелище представляла собой Церковь в начале шестнадцатого века! Там были великолепные соборы, богатые понтифики, пышные обряды, восхитительные картины и гармоничные песнопения; но посреди всего этого великолепия зияла огромная пустота: не хватало веры и жизни. Религия в то время была подобна тем зимним деревьям, чьи покрытые инеем ветви с определенной яркостью сверкают под лучами солнца, но все они замерзли. Начинался новый сезон, который, возвращая сок в их бесплодные ветви, покроет их густой листвой и заставит плодоносить. Мы не говорим, как сказал один выдающийся христианин, что реакция морали на формализм является великим фактом Реформации, ее славой и соответствующим названием. Такое утверждение упускает один существенный элемент. Великое название Реформации состоит в том, чтобы восстановить в христианском мире религию во всей ее полноте, истину вместе с жизнью, доктрину вместе с моралью. Если бы не хватало одного, другого было бы недостаточно, и Реформации никогда бы не было.

В то время как римско-католицизм падал все ниже из-за беспорядков монахов, евангельское христианство поднималось благодаря рвению реформаторов. Фарел, Вирет и Фромант проповедовали каждый день, публично или в частных домах, 'во имя великого распространения Слова Божьего, которое значительно возросло'. Реформация больше не была простым учением; она проникла в нравы и богослужение и породила жизнь. В воскресенье после Пасхи Фарел дал свое благословение на первый евангелический брак.

Савойская процессия.

Когда искренние католики и даже те, кто таковыми не были, увидели эти странные контрасты, они вообразили, что настал последний час папства в Женеве. Необходимо было предпринять последнее усилие, но, к сожалению, применяемые средства были не намного лучше самой болезни. Однажды по всему городу мгновенно разнеслась весть о том, что Пресвятая Дева, облаченная в белые одежды, явилась викарию в церкви Святого Леже и приказала провести грандиозную процессию по всем окрестностям. Она добавила, что если бы это было сделано, "все лютеране разорвались бы в клочья: но если приказ не будет выполнен, город будет поглощен".^[542] Гугеноты улыбнулись, навели справки и в конце подлинного расследования обнаружили, что прекрасная леди была горничной викария. Но многие католики в Женеве и почти все в Савойе были убеждены в реальности явления. Духовенство собрало свои силы. 'От вас зависит,' говорили они во многих местах, 'предать смерти всех еретиков в Женеве'. Преданные из соседних приходов включились в это благочестивое дело, и 15 мая длинная процессия мужчин, женщин и детей прибыла в город. Было слышно, как они громко расппевают на савойском языке —

Mare de Dy, pryu pou nous!

(Матерь Божья, помолись за нас!)

Совет, опасаясь беспорядков, не позволил им войти, и им пришлось довольствоваться посещением церкви Пресвятой Богородицы, расположенной недалеко от моста Арве. Поскольку бедняки ничего не ели в дороге и были измучены, синдики прислали им хлеба; и, подкрепившись, собравшиеся отправились по домам. Многие женевцы, желая увидеть их поближе, вышли из города и собрались в дорогу, и когда савояры проходили перед ними, расппевая *Mare de Dy, pryu pou nous!* подтрунивающие гугеноты отвечали на ту же мелодию: *Frare Farel, pregy toujours!* Брат Фарел, проповедуй вечно!^[543]

На этом все не закончилось: история о явлении Пресвятой Девы и ее заповеди достигла столицы Шабле, высот Колоньи, и вскоре их увенчала многочисленная и компактная процессия, по виду более грозная, чем первая: это были жители Тонона и прилегающих мест, которые твердым шагом спускались с холма со знаменами, крестами и реликвиями. Отважные паломники смело миновали городские ворота, гугенотов, которые слушали Фареля, не было рядом, чтобы помешать им, и, дойдя до Бург-де-Фор, остановились перед церковью Святой Клер. Тревога распространилась немедленно: несколько горожан, войдя в аудиторию, где проповедовал Фарел, объявили о вторжении римлян. Реформатор не стал утруждать себя; но некоторые из его слушателей, пламенный Перрен, энергичный Гулаз и другие, вышли и, атаковав главу процессии, острием меча отогнали савояров, вошедших в Женеву, как будто это была деревня Шабле. Пораженные паломники в ужасе бросали свои знамена и бежали из города. Фромант предполагает, что, поскольку внутренний враг не успел объединиться с

внешним, заговор провалился; но мы скорее полагаем, что эти набожные паломники рассчитывали только на свои литании в своей войне против лютеран. Эти процессии, эти знамена Пресвятой Девы, эти ничтожные реликвии внушали реформатам еще более глубокое отвращение к римско-католицизму: даже пышность собора Святого Пьера трогала их немногим больше, чем фетишизм савояров. Они начинали понимать, что публичное богослужение не должно быть зрелищем и что обременять Церковь множеством обрядов - значит лишать ее присутствия Христа.

Изображения уничтожены.

Смелость, проявленная этими католическими бандами, придала смелости некоторым гугенотам. Если савоярды приехали укреплять свою веру в Женеве, должны ли они колебаться, демонстрируя свою? Некоторые горячие сторонники Реформы позволили увлечь себя совершением предосудительных действий. Всякий раз, когда они приходили во францисканский монастырь, первым предметом, бросавшимся им в глаза, было изображение святого Антония Падуанского, чудотворца тринадцатого века, по бокам от которого стояли еще восемь святых. Эти благочестивые фигуры, выставленные над монастырскими воротами, раздражали гугенотов. Бесполезно было говорить им, что картинки - это *книги невежд*: реформаторы ответили, что если католические прелаты оставят обязанность учить людей *идолам*, они предпочтут оставаться дома в своих креслах. 'Если бы вы не забрали Библию из Церкви, - сказали гугеноты, - вам не было бы необходимости вешать свои картины'. Соответственно, однажды субботним вечером между одиннадцатью и двенадцатью часами девять мужчин с лестницей подошли к монастырю, бесшумно приставили ее к крыльцу, а затем молотками и стамесками начали уничтожать изображения. Они отрубили святому голову и конечности, оставив только туловище; то же самое они сделали с остальными и бросили обломки в колодец Сен-Клера. Ночь прошла без каких-либо волнений, но утром в городе поднялся большой шум. 'Какое жалкое зрелище!' - говорили набожные люди, собравшиеся перед папертью святого Франциска. Иконоборцы, которые были обнаружены через некоторое время, были наказаны, но изображения не были восстановлены.

"Увы! — воскликнули фрибургцы. - Женева вот-вот разрушит алтари римской веры!" - "Это так, - ответили бернцы, - потому что на этих самых алтарях епископ пожелал сжечь почтенные хартии ее народа и окропил их кровью своих самых прославленных граждан".^[544]... Чувственное богослужение больше не нравилось женевам. Эти искусно выполненные картины, эти изваянные ангелы, эти ослепительные украшения, это очарование церемоний и зданий, эти шахты и фронтоны, эти невразумительные песнопения, эти опьяняющие ароматы, эти механические действия священников с их золотом и кружевами — все это вызывало у них крайнее отвращение. Поскольку Бог есть дух, говорили они, те, кто поклоняется ему, должны поклоняться ему в духе, с внутренней верой сердца, с чистотой совести и предлагая себя Богу для исполнения его воли.

Настал час, когда это духовное богослужение должно было по-настоящему совершаться в Женеве: наступил праздник Пятидесятницы. В тот день в Большом Аудиториуме собралась большая толпа. Туда приходили не только такие, как Вандель, Шот, Розет, Лева со своими женами и друзьями, но и к старым слушателям добавились новые. Фарел проповедовал с жаром. Он имел обыкновение говорить, что "Бог посылает дождь на один город, когда ему заблагорассудится, в то время как в другом городе нет ни единой капли"; и поэтому он призвал

"все сердца, жаждущие проповеди Евангелия"^[545] молиться, чтобы им был дан Дух. У нас нет его Троицной проповеди, он проповедовал экспромтом; но мы знаем, что он закончил ее, воздав славу *Отцу, Сыну и Святому Духу, единственному истинному Богу*, и что его речь принесла хорошие плоды. Несколько обстоятельств подготовили его аудиторию. Заговор епископа и герцога, расстроенный Богом, выдвижение кандидатуры синдигов-гугенотов, разрыв с Фрибургом, тюремное заключение Мезоннева — все эти события взволновали их сердца, раскололи их, как лемех плуга раскалывает землю, и открыли их для семени с небес. То, что теперь сияло перед глазами тех, кто заполнял Огромную Аудиторию, "было не жалким пламенем человеческих свечей, но Христом, великим солнцем праведности, словно в полдень".^[546] Пока священники скандировали слова, которые звучали только в воздухе, голос реформатора проник в самую глубину человеческих сердец. Вскоре доказательства были видны.

ОБРАЩЕНИЕ Бернарда.

Когда проповедь закончилась, Фарел приготовился публично совершить Вечерю Господню, согласно евангельской форме, и, стоя со своими братьями Виретом и Фроментом перед столом, он возблагодарил, взял хлеб, разломил его и сказал: "*Возьми, ешь*"; а затем, подняв чашу, добавил: "*Это кровь Нового Завета, которая проливается во оставление грехов*". Верующие начали приближаться к причастию Господню,^[547] когда неожиданное обстоятельство привлекло их внимание. Священник благородного телосложения, одетый в священнические одежды, покинул место, где он сидел среди прихожан, и подошел к столу. Это был Луи Бернар, один из двенадцати *абилитес* кафедрального собора, владелец богатого благотворительного фонда и его брат, которого тронула первая проповедь Фарела. Собирался ли он отслужить мессу? хотел ли он поспорить с Фарелом? или он был обращен? Всем не терпелось увидеть, что произойдет. Священник подошел к столу, а затем, ко всеобщему удивлению, снял с себя священническое облачение, отбросил коуп, альбу и краду и громко сказал: 'Я сбрасываю старика и объявляю себя узником Евангелия Господня'.^[548] Затем, повернувшись к реформаторам и их друзьям, он сказал: 'Братья, я буду жить и умру с вами ради Иисуса Христа'. Все вообразили, что увидели чудо;^[549] их сердца были тронуты. Фарель принял Бернарда как брата; он преломил с ним хлеб, протянул ему чашу, и, отведав по одному кусочку, два противника таким образом дали понять, что в будущем будут любить друг друга 'искренней и чистой привязанностью'. Священник был не единственным человеком, который сбросил грязные одежды своей древней жизни и облачился в белое одеяние Господа. Многие женевцы с того дня начали думать и жить не так, как их отцы; но Луи Бернар был ярким примером такого преобразования, и толпа, выходя из церкви, не могла оторвать от него глаз. Они видели, как он возвращался, полный мира и радости, в дом своего отца, одетый в испанскую накидку вместо обычного капюшона священника. Все евангелисты — "мужчины, женщины и дети — с великой радостью пошли приветствовать его и выразить свое почтение".^[550]

Другое обстоятельство, столь же экстраординарное, еще больше увеличивало красоту этого праздника. Во время празднования той первой евангельской Пятидесятницы рыцарь Родоса прибыл в Женеву в поисках свободы веры. Рыцарь Родоса был странным гостем в этом городе. Было смутно известно, что эти воинственные монахи, учрежденные для защиты паломников в Святой Земле, были изгнаны Солиманом из Иерусалима и в конце концов обосновались на Мальте. Но зачем этому монаху приезжать в Женеву? Бывший рыцарь, которого звали Пьер Годе, рассказал, как, родившись в Сен-Клу, недалеко от Парижа, он услышал Евангелие и что, избрав для своей славы крест Сына Божьего, он презирал мир. Скандал, который он таким

образом устроил, вынудил его бежать. У него был дядя, живший примерно в лиге от Женевы, командир Компесьера, и он нашел убежище у него; но, чувствуя потребность в христианском общении, он пришел к своим братьям, чтобы насладиться им. Гугеноты приняли его как друга. Город, который видел в Бертелье и Леврие мучеников свободы, должен был иметь в Годе первого мученика Евангелия.^[551]

Старые и новые нравы.

В то время как Слово Божье формировало новые нравы, контраст со старыми нравами проявлялся все смелее. Представители низших сословий — мужчины и женщины, юноши и девушки - танцевали, согласно обычаю, на городской площади вечером в день Троицы. *Tabarins* играли свою музыку на улицах, а merry-andrews заставляли людей смеяться. Женщины Сен-Жерве, переодетые и с охапками коробок в руках, подавали пример жителям других кварталов. Молодые люди присоединились к ним, и радостные войска длинными шеренгами прошли по улицам, распевая песни, прыгая и иногда нападая на прохожих. Джордж Маршан, без сомнения, гугенот, у которого были очень ловкие руки, будучи схваченным женщиной, которая хотела заставить его танцевать с ней, дал ей пощечину. Поднялись ярые беспорядки, и, следовательно, Совет запретил эти танцевальные прогулки и приказал, чтобы каждый довольствовался 'танцами перед своим собственным домом', и этого, несомненно, было достаточно. С тех пор подобные праздные шествия не повторялись. В то время как простые католики предавались распутным забавам, не понимая, что они танцуют вокруг открытой могилы римско-католицизма, евангелисты возрастали в рвении и вере распространять учение Слова Божьего; и более мягкая и христианская жизнь вот-вот должна была зародиться в этом маленьком, но важном городе. Троицкая процессия 1534 года с ее грубыми шутками была в Женеве похоронной процессией папства.^[552]

Действительно, миряне тогда учились лучшим вещам, чем тем, которым их учили монахи. Трудились не только служители церкви; простые верующие практиковали служение милосердия. Если в каком-нибудь доме оказывался человек 'очень непокорный', выступающий против учения Священного Писания, его друзья, соседи и родственники, вкушившие его совершенства, шли к нему и, не оскорбляя его, не отплачивая ему злом за зло, 'увещевали его с большой кротостью'. Евангелисты приглашали некоторых своих друзей, даже незнакомых людей и врагов, к себе домой поесть и выпить, чтобы поговорить с ними более фамильярно. Все их занятия были направлены на то, "чтобы привлечь кого-нибудь к Слову".^[553]

В соседних странах, в Савойе, Жексе, Во и Шабле, враги Женевы не только прибегали к угрозам, но и готовились к нападению на нее. В городе было много разговоров о нападениях, которые должны были быть предприняты *врагами*, пришельцами; и, соответственно, всегда находилось некоторое количество горожан, вооруженных до зубов. Фарел, Вирет и Фромант часто присоединялись к этим солдатам республики во время их ночных дежурств и, сидя у городских ворот или на крепостном валу, при свете бивуачных костров или факелов, они беседовали об истине, задавая вопросы и отвечая друг другу. 'Каждый человек фамильярно и свободно возражал и отвечал на то, что говорил проповедник'; и иногда, прежде чем покинуть свои посты, граждане в глубине души решались на религиозные вопросы, в отношении которых они до сих пор сомневались. Недаром здесь записаны эти "разговоры на бивуаке". Позднее один из женевских евангелистов, вспомнив ночные собрания, которые он проводил на военных постах,

воскликнул: 'На этих собраниях и вахтах Евангелию было привлечено больше людей, чем публичной проповедью'.^[554]

ГЛАВА XI. ДЕРЗОСТЬ ДВУХ ГУГЕНОТОВ В ТЮРЬМЕ И ПЕРЕД ЛИОНСКИМ СУДОМ. (Май -июнь 1534 г.)

Беседа в саду.

Посреди этих опасностей и борьбы гугеноты не могли утешиться заключением Мезоннева. До тех пор, пока бесстрашному капитану лютеран угрожало суровое наказание, триумф евангелистов не мог быть полным. В целом они опасались фатального исхода, поскольку Бодишон и Жанен, отнюдь не уступая в чем-либо своим противникам, смело распространяли знание Евангелия в своей тюрьме. Жанен чувствовал себя так же непринужденно, как если бы находился на улицах Женевы: за столом тюремщика, в залах и галереях и в других местах оружейник спорил о вере. Однажды, встретив Жака Дево, священника епархии Ле-Мана, Жанен отчитал его и попытался обратить в Евангелие. Он рассказал ему об апостолах и святых и показал ему, что они всегда проповедовали доктрины, противоположные доктринам Рима. Он сделал больше. К тюрьме был пристроен сад, и заключенным разрешалось гулять в нем в определенные часы. Однажды, незадолго до праздника Рогаций, Жанен зашел туда, взяв с собой французское Завещание, и начал его читать. Закончив, он не случайно оставил книгу на низкой стене и ушел. Священник по имени Делей (в архиепископской тюрьме недостатка в священнослужителях не было), проходя мимо, заметил книгу, взял ее и, открыв, прочитал: *Новый Завет*. Завещание на французском! Делей начал изучать его: вокруг него собралось несколько заключенных, священников и других лиц; он перелистал страницы в поисках Первого Послания святого Иоанна, "потому что в тот день Церковь упомянула о нем", но не смог его найти.^[555]

С того места в саду, куда он удалился, Жанен увидел Делея, который что-то искал. Подойдя к нему, женевец спросил, чего он хочет. Услышав это, он взял книгу, сразу же нашел послание (жениевские миряне знали свою Библию лучше, чем священники) и начал читать вслух первую главу, останавливаясь на словах: *Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха*. Он остановился и, обращаясь к заключенным, объяснил эти слова и обратил их внимание на две доктрины, которые, по его словам, никогда нельзя привести в соответствие: доктрину Библии, согласно которой мы очищаемся *кровью Христа*; и доктрину Рима, согласно которой мы очищаемся достойными делами. 'Вы неправильно объясняете этот отрывок', - воскликнули некоторые из его слушателей. 'Мы должны следовать не букве, а моральному смыслу'. Мы стали свидетелями возрождения этого аргумента в более поздние времена. "Вы не можете понять это послание, 'сказал священник, - поскольку вынуждены читать его по-французски'. — 'Конечно, я должен прочитать его на моем родном языке, - ответил Жанен, - потому что я не понимаю латыни. Бог повелел своим апостолам проповедовать Евангелие всем созданиям и, следовательно, на всех языках". — "Это верно", - ответили священники. - "*Проповедуйте Евангелие во всем творении*"; но также верно и то, что все добрые христиане приближаются к

нашей матери, Святой Церкви, чтобы услышать объяснение Священного Писания устами священников и докторов наук, которые в этом мире занимают место апостолов". Жанен, который, хотя и почитал особое служение Слова, твердо верил во всеобщее священство, которому учил святой Петр,^[556] смело воскликнул: 'Я такой же священник, как и любой человек, и могу дать отпущение грехов. Бог создал всех нас священниками. Я могу произносить священные слова, как и другие священники.' И, если верить его обвинителям, он добавил: 'Вы можете даже произносить их дома, на кухне'. Затем он начал повторять вслух: *Мое личное дело.*^[557] Жанен был одним из тех отважных людей, которые воображают, что чем больше они пугают своих слушателей, тем больше пользы приносят. И все же у министров, Фарела и Вирета, не было более теплого друга.

Слушавшие его заключенные, возможно, желая продлить забавляющую их дискуссию, снова завели гугенотскую. 'Дева Мария,' начал один. Жанен, перебивая его, сказал: 'Дева Мария была самой благородной женщиной, которая когда-либо существовала в мире, поскольку она носила в своей груди Того, Кто омыл нас от наших грехов. Но мы не должны молиться ни ей, ни святым в раю'. — "И молитвам за умерших", — предложил другой. - "В них нет необходимости, - сказал оружейник, - потому что, как только мы умираем, мы спасены или осуждены на вечные муки, и чистилища нет".^[558]

Фестиваль Рогейтинга.

В понедельник, 11 мая, фестиваль Рогаций устроил заключенным зрелище, рассчитанное на то, чтобы нарушить однообразие их жизни. Они направились в сад, и вскоре шумная толпа указала на грандиозную процессию, которая возвращалась к церкви Святого Иоанна, примыкающей к архиепископской тюрьме, откуда она стартовала. Первыми шли священники с крестами и хоругвями, читая молитвы или распевая гимны; за ними шли люди. Де ла Мезоннев и Жанен сказали, что такая церемония была злоупотреблением и что было бы гораздо лучше раздать бедным деньги, которые стоили эти прекрасные знамена. Когда процессия наконец вернулась в церковь Святого Иоанна, пение, крики и шум стали невыносимыми даже в саду. Бодишон, по свидетельству одного из его обвинителей, удалился, сказав: "Эти люди, должно быть, дураки и безумцы, или они воображают, что Бог глух?"^[559]

На следующий день праздник продолжился, и как раз в тот момент, когда заключенные собирались ужинать, послышалось пение. Это была новая процессия. 'Откуда они берутся?' - спросил Мезоннев. Жена тюремщика ответила: 'Из церкви Сен-Клер'. - И что они там делали?' спросил Бодишон. 'Они искали Сен-Клера? Они также не найдут ни его, ни Бога, потому что они в Раю; и это большая бессмыслица - искать их где-то еще'.^[560]

28 мая были зачитаны показания заключенных относительно языка, использовавшегося в дни судебного разбирательства. "Я скорее дал бы себя разорвать на куски, - сказал де ла Мезоннев, - чем произнес бы слова, содержащиеся в этих показаниях".^[561] Суд вызвал священника Делея к себе, последний заявил, что он придерживается основных положений, *за исключением слов,* приписываемых Бодишону. 'Он только сказал,' продолжал Делей, - что было бы лучше раздать бедным деньги, заплаченные за транспаранты. Других слов я от него не слышал".^[562]

Жанен, который до сих пор был самым пылким из двух заключенных, теперь начал впадать в уныние, как это обычно бывает с такими темпераментами. Он считал свой смертный приговор неизбежным и был совершенно незащищен при мысли, что никогда больше не увидит Женеву.

На троицу надзиратель пришел за ним из темницы, чтобы отслужить мессу, о которой просили другие заключенные, Жанен не только не отказался, но и не выказал ни малейших признаков сопротивления во время службы, но и вел себя прилично, "чего он раньше не привык делать", - сказал один из присутствовавших. Он вышел из часовни подавленный и молчаливый. Как раз в тот момент, когда он собирался вернуться в свою узкую камеру, подошел Де ла Мезоннев: он знал о состоянии души своего друга и хотел подбодрить его. Прислонившись к двери, он сказал Жанену, который уже был внутри: 'Не волнуйся; будь тверд и ничего не отвечай. Я предпочел бы, чтобы это обошлось мне в пятьсот крон, чем чтобы вам или мне причинили какой-либо вред. Милорды Берна не допустят, чтобы они причинили нам какой-либо вред.'^[563]

Мнение Бодишона.

Тревога Жанена, однако, не была беспочвенной: количество ложных свидетельств множилось. Луи Жоффрийе обвинил Де ла Мезоннева в том, что тот сказал ему у дверей лавки его хозяина: 'Фу! если бы вы были в Женеве, я бы отдал вам лошадиную кучу реликвий за дюжину *aiguillettes*.... Там продают реликвии в мясных лавках.'^[564] Услышав приписываемые ему неприличные слова, Бодишон воскликнул: 'Этот свидетель - мелкий разбойник, молодой вор; он солгал. Я требую, чтобы его задержали, и (добавил он в сильном гневе) Я прикажу его повесить!' Более того, Жоффрийе заявил, что не помнит, чтобы Де ла Мезоннев употреблял подобные слова.'^[565]

Все эти показания, мужество Де ла Мезоннева и интерес, проявляемый к нему в высших кругах, с каждым днем вызывали все большее волнение во втором городе Франции. - В Лионе было много шума из-за этих двух женевских лютеран.'^[566] Некоторые с готовностью встали на их сторону; другие, ненавидевшие их, надеялись увидеть, как их сожгут. Но поскольку у двух протестантов были могущественные покровители, духовенство не осмелилось пойти на крайние меры без достаточных доказательств. Каноники Святого Иоанна послали месье де Симье, дворянина из Дофини, который был родственником одного из них, в Женеву, чтобы попытаться выдвинуть против Бодишона какое-нибудь серьезное обвинение. Де Симье остановился в отеле "Де ла Гру" в Коррерии и немедленно вступил в разговор с хозяином, который пообещал познакомить его с некоторыми достойными людьми, от которых он получит точную информацию об этом несчастном Бодишоне.'^[567]

Тем временем джентльмен развлекался тем, что расхаживал взад-вперед перед своим жильем. Вскоре он увидел приближающихся пятнадцать человек, "самых респектабельных в городе", которые поприветствовали его и сказали: 'Мы слышали, что вы приехали из Лиона; правда ли, что Бодишона вот-вот освободят?' Де Симье спросил джентльменов, что они думают о заключенном. 'Если его выпустят, - сказал один из них, ' мы и все католики в Женеве будем полностью разорены и потеряны. Его сообщники, городские лютеране, подготовили свой план, и единственное, чего они ждут, прежде чем привести его в исполнение, - это освобождения Бодишона. " "Да, да, - сказали все пятнадцать, - мы уверены в этом".'^[568]

Де Симье попросил их указать какой-нибудь оверт. 'В день Тела Христова, - сказал один из них, - когда процессия проходила мимо дома Бодишона, его жена стояла у окна со своей служанкой, и обе пряли прялки. Когда мадам де ла Мезоннев увидела марширующих перед ней священников, одетых во все белое, она воскликнула: "Смотрите, какие прекрасные козы!" ... как будто стая этих животных проходила по двое перед ней.'^[569] Поскольку этого замечания жены было недостаточно, чтобы обжечь мужа, Де Симье попросил еще кое-что. "Общеизвестно, -

сказали они ему, - что Бодишон - человек, наиболее вовлеченный в склонение города Женевы к лютеранской ереси; что именно он вызвал сюда проповедников; и что, если его освободят, все перейдут в его веру".^[570]

Пока этот разговор происходил на узкой улочке, неподалеку проходило официальное собеседование гораздо большей важности. Два посла от короля Франции только что прибыли в Женеву, и синдики, которые их обслуживали, заявили, что им кажется очень странным, что господа из Лиона осмеливаются давать им закон. Послы пообещали поговорить с королем на эту тему.^[571]

Бодишон заперт.

Тем временем в Лайонсе дела обстояли еще хуже. В четверг, 18 июня, Флоримон Пеку, торговец, приправил свои показания несколькими пикантными выражениями, которые он ложно приписал Бодишону. 'Однажды, рассказывая ему, что я только что вернулся с мессы, - сказал Пеку, ' Бодишон сделал замечание: "И что ты там увидел? ... ломтик репы, ... ничего больше"'.^[572] При этих словах подсудимый возмущенно поднялся и сказал судьям: 'Я не буду давать никакого ответа, я и так уже сделал слишком много', - и направился к выходу из зала. "Мы приказываем вам остаться", - сказали судьи, но Де ла Мезоннев не останавливался. 'Положительно, ' сказали судьи, глядя друг на друга, ' он убегает от нас'. Тюремщику, которого послали за ним, чтобы он вернулся, он надменно ответил: 'Я сейчас не расположен; пусть они подождут до обеда'. Бодишон снова появился во второй половине дня, но его гнев еще не остыл. 'Я знаю этого Пеку, - сказал он, - он обманывал торговцев, он был банкротом, и они с женой жили за счет разврата других. Я гарантирую доказать то, что говорю.

На следующий день произошла не менее оживленная сцена. Мезоннев возразил свидетелю: 'Я приказываю вам сесть на скамью подсудимых', - сказал президент. 'Я не сяду на скамью подсудимых, - ответил гражданин Женевы. - Я просидел там слишком долго". Для судей это было уже слишком. Фискальный прокурор приказал увести Бодишона и поместить его в одиночную камеру: никто не должен был с ним разговаривать. Соответственно, заключенного увели и заперли.^[573]

Суд немедленно увеличил количество свидетелей обвинения: называть их имена бесполезно. Де ла Мезоннев, возмущенный больше, чем когда-либо, счел достаточным сказать: "Эти лжесвидетели, которых обучили добиваться моей смерти".^[574]

Таково действительно было намерение Суда, и, учитывая власть церковных трибуналов, казалось невозможным, чтобы они не достигли своей цели. Де ла Мезоннев не был готов умирать. Его знание Евангелия избавило смерть от ее ужасов в его глазах, но дело его жизни на этом не закончилось: женевская реформация не была завершена, предстояло еще много тяжелых сражений за свободу. В Женеве требовался решительный человек — человек, который с энергией направил бы барк к счастливым берегам, которых он должен был достичь. Этим человеком был Де ла Мезоннев.

1 июля, видя рвение своих противников, он обратился в суд с ходатайством о предоставлении ему адвоката. Судьи не соглашались: обвинение и так было достаточно сложным. 'Дело этого не требует, - сказал фискал-прокурор, - обвиняемый должен отвечать своими устами. Упомянутый Бодишон не невежественный человек; он благоразумен и *проницателен* в своем деле'.^[575]

Де ла Мезоннев действительно мог говорить свободно в чистоте своего сердца, но формальная защита встревожила его. Однако, предвидя несправедливый отказ своих судей, он решил протестовать против этого. Предъявив какие-то бумаги, он сказал, указывая на них: 'Этот документ написан моей собственной рукой; я желаю, чтобы он был приобщен к протоколу судебного заседания, и предлагаю прочитать его слово в слово'. Ему было разрешено это сделать; после чего Бодишон, стоя перед своими судьями с бумагой в руке, напомнил им о факте своего несправедливого заключения, которое длилось уже три месяца; утверждал, что его судьи не имели полномочий привлекать к ответственности за что-либо, что он совершил за пределами королевства, и добавил: 'Я призываю вас совершить для меня скорейшее правосудие; если вы откажетесь, я привлеку к ответственности каждого из вас и заставлю вас выплатить компенсацию за причиненный мне вред.... Я взываю к его Величеству.'^[576]

Лечение Бодишона.

Главный викарий не мог поверить своим ушам. Какая наглость! Обвиняемый осмеливается нападать на членов Суда, и его судьи должны встать на их защиту. Разве они не представители Церкви? 'У вас нет причин жаловаться на долгое заключение', - сказали они. 'Это происходит исключительно из-за того, что вы отказались отвечать нам. Мы не можем направить вас к Женевскому синдикату, потому что, будучи непрофессионалами, они ничего не смыслят в подобных вопросах. Кроме того, король понимает, что вы возражаете против преступлений, совершенных вами во Французском королевстве'. Затем, приставая к нему с вопросами, они сказали: 'Вы христианин? Какова ваша вера? Верите ли вы в святую католическую церковь? Повинуетесь ли вы нашему святому отцу папе римскому? Мы судьи вашей веры и требуем, чтобы вы ответили под страхом отлучения от церкви и других законных наказаний.' 'Я не буду отвечать,' возразил Мезоннев, столь же решительный, как и они, 'и я апеллирую к вашему приказу во всех судах королевства'. После этого ответа Бодишон в глазах Суда был не кем иным, как упрямым еретиком. Инквизитор Морини заклинал его вернуться к католической вере. Это было бесполезно.^[577]

Человек, который с таким мужеством боролся с неразумными судьями, которые в своем деспотизме требовали права запрещать ему демонстрировать перед Богом веру, почтение и послушание, которые навязывала ему его совесть, — человек, который в первой половине шестнадцатого века боролся с инквизиторами даже перед колом, как будто его лоб был сделан из *адаманта*, *тверже кремня*, заслуживает некоторого уважения со стороны более легкого века, который больше не призван к подобным битвам и который, возможно, не смог бы их выдержать.

ГЛАВА XII. СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР. (Июль 1534 г.)

Судьи и священники, хотя и были полны решимости освободить Церковь от такого опасного врага, вынеся ему смертный приговор, решили предпринять последнюю попытку добиться от него признания вины. Фискальный прокурор, глядя на Бодишона, сказал: "Принимая во

внимание высокомерие и безрассудство обвиняемого, принимая во внимание, что он недостаточно осведомлен свидетелями, мы приказываем *заставить* ответить *относительно его веры*, и с этой целью прекратить пытки'. Благородно мыслящий гражданин должен был подвергнуться ужасным пыткам, практикуемым инквизиторами, но не было никаких инструкций относительно вида пыток, которые следует применять.^[578] Де ла Мезоннев был заключен в тюрьму под крышей. Был ли выполнен приказ суда? Это больше, чем мы можем сказать; мы ничего не обнаружили относительно его наказания; мы можем только установить, что с ним обращались суровым образом. Явившись в Суд 13 июля, он сильно жаловался на унижения, которым подвергся. 'Они вели себя со мной тиранически, - сказал он, - и проявили ко мне много грубости и жестокости'. Судьи ответили, что у него нет оснований для жалобы и что если он желает какого-либо одолжения, то должен только ответить относительно своей веры. "Если бы мне пришлось всю жизнь оставаться здесь пленником, - сказал Бодишон, - я бы никогда не ответил вам, потому что вы не мои судьи".^[579]

Затем Суд решил попробовать, не смогут ли они получить от него какую-нибудь полукатолическую формулу, которая позволила бы им опубликовать его отречение, или, в противном случае, какое-нибудь очень еретическое заявление, которое оправдало бы его сожжение. Несколько слов, произнесенных устами, было достаточно, чтобы некоторые судьи вынесли приговор о жизни или смерти. Евангельское христианство предписывает противоположный путь; словами его не удовлетворишь: истина должна проникнуть в глубины сердца и пребывать там посредством тщательного усвоения, которое преобразует человека по образу Божьему. Но, прежде всего, он протестует против принуждения; и тем чиновникам, тем инквизиторам, которые воображают, что помогают делу истины, он восклицает: 'Предоставьте Богу то, что принадлежит Богу!' Таково было мнение Мезоннева.

Обвинения против Бодишона.

Суд и каноники святого Иоанна, не сумев добиться от Бодишона никакого признания, решили вызвать к себе свидетеля, который, по их мнению, должен сокрушить его. По их просьбе епископ Женевы, находившийся в то время в Шамбери, попросил отца Котелье, настоятеля францисканского монастыря, отправиться в Лион и дать показания против заключенного. 18 июля монах предстал перед Судом и заявил, что "он ежедневно проповедовал в Женеве в течение всего Великого поста, делая все, что мог; что он был знаком с Бодишоном, пользующимся дурной славой сторонника лютеранской секты, и неким Фареллусом, очень плохим человеком, который проповедовал эту ересь и другие, еще более отвратительные, изобретателем которых он был; что однажды, будучи не в состоянии получить лицензию для Фареллуса на проповедование, Бодишон пришел со своими сообщниками; что в присутствии некоего собрав очень большое количество людей, он объявил, что хочет, чтобы Фареллус проповедовал; что после этого некоторые из его спутников пошли и позвонили в колокол три разных раза, и что в том же монастыре, где он, Котелье, проповедовал утром, упомянутый Фареллус публично проповедовал в соответствии со своим проклятым учением, которое он продолжал исповедовать весь Великий пост, надев светское платье.' Затем, говоря о визите, нанесенном ему Мезонневым и Фарелем, отец-настоятель продолжил: "Они утверждали, что папа - зверь из апокалипсиса и что святой престол не апостольский, а дьявольский... а Бодишон был настолько вне себя от ярости, что готов был поджечь монастырь".^[580]

Затем ввели де ла Мезоннева. Два великих противника встретились лицом к лицу и не сводили друг с друга глаз. Энергичный гугенот, говоря спокойно, почти с презрением, сказал: 'Я знаю этого свидетеля; он плохой человек.... Он проповедовал несколько ересей в Женеве и вызвал большое возмущение среди народа'. — "Ереси!" - воскликнули изумленные судьи. 'Какие ереси?' Еретический отец-настоятель! это было действительно странно!—' Если бы я был в Женеве, - ответил обвиняемый, - я бы сказал вам, но здесь я больше ничего не скажу.^[581]

В то же время у хитрого монаха было с собой оружие, которое, по его мнению, должно было безошибочно привести к смерти Бодишона. Пьер де ла Бом, будучи епископом и принцем, вручил ему запечатанное письмо, адресованное судьям, в котором умолял их направить к нему преступника или, по крайней мере, отнестись к нему со всей строгостью правосудия. Кутелье передал дело в Суд. Епископ сообщил своим 'добрым братьям и друзьям', что Мезоннев уже был осужден за лютеранскую ересь (это было пять или шесть лет назад), что он наложил епитимью и пообещал ему, своему епископу, что он больше не сойдет с пути истинного. - *Sum nemini gremium ecclesiae claudat*, - продолжал Ла Бом, - поскольку Церковь ни перед кем не закрывает свое лоно, я был рад простить его, но пригрозил ему костром в случае рецидива. Вполне возможно, что де ла Мезоннев ранее имел какой-то разговор подобного рода с епископом, который воспользовался этим. Закон угрожал очень суровыми наказаниями таким, как рецидивист; им не разрешалось предстать перед судом, и они немедленно передавались светским властям для предания смерти. "Я прошу вас передать его мне, - продолжал епископ, - чтобы я свершил над ним правосудие к удовлетворению *Бога и всего мира* и для поддержания нашей святой веры'. Но между епископом Женевы и примасом Франции существовало соперничество, достойное Рима; каждый желал удостоиться чести сжечь Женеву.^[582]

Борьба была естественной. Это дело имело тем большее значение в глазах епископов и священников, что Мезоннев, по их мнению, был виновен в более тяжком преступлении, чем Лютер и Фарель. Он был *миряннином*, и все же он осмелился реформировать Церковь. Духовенство считало, что вмешательство мирян было самым угрожающим обстоятельством из всех возможных. Происходила великая трансформация: менялось общественное мнение; по мере того, как понимание становилось просветленным, оно осуждало злоупотребления и исправляло ошибки. Одним из зол, привнесенных католицизмом, еще более усугубленным папством, было сведение на нет верующих в религиозных вопросах. То, что епископ отправляется на войну, было терпимо, но для мирянина иметь что сказать Церкви было недопустимо. На это извращение первобытного строя указывали реформаторы: в их глазах деспотизм священников был еще более отвратительным, чем деспотизм королей. Они думали, что человек может уступить другому человеку свой дом, свои поля, свое земное существование; но уступить ему свою душу, свое вечное существование ... невозможно! Одной из сильных сторон протестантизма было влияние мирян; одной из слабостей римско-католицизма было их отстранение от направления религиозных интересов.

Епископ Женевы считал, что, предав смерти этого могущественного мирянина Мезоннева, он нанес Реформации тяжелый удар. Чиновники архиепископа-примаса Франции думали так же. Не было никаких сомнений в том, какова будет судьба гордого Бодишона: вопрос был только в том, будет ли огонь на его могиле зажжен в Лионе или Шамбери. В результате судьи спросили его, желает ли он, чтобы его отправили в Шамбери для суда над епископом Женевы; и заключенный заявил, что предпочитает остаться в королевстве Франция. Де ла Бом уступил, но настоял на том, чтобы суд поторопился и наказал такого буйного человека. 'Накажите его, -

сказал епископ, - согласно благоволению короля, который показал в своих письмах, что он весьма склонен к этому". Более того, ты совершишь очень достойный труд перед Богом'. Придворные, соответственно, начали готовиться к принесению жертвы.^[583]

Судебное разбирательство.

Магистраты Женевы не остались в бездействии. 23 июня синдики и городской совет написали три письма: одно королевскому наместнику, другое лионским гражданам и третье Дисбаху и Шенеру, послам Берна при дворе Франциска I. В них говорилось, что, по их мнению, "очень странно, что лионские господа желают передать закон Женеве".^[584] Генеральные викарии не были сильно встревожены: они надеялись, что вмешательство Франциска I. ограничится запретом судить Бодишона де ла Мезоннева за деяния, совершенные в его собственной стране. И все же они сочли благоразумным поторопиться.

Теперь Суд приступил к своему последнему, торжественному и тройному вызову.^[585] 'Бодишон де ла Мезоннев, - сказал президент, - мы заклинаем вас ответить относительно вашей веры под страхом отлучения от церкви'. Женевец молчал. Трижды задавался один и тот же вопрос, трижды наступало такое же молчание. Наконец, когда президент добавил: 'Вы христианин?' он ответил: 'Вы не мои судьи и никогда ими не будете. Если бы я был перед синдиками Женевы, я бы ответил так, что все были бы удовлетворены'. Однако он заявил, что готов немедленно дать объяснения относительно любого преступления, в совершении которого его обвиняют во Франции; таким образом, он показал, что желает всего лишь сохранить права своего народа и его судей. Суд не согласился: они, несомненно, понимали, что простой застольной беседы недостаточно, чтобы человек был сожжен. Они снова отказали ему в адвокате. 'Если ты умеешь писать,' сказали они ему, 'мы разрешаем тебе записывать своей рукой все, что тебе заблагорассудится, и мы выслушаем тебя завтра'. Он заявил, что не может этого сделать без доступа к протоколу судебного заседания, на что Суд ответил, что судебное разбирательство должно быть ему хорошо известно.^[586]

Приговор.

Расследование было закончено; де ла Мезоннев был возвращен на попечение генерального прокурора архиепископа, и на следующий день, 18 июля, он предстал перед ним. Этот персонаж встал и сказал: "Бодишон де ла Мезоннев, будучи явно осужденным за преступления, упомянутые в обвинительном заключении, нами объявлен еретиком, великим подстрекателем, защитником и покровительницей еретиков и ересей, которые в настоящее время так широко распространены, и как таковой он передан светской власти".^[587]

Они торопились закончить. Прошел слух, что король освободит заключенного: следовательно, они должны поторопиться с вынесением приговора и приведением его в исполнение. 28 июля Суд провел свое последнее заседание. На скамье подсудимых были два инквизитора, и был вынесен окончательный приговор:

"Бодишон де ла Мезоннев, - сказал суд, - вы были полностью осуждены за утверждение в Женеве и других местах многих еретических положений фракции лютеран или колампадиан;

В том, что он был главным пропагандистом и защитником этой секты;

В том, что защищал нечистого Фарела и других лиц, распространителей этой порочной доктрины;

За то, что вы отказались отвечать в нашем присутствии относительно вашей веры;

Поэтому мы объявляем вас еретиком, главным вдохновителем и защитником ереси и еретиков;^[588]

- Следовательно, мы передаем вас как такового светскому подразделению.

Это была формула, используемая церковными трибуналами при вынесении смертного приговора. Де ла Мезоннев обратился к королю, к легату, к любым надлежащим властям, и его отвели обратно в тюрьму.

Церковь, боясь крови, передала Бодишона гражданским властям, чтобы они лишили жизни этого благородного человека: капитан лютеран был приговорен к смертной казни.^[589] Долгое время люди в Женеве, Лионе и других местах каждый день ожидали, что его сожгут.^[590] Теперь уже не могло быть никаких сомнений относительно его судьбы: приговор был вынесен законно. Священники торжествовали, а евангелистов ожидала великая скорбь.

Во Франции, Германии и других местах уже было воздвигнуто множество горящих костров, и христиане, более ревностные, чем Мезоннев, но не более свободные и отважные, погибли на них за свою веру. Всегда ли преследователи руководствовались жестокостью и ненавистью? Были ли генеральные викарии, каноники святого Иоанна, архиепископ-примас Франции — все они жаждали крови? Без сомнения, среди них были злобные фанатики, но было бы несправедливо судить обо всех так сурово. Некоторые из них были честными и, возможно, великодушными людьми, к которым можно было бы справедливо применить слова, произнесенные на кресте: *Прости их, ибо они не ведают, что творят*. Какими бы чудовищными ни были деяния гонителей в шестнадцатом веке, они легко поддаются объяснению. Религия, убежденная в истинности своих догматов, считает своим правом и обязанностью бороться с заблуждениями, которые разрушают души (как она верит); и, если она в союзе с гражданской властью, считает добродетелью и законом заимствовать светский меч для очищения Церкви от заразы. Вина таких судей — и это великая вина — состоит в том, что они ставят себя на место Бога, которому одному принадлежит власть над совестью; забывают, что религия, будучи по своей природе духовной, не имеет ничего общего с принуждением и может быть распространена и принята только на основе моральных убеждений. Меч, когда религия решает взяться за него, легко становится бесчувственным и безжалостным в ее руках. *Вложи свой меч в ножны*, сказал Иисус Петру; и те, кто называет себя преемниками Петра, всегда обнажали его. Почва так скользка, пропасть так близка, что, помимотысяч случаев, когда Римская церковь в шестнадцатом веке претерпела это великое падение, можно привести два или три примера, в которых оступились даже протестанты.

Три столетия исправили эти прискорбные отклонения; мы больше не возводим эшафоты, но суды, темницы и ссылки по-прежнему навязывают религиозные убеждения. Что мы должны сделать, чтобы навсегда уничтожить это зло во всех его разветвлениях? Наиболее эффективным средством, по-видимому, было бы разделение духовной и светской власти, разрушение связей, которые все еще соединяют церковную власть с гражданской. Доктрина, осуждающая эти фанатичные убийства, долгое время господствовала во всем евангельском христианском мире; в Риме действия смягчены, но принципы остаются. Современная цивилизация ждет того

времени, когда благотворные изменения в отношениях между Церковью и государством отнимут у первых, повсюду и навсегда, возможность снова взяться за нечестивый меч, проливший такие потоки щедрейшей крови.

ГЛАВА XIII. НОЧЬ НА ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ июля В ЖЕНЕВЕ. (Июль 1534 г.)

Последствия тюремного заключения Бодишона.

Заклучив Мезоннева в тюрьму, священники хотели остановить распространение Евангелия, но это привело к противоположному результату. Мужество обвиняемых и несправедливость обвинителей усилили решимость женевцев. Работа Реформации не была работой без предварительного обдумывания; она долго готовилась и шаг за шагом продвигалась к цели по путям, которые прорисовала для нее рука Божья. Богатые урожаи, которые должны были покрыть берега озера Леман и накормить столько голодных душ, не должны были взойти с земли за один день; почва уже давно была вспахана и обработана, семена посеяны, и поэтому урожай был таким обильным. Реформация была плодом долгих трудов: в одно время тайные операции божественного влияния, в другое - деяния, совершенные людьми при свете дня, постепенно преобразовали несколько беспокойный, но все еще энергичный и щедрый народ.

Приближался праздник Тела Христова, и католики надеялись с помощью этой впечатляющей церемонии вернуть некоторых из тех, кто покинул их; но их ожидания были обмануты. Самые просвещенные и благородные люди Женевы больше не испытывали вкуса к этим празднествам — не из-за их древности, а потому, что они, по их мнению, основывались на серьезных заблуждениях и шокировали их просвещенные чувства. Мысль о том, что облатку, освященную священником, вот-вот пронесут парадом по городу для воздания божественных почестей, возмутила евангельских христиан. Они решили не присоединяться к процессии и не запирались в своих домах, а работать, как в обычные дни. Когда священники и их приверженцы услышали об этом, они вообразили, что лютеране намереваются напасть на них во время их продвижения; но, успокоившись, они набрались храбрости, и набожные начали расходиться. Не было ни малейшего акта насилия, только молчаливый протест; многие дома, мимо которых проходила процессия, были без занавесей, и через открытые окна 'было видно, как лютеранские дамы в бархатных капюшонах деловито пряли прялки или работали иглами'. Тщетно пели священники, и великолепный кортеж дефилировал по улицам: дамы в бархатных капюшонах оставались неподвижны. Грубые оскорбления не привели бы преданных в такую ярость. Один из них, увидев открытое окно на первом этаже и протестантскую даму, наполняющую свою прялку, просунул руку в комнату, выхватил прялку, сильно ударил ее по голове, бросил в грязь, растоптал и исчез в толпе. Испуганная дама вскрикнула и (по словам сестры Жанны) чуть не умерла от страха. Несмотря на этот акт насилия, протестанты сохраняли спокойствие. Делу реформы помогало все: ни гротескные, ни непристойные танцы черни, ни ханжеские шествия духовенства не смогли парализовать в Женеве силу доктрины свыше.^[591]

Поступок новообращенного еще больше усилил ропот. Когда Луи Бернар сбросил стихарь, он вернулся к гражданской жизни: вскоре он стал членом Двухсот, а затем и Исполнительного совета. Будучи честным человеком и желая вести христианскую жизнь, он женился на вдове из хорошей семьи, и Вирет благословил их союз. Брак произвел большую сенсацию. 'Как!' воскликнули католики. - священники и монахи с женами!' 'Да!' - возразили реформаторы. "Вам кажется странным, что у них были законные жены, но вы не удивились, когда у них были незаконные жены, настолько распространена была эта практика. Какая же у вас коварная совесть! Вы признаетесь, что смахивали росу хвостом, когда пересекали луга, но не в том, что крали домашнюю птицу бедняги! Бернард оправдал своим поведением тот шаг, который он предпринял. Мужчины, которые были распутными священниками, стали хорошими отцами,^[592] и общество выиграло от обмена.

Обсуждение в Совете.

Но священники так не думали. Мэтр Жан, викарий Сен-Жерве, ревностный человек и шумный болтун, услышав о женитьбе Бернара, воскликнул с кафедры: 'Где дисциплина, предписанная церковью, где заповеди папы римского? О, ужас! священники женятся после того, как приняли обет целомудрия!' Вопрос о браке и безбрачии обсуждался на Совете; священник и Вирет, давший брачное благословение, были вызваны в Отель-де-виль. Реформатор утверждал, что брак почетен для всех мужчин. Святой Павел, указывая, что служитель Господа не должен иметь нескольких жен, показывает, что мы не должны принуждать его вообще не иметь ни одной, и если апостол настаивает на том, что он должен быть хорошим отцом, из этого, очевидно, следует, что он должен быть женат. 'Те, кто выходит из притонов уединенной и праздной жизни, называемой монашеством или безбрачием, - сказал один из реформаторов, - подобны дикарям, в то время как управление домашним хозяйством - это обучение управлению Церковью Божьей'. Викарий подкреплял свое мнение плохими аргументами, ' пишет 'Реджистер', - и был далек от истины'. 'Не искажайте Евангелие, иначе мы подадим на вас в суд', - сказал премьер-синдик. Бедный ошарашенный викарий пробормотал несколько извинений и удалился, пообещав преподавать в будущем в соответствии с инструкциями их светлостей.^[593]

Но не успели они закрыть ему рот по вопросу о браке, как он открыл его по вопросу о крещении. 'Неужели эти еретики воображают, - воскликнул он, - что Святой Дух может нисходить в сердце другими путями, кроме священников?... Они крестят в комнатах, в садах, не дуга на ребенка, чтобы отогнать нечестивца.... Они*ipso facto* отлучены от церкви".

Независимость Церкви и государства не была понята в шестнадцатом веке. Фарел пожаловался Совету, и священник уже собирался уступить, когда несколько мирян, раздраженных поражением Рима, пришли ему на помощь. 'Неужели эти еретики уже дают нам закон в Женеве?' - сказали они совету. 'Только на днях они удовлетворились выступлением, а теперь хотят помешать нам сделать это. Мы требуем, чтобы мастеру Жану было так же дозволено проповедовать, как и мастеру Фарелу. Синдик откровенно ответил: 'Мы не запрещали викарию проповедовать: напротив, мы приказываем ему проповедовать Евангелие".^[594] Тогда еще не понимали, что приказывать человеку проповедовать то, во что он не верит, было большим тиранизмом, чем заставлять его замолчать.

Присутствовали Фарел, Вирет и викарий; их провели в зал совета, и обсуждение началось немедленно. 'Святой Дух, ' сказал Фарел, ' может действовать без помощи священников. Именно вера в силу крови Христа очищает нас от наших грехов, и крещение является

свидетельством этого отпущения. Но где вы читали, что его нужно отмечать с маслом, солью и прочей дрянью?^[595] ... Я очень хорошо знаю, что эта странная безделушка имеет древнее происхождение.... Дьявол очень рано начал позволять себе грубые шутки, и все эти безделушки исходят от него. Давайте отбросим в сторону эту помпезность и зрелища, которые ослепляют глаза простых людей, но огрубляют их понимание, и давайте совершим обряд крещения просто, в соответствии с евангельской формой, чистой водой, во имя Отца, Сына и Святого Духа.’ Смущенный викарий сослался на авторитет папы римского в свою защиту и высоко оценил два меча, которые находятся в его руке. ‘Это праздная аллегория,’ сказал реформатор, ‘и жалкая шутка.... Действительно, есть две силы: одна в Церкви, другая в государстве. Единственная сила в Церкви - это Слово Христа, а единственная сила в государстве - это меч". Это различие доставило большое удовольствие, и секретарь занес его в протокол. Происходила важная трансформация: гражданская власть поднимала голову и начинала бросать вызов той духовной силе, которая так долго смиряла ее. Синдик любезно умолял Фарела ‘отнестись ко всему этому благосклонно’, но, сурово повернувшись к викарию, снова приказал ему ‘проповедовать в соответствии с истиной’. ‘Вы запрещаете мне больше проповедовать?’ - смущенно спросил священник. Синдик ответил ему немного резко: ‘Вам ничего не запрещено, кроме лжи’. Это знаменует новый этап Реформации в Женеве. Монахи, оставшиеся верными святому Франциску, были встревожены в своем монастыре в Риве и сказали: ‘Давайте поспешим унести наши алтарные украшения и драгоценности’. ... Совет воспротивился этому и приказал хранить эти драгоценные предметы в надежном месте.^[596]

Тревожный слух.

В то время как магистратура Женевы воздерживалась от католицизма, сторонники папы римского в соседних странах готовились поддержать его. Тревожные слухи ходили по городу уже несколько дней, и едва викарий и реформатор удалились, как несколько членов Совета выразили свои опасения. "Епископ, заодно с герцогом, разработал план вторжения к нам", - сказали они. ‘На банкете, на котором присутствовали двести человек, был спланирован грандиозный заговор против наших свобод. Куда бы вы ни пошли, вы слышите только угрозы в адрес города. Многие наши сограждане присоединились к врагу и готовятся напасть на нас вместе с местной знатью’. Генерал-капитану Филиппу было приказано ‘быть начеку’, и многие отдали свои руки и жизни в его распоряжение. Это правда, что Пьер де ла Бом, составив новый заговор, пришел к соглашению с женевскими епископами и лордами Фрибурга; и, покинув, не без нежелания, свою восхитительную резиденцию в Арбуа, он отправился в Шамбери, чтобы договориться с герцогом. Римская камарилья стимулировала двух принцев. Самые пылкие из мамелюков, а также лорды Савойи и Во устроили встречу для охотничьего состязания у подножия Вуарон, и там были приняты меры для "охоты" на женевскую ересь. ‘Все там гоняются за этим новым словом’, - сказали они герцогу. ‘Осталось только одно средство обезопасить себя, а именно уничтожить город и еретиков, начав с ними войну, а затем вернуть прелата силой. Немедленно был разработан план ‘самой опасной измены, которая когда-либо была направлена против Женевы’. Герцог надеялся стать хозяином города и восстановить в нем папскую власть. Он не сомневался, что католичество, далекое от того, чтобы ревновать к его завоеванию, будет охотно ему аплодировать. Чтобы обеспечить успех, он решил обратиться за помощью к Франции и с этой целью обратился к кардиналу де Турнону. Было предложено, чтобы Пьер де ла Бом уступил свой престол одному из сыновей герцога, молодому графу Брессскому, и ему была предложена солидная компенсация. Мезоннев, капитан лютеран, человек, которого все так боялись, находился в то время в лионской тюрьме, и было желательно

воспользоваться его отсутствием, и для приведения этого предприятия в исполнение был назначен последний день июля.^[597]

Женевские советы в большой тревоге послали Джона Луллина и Фрэнсиса Фавра в Берн просить совета и помощи у этих могущественных союзников. В то же время они приказали перелить колокола монастыря Святого Виктора и других в пушки и приказали комендантам города принять необходимые меры для приведения его в состояние обороны. И, наконец, желая лишить врагов Женевы всякого предлога, Совет постановил наказать тех, кто "опрометчиво разбил изображения монастыря в Риве"; и объявил, что *хотя такие изображения и должны быть сняты и уничтожены, согласно закону Божьему*, все же "эти лица" не должны были делать этого без приказа и разрешения, потому что это *была бы акт, относящийся к магистратуре*. Вследствие этого 26 июля шесть человек, о которых мало что было известно, были заключены в тюрьму.^[598]

Энтузиазм в Женеве.

Велик был энтузиазм в Женеве. Граждане были готовы отказаться от всего, "чтобы следовать правильным путем", и Реформация все еще продвигалась вперед, несмотря на огромную опасность, которая ей угрожала. Некоторые даже выбрали этот момент, чтобы исповедать свою веру. В последнее воскресенье июля, за несколько часов до того дня, когда враг намеревался войти в Женеву, член доминиканского ордена, этого столпа папства, "после того, как колокол призвал народ на проповедь", появился перед прихожанами, снял монашеское одеяние, взошел на кафедру, а затем, 'как сумасшедший', молил Бога сжалиться над ним. Он оплакивал себя, просил прощения у своих слушателей за то, что "жил так плохо в прошлые времена и так чудовищно обманывал всех". 'Я проповедовал индульгенции,' продолжал он, 'я восхвалял мессу, я превозносил таинства и церемонии Церкви. Теперь я отвергаю все это как праздность. Я желаю обрести только одно — благодать Христа, распятого за меня'. После чего он произнес еретическую проповедь.^[599]

Эти обращения усилили опасность в Женеве, вызвав гнев католиков. Через четыре дня после трогательного признания доминиканца намеченный заговор должен был быть приведен в исполнение. Савойские войска, собравшись на небольшом расстоянии от города, должны были подойти к нему под покровом темноты. Один отряд прибудет к озеру, и страж башни, подкупленный десятью кронами, пропустит лодки, не открывая по ним огня. В город более трехсот иностранцев проникли поодиночке и украдкой и спрятались в католических домах. Посреди ночи Ф. дю Крест должен был отправиться в Молар с огнестрельным оружием водрузить красный флаг. Выстрел из тяжелой кулеврины был бы сигналом для священников прийти на помощь своим друзьям. Некоторые епископалы поднимались на крыши своих домов с зажженными факелами, чтобы призвать иностранные войска приблизиться. Женевские католики и их союзники должны были тогда покинуть свои дома; слесарь из их партии должен был взломать трое городских ворот, войска должны были войти, и женевцы и незнакомцы должны были продвигаться вперед с криками: 'Да здравствует наш принц, монсеньор Женевский!' Друзья независимости и реформ, оказавшись таким образом между двух огней, не смогли бы оказать никакого сопротивления. Тогда началось бы исполнение суда Божьего: если бы его ждали долго, сейчас он был бы только ужаснее. Благодетельные солдаты Церкви набросились бы на лютеран и предали бы их смерти. Город был бы очищен от всех тех семян евангелия и свободы, которые заглушали в его стенах древние и славные ростки феодализма и

папизма. Наконец, чтобы завершить свою работу, победители разделят имущество побежденных, которое епископ заранее конфисковал в их пользу, и Женева, навеки связанная с Римом, таким образом, станет его рабыней, а не соперницей.^[600]

29 и 30 июля все начали разъезжаться по городу. На севере маршал Бургундии, брат епископа, должен был спуститься в долину Лемана с шестью тысячами человек, собранных в имперской Бургундии. На юге герцог Савойский получил разрешение короля Франции завербовать в Дофини 'лиц, опытных в войне'. Многочисленные солдаты — одни придут по суше, другие по воде — ожидалось из Шабле, Фосиньи, Жекса и Во. Галера и другие суда были оборудованы недалеко от Тонона, куда была переброшена шильонская артиллерия. Несколько корпусов двигались маршем на Женеву. Епископ, который отнюдь не был храбрецом, не хотел покидать Шамбери; но герцог, чтобы ободрить его, выделил ему личную охрану из двухсот хорошо вооруженных людей, и Пьер де ла Бом рано утром 30 июля не без тревоги покинул столицу Савойи и остановился в Ле-луизе, деревне, расположенной примерно в двух лье от Женевы, где он намеревался в безопасности дожидаться исхода дела.

Появился ближайший к Женеве корпус. Савойские войска под командованием Молоза, кастеляна Гайяра, достигли своей позиции перед воротами Сент-Антуан. Вооруженные люди из Шабле продвигались по Тононской дороге до Жаргоннана, перед воротами Рива. Другие отряды готовились войти в ворота со стороны Арве и Плейнпале. В воды, омывающие город, прибыли барки и лодки, наполненные солдатами. Армия, которая должна была переправиться через Юру, и другие корпуса не появились; но собранных сил было достаточно для переворота.^[601]

Леврат, Предательница.

Пока эти маневры происходили снаружи, внутри, казалось, все шло хорошо. Человек, которому было поручено командовать артиллерией и которого звали Ле Боссю (Горбун), был подкуплен. Вечером Жан Левра, 'один из самых активных предателей', бродил по своему жилищу, и наблюдатель, не желая быть скомпрометированным, передал ему через бойницу ключи от башни Рив, где хранились пушки. Левра и его сообщники подсекли несколько штук, а Ле Боссю набил другесеном. Кузнец подделал ключи от города и сделал железные орудия для взлома ворот.^[602] Самые оживленные эмоции царили в домах всех католиков. Стены для вечеринок были проломлены, так что они могли переходить от одного к другому и тайно вести концертные дела. Мишель Гийе, Томас Муан, Жак Мальбуиссон, Де Прато, Жан Левра и сир де Песм ходили взад и вперед, следя за тем, чтобы ни один человек не отступил.

В течение всего 30 июля Советы и реформированные оставались в полном неведении о надвигающемся ударе. Они знали об угрозах, но не верили, что существует какая-либо опасность, так что вечером 30-го числа они отправились отдыхать так же тихо, как обычно. В начале ночи незнакомец пожелал поговорить с премьер-синдиком по срочному делу. Майкл Септ принял его. 'Я из Дофини, - сказал этот человек. - Я слушаю Слово Божье и должен скорбеть, видя, как Женева и Евангелие подвергаются разрушению. Армия герцога движется на ваш город; вокруг вас уже собралось множество солдат, и сегодня рано утром епископ покинул Шамбери, чтобы войти к вам. 'Это был соотечественник Фареля и Фромана, который взялся спасти Женеву. Но было ли еще время? Премьер-синдик немедленно сообщил разведанные своим коллегам, и было решено арестовать некоторых из тех, кто всегда был готов сотрудничать с внешним врагом. Синдикаты допрашивали их, сталкивали друг с другом и постепенно

увидели, что ужасный заговор раскрыт, о котором они до этого момента ничего не знали.^[603] Все граждане, на которых они могли положиться, были призваны к оружию. Еще не было полуночи.

Епископалы, которые еще не ложились спать, с волнением ждали назначенного часа. Огромное количество каноников и священников собралось в доме каноника Брентены, сеньора Ментона, принадлежащего к знатному савойскому семейству. Они поздравляли друг друга с тем, что заговор был так хорошо спланирован, и на этом собрании священнослужителей не говорилось ни о чем, кроме факелов, знамен и артиллерии. Однако через короткое время пришел один из их отряда и сказал им, что гугеноты повсюду вооружаются. Преподобные члены капитула подбежали к окну и с ужасом увидели марширующий мимо многочисленный патруль. Тревога распространилась; ни один епископ не осмеливался выйти на улицу: они спрятали красный флаг, сигнал к убийству гугенотов. Оставалась только одна надежда: войск, окружавших Женеву, было вполне достаточно, чтобы обеспечить триумф епископа.^[604]

Ждем сигнала.

И действительно, количество солдат вокруг города было очень велико. Играя на слове *Женева, новый генс*, лидеры выбрали своим лозунгом эту жестокую фразу: *Нет феронов в новом генсе*,^[605] иными словами, они изгонят евангелистов из Женевы и заменят их католиками-савоярами. Они ждали условленного сигнала и обратили свои взоры к крышам домов, с которых должны были размахивать факелами. Им показалось, что некоторые из них были замечены, но вскоре исчезли. Пока встревоженные офицеры спрашивали, что делать, кто-то из солдат заметил простоватого на вид мальчика, разгуливающего по холму, невинно озирающегося по сторонам, но постоянно приближающегося к городским воротам. Его привели к кастеляну Маулозу и г-ну де Симону, еще одному из руководителей, которые спросили его, что он здесь делает в такой поздний час. Мальчик, который казался очень смущенным, ответил: "Я ищу кобылу, которую потерял". Это был не тот случай.

Трое лучших граждан Женевы, аудитор Жан д'Арлод, ревностный Этьен д'Адда и Понте, случайно оказавшиеся вечером в Ла-Роше, в трех или четырех лье от Женевы, услышали разговоры об этом предприятии и немедленно вскочили на лошадей, чтобы добраться до ворот раньше врага.^[606] Быстро продвигаясь по проселочным дорогам, они остановились на ферме-доме недалеко от города, где узнали, что савойские войска уже под стенами. Д'Арлод приказал одному из слуг пойти и посмотреть, могут ли они войти. месье де Симон и кастелян Молоз, которым не терпелось узнать причину задержки, решили воспользоваться этим бедным мальчиком, в невинности которого они несколько не сомневались. 'Послушай!' сказали они ему. 'Пойди и посмотри, открыты ли Рив и Сент-Антуанские ворота'. Юноша, который очень не хотел служить разведчиком у савояров, ответил: 'О! Я бы испугался, что они убьют меня.' В этот момент Маулоз, чье внимание было разделено между юношей и домами, на которых должны были быть развешаны факелы, воскликнул: 'Есть один!' Яркий свет появился над городом: весь отряд приветствовал его с радостью, и два капитана не могли отвести глаз. Свет появлялся и исчезал, возвращался и снова затмевался, и каждый раз, когда он появлялся в поле зрения, как ни странно, он выглядел более возвышенным. Он поднимался все выше и выше; он уже перекрывал самые высокие дымовые трубы. В этом было что-то необычное, и савоярам стало не по себе. 'Неужели это так?' говорили те, кто знал Женеву. 'Свет поднимается по шпилью Сен-Пьера!'. Да, это так... именно там находится главная стража города в случае опасности.' Наконец свет перестал двигаться; он остановился на вершине шпиля, который был построен на

гребне холма. Таким образом, он нависал над городом и, казалось, был обращен на савойскую армию, подобно сверкающему глазу льва, сияющему сквозь полуночную тьму пустыни. Тогда панический ужас охватил солдат Карла III; черты их лиц были искажены, сердца трепетали. Молоз, не сводивший глаз с угрожающего призрака, в отчаянии повернулся к г-ну де Симону, который уже уходил, и воскликнул: 'Нас обнаружили, нас предали! Сегодня ночью мы не войдем в Женеву. Молодой гонец, обнаружив, что на него никто не обращает внимания, побежал на ферму, чтобы рассказать Д'Арлоду и его друзьям о случившемся.'^[607]

Отступление савояров.

Однако львиный глаз все еще сиял над городом. - Все сливы готовы к нашему ужину, - сказали воины.^[608] Каждый думал об отступлении: Маулоз и Саймон отдали приказ об отступлении. Когда начало светать, женевские дозорные, размещенные на башне, увидели, как савояры под бой барабанов и развевающиеся знамена двинулись в направлении замка Гайяр.

Женевские католики больше не пребывали в напряжении: их предприятие провалилось. Они были ошеломлены и разъярены против своих союзников. Один из них, Фрэнсис Реджис, сказал с громким ругательством: 'Мы разорены: эти джентльмены ломаного гроша не стоят. Мы подавали сигналы, все было в полном порядке, но джентри обманули нас.'^[609] Что касается епископа, то он был скорее напуган, чем разочарован. Когда над храмом Святого Пьера засиял ужасный маяк, несколько человек, которым было поручено держать его в курсе происходящего, пустились во весь опор и передали ему зловещие слова свирепого Молоза: 'Нас предали!' Бедный прелат тотчас же вскочил на коня и поспешно поскакал прочь, чтобы присоединиться к герцогу.

Когда взошло солнце, в городе не было видно ни одного врага. Женевцы не могли поверить своим глазам: события той памятной ночи казались почти чудесными, и они были переполнены радостью, как люди, которых спасли от смерти. Все утро улицы были заполнены людьми; они обменивались взглядами, пожимали друг другу руки; многие благословляли Бога; некоторые не могли поверить, что их сограждане-католики были осведомлены о заговоре. Один маленький инцидент развеял все сомнения. Когда несколько горожан проходили мимо дома зрителя артиллерии, они услышали пронзительный женский голос, кричавший всильном волнении: 'Ха! предатель! ты предаешь меня, как предал город!' ... Мужчина ответил бранью и ударами; крики несчастного существа становились все громче и громче, и грубый голос другой женщины смешался с ее собственным. Это были Боссю, его жена и слуга: начальник артиллерии был застигнут врасплох вопиющей неверностью своей жены. Гугеноты, услышав шум, остановились и вошли в дом. 'Да,' закричала жена громче прежнего. 'да, предатель, ты подсунил ключи Жану Левра через петельку. Леврат, Боссю и слесарь были немедленно арестованы.'^[610]

Руководители заговора оставались, как обычно, на свободе. Прячущиеся по домам Гилье, де Прато, Персеваль де Песм, двое дю Крестов, двое Режи и многие другие хорошо знали, что они заслуживают смерти больше, чем Портье; и, напуганные, как заяц в своем обличье, который наостряет уши, прислушиваясь к преследующему его охотнику, они вздрагивали при малейшем шуме и каждую минуту воображали, что приближаются синдики или их офицеры. Поскольку никто не появлялся, они приняли отчаянное решение: переодевшись различными способами, они покинули свои дома и сбежали; 'и больше никогда не возвращались в город', - говорит Фромант. Сговор епископа с Портье и Пеннетами вынудил нескольких католиков покинуть собор; план ночного нападения вынудил многих покинуть Женеву. Каждое усилие,

прилагаемое католицизмом к возвышению, помогало ему опускаться, и каждый удар, направленный на Реформацию с целью его уничтожения, поднимал его еще выше. Граждане говорили друг другу, сообщает современник, который записал эти слова: "Это был Бог, который сокрушил сердца наших врагов, как внешних, так и внутренних, так что они не могли использовать свою силу". ^[611]

Бдительность и Медитация.

Между тем в Женеве было неспокойно. Маршал Бургундии и губернатор Шабле так и не появились; и враг, возможно, отступил только для того, чтобы дожидаться этих мощных подкреплений. Все горожане были призваны к оружию. 'В течение всей этой недели была выставлена сильная охрана, и ворота города были закрыты'. Поскольку епископалы часто прибегали к помощи колоколов, чтобы созывать своих сторонников, "было запрещено звонить в церковные колокола ни днем, ни ночью". В городе царила тишина, сопровождаемая раздумьями и бдительностью. Жители были готовы пожертвовать своими жизнями и демонстрировали свою решимость глубокой серьезностью, а не праздным хвастовством. Проповедники беседовали с солдатами, фамильярно рассказывая им *о добром бою*, и солдаты никогда не уставали слушать их. 'Какой новый способ ведения войны', - говорили многие. "В старые времена на постах у солдат были распутные женщины, но теперь у них есть проповедники, и вместо разврата и грязных выражений все обращено к добру". ^[612]

Могло ли такое великодушное рвение спасти город от нападений Савойи, поддержанной Францией, Фрибургом, Бургундией и мамлюками? Были люди, которые печально качали головами и 'жили в страхе и унынии'. Но 'друг ближе брата'. На следующее утро после этого предприятия делегат из Лозанны прибыл в Женеву, и, хотя герцог отдал приказ, чтобы поместья Во объединились с ним, гонец сказал: 'Мы готовы, братья, прислать вам сотню аркебузирова, если они вам понадобятся'. Невшатель сделал аналогичное предложение. Берн поручил казначею Фрэнсису Негели, баннерету Вайнгартену и двум другим гражданам призвать герцога и маршала Бургундии воздержаться от военных действий. Швейцарские кантоны, собравшиеся в Бадене, направили аналогичное послание Карлу III.

Сторонники папы и епископа поняли, что, поскольку их предприятие провалилось, их дело проиграно. Сначала лидеры бежали: теперь бегство стало всеобщим. Даже друзья женевских франшиз начали покидать город; поэтому было естественно, что фанатики ушли, чтобы пополнить ряды мамлюков. Они взяли с собой все, что могли унести, и использовали различные уловки, чтобы выбраться из города, осторожно крадучись по ночам. Некоторые укрылись на левом берегу озера; большее число - в замке Пеней на правом берегу Роны, откуда они постоянно держали женевское население в состоянии боевой готовности. Их жены и дети, оставшиеся в городе, тайно беседовали с ними у подножия крутых скал, окаймляющих берега реки, и рассказывали им все новости. Ни один гражданин Женевы не мог отправиться в Лион без того, чтобы беженцы в Пенее не были проинформированы об этом; они всегда были настороже в отношении путешественников. Это было странное явление, которому история, однако, представляет не один пример, - противодействие папистов и феодалистов гражданским и религиозным свободам, вырождающееся в разбой. ^[613]

Бегство мирян епископальной церкви разрушило власть духовенства, опорой которого они были, и сделало реформаторов хозяевами положения. Женева была полна решимости не пускать в свои стены никого, кроме тех, кто был готов пролить за нее свою кровь. Однажды

ночью, когда барабан призвал горожан к оружию, робкий мужчина попросил свою жену сказать, что его нет; однако некоторые из его соседей ворвались в его комнату и обнаружили, что он спрятался в постели, притворяясь, что у него лихорадка: он действительно дрожал, но это было от страха. Трус был пожизненно изгнан из города под страхом порки, если вернется: однако год спустя он был снисходительно принят обратно, 'потому что не каждому человеку дано обладать храбростью цезаря', - говорится в "Реестре"; но на него всегда смотрели как на чужака. Мужество было в то время одним из требований, необходимых для получения гражданства Женевы.^[614]

Испуганные монахини.

В то время как мамелюки занимались разбоем на дорогах за пределами города, более слабые члены епископальной партии, которые все еще оставались в нем, жили в страхе. Их личности, их культ, их монастыри пользовались уважением; ни один волос не упал с их голов; но они боялись, что бесчинства беженцев в Пенее побудят гугенотов отомстить. Монахини особенно пребывали в постоянной тревоге. Однажды ночью, между одиннадцатью и двенадцатью часами, сестры Сент-Клер были разбужены ото сна громким стуком в дверь: напуганные шумом, они прислушивались с бьющимися сердцами. Затем послышались другие удары. Слабые и дрожащие, они выползли из своих постелей. Гугеноты, несомненно, идут, чтобы отомстить им за вероломную ночь 31 июля! 'Еретики, - шептали они друг другу, - сломали ворота монастыря'. Монахини, заподозрившие в них дурные намерения, в смятении прибежали к настоятельнице: 'Мои дорогие дети, - сказала она, - доблестно сражайтесь за любовь к Богу'. Они ждали, но никто не пришел.

Самая молодая из монахинь, которая всю ночь была на службе вместе с остальной общиной и уснула от долгих молитв, погрузилась в крепкий сон; младший настоятель запер ее в церкви, не понаблюдав за ней. Около одиннадцати часов несчастная сестра проснулась: она огляделась и не могла понять, где находится.... Наконец она узнала часовню, но темнота, одиночество, само это место — все вместе пугало ее. Ей казалось, что она видит, как мертвые пользуются этим тихим часом, чтобы покинуть свои могилы и побродить по церкви.... Ее конечности отказывались двигаться. Наконец она набралась храбрости и бросилась к двери. Она была заперта. В испуге она сильно ударила по ней. Это и разбудило сестер. Затем она прислушалась и, поскольку никто не пришел, постучала еще три раза, так громко, как только могла.

Пока это происходило, настоятельница готовилась встретить волков, которые собирались растерзать ее невинных ягнят. Сначала она пожелала узнать, вся ли ее паства на месте, и, к своему великому огорчению, обнаружила, что одного не хватает. Затем послышался еще один стук, громче всех остальных. 'Давайте выйдем, ' сказала настоятельница, ' и войдем в церковь, ибо нам будет лучше предстать перед Богом, чем в общежитии'. Они спустились по лестнице; настоятельница вставила ключ в замок и открыла дверь ... и обнаружила перед собой молодую монахиню, которая, бледная как смерть, упала в обморок у ее ног.^[615]

Истории, которые мужчины с удовольствием распространяли, а иногда даже печатали, о реформаторах и исправленных, в частности о Кальвине и Лютере, часто имели не больше реальности, чем фантазии монахинь Сент-Клер относительно замыслов гугенотов, которые так сильно напугали бедных девушек; и они были менее невинны.

ГЛАВА XIV. ГЕРОИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ И СЧАСТЛИВОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ. (Август и сентябрь 1534 г.)

У сторонников независимости и Реформации были более обоснованные опасения, чем у монахинь Сент-Клер: они понимали, что атака всего лишь отложена и что они должны быть готовы к жестокой борьбе. Соответственно, Женева собрала все свои силы. "Пусть те, кто находится за границей, вернутся домой", - сказал Совет. Но, увы! двое самых отважных находились в тюрьмах французского примаса и вот-вот должны были быть отправлены на костер. Как мы видели, приговор, приговаривающий Бодишона де ла Мезоннева и его друга к смертной казни, был вынесен. Священники передали их светским властям и собирались казнить, когда в их пользу было предпринято новое покушение.

Сказки о Пареле.

В Берне жила патрицианская семья, прославленная своим древним благородством и доблестью, некоторые из членов которой оказали Франции выдающиеся услуги. В 15 веке Николай Дизбахский, избегатель, объединил эту могущественную республику с Людовиком XI. против Карла Смелого и одержал несколько побед над бургундскими войсками. В Павии в 1525 году другой представитель семьи, Иоанн Дизбахский, командовал швейцарскими вспомогательными войсками Франции. Расположившись на правом фланге, во главе 2000 гельветов, он сначала отбросил империалистическую пехоту и кавалерию. Франциск I был близок к победе; но тем временем его левое крыло было разгромлено; в этом квартале Саффолк, наследник Белой Розы, брат герцога Лотарингского, Нассау, Шомберг, Ла Тремуиль, Сан-Северино и ветеран Ла Палисс пали на поле битвы, а Монморанси попал в плен. Тем не менее, швейцарцы все еще мужественно стояли на своих позициях, когда Алансон, шурина короля, позорно бежал, увлекая за собой часть французских латников, заставив дрогнуть солдат Дисбаха, которые сражались на его стороне и уже кричали о победе. В этот момент ланскенцы под командованием грозного Фройндсберга яростно обрушились на швейцарцев и разбили их наголову. Гельветы, видя, что французы отступают, поверили, что их принесут в жертву ненависти немцев. Иоанн Дисбахский тщетно призывал и угрожал им; ничто не могло их остановить. Тогда доблестный капитан бросился один против батальона ланскенцев и пал замертво. Бонниве в отчаянии подставил шею под вражеские копья и был убит, а Франциск I, сражавшийся последним, с содроганием отдал свой меч Ланнуа.^[616]

Иоанн Дизбахский женился на француженке, мадемуазель де Рефлюж, которой король пообещал приданое в размере 10 000 ливров, но впоследствии передал ее мужу в качестве эквивалента графство Ланж, которое последний завещал своей жене. Но в 1533 году Франциск I забрал поместье обратно, не дав обещанного приданого. Вдова героя Павии, обнаружив, что человек, из-за которого погиб ее муж, лишил ее собственности, умоляла вмешаться Берн, и вожди этой республики поручили другому Дисбаху, Родольфу, обратиться в суд Франции, чтобы поддержать справедливые требования его родственника. Рудольф отбыл 12 января 1534 года в сопровождении Георга Шенера. Этой миссии было суждено иметь большее значение для Женевы, чем для Берна.^[617]

Сам Родольф Дизбахский пользовался большим уважением во Франции. Там он провел свою юность, учился в Парижском университете, а с 1507 по 1515 год принимал участие в войнах Людовика XII и с честью отличился. По возвращении в Берн он был одним из тех, кто принял евангелическую веру, и его часто призывали защищать интересы Женевы и Реформации. Пока Родольф находился во Франции, защищая интересы своего кузена, де ла Мезоннев и Жанен были заключены в тюрьму в Лионе, а Дисбах получил инструкции от лордов Берна сделать все, что в его силах, чтобы добиться их освобождения от короля. Он взялся за это со всей энергией бернца и воина; отправился в Блуа, где Франциск I в то время держал свой двор, и искренне добивался расширения двух евангелических общин.^[618] Он считал Бодишона де ла Мезоннева своим согражданином и единоверцем и ясно видел, насколько полезным было бы его присутствие в Женеве. Но, с другой стороны, католическая знать и ультрамонтанские священники убеждали короля допустить сожжение двух женеvцев. Как мог Франциск I, который недавно стал другом папы римского и который приказал привлечь еретиков в своем королевстве к суду^[619] — как он мог спасти еретиков Женевы? Как друзья, так и враги Реформации находились в напряженном ожидании. Прошли недели и даже месяцы, а король так и не получил решительного ответа.

Ужасная Необходимость.

Женева была сильно взволнована во время этой долгой задержки, но отсутствие двух энергичных гугенотов не помешало решительному выполнению работы. Магистраты желали незамедлительно принять и привести в исполнение высшие меры, ставшие необходимыми в связи с опасностью, нависшей над страной. Ужасная и неумолимая необходимость постоянно вставала перед их умами. Чтобы спасти Женеву, большая ее часть должна быть разрушена.

В то время город состоял из двух частей: собственно города и четырех пригородов. Пригород Тампль, или *Эг Вивес* (Eaux Vives), стоял на левом берегу озера и получил свое название от церкви Святого Иоанна Родосского, которая стояла там.^[620] Пригород Пале лежал слева, на живописных берегах Роны; пригород Сен-Леже простирался от города до моста, переброшенного через ледяной поток Арве; а пригород Сен-Виктор, в котором находился одноименный монастырь, простирался от Маланью до Шампеля. В этом городе за крепостными стенами не только было столько же домов, сколько и внутри, но и занимала гораздо более обширную территорию и насчитывала более шести тысяч жителей.

23 августа двести членов Большого Совета получили повестку со словами: "Всвязи с неотложными делами города".^[621] Каждый понял, что они имели в виду. Премьер-синдик предложил укрепить некоторые из ворот и выставить хорошую охрану; но добавил, что одних этих мер недостаточно; что, поскольку пригороды очень обширны, враг может закрепиться в них; и что необходимо без колебаний снести все дома, амбары и стены, начиная с ближайших. Многие были поражены горем, когда услышали это предложение. Какое решение! какая катастрофа! Своими собственными руками граждане должны были разрушить те мирные дома, в которых прошло их детство, где они родились и где умерли те, кого они любили; и у значительной части населения не осталось бы другого убежища, кроме небесного свода. И все же Двести человек не колебались. Друзья Реформации, в глазах которых Евангелие сияло во всей своей яркости, были готовы на величайшие жертвы, чтобы сохранить его. Те, кого не трогали религиозные мотивы, были увлечены патриотическим энтузиазмом. 'Лучше потерять руку, чем предплечье... пригороды, чем город', - восклицали горожане. Решение было принято;

и без каких—либо задержек — поскольку дело было срочным - в тот же день, после обеда, четыре синдика в сопровождении Эме Лева и пяти других капитанов города 'отправились отдавать приказы об уничтожении пригородов'. То тут, то там раздавались крики и слезы, но почти все приняли решение возложить свое добро, хотя и дрожащими руками, на алтарь своей страны и своей веры.

Это должно быть сделано, ибо с каждым днем опасность, казалось, приближалась. Женевские послы в Берне писали Совету: 'Будьте настороже'. Акты насилия и пустяковые стычки предвещали более серьезные бои. 14 августа Ришерм, женевский купец, возвращавшийся из Лиона, был схвачен, поочередно затащен в три замка епископа и подвергнут пыткам. 25-го Шабо, другой гражданин, был остановлен на горе Сион, доставлен в замок Пеней и также подвергнут пыткам; но судьи, желая доказать свое доброе отношение, добавили: 'Не позволяйте переломать ему кости или подвергнуть опасности его жизнь'. Вскоре они привели нового заключенного.

Авиньонская вышивальщица.

В Авиньоне жил вышивальщик, 'настолько суеверный в посте', что иногда по несколько дней обходился без еды и питья. Бедный ремесленник, получив Евангелие, перестал посещать мессу и, следовательно, был отправлен в тюрьму. Церковники спросили его, сколько времени прошло с тех пор, как он присутствовал при жертвоприношении на алтаре. 'Три года, - ответил он, ' и при моей собственной воле ни я, ни кто-либо из моей семьи никогда бы туда не поехали'. Услышав, что он говорит таким образом, священники не посмели предать его смерти, потому что сочли его сумасшедшим. Шесть месяцев спустя разразилась великая эпидемия; все бежали, а двери тюрьмы оставили открытыми, 'увидев которые благочестивая вышивальщица вышла'. Он жаждал Евангелия и, зная, что в Женеве есть великие проповедники, отправился в этот город. Его дорожные расходы были невелики: "Он привык ездить из Авиньона в Лион, более шестидесяти французских лье, за *соль-де-руа*", - говорит Фроман. Наконец он добрался до долины Леман, одинокий и беглец, но с радостью предвкушающий слова жизни, которые ему вскоре предстояло услышать. Внезапно его окружил отряд всадников, которые грубо спросили его: 'Куда ты направляешься?' 'В Женеву'. 'Что делать?' Вышивальщик ответил откровенно и вежливо, как это было у него в обычае: 'Я собираюсь послушать проповедь Евангелия; не пойдете ли и вы послушать его тоже?' 'Конечно, нет', - ответили мужчины. Он начал уговаривать их: 'Уходите, умоляю вас', - сказал он. 'Я удивлен вами: вы так близко, а я специально проделал весь путь из Авиньона, чтобы услышать это. Я умоляю тебя прийти'. 'Маршируй, негодяй! - кричали они. - и мы научим тебя слышать этих женевских дьяволов'. Они отвезли его в Пеней и, добравшись до замка, сказали ему: "Мы дадим тебе три страппадо во имя трех дьяволов, к которым ты хотел пойти и послушать проповедь'. Связав ему руки за спиной, они подняли его на верхушку длинной деревянной балки и внезапно дали ему упасть на расстояние двух футов от земли. 'Это во имя Фарела', - закричали они; затем один пришел за Фромантом, а другой за Виретом. Бедняга, весь в синяках, поднялся на ноги, насколько мог, снова посмотрел на своих мучителей и, тронутый любовью к ним, повторил убедительным тоном: 'Пойдем со мной и послушаем Евангелие'. Возмущенные пенейсанцы грубо ответили: 'Быстро возвращайтесь туда, откуда пришли', чего он не сделал бы ни за что, что они могли бы с ним сделать. 'Он не в своем уме', - сказали они и, приняв его за идиота,пустили. Наконец бедняга добрался до Женевы и почти на два месяца, по словам Фромана, 'поселился у автора этой книги, которому и рассказал обо всем случившемся'.^[622]

Подобные акты насилия показали женецам, что нельзя терять времени. В августе резолюции Совета быстро следовали одна за другой. 18-го они приказали снести церковь и монастырь Святого Виктора; 23-го - снести все дома, амбары и стены в пригороде; и набрать определенное количество швейцарских солдат-ветеранов, которых, в свою очередь, должны кормить и размещать богатые; 24-го - призвать всех отсутствующих вернуться для защиты города; 1 сентября - укрепить его со стороны озера; 11-го - высадить деревья вокруг стен, которые могли бы заслонить приближение врага. быть срубленным; и 13-го числа, чтобы каждый мужчина начал сносить свой дом в течение двух дней, то есть к 15 сентября.^[623]

Тогда бедствие предстало перед ними как неизбежное и неумолимое, со всеми его грубыми и печальными реалиями. Чем более слабые умы были подавлены, тем более возбудимые уступали место гневу. В пригородах поднялся большой шум. Что? дома, которые должны быть сровнены с землей, как дома предателей, и это тоже руками самих жителей! Священники содрогались при мысли о том, что церкви Святого Виктора, Святого Леже и рыцарей Родоса должны быть разрушены. Недовольные граждане хладнокровно указывали на прочность обреченных зданий и заявляли, что снести их будет невозможно. И, наконец, вожди католической партии, предвидя, что меры, которые должны были стать спасением Реформы, приведут к гибели папства, решили провести энергичную демонстрацию против них.

Тридцать самых известных католиков во главе с Энтони Фабри, членом семьи знаменитого епископа Вальдемара, и Филиппом де ла Рив присутствовали на соборе. Фабри, избранный представителем, был спокоен, но рядом с ним стоял Де Мур (du Mur), который был сильно взволнован. 'Мы требуем, чтобы пригороды были оставлены в их нынешнем состоянии, как красивые, удобные и более полезные для города, чем если бы они были разрушены'. Совет, которому было больно идти на такую жертву, оставил за собой право выплатить компенсацию самым большим страдальцам, но выполнил свои приказы. "Я прошу разрешения покинуть город, - сказал Де Мур, - с восемью сотнями моих сограждан, поскольку этот снос является враждебным актом против нас".^[624]

Бодишон освобожден.

В то самое время, когда некоторые граждане угрожали покинуть Женеву, друзья независимости еще больше желали увидеть возвращение тех, кто был в отъезде. В частности, был один человек, чье решение и мужество были оценены всеми. Внезапно, 26 сентября, в тот самый день, когда де Мур произнес эти угрожающие слова, по городу распространился слух, что Бодишон де ла Мезоннев и его спутник освобождены.

Родольф Дисбахский и Георг Шенер не переставали умолять короля вмешаться. Хотя принц, которому через несколько месяцев предстояло заполнить улицы своей столицы беспорядками и горящими кострами, не испытывал никакого искреннего сострадания к двум еретикам, все же он желал снискать расположение швейцарцев и, возможно, не будучи особо склонным возвращать ее владения вдове Иоанна Дизбаха, он не пожалел о том, чтобы доставить бернцам какое-то другое удовлетворение. Дело справедливости наконец восторжествовало. Тронутый искренними просьбами Дисбаха, Франциск I. даровал освобождение заключенным. Два бернца, вместо того чтобы "медлить, поворачиваясь из стороны в сторону в поисках помощи этого мира", признали покровительство Бога. "Мы добились их свободы, - сказали послы, - Бог даровал их нам".^[625] Они немедленно отправились в Лион, снабдившись письмами за печатью его Величества, которые они предъявили властям, под охраной которых содержались

заклученные, "пока их не сожгут, как это было принято в те дни".^[626] Ворота тюрьмы были открыты; Де ла Мезоннев и Жанен были выданы бернцам. При известии о таком беспрецедентном поступке чиновники, инквизиторы и каноники Святого Иоанна были поражены; все священники Лиона были крайне раздосадованы, а архиепископ Женевы - еще больше; но они были вынуждены набраться терпения.^[627] Что касается заключенных, они знали, что если Бог освобождает своих слуг, то это не с намерением, чтобы они отказались от того, что начали. Вместо того чтобы сказать, когда они будут восстановлены на свободе, давайте останемся на некоторое время в тени, чтобы не подвергаться новым опасностям, они пожелали с большим рвением работать над освобождением своей страны. Они отправились из Лиона в Женеву вместе с двумя лордами Берна и снова оказались в стенах этого древнего города.

Заклученные восстановлены.

Вокруг них все еще чувствовалось столько беспокойства, что 16 сентября, когда распространилась новость о том, что какие-то бернские джентльмены прибыли в гостиницу Tour Perse^[628] с Бодишоном и Коллонье, многие люди с трудом в это поверили. Бог дал женецам больше, чем они надеялись. Когда друзья, которых считали потерянными, снова обретаются, те, кто скорбел о своей утрате, бегут им навстречу и испытывают невыразимое удовлетворение, глядя на них. Так случилось и в Женеве, когда двое заключенных вернулись. В городе царила великая радость: многие благодарили Бога за то, что "жестокий натиск волков, которые хотели сожрать лучших овец из стада, был остановлен", и восхваляли короля Франции за то, что он ценил швейцарские аркебузы больше, чем патерностеры священников.

Желая выразить послам знак почтительной благодарности, четыре синдика и члена совета со своими помощниками и сержантами 17 сентября отправились в Тур Персе^[629], чтобы провести официальное заседание, на котором должна была быть произведена передача заключенных. Высшие судьи республики заняли свои места в одной из больших комнат, согласно обычному порядку, и вошли Рудольф Дисбахский и Г. Шенер в сопровождении пленников. Эти благородные джентльмены объяснили, что они прибыли из Лиона и от французского двора; что с Божьей помощью они добились освобождения двух женецев; что, согласно правилам, они должны передать заключенных в руки великолепных лордов Берна, чьему вмешательству они обязаны своим освобождением;^[630] что они, однако, уступили желанию знати. Бодишон и Коллонье, которые предпочли остаться в Женеве;^[631] и что они хотели только гарантии того, что Совет будет готов представить их господам из Берна, когда последние их потребуют.^[632] Женевские магистраты поблагодарили лордов Берна и предоставили требуемую гарантию в письменной форме.^[633]

Наконец-то де ла Мезоннев был свободен: он мог вернуться к жене и детям и пообщаться со своими друзьями. Последние никогда не уставали слушать его: подробности его заключения, экзаменов и подстерегавших его опасностей вызывали у них живейший интерес. Особенно Фромант, который любил посплетничать,^[634] задавал ему много вопросов. "Как сказал мне Бодишон, - читаем мы в его *"Жестах"*, - все это не могло быть сделано без больших затрат, и его пленение обошлось ему в тысячу пятьдесят солнечных крон".^[635]

Письмо Франциска I. завершило этот эпизод в истории Реформации. Через четыре дня после того, как заключенные были возвращены по домам, этот принц написал синдикам в Женеву:—
^[636]

Нашим очень дорогим и добрым друзьям, лордам Женевы:

‘Очень дорогие и добрые друзья, Вы знаете, что по вашей искренней молитве и просьбе, а также по просьбе наших очень дорогих и больших друзей, сообщников, союзников и сплетников, лордов города и кантона Берн, мы восстановили и отправили обратно некоторых заключенных, которые в этом нашем королевстве употребляли слова, касающиеся веры, такие и имеющие такое значение, что, следовательно, они были приговорены к смерти. Это мы были вполне готовы сделать; из чувства привязанности мы должны удовлетворить вас и упомянутых лордов Берна, а также в этом отношении, как и во всех других, которые могут быть для нас возможны, имея полную уверенность, что вы готовы сделать то же самое для нас. По этой причине, получив объявление о том, что вы заключили в тюрьму в вашем городе монаха, нашего подданного, по имени Гай Фербити, из ордена монахов-проповедников, за то, что он придерживался определенных формулировок и догматизировал вещи, касающиеся веры Церкви, что вам не показалось хорошим, и за что он вот-вот предстанет перед судом, мы хотим искренне умолять вас этими подарками, чтобы, проявляя по отношению к нам взаимное удовольствие, вы немедленно освободили упомянутого Фербити, нашего подданного, без дальнейших разбирательств против него по вышеуказанным причинам. Поступая таким образом, вы доставите нам большое удовольствие. Молю Создателя сохранить вас, наших очень дорогих и хороших друзей, в его самом святом покровительстве. Написано в Блуа в двадцатый день сентября тысяча пятьсот XXXII-го года.

- Франсуа. Бретонец.

Фербиты Выпущены на Свободу.

Франциск I. сказал: Я отправляю вам обратно двух заключенных, верните мне одного. Это казалось справедливым и естественным, однако маленькая республика не уступила требованию могущественного короля Франции. Совет хотел добросовестно следовать законному курсу и правилам дипломатии. Они пришли к выводу, что эти два случая не идентичны; и поскольку доминиканец был заключен в тюрьму по просьбе лордов Берна, было решено сначала поинтересоваться их мнением. Благосклонность дома Валуа не могла заставить магистратов Женевы уступить, даже после того необычайного благодеяния, которое они только что получили: они желали, прежде всего, следовать принципам, признанным в политике, и действовать справедливо по отношению к бернцам. Фербити был выпущен на свободу в начале 1536 года.

То, что доминиканца вообще посадили в тюрьму за проповедь, было ошибкой, а держать его в тюрьме - совсем другим; но в каждом случае вина заключалась в возрасте. С этим запасом мы можем воздать мужеству слабых подобающую им честь. В маленьких государствах благородно твердо придерживаться своих принципов в присутствии могущественных империй, когда они делают это без всякой самонадеянности. И это не только благородно, но и благотворно, наделяя их моральной силой, которая гарантирует их существование. Маленькие республики Швейцария и Женева, в частности, привели больше показательных примеров, чем тот, который только что был зарегистрирован.

ГЛАВА XV.

ПРИГОРОДЫ ЖЕНЕВЫ РАЗРУШЕНЫ, ПРОТИВНИКИ ГОТОВЯТСЯ. (Сентябрь 1534 - январь 1535 гг.)

Бодишон де ла Мезоннев и Жанен вернулись в Женеву на следующий день после того, как был отдан окончательный приказ о сносе пригородов. Капитан лютеран был возвращен в свою страну в тот самый момент, когда по ней были нанесены самые смертоносные удары. Совпадение было замечательным. Возвращение этих двух энергичных граждан не могло не придать новый импульс решению пожертвовать одной половиной города ради спасения другой. Первыми стенам, которым суждено было пасть, принадлежали стены монастыря Святого Виктора, которые, поскольку стояли у городских ворот, легко могли быть заняты вражеской армией в качестве передового поста.^[637] По поводу разрушения этого здания не было пролито ни одной слезы, за исключением тех, которые могли быть вызваны мыслью о его древности. С тех пор как приор Бонивар оказался в Шильонском плену, монахи сбросили с себя все ограничения, и монастырь превратился в свинарник скандалов и беспорядков. Монахи имели обыкновение посещать некоторые дома с дурной славой в своих пригородах, но теперь монастырь стал ареной их постоянных оргий. Как только зашел разговор об уничтожении этого гнезда разврата, негодяи проявили самую ненасытную жадность. Монахи и их хозяйки начали грабить монастырь; они срывали и уносили с собой все, что представляло какую-либо ценность; по ночам, а иногда даже днем, их видели выходящими из монастыря со свертками и прячущими награбленное в соседних домах. Таким образом, монастырь был не только опустошен, но и практически ободран до голых стен.^[638] Каким позорным было падение этих мнимых религиозных орденов! Несмотря на их ограбление, Совет выделил монахам резиденцию в городе и даже часовню, что было больше, чем они заслуживали.

Затем каждый приложил руку к работе. На этих прекрасных высотах, откуда открывается вид на озеро, Альпы, Юру и долину, лежащую между ними, царила жизнь и оживление. Сначала снесли церковь, а затем и монастырь, и не осталось ничего, кроме мусора, устилавшего землю. Это здание, самое древнее в Женеве, было основано в начале шестого века королевой Седелеубой, сестрой королевы Клотильды, в память о победах ее шурина Хлодвиги;^[639] - тот храм, где ночью было захоронено тело святого Виктора, и который (как было сказано) свет с небес указал на то, что шурин был убит. чужаки, это святилище, в которое великие мира сего отправлялись в качестве паломников, теперь представляло собой ничем не примечательные руины. Этот памятник, воздвигнутый в ознаменование победы православия, защищаемого Хлодвигом, над арианством, исповедуемым Гондебальдом, простояв более тысячи лет, рухнул на землю в разгар распутства его монахов. На колыбель Святого Виктора была возложена корона — на ее руины следовало бы положить жезл.

Причитания по умершим.

Однако то, что было великим в глазах людей, не всегда заканчивается так, как то, что было вульгарным. Однажды по городу распространился странный слух, пущенный в ход монахами. Ночью среди руин Святого Виктора были слышны голоса, стоны и причитания. Ветер, когда он сильно дует над этими высотами, часто напоминает человеческий голос. Преданные прислушались: снова слышались жалобные звуки, взволновавшие их. 'Ах!' воскликнули они.

‘это стонут мертвые, и не без причины, потому что их покой был нарушен’. Толпа увеличивалась, и вскоре ‘призраки явно стенали не только ночью, но и днем’. Если мертвые оплакивали падение Святого Виктора, то у живых были причины еще больше оплакивать церковь, монахи которой были ее позором, а не славой.

После монастыря ближайшие к городу дома были снесены один за другим. Когда горожане, утомленные своими трудами, присели отдохнуть на развалинах, они спросили, что с ними будет. ‘Где я буду хранить свое добро, где приютю жену и детей?’ - спросил Жан Монтанье. ‘А куда я пойду сам?’ Бедный каменщик, немощный старик, разрыдался, когда увидел, что его жалкий дом снесен: муниципальный совет дал ему меру пшеницы и пообещал платить за квартиру. Но если магистраты проявляли доброту к несчастным, то по отношению к мятежникам они были непреклонны. Магдален Пико, вдова, оскорбившая синдикат в порыве страсти, была приговорена к трем дням тюремного заключения. Если бедняки оплакивали свои лачуги, то богатые сожалели о своих красивых домах, приятных садах вокруг них, улыбающихся лугах, орошаемых бегущими ручьями и осененных величественными деревьями, фонтанах и храме крестоносцев, чьи готические стены придавали приятной картине античный и религиозный характер. Поэт выразил свои мысли в таких строках:—

Urbe fuere mihi majora suburbia quondam,

Templis et domibus nec speciosa minus,

Quinetiam irriguis pratis, hortis et amœnis;

Pascebant oculos hæc animosque magis.^[640]

Среди таких стенаний все добропорядочные граждане и ревностные евангелисты оставались непоколебимыми; но Де Муро с большим числом католиков покинул Женеву и перешел в лагерь врага. Отныне они больше не должны были бороться с Реформацией тайными заговорами; они нападут на нее открытой войной: *aperto bello patriam oppugnaturi*.^[641]

Испуганные монахини.

Одновременно с разрушением домов были построены крепостные валы. Триболе, капитан Берна и один из посланников этой республики, человек опытный, быстрый и в то же время сострадательный, руководил строительством земляных валов и каменной кладки, предназначенных для укрепления города. Ближе к концу сентября он начал прокладывать линии в саду, примыкающем к монастырю Сент-Клер. Богатые и бедные, большие и малые, катили свои тачки, наполненные землей и камнями. Когда работа была закончена, Триболе решил, что ее следует продолжить в следующем саду, у монахинь; и 30 сентября, уже в четыре часа утра, их вежливо попросили убрать из сада все, что они хотели бы сохранить. Глубоко потрясенные этой ужасной вестью, они начали взывать к Богу через заступничество Пресвятой Девы и святых. ‘Мы изолированы от мира из любви к Богу,’ сказала аббатиса бернскому капитану. ‘Не вздумай врываться в нашу святую обитель’. Триболет объяснил ей, что этого требует безопасность города, и добавил, что он будет выполнять свою работу, ‘нравится им это или нет’. Тогда перепуганные сестры распахнули двери монастыря и, вбежав в церковь, пали ниц на землю, горько рыдая. Когда капитан открыл дверь и увидел бедных женщин, распростертых на тротуаре, он ласково сказал им: “Не бойтесь, мы не причиним вам вреда”. Сестры были очень удивлены, обнаружив, что еретичка может быть такой добродушной.^[642]

Тем временем разрушительная работа продолжалась, и поскольку материалы использовались для возведения укрепления и ремонта брешей в стенах, мы можем сказать вместе с Бониваром: "*Этиам периер руинэ*": "сами руины погибли".

Но что было делать с шестью тысячами горожан, изгнанных из своих домов? Должны ли они были быть оставлены бродить без присмотра местных грабителей? Для большей части из них нашлось бы место в монастырях, но эти здания оставались закрытыми. С другой стороны, дома гугенотов были распахнуты настежь даже для католиков. Граждане влезли в долги из-за долгих войн, их торговля была разрушена, а поля опустошены.... Тем не менее тот, у кого было две комнаты, уступил одну, а тот, у кого была буханка хлеба, поделился ею со своим братом. Синдик Дювилар был уполномочен временно проживать либо в государственных зданиях, либо в частных домах, например, тех, кто был лишен своего жилья. Если кто-нибудь из обездоленных замечал, что кто-то слоняется по улицам, доброжелательные мужчины и набожные женщины подходили к ним, отводили домой, усаживали за семейный стол, и каждое место, каким бы маленьким оно ни было, было оборудовано для ночлега. Городской совет даже оказывал помощь и утешение богатым. Бутины из Миоланса поселили, как говорится в Реестре, в доме викария Сент-Леджера.

Активность женевцев постоянно стимулировалась новостями, доходившими до них извне. "Герцог Савойский, - говорилось в письмах из Берна, - собирает армию разбойников и готовит вам вечные неприятности". Ближе к концу сентября двое галлатинов (нотариус Джон и его сын Пьер), отправившиеся в свое поместье в Пейси за сбором винограда, по возвращении были вызваны в Совет по обвинению в общении с людьми взамке Пеней, который находился в полумиле от них. Отец сказал, что, когда он был в давилльне и давил виноград, к нему заходили Никод де Прато и другие пенейсанцы. Кто-нибудь когда-нибудь отказывался от посещения давилльни? Они вместе выпили по бокалу вина, и это было все. "Что касается меня, - сказал сын, - я признаюсь, что ездил в Пеней и пил там с беглецами из епископии;они сказали мне, что вскоре у нас будет *серьезная война*; что это будет не такая маленькая война, как ночная атака Де Молоза 31 июля; что они придут с большими силами и что мне лучше всего будет покинуть город. Когда я вернулся (продолжал Пьер), Я доложил обо всем своему капитану. Два "Галлатена" были немедленно уволены без каких-либо замечаний.^[643]

Первым врагом, которого епископ напустил на свою паству, был голод: он приказал перехватывать провизию по всему городу. Рыночная площадь опустела, запасы в домах постепенно истощались, и епископалы лстили себя надеждой, что вскоре в Женеве вместо доблестных граждан можно будет увидеть только голодных призраков. 'О, бесчувственный пастух! он отнимает пищу даже у своих овец, когда должен их кормить", - сказал один из тех, кто был среди тех, кто был заключен в городских стенах. Несчастный епископ! несчастная Женева!^[644]

Женева, окруженная железом.

Как будто голодной смерти было недостаточно, неестественный пастор окружил Женеву железным кольцом. Его замок Жюсси на востоке, у подножия Вуарона; замок Пеней на западе, на берегу Роны; герцогский замок Галлиад на юго-западе, на высотах, возвышающихся над Арве; и на севере, на берегу озера, деревня Версуа, в то время хорошо защищенная: все эти крепости, наполненные мамлюками и солдатами, окружали город и не оставляли выхода, кроме как к озеру. 'Таким образом, никто не может покинуть Женеву, - сказали они, - кроме как с

риском для своей жизни'. Епископ последовал примеру обездоленных князей - нет, даже церковных властей - и более или менее потворствовал разбойникам. Многие джентльмены из этих округов, с удовольствием вернувшись к ремеслу, которым некогда занимались их отцы, высматривали в своих гнездах маленькие торговые караваны, чтобы наброситься на них. Однажды несколько набожных католиков из Вале, направлявшихся во Францию с длинной вереницей хорошо нагруженных мулов, были раздеты этими грубыми епископалами. За фортом Эклюз располагался замок - настоящее разбойничье логово, — принадлежавший сеньору Аванши, "самому хитрому и жестокому человеку, которого когда-либо знали". В сопровождении нескольких свирепых наемников он устраивал засаду у большой дороги и при появлении путешественников выпрыгивал из скал, как дикий зверь, 'вырывая глаза одним и отрезая уши другим'. Д'Аванчи обошелся таким образом с бедным торговцем, напечатавшим несколько Новых Заветов;^[645] и когда судья замка возмутился ему за жестокость, сеньор убил его на месте. Однако он не выказывал никаких предпочтений в том, что касалось религии. Однажды, встретившись с несколькими монахинями, он милостиво пригласил их войти в свой особняк под предлогом раздачи милостыни, а затем жестоко с ними обошелся. Свирепый и чувственный дикий кабан Юра был доставлен в Доль и там предан смерти по приказу католического трибунала.^[646]

Теперь епископ предпринял еще один шаг: он приказал перенести епископскую кафедру из Женевы в город Жекс, расположенный у подножия Юры, и дал указания, 'чтобы его совет, суд, судьи и все другие должностные лица прибыли туда'. В ночь на 24 сентября епископальные чиновники тайно сбежали, и город остался не только безпрелата, но и без гражданских судей или апелляционных судов. Когда утром весть об этом побеге распространилась по всему миру, Де ла Мезоннев, Леве, Саломон и их друзья почувствовали огромное облегчение. Наконец-то они освободились от этой епископальной шайки, которая так часто ловила женевцев в свои сети 'обманом и ловушками'.^[647] Совет запретил вывозить печати, символ высшей власти, из Женевы.^[648] Принц-епископ собрал в Гекс большое количество священников из окрестных округов. 'Мы должны сокрушить эту лютеранскую секту, - сказал он им, - войной или иным способом. Недостаточно оставаться окопавшимися в нашем лагере, мы должны загнать врага в их лагерь".

Удары молнии по Женеве.

Наконец-то Пьер де ла Бом запустил свои "тандерболты". В каждом приходе Шабле, Фосиньи, Жекса и Бюже, в каждом аббатстве, приорате и обители от его имени было объявлено великое отлучение от церкви не только против советов и граждан Женевы, но и против всех, кто услышит проповедников или поговорит с ними, и даже против любых лиц, которые войдут в город с какой бы то ни было целью. С тех пор суеверное сельское население смотрело на Женеву как на место, населенное дьяволами. Некоторые жители Тонона, более любопытные, чем остальные, отважились посетить его и по возвращении заявили, "что проповедники на самом деле были людьми, а не демонами'. Эти опрометчивые люди были арестованы и доставлены в Гекс, где епископ отправил их в тюрьму;^[649] и после этого времени никто не осмеливался ехать в Женеву.

Друзья Реформации не были обескуражены этими враждебными действиями. "Самое позднее к Рождеству, - сказали они, - все церкви опустеют, и весь город станет единоверческим".^[650] "Все к лучшему", - добавили многие. 'Когда-то епископы узурпировали привилегии города; теперь они возвращают их нам и уходят. Что ж, тогда давайте обойдемся без епископов и будем

управлять сами'. Совет не счел нужным действовать так быстро и просто постановил, что "должно быть записано все, что епископ сделал против города, в качестве меры предосторожности против него".^[651] Когда каноники, представители прелата, собрались на свое обычное ежемесячное собрание,^[652] синдики и совет предстали перед ними: "Оставленные нашим епископом, который возбуждает жестоких солдат против своей паствы, что нам делать, преподобные сэры?' они спросили. "Престол вакантен: мы молим вас признать этот факт и избрать, согласно вашей привилегии, необходимых для города должностных лиц вместо тех, кто покинул свой пост".^[653]

Получив медленный ответ каноников, соборы, которые всегда строго соблюдали прецедент, решили обратиться к единственному органу власти, который мог принять решение между ними и епископом. Женевцы обратились к папе римскому. Это был странный шаг, но апелляции к римскому понтифику как главе католического мира, частично основанные на поддельных декретах псевдо-Исидора,^[654] были тогда в полную силу. Что мелкие люди пошли по пути законности и этим достигли своей цели. Люди, добившиеся успеха, замечает один историк, - это те, кто в самый разгар революции не принял и не перенимал революционную политику.^[655] 7 октября 1534 года синдики и совет подали апелляцию в Рим, жалуясь на то, что их епископ лишил их привилегий и юрисдикции. Это был вопрос не религии, а политики. Принц Ватикана был призван выполнить свои обязательства. Именно Рим разорвал эту связь: ответа не последовало, что очень обрадовало евангелистов.^[656]

Труды герцога.

Но как только папа положил посох, герцог поднял его. Ему удалось расположить к себе нескольких бернских послов, которые были направлены к нему, и эти люди, восхищенные вежливыми манерами принца, попытались убедить жителей Женевы в его доброте. "Мы знаем его, - сказал гугенот, - у него ослиная голова и лисий хвост".^[657] Бернцы продолжили: "Все будет прощено, но при условии, что вы отошлете этих новых проповедников; что вы больше не разрешаете подобные проповеди; что епископу будет возвращено его прежнее поместье, и, наконец, что вы будете жить в старом доме". вера нашей святой матери, Церкви".^[658] Женевцы едва могли поверить своим ушам. Малый и Великий Совет, послав за послами из Берна, сказали им прямо и лаконично: 'Вы просите нас отказаться от наших свобод и Евангелия Иисуса Христа. Мы скорее отречемся от отца и матери, жены и детей, мы скорее потеряем наше имущество и нашу жизнь! Скажи герцогу, что мы подожжем все четыре угла города, прежде чем уволим проповедников, проповедующих Слово Божье.... Тем не менее, они предлагают претерпеть смерть, если Священное Писание докажет, что они неправы'. Жители Берна были очень удивлены таким ответом.^[659]

Герцог был поражен еще больше; мера была полной, дерзость этой горстки друзей евангельского учения должна быть сурово наказана. "Видя это, герцог и все его последователи (*sequelle*), более чем когда-либо воспламененные гневом против Женевы, посоветовались, чтобы начать с ней войну". Со всех сторон главы духовенства (и, в частности, епископ дю Белле) заклинали его "поддержать авторитет святой веры в городе Женеве".^[660] Убеждения этих прелатов воспламенили принца таким рвением к поддержанию папства, что, не обращая внимания ни на какие договоры, он отправил письма в Вале и католические кантоны, требуя от них помощи *propter fidem*, во имя истинной веры, против городов Женевы, Лозанны и других.^[661] В то же время он отдал приказ своим губернаторам, джентльменам, проректорам и другим

офицерам "разорить и разрушить Женеву".^[662] 20 ноября в Тононе состоялся сейм для решения судьбы города; и поскольку в Берне как раз тогда преобладало аристократическое влияние, бернские депутаты приняли зловещие резолюции Савойи. Даже Карл V заявил через посла о своей поддержке требований герцога и потребовал, чтобы, прежде чем предпринимать какие-либо другие меры, епископу были восстановлены все его права.

К счастью, жители Женевы не остались без своевременного предупреждения о надвигающейся на них буре. Гонцы по поручению Карла III. чтобы передать его строгие приказы своим агентам, им приходилось проезжать через определенные деревни, где они иногда останавливались на постоялом дворе. Все заметили их смущенное поведение, и в некоторых местах находились доброжелательные люди, которые останавливали и обыскивали их, а обнаружив их письма, забирали их и отправляли синдикам. Последний понимал опасность, нависшую над городом, и соответственно принял меры, необходимые для его обороны.^[663] Друзья независимости и Реформации, вместо того чтобы быть удрученными такими новостями, почувствовали, что их мужество возросло. Это было так, как если бы искра упала на порох; их дух воспламенился. Настал час жертв и энергичных решений; больше не было ничтожных колебаний, уклонений или задержек, больше не было робких компромиссов. Чтобы что-то увенчалось успехом, это должно быть сделано решительно. Поэтому женевцы смело взялись за молот и со свежими силами начали разрушать пригороды и папство одновременно. На площади Пре л'Эвек они снесли каменный крест, потому что (как они сказали) "он отвратил людей от истинного креста Иисуса Христа".^[664] В Сент-Леже, поскольку церковь была снесена, они уничтожили и изображения. Тем не менее, римское богослужение оставалось свободным; в то время как Рим нападал на Женеву, Женева защищала Рим. Каноны имея робко спросила совета, 24 декабря, если они могли отпраздновать Рождество утрени следующий день, Синдику отправил себя на двери из разных церквей, с мужчинами-по-оружию, чтобы предотвратить раздражение, когда богослужение закончилось.^[665]

Швейцария против Женевы.

У Женевы оставалась еще одна надежда. Позволят ли те же самые швейцарцы, которые сбросили гнет Австрии, Савойе подчинить Женеву? Неужели протестантская республика Берн, которая так много сделала, чтобы посеять доброе семя в этом союзном городе, — которая с этой целью привезла туда и защитила Фареля, Вире и Фроманта, — неужели эта республика отвернется теперь, когда зерно начало всходить и жатва была близка? Это казалось невозможным. В январе в Люцерне должен был собраться сейм, чтобы обсудить, что Швейцарии следует предпринять в сложившейся ситуации. Все идеи женевцев были сосредоточены на этом одном пункте. Не только большинство кантонов, но и сами бернцы согласились на восстановление герцога и епископа. Они действительно требовали, чтобы соблюдалась свобода совести; 'ибо,' говорили они, 'от человека не зависит верить во что он хочет; вера - это дар Божий'. Но герцог и епископ имели откровенность отвергнуть такое условие: 'Мы требуем, - сказали они, - права распоряжаться всем, что касается религии в наших штатах'. — "Мы имеем в виду, - добавили их представители, 'что проповедники должны быть изгнаны из города и что Берн должен разорвать свой союз с ним'. При этих словах горе и негодование пронзили женевских депутатов, как меч. 'Что?' воскликнули они. 'Епископ жалуется на то, что у него отняли юрисдикцию, и именно он является грабителем! Он всегда хотел лишить Женеву ее привилегий; и не так давно он перевел представителей правосудия, суды и трибуналы в другую страну'. Сейм был неумолим. Они постановили, что герцог и епископ

должны быть восстановлены во владении всеми их светлостями и привилегиями. Напрасно члены синдиката Клод Савуа и Жан Луллен, встревоженные этим решением, поспешили в Люцерн и заявили, что Женева никогда не примет принятые статьи. 'Вы должны поблагодарить нас', — ответил швейцарец, - с иронией или искренне? — 'Вместо этого вы оскорбляете нас. Примите мандат'. — "Мы не можем", - гордо ответили депутаты. "В таком случае, - подытожили кантоны, - нам остается только передать дело в руки Божьи".^[666]

Женева была покинута всеми, даже Берном. Новость наполнила граждан самыми живыми эмоциями. У них не осталось ничего, кроме Бога, а Бог всемогущ. 'Да, - сказали они, - пусть будет так, пусть Бог решит'. Мужчины работали на стенах и готовили оружие, женщины молились, а дети в своих играх бросали вызов Савоие и епископу. Колокола снесенных церквей были переплавлены на изготовление пушек. Каждую ночь стражники натягивали цепи поперек улиц, и лозунгом было создать "хорошую охрану". Все выполнялось в порядке, спокойствии и мужестве.^[667]

Их враги улыбнулись этой деятельности и спросили, как такой маленький город может противостоять многочисленным силам, которые вот-вот выступят против него. Но более мудрые люди не были невежественны в том, что в мире вера часто преобладает над суеверием, мудрость - над силой, благочестие - над гневом, и что великая миссия в конечном счете ложится на плечи справедливых и спокойных. Карл V, который стремился положить свой меч на чашу весов, и другие великие и честолюбивые люди имели в себе нечто гигантское; экстраординарные идеи вспыхивали в их умах подобно молнии, и они часто бросали широкий и мрачный свет на историю; но они не основали ничего прочного. Все великие и прочные творения принадлежат справедливости, настойчивости и вере.

Песнь Воскресения.

Дух самопожертвования и твердость, с которыми женевцы разрушили половину своего города, были залогом победы. В начале 1535 года работы были почти закончены. Однако несколько более отдаленных зданий не были разрушены до 1536 и даже 1537 годов. Все было выровнено вокруг стен, подходы к крепости были свободны, артиллерия могла действовать беспрепятственно, линии, предназначенные для прикрытия города, были сформированы, валы возведены, и Женева, наблюдая за трудами своих детей и их внезапным и чудесным преображением, вполне могла воскликнуть устами одного из своих поэтов:

. Incepit tentandi causa pudoris

Alliciens varios hæc mea forma procos;

Qui me cum blandis non possent fallere verbis,

Ecce minas addunt, denique vimque parant.

Tunc ego non volui pulchrum præponere honesto,

Diripui rigida sed mea pulchra manu

Templa, domos, hortos, in propugnacula verti,

Arcerent stolidos quæ procul inde procos.

Diripui pulchrum certe, ut tutarer honestum.

E pulchra et fortis facta Geneva vocor.^[668]

В то время Женева проходила через тяжелое испытание преображения. На нее обрушились грубые удары, из груди вырывались стоны, а черты лица были смертельно бледными. Но в тот час, когда жертва была таким образом принесена на алтарь, когда богатство и красота были принесены в жертву ради спасения независимости и веры, когда эти гордые мысли взволновали сердца людей и дали знать о своем присутствии криком агонии или словами возвышенности, таинственный свет воссиял посреди тьмы; свобода, нравственность и Евангелие явились. Полные надежды глаза увидели новое здание, сияющее бессмертной славой, возвышающееся над руинами старого. Песня, которую тогда слышали, была песней не смерти, а воскресения.

ГЛАВА XVI.

КОРОЛЬ ФРАНЦИИ ПРИГЛАШАЕТ МЕЛАНХТОН ВОССТАНОВИТЬ ЕДИНСТВО И ИСТИНУ.

(Конец 1534 - август 1535 гг.)

В то время как работа Реформации, казалось, подвергалась большим опасностям в маленьком городке в Альпах, в глазах оптимистов она имела шансы на успех в двух величайших странах Европы — Франции и Италии. Два величайших гения реформы, Меланхтон и Кальвин, были вызваны в эти две страны соответственно. Лютер, превосходивший их движениями своего сердца и простотой своей веры, уступал им как богослов, и они, вероятно, превосходили его в своей способности постигать в своих мыслях все народы и все церкви.

Первая половина шестнадцатого века была эпохой великих преобразований для народов Европы; ничего подобного не было со времен введения христианства. В средние века папа римский был хранителем христианского мира, а люди были младенцами, которые, не достигнув необходимого возраста, не могли действовать самостоятельно. Папская иерархия открывала или закрывала небесные врата, устанавливала, во что должен верить и что делать каждый человек, доминировала в советах князей и оказывала мощное влияние на все общественные институты. Но опека всегда носит временный характер. Когда человек достигает совершеннолетия, он вступает в права пользования своей собственностью и правами, и, не имея возможности отчитываться ни перед кем, кроме Бога, он ходит без опекунов, руководствуясь светом, который дает ему его совесть. У народов также есть время совершеннолетия, и христианское общество достигло этого возраста в шестнадцатом веке. С этого момента оно перестало слепо воспринимать все, чему учили священники; оно вступило в более высокую и независимую сферу. Учение человека исчезло; учение Бога началось снова. В христианском мире снова прозвучали те слова, которые Павел из Тарса произнес в первом веке: "Я говорю как мудрец; судите о том, что я говорю".^[669] Но следует внимательно наблюдать, что реформаторы осознали это предложение, открыв Библию своему поколению.

Если бы они не вернули человеку небесный факел, если бы они оставили его наедине с самим собой в густых ночных тенях, он остался бы слепым, беспокойным и неудовлетворенным. Священная эмансипация шестнадцатого века призывала тех, кто слушал ее, свободно черпать из божественного Слова все, что было необходимо, чтобы рассеять тьму их разума и заполнить пустоту в их сердцах. Возвышая их над телесными благами, даже над искусствами, литературой, наукой и философией, она предлагала их душе вечные сокровища — самого Бога. Евангелие, затем восстановленное в мире, придало непривычную силу нравственному закону и, таким образом, даровало людям, принявшим его, два блага — порядок и свободу, - которыми Ватикан никогда не обладал в пределах своих границ.

Тревога и Радость.

Однако все люди не понимали, что большинство, которого каждый должен обязательно достичь индивидуально, в то же время необходимо для них всех, и что Церковь в частности неизбежно должна достичь его. Среди тех, кто был заинтересован в процветании наций, было много тех, кто испытывал тревогу по поводу отмены папской опеки. Они увидели, что этот грандиозный акт вызовет огромные изменения в сфере сознания; что общество в целом, литература, общественная жизнь, политика, отношения зарубежных стран друг с другом станут новыми. Эта перспектива, которая была предметом радости для большинства, вызвала самые живые опасения у других. Особенно те, кто не знал, что человеком, как нравственным существом, могут руководить только свободные убеждения, воображали, что всеобщество одичает и погибнет, если будет подавлена та власть, которая так долго запугивала и сдерживала его страхом отлучения от церкви и костра. Эти люди, встревоженные видом свободных и живых вод реформ и желающие любой ценой спасти народы Европы от наводнения, которое, казалось, угрожало им, сочли своим долгом еще больше ограничить их, восстановить, укрепить и возвести находящиеся под угрозой дамбы и таким образом сохранить стоячую воду в грязных каналах, где они стояли веками.

Несмотря на свои либеральные тенденции в отношении литературы и искусства, Франциск I не был свободен от этих опасений и протянул руку помощи реставрации, часто жестокой, римской юрисдикции. Генрих VIII, малоинтересный как личность, хотя и великий как король, и который действительно был отцом, предшественником и предтечей Елизаветы и ее правления, даже безуспешно пытаясь сохранить католические доктрины в своем королевстве, решительно отделил его от папства и тем самым заложил основы свободы и величия Англии. Франциск I, с другой стороны, сохранял папское верховенство в своих владениях и трудился над его восстановлением в странах, где оно было упразднено. В 1534 и 1535 годах мы видим, как он прилагает огромные усилия для достижения этой цели и находит многочисленных помощников, которые его поддерживают.

Идея восстановления единства в христианской церкви Запада привлекла внимание не только тех, кто руководствовался деспотическими взглядами, но и благородно мыслящих и либеральных людей. 'Какими средствами мы можем добиться успеха?' - спросили они. Жестокие отвечали: 'Силой'; но мудрые утверждали, что христианское единство не может быть достигнуто мечом. Те, кто был занят этим великим вопросом, решили проверить, не могут ли они решить его посредством взаимных уступок; и они приступили к выполнению своей задачи с разными мотивами и в разном настроении. Они разделились на три категории.

В то время во всех частях Европы существовали люди остроумные и образованные, дети Возрождения, которым не нравились суеверия и злоупотребления Рима, а также смелые доктрины и суровые предписания Реформации. Они хотели иметь религию, но она должна быть простой и в большей степени соответствовать (как они считали) разуму. Между Лютером и папой римским они видели Эразма, и этот элегантный и рассудительный писатель был их апостолом: поэтому курфюрст Саксонии назвал их эразмианцами.^[670] Они думали, что, соединив папство и протестантизм воедино, они смогут осуществить свои мечты.

Подобным же образом можно было найти и более или менее выдающихся людей, в которых преобладало желание сохранить Европу под той папской опекой, которая длилась все средние века: они боялись самых ужасных потрясений, если этой верховной власти придет конец. Во главе их во Франции стоял король. У Франциска I была и более заинтересованная цель: он желал из политических побуждений объединить протестантов и католиков, потому что ему нужен был Рим в Италии, чтобы восстановить там свое превосходство, и протестанты в Германии, чтобы смирить Карла V. К этому классу также принадлежал, в большей или меньшей степени, Уильям дю Белле, королевский советник и правая рука в дипломатии. Что касается доктрины, оба были на стороне Эразма; но с церковной точки зрения, в то время как принц склонялся к умеренному папскому владычеству, министр предпочел бы еще более либеральную систему.

Умеренные евангелисты.

Наконец, было, особенно в Германии, несколько евангельских христиан, которые согласились принять епископальную форму и даже первенство епископа в надежде добиться преобразования доктрины и нравов вселенской Церкви. Меланхтон в Виттемберге, Буцер в Страсбурге и профессор Штурм в Париже были самыми выдающимися представителями этой школы. Меланхтон пошел дальше своих коллег. Он верил, что происходившая тогда великая революция была благотворной и даже необходимой; но ему хотелось бы видеть ее ограниченной и направленной. Прошлые века выработали определенные результаты, которые, по его мнению, должны быть переданы грядущим векам; и он воображал, что, если удастся побудить папу принять Евангелие, этот древний деспот все еще может быть полезен Церкви. Другой, еще более насущный интерес воодушевлял этих благочестивых людей: необходимо было спасти жертвы фанатизма, погасить горящие костры. Кровавые и торжественные казни, имевшие место в Париже 21 января 1535 года в присутствии короля и двора, повсюду вызвали неопишуемый ужас. Можно было бы вообразить, что эти благородные сердцем люди предвидели бедствия Франции, поля сражений, залитые кровью, и Варфоломеевскую ночь с ее убийствами, о которых возвестил похоронный звон с колокольни Сен-Жермен-л'Оксерруа; что они видели проходящие перед ними армии беглецов, которых отмена Нантского эдикта рассеяла по всему миру.

Одна общая черта характеризовала все три класса. Те, кто их составлял, в целом отличались покладистым нравом, легкими манерами, готовые пожертвовать некоторой частью того, что они считали истинным, ради достижения своей цели. Но в Европе на стороне Рима было много непреклонных папистов, а на стороне Реформации - много решительных протестантов, которые ставили истину превыше единства и были полны решимости сделать все, "чтобы талант, доверенный им Богом, не был потерян из-за их трусости или отнят у них из-за их неблагодарности".^[671]

Эффект от плакатов.

Знаменитые плакаты, расклеенные в столице и по всей Франции в ту октябрьскую ночь 1534 года, посеяли тревогу в сердцах миротворцев. Они увидели, как, по их представлению, факел внезапно вспыхнул в доме, в котором они спокойно трудились над примирением Рима и Реформации. "Такой мятежный акт будоражит все королевство и подвергает нас величайшей опасности",^[672] писал Штурм из Парижа Меланхтону. 'Авторы этих плакатов - люди фанатичного склада, мятежники, распространяющие пагубные настроения и заслуживающие наказания', - писала Меланхтон епископу Парижа. Но в то же время самые энергичные из немецких протестантов, возмущенные жестокостью Франциска I, отказались вступить в союз с князем, который сжег их братьев. Король Франции разработал план конгресса, призванного восстановить мир в христианском мире; но неосторожная рука поднесла спичку к mine, и сторонники мира были поражены ужасом и замешательством. С этого момента не было слышно ничего, кроме взаимных обвинений и перебранок.

Франциск I. ясно понимал, что если его проект был на грани провала, то виной тому было главным образом его собственное насилие; поэтому он взялся привести в порядок дела, которым так неосмотрительно навредил. 1 февраля 1535 года он написал евангелическим князьям империи, заверяя их, что нет никакого сходства между немецкими протестантами и французскими *еретиками*, его жертвами. Исполнитель роли страппадо от 21 января принял надменный тон, как будто он был самой невинностью. "Меня оскорбляют в Германии, - сказал он, - в каждом месте собраний и даже на публичных банкетах. Говорят, что люди, одетые как турки, могут свободно разгуливать по улицам Парижа, но никто не осмеливается появиться там в немецком костюме. Люди говорят, что на немцев здесь смотрят как на еретиков, их арестовывают, пытаются и казнят. Мы считаем своим долгом ответить на эту клевету. Как раз в тот момент, когда мы были близки к тому, чтобы прийти к взаимопониманию с вами, некие безумцы попытались помешать нашей работе. Я предпочитаю похоронить во тьме парадоксы, которые они выдвинули; я не хочу излагать их вам, самые прославленные принцы, и таким образом показывать их миру."^[673] Я думаю, достаточно сказать, что даже вы предали бы их проклятию. Я хотел предотвратить распространение чумы по Франции, но ни один немец не был отправлен в тюрьму.^[674] Мужчин вашей нации, принцев и дворян, по-прежнему благосклонно принимают при моем дворе; а что касается немецких студентов, торговцев и ремесленников, которые работают в моем королевстве, я отношусь к ним как к другим моим подданным и, могу сказать, как к своим собственным детям.' Письмо произвело небольшой эффект, и на другом берегу Рейна последовала реакция. Меланхтон возобновил свои планы воссоединения.

Но затем произошла новая перемена: внезапно и с большей силой, чем когда-либо, возникли новые трудности, которые грозили привести к кораблекрушению все предприятие. Франциск I добился распространения в Германии примирительных мнений Меланхтона, Гедио и Буцера.^[675] Некоторые неразумные и отнюдь не честные приверженцы католицизма исказили и урезали эти мнения,^[676] а затем с видом триумфатора провозгласили, что еретики с Меланхтоном во главе, мы вот-вот вернемся в лоно Церкви!.... Чрезмерным было раздражение евангельской паствы, и со всех сторон раздавались громкие крики против временщиков и их слабости. Они напомнили, что истина - это не товар, который можно удешевить, а цепь, в которой, если разорвать хотя бы одно звено, все остальное становится бесполезным. 'Меланхтон придерживается мнения,' говорили некоторые, 'что единый понтифик, проживающий в Риме, был бы очень полезен для поддержания гармонии веры между различными нациями

христианского мира. Буцер добавляет, что мы не должны ниспровергать все, что существует в папстве, но восстановить в протестантских церквях многие обычаи, соблюдавшиеся древними. Люди, которые так говорят, - дезертиры и перебежчики. Они предают наше дело, они совершают преступление".^[677] Если такие протестанты, как эти, были услышаны среди лютеран, такие врачи, как Фарель и Кальвин, еще более открыто высказывались против всех попыток союза с папством. "Неправильно, - писал впоследствии Кальвин некоторым английским друзьям, - сохранять такой ничтожный хлам, печальные реликвии папского суеверия, каждое воспоминание о котором мы должны стремиться искоренить".^[678] Мысль о том, что Франциск I был во главе этих переговоров, вызвала, в частности, невыразимое отвращение у швейцарских теологов. "Чего хорошего можно ожидать от этого принца, - сказал Буллингер, - от этого нечистого, нечестивого, честолубивого человека?"^[679] Он лукавит: Христос и истина не имеют значения в его проектах. Его единственная мысль - как завладеть Неаполем и Миланом. Какое значение имеет то или иное, чтобы он стал хозяином Италии? У этих честных швейцарцев не было недостатка в здравом смысле. Встревоженные ловушкой, которая готовилась для Реформы, Буллингер, Блаарер, Цвик и другие реформированные богословы написали Буцеру: "Бесполезно пытаться воссоединиться с папой римским; тысячи протестантов скорее пожертвуют своими жизнями, чем последуют за вами".

В то же время Сорбонна и ее последователи еще громче подняли свой голос против всякой ассимиляции с лютеранскими доктринами. Буря разгоралась с обеих сторон и обрушилась на партию умеренных. Бедный Буцер, гонимый в разные стороны, изнемог под тяжестью своего горя. "Молю Бога, - воскликнул он, - чтобы я, подобно французским мученикам, был избавлен от этой жизни, чтобы предстать перед лицом Иисуса Христа!"^[680]

Надежда на Объединение Утрачена.

Всякая надежда на союз казалась потерянной. Корабль, который спустил на воду политичный король Франции и к которому рукаблагочестивой Меланхтон прикрепила знамена мира, носило по волнам; все попытки снова вывести его в море казались бесполезными; не было ни воды, достаточной, чтобы поднять его, ни ветра, достаточного, чтобы сдвинуть с места. Ее уже собирались бросить, когда внезапный бриз снял ее с отмели и снова пустил по бескрайнему океану.

Климент VII. умерев от огорчения, вызванного перспективой будущего, в котором он не мог видеть ничего, кроме обмана и печали,^[681] король Франции считал себя отныне освобожденным от обещаний, данных дяде Екатерины. Вскоре выбор Священной коллегии дал ему еще большую свободу. Александр Фарнезе, сменивший Климента под титулом Павла III, был светским человеком; он учился во Флоренции, в знаменитых садах Лоренцо Медичи, и с юности вел беспорядочный образ жизни. Однажды, будучи заключенным по приказу своей матери в замке Святого Анджело, он воспользовался моментом, когда внимание его тюремщиков привлекла процессия Тела Христова, и сбежал через окно с помощью веревки. Хотя у него было двое незаконнорожденных детей, сын и дочь, он стал кардиналом и с этого часа не сводил глаз с тройной короны. Наконец он получил его в возрасте шестидесяти семи лет и заявил, что в вопросах религии будет следовать принципам, сильно отличающимся от принципов его предшественников. Этот человек, который так сильно нуждался в реформировании для себя и своей семьи, был полностью поглощен реформированием Церкви. Мы увидим не только короля Франции, но и папу Римского, заигрывающего с Меланхтон. Лев X. завещал христианскому миру

раскол. Павел III предпринял попытку восстановить единство и таким образом надеялся снискать большую славу, чем слава Медичи. Он пообещал послам Карла V. созвать собор и через четыре дня после своего избрания объявил о своих намерениях на полной консистории. 'Я желаю реформы,' сказал он. 'прежде чем мы попытаемся изменить Вселенскую Церковь, мы должны сначала смести римский двор'. И он назначил конгрегацию для разработки плана реформы. Гордый своим мастерством, он думал, что ему все дастся легко, и уже торжествовал в воображении над немцами, которые были, по его мнению, такими грубыми, и швейцарцами, которые были такими варварами. Франциск I, удовлетворенный таким расположением папы, не мог не знать, кроме того, что у него были личные средства связи с ним. Первым секретарем его Святейшества был Амбросио, влиятельный человек, который отнюдь не брезговал подарками. Человек, нуждавшийся в его услугах, подарил ему шестьдесят серебряных тазов с таким же количеством кувшинов: 'Как так получается, - сказал однажды мужчина, - что со всеми этими тазами для мытья его руки никогда не бывают чистыми?'^[682]

Папство во Франции.

Но дело объединения оказалось не таким легким, как, казалось, обещало соединение двух таких звезд, как Фарнезе и Валуа. В то время как римская церковь была смягчена в Риме, папство стало более строгим во Франции. Вокруг дофина, будущего Генриха II, начала формироваться фанатичная партия, которая должна была приобрести ужасную известность благодаря преступлениям Варфоломеевской резни и Лиги. Этот восемнадцатилетний юноша, недавно вернувшийся из Мадрида, был далек от того, чтобы быть живым, разговорчивым и независимым, как молодой француз, но мрачен и молчалив и, казалось, жил только для того, чтобы повиноваться женщинам. Рядом с ним были двое, превосходно рассчитанных на то, чтобы дать ему папистское направление: во-первых, его жена Екатерина Медичи, а затем его любовница Диана Пуатье, вдова, все еще красивая, несмотря на свой возраст, и которая (как уже было сказано) не стала бы разговаривать с еретиком ни за что на свете. Любовница и жена, которые были в наилучших отношениях, и вся свита дофина попытались помешать планам короля. Наиболее влиятельные члены этой фракции постоянно повторяли ему, что протестанты Германии столь же фанатичны и мятежны, как и протестанты Франции. В то же время агенты императора, движимые теми же намерениями, сообщили немецким протестантам, что Франциск I был неверующим в союзе с турками. Препятствия, стоявшие во Франции и Германии на пути к примирению христианского мира, были таковы, что его реализация представлялась делом трудным.

Но в разгар этих интриг умеренная партия держалась стойко. Дю Белле принадлежали к одной из старейших семей Франции; их знатность восходит к правлению Лотэра,^[683] а их мать, Маргарет де ла Тур-Ландри, считала среди своих предков человека, который занимался установлением правил хорошего образования. После напряженной военной жизни шевалье де ла Тур-Ландри, сеньор Бурмона и Клермона, живший в четырнадцатом веке, написал две работы об образовании: одну для своих сыновей, другую для дочерей, копий которых стало множество. Трактат, предназначенный для девочек, был напечатан в 1514 году, возможно, по указанию родителей Дю Белле. "Из-за огромной привязанности, которую я испытываю к своим детям, - писал старый кавалерист, - которых я люблю так, как должен любить их отец, мое сердце наполнится совершенной радостью, если они вырастут хорошими и благородными, любящими Бога и служащими Ему".^[684] Уильям и Джон, похоже, особенно откликнулись на эту молитву. Уильям, старший, не был лишен христианских чувств. "Я желаю, - сказал он, - чтобы

ничего не случилось вредного для дела Евангелия и славы Христа";^[685] но особенно он был одним из самых выдающихся генералов и дипломатов своей эпохи. Он знал, по словам Брантома, самые сокровенные секреты императора и всех принцев Европы, так что люди предполагали, что у него знакомый дух. Несмотря на увечья в конечностях — следствие его кампаний, — он был человеком неутомимой деятельности. Его брат Иоанн, епископ Парижский, который также был 'другим великим умом', исповедовал, подобно ему, просвещенный католицизм; и поэтому так случилось, что при восшествии на престол Генриха II. он был лишен своего сана из-за интриг папистской партии и изгнан из Франции. Тем не менее, чтобы показать, что он остается католиком, он поселился в Риме.

Позиция Меланхтона.

В 1535 году умеренная католическая партия, во главе которой стояли эти два брата, видя шансы на успех как в Риме, так и в Париже, решила предпринять более решительный шаг и пригласить Меланхтона во Францию. Это предложение было сделано Франциску I и поддержано всеми членами партии. Они знали, что Меланхтона называли 'хозяином Германии', и думали, что если он приедет во Францию, то примирит все стороны своим умом, своей образованностью, мудростью, благочестием и мягкостью. Одного человека, если он появляется в нужный момент, иногда бывает достаточно, чтобы придать новое направление целой эпохе, целой нации. 'Ах, сир, ' сказал Барнабас Ворэ де ла Фосс, образованный и ревностный французский дворянин, хорошо знавший Германию и вкусивший Евангелия, - если бы вы знали Меланхтона, его прямоту, ученость и скромность! Я его ученик и не боюсь сказать вам об этом. Из всех, кто в наши дни имеет репутацию ученого и кто этого заслуживает, он самый выдающийся".^[686]

Эти заигрывания не были бесполезными: Франциск I. считал священников очень высокомерными и шумными. Его деспотизм заставил его склониться на сторону папы; но его любовь к литературе и отвращение к монахам привлекли его с другой стороны. Только что он считал возможным удовлетворить обе эти склонности сразу. Полностью поглощенный эффектом момента и невнимательный к последствиям, он быстро переходил от одной крайности к другой. В Марселе он бросился в объятия Климента VII, а теперь решил протянуть руку Меланхтону. "Что ж! - сказал король, ' поскольку он так сильно отличается от наших мятежников, пусть придет: я буду рад его послушать'. Это доставило большое удовольствие миротворцам. "Бог увидел страдания своих детей и услышал их крики", - воскликнул Стурм.^[687] Франциск I. приказал Де ла Фоссу отправиться в Германию, чтобы лично призвать Меланхтона.

Король Франции, приглашающий реформатора приехать и изложить свои взгляды, был чем-то совершенно новым. Теперь, казалось, были устранены два основных препятствия, мешавших Реформации. Первым был характер реформаторов во Франции, исключительная твердость их доктрин и строгость их морали. Меланхтон, мягкий, мудрый, терпимый, образованный ученый, должен был попытаться выполнить эту задачу. Вторым препятствием были непостоянство и противодействие Франциска I. Но именно этот принц добился успеха. В истории человечества были часы благодати, и, казалось, один из таких часов настал. "Бог, повелевающий бурями, - воскликнул Стурм, - показывает нам гавань-убежище".^[688]

Усилия посредников.

Друзья Евангелия и света усердно взялись за работу. Необходимо было убедить Меланхтона, курфюрста, и протестантов Германии, что могло оказаться задачей определенной сложности.

Но посредники не отступали перед препятствиями; они воздвигли мощные батареи; они натянули тетивы своих луков и приложили огромные усилия, чтобы овладеть крепостью. Штурм, в частности, не жалел усилий. Бесплатные курсы, которые он читал в Королевском колледже, его лекции о Цицероне, его логика, которая, вместо того чтобы готовить его учеников (среди которых был Питер Рамус) к бесплодным спорам, развивала и украшала их умы — ничто не могло остановить его. Штурм был не только просвещенным человеком, гуманистом, ценившим Прекрасное в произведениях гения, но и обладал глубоким чувством божественного величия Евангелия. Литераторы тех времен, особенно в Италии, часто негативно относились к делам Божьим, были легкомысленны в своем поведении, лишены моральной силы и, следовательно, неспособны оказывать благотворное влияние на своих современников. Штурм таковым не был: и в то время как эти *щеголи*, эти остряки бесполезно демонстрировали свой блестящий интеллект в гостиных, этот выдающийся человек демонстрировал христианскую веру и образ жизни: он занимался культивированием всего самого возвышенного и в течение своей долгой карьеры никогда не переставал просвещать своих современников. ^[689] "Будущее французского протестантизма в ваших руках", - написал он Буцеру; 'Ответ Меланхтона и ваш ответ решат, должны ли евангелисты наслаждаться свободой или подвергнуться самым жестоким преследованиям. Когда я вижу Франциска I., размышляющего о возрождении Церкви, я узнаю Бога, который склоняет сердца государей. Я не сомневаюсь в его искренности; я не вижу никаких скрытых замыслов, никаких политических мотивов; хотя я немец по происхождению, я не разделяю подозрений моих соотечественников на его счет. Я убежден, что король желает сделать все возможное, чтобы реформировать Церковь и предоставить французам свободу совести'. ^[690] Такова была надежда самых великодушных духов — такова цель их трудов.

Штурм, желая сделать все, что в его силах, чтобы дать Франции эту свободу и реформацию, лично написал Меланхтон. Он был человеком, которого следовало заполучить, и профессор всей душой стремился заполучить его. 'Как я рад при мысли, что вы приедете во Францию!' - сказал он. - Король много говорит о вас; он восхваляет вашу честность, образованность и скромность; он ставит вас выше всех ученых нашего времени и объявил, что он *ваш ученик*. ^[691] Я проливаю слезы, когда думаю о всепожирающем пламени, поглотившем так много благородных жизней; но когда я узнаю, что король приглашает вас посоветоваться с ним относительно средств тушения этих пожаров, тогда я чувствую, что Бог с любовью обращает свой взор на души, которым угрожают невыразимые бедствия. Какая странная вещь! Франция обращается к вам именно в то время, когда наше дело подвергается таким яростным нападениям. Король, который в глубине души добродушен, видит так много недостатков в старом деле и такую неосторожность в тех, кто придерживается истины, что обращается к вам с просьбой найти средство от этих зол. О Меланхтон! увидеть твое лицо будет нашим спасением. Приди в гущу наших жестоких бурь и покажи нам убежище. Твой отказ заставил бы наших братьев висеть над пламенем. Не беспокойтесь ни об императорах, ни о королях: те, кто приглашает вас, - это люди, которые борются со смертью. Но они не одиноки: голос Христа, нет, голос самого Бога призывает вас". ^[692] Письмо датировано из Парижа 4 марта 1535 года.

Священное Писание, которое читалось повсюду, куда проникала Реформа, возродило в сердцах людей чувства подлинного единства и христианского милосердия. Такие крики отчаяния не могли не тронуть протестантов Германии; Буцер, который также был приглашен, готовился к своему отъезду. "Французы, немцы, итальянцы, испанцы и другие нации, кто они?" ^[693] спросил он. 'Все наши братья в Иисусе Христе. Не только эта нация или та нация, но все народы, которые Отец дал Сыну. "Я готов, - писал он Меланхтон. - готовьтесь к отъезду".

Важность Франции.

Что могла сделать Меланхтон? это был важный вопрос. Многие люди, даже в Германии, надеялись, что Франция поставит себя во главе великого возрождения Церкви. Разве ее короли, и особенно Людовик XII, часто не сопротивлялись Риму? Разве Парижский университет не был соперником Ватикана? Разве не француз с крестом в руке побудил Запад выступить на завоевание Иерусалима? Многие верили, что если Франция преобразится, то вместе с ней преобразится и весь христианский мир. До определенного момента Меланхтон разделял эти идеи, но он был менее нетерпелив, чем Буцер. Откровенный язык плакатов потряс его; но горящие сваи, возведенные впоследствии в Париже, вызвали у него отвращение; он боялся, что планы короля были всего лишь уловкой, а его реформа - призраком. Тем не менее, поразмыслив над этим вопросом, он пришел к выводу, что завоевание такой могущественной нации было делом первостепенной важности. Его приверженность к движению возрождения, которое затем завершится, может решить его успех, точно так же, как его враждебность может разрушить его. Он должен сделать что-то большее, чем просто распахнуть объятия Франции, он должен пойти ей навстречу.

Меланхтон понял ситуацию и приступил к работе. Во-первых, он написал епископу Парижа, чтобы склонить его к предполагаемой унии, заявив ему, что епископальный порядок должен быть сохранен. Немецкий врач не сомневался, что даже в такой форме растущее сознание истины и справедливости, живая сила Евангелия, которая открывалась и возрастала повсюду, привлекут к Реформации сограждан Святого Бернара и святого Людовика. "Франция, так сказать, является главой христианского мира", - писал он епископу Парижа.^[694] 'Пример самых выдающихся людей может оказывать большое влияние на других. Если Франция будет полна решимости энергично защищать существующие пороки Церкви, добрые люди всех стран увидят, как их самые заветные желания исчезнут. Но я возлагаю большие надежды; я знаю, что французская нация обладает замечательным рвением к благочестию.'^[695] Все люди обращают к нам свои взоры; все заклинают нас не только своими словами, но и своими слезами не допустить, чтобы здоровое учение было задушено и слава Христа не была погребена".

В тот же день, 9 мая 1535 года, Меланхтон написал Штурму: "Я не позволю, чтобы мне мешали ни семейные узы, ни страх опасности. Нет такого человеческого величия, которое я мог бы предпочесть славе Христа. Только одна мысль останавливает меня: я сомневаюсь в своей способности принести какую-либо пользу; я боюсь, что будет невозможно добиться от короля того, что я считаю необходимым для славы Господа и мира во Франции."^[696] Если вы сможете развеять эти опасения, я поспешу во Францию, и никакая тюрьма меня не испугает. Мы должны стремиться только к тому, что подобает Церкви и Франции. Вы знаете это королевство. Говори. Если ты считаешь, что мне следует предпринять путешествие, я начну.

Письмо Меланхтона епископу Парижа не осталось без внимания. Этот прелат только что стал кардиналом; но новый сан ни в коей мере не уменьшил его стремления к восстановлению истины и единства в Церкви; напротив, это дало ему больше сил для реализации великого проекта. Приближалась Реформация. Восхищенный чувствами, выраженными ему *магистром* Германии, он передал свое письмо тем, кто мог проявить к нему интерес, и среди прочих, без сомнения, королю. 'Здесь нет ни одного из наших друзей,' сказал он, 'кому не нравился бы взгляд Меланхтона на вещи. Что касается меня, то это гораздо приятнее, чем я могу выразить словами.'^[697] То же самое было и с его братом Уильямом. В то время как новый кардинал

особенно желал союза с Меланхтоном в надежде добиться мудрой и благочестивой реформы, советник Франциска I. желал, оставив папе его духовную власть, сделать Францию политически независимой от Рима. Два брата объединились, умоляя короля послать за другом Лютера. Де ла Фосс присоединился к ним и ко всем сторонникам мира, умоляя короля предоставить немецкому доктору какое-нибудь доказательство своей доброй воли. "Он придет, если ты напишешь ему", - сказали они.

Письмо короля.

Франциск I принял решение, и вместо того, чтобы обратиться к государю, подданной которого была Меланхтон, гордый король Франции написал простому доктору Виттембергскому. Это было не совсем регулярно; если бы монарх написал курфюрсту, такой шаг мог бы привести к весьма благотворным результатам; не столько потому, что восприимчивость последнего принца не была бы уязвлена, сколько потому, что доводы, которые Франциск с помощью Дю Белле мог бы ему изложить, возможно, убедили бы правителя, столь дружелюбного к Евангелию и миру, как Джон Фредерик. Иногда полезно соблюдать правила дипломатии. Это письмо короля Франции ученому доктору, датированное 23 июня 1535 года.

"Франциск, милостью Божьей король Франции, приветствую нашего дорогого Филиппа Меланхтона:

‘ Вильям дю Белле, мой камергер и советник, уже давно проинформировал меня о том рвении, с которым вы пытаетесь унять разногласия, порожденные христианской доктриной. Теперь я узнаю из письма, которое вы написали ему, и от Ворэ де ла Фосса, что вы очень склонны приехать к нам, чтобы обсудить с некоторыми из наших самых выдающихся врачей способы восстановления в Церкви той божественной гармонии, которая является первым из всех моих желаний.^[698] Приезжайте тогда либо в официальном качестве, либо от своего имени; вы будете очень приемлемы для меня, и вы узнаете, в любом случае, какой интерес я испытываю к славе вашей Германии и миру во вселенной".

Эти заявления короля Франции продвинули предприятие вперед; прежде чем предпринять такой шаг, он должен был предельно ясно изложить свои намерения. Однако мы вполне можем задаться вопросом, было ли письмо искренним. В истории, как и в природе, существуют разительные контрасты. В то время как все это происходило в высших слоях общества, в низших слоях происходили сцены, которые шли вразрез с этими прекрасными проектами принцев и ученых. Швейцарские богословы утверждали, что все это было комедией, в которой король и его министры играли главные роли. Это может быть сомнительно, но интерлюдия была кровавой трагедией. В тот самый месяц, когда Франциск I писал Меланхтону, бедный земледелец из Ла-Бресса Джон Корнон был арестован во время работы в поле и доставлен в Макон. Судьи, ожидавшие увидеть перед собой идиота, были поражены, когда услышали, как этот бедный крестьянин доказывает им на своем простом *наречии* истинность своей веры и демонстрирует обширные знания Священного Писания. Поскольку благочестивый земледелец оставался непоколебимым в своей привязанности ко вседостаточной благодати Иисуса Христа, он был приговорен к смерти, проташен на проволоке к месту казни и там сожжен заживо.^[699]

В июле следующего месяца Деннис Брион, скромный парикмахер из Сансера, недалеко от Парижа, и известный еретик, был схвачен в своей мастерской. Он часто разъяснял Священные Писания не только тем, кто посещал его, но и ряду людей, собиравшихся послушать его. Ничто

так не раздражало священников, как эти собрания, на которых простые христиане, выступая по очереди, свидетельствовали о свете и утешении, которые они нашли в Библии. Брион был осужден, как и земледелец из Ла-Бресса, и его смерть была разыграна как грандиозное шоу. Это было во время *большого турнира* в Анже; и там он был сожжен заживо посреди огромного скопления людей со всех сторон.^[700] Вполне вероятно, что эти казни не были результатом каких-либо новых приказов, а просто продолжением жестокостей 21 января, влияние которых только тогда достигло провинций.

Однако эти две казни заставили еще острее ощутить необходимость усилий по восстановлению мира и единства. Те, кто занимался этой задачей, видели только одно средство: признать, с одной стороны, евангелическую доктрину, а с другой - епископальную форму с епископом *primus inter pares*. Таким образом, Западный христианский мир имел бы протестантское тело в римской одежде. Церковь Реформации (как было сказано) прежде всего придерживается доктрины, а Римская церковь - своего правительства; давайте объединим эти два элемента. Виттембергские врачи надеялись, что субстанция возобладает над формой; римские врачи - что форма возобладает над субстанцией; но многие с обеих сторон искренне верили, что предложенная комбинация будет успешной и будет вечной.

Дю Белле едет в Рим.

В то же время, когда Де ла Фосс отправился в Виттемберг, новый кардинал Дю Белле отбыл в Рим: два французских посольства должны были находиться одновременно в двух городах-соперниках. Очевидной целью поездки кардинала было не то великое дело, которое было у короля на сердце, а желание поблагодарить папу за дарованное ему достоинство; тем не менее, епископ Парижский намеревался ипоручил сделать все, что в его силах, чтобы побудить католическую церковь прийти к взаимопониманию с протестантами. Прежде чем покинуть Францию, он написал Меланхтон: "Нет ничего, чего я желал бы так искренне, как положить конец разделению, которые сотрясают Церковь Христа. Моя дорогая Меланхтон, сделай все, что в твоих силах, чтобы добиться этого счастливого умиротворения."^[701] Если вы придете сюда, с вами будут все хорошие люди, и особенно король, который не только по названию, но и на самом деле *самый христианский*. Когда вы основательно посоветуетесь с ним, что, я надеюсь, произойдет в ближайшее время, не останется ничего, на что мы не могли бы надеяться. Дай Бог, чтобы в Риме, куда я направляюсь со всей скоростью, я смог добиться для задуманной мной работы всего желаемого успеха".^[702]

Путешествие кардинала имело огромное значение. Партия, к которой он принадлежал, стремившаяся к созданию единой католической церкви, в которой искусно сочетались бы евангельские доктрины и римские формы правления, приобретала благосклонность в католической метрополии. Новый папа возвысил кардинала Контарини и нескольких других прелатов, которые были известны своими евангелическими чувствами и чистотой своей жизни. Он оставил им полную свободу; он позволил им противоречить ему в консистории и даже поощрял их к этому. Надежда на реформу росла в Италии день ото дня.^[703] Так случилось, что кардинал дю Белле оказался в очень благоприятной атмосфере в Риме: его поддерживало влияние Франции, а в определенной степени и влияние империи, поскольку никто так сильно, как Карл V., не желал соглашения между католиками и протестантами. Епископ Парижский, просвещенный и искусный дипломат и благочестивый человек, имел благородную внешность и в каждом поступке проявлял отпечаток великой души.^[704] Таким образом Он завоевал сердца

людей и мог бы, совместно с Меланхтоном, стать избранным инструментом для установления столь желанного единства в Церкви.

Дю Белле - Меланхтону.

Пока он направлялся на совещание с папой римским и кардиналами, другие опрашивали Меланхтона и протестантов. Де ла Фосс отбыл в Виттемберг с письмом короля, а Уильям дю Белле, умный государственный деятель, который был полон решимости приложить все усилия для успешного осуществления великого плана, написал немецкому врачу, объяснив мотивы и устранив возражения. В его глазах дело, о котором шла речь, было величайшим из всех: это было дело религии и Франции. 'Давайте остерегаться,' писал Меланхтон советник Франциска I. - Давайте остерегаться раздражать короля, благосклонность которого, как вы признаете, нам необходима. Если после того, как он написал вам собственноручно, после того, как вы почти дали свое согласие, после того, как он прислал вам депутацию, в сопровождении которой вы могли бы совершить путешествие без опасности, — если вы в конце концов откажетесь приехать во Францию, я очень боюсь, что монарх не посмотрит на это благосклонно. Как для Франции, так и для религии необходимо, чтобы вы выполнили просьбу короля.^[705] Не бойтесь влияния нечестивых, которые не могут вынести лишения чего-либо ради того, чтобы слава Иисуса Христа умножилась.^[706] Король искусен, благоразумен, уступчив и позволяет убедить себя вескими доводами. Если вы побеседуете с ним, если вы поговорите с ним, если вы изложите ему свои мотивы, вы воспламените его замечательным рвением к вашему делу.^[707] Не думайте, что вам придется лукавить или уступать.... Нет, король восхвалит ваше мужество в таких серьезных делах больше, чем вашу слабость. Поэтому я увещаю и заклинаю вас во имя Христа не упускать возможности совершить самое благородное из всех дел, которые только возможно совершить среди людей".

Когда мы читаем эти важные письма, эти трогательные просьбы и твердые мнения советника Франциска I. У нас возникает искушение поинтересоваться, какова их дата. Неужели это на самом деле всего через пять месяцев после страппадокийских событий? Поразительный контраст объясняется одним обстоятельством. Франция могла бы сказать: 'Я чувствую во мне две натуры'. Какая из них возьмет верх? Вот в чем вопрос. Будет ли это интеллект, откровенность, свободолюбие и предчувствие моральной ответственности человека, которые часто встречаются во французском народе; или недоверчивость, суеверие, чувственность, жестокость и деспотизм, образцами которых были Екатерина Медичи, ее муж и ее сыновья? Увидим ли мы народ, жаждущий свободы, подчиняющийся в религиозных вопросах игу Церкви, которая никогда не допускает никакой независимости индивидуальной мысли? Как ни странно, решение этого важного вопроса, казалось, зависело от реформатора. Если бы Меланхтон приехал во Францию, он, по мнению Дю Белле и лучших умов эпохи, с Божьей помощью установил бы в этой прославленной стране господство Евангелия и свободы и положил бы конец узурпации Рима.

Если бы великое предприятие, над которым тогда работали некоторые из величайших и могущественнейших личностей, увенчалось успехом, если бы тенденция Екатерины и ее сыновей (к сожалению, продолженная бурбонами) была преодолена, Франция была бы спасена. Это была торжественная возможность. Возможно, никогда еще эта великая нация не была так близка к самому важному преобразованию.

В дополнение к призывам Дю Белле не жалели средств, чтобы убедить Германию. Штурм написал еще одно письмо виттембергскому врачу, сообщив ему, что король недалек от того, чтобы разделять религиозные идеи протестантов, и что, если бы его взгляды были изложены ему ясно и бесстрашно, реформатор обнаружил бы, что государь согласен с ним по многим важным пунктам. Более того, Клод Бадуэль, который после учебы в Виттемберге был последовательно профессором в Париже, ректором в Низме и пастором в Женеве, был отправлен королевой Наварры с миссией в Меланхтон. Франциск I, желая перейти от слов к делу, 16 июля 1535 года объявил амнистию, в которой объявил, что "гнев Господа нашего утолен, обвиняемые или подозреваемые не должны подвергаться преследованиям, что все заключенные должны быть освобождены, их конфискованное имущество возвращено, а беглецам разрешено вернуться в королевство при условии, что они будут жить как добрые христиане-католики".^[708]

Поскольку Франциск I не хотел тревожить римский двор и желал помешать ему вмешиваться и пытаться расстроить его планы, он вызвал к себе кардинала дю Белле незадолго до своего отъезда и сказал: "Вы дадите понять Святому Отцу, что я посылаю вашего брата к протестантам Германии, чтобы получить от них все, что он может; по крайней мере, убедить их признать власть папы как главы Вселенской Церкви. Что касается веры, вероисповедания, церемоний, институтов и доктрин, он сохранит то, что будет уместно сохранить, — по крайней мере, то, что можно разумно терпеть, ожидая решения совета.... Таким образом, наш Святой Отец сможет искренне и радостно созвать собор в Риме, и его власть останется надежной и процветающей; ибо, если враги Святого Престола однажды наставят рога в Германии, они сделают то же самое во Франции, Италии, Англии, Шотландии и Дании."^[709]

Мнения Франциска I. четко изложены в этих инструкциях. Единственное, о чем он заботился, - это сохранение светской власти папы. Что касается религии, церемоний и доктрин, он попытался бы прийти к пониманию — он добился бы того, чего мог; но протестанты должны упереться рогами, должны отказаться от своего независимого поведения. Король объявил себя удовлетворенным при условии, что народы Европы продолжают ходить под хвостами римской власти.

Конференция с реформаторами.

Прошло незадолго до того, как король показал, каковы были его истинные намерения и к какому примирению должен был бы стремиться совет, если бы он когда-нибудь был собран, что было очень сомнительно. 20 июля епископ Санлисский, его духовник, обратился в Сорбонну с просьбой назначить десять или двенадцать своих богословов для совещания с реформаторами. Если бы среди преподавателей разорвалась бомба, это не вызвало бы большей тревоги. 'Какое беспрецедентное предложение!' - воскликнули доктора. 'Это шутка или оскорбление?' В течение двух дней они совещались. 'Мы выдвинем депутатов, - заявили на собрании, - но с целью выразить протест королю'. 'Сир, ' смело заявили эти делегаты, ' ваше предложение совершенно бесполезно и в высшей степени опасно. Бесполезно, ибо еретики не хотят слышать ничего, кроме Священного Писания; опасно, ибо католики, которые слабы в вере, могут быть извращены возражениями еретика.... Пусть немцы сообщают нам статьи, по которым они

нуждаются в наставлениях, мы охотно дадим им их; но с еретиками не может быть никаких дискуссий. Если мы и встретимся с ними, то только в качестве их судей. Это божественный и человеческий закон - отсекал развращенные члены от тела. Если таков долг государства против убийц, то тем более это его долг против раскольников, которые своим бунтом губят души".^[710]

Эти различные движения не происходили тайно; о них говорили по всему городу и далеко за его пределами. Просвещенные умы были немало удивлены тем страхом, который испытывали доктора Сорбонны перед разговорами. Недостатка в замечаниях по этому поводу не было. 'Мы не должны слишком много болтать о Евангелии; но абсурдно, что, когда кто-то спрашивает о нашей вере, мы ничего не должны говорить в ее защиту. Давайте рассуждать о тайнах Божьих мирно и кротко: молчать - это пассивность и малодушие, достойные насмешек неверующих'.^[711] Когда поэт Маро услышал об ответе Сорбонны, он сказал:—

Je ne dis pas que Mélancthon

Ne déclare au roi son avis;

Mais de disputer vis-à-vis ...

Nos maîtres n'y veulent entendre.

Политики не молчали. Перспектива соглашения с протестантами глубоко тронула руководителей римской партии, которые решили сделать все, что в их силах, чтобы воспрепятствовать этой попытке. Монморанси, великий магистр, кардинал де Турнон, епископ Суассонский, де Шатобриан и другие приложили все свое влияние, чтобы помешать Меланхтону приехать во Францию, кардиналу дю Белле добиться успеха в Риме, а католикам и протестантам пожать друг другу руки под покровительством Франциска I.

Эта фанатичная партия, которая должна была действовать заодно с иезуитами, уже опередила их в хитрости. "Однажды утром", - говорят римско-католические историки,^[712] "Кардинал де Турнон появился на приеме короля, читая книгу в великолепном переплете". 'Кардинал, какая у вас красивая книга!' сказал король. 'Сир,' ответил Де Турнон, 'это работа прославленного мученика святого Ириней, который возглавлял Лионскую церковь во втором веке. Я читал отрывок, в котором говорится, что Иоанн Богослов, собираясь войти в какие-то общественные бани и узнав, что внутри находится еретик Керинф, поспешно ретировался, воскликнув: "Спасемся бегством, дети мои, чтобы нас не поглотили враги Господа". Так думали апостолы о еретиках; и все же вы, сир, старший сын Церкви, намерены пригласить к своему двору самого знаменитого ученика этого архиеретика Лютера. Де Турнон добавил, что союз с лютеранами не только приведет к потере Милана Францией, но и бросит все католические державы в объятия императора.^[713] Франциск I., хотя и настаивал на своем плане, видел, что не может заставить говорить тех, кто решил молчать; и, желая доставить Де Турнону некоторое удовлетворение, он дал понять преподавателям, что не будет просить их совещаться с реформаторами. Король намеревался выслушать обе стороны; он стремился расположиться между двумя бурными морями, подобно тихому каналу, который сообщается с обоими океанами и в котором можно маневрировать, не потревоженный бурями.

Возможен ли Смешанный конгресс?

Отказ Сорбонны, в то время более папистской, чем сам папа римский, не означает, что конференция протестантских и католических богословов была невозможна; шесть лет спустя такая конференция действительно состоялась в Ратисбоне и почти увенчалась успехом. Комитет, наполовину протестантский, наполовину романист, в котором заседали Меланхтон и Буцер и в котором благочестивый кардинал Контарини принимал участие в качестве папского легата, признал евангельскую веру во всех существенных пунктах и, в частности, заявил, что человек оправдывается не своими собственными заслугами, а только верой в заслуги Христа, указав, однако, как всегда делали протестанты, что вера, которая оправдывает, *должна действовать любовью*. Встреча в Ратисбоне ни к чему не привела, да и не могла ни к чему привести. Забрел свет, но дуновение Рима погасило факел, и Контарини молча подчинился. Конференция, однако, осталась в истории как торжественное дань уважения, оказанное наиболее верующими членами Римско-католической церкви христианским доктринам Реформации.^[714]

ГЛАВА XVII.

УВЕНЧАЕТСЯ ЛИ УСПЕХОМ ПОПЫТКА УСТАНОВИТЬ ЕДИНСТВО И ИСТИНУ?

(Август -ноябрь 1535 г.)

Индивидуальность и общность.

Был ли союз, которого желали столь многие выдающиеся люди, во благо или во зло? По этому вопросу могут быть разные мнения, и они высказывались. Некоторым умам нравится изолироваться и смотреть с недоверием и презрением на человеческие объединения. Верно, что человек существует прежде всего как индивид и что прежде всего он должен быть самим собой; но он существует не один: он член тела, и это составляет вторую часть его существования. Человеческая жизнь - это одновременно и монолог, и диалог. До эры христианства эти два основных способа существования существовали лишь несовершенно: с одной стороны, социальные институты поглощали индивида, а с другой, каждая нация стояла лагерем обособленно. Христианство возвеличивало индивидуальность, призывая людей к объединению с Богом, и в то же время провозглашало великое единство человеческого рода и обязывалось объединить в одну семью все семьи земли, дав всем одного и того же Небесного Отца. Это придает новую силу индивидуальности, уча человека тому, что отдельная душа в глазах Бога имеет большую ценность, чем вся вселенная; но это отнюдь не наносит обществу вреда, а становится источником его великого процветания. Чем больше индивид развивается в христианском смысле, тем более полезным членом нации и человеческого рода он становится. Индивидуальность и общность - это два полюса жизни; и необходимо поддерживать оба, чтобы человечество могло выполнить свою миссию в сменяющиеся эпохи. Вред заключается в придании несправедливого превосходства любому из двух элементов. Римское единство, посягающее на индивидуальность, является препятствием для настоящей христианской цивилизации; в то время как крайняя индивидуальность, изолирующая человека, полна опасности как для общества, так и для самого человека. Поэтому было бы неразумно безоговорочно осуждать или одобрять выдающихся людей, которые в 1535 году пытались

восстановить единство Церкви. Вопрос в том, намеревались ли они, восстанавливая католицизм, пожертвовать индивидуальной свободой или нет. Если они желали настоящего христианского союза, их работа была хорошей; если, наоборот, они стремились восстановить единство с иерархической целью, с деспотическим духом, их работа была плохой.

Был еще один вопрос, по которому мужчины не были в большей степени согласны. Увенчается ли успехом это великое начинание? Франция продолжала просить Меланхтон; ответит ли Германия на ее заигрывания? Мы должны кратко остановиться на событиях, произошедших в империи с тех пор, как соглашение между католиками и протестантами было заключено, как мы видели, в июле 1532 года.^[715] Эти события могут помочь нам решить этот вопрос.

В религиозном договоре о мире было оговорено, что все немцы должны проявлять друг к другу искреннюю христианскую дружбу. По Каданскому мирному договору (29 июня 1534 г.), Фердинанд, который был признан римским королем, обязался, как за себя, так и за Карла V. защищать протестантов от действий императорского двора. Несколько позже город Мюнстер в Вестфалии превратился в театр экстравагантных поступков фанатизма. Джон Бокхолд, портной из Лейдена, выдавший себя за пророка, провозгласил себя хозяином города и был провозглашен царем Сиона. Он также основал общность благ и пытался, как и другие сектанты, восстановить многоженство. Он обычно шествовал по городу в золотой короне; заседал в суде на рыночной площади и часто отрубал голову осужденному. Сбоку от трона была установлена кафедра, и после проповеди вся паства иногда начинала танцевать. Ландграф Филипп Гессенский, один из лидеров протестантского движения, выступил против этих безумцев, взял Мюнстер 24 июня 1535 года и положил конец мнимому Сионскому королевству.^[716] Эти сумасбродства не нанесли ущерба делу протестантизма, которое не смешивалось с жестоким коммунизмом, пропитанным жестокостью и развратом; кроме того, именно протестанты, а не католики, подавили их. Но с того часа евангелисты сильнее, чем когда-либо, почувствовали необходимость сопротивления сектантскому духу: это они сделали в Виттемберге еще в 1522 году. Наконец, с каждым днем становилось все яснее, что свободный и христианский генеральный совет, которого они так часто требовали, будет им предоставлен. Все события, на которые мы указали, по-видимому, подготовили протестантскую Германию к принятию предложений Франции.

Важная миссия.

Ворэ де ла Фосс с письмами от Франциска I, Уильяма дю Белле и других друзей союза направлялся в Германию, чтобы попытаться довести дело до успешного завершения. Де ла Фосс не был таким выдающимся послом, как те, кто работал в Лондоне и Риме, и власть, при которой он был аккредитован, была профессором в маленьком городке Саксонии. Но Германия называла этого профессора своим 'мастером', а Де ла Фосс считал свою миссию более важной, чем любая другая, которая была доверена герцогам и кардиналам. Христианский мир был ослаблен тем, что был разделен на две части; он собирался восстановить единство, возродить и очистить старого члена жизнью нового. Укрепленная таким образом христианская церковь стала бы способной к величайшим завоеваниям. От успеха шагов, которые предстояло предпринять, зависела, по мнению Де ла Фосса и его друзей, судьба мира.

Посланник Франциска I прибыл в Виттемберг 4 августа 1535 года и немедленно нанес визит Меланхтону, во время которого вручил доверенные ему письма и тепло объяснил мотивы, которые должны были побудить реформатора отправиться во Францию. Искренность де ла

Фосса, его любовь к Евангелию и его рвение завоевали сердце друга Лютера. Постепенно между ними завязалась искренняя дружба, и когда впоследствии Меланхтон захотел оправдаться в глазах французов, он сослался на свидетельство 'очень доброго и превосходного Ворэ'.^[717] Но если посланец понравился ему, послание наполнило его сердце тревогой: прочтение писем от короля, Дю Белле и Штурма усилило сомнения этого мирного человека. Он видел веские причины для поездки во Францию и не менее веские причины для того, чтобы остаться в Германии. По выражению реформатора, две батареи стреляли по нему по очереди с противоположных сторон, то отводя его вправо, то влево. Что сказал бы Карл V, если бы немец явился ко двору его великого противника? Кроме того, чего можно было ожидать от Сорбонны, духовенства и двора? Неуважения.... Он не поехал. С другой стороны, Меланхтон имел при себе письмо от короля, настоятельно призывавшее его приехать в Париж. Евангелие может привлечь влиятельную нацию и увлечь за собой весь Запад. Когда Господь призывает, должны ли мы позволить страху остановить нас?... Он больше не колебался: он уйдет. Ворэ де ла Фосс был в восторге. Но вскоре другие мысли возникли, терзая воображение доктора. Чего можно было не опасаться от принца, который поклялся, стоя перед костром, на котором он сжигал своих подданных, что ради прекращения ереси он, если потребуется, отрубит себе руку и бросит ее в огонь?... В тот ужасный день страппадокийцев посреди церкви разверзлась глубокая пропасть. Разве это его дело - бросаться, подобно Курциусу, в пропасть, чтобы пропасть сомкнулась над ним?... Меланхтон охотно оставил бы молодому римлянину славу посвящения себя адским богам.

Де ла Фосс ежедневно навещал знаменитого профессора и использовал все средства, чтобы убедить его пересечь Рейн.^[718] 'Мы сделаем все, что вы пожелаете', - сказал он. 'Желаете ли вы королевских грамот, гарантирующих вам полную свободу выезда во Францию и возвращения? Вы их получите. Вы просите заложников в качестве гарантий вашего возвращения? Они также будут у вас. Вы хотите, чтобы вооруженный почетный караул сопровождал вас и доставил обратно? Он будет вам предоставлен.'^[719] Мы ничего не пожалеем. От вашей беседы с королем зависит не только судьба Франции, но и (так сказать) всего мира.^[720] Прислушайтесь к друзьям Евангелия, которые живут в Париже. Угрожающие волны окружают нас, говорят они моими устами; яростные бури обрушиваются на нас; но в тот момент, когда ты придешь, мы окажемся, так сказать, чудесным образом перенесенными в самую безопасную из гаваней.^[721] Если, напротив, вы отвергнете приглашение короля, для нас потеряна всякая надежда. Дремлющие сейчас костры мгновенно выплеснут свое пламя, и наступит жестокое возвращение самых страшных пыток.^[722] Вас приглашают не только Штурм, Дю Белле и другие друзья, подобные им, но и все благочестивые христиане Франции. Без сомнения, они молчат — те, кого самые жестокие наказания причислили к мертвым, и даже те, кто, замурованный в темницах, отделен от нас железными дверями; но, если их голоса не могут достичь вас, прислушайтесь хотя бы к одному могущественному голосу, голосу самого Бога, голосу Иисуса Христа".^[723]

Меланхтон - Человек Божий.

Когда Меланхтон услышал этот призыв, он был взволнован и подавлен.^[724] Какая грандиозная задача! Эти французы взваливают мир на его плечи! Сможет ли такой бедный Атлас, как он, вынести это? Как он должен решить? Что он должен делать? Через короткое время его недоумение снова возросло. Едва французский джентльмен вышел из комнаты, как его жена Екатерина, дочь бургомистра Виттемберга, ее родственники, маленькие дети и некоторые из его лучших друзей окружили его и умоляли не покидать их. Они были убеждены, что, если

Меланхтон однажды ступит в этот город, "который убивает пророков", они никогда больше его не увидят. Они описали расставленные для него ловушки; они напомнили ему, что ему не выдали охранной грамоты; они проливали слезы, они цеплялись за него, и все же он не сдавался.

Меланхтон был человеком Божиим и молился своему небесному Отцу указать ему путь, по которому он должен идти; он тщательно взвесил аргументы за и против своего ухода. "Мысль о себе и о моем окружении, - сказал он, - отдаленность места, в которое я приглашен, и страх перед ожидающими меня опасностями не должны останавливать меня.^[725] Для меня не должно быть ничего более святого, чем слава Сына Божьего, освобождение стольких благочестивых людей и мир в Церкви, потревоженной такими великими бурями. На этом должны быть сосредоточены все мои мысли; но вот что меня беспокоит: я боюсь поступить неосмотрительно в вопросе такой огромной важности и своей поспешностью сделать болезнь еще более неизлечимой. Разве французы, уступая в некоторых тривиальных пунктах, от которых они неизбежно должны отказаться, не сохраняют наиболее важные статьи, в которых особенно заметны ложь и нечестие?^[726] Увы! такое лоскутное одеяло принесло бы больше вреда, чем пользы.

В этих страхах было много правды; но Де ла Фосс, вернувшись к своему другу, постарался развеять его опасения и заверил его, что расположение Франциска I в глубине души было превосходным. "Да, - ответил друг Лютера, - но в состоянии ли он действовать в соответствии с этим?"^[727] Он ничего не ожидал от конференции с врачами-фанатиками. Кроме того, Сорбонна отказалась от любых обсуждений. 'Король, ' сказал он, - это не Церковь. Только совет имеет власть реформировать его, и поэтому принц должен всем сердцем стремиться ускорить его созыв. Все другие средства помощи страждущему христианскому миру бесполезны и опасны".

Де ла Фосс обратил возражение Меланхтона против него самого. "По крайней мере, мы должны подготовить почву для собора, - сказал он, - и именно по этой причине король Франции желает поговорить с вами". Затем, желая нанести удар по сердцу, посланник Франциска I. продолжил: "У короля никогда не было ничего большего в сердце, чем залечить раны Церкви: он никогда не проявлял столько заботы, беспокойства и рвения.^[728] Если вы подчинитесь его воле, вас примут во Франции с большей радостью, чем любого другого иностранца до вас. Неужели вы откажете страждущей Церкви в помощи, которая может спасти ее? Пусть ничто в мире, заклинаю вас, не отвлечет вас от столь чистого и священного предприятия".^[729] Де ла Фосс был взволнован. Мысль о возвращении в Париж без Меланхтона — то есть без спасения, которого он ожидал, - была невыносима. 'Уезжайте, - воскликнул он, - если вы не приедете во Францию!"... Я никогда туда не вернусь.^[730]

Характер Меланхтон.

Меланхтон был тронут этими мольбами. Ему показалось, что он слышит (как они ему сказали) голос самого Бога. 'Что ж, тогда, - сказал он, - я поеду. Мои друзья во Франции возлагают на меня большие надежды и обращаются ко мне с просьбой их оправдать: я не обману их надежд'. Меланхтон был полон решимости отстаивать основные истины христианства и надеялся увидеть их принятыми католическим миром. Франциск I и его друзья не отвергали фундаментальный принцип Лютера — оправдание исключительно верой в заслуги Христа, живой верой, которая производит святость и действует. По словам самого выдающегося и наиболее христианского оратора Римской церкви, Меланхтон сочетал ученость, мягкость и элегантность стиля с

исключительной умеренностью, так что его считали единственным человеком, способным добиться успеха в литературе, соответствующего репутации Эразма.^[731] Но он был чем—то большим: его убеждения нельзя было поколебать; *он знал, где он был*, и, далекий от того, чтобы всю свою жизнь искать свою религию, как утверждает Боссюэ, он нашел ее и превосходно объяснил в своих *общих богословских текстах*.^[732] Тем не менее, он постоянно говорил своим друзьям: "Мы должны бороться только за то, что велико и необходимо".^[733]

Меланхтон, исполненная кротости, всегда была готова делать то, что могло быть приятно другим. Искренний, открытый, и чрезвычайно любящий детей, он любил играть с ними и рассказывать им маленькие сказки. Но при всем этом дружелюбии он испытывал ужас перед двусмысленными выражениями, особенно в вопросах веры; и хотя он был человеком чрезвычайно мягким, его чувства были сильными, его страдания могли быть очень горькими, и когда его душа была взволнована, он вырывался с внезапной порывистостью, которую, однако, вскоре подавлял. Его ошибка в данном случае заключалась в том, что он верил, что папу можно принять, не ознакомившись с его доктринами: каждый истинный католик мог бы сказать ему, что это невозможно. Во всяком случае, так решил де ла Фосс. Ради торжества единства и правды этот простодушный застенчивый человек был полон решимости противостоять опасностям Франции и горьким упрекам Германии. "Я пойду", - сказал он посланнику Франциска I. Это был язык христианина, готового пожертвовать собой. В истории мы иногда встречаемся с персонажами, которые расширяют наши представления о моральном величии: Меланхтон был одним из них.

Но позволит ли ему принц поехать? Предубеждения Германии против Франции, помимо многочисленных политических и религиозных соображений, могли повлиять на курфюрста. Это были трудности, которые могли привести к провалу предприятия. И все же благородно мыслящий профессор решил сделать все, что в его силах, чтобы преодолеть их. Университет только что переехал из Виттемберга в Йену из-за эпидемии чумы. Меланхтон, покинув Тюрингию, поспешно направился к берегам Эльбы и, прибыв в Торгау, где находился двор, в старый замок за городом, был допущен в воскресенье, 15 августа, после богослужения, чтобы засвидетельствовать свое почтение курфюрсту.

Джона Фредерика сопровождали многие из его советников и придворных, и, несмотря на уважение, которое он испытывал к Меланхтону, на его лице читались неудовлетворенность и сдержанность. Курфюрст был оскорблен тем, что король Франции, вместо того чтобы обратиться к нему, написал напрямую одному из своих подданных; но более серьезные мотивы заставили его с неудовольствием отнестись к проекту виттембергского доктора.

Письмо избирателю.

Для Меланхтона, который от природы был робким и застенчивым, было нелегко просить своего государя о чем-либо, что могло вызвать его неудовольствие. Не упоминая о письме, которое он получил от Франциска I. О котором он считал разумным не упоминать, он сказал: "Вашей светлости-выборщику известно, что восемнадцать христиан были сожжены в Париже, а многие другие брошены в тюрьму или вынуждены бежать. Брат епископа Парижского попытался смягчить короля и написал мне, что этот принц положил конец казням и желает прийти к взаимопониманию с нами в отношении религиозных вопросов. Дю Белле приглашает меня сесть на лошадь и отправиться во Францию."^[734] Если я отказываюсь, это означает, что я презираю приглашение или боюсь. По этой причине я готов во имя Бога отправиться в Париж

как частное лицо, если позволит ваше Высочество. Это правильно, что мы должны учить великих властителей и иностранные нации важности и красоте нашего евангельского дела. Правильно, что они должны узнать, в чем заключается наша доктрина, и не смешивать нас с фанатиками, как это пытаются сделать наши враги. Я не обманываю себя относительно своей личной незначительности и неспособности; но я также знаю, что если я не поеду в Париж, то покажется, что я стыжусь нашего дела и не доверяю словам короля Франции, и добрые люди, которые пытаются положить конец преследованиям, навлекут на себя неудовольствие повелителя. Я знаю всю тяжесть возложенной на меня задачи ... это подавляет меня ... но я все равно выполняю свой долг, и с этой целью я умоляю вашу светлость предоставить мне отпуск на два или три месяца.

Меланхтон, согласно обычаю, подала письменное прошение.^[735] Джон Фредерик ограничился холодным ответом, что он сообщит о своем удовольствии через членов своего совета.

Лед был сломан. Франция и Германия встретились лицом к лицу в этом замке на берегу Эльбы. Оппозиция проявила себя немедленно. Аудиенция, данная Меланхтон, привела в движение весь двор. Германский дух преобладал там больше, чем евангельский, и знание того, что можно найти немцев, готовых протянуть руки Франциску I. раздражало придворных. Они встретились на тайном совещании, холодно смотрели на Меланхтона и грубо обращались к нему. Одаренный самыми нежными чувствами, благородный сердцем человек был глубоко уязвлен. 'Увы!' писал он Джонасу. 'двор полон тайн или, скорее, ненависти!... Я расскажу тебе все об этом, когда увидимся'.^[736]

Он с тревогой ожидал официального сообщения от курфюрста. На следующий день, 16 августа, ему сообщили, что советники Джона Фредерика должны передать ему сообщение от своего хозяина. Если беседа с курфюрстом была холодной, то эта была ледяной. Канцлеру Бруку, более известному как Понтанус, в соответствии с модой латинизировать имена, была доверена эта миссия. Брук, который на знаменитом аугсбургском сейме представил Карлу V Евангелическое исповедание в присутствии всех князей Германии, был превосходным человеком, более решительным, чем Меланхтон, и в некоторых отношениях более просвещенным; он видел, что опасно принимать папу, если они хотят отвергнуть его доктрины. Он встретил доктора суровым взглядом и сказал ему резким тоном: 'Его высочество сообщает вам, что дело, которое вы ему представили, настолько важно, что вам не следовало заниматься им без его согласия. Поскольку ваши намерения были благими, он не обратит на это внимания; но что касается разрешения вам совершить поспешное и опасное путешествие во Францию, то против этого есть самые разные причины. Его Высочество не только не может подвергать опасности вашу безопасность; но поскольку он собирается обсудить с императором несколько вопросов, касающихся религии, он опасается, что, если он пошлет в Париж наместника, его Императорское Величество и другие принцы Германии вообразят, что ему поручено вести переговоры, противоречащие заявлениям, которые мы сделали. Это путешествие может стать причиной разногласий, ссор и непоправимого зла.'^[737] Следовательно, мы просим вас извиниться перед королем Франции наилучшим из возможных способов, и курфюрст обещает вам, что он напишет ему по этому поводу".

Скорбь Меланхтон.

Меланхтон удалился в печали. В каком он был положении! Совесть велела ему ехать в Париж, а принц запретил ему. Что бы он ни делал, он должен потерпеть неудачу в выполнении одной из

своих самых важных обязанностей. Если он уедет вопреки запрету курфюрста, он не только оскорбит своего принца, но и настроит Германию против себя и пожертвует кругом деятельности, который дал ему Бог. Если он останется, будет потеряна всякая надежда привести Францию к свету Евангелия. Колеблясь и с разбитым сердцем, он отправился сначала в Виттемберг, желая посоветоваться с Лютером, и не скрыл от своего друга глубокого негодования, которым был переполнен.^[738] Он был призван поднять уровень Евангелия в прославленном королевстве, а курфюрст воспротивился этому из-за определенных дипломатических переговоров. Он заявил Лютеру, что не откажется от важной миссии, и его укрепили в этом мнении чувства, которые питал этот реформатор. Два друга не могли говорить ни о чем, кроме Франции, короля и Дю Белле. "Поскольку вы посоветовались со мной, - сказал Лютер, - я заявляю, что с удовольствием провожу вас до отъезда".^[739] Он также обратился к Меланктону, что дало последнему некоторую надежду.

Получив информацию об аудиенции 15-го числа, реформатор только что написал избирателю. Крики его братьев во Франции, преданных огню, тронули Лютера в Виттемберге, как они тронули Кальвина в Базеле. Французский реформатор направил Франциску I замечательное письмо, а немецкий реформатор попытался переслать ему Меланхтон. Таким образом, двое мужчин, сами того не подозревая, "сошлись во мнениях и желаниях". 'Я умоляю вашу светлость,' писал Лютер Джону Фредерику самым настоятельным образом, 'разрешить магистру Филиппу отправиться во Францию. Я тронут слезными молитвами, обращенными к нему благочестивыми людьми, едва спасенными от костра, умоляющими его пойти и посоветоваться с королем и таким образом положить конец убийствам и сожжениям. Если им будет отказано в этом утешении, их враги, жаждущие крови,^[740] начнут убивать и жечь с удвоенной яростью.... Франциск I. написал Меланктону чрезвычайно любезное письмо, и послы прибыли просить его от его имени.... Ради всего Святого, предоставьте ему трехмесячный отпуск. Кто может сказать, что Бог намеревается сделать? Его мысли всегда выше и лучше наших. Я был бы очень огорчен, если бы так много благочестивых душ, которые призывают Меланхтона с криками боли и рассчитывают на него, были разочарованы и возомнили о нас пагубные предубеждения. Пусть Бог ведет вашу Милость своим Святым Духом!"

Такова была привязанность Лютера к своим братьям во Франции. Он делал больше, чем писал. Реформатор в то время не отличался крепким здоровьем; он жаловался на потерю сил и на такую *дряхлость* что был вынужден полдня бездельничать.^[741] Несмотря на это, он совершил путешествие из Виттемберга в Торгау, где у него была беседа с принцем.^[742] Возможно, это путешествие предшествовало путешествию Меланхтон.

Немецкие предрассудки.

Одновременные усилия этих двух великих реформаторов должны были оказать благоприятное воздействие на такого правителя, как курфюрст. Джон Фредерик, наследовавший своему отцу Джону в августе 1532 года, был честным и благородным человеком, хорошим мужем и принцем. Ученик Спалатина и друг Лютера, он почитал Слово Божье и был полон рвения к делу Реформации. Менее флегматичный, чем его отец, он сочетал рассудительность и благоразумие с предприимчивостью. Эти качества, должно быть, побудили его одобрить поездку Меланхтон во Францию. Но он был восприимчив и довольно упрям; так что, если проект, зародившийся не у него, а у другого человека, вызывал у него какое-либо неудовольствие, вероятность его успеха была невелика. И поэтому письмо Лютера не произвело на него большого впечатления: оно

лишь усилило возбуждение. Преподвещения Германии с каждым днем делали путешествие Меланхтона все менее популярным; при дворе Торгау, в Саксонии и в других протестантских странах это расценивалось как безумие. 'Мы в Аугсбурге,' писал Сайлер, депутат этого города, - хорошо знаем короля Франции: он, как всем известно, очень мало заботится о религии и даже морали. Он лицемерит перед папой римским и уговаривает немцев, думая только о том, как он может обмануть ожидания, которые он в них вселяет. Его единственная мысль - сокрушить императора.^[743] Некоторые даже из самых благонамеренных были полны ужасных предчувствий и воображали, что видят сооружение огромной кучи, на которой будет сожжен *повелитель Германии*. Страсти разгорались; яростная буря будоражила умы людей; самые мрачные мнения ежедневно приходили в Торгау со всех сторон. Другие не смотрели на это так трагично, но использовали оружие насмешек. Восприимчивость немцев была уязвлена тем, что Франциск I не выбрал какую-нибудь великую личность для этой миссии. Они смотрели свысока на Барнабаса Ворэ по имени Де ла Фосс: "Прекрасный посол!" — говорили они. "Все ростовщики Франции не дали бы и двадцати крон за его голову". - "Даже евреи, - сказал другой, - не взяли бы такого Барнабаса, если бы могли купить его за пенни".^[744]

Вскоре люди устали от шуток и предположений и стали распространять невероятные истории. Многие предсказывали, что Меланхтон будет убит еще до того, как он переправился через Рейн. Сообщалось, что паписты убили настоящего посла на дороге, что они заменили его Де ла Фоссом и передали ему поддельные письма с целью повлиять на Меланхтона, для которого они подготовили засаду. - Если он уйдет, ему конец.^[745] Альберт Майнцкий, церковный выборщик, в частности, оскорбил протестантов. Когда эти слухи дошли до Лютера, он сказал: 'В этом я ясно узнаю того епископа и его коллег; из всех орудий дьявола они наихудшие; мои опасения за Филиппа возрастают. Увы! мир принадлежит сатане, а сатана - всему миру.' Затем, вспомнив анекдот, он продолжил: 'Архиепископ Майнца, прочитав комментарий Меланхтона к Посланию к Римлянам, воскликнул: "Этот человек одержим!" и, бросив том на землю, растоптал его.' Если бы князь, через владения которого Меланхтону, вероятно, пришлось пройти, обошелся с книгой таким образом, что бы он сделал с автором? Лютер был потрясен. В 1527 году Джордж Винклер, благочестивый пастор Галле, будучи вызван к этому самому архиепископу Альберту, был убит несколькими всадниками, когда возвращался по дороге, по которой должен был ехать Меланхтон. Великий реформатор начал менять свое мнение.

Курфюрст, поняв это, представил ему более веские аргументы: 'Я боюсь, - сказал он, - что, если Меланхтон поедет во Францию, он уступит папистам гораздо больше, чем вы, доктор, и другие богословы согласились бы, и, следовательно, между вами и ним возникнет разлад, который возмутит христиан и нанесет ущерб Евангелию. Те, кто приглашает его, являются скорее последователями Эразма, чем Библии. Меланхтон неизбежно подвергнется величайшей опасности в Париже — опасности как для тела, так и для души. Я предпочел бы, чтобы Бог забрал его к себе, чем позволил ему отправиться во Францию. Это мое твердое решение".^[746]

Эти сообщения серьезно подействовали на Лютера: курфюрст атаковал его с самой слабой стороны. Реформатор благоговел перед Меланхтоном, но он знал, на какие жертвы его не раз готовило стремление к единству. Если Меланхтон был поборником единства, то Лютер был поборником истины: охранять всю истину со святой ревностью было его принципом. Реформация, считал он, должна восторжествовать благодаря верности Слову Божьему, а не переговорам королей. Оправившись от своего первого впечатления, он сказал Меланхтону: "Я начинаю подозревать этих послов".^[747] С того момента он ни разу не произнес ни слова в пользу

путешествия. И все же опасность, исходящая от протестантов Франции, никогда не покидала его мыслей. 'Должны ли мы покинуть наших братьев?' он постоянно спрашивал себя. Ему в голову пришла блестящая идея: предположим, евангелисты покинут Францию и приедут в Германию в поисках свободы.^[748] Он постарался принять их хорошо. Лютер предвосхитил появление Убежища на полтора столетия.

Резкое письмо Меланхтон.

Постепенно курфюрст укреплял свои позиции, и необыкновенная авантюра, предложенная Меланхтону, с каждым днем становилась все более сомнительной. С самого начала принц поддерживал политиков и придворных; затем литераторы и горожане, встревоженные зловеющими слухами, перешли на его сторону; и теперь сам Лютер был убежден. Меланхтон остался почти в одиночестве. Его чуткое сердце страстно желало убрать меч, нависший над головами французских евангелистов, и, казалось, ничто не могло его остановить. Джон Фредерик пытался убедить его. Вне всякого сомнения, французская реформация, подгоняемая в этот момент встречными ветрами, должна достичь гавани; но эту задачу следует предоставить ее собственной команде. На каждом корабле должен быть свой лоцман. Поэтому Джон Фредерик написал Меланхтону суровое письмо, и мягкосердечному священнослужителю пришлось испить чашу до дна. - Вы заявили, что готовы предпринять путешествие во Францию, - сказал курфюрст, ' не посоветовавшись с нами. Однако вам следовало подумать о своем долге перед нами, которых Бог поставил вашими начальниками. Мы были очень недовольны, увидев, что вы зашли так далеко в этом вопросе. Вы знаете отношения, существующие между королем Франции и императором, и вам известно, что мы обязаны уважать их. Мы желаем, чтобы иностранные народы были привлечены к Евангелию; но должны ли мы идти к ним, чтобы добиться их обращения?^[749] Предприятие большого масштаба, и успех его весьма сомнителен. Письма, которые мы получаем из Франции, хорошо рассчитаны на то, чтобы заставить нас отчаяться увидеть, как евангельское семя принесет там плоды. *Желаете ли вы нарушить общественный покой немецкой нации, и хотя мы вправе ожидать, что вы поддержите нас, осмеливаетесь ли вы, напротив, досаждать нам и срывать наши планы?*

Это было уже слишком. Меланхтон остановился; стрела, пущенная курфюрстом, пронзила его сердце. Вскоре он принял решение: "Из-за этих слов, - сказал он, - я не поеду". Впоследствии он подчеркнул этот отрывок и написал на полях слова, которые мы только что процитировали.^[750] Курфюрст был еще более суров, когда диктовал депешу. 'Идите, ' были его слова, - идите и делайте, что вам заблагорассудится; участвуйте в этом приключении. Но мы оставляем всю ответственность на вас. Обдумайте это хорошенько'. Он исключил этот абзац по желанию канцлера.^[751]

Простое и нежное сердце Меланхтона было сокрушено недовольством его государя. Преодолев свою природную застенчивость, он решил смело пойти на опасность в надежде увидеть триумф Реформации, и теперь позор был его единственной наградой. Придворные утверждали, что он и другие богословы были упрямыми и почти слабоумными, и им было бы гораздо лучше довольствоваться своими школами и предоставить управление Церковью другим. Меланхтон облегчил свое горе, поделившись им со своими друзьями; он написал Камерарию, Штурму и даже Уильяму дю Белле. Великий эллинист, много проживший среди древних греческих республик, воображал, что Европа уже охвачена злом, от которого погибли эти государства. "Я никогда не знал более жестокого принца, - сказал он им. - с какой жестокостью он обращается

со мной!^[752] Он не только не разрешает мне удалиться, но и оскорбляет меня вдобавок. Моя вина в том, что я менее упрям, чем другие. Я признаю, что мир в моих глазах настолько драгоценен, что его не следует нарушать, за исключением действительно важных и необходимых дел. О, если бы избиратель только знал тех, кто пользуется этим предложенным путешествием, чтобы сеять раздор! Это делают не образованные люди, а невежды и глупцы. Они называют меня дезертиром и беглянкой.... О мой друг, мы живем при *режиме* демократии, то есть под тиранией необразованных,^[753] людей, которые ссорятся из-за бабушкиных историй и не думают ни о чем, кроме удовлетворения своих страстей. Как велика ненависть, которой они воспылали ко мне!... Они клеветают на меня и говорят, что я предаю своего принца.' Терамен был приговорен пить цикуту, потому что он заменил демократию аристократией или правительством достойнейших и мудро управлял государством. "Я не обманываю себя, - воскликнул он, - меня ждет судьба Терамена".^[754]

Меланхтон был не единственным страдальцем; его верный друг Лютер не подвел его. Хотя теперь он был настроен против путешествия во Францию, письмо Джона Фредерика серьезно встревожило его; ему казалось, что необходимы большие перемены, и перед ним маячило бурное будущее. 'На сердце у меня печаль,' писал он Джонасу, - потому что я знаю, что такое суровое письмо причинит Филипу самые сильные страдания.... Все это пробуждает мысли, которых я бы предпочел не иметь.^[755] В другой раз я расскажу вам больше ... в настоящее время я переполнен печалью.' Затем, чувствуя неловкость за Меланхтона, он написал ему: "Ты *проглотил* письмо нашего принца?"^[756] Я был чрезвычайно взволнован этим из любви к тебе. Расскажи мне, как ты."...

Какие мысли произвольно пришли в голову Лютеру? Есть некоторая трудность с решением. Возможно, реформатор думал, что это дело может привести к разногласиям между Церковью и государством. 'Восхищайтесь мудростью двора, - сказал он. - посмотрите, как он хвастается тем, что является действующим лицом в этом приключении! Что касается нас, то мы предпочитаем быть просто зрителями, и я начинаю поздравлять себя с тем, что суд презирует и исключает нас.^[757] Все это происходит по милости Божьей, чтобы мы не были замешаны в этих беспорядках, о которых нам, возможно, впоследствии придется очень горько сожалеть. Теперь мы в безопасности, ибо все, что делается, делается без нас. То, чего Демосфен желал слишком поздно, мы получаем рано, а именно: отсутствие беспокойства в правительстве.^[758] Пусть Бог укрепит нас в этом! Аминь'. Лютер, по-видимому, предвидел время, когда у Евангелической церкви не будет другой поддержки, кроме Бога, и радовался этой перспективе.

Письмо Меланхтон королю.

Поскольку Джон Фредерик еще не отправил свое письмо Франциску I, его советники деликатно посоветовали ему скрыть его. 'Поскольку король не написал курфюрсту о предполагаемом путешествии,' сказал Лютер, - было бы лучше, если бы курфюрст тоже не писал. Письмо от него, возможно, дало бы королю возможность ответить, а этого следует избегать.^[759] Джон Фредерик все еще колебался, поскольку, хотя его письмо было написано 18 августа, отправлено оно было только 28-го. "Светлейший и прославленный король, - сказал он, - мы должны были бы оказать вашему величеству удовольствие, разрешив Меланхтона поехать во Францию, тем более что это было сделано для необычайной пропаганды Евангелия, чтобы оно принесло самые обильные и обильнейшие плоды.^[760] Но мы должны были учитывать трудности настоящего времени.' Затем, в качестве последней причины, курфюрст добавил: 'Наконец, мы не помним наверняка ... что

ваше величество написали нам о Меланхтоне. Если в будущем возникнут какие-либо непредвиденные обстоятельства, - продолжал Джон Фредерик, - и вы напишете нам о нем и заверите нас, что он будет восстановлен в целости и сохранности, мы разрешим ему обратиться к вам. Будьте уверены, что мы всегда будем с готовностью делать все, что в наших силах, для распространения Евангелия Христа повсюду, в интересах мирских и духовных интересов вашего Величества, вашего королевства и его церкви и для ускорения освобождения христианского содружества".

Меланхтон, которому курфюрст передал это письмо,^[761] опасался, что вместо того, чтобы успокоить короля Франции, это только еще больше разозлит его. Ему была невыносима мысль о том, чтобы ответить неблагодарностью могущественному монарху, который проявил к нему такую доброту. Эта мысль занимала его с утра до ночи. В тот самый день, когда было отправлено письмо курфюрста Фридриха, Меланхтон отправил три письма, первое из которых предназначалось королю. Больше всего на свете он боялся, что Франциск I откажется от великого предприятия, которое должно было восстановить единство и истину в Церкви. Поэтому он написал ему, скрыв негодование, которое испытывал по поводу отказа курфюрста. "Самый христианский и самый могущественный король, - сказал он, - Франция бесконечно превосходит все королевства мира тем, что она всегда была бдительным стражем в защите христианской религии.^[762] Поэтому я смиренно поздравляю ваше Величество с тем, что вы предприняли попытку реформировать доктрину Церкви не насильственными средствами, а разумными средствами;^[763] и я умоляю ваше Величество не переставать посвящать этому вопросу все свои мысли и всю свою заботу. Сир, не позволяйте себе останавливаться на резких суждениях и грубых писаниях некоторых людей. Не позволяйте их неосторожности сводить на нет проект, столь полезный для Церкви. Получив ваше письмо, я приложил все усилия, чтобы поспешить к вашему Величеству; ибо нет ничего, чего я желаю больше, чем помочь Церкви в соответствии с моей бедностью. Я возлагал самые большие надежды, но большие препятствия удерживают меня.... Ворэ де ла Фосс сообщит вам о них.

Если доктор Германии был сдержан, когда писал королю, он позволил чувствам своего сердца проявиться в письмах, которые он написал в тот же день Дю Белле и Штурму: 'Может ли что-либо быть более огорчительным, - сказал он Дю Белле, - чем подвергаться в одно и то же время гневу самого христианского короля, жестокому обращению курфюрста и клевете народа?... Но несправедливость людей не лишит меня умеренности духа или религиозного рвения. Что касается путешествия, то я пообещал Ворэ де ла Фоссу вскоре отправиться во Франкфурт, откуда, если будет желание, я поспешу к вам'. Следовательно, он не совсем отказался от Франции. "Я надеюсь, - сказал он в заключение, - что разум короля будет настолько руководствоваться вашими советами и советом вашего брата кардинала, что отныне он будет использовать все свои силы для прославления Христа".^[764]

Работа союза, на которую Франциск I пригласил Меланхтон, пустила глубокие корни в сознании доктора. Садоле, епископ Карпантрасский (который был возведен в кардиналы годом позже), опубликовав трактат по обсуждаемому вопросу, реформатор написал Штурму, что Садоле отстаивает те самые пункты, которые он был полон решимости защищать, но он сожалеет, что тот предается таким резким нападкам на протестантов.^[765] Немного позже, когда прославленный Будей, на которого он рассчитывал, похвалил Франциска за его рвение в искуплении и наказании нападений еретиков,^[766] Меланхтон был задет, но не смущен. "Я читал его трактат, - сказал он Штурму, 'но какое это имеет значение? Все эти вещи скорее воспламеняют, чем

охлаждают меня; они раздувают мое желание пойти к вам, донести свои идеи до всех этих ученых людей, этих друзей добра, и перенять их. Давайте объединим все наши силы, чтобы спасти Церковь: никакая человеческая несправедливость не остановит моего рвения".^[767]

Мотивы Франциска.

В этом отношении Меланхтон был не одинок: Франциск I. проявил не меньшую энергию и постарался не обидеться на отказ курфюрста. Союз протестантов с каждым днем становился для него все более необходимым. Принц, который так много сделал во Франции для искусства и который, как покровитель ученых, получил титул *Отца литературы*, желал реформы по образцу Эразма. Между Франциском I и его сыном Генрихом II существовало очень заметное различие, которое невозможно не заметить; но любовь к знаниям не была главным мотивом короля: он вынашивал определенные политические планы, которые значительно усилили его стремление к союзу с протестантами. Герцог Миланский только что умер, и амбициозный Франциск возжелал завоевать герцогство для своего второго сына. Более того, евангелическая партия не была лишена влияния при дворе: Маргарита, королева Наварры, адмирал Шабо и многие дворяне благоволили Евангелию; и их поддерживали Дю Белле и другие представители умеренной партии. Мужчины римской фракции сплотились вокруг Дианы Пуатье и Екатерины Медичи.

Король обнаружил, что Джон Фредерик почувствовал себя оскорбленным, увидев, как иностранный монарх обращается к одному из своих подданных по вопросу, касающемуся дела, главой которого считался курфюрст. Фрэнсис, вероятно, считал восприимчивость принца вполне естественной и поэтому, вместо того чтобы порвать с ним, решил извлечь пользу из полученного урока. Он возобновит свои планы, но больше не будет писать Меланхтону: он обратится лично к курфюрсту, или, скорее, ко всем протестантским князьям вместе взятым, в соответствии с обычными формами; и чтобы не напоминать им о его первой ошибке, имя Меланхтона не должно упоминаться. Мы можем быть уверены, что рвение ученого профессора и могущественного монарха исходило из разных источников; один исходил сверху, другой - снизу; но обоими ими двигало одно и то же желание.

Римская партия была сильно взволнована, когда услышала о намерениях короля, и снова попыталась сорвать проект, который они считали крайне пагубным. Сорбонна заявила Франциску I, что не следует идти ни на какие уступки, и приступила к необычной демонстрации статей, отвергнутых лютеранами. Они отрицают власть святых, чтобы исцелять больных, - сказал богословы, - но разве это не чудесная сила доказана добродетель королей Франции обладают исцеления зла на ощупь?' Франциск I был выдающимся святым, и такой аргумент, вероятно, больше позабавил его, чем убедил. Кардинал Де Турнон поступил более мудро, повторив монарху, что он не смог бы получить Милан без помощи папы римского. Но даже этот аргумент не поколебал Франциска I. Он высоко ценил дружбу папы, но еще выше ценил копья ланскенетов.

Миссия Дю Белле.

Протестанты собирались собраться в Смалькальде; два могущественных князя, герцоги Вюртембергский и Померанийский, присоединились к евангелическому союзу, и конфедераты предприняли шаги, чтобы постоянно иметь большую пешую армию. Услышав об этом, король Франции почувствовал новые надежды и начал вторую кампанию, которую он спланировал лучше, чем первую. Вместо того чтобы нанять такого безвестного джентльмена, как Ворэ де ла Фосс, он выбрал самого прославленного из своих дипломатов и приказал Уильяму дю Белле отправиться в Германию. Последний был еще более ревностен, чем его хозяин, и, опасаясь, что тот прибудет слишком поздно, написал из Лотарингии (где он случайно остановился) курфюрсту Саксонии, умоляя его продлить встречу на несколько дней, "поскольку король Франции доверил ему определенные предложения, касающиеся мира в христианском мире".^[768] Известие о такой миссии обрадовало друзей Реформации и наполнило римскую партию негодованием. "Никогда, - сказал Штурм, - никогда до сих пор дело Евангелия не находилось во Франции в таком благоприятном положении".^[769] Курфюрст, Меланхтон и Дю Белле прибыли в Смалькальд в середине декабря.

Посол Франциска I. немедленно потребовал личной аудиенции у курфюрста и 16 декабря вручил ему письма, в которых король, неоднократно заявляя о своем рвении к умиротворению христианской церкви, умолял курфюрста искренне сотрудничать "в столь благочестивом и святом деле".^[770] Джон Фредерик не был убежден; он всегда ставил религию превыше политики, но он знал, что Франциск I принял противоположный порядок. Соответственно, опасаясь, что за этой *благочестивой работой* король скрывал войну с императором, он немедленно указал на непреодолимый барьер, разделявший их: 'Наш союз, ' сказал он, - был заключен исключительно для поддержания чистого Слова Божьего и распространения святого учения веры'. Дипломата было не сбить с толку: в его портфеле было два кармана — в одном хранились религиозные, в другом - политические вопросы. Открыв первое, он сказал: 'Мы просим вас прислать нам врачей для обсуждения вопроса об объединении Церквей'. Германия говорила *othe Слове и доктрине*, Франция - *о союзе и о Церкви*: это было характерно. Джон Фредерик ответил, что проконсультируется со своими союзниками. Аудиенция подошла к концу, и князья и депутаты городов назначили 19 декабря для приема посла Франции.

Заступничество.

Завоевать это собрание было важно, и король это чувствовал. Соответственно, в письме, которое он адресовал этому органу, он использовал все возможные доводы и говорил "о древней, священной и нерушимой дружбе, которая объединяла Францию и Германию, и о неизменной привязанности и доброй воле, которые он питал к принцам".^[771] Франциск I. надеялся, что эти достойные немцы позволят поймать себя на его словах; но они оказались более проникательными, чем он предполагал. Дю Белле заметил это; он убедился в неблагоприятных настроениях Германии, и когда он поднялся, чтобы выступить, он описал благочестивых и миролюбивых евангелистов, казненных Франциском, как мятежников, желавших взбудоражить народ. "Самые прославленные и превосходнейшие принцы, - продолжал он, - некоторые люди, движимые ненавистью, утверждают, что государства империи должны быть настороже, когда иностранные короли направляют к ним посольства, видя, что эти монархи говорят одно, а действуют по-другому".^[772] Должен признаться, французы названы не были; но на них явно указано. Кто был более верен своей дружбе, чем король Франции? Кто с большей готовностью бросал вызов опасности ради блага Германии? Какие нации когда-либо были более сплоченными, чем немцы и французы? Король убежден, что вы очень здраво

рассуждаете о многих вещах; но он мог бы пожелать немного большей умеренности в некоторых из них. Как и вы, он чувствует, что небрежность и суеверие людей ввели в Церкви много бесполезных церемоний; но он не одобряет их отмены без государственного указа.^[773] Он опасается, что разнообразие обрядов вызовет раздор в умах и станет причиной гражданских беспорядков во всем христианском мире. Примирение - самое заветное из его желаний. Если вы готовы принять его в свое общество, вы найдете в нем верного друга. Разнообразие мнений до сих пор разделяло вас с ним, но схожесть доктрины отныне объединит его".^[774] В заключение Дю Белле повторил свое требование о созыве конгресса французских и немецких врачей для обсуждения спорных вопросов.

Эта умная речь не убедила протестантов; они оставались холодными, в то время как Дю Белле так горячо отстаивал свое дело. Вопрос, которого Франциск I и его посол хотели слегка коснуться, был тем, что больше всего нравилось немцам. Они не могли забыть того, что слышали о Дю Бурге, калеке и других мучениках, узниках и беглецах. Они были потрясены идеей вступить в союз с человеком, который пролил кровь их братьев. Они решили 'открыть свои рты для немых и поддержать дело всех тех, кто был обречен на уничтожение'. 'Мы не потерпим в наших штатах,' ответили они, 'никаких подстрекателей к мятежу, и поэтому мы не можем осуждать короля Франции за то, что он подавил их в своем королевстве. Но мы умоляем Его не наказывать всех без различия. Мы просим Его пощадить тех, кто, убедившись в заблуждениях, которыми заражена религия, принял чистое учение Евангелия, которым обладаем мы сами. Безжалостные люди, желающие спасти свои интересы и свою власть, жестоко защищали свои нечестивые мнения и, чтобы вывести из себя короля, предполагали ложные преступления, которые они вменяют невинным и благочестивым христианам. Долг монархов - стремиться к Божьей славе, очищать Церковь от заблуждений и пресекать незаконные жестокости; и мы искренне умоляем могущественного короля Франции уделить самое серьезное внимание только этому великому долгу'.^[775]

Этот благородный ответ не обнадежил. Посол не был смущен, но, ловко уклонившись от темы, просто еще раз заверил собрание в твердой решимости своего господина трудиться над реформированием Церкви. Важным моментом было узнать, какова будет природа этой реформации. Зачем собирать конгресс ученых людей для обсуждения этого, если заранее было ясно, что они не смогут прийти к взаимопониманию? Не все присутствующие протестанты думали одинаково. Религиозные деятели, которые очень недоверчиво относились к евангелическому благочестию короля, считали, что ничего не следует предпринимать; с другой стороны, люди целесообразности сказали, что это стоит изучить; и, поскольку было сделано предложение провести предварительную консультацию (в Смалькальде), было решено, что на следующий день (20 декабря) должна состояться встреча Дю Белле, Брука, выборного канцлера, Меланхтона, Джона Штурма, депутата от Страсбурга,^[776] делегаты ландграфа Гессенского, в чьих штатах проводилась конференция, и Спалатин, капеллан курфюрста, который был назначен секретарем. Теперь противоборствующим сторонам предстояло попытаться прийти к какому-то соглашению. Это была нелегкая задача, взятая на себя министром Франциска I, который выступил, согласно указаниям своего господина, в качестве представителя католической партии; но никто лучше Дю Белле не знал, насколько, по мнению короля, Франция могла бы тогда быть реформирована, если бы протестанты согласились вступить с ней в союз. Это объяснение важно: нам стоит потратить время на изучение плана, задуманного французским правительством.

Du Bellay's Propositions.

На рассвете^[777] 20 декабря собрались участники конференции. Они выбрали этот ранний час, вероятно, потому, что важные дела все еще требовали их внимания. В то время в городе находился посол папы римского, знаменитый легат Верджерио, который впоследствии перешел на сторону реформаторов. Он был послан предложить созвать собор и должен был получить ответ протестантов на следующее утро. Когда делегаты заняли свои места, посол Франции объяснил, в чем заключается суть реформы, которой королевство Франция протянет руку помощи. 'Во-первых, - сказал он, - что касается главенства римского понтифика, король Франции, как и вы, считает, что он обладает им по человеческому, а не по божественному праву. Мы не склонны слишком сильно ослаблять вожжи в этом отношении. До сих пор папы использовали власть, на которую они претендуют, для назначения и смещения королей, что, безусловно, заходит слишком далеко. Правда, некоторые из наших богословов утверждают, что папство имеет божественное право; но когда король попросил доказательств, они не смогли ему их предоставить.' Меланхтон был удовлетворен; канцлер - в меньшей степени; Брук разделял мнение короля Англии, который, по словам Дю Белле, "не уступил бы папе никакой власти, исходящей от Бога или от человека".

'Что касается таинства евхаристии, - продолжал посол, - то ваше мнение по этому вопросу нравится королю, но не его богословам, которые из всех сил поддерживают пресуществление. Его Величество ищет аргументы в оправдание вашего образа мыслей и готов исповедовать его, если вы приведете ему здравые. Теперь вы знаете, что король - единственный человек, который командует в своем королевстве".^[778]

'Что касается мессы,' продолжал Дю Белле, чувствуя себя немного неловко, как человек, идущий по зыбучим пескам, - то по этому поводу ведутся большие споры. Король придерживается мнения, что в эту часть божественного богослужения было добавлено много молитв и глупых, нечестивых легенд, и что эти абсурдные и нелепые отрывки должны быть вычеркнуты, а первобытный порядок восстановлен".^[779] Поскольку Франциск I особенно не одобрял мессы, проводимые в честь святых, чтобы получить их заступничество у Бога, Дю Белле повторил одно или два выражения короля по этому поводу. Однажды король сказал: "У меня есть молитвенник, написанный много лет назад, в котором нет упоминания о заступничестве святых. Я уверен, что Виссарион^[780] сам сказал: "Что касается меня, то я больше беспокоюсь о живых святых, чем об умерших". ""

"Однако король считает, - добавил Дю Белле, - что мы сохраняем служение мессы; только в каждой приходской церкви их должно быть не более трех в день: одна перед рассветом для рабочих и слуг; вторая и третья для других верующих", - если пресуществление и *глупые легенды* были отвергнуты, умеренные протестанты были готовы признать ежедневное совершение Евхаристии. Дю Белле продолжал: —

Что касается изображений святых, король, как и вы, считает, что они созданы не для поклонения, а для напоминания нам о вере и делах тех, кого они представляют; и именно этому следует учить народ.

- Его величество также доволен вашим мнением о свободе воли.

Дискуссия — великая борьба во Франции — коснулась чистилища; посол лукаво указал на причину: 'Наши богословы упрямо защищают это,' сказал он, - ибо от этой доктрины зависит

проведение месс, индульгенций и благочестивых даров. Уничтожьте чистилище, и вы отнимете у них все возможности приобретения богатства и почестей;^[781] вы отрубаετε конечности, которые снабжают их жизненной кровью! Король дал им несколько месяцев, чтобы они доказали свою доктрину с помощью Священного Писания; они приняли условия, но ничего не ответили, а когда король надавил на них, они воскликнули: “Ах, сир, не снабжайте наших противников оружием, которое они впоследствии обратят против нас”. Поэтому мне кажется, что было бы уместно, если бы один из ваших врачей написал трактат на эту тему и представил его Его Величеству.

Что касается добрых дел, то наши теологи твердо придерживаются своего мнения, а именно, что они необходимы. Я сказал им, что вы думали то же самое, и что все, что вы утверждаете, это то, что необходимость дел не может быть подтверждена таким образом, чтобы это означало, что мы оправданы и спасены ими. Инквизитор веры заявил о своем согласии с Меланхтоном по этому вопросу.^[782] Поэтому я думаю, что мы можем прийти к взаимопониманию по этому вопросу.

Монастыри и безбрачие.

‘ Вам не нравятся монастыри: что ж! Король надеется добиться от римской партии, чтобы никто не мог принимать монашеские обеты до достижения тридцати или сорока лет; и чтобы монахи отныне были вольны покидать свои монастыри и вступать в брак, если представится такая возможность. Король считает, что этого требует не только благо Церкви, но и благо государства, поскольку в монастырях есть много способных людей, которые могли бы с пользой выполнять различные функции и обязанности. Следовательно, Его Величество придерживается мнения, что монастыри не должны быть разрушены, но что обеты больше не должны быть обязательными. Только делая шаг за шагом, мы придем к пониманию.... Не очень удобно отрывать лошадиный хвост одним рывком.^[783] Монастыри должны быть местами обучения, выделенными для наставления тех, кто должен учить молодежь. Полезно и даже необходимо проявлять умеренность.... Его Величество надеется постепенно приучить к этой идее самого римского понтифика.

Что касается брака священников, то французские богословы его не одобряют, но здесь король придерживается определенного мнения. Он желает терпимости к тем из ваших священнослужителей, у которых есть жены; что касается остальных, он желает, чтобы они соблюдали безбрачие. Если, однако, есть священники, желающие жениться, пусть женятся; только они должны в то же время оставить священный сан.

Что касается причастия, король надеется получить от папы разрешение для каждого мужчины принимать причастие в одном или обоих видах, в зависимости от того, что может подсказать его совесть. Он заявляет, что слышал, как старики говорили, что оба вида давались мирянам во Франции сто двадцать лет назад; на самом деле не в церквях, а в частных часовнях. И даже по сей день короли Франции общаются под обоими именами.

Это объяснение реформы, намеченной для Франции, и вызванный им обмен идеями заняли некоторое время. День уже клонился к вечеру, и протестантские делегаты готовились к отъезду.^[784] Посол поспешил добавить несколько слов, чтобы доказать искренность своих предложений. ‘Кардинал Санта-Кроче, - сказал он, - уже заменил глупые и нечестивые гимны в литургии псалмами. Правда, парижские богословы осудили это изменение. Видите ли,

Сорбонна претендует на такой авторитет, что не только называет вас еретиками, но и не боится осудить кардиналов и самого папу.^[785] Таким образом, согласно Дю Белле, протестанты, король, кардиналы и папа были на одной стороне, а Сорбонна - на другой. Лютеранам, оказавшимся в такой хорошей компании, нечего было бояться. Чтобы еще больше ободрить их, он сообщил им, что Франциск I. признал выдвинутый ими пункт как самый жизненный источник их учения. - Король, - продолжал он, - высоко ценит доктрину оправдания, как вы ее объясняете. Ему было бы очень приятно, если бы двое или трое из ваших ученых людей были отправлены во Францию, чтобы обсудить эти несколько вопросов в его присутствии. Мы должны принять меры предосторожности, чтобы лучшая и здоровейшая часть Церкви не была завоевана и сокрушена численностью.^[786] Наконец, было бы очень полезно, - ловко добавил Дю Белле, заканчивая свою речь, - если бы собравшиеся здесь князья и депутаты городов вступились за тех, кто сослан из-за религии, и попросили, чтобы никто в дальнейшем не пострадал за то, что он думает, говорит или совершает в отношении своей веры. .^[787] Как могли протестанты после такой сострадательной просьбы говорить еще что-либо о эшафотах 21 января?

Реформация Франциска I.

Такова была Реформация, которую Франциск I объявил о своем желании подарить Франции. Что касается доктрины, то она была гораздо более полной, чем гибридная система, предложенная Генрихом VIII. в то время я пытался обосноваться в Англии. Протестанты сочли эти положения в целом достаточно приемлемыми, несомненно, с некоторыми изменениями, которые не могли не быть внесены: несовершенная реформа французского короля постепенно была бы завершена. Разве его посол только что не сказал, что вырывать лошадиный хвост сразу опасно, давая им понять, что его будут вырывать волосок за волоском? Провозглашенная Реформация, провозглашенное евангелическое учение, искоренение легкомыслия в общественном богослужении, Сорбонна под запретом, более здоровая часть христианского мира преобладает над более многочисленной, кардиналы и сам папа (как намекнул Дю Белле) содействуют этому преобразованию, — какие важные преимущества! Одной вещи, однако, все еще не хватало: многие спрашивали не только о том, доведут ли католики Реформацию до конца, как они намекали, но даже о том, сохранят ли они сделанные уступки.

Эта мысль привлекла внимание протестантских делегатов. Однако они доложили о своем решении своим руководителям, и среди сомнений, которые их терзали, только одно казалось неотложным для мужчин Аугсбургского исповедания — долг ходатайствовать за своих братьев во Франции. Они поручили Меланхтону разработать ответ на Дю Белле, и 22-го декабря, французского посланника были вновь допущены в собрание князей и депутатов, вице-канцлер сказал ему: 'что самый могущественный король Франции, посылая их послом, как прославленный его достоинств как выдающегося по его званию, и обязанность его лечить в вопросах веры, важность которого имеет первостепенное значение в их глазах, явно показал их христианское рвение, с которым король был оживлен—ревность самых достойных такой хороший князь: что распространенные сведения в отношении некоторых видов наказаний, которые имели место во Франции не может в правду уполномочить государства-ФРГ, чтобы составить мнение о могущественный монарх этого царства; однако они просили его, чтобы не позволить себе увлечься жестокость мужчин, которые, не зная правды, стремление действовать строго против хороших и плохих без каких-либо различий; то, что досужее мнение подкравшись в церковь, надо было применить средство, но те, кто пытался сделать это стало объекты злейшую ненависть—папистов, которые цеплялись за свои нарушения, стремление тысячу

ухищрений, чтобы воспламенить сердца королей и вооружить их против невинных.^[788] По этой причине Штаты, собравшиеся в Смалькальде, призвали его Величество запретить подобную незаконную жестокость и способствовать благу Церкви и славе Божьей".

Евангелисты, выполнив эту обязанность, быстро перешли к остальным. Они сообщили послу, что предложение послать ученых людей во Францию имеет такое значение, что невозможно дать ему немедленный ответ, но что депутаты доложат об этом вождям, как только те вернутся домой. "Однако мы заверяем вас, - сказали они в заключение, - что ничто не доставило бы нам большего удовольствия, чем видеть, как учение о благочестии и согласии народов все больше и больше распространяется средствами, соответствующими Слову Божьему".^[789]

После отсрочки, которая казалась почти отказом, Дю Белле почувствовал себя неловко, поскольку ему все еще предстояло выполнить главную миссию, возложенную на него его хозяином. Однако он не мог покинуть Смалькальде, не выполнив его. Он не давал об этом ясно знать в своих публичных выступлениях, но в частных беседах призывал протестантов заключить союз со своим повелителем королем. Последний ответил, что первым условием такого союза было бы, чтобы союзники ничего не предпринимали против императора, главы Германской конфедерации. Теперь Франциск I искал дружбы евангелической Германии именно с целью выступить против Карла V. Дю Белле оставил Смалькальда неудовлетворенным.

Фрэнсис играет две роли.

Недоверие лютеранских князей не было необоснованным. В то время как король вел себя как протестант за Рейном, он вел себя как папист за Альпами; если император согласится уступить ему Милан, Франциск I возьмет на себя обязательство подчинить Германию игу австрийского дома. "Я ничего не пожалею, - сказал он, - ради величия упомянутого императора и его брата, короля римлян".^[790] Он пошел еще дальше: 'Пусть папа скажет слово, и я силой оружия заставлю Англию подчиниться Церкви'. Жестокая лапа выглянула из-под шкуры ягненка, и внезапно появился лев, готовый напасть, схватить и сожрать, как лакомый кусочек, тех, к кому он относился как к друзьям и компаньонам.

Дело истины и единства не должно было восторжествовать посредством конгресса в Смалькальде, дипломатических переговоров или с помощью Франциска I. Тот, кто сказал: *Мое королевство не от мира сего*, не выбирал людей из мира сего для основания своего королевства и не допустит, чтобы монотонное единообразие заняло место единства в его империи. Международные договоры, конституции и формы, предписываемые монархами, - это человеческие элементы, которые царство небесное отвергает. Истинное единство не проистекает из одинаковой администрации, клерикальной организации или напыщенной иерархии: оно по своей сути морально и духовно и заключается в общности мыслей, веры, привязанностей, дел и надежд. Разнообразие форм не только не вредит ему, но придает ему большую интенсивность. В шестнадцатом веке мир был далек и все еще далек от осознания этого божественного единства. Однако некоторые шаги были предприняты, и, без сомнения, наступит время, когда, согласно библейскому пророчеству, все семьи земли будут благословлены во Христе Иисусе.^[791] Но настоящей, свободной евангельской католицизма не будет, пока христиане не поймут и не осознают эти элементарные слова первоначальной Церкви: *Я верю в общение святых*.

ГЛАВА XVIII. ЕВАНГЕЛИЕ На СЕВЕРЕ ИТАЛИИ. (С 1519 По 1536 гг.)

Состояние Италии.

Реформация началась и в Италии.

Поскольку знание древних языков, литературные занятия и развитие интеллекта процветали в этой стране больше, чем где-либо еще, казалось естественным, что она одной из первых открылась свету Евангелия. Среди суеверий можно было найти много возвышенных умов, которых формализм Римской церкви не мог удовлетворить. Разложение духовенства и религии в Италии распространилось глубже, чем в остальном христианском мире, так что масштабы зла заставляли острее ощущать необходимость средства правовой защиты. Соответственно, хотя казалось, что многие препятствия закрывают полуостров от проникновения евангельской доктрины; хотя национальная гордость, интерес, который итальянцы всех классов, казалось, питали к продолжению папства, враждебность правительств и, прежде всего, подавляющая власть папской иерархии, повсюду воздвигали барьеры, которые казались более непреодолимыми, чем Альпы, в то время между Италией и реформатскими странами существовал электрический ток, который ничто не могло остановить. Едва Реформация выпустила свои первые лучи света, едва пламя поднялось над Германией и Швейцарией, когда в регионах за горами, от Венеции и Турина до Неаполя, отдельные пятна света забрезжили среди темноты. Евангельское учение, в целом не слишком ценимое народом, нашло легкий доступ к сердцам многих образованных людей. Италия была обширной равниной, на которой было множество невозделанных полей и бесплодных вересковых пустошей; но когда над ней была протянута щедрая рука, семена жизни, упавшие с нее, находили тут и там хорошую почву, и при дуновении весны прорастали травинки и колосья. Свирепая буря, сопровождавшаяся громом и молниями, впоследствии разразилась на тех полях; дневной свет скрылся, и непроглядная тьма снова покрыла страну. Но свет был прекрасен, и его появление, хотя и мимолетное, заслуживает того, чтобы его запомнили, хотя бы как залог того, что он вселит в нас надежду на лучшие дни. Положительные результаты итальянской реформации, кажется, совершенно ускользают от нас; и все же она обладает таким же количеством тех характеристик, которые очаровывают ум, пленяют воображение и трогают сердце, как и другие Реформации. Новые и разнообразные растения, которые начала выращивать эта древняя земля, яркое пламя, которое на мгновение пролило такой прекрасный свет, Божьи люди, рассеянные в то время по всей Италии, заслуживают того, чтобы их узнали, и теперь мы должны обратиться к ним.

В Павии, на реке Тичино, жил книготорговец по имени Кальви, 'который культивировал муз'. Фробениус, знаменитый печатник из Базеля, еще в 1519 году прислал ему "Завещание" Эразма и ранние труды Лютера, и он начал изучать Евангелие больше, чем поэтов. Желая помочь, соразмерно своим способностям, в "возрождении благочестия",^[792] он взялся распространять труды реформаторов не только в своих ближайших окрестностях, но и по всем городам Италии.^[793] В Павии был знаменитый университет, и драгоценные тома сначала были распространены среди его профессоров и их учеников. Студентов часто можно было увидеть читающими эти увлекательные страницы под портиками университета, под стенами собора или

старого замка. Другие печатники и книготорговцы присоединились к Кальви в работе по распространению, и вскоре книга под названием "*Принципы теологии Ипполито ди Терранигра*" была прочитана по всей Италии, даже в Риме. *Терранигрой* был Меланхтон, и эти *Принципы Божественности* были его *Общими теологическими местами*. Эту замечательную книгу можно было найти даже в Ватикане, наряду с работами *Кориция Когелиуса* (Цвингле) и *Аретиуса Фелинуса* (Буцера). Епископы и кардиналы напыщенно превозносили их; никто из них не подозревал, что дыхание евангельского благочестия, одушевлявшее эти писания, обязательно должно было рассеять ложное благочестие исповеди. Книгу Терранигры в Риме читали с таким рвением, что вскоре возникла необходимость запросить новую порцию. Ученый францисканец из метрополии, владевший латинским изданием, был поражен неизвестным названием *Terranigra*,^[794] пожелал приобрести итальянскую работу, о которой так много говорили. Вскоре это начало вызывать определенные воспоминания: ему показалось, что он видел эту работу раньше. Он поднялся со своего места, взял свой латинский труд "*Меланхтон*", сравнил его с итальянским и, к своему великому ужасу, обнаружил, что эти два произведения были одинаковыми. Без промедления он раскрыл хитрость книготорговцев, и книга, которую кардиналы однажды превозносили до небес, на следующий день была предана огню.

Энтузиазм по отношению к Лютеру.

Но пропаганда не прекращалась. Молодые немцы, приехавшие изучать юриспруденцию и медицину в Болонье, Падуе и других университетах полуострова, молодые итальянцы, которые начали часто посещать школы Германии и Швейцарии, в равной степени способствовали распространению евангельской веры за пределами Альп. Многие из ланскенцев-лютеран, которых Карл V отправил маршем в Италию, и швейцарских солдат, которых привлек туда Франциск I. исповедовали в домах, где они проживали, доктрины Реформации, и делали это с полной военной откровенностью. Одни восхваляли Лютера, другие Цвингля, и все они противопоставляли чистоту жизни реформаторов и простоту их манер неправильностям, роскоши и гордыне римских прелатов.

Итальянцы обладают открытым и быстрым пониманием, точностью в своих идеях, ясностью выражения, чутьем на прекрасное и большой независимостью характера; и поэтому они устали жить в постыдном подчинении невежественным, ленивым и распутным священникам. Добросовестные люди выдающегося ума радостно приветствовали доктрину, которая ставила Слово Божье на место папских булл, сводок и декреталий и заменяла дух и жизнь церковным механизмом латинского ритуала. Италия была очарована характером и работой Лютера. В 1521 году голос из Милана воскликнул: 'О могучий Лютер! кто может нарисовать твои черты, столь полные одушевления, богоподобные качества твоего ума, твою душу, вдохновенную такой чистой волей? Твой голос, который звенит во вселенной и издает непривычные звуки, ужасает мерзкие сердца нечестивых,^[795] и несет неожиданный бальзам от болезней, которые казались неизлечимыми. Тогда наберись мужества, достопочтенный отец, чьи уста возвещают спасение всем и чье слово уничтожает больше чудовищ, чем когда-либо разорвал на куски Геракл.

Римские сановники были встревожены таким энтузиазмом. На Нюрнбергском сейме в 1524 году кардинал Кампеджи воскликнул: "Немцы быстро усваивают новое мнение, но вскоре отказываются от него; в то время как итальянцы упрямо настаивают на том, что они когда-то приняли".^[796] Скорее, должно было произойти обратное. Итальянцы проявили себя еще

расторпнее немцев: число лютеран увеличивалось с каждым днем.^[797] Обращенные католики постепенно начали объяснять Евангелие и опровергать заблуждения Римской церкви в частных домах: это делалось даже в Папской области. Вскоре несколько священников и монахов получили просвещение, и Реформация сделала новый шаг: ее принципам учили в церквях. Климент VII. испытал большую тревогу, когда внезапно учение, подвергавшееся нападкам со стороны него и его легатов в далеких странах, разразилось по всей его дорогой Италии и угрожало стенам папства. Он издал крик ужаса: "К нашему величайшему сожалению, - сказал он, - пагубная ересь Лютера распространилась среди нас, не только среди мирян, но также среди священников и монахов.^[798] Ересь растет, и повсюду католическая вера подвергается самым жестоким нападкам". Крик был бесполезен. В том же 1530 году Бруччоли перевел Новый Завет и напечатал его в Венеции, и с тех пор страшная зараза распространилась еще более быстрыми темпами.

Росселли - Меланхтону.

Именно в этом последнем городе, расположенном на сотне островков среди лагун "королевы Адриатики", учение Евангелия впервые подняло свой знамя. В Европе не было державы, более ревниво охранявшей свою независимость и авторитет, чем Венеция; крылатый лев Святого Марка бросил вызов римскому священнику; сенат отверг инквизицию, практиковал свободу дознания и не санкционировал указы папы до тех пор, пока они не были серьезно изучены и строжайшей экспертизой. Вскоре в Венеции появились протестанты, которые, как ни странно, были более протестантскими, чем жители Аугсбурга. "Я рад, - сказал Лютер 7 марта 1528 года, - слышать, что в Венеции приняли Слово Божье".^[799] Распространившийся слух о том, что Меланхтон, по-видимому, склонялся на сейме 1530 года признать главенство римского епископа, встревожил новых евангелистов Венеции: один из них, Лусио Паоло Росселли, хотя и был всего лишь новичком в христианском учении, решил написать, уважительно, но откровенно, знаменитому врачу из Германии: "Нет книг ни одного автора, - сказал он Меланхтону, - которые нравились бы мне больше, чем те, которые вы опубликовали. Но если слухи, которые распространяют о вас паписты, правдивы, то дело Евангелия и те, кто, наученный вашими трудами и Лютером, принял его, находятся в большой опасности. Вся Италия ждет результатов вашей встречи в Аугсбурге."^[800] О Меланхтон! пусть ни угрозы, ни страхи, ни молитвы, ни обещания не заставят вас отступить от стандарта Иисуса Христа! Даже если вам придется принять смерть, чтобы сохранить Его славу, не колеблясь. Лучше умереть с честью, чем жить с позором".

Ситуация стала еще хуже, когда венецианский посол при дворе Карла V. Направил сенату письмо, которое Меланхтон написал кардиналу Кампеджиб июля и в котором он зашел так далеко, что заявил, что протестанты не отличаются от Римской церкви ни в одном важном догмате и склонны признать папскую юрисдикцию.^[801] Евангельские христиане Венеции, которые хотели определенной позиции, были встревожены. Большинство из них отрицали, что письмо принадлежало Меланхтону; Росселли, в частности, с великодушным энтузиазмом встал на защиту доктора и 1 августа отправил ему копию письма, "чтобы он мог тщательно изучить порочность тех, кто приписывал ему слова, рассчитанные на то, чтобы опозорить истинных защитников дела Христа и самого Христа".^[802] Теперь, когда мы обнаружили их злобу, - добавил венецианец, - сопротивляйтесь их беззаконию с большим рвением, и пусть император и все христианские князья узнают о бесстыдных действиях врага".

То, что итальянцам казалось невозможным, оказалось правдой: Меланхтон зашел в своих уступках слишком далеко. Однако, когда он заявил, что не признает римского епископа до тех пор, пока не станет евангелистом, он внес в свой договор условие, которое делало это невозможным.

Из Венеции мы отправляемся в Турин. Итальянское возрождение не представляло собой того простого исторического и непрерывного прогресса, с которым мы сталкиваемся в других европейских странах. Это было похоже не на единую реку, чьи глубокие и могучие воды, когда они текли, спокойно текли по одному руслу; но на маленькие ручейки, вытекающие из земли в разных местах, чьи яркие и прозрачные воды сверкали в солнечных лучах и удобряли почву вокруг них. Они исчезали; они терялись в земле, часто, увы! придавая ей жизнерадостный оттенок, и земля возвращалась к своей прежней бесплодности. Тем не менее, многие растения были возрождены ими, и их приятное воспоминание до сих пор может вызывать радость у других.

Celio Curione.

Труды реформаторов достигли Турина. Пьемонт, расположенный недалеко от Швейцарии, Франции и Германии, был одним из первых, кто увидел проблеск солнца, только что поднявшегося из-за Альп. Реформация уже возникла в одном из его городов - в Аосте, — и большинство ее доктрин на протяжении веков были распространены в вальденских долинах. Монахи монастыря августинцев в Турине, в частности Иеронимо Нигро Фоскианео, были среди тех, кто впервые познакомился с евангельскими писаниями. Челио Секундо Курионе, молодой человек, еще учившийся в колледже, получил их из их рук в 1520 году.

Примерно в трех с половиной лье от Турина, у подножия Альп, располагался город Чирье с его двумя приходскими церквями и монастырем августинцев. Еще выше стоял старый замок под названием Куори, и семья, которой он принадлежал, называлась по нему Курионе или Куриони.^[803] Один из ее членов, Джакомино Курионе, живший в Сирье, женился на Шарлотте де Монтротье, фрейлине Бланш, герцогини Савойской, и сестре главного конюшего правящего герцога. 1 мая 1503 года у них в Сирье родился сын; его назвали Селио Секундо,^[804] и он был их двадцать третьим ребенком.^[805] Он потерял свою мать, когда появился на свет, а его отец, который переехал в Турин, а затем в Монкальери, где у него было имущество, умер, когда Селио было всего девять лет.

У старшего Курионе была Библия, которую в смертный час он передал в руки своего сына. Этот поступок, возможно, был причиной любви к Священному Писанию, которой впоследствии отличился наследник Курионов: глубина его сыновнего благочестия заставила его смотреть на книгу как на сокровище еще до того, как он осознал ценность ее содержания. Челио, начавший свое образование в Монкальери, отправился в Турин, где жила его бабушка по материнской линии, Маддалена. Она приняла его в свой дом, где трепетная любовь почтенной дамы окружила его самой нежной заботой.^[806] Говорят, что он жил на том приятном холме, который возвышается над Турином, откуда видны вершины Альп, и основание которого омывается медленными и величественными водами По.^[807] Селио всем сердцем посвятил себя изучению классических ораторов, поэтов, историков и философов; когда ему исполнилось двадцать лет, он почувствовал более глубокие стремления, которые литература была неспособна удовлетворить. Старая Библия его отца могла сделать это: новый мир, превосходящий мир литературы и философии, — мир духа — открылся перед его душой.

Как раз тогда, как в университете, так и в городе, было много разговоров о Реформации и реформаторах. Курионе часто слышал, как некоторые священники и их сторонники горько жаловались на "ложные доктрины" этих *еретиков* и использовали самые резкие выражения против Лютера и Цвингле. Он слушал их ругань, но не был убежден. Он обладал более благородной душой, чем большинство окружающих его людей, и его щедрый независимый дух был больше расположен в пользу обвиняемого, чем к обвинителям. Вместо того чтобы присоединиться к этому почти единодушному осуждению, Селио сказал себе: "Я не буду осуждать этих врачей, пока не прочитаю их труды".^[808] По-видимому, его уже знали в монастыре августинцев, в котором, как и в Виттембергском, можно было найти несколько по-настоящему благочестивых людей. Изящество его личности, быстрота его интеллекта и горячая жажда религиозных знаний заинтересовали монахов. Зная, что у них есть некоторые труды реформаторов, Курионе попросил их, и отец Иеронимо одолжил ему "*Вавилонское пленение*" Лютера, переведенное на итальянский под другим названием. Молодой человек нетерпеливо унес его в свой кабинет. Он прочел те энергичные страницы, на которых саксонский доктор говорит о живой вере, с которой христианин должен цепляться за обетования Слова Божьего; и те, на которых он утверждает, что ни епископ, ни папа не имеют права деспотически командовать верующим, получившим христианскую свободу от Бога. Но Селио еще не было достаточно светло; он отнес книгу обратно в монастырь и попросил принести другую. *Принципы теологии* Меланхтона и *Истинная и ложная религия* Цвингле были им поглощены по очереди.

Духовные потребности Курионе.

Тогда в его душе происходила какая-то работа. Истины, которые он прочитал в своей Библии, стали яснее и глубже запали ему в душу; его дух затрепетал от радости, когда он обнаружил, что его вера подтверждена верой этих великих врачей, а его сердце наполнилось любовью к Лютеру и Меланхтону. "Когда я был еще молод, - сказал он последнему впоследствии, - когда я впервые прочитал ваши произведения, я почувствовал такую любовь к вам, что, казалось, она едва ли способна увеличиться".^[809]

Курионе не был удовлетворен только трудами этих Божьих людей: его восхищение ими было так велико, что он страстно желал их услышать: в его сердце загорелось горячее желание немедленно отправиться в Германию.^[810] Он говорил об этом со своими друзьями, особенно с Джованни и Франческо Гуарино, которых Евангелие также коснулось и которые заявили о своей готовности уйти с ним.

Трое молодых итальянцев, восторженные поклонники Лютера и Меланхтона, покинули Турин и направились в Виттемберг. Они повернули в сторону долины Аоста, намереваясь пересечь Сен-Бернар,^[811] где более пяти столетий существовал дом ордена августинцев для приема путешественников, которые пользовались этим тогда очень посещаемым перевалом. Они беседовали о своем путешествии, о своих чувствах и надеждах; и, не довольствуясь этим, они с простодушной серьезностью говорили об истине людям, которых встречали на дороге или на постоянных дворах. В пылу своего юношеского рвения они даже позволяли себе вступать в неосторожные дискуссии о римских доктринах.^[812] Им "не терпелось высказаться" — они не могли дождаться, пока перейдут Альпы: дух, которым они были наполнены, унес их прочь. Они были предупреждены и решили быть осмотрительными, но "какими бы глубокими ни были тайники в сердцах людей, - сказал один реформатор, - их языки выдают их скрытые чувства".^[813] Один из тех, с кем спорили эти пьемонтские юноши, пошел и донес на них Бонифацию,

кардиналу-епископу Ивреи, и указал путь, по которому они должны были пойти. Прелат отдал необходимые распоряжения, и как раз в тот момент, когда трое студентов въезжали в долину Аоста,^[814] поджидавшие их спутники кардинала схватили их и отвели в тюрьму.

Какое разочарование! В то самое время, когда они предвкушали прелести безудержного общения с Меланхтон и Лютером, они оказались в цепях и одиночном заключении. У Курионе были друзья в этом округе, принадлежавшие к высшей знати; и, ухитрившись сообщить им о его судьбе, они приложили все усилия для его защиты. Кардинал, пославший за ним, вскоре обнаружил, что его пленник не был обычным человеком. Пораженный обширностью его знаний и изяществом ума, он решил сделать все возможное, чтобы приобщить его к Римской церкви. Он окружил его вниманием, пообещал взять на себя необходимые расходы для продолжения его учебы и с этим намерением поместил его в приорат Святого Бенигнуса. Вполне вероятно, что Корнелио и Гуарино вскоре были освобождены: хотя они были менее знамениты, чем их попутчик, впоследствии они отличились своим евангелическим рвением.

Реликвии и Библия.

Несмотря на то, что Курионе был заперт в монастыре, душа его горела рвением к Слову Божьему. Он сожалел о той Германии, на которую он так рассчитывал, и о том, что не может усилить свой свет у виттембергского алтаря, он хотел, по крайней мере, использовать то, что у него было, на благо монахов, которым было поручено обратить его. Он был огорчен суеверными обычаями их богослужения и хотел бы предоставить избирательные права тем, кто его окружал. В раке, установленной на видном месте алтаря, находились череп и другие кости, которые, как сообщается, принадлежали святому Агапету и святому Тибуру мученику и которые во время определенных церемоний были представлены на поклонение народу. Зачем класть сухие кости на место, которое должно быть занято живым Словом Божиим? Разве их писания не являются единственными подлинными останками апостолов и пророков? Курионе отказался оказать хоть малейшее почтение этим реликвиям и в своей частной беседе зашел так далеко, что выступил с некоторыми монахами против такого идолопоклоннического поклонения, наставляя их в истинной вере.^[815] Он решил сделать что-то еще. В монастырской библиотеке он нашел Библию, на которую никто не обратил внимания; более того, он обратил внимание на место, где монахи хранили ключ от столь дорогой им святыни.^[816] Однажды — вероятно, в 1530 году — воспользовавшись благоприятной возможностью, когда монахи были заняты в другом месте,^[817] он пошел в библиотеку, взял святое Слово, о котором Дэвид сказал, что оно было *больше для желаннее золота*, отнес его в церковь, открыл таинственный сундук, вынул реликвии, положил на их место Библию и сделал на ней такую надпись: *"Это ковчег завета, в котором человек может вопрошать истинных оракулов Божьих и в котором содержатся истинные мощи святых"*. Курионе с волнением и радостью закрыл алтарь и покинул церковь незамеченным. Этот поступок, каким бы опрометчивым он ни был, имел глубокое евангельское значение: он выражал величайшие принципы Реформации. Некоторое время спустя, на одном из праздников, когда мощи должны были быть представлены на поклонение верующим, монахи открыли святилище. Их удивлению, волнению и ярости не было предела, и они сразу же обвинили своего юного спутника в святотатстве. Находясь под наблюдением, он совершил побег и, покинув Пьемонт, укрылся в Милане.

В этом городе Курионе ревностно посвятил себя чтению лекций; но, испытывая в то же время отвращение к бессмысленным занятиям монахов, он всем сердцем отдался делам

христианского милосердия. Поскольку голод и эпидемия опустошали страну, он вскоре после этого полностью посвятил себя помощи бедным и немощным; он выпрашивал пожертвования у знати, убеждал священников продавать для помощи несчастным драгоценные предметы, украшавшие их церкви, утешал умирающих и даже хоронил мертвых.^[818] В монастыре он, казалось, боролся только за веру; в разгар эпидемии он, казалось, жил только ради дел. Он помнил, что Иисус пришел *служить*, и, следуя примеру своего Учителя, стремился утешить каждого страдающего. "Христос, ставший живым корнем его души, превратил ее в плодоносящее дерево". Как только бедствие утихло, все стремились засвидетельствовать Челио подобающую благодарность, и Исасии, одно из лучших семейств провинции, отдали ему руку одной из своих дочерей, Маргариты Бьянки, молодой женщины необычайной красоты, которая стала верной и храброй спутницей его жизни.^[819]

Папские проповедники.

Некоторое время спустя Курионе, полагая, что ему больше нечего бояться, и желая получить свое наследство, вновь посетить родную страну и посвятить свои силы и веру служению ей, вернулся в Пьемонт. Его надежды были обмануты. Жестокие семейные раздоры и церковные преследования омрачали жизнь, которая никогда не была свободна от волнений. Он потерял всех, кроме одной сестры, муж которой, узнав, что он намерен претендовать на его наследство, решил разорить его. Доминиканский монах наделал много шума своими проповедями в соседнем городе.^[820] Селио взял книгу из своей библиотеки и пошел с несколькими друзьями послушать его. Он ожидал, что монах, по обычаю своего сословия, нарисует ужасающую картину реформаторов. Курионе знал, что сутью проповеди евангельского служения был Христос, оправдание верой в его искупительный труд, новую жизнь, которую Он дает, и новые заповеди, которые Он дает. По его словам, задача слуги Божьего теперь, когда все стало новым, состояла в том, чтобы возвеличивать не Церковь, а Спасителя; и сообщать обо всей ценности Христа, а не ошеломлять его слушателей яростными речами против их противников. Таковых мнений в то время не придерживались — мы не скажем, что их придерживались великие ученые Римской церкви, но вульгарные проповедники папства. Провозглашая в качестве фундаментального принципа, что *вне Церкви спасения нет*, они, естественно, считали себя призванными настаивать на необходимости союза — не со Христом, а с Римом; превозносить красоту его иерархии, его богослужения и его благочестивых институтов. Вместо того чтобы кормить овец, давая им духовную пищу веры, они думали только о том, чтобы произносить хвалебные речи стаду и рисовать ужасные картины всепожирающих волков, которые рыскали по нему. Если бы не было протестантов, с которыми нужно было бороться, не было Лютера или Кальвина, которых можно было бы оклеветать, многие папистские проповедники сочли бы проповедь излишней частью богослужения, как это было в средние века.

The *Добрый монах*, которого Курионе и его друзья ходили послушать, проповедовал по ораторским правилам вульгарных проповедников. 'Знаете ли вы,' воскликнул он, 'почему Лютер нравится немцам?... Потому что под именем христианской свободы Он позволяет им предаваться всевозможным излишествами.'^[821] Более того, Он учит, что Христос не Бог и что Он не был рожден от девы.' И, продолжая эту монашескую филиппику с большой горячностью, он разжег вражду своих слушателей.

Когда проповедь закончилась, Курионе попросил у присутствовавшего прелата разрешения сказать несколько слов. Получив его, и когда прихожане замолчали в ожидании, он сказал:

‘Преподобный отец, вы выдвинули серьезные обвинения против Лютера: можете ли вы назвать мне книгу или место, в котором он учит тому, в чем вы его упрекаете?’ Монах ответил, что тогда он не мог этого сделать, но если Курионе согласится сопровождать его в Турин, он покажет ему эти отрывки. Молодой человек возразил с негодованием: ‘Тогда я сразу же назову вам страницу и книгу, где виттембергский врач утверждает обратное’. И, открыв *Комментарий Лютера к Посланию к Галатам*, он прочитал вслух несколько отрывков, которые полностью продемонстрировали ложность клеветы монаха. Высокопоставленные лица, присутствовавшие на службе, были возмущены; народ зашел еще дальше; несколько буйных людей, выведенных из себя тем, что Доминиканец сказал им такую наглую ложь, набросились на него и ударили. Более разумным пришлось повозиться, чтобы спасти его и отправить домой в целости и сохранности.^[822]

Курионе Снова заключен в тюрьму.

Эта сцена наделала много шума. Епископ и инквизиторы сочли это восстанием против папства. Курионе был головней, брошенной сатаной в середину Церкви, и они чувствовали, что если они немедленно не погасят ее, то порывистый ветер, который, пересекая Альпы, начал дуть на полуострове, разнесет искры далеко и широко и распространит пожар повсюду. Доблестный евангелист был схвачен, доставлен в Турин, брошен в тюрьму, и в одно мгновение, как только распространилась эта новость, все его старые враги принялись за дело. Его алчный брат и даже его сестра, как могло показаться, объединились со священниками, чтобы уничтожить его.^[823] Фанатизм и алчность объединились; одна сторона хотела лишить его только собственности, но другие хотели его жизни. Курионе не в первый раз попадал в тюрьму за то, что говорил правду: он не терял мужества, сохранял всю безмятежность своего ума и оставался хозяином себя. Священнослужитель, которому было поручено провести экзамен, засыпал его вопросами.^[824] Ему напомнили о реликвиях, увезенных из монастыря Святого Бенигнуса, о путешествии, которое он хотел совершить в Германию, и в разговорах, которые он вел по дороге, и пригрозили костром.^[825]

Епископ, зная, что у Курионе есть покровители среди первых лиц города, отправился в Рим, чтобы лично добиться от папы римского его смертного приговора. Перед отъездом он передал пленника своему коадьютору Давиду, брату влиятельного кардинала Чибо. Давид, желая удостовериться в своем человеке и не допустить, чтобы стало известно, где он содержится, ночью вывел его из тюрьмы, в которую он был помещен, отвез в один из тех особняков, мало чем отличающихся от замков, которые часто встречаются в Италии, и запер его в комнате, окруженной очень толстыми стенами.^[826] Его офицеры прикрепили тяжелые цепи к ногам бедного Селио, грубо сковали их и прикрепили к стене; и, наконец, у дверей дома поставили двух часовых. Когда это было сделано, Давид почувствовал себя спокойно, уверенный, что сможет выдать своего пленника, когда приговор придет из Рима. У несчастного не осталось никакой надежды на спасение. Курионе чувствовал, что его смерть не за горами, но, несмотря на большое горе, он все еще оставался полон мужества.

Различные операции, с помощью которых Дэвид заполучил своего пленника, были проведены ночью; когда наступил день, Курионе огляделся: это место, казалось, вызвало в его памяти какие-то полустертые воспоминания. Он начал более тщательно осматривать все вокруг и мало-помалу вспомнил, что когда-то давно, еще мальчиком, он был в этом доме, в этой самой комнате — вероятно, это был дом какого-нибудь друга. Он в точности запомнил расположение здания,

галерей, лестницы, дверей и окон.^[827] Но вскоре чувство боли отвлекло его от этих мыслей: его тюремщики заковали кандалы так туго, что у него начали опухать ноги и мучения стали невыносимыми. Когда его надзиратель, как обычно, пришел принести ему еды, Курионе рассказал ему о его боли и попросил оставить одну его ногу на свободе, добавив, что, когда она заживет, тюремщик сможет снова заковать ее в цепи и освободить другую. Мужчина согласился, и таким образом прошло несколько дней, в течение которых заключенный поочередно испытывал сильную боль и время от времени облегчение.

Это обстоятельство не помешало ему предаться самым серьезным размышлениям. Он никогда больше не увидит свою жену, своих детей или своих друзей; он больше не сможет принимать участие в той великой работе пробуждения, которую Бог тогда проводил в Церкви. Он знал, какой приговор будет вынесен в Риме. Когда святой Иоанн увидел женщину, сидящую на семи холмах, он воскликнул: *"Вавилон! ... опьяненный кровью святых и мучеников Иисуса"*. По возвращении епископа Курионе ожидала смерть: в этом он не сомневался. Но разве это не законно - защищать свою жизнь от насилия убийц? Внезапно в его изобретательный ум пришла идея; надежда сбежать, снова увидеть своих близких, снова служить делу Евангелия озарила его. Он размышлял и строил планы; средство, пришедшее ему в голову, было странным: возможно, оно и не увенчается успехом, но это также могло быть средством спасения его из рук преследователей. Когда Петр был в тюрьме, ангел Господень открыл дверь и вывел его. Селио не ожидал чуда, но он считал, что долг человека - сделать все, что в его силах, чтобы помешать замыслам нечестивых. Однако он не слишком верил в успех. Бог держит в своих руках жизни своих детей; Господь вернет им свободу или отправит на эшафот, как Ему будет удобнее судить.

Побег Курионе.

Курионе больше не медлил: он сразу приступил к осуществлению любопытного и в то же время простого способа, который пришел в голову его живому воображению. Он снял сапог со своей свободной ноги и набил его тряпками;^[828] затем он отломил ножку табурета, которая была в пределах его досягаемости, прикрепил к ней поддельную ножку и смастерил деревянную ножку, которую прикрепил к своему колену таким образом, что мог двигать ею, как если бы это была настоящая нога. Его испанская мантия, доходившая ему до пят, скрывала все и облегчала задачу. Вскоре он услышал шаги своих тюремщиков: к счастью, все было готово. Они вошли, сделали то, что привыкли делать каждый день, освободили закованную ногу, а затем, не осматривая ее слишком внимательно — поскольку у них не было никаких подозрений, — надели кандалы на фальшивую ногу и ушли.

Селио был свободен; он встал, он пошел; удивленный столь неожиданным избавлением, он был почти вне себя ... он был спасен от смерти. Но на этом все не закончилось; ему еще предстояло выбраться из этого крепкого особняка, где за ним так пристально следили. Он дождался ночи, и когда тьма нависла над городом, а его стражи погрузились в сон, он подошел к двери комнаты. Тюремщики, зная, что заключенный прикован цепью к стене и что у внешних ворот выставлены часовые, только толкнули их, не запирая. Курионе открыл ее и двинулся вперед медленными и осторожными шагами, избегая малейшего шума из опасения поднять тревогу. Хотя было совсем темно, он легко нашел дорогу с помощью своей памяти: он ощупью прошел по галереям, спустился по лестнице; но, подойдя к двери дома, обнаружил, что она плотно закрыта. Что же теперь делать? *Сбирри* спали, но он не осмеливался шуметь, чтобы не разбудить их. Вспомнив, что с одной стороны двери было окно, расположенное довольно высоко, он ухитрился

добраться до него, спрыгнул во двор, взобрался по внешней стене, вывалился на улицу и начал искать укрытие так быстро, как только позволяли ему его раненые ноги.^[829] Когда наступило утро, в доме царили большое удивление и волнение. В верности тюремщиков никто не сомневался, и поскольку никто не мог объяснить бегство заключенного, его враги распространили слух, что он прибегнул к магии, чтобы спастись от смерти.

Курионе сам был удивлен. Мысль о том, что он избежал не только рук своих охранников, но и ужасного осуждения суверенного понтифика, за поддержкой которого епископ отправился заручаться, еще больше увеличила в его глазах величие его освобождения. Он испытал, и притом жестоко, силу своих врагов; но он видел, что, какой бы сильной ни была ненависть мира, дуновения небес было достаточно, чтобы расстроить его планы. Он поспешил покинуть Турин и укрылся в уединенной деревушке в миланском герцогстве, где к нему присоединилась его семья. Его репутация литератора распространилась по этой стране, и некоторые миланские джентльмены, приезжавшие провести лето на виллы рядом с одиноким домом, в котором он жил, были о нем высокого мнения. Один из них, случайно встретив его, узнал его; он рассказал о нем другим своим друзьям, которые познакомились с ним, и все они, восхищенные его дружелюбным характером и развитым умом, не желали, чтобы такие прекрасные таланты оставались похороненными в уединенной деревне. Они добились его приглашения в университет Павии, где вскоре он был окружен восхищенной аудиторией. Инквизиция, на какое-то время оказавшаяся в затруднительном положении, наконец обнаружила, что дерзкий еретик, сбежавший из своей тюрьмы в Турине, спокойно преподавал в Павии; она арестовала его, будучи преисполненной решимости положить конец изматывающей войне, которую этот независимый человек вел против тьмы средневековья. Приближенные Святой Канцелярии устроили засаду с намерением схватить пьемонтского профессора, когда он выходил из своего дома, чтобы отправиться в лекционный зал. Но о заговоре пронюхали; студенты, которых было очень много, при поддержке некоторых влиятельных людей города, сформировали батальон, который окружил Курионе, когда он выходил из своего дома, проводил его до Академии, а когда лекция закончилась, сопровождал его обратно домой.^[830] Общественное мнение настолько решительно высказалось за свободу преподавания и против римской тирании, что прошло три года, а инквизиторы так и не смогли схватить профессора, что вызвало огромную радость по всему городу. Папа, раздраженный таким сопротивлением, пригрозил отлучить от церкви сенат Павии; и Курионе, не желая подвергать опасности своих друзей, уехал из этого города в Венецию, откуда отправился в Феррару, чтобы жить под тем просвещенным покровительством, которое герцогиня Рене оказывала всем, кто любил Евангелие.

Рене Французская.

Феррара действительно была центром, где Евангелие находило твердую поддержку. Рене, которая была дочерью Людовика XII и могла бы стать его преемницей, если бы (как она говорила) "у нее была борода на подбородке", унаследовала не католический пыл своей матери, Анны Бретонской, а реформаторский и антипапистский дух своего отца, который взял за свое устройство: *Perdam Babylonis nomen*. Лишенная трона 'этим проклятым салическим законом', по ее собственным словам, но воспитанная при дворе Франциска I. Она была тесно привязана к своей кузине Маргарите и, хотя была младше ее на восемнадцать лет, горячо приняла Евангелие, которое эта 'старшая сестра' проповедовала ей с такой искренностью. Рене была не из тех людей, которые просто учатся у других. Менее красивая, чем Маргарет, она походила на нее тем, что обладала великой душой, великодушным сердцем и, более того,

здравыми суждениями и твердой волей. В то время как тучи сгущались вокруг мягкого и яркого светила, вершившего судьбы Наварры, и скрывали конец его пути, едва ли проходящий пар затмил на мгновение чистую звезду Феррары и Монтаржи.

Ходили разговоры о браке Рене, как и о браке Маргариты, с Карлом V, а также с Генрихом VIII.; но политичный Франциск предпочел выдать дочь своего предшественника за принца, который не причинил бы ему зла. Поэтому она была замужем за Геркулесом Эсте, герцогом Феррарским, внуком папы Александра VI от Лукреции Борджиа и вассалом Святого Престола. Столь мрачное прошлое не сулило приятному союзу подруге Маргариты Валуа.

Несмотря на то, что в Ферраре Рене была окружена всем великолепием двора, она получала удовольствие от общения с литературой и искусством и больше всего на свете любила уединяться в своей камере и искать 'единственное, что необходимо'. В этот период ее жизни в ее набожности был легкий след мистического духа Маргарет. Созерцательная жизнь, однако, не соответствовала ее активному характеру; у нее были скорее практические наклонности; она любила привлекать к своему небольшому двору ученых мужей Италии и особенно приветствовала евангелистов, изгнанных из Франции. Таким образом, она начала становиться объектом самых противоположных замечаний. Все были согласны с ее чрезвычайной благотворительностью; но приверженцы папства жаловались, что ее интеллект, позволивший ей преуспеть в философии, к сожалению, склонил ее к исследованию религиозных вопросов; однако они добавили, что если она и пришла на помощь некоторым людям, пользующимся дурной славой среди римских католиков, то только потому, что ее неиссякаемая доброта наполнила ее состраданием к тем, кого она считала несправедливо обиженными.^[831] 'Она желает делать добро всем', - было сказано; "за один год она помогла десяти тысячам своих соотечественников. И когда управляющие ее домом объяснили ей чрезмерные расходы на это, она только ответила: "Чего бы вы хотели? — они бедные люди из моей собственной страны, все они были бы моими подданными, если бы не этот злой салический закон!"^[832] Она была одновременно Мecenаткой и Доркас.

Воскрешение христианства.

В Италии прошло время, когда фанатизм языческой древности вводил в заблуждение умы, и можно было слышать проповедников, говорящих с кафедр о Минерве, Христе и Юпитере на одном дыхании. В тот самый момент, когда знаменитые профессора, которым было поручено преподавать философию даже в университете Феррары, восклицали, как Вольтер и другие после него: 'Христианство вымирает, и его конец близок!' Христианство, напротив, возрождалось в Виттемберге, Цюрихе, Кембридже и даже во Франции, и крик, который оно издало, выйдя из могилы, эхом разнесся по Италии и пробудил там множество душ. В 1528 году, а возможно, и раньше, в Ферраре исповедовались евангелические доктрины. В 1530 году инквизиция этого города написала папе римскому, что в его стенах проживает много лютеран, как мирян, так и священнослужителей.^[833] На самом деле герцогиня собирала вокруг себя, либо для воспитания своих детей, либо просто из любви к учебе и Евангелию, профессоров, сведущих в изучении классики, среди которых были люди, осведомленные о суевериях Римской церкви и часто искренне привязанные к Евангелию. Среди них были Челио Кальканьини, Лилио Джиральди Бартоломео Риччо, Марцелло Палингенио и два брата Синапи. Джованни Синапи, в частности, был полон рвения распространять вокруг себя учение Священного Писания. Многие из самых выдающихся людей Италии, такие как Курионе, Оккино, Петр Мученик и знаменитый

поэт Фламинио, какое-то время жили в Ферраре. Из этого центра евангельские учения распространялись в соседних городах, и особенно в Модене, где они так широко распространились в университете и среди горожан, что вскоре его называли *лютеранским городом*.^[834]

ГЛАВА XIX. ЕВАНГЕЛИЕ В ЦЕНТРЕ ИТАЛИИ. (1520-1536).

В то время как Венеция, Турин, Милан, Феррара, Модена и другие города Верхней Италии прислушивались к голосу Евангелия, центр и юг полуострова также имели своих свидетелей истины.

Характер Оккино.

Бернардино Оккино, родившийся в Сиене в 1487 году, на четыре года моложе Лютера и Цвингле и на двадцать один год старше Кальвина, был самым известным проповедником того времени. В его проповедях можно было найти ту элегантность, тот выбор слов и те обороты выражения, которые создают ясность, изящество и легкость стиля; но в то же время он не был лишен воображения или энтузиазма и обладал смелостью языка, которая удивляет и увлекает тех, кто его слушает. Не будучи одним из тех твердых духом, которые вникают во все знания, взвешивают и измеряют все мысли, он обладал сильной религиозной тягой, и поскольку он был тронут сам, он тронул и своих слушателей. 'С самого начала моей жизни, - сказал он, - у меня было сильное стремление к небесному раю'. Он решил завоевать его, но сбился с пути. Его учеба была несовершенной; он плохо знал греческий и совсем не знал иврита; его познания в христианском учении не были ни глубокими, ни обширными; иногда он позволял себе опускаться до мелочей и даже противоречий; и, не отрицая основных доктрин веры, в последние годы своей жизни он употреблял относительно них неясные и двусмысленные выражения. Он некстати встал на защиту обычаев, допускавшихся по ветхому завету, но явно запрещенных по новому, и таким образом навлек на свою старость много огорчений. Оккино был великим оратором, но не великим богословом.

Сиенна, соперница Флоренции в средние века, все еще обладала достаточной привлекательностью, чтобы побудить молодого человека сделать карьеру литератора или отличника; но мысли Оккино приняли другое направление. С самой ранней юности его религиозные чувства склоняли его к аскетической жизни, и он искал покоя для своей души в упражнениях благочестия. 'Я верю в спасение через дела,' сказал он, 'через пост, молитвы, умерщвление плоти и бдения. С помощью Божьей благодати мы можем посредством этих практик удовлетворить Божью справедливость, получить прощение наших грехов и заслужить небеса'.^[835] Вскоре его личных мучений оказалось для него недостаточно, и он стал монахом. Каждое религиозное общество, одобренное Римом, было в его глазах святым; но он присоединился к францисканцам-наблюдателям, потому что этот орден считался более

строгим, чем другие. Юный Бернардино вскоре, как и Лютер, обнаружил, что монастырская жизнь не может удовлетворить его потребность в святости. Он был обескуражен и, отказавшись от достижения цели, которая, казалось, была ему не по силам, обратился к изучению медицины, не покидая, однако, монастыря. Некоторые францисканцы, отделившись от ордена с намерением установить еще более строгие правила под именем капуцинов, Оккино подумал, что нашел то, что хотел, и, присоединившись к ним, изо всех сил предался добровольному унижению и умерщвлению чувств. *Не ешь, не прикасайся, не пробуй на вкус.* Если главы ордена разрабатывали какие-то новые и более строгие законы, он спешил им подчиниться. Он с завязанными глазами бросился в сложный лабиринт традиций, дисциплины, постов, умерщвлений плоти, аскез и экстазов. И когда они заканчивались, он спрашивал себя, приобрел ли он что-нибудь? Оставаясь неловким и неподвижным в своей камере, он восклицал: 'О Христос! если я не буду спасен сейчас, я не знаю, что еще я могу сделать!' Приближался момент, когда он почувствует, что все эти мацерации были всего лишь "бегущими узлами, которые сначала связывают, а в конце душат".^[836]

Это было в 1534 году, когда Оккино было сорок семь лет. Душевные волнения часто вдохновляли его во время проповедей на те трогательные порывы, которые трогают сердце; его начальство, желая обратить его дарования во благо, призывало его к исполнению обязанностей проповедника, и когда он таким образом вступил в новую фазу жизни, переворот произошел и в его мыслях. Он отвернулся от суеверных обычаев и ничтожных уз монахов и преданных и обратился к Священному Писанию. Монашеская дисциплина усилила его тьму: Слово должно было принести ему свет. Он почувствовал необходимость добросовестно готовить свои проповеди и начал изучать Библию. Но, как ни странно, Священное Писание, вместо того чтобы облегчить его работу, с самого начала смущало его, вызывало беспокойство и даже парализовывало. Его разуму представился разительный контраст. 'Я верю,' сказал он, 'что мы должны заслужить небеса своими делами, в то время как Писание говорит мне, что небеса даны по благодати, из-за искупления через Иисуса Христа'. Некоторое время он пытался примирить эти противоречивые взгляды; но, что бы он ни делал, Рим и Библия оставались диаметрально противоположными друг другу; он принял решение в пользу Рима. Сомневаться в божественности учения папы было бы преступлением. 'Авторитет Церкви,' сказал он спустя годы, - заставил меня замолчать'. Он снова обратился к своему умерщвлению. Все было напрасно: покой был чужд его душе.

Затем он снова обратился к тому, что оставил. Он сказал себе, что, согласно всеобщему мнению христианского мира, Священные Писания были даны Богом, чтобы указать путь на небеса; и что если где-то и есть лекарство от болезни, от которой, как он чувствовал, он страдал, то оно должно быть в Божьей Книге. Он читал ее священные страницы с полной уверенностью и прилагал все усилия, чтобы понять их. Вскоре новый свет озарил его; небесное сияние было излито на мистерию Голгофы, и он преисполнился невыразимой радости. 'Несомненно,' сказал он, 'Христос своим послушанием и смертью полностью исполнил закон Божий и заслужил небеса для своих избранных. Это истинная праведность, это истинное спасение'.^[837] В тот момент он не продвинулся дальше; еще некоторое время Римско-католическая церковь была в его глазах истинной Церковью, а религиозные ордена - святыми институтами. Он обрел тот покой, которого так долго искал, и был удовлетворен.

Популярность Occhino.

Активность его жизни возросла, пыл его рвения возрос, его проповедь стала более духовной и искренней. Он продолжал свое странствующее служение и еще больше привлекал внимание народа Италии. Он всегда ходил пешком, хотя и был слаб телом. Его имя гремело по всему полуострову, и когда его ждали в каком-нибудь городе, множество людей, даже дворяне и принцы, выходили ему навстречу. Знатные люди города проявили бы к нему глубокую привязанность, оказали бы ему всяческие почести и не позволили бы ему уйти и поселиться в убогой монастырской келье, но заставили бы его воспользоваться блестящим гостеприимством их особняков. Великолепие этих жилищ, дорогие одежды их обитателей и 'вся пышность века' не внесли никаких изменений в его скромную и аскетичную жизнь. Сидя на роскошных банкетах у великих мира сего, он не пил вина и ел только из одного блюда, и то самого простого. Когда его проводили в лучшую комнату и предложили отдохнуть в мягкой и богато убранной постели, чтобы прийти в себя после утомительного путешествия, он улыбался, расстилал на полу свою поношенную мантию и ложился на нее.

Как только становилась известна весть о его прибытии, толпы людей стекались к нему со всех сторон. "Послушать его приходили целые города, - говорит епископ Амелии, - и не было церкви, достаточно большой, чтобы вместить множество слушателей".^[838] Все взгляды были прикованы к нему, как только он взошел на кафедру. Его возраст, худое бледное лицо, борода, спускавшаяся ниже пояса, седые волосы, грубая одежда и все, что было известно о его жизни, заставляли людей считать его необыкновенным человеком, даже святым. Была ли какая-то наигранность в этих странных манерах? Вероятно, была, потому что, хотя в нем и зародилось новое творение, старая натура была все еще очень сильна. Он не был равнодушен к славе, исходящей от человека, и, возможно, искал не только того, что исходит от Бога.

Наконец великий оратор начал говорить, и все собрание прильнуло к его губам. Он объяснял свои идеи с такой легкостью и изяществом, что даже с самого начала своего служения очаровывал всех, кто его слушал. Но после того, как он изучил Священное Писание, в его речах появилось больше элегантности, оригинальности и таланта. Он пользовался евангельским языком, который проникал в сердце; и все же никто, если только он не был очень тонким богословом, не осмелился бы приписать ему новые доктрины. Внутренняя сила, которую он получил, тронула их сердца; движения его красноречия увлекли слушателей, и он повел их туда, куда ему было угодно.^[839] В Перудже враги обнимали друг друга, покидая церковь, и отказались от семейной вражды, которая передавалась из поколения в поколение. В Неаполе, когда он проповедовал о какой-нибудь благотворительной деятельности, все кошельки были открыты: однажды он собрал пять тысяч крон — огромную сумму по тем временам. Даже князя Церкви, такие как кардинал Садоле и кардинал Бембо, отдавали ему пальму первенства в народном красноречии: все голоса приветствовали его как первого проповедника Италии.^[840] Мы вскоре увидим, как он производит религиозное возрождение в Неаполе. Ему предшествовали и помогали в этой работе люди, которые, хотя и уступали ему в красноречии, были выше его в знаниях и вере.

Характер Петра Мученика.

В то время, когда Слово было посеяно таким образом и повсюду более или менее приносило плоды, Флоренция, земля Медичи, столь прославленная своей приверженностью к литературе и свободе, не должна была стать бесплодной почвой. В 1500 году, в год рождения Карла V. У богатого патриция по имени Стивен Вермилли родился сын, которого он назвал Петром

Мучеником в честь Петра Миланского, которого, как говорят, ариане казнили за сохранение православной веры и которому была посвящена церковь рядом с домом, в котором родился ребенок.^[841] Его мать, Мария Фумантина, образованная женщина кроткого и безмятежного благочестия, посвятила себя своему единственному сыну, научила его латыни в ранние годы и вложила в его сердце тот неподкупный дух, который так ценен перед Богом. Мальчик рано посещал государственные школы, созданные для флорентийской молодежи, и отличался быстротой понимания, широтой своих способностей, крепостью памяти и, прежде всего, такой жаждой к знаниям, что никакие трудности не могли его остановить. Если Оккино обладал живостью чувств и воображения, то Питер Мартир обладал основательностью суждений и глубиной ума.

Вскоре юноша был вовлечен в мучительную борьбу. Его отец — либо потому, что он не одобрял монашескую жизнь, злоупотребления которой даже во Флоренции были разоблачены Данте, а затем Савонаролой; либо потому, что он был честолюбив и желал видеть, как его сын достигнет блестящего положения, — намеревался дать ему образование, рассчитанное на продвижение его на службе государству. Петр Мученик, напротив, вдохновленный благочестивыми чувствами, которые он унаследовал от своей матери, пожелал посвятить себя Богу. Его величайшим честолюбием было учиться; его славой было познавать; знание, и особенно знание божественных вещей, было в его глазах выше всего остального мира. Тщетно приказывал его отец и тщетно лишал его наследства; в 1516 году молодой человек поступил в монастырь регулярных каноников Святого Августина во Фьезоле, недалеко от Флоренции. Через определенный промежуток времени Петр Мученик почувствовал, что в монастыре он малочему научился. Он был проникнут мыслью, что человек должен поставить своей целью распространение вокруг себя твердых знаний и истинного света, особенно во всем, что касается бессмертной души; но чтобы распространять их, он должен сначала обладать ими. Он получил разрешение посетить Падую, резиденцию знаменитого университета. Тихий, уравновешенный, прилежный, любящий и уважительный, он был любим и почитаем всеми. Он почитал стариков, как если бы они были его отцами, и проявлял такую скромность, привязанность и стремление делать то, что доставляло удовольствие его товарищам, что всегда считал их во времена испытаний своими самыми верными друзьями.^[842] Хотя он жил в эпоху страстей и жил в городах, где было много соблазнов, он смог сохранить целомудрие мыслей и чистоту поведения, столь необходимые для счастья и настоящего успеха молодого человека. Он изучал философию и в публичных диспутах приобрел исключительный диалектический навык, которому впоследствии привел поразительные доказательства. Но он был в поисках чего-то лучшего, а именно божественной истины, и поэтому начал посещать лекции профессоров-богословов. Вскоре они внушили ему отвращение, потому что они не учили ничему, кроме схоластики, и он решил искать дорогу самостоятельно. Он часто проводил большую часть ночи в библиотеке своего монастыря; он читал греческих авторов, а затем взялся за Отцов Церкви, Тертуллиана, Афанасия и Августина, и начал понимать, что теология первобытного католицизма сильно отличалась от теологии папства.

В 1526 году начальство, пораженное его талантами, призвало его на служение. Петр Мученик проповедовал в Риме, Болонье, Пизе, Венеции, Мантуе, Бергамо и других городах. В то же время он давал публичные уроки литературы и философии, особенно Гомера. Но он решил пойти дальше и, не довольствуясь больше поэтами, философами и Отцами Церкви, пожелал познать Священное Писание. Он был в восторге от них; поскольку латинского текста ему было недостаточно, он прочел Новый Завет на греческом; затем он решил прочитать Ветхий Завет

также в оригинале и, встретившись в Болонье с врачом-евреем по имени Исаак, выучил у него иврит. Именно тогда его прекрасный гений озарился новым светом. Пока он изучал букву Священного Писания, *Дух Божий открыл его разум* открыл перед ним тайны, скрытые в них.^[843] Его ученость, трудолюбие и административные способности уже привлекли всеобщее внимание; и благочестивые чувства, которые он теперь проявлял, помогли увеличить его. Он был назначен аббатом Сполето, а в 1530 году был вызван в более крупный театр, в Неаполь, в качестве приора церкви Святого Петра в Араме, где мы вскоре с ним и встретимся.

Aonio Paleario.

В 1534 году в Сиенне жил друг греческой и латинской литературы, поклонник Цицерона, чьи изящные и гармоничные периоды он перевел лучше, чем любой другой ученый, и который особенно выделялся среди профессоров университета возвышенностью души, любовью к истине, смелостью мысли и мужеством, с которым он нападал на лжеучителей и притворных аскетов. Он произвел сенсацию в школьном мире, и, хотя у него не было официальной должности, студенты толпились на его лекциях. Его звали Антонио делла Палья, которое он латинизировал, согласно моде того времени, в Аоний Палеариус. Это, опять же, было италянизировано в Аоний Палеарио. Среди холмов, окаймляющих римскую Кампанию, недалеко от истока Гарильяно, стоит древний город Вероли; здесь он родился в 1503 году, по одним данным, в старинном патрицианском доме, по другим - в семье ремесленника. В 1520 году он отправился в Рим, где в то время сильно культивировалась любовь к искусству и античности, и на уроках знаменитых учителей научился восхищаться Демосфеном, Гомером и Вергилием. Слух о войне нарушил его мирные труды. В 1527 году императорская армия спустилась с Альп и, подобно лавине, которая, соскальзывая с ледяных горных вершин, устремляется вниз, в долину, она низвергала и разрушала все на своем пути. Милан был разгромлен, и когда эта новость достигла Рима одновременно с яростными угрозами империалистов в адрес города понтификов, молодой студент воскликнул: 'Если они приблизятся к нам, мы пропали!' Палеарио поспешно укрылся в долине, где родился; но даже там его настигла лавина. Когда он вернулся в папский город, увы! дома лежали в руинах, литераторы бежали. Он обратил свой взор на Тоскану, покинул Рим во второй половине 1529 года и, проведя некоторое время в Перудже, отправился в Сиену, куда прибыл осенью 1530 года.

Этот древний город этрусков, превратившийся в город Средневековья, поначалу привел в восторг любителя литературы. Его расположение посреди улыбающихся холмов,^[844] плодородие его полей, изобилие всего, красота зданий, развитый ум его жителей — все приводило его в восторг. Но вскоре он обнаружил рану, которая терзала его сердце: государство было раздираемо фракциями; невежественная, импульсивная, буйная демократия одержала верх; сила народа, который мог бы совершить великие дела, была растрочена в праздных и бесплодных спорах. Самые выдающиеся люди плакали над горестями своей страны и бежали со своими женами и детьми из опустошенной земли. "Увы! - воскликнул Палеарио. - город не хочет ничего, кроме согласия между гражданами".^[845] Однако он встретил теплый прием в семьях нескольких дворян; и, посетив Флоренцию, Феррару, Падую и Болонью, он вернулся в 1532 году в Сиену, куда его пригласили друзья.

Поэма о бессмертии.

Палеарио был поэтом: его фантазия проявлялась повсюду, куда бы он ни направлялся; и либо во время своих путешествий, либо по возвращении в гибеллинский город он сочинил латинскую поэму о бессмертии души.^[846] Мы находим в нем следы римской доктрины, особенно о чистилище^[847] и о королевстве Девы Марии.^[848] Его взор, однако, уже был обращен к Реформации. Он хотел иметь таких читателей, как Садоле, а также симпатии Германии.^[849] Стихотворение свидетельствует о душе, которая, еще не найдя Бога и даруемого им мира, вздыхает о новой земле, обновленном человечестве и счастье, которое заключается в созерцании Всемогущего, Царя людей, как вечного и абсолютного блага и высшего счастья.^[850]

Вскоре Палеарио сделал еще один шаг. Религиозные вопросы, которые так глубоко волновали Италию, захватили этот выдающийся ум. Он начал читать не только святого Августина, но и реформаторов и Священное Писание, и начал говорить на своих лекциях со свободой, которая восхищала его слушателей, но так раздражала священников, что его друг и покровитель Садоле порекомендовал ему быть более благоразумным. Палеарио, однако, смело переступил порог, отделяющий литературный мир от христианского. Он полностью усвоил учение об оправдании верой и нашел в нем покой, который был для него гарантией его истинности. 'Поскольку тот, в ком обитает Божество, - сказал он, - с такой любовью пролил свою кровь для нашего спасения, мы не должны сомневаться в благосклонности Небес. Все, кто обращает свои души к Распятому Иисусу и связывает себя с ним полным доверием, избавляются от зла и получают прощение своих грехов'.

Палеарио любил эту страну. Заметив виллу, принадлежавшую Авлу Чечине, другу Цицерона, расположенную между Колле и Вольтеррой, на вершине плато, откуда вытекал ручей, орошавший склоны, и где можно было наслаждаться чистым воздухом и спокойствием полей,^[851] Христианский поэт купил ее, и там, в своей любимой *Чечиньяне*, на на террасе перед домом или среди лесных дубов он провел много спокойных дней, посвященных серьезной медитации. Он знал, что мир, на который он устремил свой взор, был творением Всевышнего, свободной волей Бога; что между Творцом и его созданиями существовала внутренняя и непрерывная связь; и радовался, что благодаря искуплению Иисуса Христа из его обитателей будет сформировано царство Божье, из которого зло будет навсегда изгнано.

Любовь Палеарио к природе.

Нежная душа Палеарио нуждалась в домашней привязанности, и в Сиенне он был один. Он женился на Мариэтте Гвидотти, молодой особе респектабельного происхождения, воспитанной в святой скромности.^[852] Она родила ему двух сыновей, Лампридия и Федра, и двух дочерей, Аспазию и Софонисбу, которых он нежно любил и которые после Бога были утешением в жизни, измученной несправедливостью его врагов. Семейные привязанности и любовь к красотам природы были в Палеарио, как это часто бывает, признаками возвышенной души. В более поздний период, когда его жизнь стала еще более горькой; когда он потерял здоровье, а его вера сделала его объектом ужаса для фанатиков; когда он воскликнул: "Все люди полны ненависти и недоброжелательства ко мне";^[853] когда он предвидел, что вскоре ему придется пасть под ударами своих противников; даже тогда он вздохнул после поездки по стране он написал одному из своих друзей, с простотой, напоминающей нам о древних временах: "Я устал от учебы; я бы с радостью полетел к вам и провел свои дни под теплым ярким небом ваших полей. Ранним утром или когда день начнет клониться к закату, мы будем бродить по окрестностям, обходя коттеджи, с Лампридием и Федром, моими дорогими мальчиками, и с

твоей женой и со мной.^[854] Подготовьте сад, чтобы мы могли питаться травами, ибо я испытываю крайнее отвращение к роскошным столам наших городов. Ферма обеспечит нас яйцами и птицей, река - рыбой. О! как сладки трапезы, на которых мы едим фрукты, которые собираем в нашем собственном саду, птиц, выкормленных нашими собственными руками, птиц, пойманных в наши сети, — гораздо слаще тех, на столе которых вы не видите ничего, кроме продуктов, купленных на рынке! Мы будем работать в поле; мы сами устанем. Приготовьтесь; приготовьте пилу, топорик, клин для раскалывания древесины, секатор, борону и мотыгу. Если эти орудия нас подведут, мы удовлетворимся посадкой деревьев, которые будут служить еще долгие века.' Приятно видеть последователя Цицерона и особенно Библии в то время, когда он был измучен болезнями и ненавистью нечестивых, радующегося, как ребенок, мысли о посадке деревьев, которые будут давать прохладную тень и приносить плоды грядущим поколениям. Теперь мы опишем конец его пребывания в Сиене и то, что навлекло на него великую скорбь, хотя это и выведет нас за пределы времени, которое мы для себя установили.

Лучшим другом Палеарио был Антонио Беллантес, президент Совета девяти, серьезный и доброжелательный человек, которого все любили и уважали; в трудную минуту он помог государству, подарив два миллиона золотых крон. Беллантес очень высоко ценил Палеарио, а Палеарио любил его больше всех других людей. В ходе народных волнений члены Совета Девяти были изгнаны; но сенат и народ умоляли Беллантеса остаться в Сиене — обстоятельство, которое сильно разозлило его врагов. Однажды ночью бандиты ворвались в его дом и разграбили его. Несколько позже Беллантес умер, оставив все свои наличные деньги своей матери, чтобы она могла передать их его сыновьям, когда они достигнут совершеннолетия. Добрая леди была большим другом монахов; каждый день капуцины навещали ее,^[855] и когда она почувствовала себя плохо, они столпились вокруг ее постели. После ее смерти в ее доме не было найдено никакого имущества, кроме нескольких разорванных сумок, в которых, по-видимому, находились деньги. Сыновья Беллантеса обвинили монахов в краже их наследства, и Палеарио поддержал их своим красноречием. Монахи отрицали этот факт и были оправданы под своей торжественной клятвой. Воспылав гневом против Палеарио, они решили уничтожить его.

Заговор против Палеарио.

Во главе его противников стоял сенатор Отто Мелио Котта, богатый, могущественный и амбициозный человек с властным духом. Сначала он был замешан в политических делах, но впоследствии встал под знамена духовенства и объединился с монахами. Заговор был создан в Обсервантском монастыре, расположенном примерно в миле от Сиены, посреди лесов, гротов и святых мест. Триста членов Джоанелли, братства, созданного для определенных проявлений благочестия, поклялись на алтаре уничтожить Палеарио. Не ограничиваясь нападками на его учение, Котта и другие его противники начали совать нос в его личную жизнь, следить за всеми его движениями и подхватывать каждое слово. Вскоре они нашли новые поводы для жалоб на него. Палеарио высмеял богатого священника, которого каждое утро можно было видеть благочестиво преклоняющим колени перед гробницей святого, но который отказывался платить свои долги; и острая ирония, с которой он говорил о нем, вызвала большой скандал среди духовенства. Однако этого было недостаточно; на них должен был лежать ощутимый отпечаток ереси. Поэтому его противники пытались заманить его в ловушку, и некоторые из них, делая вид, что хотят получить наставления, задавали ему вопросы, рассчитанные на то, чтобы заманить его в ловушку. 'Что, - спросили они, - является первым средством спасения, данным Богом

человеку?’ Он ответил: "*Христос*". Это могло бы пройти; но, продолжая свои вопросы, враги Палеарио добавили: "А что во-вторых?" По их мнению, он должен был указать на достойные подвиги, но Палеарио ответил: "*Христос*". Продолжая свой расспрос, они спросили: 'А что такое третье?' Они думали, что Палеарио должен ответить: "Церковь; вне Церкви нет спасения", но он все равно ответил: "*Христос*".^[856] С этого момента он был пропащим человеком. Монахи и их друзья сообщили Котте ответ, который они сочли столь еретическим.

Палеарио не подозревал об опасности. Кардинал Садоле и некоторые другие друзья пригласили его навестить их в Риме, и он поехал. Он пробыл там совсем недолго, прежде чем получил очень взволнованное письмо от Фауста Беллантеса. "В городе большое волнение, - сказал он. - Самый преступный из людей составил против вас поразительный заговор."^[857] Мы не знаем, на чем основано обвинение; нам неизвестны имена ваших противников. В отчете говорится, что руководители государства были возбуждены против вас в связи с клеветническими обвинениями, касающимися религии. Говорят, что какие-то жалкие монахи поклялись погубить вас, но заговор, должно быть, имеет более глубокие корни. Завтра я поеду в Сиену и поговорю об этом со своими друзьями и родственниками. Я готов на все, даже отдать свою жизнь, защищая вас. А пока я заклинаю тебя, пусть твой разум пребудет в покое.

Беллантес не был обманут. Котта, не теряя времени, явился в сенат и сообщил своим коллегам о чудовищном языке Палеарио, воскликнув, что если бы они оставили его в живых, "в городе не осталось бы и следа религии".^[858] Все молчали: тревога, вызванная обвинением в ереси, была так велика, что никто не осмелился выступить в защиту этого мужественного христианина.

Палеарио услышал об этом и был огорчен, но не удивлен. Одна истина была глубоко запечатлена в его сердце: вся сила спасения дана Иисусу Христу; Он - единственный источник, из которого можно черпать новую жизнь. Ему казалось, что священники изобрели так много способов добиться прощения, что едва ли оставили Христу сотую часть. Он хорошо понимал, как должно быть раздражено духовенство против человека, который так мало ценил все их ничтожные ухищрения; но, хотя он ясно видел грозившую ему опасность, он оставался непреклонным. 'Власть заговорщиков огромна,' сказал он. 'чем яростнее человек нападает на меня, тем более набожным его считают. Но какое это имеет значение? Иисус Христос, которого я всегда искренне и религиозно обожал, - моя надежда.'^[859]... Я презираю заговоры людей, и мое сердце полно мужества.^[860] Христос был его царем. Он знал, что этот великий Государь, добивающийся завоевания мира, в то же время сохраняет всех тех, кто через него обрел примирение с Богом.

Его жена не была так спокойна. Мариетта, его добродетельная и преданная партнерша, столь пылкая в своей привязанности, была полна беспокойства; ее воображение рисовало ей не только сиюминутные невзгоды, но и грядущие; она была самой несчастной из женщин.^[861] Ее страдания были выше ее сил; целые дни она проводила в слезах.^[862] Огорченная и измученная, она потеряла здоровье; и каждый мог видеть на ее лице печаль, которая поглощала ее. Когда ее муж услышал об этом в Риме, его сердце было разбито, и он заклинал свою мать и Беллантеса навестить Мариетту, чтобы отвлечь убитую горем жену от ее горя.

Палеарио хотел бы лично поспешить к ней и предстать перед своими обвинителями, но его друзья как в Сиенне, так и в Риме отговорили его. Граждане, стоявшие тогда во главе государства, были людьми жестокими, лишенными морали и столь же готовыми осудить невинного, сколь и оправдать виновного. Была надежда, что новые выборы приведут к власти

честных людей: они умоляли Палеарио подождать, и он подождал. Но никаких изменений не произошло: доносы, обвинения и ропот только усилились. Враги Евангелия атаковали не только Палеарио, но и реформаторов, *немцев*, как они говорили: они пытались привлечь всех друзей Библии, как немецких, так и итальянских, к одному и тому же осуждению. Наконец, сбылось то, на что надеялись; в правительстве республики произошли важные перемены; порядок и свобода были восстановлены. Палеарио решил, что больше не может оставаться в стороне; он покинул Рим и присоединился к своей семье в своем загородном доме близ Колле.

Палеарио обвинен в ереси.

Как только его противникам сообщили о его возвращении, они предъявили обвинение в ереси сенату Сиены и римскому двору. Преисполненные решимости использовать все средства для уничтожения Палеарио, они решили заставить церковную власть согласиться с ними путем сильного давления, которое они окажут на нее. С этим намерением двенадцать из них собрались и, намереваясь убедить архиепископа потребовать, чтобы Палеарио был предан суду, они прошли по улицам города ко дворцу прелата. В этой возбужденной группе был сенатор Котта с пятью другими, среди которых выделялся Алексис Лукринас, импульсивный и глупый человек; затем три священника, люди неважные, но очень жестокие, крайне невежественные и неутомимые болтуны;^[863] и, наконец, три монаха. Архиепископ как раз в это время находился на своей вилле в пригороде, чтобы подышать более чистым воздухом; делегаты отправились туда вслед за ним, сопровождая свое шествие такими криками, угрозами и спорами, что женщины, привлеченные необычным шумом, подбежали к окнам, думая, что они ведут какого-то преступника для наказания. Некоторые из заговорщиков говорили: "Свидетели будут заслушаны, мотивы его осуждения будут объявлены, и тогда Палеарио будет брошен в огонь"; но другие хотели действовать быстрее, чтобы наказание последовало сразу после признания преступления без какой-либо формы судебного разбирательства и без возможности заслушивания обвиняемого.^[864] Архиепископ Франческо Бандини из прославленного дома Пикколомини был другом литераторов и, следовательно, Палеарио. Был полдень; прелат, который отдыхал во время сиесты, был разбужен шумом, позвал слугу и спросил его, кто это так кричит. Узнав, что это уважаемые люди, он приказал впустить их. Он поднялся с ложа, занял свое место и стал ждать странную делегацию. Они вошли: Лукринас, которого иногда приглашали к столу его светлости, был полон уверенности в себе и, соответственно, попросил, чтобы ему позволили высказаться. Оглядевшись вокруг с довольным и хвастливым видом, он начал страстным тоном изливать на Палеарио длинную череду оскорблений и проклятий. Епископ, мудрый и серьезный человек, с некоторым трудом сдерживал себя и сказал, что все происходящее кажется ему полным легкомыслием. 'Не может быть и речи о легкомыслии, ' дерзко воскликнул Лукринас, ' когда триста граждан готовы подписать обвинение'. ' И я мог бы привести шестьсот свидетелей, - возразил прелат, - которые поклялись бы, что вы безжалостный ростовщик. Однако я не привел в исполнение их донос. Хорошо я поступил или плохо? скажи мне... Бедняга молчал; факт был слишком печально известен, чтобы его отрицать, и слишком скандален, чтобы в нем признаваться. Но его товарищей такой пустяк не смутил; они объяснили мотивы своего преследования, бросились к ногам прелата и именем религии умоляли его поддержать обвинение против Палеарио. Архиепископ, считая, что речь идет о ереси, решил, что это дело суда, и согласился на их молитву.

Враги Палеарио.

Враги Палеарио немедленно приступили к работе; они попытались настроить против него самых известных людей Сиенны; и выбрали из числа населения людей, лишенных света и совести, которых они побудили свидетельствовать перед судом о вещах, о которых те ничего не знали.^[865] Напрасно знаменитый Садоле, вызванный папой в Рим, остановился в Сиене и взялся защищать Палеарио. Тщетно кардинал, архиепископ и Палеарио совещались, в ходе которого Садоле представил обвиняемого архиепископу и привел трогательные доказательства своего уважения и привязанности к нему; заговорщикам удалось обратить допрос против человека, которым они поклялись пожертвовать ради своей ненависти. Несколько человек, собравшихся на площади, начали говорить о конференции: "Когда прелат обвинил Палеарио, - говорили некоторые, - он молчал от стыда". "Нет, - сказали другие, - он ответил, но получил резкий выговор от Садоле".^[866] Сгорая от нетерпения увидеть, как их жертву предадут смерти, довольные тем, что уже посеяли сомнения в уме архиепископа, и воображая, что им удалось убедить президента республики Сфондрати и претора Крассо, двенадцать получили приказ вызвать Палеарио в сенат по обвинению в ереси.

Этот невинный и справедливый человек не был слеп к опасности и трудности своего положения. Он чувствовал, что клевета его врагов помешает тому хорошему, что он надеялся сделать, разрушит старую дружбу и разрушит мир, которым начинал наслаждаться город. Возможно, вскоре его жена овдовеет, а дети станут сиротами: пелена печали накрыла его лицо. О! каким горьким было это испытание! Он прекрасно знал, что скорби пробуждают в христианине небесную жизнь; что это привилегия дитя Божье; но некоторое время он был лишен утешения, и душа его была подавлена. "Мои противники, - сказал он, - нагромождают зло на зло, ненависть на ненависть:^[867] за эти шесть месяцев они больше ничего не сделали. Был ли когда-нибудь достаточно святой человек, чтобы не сдаться под натиском такого извращенного рвения? Я не буду говорить о Сократе, Сципионе, Рутилии или Метелле; определенные недостатки могли бы сделать их открытыми для нападков их врагов. Но даже Тот, никто не был так добр, никто не был так свят, даже сам невинный Иисус Христос, подвергался нападкам со всех сторон.^[868] Увы! куда может обратиться праведный человек? к кому он может обратиться с мольбой?"

Суд над Палеарио.

Палеарио вскоре научился отвечать на этот вопрос. Когда его вызвали предстать перед сенатом, к нему вернулось мужество. Он был не только тверд в своей невинности, но и вера, вдохновлявшая его сердце, говорила ему, что Бог любит своих слуг и что с Ним они свободны от любой опасности. Он отправился во дворец Синьории и вошел в зал, опираясь на руку юного Фауста Беллантеса, сына своего старого друга, в сопровождении нескольких верных людей, которые не пожелали покинуть его в день скорби. Он стоял в присутствии тех, кто держал в своих руках его жизнь. Сфондрати, президент, Крассо, претор, сенат и Девять судей сидели в своих судебных креслах. Там же были и его противники; особенно Котта, преисполненный самонадеянности и уверенный, что наконец пришло время, когда он сможет напасть на свою жертву. Палеарио узнал его; он был взволнован и возмущен, увидев, как тот спокойно занимает свое место в сенате, в то самое время, когда он был полон решимости осуществить гнусный заговор. Однако он сдержался; и, сначала обратившись к сенаторам, которым он присвоил титул, употреблявшийся в Древнем Риме, он сказал:^[869] "Отцы-призывники, когда в прежние годы обо мне говорили, меня это не тронуло всерьез: то были времена запустения; все человеческие и божественные права были попорчены в том же беспорядке. Но теперь, когда, по

милости Божьей, мудрые люди были поставлены во главе республики, когда сок и кровь вновь циркулируют по государству,^[870] почему бы мне не поднять голову?"

Постепенно Палеарио разгорячился; его взгляд снова упал на своего дерзкого врага, которого он осудил, как Цицерон осудил Катилину: "Котта, ты нечестивый, высокомерный и фракционный человек, - сказал он, - исповедующий не ту религию, в которой Богу поклоняются в духе и истине, но ту, которая погружает во все суеверия, потому что она лучше всего подходит для навязывания человечеству: Котта, ты воображаешь себя христианином, потому что носишь образ Христа на своей пурпурной одежде; в то время как своей клеветой ты сокрушаешь невинного человека". , который также является образом, живым образом Иисуса Христа. Когда вы ложно обвинили меня в преступлении, повиновались ли вы Иисусу Христу? Когда ты пришел в дом Девяти, чтобы произнести ложь против меня, думал ли ты, Котта, что совершаешь паломничество в Иерусалим? Я удивлен, что вы не распинаете невинных людей.... Вы бы это сделали — да, вы бы это сделали, если бы могли сделать все, что подсказывает ваша гордость.^[871]

Затем Палеарио перешел к более важной теме. Нападая на него, его противники на самом деле нападали на Евангелие, Реформацию и тех замечательных людей, которых Бог использовал для преобразования христианского общества. Палеарио защищал реформаторов в присутствии всей Италии.

Защита Палеарио.

- Ты выдвигаешь против меня дерзкие упреки, Котта, - продолжал он. - ты утверждаешь, что я неправильно рассуждаю о религиозных вопросах, что я впадаю в ересь, и обвиняешь меня в том, что я принял взгляды *немцев*. Какое ничтожное обвинение! Вы претендуете на то, чтобы связать всех немцев в одну кучу? Все ли немцы плохие? Разве вы не знаете, что августейший император - немец? Вы скажете, что имеете в виду только теологов? Какие благородные теологи есть в Германии! Но, хотя ваши обвинения кажутся бессмысленными, за ними скрывается жало. Я знаю, какой яд в них содержится....*Немцы*, которых вы имеете в виду, - это Колампадий, Эразм, Меланхтон, Лютер, Померанус, Буцер и их друзья. Но есть ли в Италии хоть один богослов, настолько глупый, чтобы не знать, что в трудах этих докторов есть много вещей, достойных похвалы?... Точные, искренние, ревностные, они исповедовали истины, которые, как мы находим, были изложены древними отцами церкви. Обвинять немцев - значит обвинять Оригена, Златоуста, Кирилла, Иринея, Илария, Августина и Иеронима. Если я намереваюсь подражать этим прославленным врачам христианской древности, зачем постоянно повторять, что я мыслю как немцы? Что? поскольку ученые профессора немецких школ пошли по стопам этих святых людей первых веков, не могу ли я последовать за ними также? Вы хотели бы, чтобы я подражал безрассудству тех, кто, чтобы получить хорошие преференции, борется даже против того, что хорошо в Германии.... Ах! отцы-призывники, вместо того чтобы стремиться к тем удовольствиям, которые многих сбивают с пути истинного, я предпочитаю жить честно. Возможно, мои обстоятельства ограничены, но моя совесть свободна.^[872] Пусть эти мерзкие льстецы сядут на место врача или епископский трон, пусть они наденут митры или диадемы на свои головы, пусть они носят пурпур.^[873] ... Что касается меня, то я останусь в своей библиотеке, сижу на деревянном табурете, одетый в шерстяную одежду от холода, льняную - в жару, и только с небольшой кроватью, на которой можно вкушать покой сна.

‘ Но, Котта, ты все еще продолжаешь свои атаки; ты упрекаешь меня в том, что я восхваляю все, что говорят и делают немцы. Есть в них некоторые вещи, которые я одобряю, и другие, которые мне не нравятся. Когда я встречаюсь с мыслями, которые веками были затемнены варварским стилем, спрятаны под колючками схоластики и погружены в глубочайшую тьму, — когда я вижу, что они вынесены на яркий дневной свет, доступны всем и выражены на отборной латыни, я не только восхваляю немцев, но и сердечно благодарю их. Изучение священного писания погрузилось в сон в монастырских кельях, где праздные люди, которые должны были заниматься им, спрятались, как в мрачных лесах, под предлогом работы. Но что произошло? Они храпели так громко, что мы могли слышать их в наших городах.^[874] Теперь к нам вернулось обучение; Были созданы латинские, греческие и халдейские библиотеки; богословам была оказана почетная помощь; драгоценные книги были приумножены благодаря чудесному изобретению книгопечатания. Может ли быть что-нибудь более поразительное, более славное или более заслуживающее нашей вечной благодарности?"

После этой защиты литературного и реформаторского движения Германии Палеарио перешел к тому, что важнее всего, — ко Христу: "Разве это не невыносимые люди, - сказал он, - нет, нечестивые люди, перед которыми мы не смеем восхвалять Бога нашего спасения, Иисуса Христа, Царя всех народов, смертью которого такие драгоценные блага были дарованы человечеству? И все же за это, отцы-призывники, да, за это меня упрекают в предъявленном мне обвинении. Опираясь на авторитет самых древних и наиболее достоверных документов, я провозгласил, что наступил конец всему злу, что всякое осуждение было отменено для тех, кто, обратившись ко Христу распятому, уповает на него с совершенной уверенностью. Это то, что показалось отвратительным тем двенадцати ... должен ли я сказать тем двенадцати людям или двенадцати диким зверям, которые желают, чтобы человек, написавший эти вещи, был брошен в огонь! Если я должен понести такое наказание за свидетельство, которое я принес Сыну Божьему, поверьте мне, что меня не могла бы постичь более счастливая участь; по правде говоря, я не думаю, что христианин в наше время должен умирать в своей постели. Отцы—призывники, быть обвиненным и брошенным в тюрьму - это пустяк; быть бичеванным, быть повешенным, быть зашитым в мешок, быть брошенным диким зверям, быть сожженным огнем - все это пустяки, если только такими наказаниями истина извлекается на свет божий".^[875]

Аонио Палеарио говорил не как ритор; он не был творцом цicerоновских периодов. Человек, который в то время так энергично проповедовал высшую важность истины и сделал это снова в своем *"Бенефиции Иисуса Христа кроцифиссо"*,^[876] отдал за это свою жизнь. Если он говорил в Сиенне, то должен был *действовать* в Риме. На каждом из этих этапов мы узнаем благородную жертву 1570 года.

После того, как он говорил как мученик, он заговорил как мужчина. Он огляделся вокруг: некоторые из самых выдающихся граждан, Танкреди, Плацидиев, Малевольта, были рядом с ним полны эмоций. Эджидио, настоятель августинцев, и его монахи — люди, преисполненные благочестия и скромности, — укрепляли его своим одобрением и молитвами. Двое его юных друзей, Фаустус и Эвандер Беллантесы, не сводя с него глаз, не могли сдержать слез. Вскоре его глазам предстало более трогательное зрелище: он увидел Мариетту, бледную и плачущую. ‘Что я вижу?’ - воскликнул он. ‘ И ты, жена моя, тоже пришла, одетая в траур, в сопровождении благороднейшей и благочестивейшей из женщин, пришла со своими детьми, чтобы броситься к ногам сенаторов? О мой свет, моя жизнь, моя душа! возвращайся домой, воспитывай наших

детей; не бойся, Христос, который является твоим супругом, будет их отцом.^[877]... Увы! она наполовину убита горем.^[878] О мать, поддержи ее, заведи ее; заведи ее к себе домой, если сможешь ... и пусть твоя любовь осушит ее слезы".

Палеарио оправдан.

Впечатление, произведенное этим обращением, было настолько глубоким, что сенат объявил Палеарио невиновным. Но такой поразительный триумф только еще больше разъярил его врагов: он увидел, что не может оставаться в Сиене, и поэтому попрощался со своими друзьями. Беллантес на смертном одре верил ему своих детей, и Палеарио призвал их стремиться к чему-то великому. Вероятно, он ненадолго отправился в Рим, где его друзья добились отмены судебного разбирательства, начатого против него его врагами; а затем в Лукку, где ему была предоставлена кафедра красноречия. Он оставил после себя огромную пустоту в Сиене, и его друзья были опечалены. Фаустус Беллантес, казалось, выразил чувства всех, когда написал: "С тех пор как ты уехал, мной овладело такое оцепенение, что я едва в состоянии писать".^[879]

Евангелисты Болоньи.

Помимо этих огней — Курионе или Палеарио, разбросанных тут и там по Италии, — в нескольких городах существовали общества христиан, которые мужественно исповедовали евангельскую истину. В частности, Болонья — город по соседству с Феррарой, университет которой был, наряду с университетом Парижа, первой из великих школ Европы, — насчитывала большое количество мирян и священнослужителей, которые, подобно венецианцам, проявляли большое рвение и решительность в отношении великих принципов Реформации. Когда Иоанн Планицкий, посол Саксонии при императоре, пересек Альпы в 1533 году, евангельские христиане Болоньи обратились к нему с истинно итальянским пылом. 'Мы знаем,' говорили они, 'что немцы сбросили иго антихриста и обрели свободу детей Божьих. Мы знаем, что их мало беспокоит то, что им дали ненавистное название еретиков, и что, напротив, они радуются, потому что их считают достойными претерпеть позор, тюремное заключение, огонь и меч за дело Христа. Мы знаем, что если они требуют совета, то это не в их собственных интересах, а с целью спасения других людей. По этой причине все нации христианского мира в глубоком долгу благодарности как перед ними, так и перед тобой, высокочтимый господь; но нет нации, более обязанной тебе, чем наша собственная. Из всех стран, подвластных тирану, Италия, будучи ближайшей к нему, поскольку это его резиденция,^[880] испытывает живейшую радость и особую благодарность, потому что по милости Божьей к ней наконец приблизилось искупление. Мы умоляем вас использовать все средства для созыва совета. Во всех городах полуострова и в самом Риме, как известно императору, огромное количество благочестивых, мудрых и выдающихся людей желают этого, ждут этого и громко требуют этого. Если папа созывает собор, он легко исправит злоупотребления, которые проникли в Церковь из-за пренебрежения его предшественников; и за эту превосходную работу он получит соответствующие почести от людей, а от Иисуса Христа - жизнь вечную. Пусть каждый будет свободен читать книги, в которых ученые врачи (реформаторы) объясняли свою веру. По крайней мере, пусть священники, монахи и миряне будут вольны владеть Библией, не навлекая на себя упреков в ереси, и даже цитировать слова Христа и Святого Павла, не подвергаясь поношению как

сектанты. Если, напротив, Рим попирает ногами заповеди Господа, его благодать, его учение, его мир и свободу, которые он дает, — разве не началось царствование Антихриста?... Если вам нужна наша помощь, говорите! мы готовы. Если потребуется, мы пожертвуем нашим состоянием и нашими жизнями ради дела Искупителя; и пока мы живы, мы будем ежедневно верить это Богу в горячей молитве".^[881] Таково было решение христиан Италии, даже в городах, подвластных папе.

Примерно в то время, когда это красноречивое обращение дошло до лорда Планица, Джон Моллио, францисканец из окрестностей Сиенны, прибыл в Болонью в качестве профессора университета. Убеденный учением Священного Писания и реформаторов, он с большой свободой исповедовал христианскую истину в соответствии с писаниями святого Павла; но папа запретил ему читать лекции по посланиям этого Апостола. Затем Моллио взялся за другие книги Нового Завета; но он почерпнул из них ту же доктрину, и его слушатели, обрадованные тем, что таким образом удалось обойти запрет папы, восторженно зааплодировали ему. Римский суд, придя к выводу, что не существует способа исключить благодать из Библии, отдал приказ исключить Моллио из университета, что было гораздо проще. Однако число евангельских христиан в Болонье продолжало увеличиваться.^[882]

ГЛАВА XX. ЕВАНГЕЛИЕ В НЕАПОЛЕ И РИМЕ. (1520-1536 гг.)

Евангелие совершило благородные завоевания на севере и в центре полуострова: то же самое оно сделало в Неаполе и даже в Риме.

Не только итальянцы распространяли Евангелие в Италии. Среди современников и знакомых Палеарио, Питера Мученика и Оккино, были два брата-близнеца, происходившие из одной из старейших семей Леона в Испании, Хуан и Альфонсо ди Вальдесы. Они были так похожи, что Эразм, знавший Альфонсо, написал Хуану: 'Мне сказали, что ты так похож на своего брата и фигурой, и талантом, что когда люди видят тебя, они принимают тебя не за близнецов, а за одного и того же человека. Тогда я буду рассматривать вас как одно целое, а не как двух личностей'.^[883] И, действительно, некоторые историки, понимая буквально то, что Эразм имел в виду просто для приятной шутки, превратили двух братьев в одного человека. Один из них исчезает, и обычно это Альфонсо: его действия записываются, но приписываются они Хуану. Двое Вальдесов родились в 1500 году в Куэнсе, в Новой Кастилии, где их отец был коррехидором в 1520 году. Карл V. сделал Альфонсо своим секретарем,^[884] и взял его с собой, когда покидал Испанию в 1520 году, чтобы получить императорскую корону в Экс-ла-Шапель. В следующем году молодой испанец был среди джентльменов, сопровождавших императора в Вормсе, когда Лютер выступил со своим знаменитым выступлением перед сеймом. Поскольку труды Лютера были приговорены императорским указом к сожжению, Альфонсо, которого все эти события интересовали в высшей степени, пожелал присутствовать при приведении приговора в исполнение. Когда монахи, окружавшие костер и подкармливавшие его, увидели,

что вся еретическая бумага превратилась в черный пепел, тонкий, как паутина, и разносится ветром туда-сюда, они воскликнули: 'Теперь бояться больше нечего: все кончено', - и ушли. Но Альфонсо таковым не был. "Они называют это концом трагедии, - писал он своему другу Питеру Мученику Ангиерскому (которого не следует путать с Вермильи), - но я верю, что мы только в начале". Вальдес, на которого все смотрели как на юношу с большими надеждами,^[885] сблизился с Эразмом; возможно, по предложению императора, который, как и Франциск I охотно объединился бы с князем школ, чтобы стать наставником Лютера и папы и, если возможно, примирить их. Альфонсо, который был большим поклонником Эразма, считался большим сторонником Эразма, чем сам Эразм; но ученик пошел дальше и выше учителя. Эразм был мостом, по которому Альфонсо пересек реку и перешел из Рима в Евангелие.

Диалог Вальдеса.

В мае 1527 года император и его двор находились в Вальядолиде, где императрица ожидала своих родов. Вальдес тоже был там. Внезапно пришло известие о знаменитом разграблении Рима войсками Карла V. Негодование духовенства, волнение народа и волнение придворных были чрезвычайными. Хотя Альфонсо и был огорчен тем, что столицей романизма стал театр, он считал, что настало время высказать все, что он думает о папстве, и поэтому написал и опубликовал "Диалог о том, что происходило в Риме".^[886] Бедствия католической метрополии, по его словам, разогнали большое количество ее жителей; римский архиепископ, спасаясь от катастрофы, прибывает в Вальядолид, и в городе, где только что родился принц (будущий Филипп II.), он встречает одного из рыцарей императора по имени Лактонтио. Вина за эти бедствия, говорит рыцарь, лежит на папе римском, который, как зачинщик войны и нарушитель своих клятв, обесчестил свое святое призвание. Лактонтио рисует один из тех контрастов света и тьмы между Христом и понтификом, которые так хорошо могло описать перо Лютера, но которые были совершенно новыми в 'самом католическом' королевстве. Он идет еще дальше и заявляет об отделении духовной власти от мирской. 'Полезно ли, выгодно ли, - спрашивает он, - чтобы первосвященники христианского мира обладали мирской властью? Мы считаем, что они могли бы гораздо свободнее заниматься духовными интересами, если бы на них не было этого огромного бремени мирских дел. Во всем христианском мире нет государства, управляемого хуже, чем Государства Церкви. Эразм указывал на недостатки Римского двора, но его мягкие увещевания вас не тронули. Затем Бог позволил Мартину Лютеру безжалостно разоблачать все ваши пороки среди бела дня и вывести многие церкви из повиновения вам. Все это было бесполезно; ни почтительные советы Эразма, ни непочтительные высказывания Лютера не могли убедить Рим в его ошибках. Поэтому Бог прибегнул к другим призывам и позволил бедствиям войны обрушиться на ваш нераскаявшийся город.' Здесь архидьякон, гораздо более чувствительный к наказанию Рима, чем к его ошибкам, восклицает со смешанным чувством печали и наивности: 'Увы! разграбление города привело к потере пятнадцати миллионов дукатов. Рим никогда больше не станет Римом, даже через полвека. Святая церковь Святого Петра была превращена в конюшню. В течение сорока дней в метрополии христианского мира не было отслужено ни одной мессы. Даже кости апостолов были разбросаны повсюду. "Мощи святых следует чтить", - замечает рыцарь. "Однако давайте пойдем друг друга; я не говорю о тех, которые требуют от верующих крещения некоторых очень сложных проблем — решить, например, было ли у матери Пресвятой Богородицы две головы или у Пресвятой Богородицы было две матери.... Мы должны возложить всю нашу надежду только на Иисуса Христа. Почитайте изображения, если хотите, но не бесчестьте Иисуса Христа и не позволяйте Раю закрыться для человека, у которого нет денег в кошельке".^[887]

Эта резкая атака, направленная против папства, была тем более важной, что до того, как диалог был опубликован и распространен в Испании, Италии и Германии, Вальдес представил его нескольким известным людям: дону Хуану Мануэлю, бывшему послу императора в Риме, знаменитому имперскому канцлеру Гаттинаре, доктору Карраско и нескольким другим теологам, которые, сделав несколько незначительных замечаний, одобрили его. Графа Кастильоне, папского нунция, обмануть было невозможно; он яростно набросился на императорского секретаря, назвал его лютеранином и заявил, что уже видел его в позорном костюме *autos da fé*.

Меркурий и Харон.

Альфонсо хранил молчание, но в его защиту прозвучал голос его брата-близнеца. В 1528 году^[888] Хуан опубликовал *Диалог*, полусерьезный и полушутливый, между Меркурием и Хароном, который носит отпечаток молодого писателя. В то время как перевозчик из Гадеса занят приемом душ, которые приходят к нему на берегах Стикса, к нему обращается посланник небес, который использует резкие выражения в адрес папства. "Так велика испорченность тех, кто называет себя христианами, - говорит он, - что я счел бы большим оскорблением, если бы они захотели сменить свое имя и называться *меркурианцами*. Однажды, - продолжает он, - увидев множество людей, приближающихся к алтарю, чтобы принять причастие, я последовал за ними с благочестивым намерением отведать одну из облаток, которые раздавали священники. Но мне было отказано; и почему? Исключительно потому, что я не стал бы за это платить". Затем, обращаясь к мощам, рассеяние которых считалось величайшим оскорблением при разграблении Рима, Хуан представляет святого Петра и вкладывает в его уста по этому поводу более мудрые слова, чем слова Меркурия. По словам пылкого апостола, разграбление Рима учит христиан, что они должны ценить одно из посланий святого Павла или его самого, чем все *мощи* своих тел. 'Уважение, которое до сих пор воздавалось нашим костям, ' продолжает он, - теперь должно быть воздано духу, который ради блага христиан мы запечатали в наших писаниях'. Но сатира тут же начинается снова. При мысли о разграблении Рима Меркьюри раздражается 'олимпийским смехом'. 'Узрите суд Божий!' - говорит он. 'Продавцы проданы, грабители ограблены, а с негодяями плохо поступили!' И когда Харон жалуется, что мнимые наместники небес часто забывают держать свое слово, 'Это настоящее правило, - отвечает Меркурий, - что там, где растет лучшее вино, пьют худшее; что сапожник всегда плохо обут, а цирюльник никогда не брился'. Диалоги братьев-близнецов, столь полные остроумия и в то же время христианской истины, вызвали громкие взаимные обвинения; однако на данный момент преследования их не коснулись. Это правда, священники подняли против них яростную бурю, но они были защищены именем Карла V. В марте 1529 года Эразм написал Хуану, поздравляя его с тем, что он целым и невредимым выбрался из бури.^[889]

Когда император вернулся в Германию, Альфонсо сопровождал его. В Аугсбурге в 1530 году, как мы уже говорили в другом месте,^[890] он сыграл роль посредника между Карлом V и протестантами и немедленно перевел знаменитое евангелическое исповедание на испанский. Но в апреле 1533 года, когда Карл V сел на корабль в Генуе, возвращаясь в Испанию, Вальдес остался в Италии. Говорили, что если бы он сопровождал своего учителя, то даже этот могущественный монарх не смог бы уберечь его от смерти, которую монахи готовили для него. С этого периода Альфонсо, по-видимому, делил свое время между Германией и Италией: отныне его брат занимает первое место. Он обратился к Евангелию после Альфонсо, но в конце концов опередил его.

Хуан Вальдес в Неаполе.

Хуан был вынужден покинуть свою родную страну.^[891] Он не поехал в Германию, как говорили некоторые, путая его с братом; но с тех пор он занимает важное положение в Италии. В 1531 году он отправился в Неаполь, оттуда направился в Рим, снова вернувшись в Неаполь в 1534 году, где провел остаток своих дней. Несколько ревностных протестантов, входивших в состав немецкой армии и посланных в 1528 году прогнать французов, осаждавших этот город, были первыми, кто распространил знание Евангелия в этом районе. "Но когда прибыл Хуан Вальдес, - говорит католик Караччоло, - он один причинил душам большее опустошение, чем многие тысячи солдат-еретиков".^[892] Некоторые думали, что он занимал пост секретаря вице-короля Неаполя. Но если у него и была должность при дворе, то вскоре он отказался от нее, чтобы насладиться своей независимостью. "Он не часто бывал при дворе, - говорит Курионе, - после того, как ему открылся Христос".^[893]

Преследования сделали Хуана более серьезным; переживания его внутренней жизни сделали его зрелым; он все еще был занят литературой и языками,^[894] но больше всего на свете он любил Евангелие и стремился донести его как в своих беседах, так и в своих трудах. В его уме было такое изящество, в чертах лица - такой покой и невинность, в его характере - такая привлекательность, что он оказывал непреодолимое обаяние на всех, кто оказывался рядом с ним. Вскоре Он собрал вокруг себя круг ученых и джентльменов; он стремился избавить их от мирской суеты, убедить их в ничтожности их собственной праведности и привести их к спасению во Христе Иисусе. Он даже был факелом просвещения некоторых из самых знаменитых проповедников Италии. 'Я знаю это, ' говорит Курионе, - потому что слышал это из их собственных уст'. Но в то же время в его сердце было так много любви и так много простоты в его манерах, что он успокаивал бедняков и завоевывал доверие даже самых грубых людей, лаццарони того времени. Он стал всем для всех людей, чтобы приводить души ко Христу.^[895] Вальдес не отличался крепким здоровьем; он был худым, и его конечности были слабыми; и, по-видимому, состояние его здоровья побудило его поселиться в Неаполе. 'Но, ' говорили его друзья, ' одна часть его души служила оживлению его хрупкой натуры, в то время как большая часть этого ясного, светлого духа была посвящена созерцанию истины'. Обычно он собирал своих друзей в Чиадже, недалеко от Паузилиппо и могилы Вергилия, на вилле, сады которой выходили на бескрайнее море, напротив острова Нисида. В этой восхитительной стране, "где Природа ликует в своем великолепии и улыбается всем, кто ее видит", Хуан Вальдес и те, кого привлекли красота его учения и святость его жизни, провели часы и дни, которые никогда не будут забыты. Он не довольствовался тем, что восхищался вместе с ними великолепием природы; он познакомил их с великолепием благодати. "Почетный и блистательный рыцарь императора, - говорит Курионе, - он был еще более почетным и блистательным рыцарем Иисуса Христа".^[896]

Питер Мученик Вермилли.

Среди собравшихся вокруг него чрезвычайно одаренных людей был Петр мученик Вермилли, настоятель церкви Святого Петра в *Араме*. Петр Мученик, как мы уже говорили, отправился из Сполето в Неаполь в 1530 году, где добился больших успехов в познании Евангелия. Ничто не могло отвлечь его от поиска истины: ни страх перед миром, ни большой доход, которым он обладал, ни высокое достоинство, которым он был облечен. Эта искренняя душа, этот глубокий ум стремились к познанию Бога с неутомимым рвением. Когда его позвали напоить овец,

которые, привлеченные его голосом, столпились у овчарни, он сам захотел пить, и, увы! у него не было воды. Он испытывал ту мучительную, ту горькую, ту неистовую жажду, перед которой иногда пасуют самые сильные люди. Именно тогда он услышал слова Христа: *Если кто жаждет, пусть придет ко Мне и напьется*. Он знал, что человек *приходит* ко Христу верой, — верой в его святость, в его любовь, в его обетования и в его всемогущую силу спасать. Отбросив схластик и не довольствуясь больше Отцами Церкви, он поспешил к источнику Священного Писания и испил чашу спасения.^[897] Он знал полноту благодати, которая в Исккупителе, и понимал, как напрасно трудятся те, кто ищет утешения в другом месте. С каждым днем становясь все более просвещенным Духом Божиим, он обнаружил тяжкие ошибки Церкви и простое величие Евангелия. Именно в Неаполе свет божественного Слова озарил его душу с возрастающей славой и великолепием.^[898] Вермилли восхищался красотами творения,^[899] море, сверкающее на солнце, и изящные мысы залива; но он еще больше любил окунаться в таинственное великолепие благодати. Он не ограничился писаниями апостолов, но добавил труды реформаторов — Буцера, Цвингле, Лютера и Меланхтона. Трактат Цвингля *оложной и истинной религии* показал ему необходимость возвращения к простоте и примитивным обычаям Церкви. Почти каждый день он беседовал о Священном Писании с друзьями, которые, как и он сам, любили чистую и непорочную религию, и главным образом с Фламинио и Вальдесом.^[900] Но превыше всего он стремился передать, проповедуя свет, который он получил.

Огонь чистилища.

С этой целью Вермилли взялся проповедовать Первое послание к Коринфянам, что он и сделал в присутствии большой аудитории, включая даже епископов. Когда он дошел до третьей главы,^[901] сначала он показал, на чем должно быть построено все христианское учение: *ибо никто не может заложить другого основания, кроме того, которое положено, то есть Иисуса Христа*, говорит Апостол. Но что построено на этом камне? Когда архитектор закладывает фундамент здания, которое он намеревается возвести, он использует различные материалы для завершения работы. Мрамор, порфир и яшма будут формировать колонны, каминные полки, тротуар и статуи; золото и серебро будут служить для внутреннего убранства; но в конструкции также будут использованы дерево и бумага, солома и другие грубые материалы. Так и со зданием Божиим. На фундаменте, которым является Христос, мы должны строить здоровые доктрины, которые проистекают от самого Христа, от его божественности, истины, благодати и духа. Если их заменить ложными доктринами, доктринами, исходящими из собственной праведности человека и из тьмы, которой грех затмил его разум, что произойдет? Когда вспыхивает пожар, огонь проявляет различные материалы, из которых был построен дом: пламя пожирает дерево и солому; но оно напрасно нападает на мрамор и яшму, серебро и золото: их оно не может уничтожить. Так будет и с доктринами, которым учат в Церкви. 'Ложные учения не могут вечно выдаваться за истинные', - сказал Питер Мученик. "Нет ничего скрытого, что не было бы открыто; если ложность выдвинутых догм не будет обнаружена с самого начала, время сделает это известным."^[902] Настанет день, когда каждая ошибка, скрытая под маской истины, будет объявлена ошибкой самым поразительным образом; вся тьма будет рассеяна, все будет оцениваться в соответствии с ее строгой реальностью.^[903] Вечный суд Божий - это *огонь, который испытывает работу каждого человека*. Недостаточно, чтобы доктрины были одобрены судом людей, они должны быть способны устоять перед огнем Божьего испытания.^[904] День и огонь, о которых говорит Апостол, являются пронизательным исследованием, надежным пробным камнем, который позволит нам, наконец, отличить истинные учения от ложных.^[905] *Золото, щетина, огонь*— все это метафоры".

Слушатели Петра Мученика, и особенно священнослужители, не смогли скрыть своего удивления. Отрывок, который он объяснил таким образом, был тем, на котором Римская церковь основывала учение о чистилище огнем; но ученый доктор нашел в нем нечто совершенно иное. Священники и монахи не только увидели, что у них отняли драгоценный огонь, от которого они извлекли столько пользы, но и заменили его другим огнем, который угрожал поглотить их традиции и обычаи, *их сено и стерню*. И поэтому проповедь вызвала бурю в доселе спокойных водах Неаполя. Монахи обвинили настоятеля церкви Святого Петра в *араме*, и его друзья из Чиаджи встали на его защиту. Его врагам удалось закрыть против него кафедру; но благодаря вмешательству могущественных покровителей, которыми он обладал в Риме, его свобода проповеди была восстановлена.

Знаменитые женщины в Чиадже.

Это мелкое преследование было благотворным для христианского кружка в Чиадже. Он становился все шире, и на его собраниях присутствовали дворяне и ученые, среди прочих Бенедетто Гусано де Версейль и неаполитанский дворянин Джованни Франческо Казерта.^[906] У последнего был молодой родственник, в то время живший посреди великолепия мира. У маркиза Караччоли, одного из неаполитанских грандов, был единственный сын Галеаццо. Страстно желая увековечить свое имя, он рано женился на богатой наследнице Виттории, дочери герцога Ночеры, которая родила ему четырех сыновей и двух дочерей. Как только старый маркиз увидел, что его желание иметь потомство будет удовлетворено, он направил свое честолюбие в другое русло и отправил своего сына ко двору императора, который возложил на него одну из важнейших должностей в своем доме. Поскольку Галеаццо не всегда находился на службе, он время от времени возвращался в Неаполь, где полностью отдавался мирской суете, земным удовольствиям и честолюбивым планам. Однако тесная дружба связывала его с благочестивой Казертой. Христианин, пользуясь этой близостью, говорил мирянину о Слове Божьем и единственном пути спасения, которым является Иисус Христос; но после этих бесед юный камергер Карла V. спешил в театр или на бал. Казерта повел его послушать Питера Мученика; а затем, подумав, что столь образованное общество, как то, что собралось в Чиахе, возможно, расположит к себе его друга, он представил его Вальдесу. Еще некоторое время семя продолжало падать среди шипов; но немного позже молодой маркиз с радостью воспринял спасение Евангелия и, желая остаться верным ему, укрылся в Женеве. Кальвин, который приветствовал его как сына, посвятил ему одно из своих сочинений, чтобы показать свое уважение к твердости его веры. Хотя Караччоли "не снискал аплодисментов людей и довольствовался тем, что свидетелем был только Бог", реформатор, когда он увидел прославленного неаполитанского беженца, воскликнул с чувством: 'Вот человек древнего рода и знатного происхождения, преуспевающий в почестях и богатстве, имеющий благородную и добродетельную жену, семью детей, тишину и покой в своем доме, короче говоря, счастливый во всем, что касается состояния этой жизни, но добровольно оставивший место своего рождения, чтобы встать под знамя Христа. Ему не составило труда покинуть его светлость, плодородную и приятную страну, великое и богатое наследство, удобный и веселый дворец; он разогнал свой дом, оставил отца, жену, детей, родственников и друзей, и, отказавшись от стольких мирских соблазнов, он доволен нашей малостью и живет скромно, в соответствии с обычаями простого народа — не больше и не меньше, чем любой из нас'.^[907]

В избранном обществе, собиравшемся вокруг Вальдеса, было также, как и в Фессалониках во времена святого Павла, немало *знатных женщин*. Среди этих высокородных дам была

Виттория Колонна, вдова знаменитого генерала маркиза Пескарского, женщина, прославленная своей красотой и талантом, стихами которой в то время восхищались и в обществе которой поэт Бернардо Тассо, отец того, кто написал "Освобожденный Иерусалим", и кардинал Бембо узнали некоторые истины Евангелия. Там также можно было увидеть Изабеллу ди Брезенья, которой Курионе посвятил работы Олимпии Морты; но прежде всего Гилию ди Гонзага, вдову Веспасиано Колонны, герцога Траджетто,^[908] самая красивая женщина Италии. Слава о ее красоте была так велика в Европе и даже за ее пределами, что корсар Барбаросса решил увезти ее с собой. Предприняв в 1534 году попытку наводить ужас на Неаполь, он внезапно появился перед этим городом на сотне кораблей и, высадившись близ Фонди, между Гаэтой и Террачиной, где герцогиня жила в своем поместье, попытался застать ее врасплох; но она, хотя и не без труда, ускользнула от хищной птицы. Эта попытка была одним из мотивов, побудивших Карла предпринять экспедицию в Тунис. Именно таким образом мужчины и женщины, которыми гордится 16 век, украсили евангелический круг Чиаджи.

Пока Вальдес отдыхал на прекрасных холмах Паузилиппо, среди апельсиновых и фиговых деревьев, на берегу широкого моря, он любил мирно предаваться религиозным размышлениям, и нередко мысли, которыми он был занят, становились предметом интересных бесед с его друзьями. Определенные темы — *Considerazioni*, как он их называл, — занимали ум одновременно в высшей степени оригинальный и христианский. Могила Вергилия, находившаяся в нескольких шагах отсюда, могла бы навести на другие мысли: умирающий поэт приказал высечь на своей могиле следующие слова:

Parthenope, cecini pascua, rura, duces.

Сельская жизнь и военные подвиги, воспетые князем латинских поэтов, очень привлекательны для многих умов; но посетители Паузилиппо, историю которого мы рассказываем, имели более высокие устремления и беседовали на темы, которые наш долг описать.

“Чем сыны Божьи отличаются, - спрашивали они, - от сынов Адама?”—Почему состояние христианина, который верит с трудом, лучше, чем состояние того, кто верит легко?—Почему Бог дает христианину ребенка и вдруг забирает его?Мужчина, у которого Бог отнимает любовь к миру и которому Он дает любовь Бога, испытывает почти то же самое, что и тот, кто перестает любить одну женщину и влюбляется в другую.^[909]— Верить с трудом - признак призыва от Бога.— Те, кто идет христианским путем без внутреннего света Святого Духа, подобны тем, кто идет ночью без света солнца.—Как Бог может дать себя *почувствовать*, и как он может позволить, чтобы его *увидели*?—О вреде любопытства и о том, что мы должны читать Священные Писания без любопытства.—Почему суеверные суровы, в то время как истинные христиане милосердны?— Как Бог царствует через Христа, а Христос - глава Церкви.—Три вида совести: совесть естественного закона, совесть писаного закона и совесть Евангелия. — Является ли оправдание плодом благочестия, или благочестие плодом оправдания?— Как это получается, что нечестивые не могут верить, что суеверные верят легко, а благочестивые люди верят с трудом?“Как противостоять фантазиям, которые смущают нашу христианскую веру”. — Таковы некоторые из мыслей, которыми тогда были заняты самые благородные умы на чарующих берегах Неаполитанского залива.^[910]

Проповеди Оккино.

Проповеди знаменитого Оккино помогли придать более широкое распространение мыслям, которые занимали евангелистов Чиаджи. В начале 1536 года великий оратор Италии был приглашен в Неаполь для проповеди о Великом посте. Вальдес сразу почувствовал живую веру, которой был одушевлен оратор: он сблизился с ним и ввел его в окружавший его христианский круг. Хорошо известное имя Оккино, его странная внешность, грубая одежда и репутация святости привлекли огромную толпу к церкви Сан-Джованни Маджоре. Казалось, он был призван распространять среди людей религиозные идеи, которые Вальдес и Питер Мученик распространяли среди знати и ученых. Де Вио, кардинал Газеты, перед которым предстал Лютер, был человеком исключительной проницательности, и он сразу заподозрил ересь.^[911] Пораженный силой трех докторов, он вообразил, что видит формирование лиги, одного из тех триумvirатов, которые разрушили римскую республику. "Эти триумвиры республики сатаны",^[912] он сказал: 'распространяют доктрины поразительной новизны и даже отвратительного нечестия о чистилище, власти суверенного понтифика, свободе воли и оправдании грешника'. Кардинал протестовал напрасно: проповеди Оккино посещало не только христианское общество Неаполя, но и огромная толпа знати и народа.

Борьба Джулии.

Прекрасная герцогиня Траджетто не пропустила ни одного из них. В то время она страдала от серьезных семейных неурядиц: ее брат Луиджи, желавший вернуть замок, отнятый у его сестры, погиб во время штурма, и вдова Луиджи, Изабелла Колонна, которая также была невесткой герцогини, подала на нее в суд за часть ее наследства. Джулия, встревоженная своим безразличием к миру, в котором она жила, искала утешения в Боге и надеялась найти в словах Оккино облегчение от своей печали. Событие, которое в то время придавало блеск Неаполю, могло бы отвлечь ее от этих мыслей: прибыл император с блестящим двором. Было естественно, что монарх и дочь Гонзаги встретились, ибо он желал отомстить за нее, когда отдавал Тунис на разграбление; но Джулия охотно отказалась бы от чести, оказанной ей в Африке. Кроме того, ее беды и пробуждение разума отдалили ее от двора; знатная дама, украшение всех праздников, не появлялась на тех, что устраивались в честь Карла V. Если они не встречались при дворе или на балу, то, вероятно, встречались в церкви. Император, много наслышанный о великом ораторе Италии, отправился, как и все остальные, в церковь Сан-Джованни Маджоре. Он был удивлен красноречием Оккино и, выходя, сказал: "Этот монах заставил бы плакать даже камни".^[913]

Было легче вызвать слезы из глаз Джулии Гонзага. Эта молодая женщина, чье сердце разрывалось от горя, с каждым днем все больше и больше волновалась от сильных слов великого проповедника; и именно в это время в ней по-настоящему зародилась христианская жизнь. Однажды, когда она выходила из церкви Сан-Джованни Маджоре, Хуан Вальдес заметил ее волнение и проводил во дворец. Убитая горем и взволнованная вдова умоляла его остаться и просветить ее, и рассказала ему о горе, надеждах и борьбе своей души. Вальдес чувствовал, что он призван рассеять тьму, среди которой боролась Джулия, и разговор продолжался до вечера. Герцогиня Траджетто не желала больше иметь ничего общего с миром, но она еще не вкусила Божьего покоя. 'Ах!' воскликнула она, обращаясь к Вальдесу. - Во мне идет борьба. Слова монаха наполняют меня страхом перед адом, но я также боюсь злых языков. Occhino вдохновляет меня любовью к раю, но в то же время я испытываю любовь к миру и его славе. Как мне избежать соперничества, в котором я тону? Происходит ли это путем согласования этих двух тенденций или путем отвержения одной из них? Умоляю, укажи мне путь; я обещаю

следовать по нему'. Вальдес ответила, что волнение, которое она испытывала, было вызвано обновлением в ней образа Божьего. "Закон ранил вас, - сказал он, - Евангелие исцелит вас; ибо если Закон дарует смерть, Евангелие дарует жизнь.^[914] Чего я боюсь, — продолжил он, — так это того, что вы попытаетесь регулировать свою христианскую жизнь таким образом, чтобы окружающие не заметили в вас никаких изменений ". Герцогиня призналась, что таково было ее тайное желание, Вальдес посоветовал ей выбирать между Богом и миром, добавив: "Я покажу вам путь совершенства: любите Бога превыше всего и своего ближнего". как вы сами". - "Ваши слова удивляют меня, - сказала она. - Я всю свою жизнь слышала, что только монашеские обеты ведут к совершенству". - "Пусть они говорят дальше, - твердо ответил Вальдес. - У монахов нет христианского совершенства, кроме как в той мере, в какой они обладают любовью к Богу, и ни на атом больше". Затем Вальдес попытался заставить ее понять единственное средство, с помощью которого в сердце рождается милосердие, которое и есть совершенство. 'Наши дела хороши, ' сказал он, - только тогда, когда они совершаются оправданным человеком. Огонь нужен, чтобы давать тепло; живая вера, чтобы производить милосердие. Вера - это дерево, милосердие - плод. Но когда я говорю о вере, мадам, я имею в виду то, что живет в душе, то, что исходит от Божьей благодати и что с безграничным доверием цепляется за каждое слово Божье. Когда Христос говорит: *верующий будет спасен*, у верующего ученика не должно быть ни малейшего сомнения в своем спасении".^[915] — "Ах! — воскликнула герцогиня. - Я никому не уступлю в вере". - "Будьте осторожны, - возразил Вальдес. - Если бы вас спросили, верите ли вы в символы веры, вы бы ответили "Да"! но если бы вас спросили, верите ли вы, что Бог простил все ваши грехи, вы бы ответили, что думаете именно так ... однако вы не совсем уверены.... Ах, мадам, если вы принимаете с полной верой слова Христа, то, даже испытывая боль, причиняемую вашими грехами, вы, не колеблясь, скажете с совершенной уверенностью: *Да, сам Бог простил все мои грехи*."^[916]

Такие евангельские чувства, высказанные испанцем во дворце в Неаполе и со смирением принятые Гонзагой, являются отличительной чертой Реформации. Мы должны смириться, прежде чем сможем возвыситься. В Джулии заговорила совесть. Перед нами женщина, чья семья подарила Италии множество государей, а королевским домам - принцесс, вдова некоего Колонна, главы самого древнего рода на полуострове, который насчитывал среди своих членов кардиналов, прославленных генералов и знаменитого папу Мартина V. И эта Гонзага, тронутая благодатью, прислушалась к истине с большим смирением, чем ее собственные слуги: она стала маленьким ребенком. Если в Деяниях Апостолов неоднократно отмечается, что среди людей, обращенных ко Христу в Азии и Греции, где проповедовал святой Павел, были выдающиеся женщины, история также отметит, что в эпоху Реформации шестнадцатого века волна поднималась от самых низких уровней берега до самых высоких вершин. Или, скорее, *холмы действительно склонились* перед ним. Вальдес говорил о "пути", и герцогиня проявила желание узнать его. 'Есть три пути, ' ответил он, ' которые ведут к познанию Бога: естественный свет, который учит нас всемогуществу Бога; Ветхий Завет, который показывает нам Творца ненавидящим беззаконие; и, наконец, Христос, верный, ясный и царственный путь. Христос есть любовь; и соответственно, когда мы познаем Бога через него, мы познаем его как Бога любви. Христос искупил грех. Только бесконечный Бог мог бы заплатить бесконечный долг. Но недостаточно верить в это, мы должны также испытать это на себе".^[917]

Медитация и проповедь.

‘Каждый день посвящайте немного времени,’ продолжал Вальдес, ‘размышлениям о мире, о себе, о Боге и об Иисусе Христе, не привязывая себя к этому суеверным образом; делайте это в свободе духа, выбирая любую из своих комнат, которая покажется вам наиболее удобной, возможно, даже когда вы лежите без сна в постели. Два образа должны постоянно стоять у вас перед глазами: образ христианского совершенства и образ вашего собственного несовершенства. Эти книги помогут вам добиться большего прогресса за один день, чем любые другие за десять лет. Даже Священное Писание, если вы не будете читать его с тем смирением, на которое я вам указываю, может стать ядом для вашей души”.^[918]

— Слушайте проповедь со смиренным умом, — продолжал Вальдес. - "Но, - сказала Джулия, - если проповедник - один из тех, кто вместо проповеди Христа произносит пустые и глупые вещи, почерпнутые из философии или какой-нибудь пустой теологии, один из тех, кто рассказывает нам сны и басни, хотите ли вы, чтобы я последовала за ним?" — ‘В таком случае делайте то, что считаете лучшим. Худшими моментами за весь год для меня являются те, которые я трачу впустую, слушая проповедников, подобных описанным вами; и поэтому это редко случается со мной”.^[919]

День подходил к концу, когда Вальдес поднялся: герцогиня была похожа на человека, который открыл дорогу к счастью и боится сбиться с пути на новом пути. Вальдес хотел уйти, но она задержала его: ‘Еще только два слова, прежде чем ты уйдешь', - сказала она. "Как я могу использовать христианскую свободу?" — ‘Истинный христианин, ‘ответил испанский джентльмен, ‘свободен от тирании греха и смерти; он абсолютный хозяин своих чувств; но в то же время он слуга всех.... Прощайте, мадам, с этой самой минуты, пожалуйста, следуйте моему совету, а завтра я спрошу, как вы оказались после него. - Он удалился.^[920]

Именно в эти торжественные часы, когда Вальдес изложил для нее порядок спасения, дочь Гонзагов воссела духом у ног своего Спасителя и отдалась ему всей своей душой. Возможно, что в наставлениях, данных этим благочестивым мирянином, мы можем здесь и там обнаружить некоторые незначительные оттенки, не совсем евангельские, окрашенные либо мистическим, либо римским колоритом; и, возможно, Священное Писание занимает недостаточно видное место; однако два великих христианских факта — дело Христа на кресте и то, что Он совершает в сердце, — были четко изложены испанским джентльменом, и это было существенно.

Религиозное пробуждение, происходившее тогда в герцогине Траджетто и во многих других людях Неаполя, произошло в трудный момент. За несколько дней до этого Карл V, взволнованный священниками, которые все больше тревожились по поводу движения, которое они не могли понять, опубликовал эдикт, запрещающий любые сношения с теми, кто заражен лютеранством или только подозревается в нем. Когда император вскоре после этого покинул Неаполь (22 марта 1536 г.), вице-король, движимый тем же влиянием и приписывая красноречию Оккино религиозное возбуждение, столь необычное для партенопейского города, запретил проповеди этого великого оратора; но его красноречие и энергия, поддерживаемые его многочисленными друзьями и протестами тех, кто так любил его слушать, возобладали. Он смог продолжить курс своих проповедей и не прекращал их до Пасхи (16 апреля). Герцогиня Траджетто, не покидая церкви, все больше и больше старалась идти тем новым путем, который указал ей Вальдес; последний ревностно руководил ею и вскоре после этого посвятил ей перевод Псалмов с древнееврейского с практическим объяснением. Несколько позже он опубликовал *Комментарии* к Посланиям Павла к Римлянам и к Коринфянам.^[921]

Pietro Carnesecchi.

В этом очаровательном кругу в Чиахе и среди постоянных гостей Вальдеса, Виттории Колонны и Джулии Гонзага, был флорентийский патриций, выделявшийся как своей личностью, так и важными должностями, которые он занимал: им был Пьетро Карнесекки.^[922] Хотя он долгое время находился как можно ближе к папскому престолу, он находил странное и не поддающееся определению очарование в беседах Вальдеса, с удовольствием посещал проповеди Оккино, черпал свет из светильника Петра Мученика, подружился с Галеаццо Караччоли и был тронут этой смесью изящества, интеллекта, смирения, веры и добра. работы, которые затем можно было найти у некоторых из самых выдающихся женщин Италии. Как только Карл V прибыл в Неаполь, он пожелал, чтобы Карнесекки приехал и повидался с ним. Благородный флорентинец был удивлен приказом, но мотив императора был таков. Карнесекки, уроженец города Медичи,^[923] рано отличился своим знанием светской литературы, своим талантом в искусстве письма и особенно тем пронзительным умом, который может различать тайные пружины событий и ясно видеть в самых темных материях. С ранней юности он испытывал стремление к великим свершениям,^[924] и установил связь с самыми выдающимися людьми с целью сделать более полезную карьеру. Его прекрасное лицо поражало наблюдателей тем более, что с благородством черт он сочетал в себе скромность, чистоту, трезвость и восхитительную мягкость, смягченную внушительной серьезностью. Благодаря этим качествам он снискал расположение Медичи, и когда Юлий стал папой под именем Климента VII, Карнесекки получил послание о назначении его секретарем нового понтифика. Не имея в то время никаких евангелических убеждений, он думал, что приглашение откроет перед ним благородную карьеру; поэтому он принял его и вскоре обнаружил, что обладает большим влиянием. Климент, имевший так много общего с политикой, с Карлом V, Франциском I и Генрихом VIII, передал руководство Церковью Карнесекки, и обычно говорили, что "понтификат в то время исполнял Пьетро Карнесекки, а не Климент".^[925] Папа римский несколько раз предлагал ему кардинальскую шапку, от которой он всегда отказывался. Это удивительно, поскольку он был от природы честолюбив; но после того, как он поближе познакомился с папством, он, вероятно, побоялся вступать с ним в слишком тесный союз; возможно, также, что первые лучи евангельского света забрезжили в его душе.

Карнесекки и Карл V.

Смерть Климента VII разорвала золотые цепи, которые начинали угнетать Карнесекки. Он покинул Рим и, привлеченный мягким светом, который сиял над холмами Чиахи, отправился в Неаполь с желанием побыть некоторое время в обществе тех мужей Божьих, о которых так много говорили в Италии.^[926] Сокровища истины и жизни, которые он там нашел, превзошли его ожидания. Но внезапно приказ Карла V. потревожил его посреди христианской радости, которой была наполнена его душа. Чего хотел от него могущественный император? Намеревался ли он еще раз начать ту политическую карьеру и славу, от которой он, Карнесекки, навсегда отказался? Назревал ли какой-то политический план, или Карл V. хотел стать последователем Евангелия? Карнесекки не смог разобраться, но все равно отправился во дворец. У императора была совсем иная цель: прекрасно зная, что флорентинец посвящен во все мысли Климента VII, он желал узнать, какие планы этот папа строил с Франциском I в Марселе.^[927] В этом интервью Карнесекки не утратил доверия, которое оказал ему Климент; он не нарушил верности, в которой поклялся,^[928] но ответил императору с благородством и уважением, которые вполне завоевали уважение этого принца. Франциск I, однако, когда он услышал об этой

конференции в Неаполе, пришел в ярость; ему казалось, что доброта, которую он проявил к Карнесекки во время знаменитой встречи в Марселе, должна была заставить его отклонить приглашение своего соперника, и он конфисковал доходы аббатства, которым Карнесекки владел во Франции. Однако Медичи и даже Екатерина, хорошо зная этого превосходного человека, никогда не переставали уважать его, хотя повсюду его порицали как еретика.

Какой бы великой ни была честь встретиться с Карлом V, Карнесекки предпочитал встречи с Вальдесом, Питером Мартиром и Оккино. Эти благочестивые люди не довольствовались *пустой болтовней*: они вместе читали Священное Писание, разъясняли друг другу его значение и тщательно сравнивали один отрывок с другим.^[929] Карнесекки обладал той любовью к истине и той смелостью мысли, которые способствуют быстрому прогрессу в познании Христа. Луч света озарил его сердце. Он годами не колебался в сомнениях между светом и тьмой; он был одним из тех благородных духов, которые достигают своей цели одним прыжком. Вскоре влиятельный секретарь Климента VII, поочередно становившийся объектом внимания двух величайших монархов Европы, смиренно восседал у подножия креста. Он верил в те истины, которые впоследствии исповедал перед коллегией кардиналов и за которые был предан смерти папой римским. Глядя на Христа, он мог бы сказать: «Несомненно, оправдание исходит только от веры в дело и любовь распятого Спасителя. Мы можем быть уверены в спасении, потому что оно было куплено для нас Сыном Божиим такой дорогой ценой. Мы не должны подчиняться никакому авторитету, кроме Слова Божьего, которое было передано нам в Священном Писании».^[930] Эти доктрины с того часа составляли счастье его выдающегося духа и наполняли сладостью общение, которым он наслаждался в Неаполе с Вальдесом и Питером Мартиром.

Marco Antonio Flaminio.

В то время в возрождении Италии принимали участие две группы благочестивых людей: независимые христиане, все из которых закончили свою жизнь в изгнании или на костре; и люди иерархического толка, которые, хотя и были религиозны, все еще оставались приверженцами романизма, некоторые из них даже достигли высших постов в Церкви. Карнесекки и Палеарио принадлежали к первой группе, и, без сомнения, Вальдес тоже; и если бы его жизнь продлилась намного дольше, вполне вероятно, что он тоже пришел бы к трагическому концу. Что касается второй группы, то в нее входили многие из тех, кто принадлежал к ораторскому искусству *Божественной Любви*, самого выдающегося из которых (Контарини) мы сейчас упомянем. Один из них, Караффа, ставший папой под именем Павла IV, пал ниже всех остальных и стал гонителем. Однако эти две группы, включая не всех итальянцев, которых коснулась Реформация. Между ними было много истинно христианских людей, которые в том, что касается веры, были с евангелистами, но в том, что касается Церкви, цеплялись за Рим из страха впасть в то, что они называли расколом. Среди них был Фламинио, один из лучших друзей Вальдеса. Он родился между Феррарой и Флоренцией, но мы встречаемся с ним на юге. В начале шестнадцатого века в Имоле вспыхнули политические беспорядки, и один из горожан этого города по имени Фламинио, который приобрел известность в литературе, поспешно бежал, прихватив с собой совсем маленького ребенка, и укрылся в замке на территории Венеции.^[931] Этим ребенком был Марко Антонио Фламинио, и его бегство было почти прообразом того, чем будет вся его дальнейшая жизнь — страданием и

часто острой нуждой. Когда он стал старше, он отправился учиться в Падую, где проявил незаурядные поэтические таланты. 'Его стихи, ' говорили впоследствии, - обладают всей простотой и изяществом Катуллы, но не запятнаны его вольностью. Они проникают в душу своей удивительной сладостью'. Вместе с подарками Фламинио разделил и невзгоды поэта. Во время учебы он часто испытывал большие затруднения, и его университетским друзьям приходилось подписываться на поставку ему одежды.^[932] Какими бы ни были трудности его положения и слабость здоровья, он усердно работал и добился больших успехов в философии и изучении языков, а также досконально изучил поэтов и ораторов. В то же время испытание давило на его душу: его литературные и философские занятия не могли удовлетворить его. Запершись в своей маленькой комнате, он сказал себе, "что есть наука более высокая, чем наука Цицерона и Платона, наука о священных писаниях, знание божественных вещей, переданное нам вечным Словом".^[933] Это было единственное сокровище, о котором он мечтал среди своей бедности. 'Изучение небесной истины - вот цель, которую я поставил перед собой", - сказал он. "Я желаю с пылом поклоняться вечному Богу и посвятить свою жизнь спасению душ".^[934] Он мог получать значительные суммы за свои труды; но ему была невыносима мысль о том, чтобы торговать своими книгами, как если бы они были товаром. Возможно, с возрастом он достиг высокого церковного достоинства и земных отличий; но он любил духовные высоты веры больше, чем мирские возвышения, и, презирая пустые украшения, предпочитал жизнь, сокрытую со Христом в Боге. Он посетил последовательно Рим, Венецию и Верону и был принят в последнем городе епископом Джованни Маттео Гиберто, который ценил ученость, опубликовал *Проповеди Златоуста о святом Павле* 'таким образом возродил учение греческих отцов в Европе'. Этот прелат, возможно, из набожности, но, возможно, также и потому, что хотел стать кардиналом, вел чрезвычайно аскетичный образ жизни; Фламинио, которому была безразлична шляпа с красными шнурами, однако шел теми же трудными путями, которыми Гиберто надеялся достичь своей цели. Епископ, сочетавший труд с аскетическими практиками, пожелал, чтобы его гость сделал перевод и комментарий Псалмов. Последний ревностно относился к своей работе и старался сделать ее привлекательной;^[935] но его конституция была слишком слабой, чтобы противостоять суровости прелата-аскета, он заболел и чуть не умер.^[936]

Путь Мира.

Фламинио отправился в венецианскую кампанию, чтобы восстановить силы, и, как только поправился, поступил в дом другого будущего кардинала, Джованни Пьетро Караффы, епископа Кьети. Караффа, человек жестокий и порывистый, а впоследствии, когда папа под именем Павла IV восстановил инквизицию и строжайший римско-католицизм, пережил периоды борьбы и даже веры в истину. Подавленный волнением, вызванным в нем его пылкой и фанатичной натурой, он часто чувствовал, что никогда не обретет покоя, если не принесет свою волю в жертву воле Бога; и именно это связывало его с Фламинио. К несчастью, впоследствии его злая натура взяла верх. Караффа, ставший кардиналом, отправился в Рим, а Фламинио - в Неаполь, в то время как Вальдес, Питер Мартир, Карнесекки и их друзья были там.

Общение с этими благочестивыми людьми было очень полезно для Фламинио: он был подготовлен искать Бога в невзгодах, болезнях и приближении смерти; общаясь с христианами Паузилиппо, он научился пути мира. 'Бог, ' сказал он, - не называет счастливыми тех, кто чист от всех пятен; увы! нет ни одного! но те, кого его милость прощает, потому что они верят всем своим сердцем, что кровь Господа нашего Иисуса Христа является искуплением всех грехов. Если наша совесть обвиняет нас перед судом Божьим, если смерть неминуема, давайте все же

будем полны надежды, ибо милосердие Верховного Правителя бесконечно превосходит нечестие всего рода человеческого'. Фламинио посвятил свою книгу о *Псалмах* знаменитому кардиналу Фарнезе, он смело исповедал свою веру перед этим внуком Павла III. "Здесь вы найдете, — сказал он, — многое о Христе, нашем Господе и Боге нашем; его горькой смерти и его вечном царствовании; - его смерти, которой, принеся себя в жертву на кресте и смыв все наши грехи своей драгоценнейшей кровью, он примирил нас с Богом; - его царствования, которым Он защищает нас от вечного врага рода человеческого и, управляя нами своим Духом, ведет нас к блаженной и бессмертной жизни".^[937]

Вальдес, очарованный простотой характера Фламинио, красотой его гения и живостью его веры, имел обыкновение говорить: "Из всех людей Фламинио - единственный, к кому я испытываю наибольшую любовь и восхищение".^[938] Карнесекки также ценил Фламинио, но без такого энтузиазма в своей привязанности, как Вальдес. У него было менее яркое воображение, чем у поэта из Имолы, и, возможно, его чувства были менее острыми, но его понимание было более ясным, логичным и практичным. В то время как Фламинио желал остаться в Римской церкви, Карнесекки был еще более полон решимости идти путями Евангелия. У этих двух выдающихся людей были серьезные дискуссии о всеобщем согласии (*католическом консенсусе*) и жертвоприношении мессы, которое защищал Фламинио, но которому Карнесекки противопоставлял жертву, принесенную раз и навсегда на Голгофе, как единственно реальную. Тем не менее, только позже эти два христианина вступили в переписку по этому вопросу, которая показывает нам разнообразие их веры.^[939] Несмотря на их разногласия, их объединяла тесная привязанность; и когда они были вынуждены расстаться, Фламинио обратился к своему другу с изящным маленьким стихотворением, самые первые строки которого указывают на прелесть милых и серьезных бесед Чиахи.^[940] 'Хотя сейчас я должен удалиться от тебя, о дорогой Карнесекки, ' сказал он в заключение, - ни время, ни расстояние, ни сама смерть не лишат меня сладости твоей дружбы. Я останусь с тобой; я всегда буду с тобой; я навсегда оставлю тебе большую половину своей души".

Фламинио вернулся в Рим, а Реджинальд Поул, двоюродный брат Генриха VIII, который в то время находился в городе, попытался заполучить на папский престол человека, ценность которого он ценил. Общение Фламинио с Карафой и Полем оказало на него неблагоприятное влияние. Несколько позже он сказал Карнесекки: "О мой друг, если мы не хотим потерпеть крушение среди окружающих нас опасных волн, давайте смиренно склонимся перед Богом и не позволим никакому мотиву, каким бы законным он ни казался, отделить нас от католической церкви".^[941] С тех пор римские и евангелические писатели постоянно оспаривали обладание им, каждый утверждая, что он принадлежал им: он не принадлежал полностью ни тем, ни другим. Он смог сохранить равновесие между двумя державами, которые тогда оспаривали суверенитет христианского мира, и не упал в пропасть. Но, что бы ни говорили люди, если бы реформаторы пожелали следовать тем срединным путем, который нравится определенным умам, это, несомненно, было бы фатально для истины и свободы. Христианский мир вернулся бы к раболепию средневековья; и если бы это казалось слишком тяжелым, он погрузился бы в распущенность недоверия. Узкий путь евангельской истины пролегает между этими двумя пропастями: это убежище для тех, кого они грозят поглотить.

Красноречие о Божественной Любви.

Среди итальянцев, затронутых религиозным движением, было много таких, кто цеплялся за папство еще больше, чем Фламинио. Скептицизм, который был моден при папском дворе, вызвал реакцию, которой, без сомнения, способствовали труды реформаторов. Волна, поднявшаяся в Виттемберге, Цюрихе и Кембридже, постепенно опускаясь к югу, дошла до Рима и коснулась ворот Ватикана. Люди, принявшие учение о благодати в свои сердца, видя ослабление религии и упадок общественного богослужения, объединились, чтобы основать в Трастевере — в том самом месте, где, как говорили, собирались первые христиане и где обитал святой Петр, — *Ораторию Божественной Любви*, которая должна была стать своего рода цитаделью, в которой они могли бы сплотить свои силы для сохранения божественного закона в его чистоте.^[942] Их было от пятидесяти до шестидесяти человек, священнослужителей и мирян, и Хулио Бати, настоятель церкви Святого Сильвестра, в которой проводились их собрания, был центром этой христианской ассоциации. Не все они были одинаковы. В некоторых иерархическая тенденция в конечном счете подавила евангельский дух; но были и другие, чье живое благочестие сохранилось до конца. В определенные дни их можно было увидеть пересекающими Тибр и поднимающимися на Трастевере. Среди них были два священника, которые впоследствии стали покровителями Фламинио — Гиберто и Караффа; Газтано ди Тьене, основавший в 1524 году орден обычных клерков, или театинцев, и причисленный к лику святых; Садоле, родившийся в Модене, секретарь Льва X., который сделал его епископом Карпантраса в 1517 году, и Липпомано, снискавший высокую репутацию своими трудами. Впоследствии к ним присоединился ряд выдающихся людей, среди которых был Реджинальд Поул, выступавший против деятельности Генриха VIII. вынудили его покинуть Англию; Пьетро Бембо, чей дом в Падуе был пристанищем литераторов; Грегорио Кортези, настоятель Сан-Джорджо Маджоре близ Венеции, и многие другие, среди которых был тот, о ком нам вскоре предстоит поговорить более подробно.

Члены Ораторского зала.

Эти люди, большинство из которых были призваны сыграть важные роли, были не единственными, кто почувствовал влияние пробуждения; многие монахи, запертые в своем монастыре, разделили его. Их можно было найти, в частности, в бенедиктинских монастырях, и среди них был Марко Падуанский, который, по-видимому, был тем монахом, у которого, по словам Поула, он черпал духовное молоко Слова. Но самым ярким примером этой полуевангельской, полумонашеской жизни был Джованни-Баттиста Фоленго. В своей келье монастыря Святого Бенедикта он проводил дни и ночи за изучением Священного Писания и ясно приписывал оправдание грешника одной только благодати. Добрый бенедиктинец был пунктуален в посещении заутрени, в посте, в пении месс и на исповеди; но он искренне увещевал верующих не полагаться ни на посты, ни на механическое повторение молитв, предписанных церковью, ни на исповедь, ни на мессу. Он был монахом и священником, подчинявшимся церковным санам; но, подобно пророку, он обрушивал вспышки своего пламенного красноречия на священство, тонзуру и митру. Он призывал к реформе Церкви; он любил евангельских христиан; он хотел бы в своем глубоком милосердии воссоединить их *ластвой*. Он опубликовал комментарии к Посланиям святого Петра, святого Иакова и святого Иоанна; и его благородный стиль, а также возвышенность его христианских мыслей заставили читать их с жадностью; но римский суд, раздраженный вольностью, с которой он выражал свою веру, поместил его книгу в Index Expurgatorius. Тогда проявилась истинность латинской поговорки — *habent sua fata libelli*. Фоленго, написавший комментарий к Псалмам, выразил в нем свои евангельские взгляды с большой решимостью, особенно в своих замечаниях к

шестьдесят восьмому псалму. Как ни странно, в то время как его первая работа была внесена в Указатель одним папой, вторая была перепечатана другим папой (Григорием XIII), действительно, с некоторыми исправлениями, но без ничего, что изменило бы общий дух работы. Не один непогрешимый понтифик осудил то, что одобрил другой непогрешимый понтифик. Благочестивый Фоленго скончался в возрасте шестидесяти лет в том же монастыре, где в юности принял постриг.^[943] Менее набожному человеку, чем Фоленго, было суждено сыграть более важную роль в делах Церкви в эпоху Реформации.

Контарини, венецианец.

На том знаменитом заседании Вормсского сейма в 1521 году, перед которым выступал Мартин Лютер, среди послов разных государств Европы, приехавших поздравить молодого императора, присутствовал сенатор Венеции по имени Гаспер Контарини. Старший сын одной из знатных семей республики, обладавший возвышенным умом, сформированным изучением философии и литературы, тонким вкусом, изысканными суждениями, элегантный в своей жизни и манерах, Контарини не произвел благоприятного впечатления на знаменитого реформатора. Эти два человека, у которых было много общих принципов религии и морали, были сильно отделены друг от друга в том, что касалось воспитания, характера и образа жизни. Лютер не нравился Контарини, а сама реформация Германии, отражавшая характер нации, не пришлась по вкусу венецианцу. На реформатора действовали благородные порывы, на дипломата - порядок. Контарини каждый день посвящал учебе три часа, ни больше, ни меньше, и каждый раз начинал с повторения того, что делал накануне. Он никогда не бросал изучение науки, пока не овладел ею в совершенстве.^[944] Одно из его первых сочинений было направлено против его учителя, знаменитого Помпонатия, который считался атеистом. Этот философ утверждал невозможность доказать бессмертие души разумом, Контарини доказывал это философскими аргументами. Его рождение привело его на первые посты в республике, и еще молодым он стал членом венецианского сената. Сначала он сидел и слушал рассуждения своих коллег: его скромность и, возможно, робость мешали ему говорить. Наконец он набрался смелости, и хотя говорил без особого остроумия, изящества или одушевления, он выражался с такой простотой и демонстрировал такое глубокое знание обсуждаемых вопросов, что вскоре приобрел большое уважение. Его миссия к Карлу V не ограничивалась посольством в Вормсе; он сопровождал императора в Испанию и был там, когда корабль "*Виттория*" возвращался из первого в истории кругосветного путешествия. Люди были удивлены, что отважные моряки прибыли на день позже, чем указано в их судовом журнале; похоже, именно Контарини обнаружил причину. Будучи отправленным послом к папе римскому после разграбления Рима, он добился примирения между понтификом и Карлом V. И присутствовал на коронации императора Климентом VII.^[945]

Все присутствующие на этих торжествах обратили внимание на венецианского посла, и ему, казалось, предстояла блестящая карьера. Люди восхищались богатыми способностями его ума, твердостью и мягкостью его характера, моральным достоинством и серьезностью, которые вызывали уважение. Это было еще не все: глубокое религиозное чувство рано развилось в его душе. В Риме он присоединился к благочестивым людям, собиравшимся в Часовне Божественной Любви на Трастевере: ему нравились собрания, которые так напоминали ему те, что проводили ученики в Иерусалиме в доме Марии.

Однажды, в 1535 году, когда сенат Венеции собрался на выборы, Контарини, в то время занимавший один из самых важных постов республики, сидел возле урны для голосования. Внезапно ему сообщили, что папа назначил его кардиналом. Эта новость чрезвычайно удивила его, и поначалу он не хотел в это верить: он, мирянин, глава республики, неизвестный верховному понтифику ... быть назначенным кардиналом, князем Церкви! Это казалось мечтой, и все же это было реальностью. Павел III, взяв на себя задачу вернуть протестантов в лоно Церкви, увидел, что он должен использовать для этой цели не мирских прелатов школы Льва X, а людей искреннего благочестия; кроме того, Контарини оказал услуги папству, и поэтому его пригласили в Рим. Сообщение о его выдвижении мгновенно распространилось по собранию, и его коллеги, покинув свои места, собрались вокруг, чтобы поздравить его. Даже сенатор, возглавлявший оппозиционную ему партию, его постоянный противник, воскликнул: "Республика потеряла своего лучшего гражданина".

Но посреди этих поздравлений Контарини пребывал в нерешительности и молчал. В его душе происходила борьба. Ему было трудно покинуть своих друзей, страну своих отцов, свободный город, где он был среди равных и где мог стремиться к высшему достоинству, званию дожа — чести, которой пользовались семеро членов его семьи; он боялся отдавать себя на службу автократу, часто рабу страстей, жить среди коррумпированного духовенства, в мире симонии и интриг. Однако он верил, что видит перст Божий в своем назначении. Церковь подверглась беспрецедентной опасности. Мог ли он в такой критический час отказаться от своих услуг и своей жизни перед этим воинствующим собранием, которое тогда требовало поддержки всех слуг Божьих? Он принял предложение.^[946] Те католики, которые желали видеть Церковь одушевленной новым духом, были полны радости, которую они выразили Контарини: "Я поздравляю вас, - писал Садоле, - потому что теперь вы можете с большей пользой использовать свой гений и мудрость для нужд и пользы христианской республики".^[947]

Становясь кардиналом, он не предполагал, что золотая цепь приковывает его к подножию папского трона: он желал сохранить свою независимость. Готовый посвятить католической церкви все силы, которые он до сих пор использовал на службе своей стране, он был полон решимости оставаться самим собой; повиноваться голосу Божьему в своей совести больше, чем различным капризам Ватикана. Он желал быть верным той внутренней истине, которая давала ему сладкий и постоянный покой. Однажды, когда он выступил против выдвижения кандидатуры некоего священнослужителя в кардиналы, папа, придерживавшийся противоположного мнения, воскликнул: 'Да, да! мы знаем, как люди плавают в этих водах; кардиналам не нравится, когда кто-то равняется им по достоинству. Контарини повернулся к понтифику и спокойно заметил: "Я не думаю, что кардинальская шляпа является для меня высшей честью".^[948]

Принципы Контарини.

В противовес прискорбным выборам, которые были обычными в Риме, венецианцы страстно желали ввести в священную коллегия людей здоровой морали, образованности и благочестия. Поэтому папа, следуя его совету, передал пурпур по очереди Садоле, Караффе, епископу Вероны Гиберто, архиепископу Салерно Фрегозо и Реджинальду Поулу. Казалось, что эти новые и странные выборы будут благоприятствовать Евангелию, но, напротив, они стали принципом восстановления латинизма и серьезного и вскоре жестокого сопротивления Реформации.

Контарини, Меланхтон папства, немедленно приступил к работе: он искренне желал реформировать доктрины и мораль Церкви, но сохранить ее по-прежнему под властью единственного главы. Подобно реформаторам, он придавал большое значение в религиозных вопросах положительной стороне, но оставался верен римско-католицизму, смягчая отрицательную сторону. 'Несомненно, грешник оправдывается благодатью через веру', - говорил он евангелистам. 'Но зачем так резко выступать против достойных деяний?' — "Только открытое противодействие этим обычаям, 'ответили они, ' может уничтожить бесчисленные злоупотребления народными суевериями'. — "Предопределение, - снова сказал кардинал, - несомненно, принадлежит Божьей милости; по своей милости Он препятствует всем нашим движениям, но в то же время воля не должна встречать сопротивления. Бог от века знал предопределенных и отверженных, но это знание не лишает ни случайности, ни свободы".^[949] — "Мы признаем ответственность человека", - ответили реформаторы; "Мы верим, что человек должен хотеть спастись, и все же мы говорим вместе со Святым Павлом: *Бог производит в нас и хотение, и действие*".^[950]

Контарини следовал тому же принципу в своих беседах с защитниками папства. "Единство Церкви необходимо, - сказал он, - отделяться от нее - самая дикая ошибка; но причиной страданий христианского мира, корнем всего зла является неограниченный авторитет, приписываемый его приверженцами папскому законодательству. Папа должен править не так, как ему заблагорассудится, а только в соответствии с Божьими заповедями, правилами разума и законами милосердия.' Убежденный в том, что единство веры постепенно будет восстановлено, он посвятил все свои усилия удалению из Церкви всего, что шокировало нравственные чувства; он решительно боролся против симонии и выступал за брак священников. Он не сомневался, что успех увенчает начатое им святое дело. Позже мы увидим, что из этого вышло.

На заре Реформации, когда начали появляться первые отблески, предвещавшие восход солнца, они, вероятно, нигде не были так ярки, как в Италии, и нигде не предвещали более светлого дня. Души людей были тронуты духом свыше, и новая жизнь освятила их сердца: первоначальное отношение человека к Богу и его личное отношение к Нему, разрушенное грехом, были восстановлены. Именно в самой твердыне формализма поклонение Богу проявлялось с наибольшей свободой и благодатью. От Альп до Сицилии повсюду появились горящие огни, и многие радовались их яркости.

Два лагеря.

Рим все еще оставался восседающим на своих семи холмах - со своими отлучениями от церкви и сожженными кострами; но казалось, что новое вторжение — вторжение Евангелия и свободы — исправит все беды, причиненные вторжениями варваров и папства. Были разбиты два лагеря, один к северу, другой к югу от этого древнего города. С одной стороны был Неаполь и лагерь Паузилиппо, где собралась небольшая, но доблестная армия. Нежный свет золотил холмы Чиаджи: в поле зрения не появлялось ни одного грозного врага, и все наводило на надежду, что вскоре будет одержана окончательная и успешная победа.

Другой лагерь находился к северу. Он не мог похвастаться такими выдающимися людьми, как те, что наблюдали в древнем городе Партенопа. Трон Феррары занимала ревностная женщина и преданная христианка, дочь Людовика XII, которая радушно приняла всех беглых солдат Христа; и которая поставила своей задачей построить град Божий в Италии и, таким

образом, осуществить по-христиански замысел своего отца: *Perdam Babylonis nomen*.

Примерно в это время она ожидала при своем дворе молодого богослова, который энергично исповедовал Иисуса Христа во Франции, который только что написал Франциску I. красноречивое и убедительное письмо и опубликовал книгу, в которой изложил великие доктрины веры в восхитительном порядке и языком несравненной красоты. Каков будет эффект от его присутствия за Альпами? Никто не мог сказать, но если герцогиня имела достаточно влияния на своего мужа, чтобы добиться торжества религиозной свободы в Ферраре; если Кальвин поселится на родине Савонаролы, его вера, его таланты и его деятельность среди людей, уже движимых силой Божьей, могли бы одержать славную победу во имя истины.

Таким образом, две великие силы встретились лицом к лицу — Рим и Евангелие. Курионе, Палеарио, Петр Мученик и многие другие спрашивали себя, чем закончится борьба, которая тогда готовилась в Италии. Испытывая на себе силу Слова Божьего и видя его чудесное воздействие на окружающих, они не сомневались, что Евангелие восторжествует в их стране, как оно восторжествовало в других странах, расположенных севернее и где, возможно, было меньше света и жизни. Реформация в Италии, несомненно, имела бы особые черты, которые, не нарушая христианского единства, проявили бы национальную индивидуальность.

Епископатство существовало в Англии; примас, архиепископ Кентерберийский, оставался на своем троне, подчиняясь Слову Божьему. Почему бы не провести аналогичную реформу в самом Риме? Не только евангелисты, такие как Курионе и Карнесекки, но и благочестивые католики были полны надежды. "Ах! - сказали они. - в начале своего правления папа чудесным образом оправдал все наши ожидания.^[951] Отложив в сторону институты, созданные предыдущими папами, он решил вести верховный понтификат более святым образом;^[952] и для выполнения этой задачи он собрал вокруг себя людей, которые слава указывал на них как на врачей, отличных мудростью и честностью.' Контарини верил в реформацию, которая, начав с головы, очистит все члены. 'Бог, ' сказал он, - не допустит, чтобы врата ада одолели его Святой Дух. Он собирается совершить что-то великое в Церкви".^[953] Пламя, которое он разжег на полуострове и которое с каждым днем поднималось все выше и выше, казалось, вот-вот превратит в пепел строительные леса мертвых работ, воздвигнутые папством, и очистит храм Божий.

Слава мученикам.

Но времена Рима еще не закончились. Болезнь, которой было поражено тело Церкви в Италии, была (по словам кардинала Садоле) одной из тех, которые склоняют больного человека отвергать предписанные ему средства.^[954] Папа Павел III, который больше обращался к звездам, чем к Евангелию, обнаружив, наконец, что его попытки ни к чему не привели; что Реформация продвигалась вперед и угрожала возродить и освободить Церковь, внезапно повернулся к ней и попытался сокрушить ее. Те люди, которые могли бы стать возрожденцами Италии, с такими деятельными умами, с такой разносторонней образованностью и изысканным воспитанием, которые общались в лучших уголках мира с лучшими и прославленнейшими людьми своего времени, — эти люди, цвет своей нации, вскоре оказались вынужденными бежать за Альпы или увидели, как их осудили жестокие понтифики, оскорбили невежественные священники и с позором вывели на какую-нибудь общественную площадь в Риме, где обезглавили и бросили их тела в огонь.... Сердце сжимается при этой мысли, и внутренний голос, кажется, говорит: "Если бы Карнесекки, Палеарио и вся благородная армия мучеников были отвергнуты своими современниками; если бы грубые монахи глумились над ними, если бы они были покрыты

позором, то сейчас в мире есть тысячи христиан, которые любят их как отцов, почитают их как победоносных героев Евангелия мира и хранят благодарную память о них в своих сердцах.

Сноски

1. *История Англии от падения Вулси до смерти королевы Елизаветы*, Дж. А. Фруд.
2. М. Габерель процитировал некоторые отрывки из этой рукописи, касающиеся Женевы, в первом томе своей "Истории Женевской церкви".
3. М. Шарль Эйнар, друг автора, сообщил ему некоторые генеалогии потомков Бодишона де ла Мезоннева, в которых, помимо большого числа женевских имен, встречаются имена некоторых иностранных семей, таких как Констан—Ребек в Голландии; де Гаспарины, де Сталь и другие известные семьи во Франции, которые происходят от Бодишон-де-ла-Мезоннев через Некер.
4. Смотрите работы М. Жуффруа и *Revue des Deux Mondes* за 15 марта 1865 года.
5. Эти письма можно найти в "*Французских письмах Кальвина*" Бонне i. стр. 261, 305, 332, 345, 374. *Цюрихские письма*, ii. стр. 70, 785 и др.
6. Исая xlix. 23.
7. *Le Grand, Preuves du Divorce*, p. 378.
8. "Il nous faudra jeter le froc aux orties."—Тамже.
9. "Некоторые проповедники, которые осмеливались проповедовать открыто или тайно способом, противоречащим католической вере". —Фокс, *Деяния*, iv. стр. 677.
10. Ле Гран, *Доводы о разводе*, Дю Белле - Монморанси, стр. 374.
11. "Communis prociuba среди пресвитеров, братьев, монахов и каноников". —Холл, *Уголовные дела*, стр. 28.
12. "Я совершаю чудеса красоты".—*Le Grand, Preuves*, p. 374.
13. In *Johannem*, viii. 36.
14. МИСС петиция в Архив: Фруд, *История Англии*, i. стр. 208, 214.
15. Петиция Палаты общин: *Англия* Фруда, i. стр. 208-216.
16. "За эти десять недель я изменил многие другие вещи".—Фруд, i. 233, *Ответ епископов*.
17. *Ответ обычных людей*. Г-жа Фруд из архива Фруд, i. стр. 225.
18. Фокс, *Деяния*, iv. стр. 611.
19. "Quod non pernoctent in locis suspectis. Mulierum colloquia suspecta nullatenus habeant."—Wilkins, *Concilia*, iii. pp. 717, 722, &c.
20. "Архиепископ Кентерберийский и все епископы начали хмуриться и ворчать". —Фокс, *Деяния*, iv. стр. 612.

21. Фокс, *Деяния*, iv. стр. 614.
22. “Великое неудовольствие духовных лиц”. — Там же.
23. *Работы*, i. стр. 421.
24. “Все равнодушные и благоразумные люди рассудили, что это правильно и необходимо”. — Холл, *Хроники Англии*, стр. 784.
25. “Конгресс — это великая и помпезная война”. — *Государственные документы*, vii. стр. 209. Мы не должны путать этот конгресс с тем, который состоялся позже в этом городе. См. Антея, том ii. книга ii. chap. xxv. xxvi. xxix.
26. Письмо сэра Х. Кэрю Генриху VIII.: *Государственные документы*, vii. 225.
27. Антея, том i, глава ix.
28. Инструкция Уилтширу: *Государственные документы*, vii. стр. 230.
29. Фокс, *Деяния*, viii. стр. 9.
30. Le Grand, *Preuves*, p. 400.
31. “Reginam complectendo, affectione maritali tractet in omnibus.” — Le Grand, *Preuves*, p. 451.
32. Там же, стр. 399.
33. “Esso Conte habi commissione far una grossa spesa.” — *Lettre de Joachim de Vaux*, ibid. p. 409.
34. “Спаниель быстро схватил зубами большой палец на ноге папы римского”. — Фокс, *Деяния*, viii. стр. 9.
35. “Che l’altri regni questo imitando.” — Le Grand, *Preuves du Divorce*, p. 419.
36. Le Grand, *Preuves*, pp. 401, 454.
37. Le Grand, *Preuves*, pp. 401, 454.
38. “Он заявил, что не знаком с этим законом”. — *Государственные документы*, xii. стр. 230.
39. Le Grand, *Preuves*, pp. 401, 455.
40. “Книга, столь же желанная для его Святейшества, как тюрьма”. — Фуллер, *История церкви*, стр. 182.
41. Бернет, *Records*, i.
42. “В их ушах”. — Там же, стр. 39.
43. “Et res erat in multa confusione”. — Бернет, *Записи*, i. стр. 79, Гардинер королю.

44. "Прибегать к особому сидению, чтобы тайно узнать намерения каждого человека". — Бернет, *Записи*, i. стр. 80.
45. "Чтобы заставить некоторых покинуть дом". — Там же.
46. 'S. Scripturæ locorum conferentes, tum etiam interpretum'.—Бернет, *Отчеты*, iii. стр. 22.
47. 'Publicam disputationem matura deliberatione.'—Ibid.
48. 'Scrutatis diligentissime Sacræ Scripturæ locis.'—Burnet, *Records*, iii. p. 22.
49. "Всегда в сомнении". — *Государственные документы*, i. стр. 377.
50. "Самый удобный способ развлечь толпу". — Там же.
51. Бернет, *Отчеты*, iii. стр. 26.
52. Там же.
53. Бернет, *Отчеты*, iii. стр. 26.
54. *Государственные документы*, i. стр. 379, и примечание.
55. Латимер, *Проповеди* (Parker Soc.), стр. 46, 381.
56. Там же. стр. 126, 471.
57. "An papa potest dispensara". —Бернет, *Отчеты*, iii. стр. 24.
58. Стоксли графу Уилтширу, 16 января 1530 г.: *Государственные документы*, vii. стр. 227.
59. Le Grand, *Preuves du Divorce*, p. 459. Это письмо от Дю Белле, а не от Монморанси, как предположил выдающийся историк.
60. Мнения этих университетов приведены в *записях* Бернета, i. стр. 83.
61. 'Tale conjugium horrendum esse, execrabile, detestandum, viroque christiano etiam cuilibet infideli prorsus abominabile.'—Rymer, *Acta*, vi. p. 155.
62. Бернет, *Отчеты*, iii. стр. 87.
63. *Государственные документы*, vii. стр. 242.
64. Бернет, *Отчеты*, i. стр. 82.
65. Письмо или диссертация Кальвина (*Calvini Epistolæ*, стр. 384) согласовывает явно противоречащие друг другу отрывки из Левита и Второзакония; но я сильно сомневаюсь, что оно относится к этому периоду.
66. 'Tam grande peccatum futurum permitti non debet.'—Lutheri *Epp.* iv. p. 265.
67. Бернет, *Отчеты*, i. стр. 88.
68. Фуллер, *Церковная история*, стр. 182.

69. 'Malorum pelagus reipublicæ nostræ imminere cernimus ac certum quoddam diluvium comminari.'—Rymer, *Acta*, vi. p. 160.
70. "Рекс алиам уксорем дукат".—Письмо Г. Да Казале, Орвието, 13 января 1528 г.
71. 'Ut duas uxores habeat.'—Rome, September 28, 1530. Герберт, стр. 330.
72. 'An conscientiae satisfieri posset, quam V. M. imprimis exonerare cupit.'—Herbert, p. 330.
73. Кольер, ii. стр. 60.
74. 'Sed pro Deo non sumus, ut liberos dare possimus.'—Herbert, p. 338.
75. "Я искренне запечатлел их в глубине своего сердца". — Латимер, *Останки*, стр. 298.
76. Латимер, *Останки*, стр. 208.
77. Латимер, *Работы*, ii. стр. 298 (Parker Soc.).
78. Латимер, *Работы*, ii. стр. 306 (Parker Soc.).
79. Латимер, *Работы*, ii. стр. 309 (Parker Soc.).
80. Там же. i. стр. 155.
81. Там же, стр. 223.
82. Латимер, *Работы*, i. стр. 85 (Parker Soc.).
83. Там же, стр. 295.
84. Там же, стр. 86.
85. Там же, стр. 134.
86. Там же, стр. 93.
87. Латимер, *Работы*, i. стр. 93.
88. Там же, стр. 134.
89. Там же. Когда проповедник покидал ризницу, к кафедре за ним последовал служитель с его книгами.
90. Латимер, *Работы*, i. стр. 135.
91. 'Dominus autem papa statim percussit cum pede suo coronam imperatoris et dejecit eam in terram.'—Tyndale, *Practice of Prelates*, p. 170 (Parker Soc.).
92. *История реформации Шестнадцатого века*, том v.
93. "Согласно обещанию вашего величества, будьте довольны отправлением в Англию". —Воан Генриху VIII. Рукопись Коттона. Гальба, bk. x. fol. 42. *Библейская Энциклика*. i. стр. 270.
94. "Любой гарантии, которую он мог разумно пожелать". —Воан Кромвелю, там же, стр. 270.

95. *История реформации Шестнадцатого века*, том v. книга XX. глава 15.
96. 'Он привез меня без ворот ... в поле'. — Андерсон, *"Анналы английской Библии"*, стр. 272.
97. Андерсон (Chr.), *"Анналы английской Библии"*, стр. 152.
98. Там же.
99. "Чтобы я не стал его уговаривать". — Андерсон, стр. 152.
100. "Быть чем—то пугающим". — Там же.
101. Хлопковая рукопись. Титус, bk. i. fol. 6, 7. Андерсон, *Анналы*, i. стр. 273.
102. "При удобном случае его Высочество ознакомится с содержанием". — Там же, стр. 275.
103. "Вы испытываете большую привязанность к упомянутому Тиндейлу". — Рукопись Коттона. Гальба, bk. x. fol. 388. Андерсон, *Анналы*, стр. 275.
104. Исправления все еще можно увидеть в первоначальном проекте, и они указаны в биографической справке Тиндейла в начале его *практики* (Parker Society), стр. 46, 47.
105. *Государственные документы*, vii. стр. 303.
106. "Так мудро, что вода застыла у него в глазах". — *Государственные документы*, vii. стр. 303.
107. Тиндейл, *Экспозиция*, стр. 141.
108. *Государственные документы*, vii. стр. 302.
109. "Они должны обращать внимание на конституцию на свой страх и риск". — Collyers, ii. стр. 61. Burnet, стр. 108.
110. "Regia majestas nostrum caput atque anima". — Collyers, *Записи*, стр. 8, 30 июля 1530 г.
111. "Ecclesiae protector et supremum caput". — Коллье́рс, ii. стр. 62.
112. "Увидев этот гордиев узел, сыграть благородного Александра". — Фокс, *Деяния*, т. 55.
113. *Мемориалы* Страйпа, i. стр. 111.
114. Тайтлер, *Жизнь Генриха VIII.*, стр. 312.
115. 'Qui tacet consentire videtur. Itaque tacemus omnes.' — Collyers, p. 63.
116. Акт приведен в Wilkins, *Concilia*, iii. стр. 742, и Rymer, *FœDera*, vi. стр. 163.
117. 'Ne ab ecclesia catholica dissentire videar, expresse dissentio.' — Wilkins, *Concilia*, iii. p. 745.
118. Коллье́рс, ii. стр. 64.
119. Лорд Герберт, стр. 353.
120. Холл, *Хроника. Англии*, стр. 780.
121. Герберт, стр. 354.

122. Законопроект против колдовства, ненормальности, колдунов и т.п. Генрих VIII. глава. viii.
123. Бернет, i. стр. 110.
124. 'Omnium innocentissimum.'—Pole, *De Unitate*, p. 57.
125. 'Ut nec rex pater principi filio majus dare possit.'—Pole, *De Unitate*, p. 85.
126. 'Cum me audies, alumnum tuum audies.'—Pole, *De Unitate*, p. 3.
127. 'Infra etiam belluarum vitam.'—Ibid. p. 55.
128. "Король стоит даже на краю воды; вся его честь утонула". — Там же.
129. "Если бы он не отказался лечь с ней в постель". — Лорд Герберт, стр. 335.
130. "Куда бы она ни переехала, ничто не могло помешать ей стать женой короля". — Герберт, стр. 354.
131. 'Немедленно и только по вашей милости'. — Juramentum. Раймер, *Акт*, vi. стр. 169.
132. "Остальные взломали дверь, ворвались внутрь, и слуги епископа были избиты и жестоко обращались с ними". - Бернет, i, стр. 110.
133. "Они били офицеров епископа по лицу". — Холл, *"Хроники Англии"*, стр. 783.
134. Зал, *Хроники*.
135. Там же, стр. 783.
136. "Аристократ" стоил шесть шиллингов и восемь пенсов.
137. 'Tanta ejus Majestatis merita quod nullis laudibus æquari queant.'—*Concilia*, M. Brit. p. 742.
138. Латимер, *Проповеди*, i. стр. 46 (Parker Soc.); Тиндейл, *Соч.* iii. стр. 231.
139. "Вы бы разгребли угли". —Латимер, *Сочинения*, i. стр. 46 (Parker Soc.); Тиндейл, *Соч.* iii. стр. 231.
140. *История реформации Шестнадцатого века*, том v. bk. XVIII. глава ii. ix. xii.; bk. xix. глава vii.; bk. xx. глава xv.
141. "Человек с робкой совестью и не вполне решенный в вопросе Церкви". —Фокс,*Деяния*, стр. 649.
142. 'Soli sacerdotes, ordinati ritè per pontifices, habent claves.'—Ibid.
143. "Анахористка, которую он обратил ко Христу". — Фокс, *Деяния*, стр. 642.
144. Герберт, стр. 357.
145. "Подобно тому, как если бы человек взял и отрубил голову, и положил ее под ногу, а ногу поставил выше". —Фокс,*Деяния*, iv. стр. 649.
146. Латимер, *Останки*, стр. xiii.

147. Там же.
148. 'Fit empoigner.'—Crespin, *Actes des Martyrs*, p. 101.
149. Страйп, стр. 313.
150. "Как будто он утвердился на твердой скале Слова Божьего". —Фокс, *Деяния*, iv. стр. 643.
151. Фокс, *Деяния*, iv. стр. 648.
152. Латимер, *Работы*, ii. стр. 330 (Parker Soc.).
153. Там же, стр. 650.
154. Латимер, *Работы*, ii. стр. 650 (Parker Soc.).
155. Исайя xliii. 2. В Библии Билни, которая хранится в библиотеке колледжа Корпус-Кристи в Кембридже, этот отрывок (стихи 1-3) отмечен на полях ручкой.
156. Латимер, *Работы*, ii. стр. 654 (Parker Soc.).
157. Фокс, *Деяния*, iv. стр. 655, примечание.
158. Латимер, *Работы*, ii. стр. 655 (Parker Soc.).
159. "И по отношению к своему врагу такой милосердный". — Латимер, *Сочинения*, ii. стр. 330. (Паркер Сок.).
160. *История реформации Шестнадцатого века*, том v. bk. xx. глава xv.
161. "С намерением распространить Евангелие Христа". —Фокс, *Деяния*, iv. стр. 683.
162. Там же, стр. 687.
163. "Он взял свой посох и ударил его в грудь". - Там же.
164. *История реформации Шестнадцатого века*, том v. bk. xx. глава vii.
165. Фокс, *Деяния*, iv. стр. 689.
166. "А также скрутил брови маленькими веревочками, так что выступила кровь...." — Там же.
167. Коттон МИСС Андерсон, *Библейские анналы*, i. стр. 310. "Это приведет к тому, что секта станет еще больше, и эти ошибки будут сеяться в королевстве более обильно, чем до сих пор".
168. *Государственные документы*, том vii. стр. 349.
169. Бернет, *Отчеты*, i. стр. 100.
170. Это было эквивалентно двум с половиной миллионам фунтов стерлингов наших денег. Бернет, *Отчеты*, ii. стр. 96. *Статуты Королевства*, iii. стр. 388.
171. Strype, *Eccl. Memor.* i. pt. ii. p. 158.

172. "Не нужна никакая светская власть, чтобы согласиться с тем же самым". —Strype,*Eccl. Память*. i. стр. 202.
173. "Объявляю нарушителям страшный приговор об отлучении от церкви" —Уилкинс, *Concilia*, iii. стр. 751.
174. "Наконец король заставил их смириться". — Страйп, *Экклз. Мемориалы*, i. стр. 204.
175. "Вопрос и оспаривание". —Бернет,*Реформация*, i. стр. 250 (Оксфорд, 1829).
176. Бернет, *История. Реформа*. i. стр. 249 (Оксфорд, 1829).
177. Уилкинс, *Консилиум*, iii. стр. 354.
178. Томас Мор, написанный его внуком, стр. 187.
179. Там же, стр. 193.
180. "В хортю суо". —Раймер, vi. стр. 171.
181. Фокс, *Деяния*, v. стр. 184, 185.
182. Златоуст, in opere imperfecto.
183. Фокс, *Деяния*, ст. 203.
184. Фокс, *Деяния*, ст. 225.
185. Послание к Римлянам, vi. 14.
186. Латимер, *Работы*, ii. стр. 326 (Parker Soc.).
187. Фокс, *Деяния*, vii. стр. 454.
188. 'Plures longe fures esse quam pastores.'—Foxe, *Acts*, vii. p. 479.
189. 'Quibus latronibus suffocandis ne Angliæ totius canavum sufficere prædicabas.'—Ibid. p. 478.
190. Страйп, i. стр. 245.
191. Страйп, i. стр. 245.
192. 'Crimina seu excessus graves personaliter responsurus.'—Ibid. p. 455.
193. "Поддерживает пати и так далее".—Латимер, *Работы*, ii. стр. 351 (Parker Soc.).
194. 'Tempestive, itempestive, privatim, publice.'—Ibid.
195. "Этиам си мужчина живой".—Латимер, *Сочинения*, ii. стр. 466 (Parker Soc.); и Фокс,*Деяния*, vii. стр. 456.
196. "Я слышал, как перо ходит в дымоходе за тканью". — Латимер, *Проповеди*, i. стр. 294.

197. Фокс, *Деяния*, vii. стр. 455.
198. 'Non dicit omnia quæ vobis ipsis videntur prædicanda.'—Fuxe, *Acts*, iii. p. 747.
199. 'Donec respirare licebit, stare non desinam.'—Ibid.
200. 'Tertio requisitus ut subscriberet, recusavit.'—Wilkins, *Concilia*, iii. p. 747.
201. Стрype, *Записи*, i. стр. 180.
202. Luther, *Wieder die himmlischen Propheten*, and *Explication du 6me chapitre de St. Mathieu*.
203. 'Fuit absolutus a sententia excommunicationis.'—Wilkins, *Concilia*, iii. p. 747.
204. Тиндейл, *Трактаты*, стр. 38; Страйп, *Мемориалы*, i. 257, iii., bk. i. стр. 257; bk. ii. стр. 30, 136.
205. 1 Царств xxi. 19.
206. Тиндейл, *Трактаты*, стр. 38. Стоу, *Анналы*, 562.
207. *Деяния* Фокса, iv. стр. 697.
208. И Страйп (*Мемориалы*, i, стр. 35), и Фокс (*Деяния*, iv, стр. 698) говорят, *и выпороли его*; но Мор отрицал это.
209. "Сэр Томас Мор присутствовал сам, пока каким—то образом не нанес ему увечья". -Фокс, *Деяния*, iv. стр. 698.
210. 1 Иоанна i. 7.
211. Там же. ii. 1.
212. Фокс, *Деяния*, iv. стр. 700.
213. "Стоял там перед народом на своей скамье и плакал". —Фокс, *Деяния*, iv. стр. 702.
214. "Он больше не испытал бы такого ада, какой испытал на самом деле". — Там же.
215. Страйп, *Анналы*, i. стр. 372.
216. Там же.
217. Фокс, *Деяния*, iv. стр. 705.
218. Там же.
219. Фокс, *Деяния*, iv. стр. 706.
220. Там же. v. стр. 32.
221. 'Protestamur quod nolumus alicui statuto edito in derogationem Romani pontificis consentire.'—Wilkins, *Concilia*, iii. p. 746.
222. Есть его письмо, датированное из Хэмптон-Корта 12 июня 1531 года.
223. Коттон М.С., Вителлий, Б.К. xxi. с. 54.

224. 'Commendatus primoribus civitatis facundia sua.'—Camerarius *Melanchthonis Vita*, p. 285.
225. "Это исключает их из обязанности оправдания". —*Проповедь о спасении*. Кранмер, *Сочинения*, ii. стр. 129 (Parker Soc.).
226. "Христос телесно пребывает на небесах, а духовно — в своих живых членах". - Кранмер, *О вечере Господней*, стр. 33.
227. Лютери *Указ*. xxii. стр. 1808.
228. Кранмер, *Сочинения*, стр. 219 (Parker Soc.).
229. 'Hæc erat neptis uxoris Osiandri.'—Godwin, *Annales Angl.* p. 167.
230. 1-е Тимофею iv. 3.
231. Seckendorf, *Hist. Лютеранство*, 1532 год.
232. Кранмер, *Останки*, стр. 232.
233. Кранмер, *Останки*, стр. 332.
234. Фокс, *Деяния*, viii. стр. 65.
235. "Думая, что за это время он забудет обо мне". —Кранмер, "*Останки*", стр. 216.
236. "Я не нашел ни в одном городе ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, ни мяса, ни питья, ни постельных принадлежностей". — Кранмер, *Останки*, стр. 223.
237. Там же, стр. 225.
238. Le Grand, *Histoire du Divorce*, i. p. 229.
239. *История реформации Шестнадцатого века*, том ii. bk. ii. ch. xxi.
240. Это дата, указанная Холлом, *Хроники*, fol. 209; Холинshed, *Хроники*, iii, стр. 629; Страйп, *Воспоминания Кранмера*, стр. 16; Коллайерс, ii, стр. 71. Другие колеблются между ноябрем и январем (1533 г.); Бернет, i, стр. 121; Герберт, стр. 369; Бенгер, стр. 336 и др.
241. "Они считают его человеком, достойным высокого расположения и авторитета у своего принца". —*Государственные документы* (Генрих VIII.) vii. стр. 391.
242. Фокс, *Деяния*, viii. стр. 66.
243. 'Aliquid intus.'
244. "Я не желаю, чтобы меня ставили епископом". "Я желаю, чтобы ты был епископом". — Фуллер, *Еккл. История*. Б.К., т. 184.
245. Фокс, *Деяния*, viii. стр. 66.
246. Кранмер, *Останки*, стр. 223.
247. Там же.

248. Боссюэ делает это замечание, говоря о клятве Кранмера.—*Histoire des Variations*, liv. vii. p. 11.
249. 'Quas bullas obtulit tum regi.' Ламбет, Мисс № 1136.
250. 'Palam et publice et expresse protestor.'—Wilkins, *Concilia*, iii. p. 757.
251. 'Quas protestationes in omnibus clausulis et sententiis dictorum juramentorum repetitas et recitatas volo.'—Wilkins, *Concilia*, iii. p. 757.
252. "Эндем седулам перлегит".—Ламбет, мисс № 2106.
253. 'Qua protestatione per eundem reverendissimum tertio facta.'—Ibid.
254. 'В присутствии стольких людей, сколько могла вместить церковь'.—Карточка. Поул.
255. 'Il faut marcher rondement en toutes choses.'
256. Concilium Tridentinum, Sessio prima.
257. Резолюции некоторых епископов. Бернет, *Записи*, bk. iii. статья 21; Кранмер, *Останки*, стр. 117.
258. 'Multo, minus scandalosum fuisset, dispensare cum Majestate vestra super duabus uxoribus.'—Record Office MS.
259. Боссюэ, *Привет. des Variations*, liv. vi.
260. "Вынужден лежать на соломе". —*Государственные документы* (Генрих VIII.), часть vii. стр. 394.
261. "Совершенно преисполнен решимости доставить удовольствие вашему высочеству". — Пособие Генриху VIII., *Государственные документы*, стр. 401, 402.
262. "Он хотел бы, чтобы это стоило ему сустава руки". — Там же.
263. 'Вашей светлости не следует этому верить, ибо это всего лишь лицемерие.— Там же. стр. 422.
264. Кранмер, *Останки*, стр. 246.
265. "Чистота ее жизни, ее неизменная девственность". — Бернет, *Записи*, iii. стр. 64; см. также Уайатт, *Воспоминания Анны Болейн*, стр. 437.
266. Инструкции Генриха графу Рочфорду написаны по—французски, вероятно, для того, чтобы их можно было показать Франциску. —*Государственные документы*, vii. стр. 429-431.
267. *Государственные документы*, vii. стр. 421. В примечании упоминается, что документ не может быть найден. Очевидно, это краткое изложение, данное Ле Грандом, *Preuves du Divorce*, стр. 558.
268. 'Te et ipsam Annam, excommunicationis poena, innodatos declaramus.'—Le Grand, *Preuves*, p. 567.

269. "Даровано папой римским по иску имперцев". — *Государственные документы*, vii. стр. 454.
270. "Он вряд ли может поверить, что это правда, а не подделка". — Там же, стр. 421.
271. "В умаление как справедливости, так и любви, недавно проявленной к нам его Святейшеством". — Там же.
272. Там же.
273. *Государственные документы*, vii. стр. 454.
274. Статут против апелляций, 24 Генри VIII. глава 12; Колльерс, *Глава истории*, ii.
275. Уилкинс, *Журнал консилиума. Британия*, iii. стр. 756-759. Раймер, Фредера, vi. стр. 179.
276. *Государственные документы* (Генрих VIII.), i, стр. 390.
277. "Ваше терпение и дарования". — *Государственные документы* (Генрих VIII.), i. стр. 390.
278. Эти два письма находятся в Государственном архиве; они написаны рукой Кранмера и, по-видимому, оба были прочитаны королем. Наша гипотеза относительно этих писем отличается от гипотезы мистера Фруда (*История. Англия*, i. стр. 440). *Государственные документы* (Генрих VIII.), i. стр. 390, 391.
279. "Вера и манифест о поражении". — *Государственные документы* (Генрих VIII.) i. стр. 394.
280. "Милорд Кентерберийский ведет себя очень прямолинейно". — Там же, стр. 395.
281. "Великий зверь и глас народа". — Кранмер, *Останки*, стр. 342.
282. 'Non licere in eodem prætenso matrimonio remanere.' — Wilkins, *Concilia*, iii. p. 759; Rymer, *Fædera*, vi. p. 182.
283. Кранмер, *Останки*, стр. 245.
284. Мистер Фрауд говорит, что Анна отправилась в Тауэр 19 мая, а 31 мая покинула его и отправилась в Вестминстер, так что она прожила там одиннадцать дней (*История Англии*, i. стр. 450, 451). Это кажется маловероятным и противоречит рассказу Кранмера, где мы читаем: 'Ее светлость пришла в Тауэр в четверг вечером.... В пятницу король и королева пробыли там весь день.... На следующий день, это была суббота, рыцари перед милостью королевы поскакали в сторону Вестминстера'. — *Письма*, стр. 245.
285. 'Ламберт доставил товар ... к приходу королевы Анны'. — Фокс, *Деяния*, ст. 225.
286. "К явному отчуждению значительной части христианского мира от этого престола". — *Государственные документы*, vii. стр. 477.
287. "Что супружество было и остается ничем". — Там же, стр. 498.
288. "Служение общему благу". — Тиндейл-Фриту, *Работы*, iii. стр. 74.
289. Фокс, *Деяния*, ст. 10.

290. Тиндейл и Фрит, *Работы*, iii. стр. 421.
291. "Он, по—видимому, никогда не боролся против папистов". - Фокс, *Деяния*, ст. 9.
292. Фрит, *Декларация о крещении*, стр. 287.
293. См. Тиндейл и Фрит, *Сочинения*, iii. стр. 91. Предисловие для читателя.
294. Андерсон, *Библейские анналы*, i. стр. 338.
295. Фокс, *Деяния*, т. 5.
296. Перевод графа Дерби.
297. Он добавил: "Теперь я испытал веру, которая в вас". — Тиндейл и Фрит, *Труды*, iii. стр. 257.
298. Там же, стр. 324.
299. Тиндейл и Фрит, *Работы*, iii. стр. 321.
300. *Опровержение ответа Тиндейласэром Томасом Мором, лордом-канцлером Англии (1532)*.
301. Фокс, *Деяния*, v. стр. 133.
302. Там же, стр. 9.
303. Strype. i. стр. 316.
304. Фокс, *Деяния*, ст. 6.
305. Предисловие к опровержению Мора, *Библейская энциклопедия*. i. стр. 343.
306. "Он был так нагружен железом, что едва мог спокойно сидеть" (Бернет, i, с. 161).
307. Тиндейл и Фрит, *Работы*, iii. стр. 342.
308. Там же, стр. 338.
309. Субсидия или оплот; Тиндейл и Фрит, *Работы*, iii. стр. 242.
310. "Я нахожусь в постоянном страхе, как бы лейтенант или мой сторож не заметили чего—нибудь подобного с моей стороны". - Там же.
311. "Если у меня и было что—то примечательное в голове, то оно было начисто утрачено". - Там же.
312. Субсидия или оплот; Тиндейл и Фрит, *Работы*, iii. стр. 241.
313. Субсидия или оплот; Тиндейл и Фрит, *Работы*, iii. стр. 211.
314. Там же, стр. 259.
315. Strype.
316. Тиндейл и Фрит; *Сочинения*, iii. стр. 288.

317. *Письма и останки Кранмера*, стр. 246.

318. Тиндейл-Фриту: Фокс, v. стр. 132; Андерсон, *Библейские анналы*, i. стр. 357.

319. "Ибо не должно быть скопления граждан". —Фокс, *Деяния*, viii. стр. 696.

320. Повествование, из которого мы узнаем эти подробности, приведено в восьмом томе "*Деяний*" Фокса и, по-видимому, было написано самим джентльменом. Тот факт, что оно составлено таким образом, чтобы не скомпрометировать ни его, ни Кранмера, сам по себе является подтверждением.

321. Фокс, *Деяния*, viii. стр. 696.

322. Фокс, *Деяния*, viii. Приложение.

323. Фокс, *Деяния*, ст. 12.

324. 'Mit den Zähnen zu bissen.'—Plank. iii. p. 369.

325. "И, конечно, я сам посылал за ним три или четыре раза, чтобы убедить его". —Кранмер, *Останки, Письма*, стр. 246.

326. "Не нашлось человека, желающего ответить ему в открытом споре". —Фокс, *Деяния*, viii. стр. 699.

327. Епископ Хупер, *Ранние сочинения*, стр. 245.

328. "Я люблю это чувство, это дикси, сценарии, утверждения и т. Д.".—Фокс, *Деяния*, ст. 14.

329. Там же, стр. 15.

330. "Все немцы, как со стороны Лютера, так и со стороны СЕОлампадия". — Тиндейл и Фрит, *Сочинения*, iii. стр. 455.

331. Фокс, *Деяния*, ст. 18.

332. Бекон, *Сочинения*, iii. стр. 11.

333. Фокс, *Деяния*, ст. 10.

334. Бекон, *Жемчужина радости* (Parker Soc.), стр. 420.

335. "Она бросила на меня взгляд, который должен был бы ее удивить". —*Государственные документы*, vii. стр. 451.

336. "Отправляюсь на охоту". —*Государственные документы*, vii. стр. 451.

337. "Отведя меня в сторону, показал мне тайно". — Там же, стр. 457.

338. "Ему так больно стоять на месте и ничего не делать". — Там же, стр. 469.

339. *Государственные документы* (Генрих VIII.), vii. стр. 496.
- . *Государственные документы*, (Генрих VIII.), vii. стр. 501.
341. 'Sed tantum annuit capite.'—Ibid. p. 502.
342. Этот официальный документ приведен в *Государственных документах*, i. стр. 407. Изучение рукописи из коллекции Harleian показывает, что s была добавлена впоследствии в двух следующих отрывках: "рождение принца" и "сохранение указанного принца".
343. Le Grand, *Hist. о разводе*, i. стр. 269.
344. Там же, стр. 587.
345. "Выпячивает губы". —Фокс, *Деяния*, ст. 152.
346. *Мемориалы* Кранмера, Приложение, стр. 8.
347. "Папа, чей взгляд недоверчиво быстр, посмотрел на меня". — Бернет, *Записи*, iii. стр. 38.
348. Там же, стр. 51.
349. "Его Святейшество, передавая это хранителю данных, приказал ему прочесть это". — Бернет, *Отчеты*, iii. стр. 23.
350. Бернет, *Отчеты*, iii. стр. 37-46; Раймер, *Акт*, vi. параграф ii. стр. 188.
351. 'Legitimo defensionis clypeo protegere.'—Rymer, *Acta*, vi. pars ii. p. 188.
352. "Он впал в необычайно сильную холеру и ярость". — Бернет, *Записи*, iii. стр. 54.
353. Там же.
354. "Где папа рычит". — Там же, стр. 42.
355. "Французский король делает очень низкий *реверанс*, снимает шляпу и не снимает ее". — Бернет, *Записи*, iii. стр. 42.
356. 'Questi signori Inglesi sono stati quà per intimare certi provocationi et appellationi. . . e di fare altre cose.'—Ibid.
357. Le Grand, *Histoire du Divorce*, i. p. 268.
358. Бернет, *Отчеты*, iii. стр. 42.
359. Там же, i. стр. 130.
360. 'Immitis et crudelis pastor.'—Rymer, *Acta*, p. 188.
361. Апелляция Кранмера была написана позже, за исключением некоторой ошибки в дате. Бернет, *Отчеты*, iii. стр. 24.
362. 'Hæc omnia a pontifice cum rege amotis arbitris tractata.'—*State Papers* (Henry VIII.), vii. p. 222.
363. 'De summa animorum conjunctione.'—Ibid. p. 523.

364. Страйп, *Экклз. Памятка*. i. стр. 22.
365. Страйп, *Экклз. Памятка*. стр. 226 (Оксфорд, 1822).
366. *Государственные документы* (Генрих VIII.), т. vii. стр. 526.
367. Бернет, *Отчеты*, iii. стр. 69.
368. *Государственные документы*, том vii. стр. 526.
369. Le Grand, *Preuves*, p. 591.
370. "Он красноречиво изложил послание нашего короля". — Лорд Герберт, *Жизнь Генриха VIII*. стр. 396, fol.
371. "Что император будет исполнителем". — Там же, стр. 553.
372. Раннюю историю Кромвеля см. в *Истории Реформации*, том v. bk. xx. ch. xiv.
373. Лорд Кромвель - Паркеру.
374. "Никому из пэров не подобает появляться и отвечать в Коллегии адвокатов Палаты общин". — Коллайерс, ii. стр. 83.
375. Кольерс, ii. стр. 84.
376. "Ни король, ни его преемник, ни его подданные не должны обращаться к римскому престолу". — Collyers, ii. стр. 84.
377. Там же, стр. 85.
378. 'Solum Romanum episcopum et fratrem, ut primis episcopis mos erat.'—Wilkins, *Concilia*, iii. p. 782.
379. Герберт, *Жизнь Генриха VIII*. стр. 396. Бернет, *История*. Ссылка. i. стр. 131.
380. "То, что не могло быть сделано менее чем в трех консисториях, теперь было сделано в одной". — Герберт, стр. 397.
381. 'Christi nomine invocato, in throno justitiæ pro tribunali sedentes.'—Foxe, *Acts*, v. p. 657.
382. 'Une bonne chose et une bonne loi.' MS. du procès inquisitionnel de Lyon (Archives de Berne), pp. 200-202.
383. Примерно в 1836 году.
384. *Registre du Conseil, ad locum*.
385. 'Et illic en faire à son plaisir.'
386. "Ni tirer ni pager" (ни тянуть, ни рулить), намекающий на особый способ гребли, используемый на озере.
387. Бернская РУКОПИСЬ., *История*. Гельвет. v. стр. 125.

388. "Около восьми лет назад", - говорит авторитетный источник от 1534 года (г-жа Лионского процесса инквизиции). Чтение MS. - это *Toquer*, что, вероятно, является неправильным написанием немецкого имени.
389. 'Ou du moins était-ce comme rien.'
390. 'Soit en dînant, soit en soupant.'—MS. de Lyon.
391. Г-жа лионский процесс, стр. 294-297.
392. 'Les mettent en train.'—MS. du procès de Lyon, p. 185.
393. Sœur Jeanne. *Levain du Calvinisme*, p. 68.
394. Registres du Conseil des 10, 11, 12 Juillet. Froment, *Gestes de Genève*, pp. 62, 63. Розет CP.
395. 'Fort échauffé pour sa propre personne, plus que froid pour l'église.'—Registre du Conseil du 13 Juillet; Froment, *Gestes de Genève*, p. 63, Berne MS.
396. Registre du Conseil du 13 Juillet 1533.
397. Le Curé Besson: *Mémoires pour l'Histoire Ecclésiastique du Diocèse de Genève*, p. 63.
398. Froment, *Gestes de Genève*, p. 63.
399. Розет CP.
400. Froment, *Gestes de Genève*, pp. 62, 63.
401. Le Curé Besson, *Mémoires pour l'Histoire Ecclésiastique du Diocèse de Genève*, p. 63.
402. Briève Relation de la Révolte de la Ville de Genève. MS. in the Archives Générales du Royaume d'Italie, paquet 14.
403. Письмо государственного секретаря Шуэ лорду Таунсенду. Бернская рукопись. vi. 57.
404. Также 14 июля, два с половиной столетия спустя (1789 г.), правлению феодальной системы пришел конец.
405. "Он волнует меня не больше, чем Бом", то есть совсемне волнует. Это выражение обязано своим происхождением имени Ла Бом, последнего епископа Женевы. *Glossaires Genevois* de Gaudy et de J. Humbert.
406. Registre du Conseil des 6, 7, 8, 12, 17, Août et 4 Septembre 1533.—Froment, *Gestes de Genève*, p. 60. Roset MS. liv. iii. ch. xvi.
407. 'La main me fourmille que je n'agisse contre les traîtres!'
408. 'Nullement délicate ni mignarde.'—Froment, *Gestes de Genève*, p. 68. Registre du Conseil du 12 Octobre 1535.
409. 'A la façon des provins.'
410. Religio licita.

411. Froment, *Gestes de Genève*, p. 66.
412. 'Fort envenimés contre les deux réformateurs.'
413. 'Ne voulant pas moins que la *jacture* de leur vie.'
414. Froment, *Gestes*, p. 66.
415. 'Neminem clam, palam, occulte vel publice sacram paginam, sacrum Evangelium exponere aut alias quomodocumque dicere.'—Gaberel, *Lettres patentes de l'Evêque. Pièces justificatives*, i. p. 42.
416. Скрытая истина. Братство Святого Духа. Способ крещения. Вечеря Иисуса Христа. Книга для торговцев.
417. Г-жа лионский процесс дознания, стр. 6 и 7.
418. Бернская РУКОПИСЬ. *История. Глава. v. 12.*
419. 'Il était enflambé.'—Froment, *Gestes*.
420. 'Velut alter Atlas qui instanti causæ catholicæ succollaret.'—*Geneva Restituta*, p. 63.
421. Froment, *Gestes de Genève*, pp. 66-68. La Sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, p. 70.
422. Смотрите документы, приложенные к судебному разбирательству, в Реестре Совета от 27 января 1534 года.
423. 'Prêchant à des compagnies induisant de toute sa possibilité, &c.'—MS. du procès inquisitionnel de Lyon, p. 29.
424. Там же, стр. 37.
425. Froment, *Gestes de Genève*, pp. 69-71. Готье CP.
426. 'Les femmes comme enragées . . . de grande furie, lui jetant force pierres.'—Froment, *Gestes merveilleux de Genève*, pp. 71-74. Sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, p. 70. Gautier MS.
427. Registre du Conseil du 2 Décembre 1533.
428. *Lettres certaines d'aucuns grands troubles et tumultes advenus à Genève, avec la disputation faite l'an 1534.* Эта брошюра датирована 1 апреля 1534 года и принадлежит перу Фареля, хотя печатник утверждает, что она написана женевским нотариусом.
429. *Lettres certaines d'aucuns grands troubles et tumultes advenus à Genève, avec la disputation faite l'an 1534, avant-propos.*
430. Тьер о восстании в Испании.
431. Г-жа лионского процесса дознания. Бернский архив, стр. 38, 198, 229, 285.
432. Registre du Conseil du 22 Décembre 1533. Froment, *Gestes merveilleux de Genève*, p. 78. Sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, p. 71. *Lettres certaines d'aucuns grands troubles, &c.*

433. Недавние расследования показали, что этот дом находился на улице Бас-дю-Марш, напротив Террайе.
434. 'Les méchants se bâtissent des triomphes en l'air, et tous ces bruits ne sont finalement que fumée.'—*Lettres certaines*. Froment, *Gestes de Genève*, p. 79. Sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, p. 73.
435. Froment, *Gestes de Genève*, p. 79. MS. du procès inquisitionnel de Lyon, p. 226.
436. 'De vie d'hommes, n'avait été fait si bel office.' Registre du Conseil des 23 et 24 Décembre et du 27 Janvier, 1534.—La Sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, p. 74.
437. Registre du Conseil des 27 et 28 Décembre.—Gautier MSC.—Ruchat, iii. p. 245.
438. Магистр де Розет, liv. iii. глава xvii.—Реестр 1 Января 1534 г.—Spon. i. стр. 50.—Ruchat, iii. стр. 244.—Розет и Фарель, оба современники и в состоянии знать правду, сообщают о том факте, что Священное Писание должно было быть сожжено. В протоколах собора это не упоминается, но секретарь иногда смягчал то, что казалось слишком сильным для собора, большинство членов которого в то время были католиками.
439. *Prendre ses mitaines*, a figurative expression for *prendre ses mesures*.—*Lettres certaines*, &c.
440. Froment, *Actes de Genève*, p. 80.
441. Froment, *Gestes de Genève*, p. 80.
442. Farellus, Fromentius, Viretus intra privatos parietes in prædicando Dei verbo. *Женевская речтумма*, стр. 65.
443. MSC. de Roset, *Chron.*, lib. iii. ch. xviii.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 80, 81.—Registre du Conseil du 5 Janvier.
444. Registre du Conseil des 7 et 8 Janvier, 1534.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 80, 81.—Ruchat, iii. p. 245.
445. Registre du Conseil des 10, 11, 12 Janvier, 1534.—Ruchat, iii. p. 251, 252.—MSC. de Gautier.
446. Registre du Conseil des 25 et 26 Janvier, 1534.—MSC. de Roset, liv. ii. ch. xviii. etc.
447. Registre du Conseil du 27 Janvier, 1534.—*Lettres certaines d'aucuns grands troubles*.
448. Furbito homine sinuoso, cui firma latera, frons ferrea.—*Geneva restituta*, p. 68.
449. Pictæ tectoria linguæ.—*Persius*.
450. Farello pro veritate strenue stante, etc.—*Geneva restituta*.
451. Второзаконие xvii. 8-10.
452. Второзаконие iv. 2.
453. Фарел указал отрывки, взятые из следующих глав: Евреям с v. по x.; Римлянам xiv.; Матфею v.; Луке xxiv.; Иоанну v. viii. xii. xiv.; Римлянам xv.; Галатам i.; Второзаконию xviii.

454. *Определенные письма* и др., автор Farel.
455. Au lieu de porter la Parole de Dieu, portent la bourse.
456. *Lettres certaines*.
457. MSC. du Procès inquisitionnel de Lyon, p. 80.
458. Там же, стр. 81.
459. *Lettres certaines d'aucuns grands troubles*, &c. Эта работа, датированная Женевой 1 апреля 1534 года и, следовательно, появившаяся через два месяца после обсуждения, является основным источником, из которого мы взяли отчет об этих обсуждениях.
460. Froment, *Gestes de Genève*, p. 86.
461. Froment, *Gestes de Genève*, p. 85.
462. Там же.
463. Фарел уйдет, Вирет свернет (уйдет); Фромент (зерно) будет перемолот на мельнице; Бог поможет нам, и дьявол убежит вместе со всеми. Froment's *Gestes de Genève*, pp. 84-86.
464. Crespin, *Actes des Martyrs*, p. 114.
465. МАГИСТР де Розе, глава III. XXI.—МАГИСТР де Готье.
466. Registre du Conseil des 8 et 10 Février, 1534.
467. *Lettres certaines*, 1534.
468. Froment, *Gestes de Genève*, p. 245.—*Chron. msc. de Roset*.—*Магистр истории* де Готье.—Registre du Conseil.
469. Registre du Conseil du 3 Février, 1534.—MSC. de Roset, *Chron.* liv. iii., ch. xix.—MSC. de Gautier.
470. Registre du Conseil du 3 Février, 1534. Спон. i. стр. 516. "Ручат", iii. с. 276. Бальвиньяк, М. *Археология*, iv. стр. 101-102.
471. Registre du Conseil des 3 et 8 Février, 1534. Ruchat, iii. p. 277. Mém. de Gautier.
472. 'Quand se virent l'un l'autre, ne se purent tenir de pleurer.'—La Sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*.
473. Там же, стр. 82-83.
474. MS. лионский процесс дознания, стр. 32.
475. Registre du Conseil des 8 et 10 Février, 1534.
476. 1-е Тимофею iv. 3.

477. *Lettres certaines*, &c. Registre du Conseil des 11, 12, 13, 15 Février, 1534. Froment, *Gestes*, p. 87.
478. 'Vagans et vacillans, sententiæ satisfacere neglexit.'—Registre du Conseil du 15 Février, 1534.
479. 'Nugis solitus plebis aures suspendere satageret.'—*Geneva restituta*, pp. 6-9.
480. "Самозванец наводит на размышления". —*Женевская реститу́та*, стр. 6-9.
481. Registre du Conseil des 15, 16, 20 Février. Froment, *Gestes de Genève*, p. 88. La Sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, p. 78.
482. Registre du Conseil des 15 et 16 Février, 1534.
483. MS. лионский процесс дознания, стр. 331.
484. Г-жа Лионский процесс дознания, стр. 331-332.
485. Слово *Гебенна* часто встречается в древних документах.
486. 'Nous ne voulons plaire, nous, ni à Monsieur ni à Madame.'—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 83-84.
487. Г-жа Лионский процесс дознания, стр. 231, 232, 236.
488. Г-жа Лионский процесс дознания, стр. 233, 234.
489. Г-жа Лионский процесс дознания, стр. 235, 236.
490. 'Jurisdictionem habet universalem in toto mundo papa, nedum in spiritualibus sed temporalibus.'—*De planctu ecclesiæ*, lib. i. cap. xiii.
491. 'Papa vice Dei, est omnium regnorum provisor.'—Aug. Triumphus, *Summa de potestate ecclesiasticâ*, Qu. xlv. art. 3.
492. Откровение xiii.-xx.
493. Очевидец Фроман говорит ("*Вести Женевы*", стр. 82), что Фарель проповедовал 'в большом зале монастыря Рив, не входя в церковь'. Отец Куртелье в своих показаниях в Лионе (*Процесс инквизиции*, стр. 322) говорит, что Фарель проповедовал 'в той же церкви и с той же кафедры, что и он сам'. Но показания Фромана подтверждаются Реестром Женевского совета, в котором говорится, что встреча проходила в монастыре или аудитории. Куртелье, без сомнения, хотел только сказать, что Фарель проповедовал в том же здании, что и он сам, без точного обозначения места.
494. Ms. Лионский процесс дознания, стр. 323.
495. Sane me, tam vehementer conturbant tua illa fulgura.'—Calvini *Epp.*
496. Ancillon, *Vie de Farel*.
497. 'Savourer la grâce ... avalée sans la goûter.'
498. М. Аршинар: *Религиозные здания древней Женевы*, стр. 108.

499. Г-жа Лионский процесс дознания, стр. 226-227.
500. Registre du Conseil du 6 Mars, 1534. Froment, *Gestes de Genève*, p. 91. MS. de Gautier.
501. Ms. Лионский процесс дознания, стр. 199, 200, 204.
502. Registre du Conseil du 10 Mars, 1534.
503. Г-жа де Готье. Registre du Conseil du 18 Mars, 1534.
504. She dated her letter, *De Genève, trois semaines avant Pâques*, and signed it: *La toute votre femme chérie, Baudichone*.—MS. du Procès inquisitionnel, pp. 23-24.
505. Г-жа Лионский процесс дознания, стр. 11-12.
506. 'Puisse à Dieu seulement que le pauvre prisonnier pousse outre et déclare sans crainte ce qui doit être dit du bon Sauveur.'—Lettre aux fidèles de Paris. (MS. du Procès inquisitionnel de Lyon.)
507. Geneva, April 25, 1534. MS. du Procès inquisitionnel de Lyon.
508. MS. Лионский процесс дознания, стр. 147.
509. Все эти подробности, а также те, которые следуют далее, буквально взяты из показаний свидетелей, данных под присягой в Лионском суде, и их можно найти на страницах 132-147 официальной рукописи.
510. MS. du Procès inquisitionnel de Lyon, déposition de Pécoud, pp. 159-163.
511. Г-жа лионский процесс дознания, стр. 209, 211, 217, 218.
512. T. i. c. 576.
513. Г-жа лионский процесс дознания. По этим фактам есть три свидетельства: священника Барбье, стр. 267-270; меховщика Симона де Монвербана, стр. 274-278; и монаха Лайоннеля, стр. 305-312.
514. Г-жа лионский процесс дознания, стр. 282-285.
515. Г-жа лионский процесс дознания, стр. 298-300, 413-414.
516. Froment, *Gestes de Genève*, p. 241.
517. 'Iceluy fut épié et recommandé.'—Froment, *Gestes de Genève*, p. 241.
518. Г-жа лионский процесс дознания, стр. 424.
519. Там же, стр. 1.
520. Все дословные тексты или протоколы имеют его подпись с любопытным росчерком (*parafe*), абсолютно одинаковым на каждом.
521. MS. Процесс расследования, стр. 5-6.
522. 'Panam et vinum in cœna esse verum corpus et sanguinem Christi.' *Ant. Smalcad. Kamexuzuc.* майори др.

523. 'Intelligimus spiritualem, supernaturalem, cœlestem modum.'—*Formula Concordiæ*.
524. MS. Процесс расследования, стр. 6-9.
525. 'Embastonné et muni d'un allécret.'—MS. du Procès inquisitionnel.
526. MS. Процесс расследования, стр. 34-41.
527. Там же, стр. 46.
528. 'Le donnaient au diable.'—MS. du Procès inquisitionnel, pp. 87-88.
529. 'Fort dolosés.'—MS. du Procès inquisitionnel, pp. 52, 53.
530. Анри Гийо, Бенуа Рошфор, Пьер Манисье и Симон Пене. MS. du Procès inquisitionnel.
531. Там же, стр. 47-50.
532. MS. Процесс расследования, стр. 59-61.
533. Г-жа Процесс расследования, стр. 62-65.
534. Там же, стр. 66, 67.
535. Кельвин.
536. Томас Жавелло и Луис де ла Крюа. MS. du Procès inquisitionnel, p. 72.
537. MS. Процесс расследования, стр. 69-76.
538. Святой Иоанн vi. 63.
539. MS. Процесс расследования, стр. 91-94.
540. MS. Процесс расследования, стр. 95-96.
541. Сказано Наполеоном I. депутации Женевской консистории.
542. 'Les luthériens crêveraient par le milieu ... la ville s'abymerait.'—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 92, 93.
543. Registre du Conseil du 15 Mai, 1534. Froment, *Gestes de Genève*.
544. Registre du Conseil des 4, 11, 13, 30 Avril; 5, 14, 15, 17, 24, 26 Mai, and 12 Juin. Sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, p. 89. MS. de Berne, *Hist. Helv.*, v. 12. Froment, *Gestes de Genève*, pp. 119, 120.
545. Слова Фарела. См. стр. 242 тома, недавно опубликованного в ознаменование трехсотлетия его смерти (*Об использовании креста Иисуса Христа*, Невшатель, 1865).
546. *Du vrai usage*, &c.
547. 'Gebennis hac Pentacoste cum innumeri cœnam peragerent dominicam.'—Haller to Bullinger, 4th June, 1534. MS. Arch. Экл. Tigur.

548. 'Veterem hominem exuens et se Evangelii captivum exhibens.'—Haller, *ibid*.
549. "Est in miraculum".—Халлер Буллингеру, 4 июня 1534 г. Ср. Экл. Tigur.
550. Испанский плащ представлял собой плащ с капюшоном, широко используемый в то время.—La Sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, p. 89.
551. Registre du Conseil du 29 Juin, 1535. Креспин, *Мартиролог*, стр. 114.
552. Registre du Conseil des 31 Mai et 2 Juin, 1534.
553. 'Gagner quelqu'un à la Parolle.'—Froment, *Gestes de Genève*, p. 127.
554. Froment, *Gestes de Genève*, pp. 126, 127.
555. Г-жа Лионский процесс дознания. Déposition Desvaux, pp. 99, 100; Déposition Delay, pp. 112, 113.
556. 1 Святой Петр ii. 9.
557. Г-жа Лионского процесса дознания. Déposition Desvaux, pp. 100-103; Déposition Delay, pp. 114, 115, 124.
558. Там же. Déposition Desvaux, pp. 104, 105; Déposition Delay, pp. 116, 117.
559. ГОСПОЖА из процесса расследования. Déposition Desvaux, pp. 106, 107; Déposition Delay, pp. 118, 119.
560. Там же. Déposition Galla, pp. 148-151; Déposition de Gynieux dit Nego, pp. 154-156.
561. Там же, стр. 121.
562. MS. Процесс расследования, стр. 124.
563. ГОСПОЖА из процесса расследования. Déposition de Billet, pp. 127-129; Déposition de Mochon, pp. 130, 131.
564. Там же. Déposition de Joffrillet, pp. 136, 137.
565. 'Recors de tels propos et paroles.'—MS. du Procès inquisitionnel, pp. 138-140; Déposition de Manicier, p. 144.
566. Froment, *Gestes de Genève*, p. 241.
567. Froment, *Gestes de Genève*. Гостиница Ла Гру, по-видимому, представляла собой выступающий угловой дом слева по ходу движения от Роны, не доходя до музея.
568. Г-жа Процесс расследования, стр. 184-196.
569. Г-жа Процесс расследования, стр. 197, 198.
570. Там же, стр. 198-200.
571. Registres du Conseil du 10 Juin, 1534.

572. Мезоннев сравнил хозяина с ломтиком репы — одной из самых обычных вещей.—Г-жа дю инквизитор, стр. 162.
573. MS. Процесс расследования, стр. 189-191.
574. Там же, стр. 222-238.
575. MS. Процесс расследования, стр. 246.
576. Там же, стр. 247-250.
577. MS. Процесс расследования, стр. 251-259.
578. Г-жа Процесс расследования, стр. 260-262.
579. MS. Процесс расследования, стр. 303, 304.
580. MS. Процесс расследования, стр. 324-327.
581. Г-жа Процесс расследования, стр. 335-338.
582. Г-жа Процесс расследования, стр. 345-349.
583. MS. du Procès inquisitionnel, p. 338.
584. Registres du Conseil des 10 et 23 Juin et 7 Juillet, 1534.
585. Пятница, 17 июля 1534 года.
586. MS. Процесс расследования, стр. 339-343.
587. Там же, стр. 350-354.
588. 'Hæreticæ pravitates et hæreticorum maximum defensorem et factorem.'— Предложение на латыни в рукописи Процесса дознания, стр. 431-435.
589. Смотрите письмо Франциска I. к Женевскому совету в архивах этого города.
590. Froment, *Gestes de Genève*, p. 242.
591. Registre du Conseil du 2 Juin, 1534.—La sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, pp. 89, 90.
592. Froment, *Gestes de Genève*, pp. 127-129; MS. de Gautier.
593. Registre du Conseil du 8 Juin, 1534.—MS. de Gautier; La sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, p. 88.
594. Registres du Conseil des 20 et 24 Juillet, 1534.—MS. de Gautier.
595. 'Aliis unguentis.'—Registres du Conseil du 24 Juillet, 1534.
596. Registres du Conseil des 30 Juin et 24 Juillet, 1534.—MS. de Gautier.

597. Registres du Conseil des 23 Juin et 7 Juillet, 1534.—Froment, *Gestes de Genève*, p. 123; Ruchat, iii. p. 334.—MS. de Gautier.
598. Registres du Conseil des 24, 26 Juin, 17, 26, 27, 28 Juillet, 1534.
599. La Sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, p. 94.
600. *Хроника*. Г-жа де Розе, лив. iii. глава xxvii.—Г-жа де Готье.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 123, 124.—Procès aux Archives.—Gaberel, Pièces Justificatives.—Papiers Galiffe, communiqués par M. A. Roget, ii. 115.
601. *Хроника*. de Roset.—Registre du Conseil des 17, 28, 31 Juillet, 1534.—Ruchat, iii. p. 325.—Vulliemin, *Histoire de la Suisse*, xi. p. 89.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 123-125.
602. Froment, *Gestes de Genève*, p. 123.
603. Наш рассказ о том, как был раскрыт заговор, основан на показаниях многих свидетелей. Фроман, "*Вести Женевы*", стр. 125; Розет (*Хроника*. Г-жа лив. iii. глава xxvii.), а также протоколы или Реестр Совета, которые были составлены отцом Розет. Другие версии, отличные от этого повествования, как нам кажется, не покоятся на столь прочном фундаменте.
604. Registre du Conseil du 31 Juillet, 1534.—*Chron.* MS. de Roset.
605. "Faciemus hic gentem novam".—*Женевская реститута*, стр. 73. "Мы создадим здесь новый народ".
606. Registre du Conseil *in loco*.
607. Registre du Conseil du 25 Janvier, 1537. Только тогда Д'Арлод рассказал Совету Двухсот о том, что произошло с ним три года назад. *Хроника*. Г-жа де Розе, лив. iii. глава xxvii.
608. Солдаты обыграли слово *dragée*, что означает "мелкая дробь", а также сладости.
609. Déposition de Jacques Maguin. Галиффские папье-маше. А. Роже, ii. стр. 116.
610. Froment, *Gestes de Genève*, p. 125. Registre du Conseil du 31 Juillet, 1534. *Хроника*. Г-жа де Розе.
611. Michel Roset, MS. Froment, *Gestes de Genève*, pp. 123-125. Registre du Conseil du 7 Août, 1534.
612. La sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, p. 92. Froment, *Gestes de Genève*, p. 126. MS. de Gautier.
613. Registre du 30 Septembre, 1534. Руины замка Пеней еще несколько лет назад можно было увидеть недалеко от Сатиньи, между Лионско-Женевской железной дорогой и Роной.
614. Registres du Conseil des 4, 12, 13 Août, 4 Septembre, 1534: 27 Janvier, 1535.
615. La Sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, pp. 92-94.
616. Повествование о Пескаре и Фройндсберге. *История Швейцарии*, Жан де Мюллер, продолжение М. Глоутц-Блотцхайм, Дж. Дж. Хоттингер, Моннард и Л. Вуллимин.
617. Хроники семьи Дисбах в Берне.

618. Registre du Conseil de Genève, 17 September, 1534.
619. '*Faire et parfaire le procès des hérétiques.*'—Letter to the Bishop of Paris.
620. Рядом с выставочным залом.
621. Registre du Conseil *ad diem*.
622. Froment, *Actes et Gestes Merveilleux de la Cité de Genève*, pp. 174, 175.
623. Совет регистрируется в указанные даты.
624. Registre du Conseil du 14 Septembre, 1534.
625. 'Deo dante illorum relaxationem obtinuerunt.' Registres du Conseil du 14 Septembre, 1534.
626. Примечание Флурнуа к соответствующему отрывку из Реестров Совета.
627. Froment, *Gestes de Genève*, p. 244.
628. Registre du Conseil du 17 Septembre, 1534.
629. 'In domo turris Perse.' Registre du Conseil du 17 Septembre, 1534.
630. 'Illos debere magnificis Dominis Bernatibus præsentari.'—*Ibid*.
631. 'Dicti Baudichon et Collonier optant potius in hac civitate expectare, quod alibi.'—*Ibid*.
632. 'Petunt cautionem de repræsentando eosdem.'—*Ibid*.
633. "Super quo factum remersationibus".—*Там же*.
634. Bonnet, *Lettres Françaises de Calvin*, ii. p. 575.
635. Froment, *Gestes de Genève*, p. 244.
636. Архив Женевы, № 1054, 1534 год.
637. Он был расположен почти на том месте, где сейчас стоит русская церковь.
638. Registre du Conseil du 18 Août, 1534. Выражение в Регистре гораздо более энергичное.
639. 'Ecclesia quam Sedeleuba regina in suburbano Genevensi construxerat.'—Fredegarius, *Chron.* cap. xxii. La sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, p. 94.
640. 'Когда-то город окружали большие пригороды, не менее красивые церквями и домами, чем хорошо орошаемыми лугами и приятными садами, которые еще больше радовали глаз и сердце'. Строки, из которых взят наш отрывок, находятся в рукописи Готье. Он приписывает их анонимному автору, который видел пригороды.
641. Registre du Conseil des 11, 14, 16, et 19 Septembre, 1534. Gautier, MS. La sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, pp. 97, 98. MS. de Turretini; Berne, *Hist. Хельвет*.
642. Registre du Conseil des 21, 25 Septembre, 1534. La sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, pp. 97-100.

643. Registre du Conseil du 21 Septembre, 1534. Семья Галлатин, послужив этой республике, стала преданными гражданами Соединенных Штатов. Абрахам Альберт Альфонс Галлатин, эмигрировавший в Америку в конце восемнадцатого века, стал государственным секретарем.
644. Froment, *Gestes de Genève*, p. 115. Registre du Conseil, 29 Septembre, 1534.
645. Procès Inquisitionnel de Baudichon de la Maisonneuve. MS. de Berne, p. 7.
646. Froment, *Gestes de Genève*, pp. 117, 118, 121, 174. Registre du Conseil du 25 Septembre, 1534. Розет СР.
647. Par fraudes et pipées.
648. Froment, *Gestes de Genève*, p. 115. Registre du Conseil du 25 Septembre, 1534. Готье СР.
649. Froment, *Gestes*, p. 116.
650. La sœur de Sainte Claire, *Levain du Calvinisme*, p. 97.
651. Registre du 18 Septembre, 1534.
652. 'Die calendæ suæ.'—Registre du Conseil du 1er Octobre, 1534.
653. Registre du Conseil du 1er Octobre 1534. MS. de Gautier. Г-жа де Розе, глава iii. xxix.
654. 'Episcoporum judicia et cunctorum majorum negotia causarum eidem sanctæ sedi reservata esse liquet.'—Canon 12.
655. М. Гизо.
656. *Хроника*. Г-жа де Розе, лив. iii. глава xxix. Г-жа де Готье.
657. Froment, *Gestes de Genève*, p. 110. Registre du Conseil du 1er Septembre, 1534.
658. Froment, *Gestes de Genève*, pp. 110, 111.
659. Там же, стр. 112.
660. "Сутенер авторитета святой фуа—гри в городе Женеве".-Архив королевства Италия в Турине, пачка xiii. № 19.
661. Архивы королевства Италия в Турине, комплект xiii. № 19.
662. 'Nuire et détruire Genève.'
663. Froment, *Gestes de Genève*, p. 113. Registre du Conseil 1er, 13 Octobre, 1534. MSC. de Roset, liv. iii. ch. xxx.
664. Registre du Conseil des 28 Novembre, 3 Décembre, 1534, et 9 Mars, 1535. La sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, pp. 100-104.
665. Registre du Conseil du 24 Décembre, 1534. La sœur Jeanne, *Levain du Calvinisme*, p. 104.
666. Г-жа де Розет, глава III. xx. Registre du Conseil des 5, 28 Janvier, 20 et 21 Février, 1535. MS. de Gautier.

667. Registre du Conseil des 29 Décembre, 1534; 8, 12, 15 Janvier, 1535.

668. 'Моя красота привлекала многих поклонников, которые пытались соблазнить меня. Когда они увидели, что их лезть не может сделать меня неверующей, они прибегли к угрозам и, наконец, приготовились одолеть меня силой. Тогда я, не желая ставить свою красоту выше своей добродетели, непреклонной рукой разрушила свои храмы, сады и дома и превратила их в крепостные валы, чтобы держать моих бесчувственных поклонников на расстоянии. Я уничтожила свою красоту, чтобы сохранить свою честь. Когда-то я была Женевой прекрасной; теперь меня зовут Женевой отважной'. Эти строки сохранились в рукописной истории Готье.

669. 1-е Коринфянам. х. 15.

670. 'Die Leute die die Sache fordern, mehr Erasmich als Evangelisch sind.'—Bretschneider, *Corpus Reformatorum*, ii. p. 909.

671. Кельвин.

672. 'Stultissimis et seditiosissimis rationibus regna et gentes perturbant.'—*Corp. Ref.* ii. p. 855.

673. 'Quorum ego paradoxa malo iisdem sepelire tenebris, unde subito emergerant, quam apud vos, amplissimi ordines, hoc est, in orbis terrarum luce memorari.' In the *Corpus Reformatorum*, ii. pp. 828-835, Bretschneider gives only the German translation of this letter. Оригинальный латинский текст, о существовании которого мы не знали, когда был опубликован наш третий том, будет написан шрифтом Фрери. *Перевод с немецкого.* iii. стр. 295.

674. Представляется несомненным, что некоторые немцы были заключены в тюрьму; но впоследствии они были освобождены и отправлены обратно в Германию по приказу короля.—*Реформаторский корпус*, ii. стр. 857.

675. Об этих мнениях см. *Выше*, том ii. стр. 353.

676. 'Mutilati et excerpti mala fide decerpti.'—*Corpus Reformatorum*, ii. p. 976.

677. 'Vocor transfuga, desertor me totam causam prodidisse.'—Melancthon to Du Bellay. *Реформа корпуса*. ii. стр. 915.

678. 'C'est un vice d'entretenir des menus fatras.'—Calvin, *Lettres Françaises*, i. p. 420.

679. 'De Gallo, homine impuro, profano et ambitioso.'—Bullinger to Myconius, 12 March, 1534. *Ссылка на корпорацию*. стр. 122.

680. 'Ego velim cum Gallis martyribus Christum adire.'—Bucer, *Zeitschrift für Hist. Theol.* 1850, с. 44.

681. 'E fu questo dolore ed affanno che lo condusse alla morte.'—Soriano, in Ranke, i. p. 127.

682. Варчи, *История Фиорентины*, стр. 636. Ranke.

683. Морери, арт. *Du Bellay*.

684. *Livre du Chevalier de la Tour-Landry qui fut fait pour l'enseignement des femmes mariées et à marier*. Она была перепечатана в 1854 году Жаннет в 'Библиотеке Эльзевирьен'. В Имперской

библиотеке есть семь рукописных экземпляров. См. также Бурнье, *История литературы в области образования*, i. стр. 11.

685. 'Quod Evangelii causam et Christi gloriam perturbaret.'—*Corp. Ref.* ii. p. 887.

686. 'Cum rege diu de te locutus est, ita ut te omnibus, qui nostris temporibus docti et habentur et sunt, prætulerit.'—*Corp. Ref.* ii. p. 857.

687. 'Sentio respici a Deo calamitatibus affectas et afflictas hominum conditiones.'—*Corpus Reformatorum*, ii. p. 858.

688. 'Deus portum aliquem profugium ostendit.'—*Ibid.* p. 856.

689. See Schmidt's *Vie de Jean Sturm, premier recteur de Strasbourg*.

690. 'Da Franz i. aüf Erneürung der Kirche sinne . . . bereit sei zur Kirchenverbesserung, das seine zu thun, und die Gevissen frei zu lassen.'—Sturm to Bucer. Schmidt, *Zeitschrift für die Hist. Theol.* 1850, i. стр. 46. Штробель, *История. du Gymnase de Strasbourg*, p. 111 &c.

691. 'Non rogatus se discipulum tuum esse dixit.'—*Corpus Reformatorum*, ii. p. 857.

692. 'Sed advocari te Dei Christique voce.'—*Corp. Ref.* ii. p. 859.

693. 'Qui sunt Germani, qui Itali, qui Hispani et alii?'—Schmidt, *Zeitschr. für Hist. Theol.* 1850, c. 47.

694. 'Cum regnum gallicum, si licet dicere, caput christiani orbis sit.'—*Corpus Reformatorum*, ii. p. 869.

695. 'Gallica natio eximium habet pietatis studium.'—*Ibid.*

696. 'Vereor ut impetrari ea possint quæ ad gloriam Christi et tranquillitatem Galliæ et Ecclesiæ necessaria esse duco.'—*Corpus Reformatorum*, ii. p. 876.

697. 'Mihi vero etiam supra quam dici potest jucundum.'—*Ibid.* p. 880.

698. 'Quo resarciri possit pulcherrima illa ecclesiasticæ politiæ harmonia, qua una re cum ego mihi nihil unquam quicquam majori cura, studio complectendum esse duxerim.'—*Corp. Ref.* ii. p. 880.

699. Crespin, *Actes des Martyres*, p. 116.

700. Там же, стр. 126.

701. "В надежде на умиротворение, мой Меланхтон, в силу того, что в нем заключены большие возможности".—*Корп. ссылка.* ii. стр. 881.

702. Письмо датировано: "Бывший фано Квинтини (Сен—Квентин) в Виромандуйсе умер 27 июня 1535 года".—*Там же*.

703. 'Molti anni inanzi, li prelati non erano stati in quelle riforma di vita; li cardinali havevono libertà maggiore di dire l' opinione loro, in consistorio Si poteva sperare di giorno in giorno maggiore riforma.'—*Tre libri delli Commentarj delli Guerra*, 1537. Ranke.

704. Де Ты, Святая Марта.

705. 'Necessarium esse religioni et Galliæ ut regiæ expectationi satisfacias.'—*Corp. Ref.* ii. p. 888.
706. 'Non enim est quod metuas iniquorum potentiam.'—*Ibid.*
707. 'Mirabiliter eum inflammares.'—*Ibid.*
708. Изамбер, xii. с. 405; Сисмонди, xvi. с. 459.
709. Instructions des rois très chrétiens et de leurs ambassadeurs (Paris 1654), p. 7.
710. Ballue et Bouchigny. Кревье, *Хист. de l'Université*, v. pp. 2-4.
711. Кэлвин.
712. Паллавичини, Мамбур, Варильяс и др.
713. Майбург, *Кальвинизм*, стр. 28. Варильяс, ii. стр. 449.
714. "Акт в монастыре Ратисбоненси, 1541 год", Меланхтон и Буцер.
715. *Выше*, том ii. глава xxi. bk. 2.
716. *Historia belli Anabaptistarum monasteriensis*, by H. von Kerssenbroeck.
717. 'Viri optimi et fidelissimi Voræi testimonium.'—Melancthon G. Bellaio, *Corp. Ref.* ii. 315.
718. 'Cum eo locutus de profectione ad Regem.'—Camerarius, *Vita Melancthonis*, p. 148.
Камерарий был близким другом Меланхтона.
719. 'Obsides qui darentur dum abesset..... Præsidia quibus deduceretur.'—*Ibid.*
720. 'Pæne orbis terrarum fortunam esse positam.'—*Ibid.*
721. 'In illis fluctibus et sævissimis tempestatibus, jam portum et tutissimam stationem.'—*Ibid.*
722. 'Sopiti ignes rursum suscitarentur, et suppliciorum immanitas recrudesceret.'—*Ibid.*
723. 'Advocari ipsum Dei Christique Jesu voce.'—Camerarius, *Vita Melancthonis*, p. 148.
724. 'Afficiebatur atque perturbabatur.'—*Ibid.*
725. 'Non respectus ad se aut suos, non longiquitas loci, non periculorum metus.'—*Ibid.* p. 149.
726. 'In quibus potissimum falsitas impietatis resideret.'—Camerarius, *Vita Melancthonis*, p. 150.
727. 'Quid ipse tamen rex posset efficere—non sine causa dubitabat.'—*Ibid.* p. 150.
728. 'Nullam enim rem unquam majore Regem cura, studio, sollicitudine animi complectendam duxisse.'—Camerarius, *Vita Melancthonis*, p. 151.
729. 'Neque se abduci ullius persuasione sineret ex tam pio sanctoque instituto.'—*Ibid.*

730. 'Er wollte nicht in Frankreich wiederkommen, so ich nicht mit zöge.'—*Corp. Ref.* ii. p. 905.
731. Боссюэ, привет. "*Вариации*", т. i. жизнь, v. глава ii. и XIX.
732. *Loci communes theologici*. Они выдержали шестьдесят семь изданий и были переведены на несколько языков.
733. 'Non puto contendendum esse, nisi de magnis et necessariis rebus.'—Melancthon Sturmius, *Corp. Ref.* ii. p. 917.
734. 'Ich wollte einen Ritt in Frankreich thun.'—*Corp. Ref.* ii. p. 904.
735. Там же. ii. стр. 903-905.
736. 'Aulica quædam $\mu\upsilon\omicron\tau\acute{\eta}\rho\iota\alpha$ vel potius odia sunt.'—*Corp. Реформа.* ii. с. 903.
737. 'Zerrüttung, unwiederbringlicher Nachtheil, Beschwerung und Schade zu erfolgen.'—*Corp. Ref.* ii. p. 908.
738. - Subindignabundus hinc discessit, - сказал Лютер. *Ep.* iv. стр. 621.
739. 'Philippus me consule libens proficisceretur.'—Lutheri *Ep.* iv. p. 621.
740. "Блютюнде", ищейки. Там же. стр. 620.
741. 'Ego non annis, sed viribus, decrepitis fio, ad labores antemeridianos pene totus inutilis factus.'—Lutheri *Ep.* iv. p. 623 (23d August, 1535).
742. 'Nachdem aber Dr. Martinus bey uns zu Torgau auch gewest, so haben wir Ihm solches ungefährlich vermeldet.' Это заявление курфюрста неопровержимо доказывает факт поездки Лютера в Торгау с этой целью. Время установить невозможно, но курфюрст говорит об этом в документе, адресованном Бруку 19 августа. Ссылка на корпорацию. ii. стр. 908.
743. Seckendorf, *Historie des Lutherthums*, p. 1497.
744. Там же. стр. 1498.
745. Лютер Ионе, 1 сентября 1535 г. *Ep.* iv. стр. 628.
746. Переформатирование корпуса. ii. стр. 909. Seckendorf, *Historie des Lutherthums*, p. 1458.
747. 'Ego suspectos cœpi habere istos legatos tuos.'—Lutheri *Ep.* iv. p. 627.
748. 'Invenirent loca in quibus viverent.'—*Ibid.*
749. 'Wir viel mehr fördern wollten dasz fremde *nationes* zu dem Evangelio gebracht wurden.'—*Corpus Reform.* ii. p. 911.
750. 'Propter hæc verba nolui proficisci.'—*Corpus Ref.* ii. p. 911, in note. Курсивом в тексте выделены строки, подчеркнутые Меланктоном.
751. Этот отрывок находится в копии Брука (Веймарский архив), но не в копии Меланктона.
752. 'Nunquam sensi asperiores principem.'—*Corpus Reform.* ii. p. 915.

753. 'Nunc autem est democratia aut tyrannis indoctorum.'—*Ibid.* p. 917.
754. 'Plane fatum mihi Theramenis impendere videtur.'—*Ibid.* p. 918.
755. 'Cogito varia, quæ utinam non cogitarem.'—Lutheri *Ep.* iv. p. 626.
756. 'An devoraveris litteras istas principis.'—*Ibid.* p. 627.
757. 'Incipio enim unice gaudere, nos ab aula contemni et excludi.'—*Ibid.*
758. 'Scilicet ne ad rempublicam adhibeamur.'—*Ibid.* p. 628.
759. Лютери *Ep.* iv. стр. 627.
760. 'Ad insignem propagationem, uberrimum et amplissimum fructum Evangelii.'—Johannes Fredericus ad Franciscum regem Galliæ. *Реформа корпуса.* ii. стр. 906.
761. *Реформа корпуса.* ii. стр. 903.
762. 'Pro religionis christianæ defensione præcipue velut in statione perpetuo fuit.'—*Ibid.* p. 913.
763. 'Suscipit curam sanandæ doctrinæ christianæ; non tamen violentis remediis, sed vera ratione.'—*Ibid.*
764. 'Ut potius (rex) det operam, ut illustretur gloria Christi.'—*Corpus Reform.* ii. p. 916.
765. 'Sadoleti scriptum eadem dicit quæ nos defendimus.'—*Ibid.* p. 917.
766. Смотрите его трактат: *О переходе эллинизма в христианство*, посвященный королю в 1535 году.
767. 'Hoc studium nulla mihi eripiet hominum iniquitas.'—*Corp. Ref.*
768. 'Ad publicam christianæ, reipublicæ pacem spectantibus.' 2d Dec., 1535. *Ссылка на корпорацию.* ii. стр. 1015.
769. 'Nunquam in meliori loco fuit res Evangelii, quam sit hoc tempore in Gallia.' Штурм вызывает Буцера.
770. 'Maximopere obtestantes ut pro virili nobiscum incumbatis in tam pium sanctumque opus.' *Корп. Ссылка.* ii. стр. 1010. Секендорф говорит (*Hist. Luth.* стр. 1146), что это письмо было отправлено курфюрсту заранее; но в документах Государственного бумажного управления в Веймаре мы читаем: "Hæc locutus reddit principi litteras quas vocant credentiales". И в *Корпусе* приводится примечание к письму, которое мы только что процитировали.
771. 'Quæ voluntas, quam amica, quam benevola, quam constans.'—*Corp. Ref.* ii. p. 1010.
772. 'Ut aliud agentibus et aliud significantibus.' Bellaii ad principes Oratio.—*Там же.* стр. 1012.
773. Sleidan, *Mémoires sur l'État de la Religion et de la République*, i. p. 389.
774. 'Ut quos diversitas opinionum sejunxerit, similitudo doctrinæ conjungat.'—*Corp. Ref.* ii. p. 1013.
775. Слэйдан, i. стр. 392.

776. Его не следует путать с профессором Штурмом, который тогда находился в Париже.
777. 'Sub diluculum.'—*Corp. Ref. ii.* стр. 1014.
778. 'Esse enim solum qui in suo regno imperet.'—*Corp. Ref. ii.* p. 1015.
779. 'Orationes et legendas multas ut ineptas et impias abrogandas, aut saltem emendandas; multa enim in his absurda, multa ridicula.'—*Ibid.* p. 1015.
780. Виссарион, родившийся в Трапезунде в 1395 году, греческий епископ Никеи, а впоследствии кардинал Римской церкви, стремился объединить две Церкви и был близок к избранию папой.
781. 'Videre enim eos, alioqui sibi tolli omnes occasiones acquirendi opes, honores, et omnia.'—*Corp. Ref. ii.* p. 1015.
782. 'De fide quoque inquisitorem fidei recte sentire.'—*Corp. Ref. ii.* p. 1016.
783. 'Sicut etiam cauda equina non statim et commode tota evelli possit.'—*Corp. Ref. ii.* p. 1016.
784. "Nobis jam abituris".—*Корпоративная ссылка. ii.* стр. 1017.
785. 'Sed etiam cardinales, papam quoque ipsum, condemnare non dubitant.'—*Corp. Ref. ii.* p. 1017.
786. 'Melior et sanior pars a majore vincatur et opprimatur.'—*Corp. Ref. ii.* p. 1018.
787. 'Nequid fraudi sit, quod quisque senserit, dixerit, egerit.'—*Corp. Ref. ii.* p. 1018.
788. 'Variis artificiis regum animos incendunt atque armant adversus eos.' *Ссылка на корпорацию. ii.* стр. 1024.
789. 'Nihil enim optatius quam ut latissime propagetur pia doctrina et multarum gentium concordia.'—*Corp. Ref. ii.* p. 1026.
790. Mémoires de Du Bellay, p. 243.
791. Бытие xii. 3.
792. "Cupit renascenti pietati suppetias ferre".—Фробениус Лютеру, 14 февраля 1519г.
793. 'Per omnes civitates sparsum.'—*Ibid.*
794. Гердесиус, *Образец итал. Ссылка. ii.* стр. 11. Слова *Schwarzerd*, *Melancthon* и *Terranigra* имеют одинаковое значение в немецком, греческом и итальянском языках, а именно, *черная земля*.
- 795.
- 'Vocis, quæ totum penitus diffusa per orbem,
Terruit insolito pectora tetra sono.'
- Эти стихи были сохранены Шелгорном в его *Памятниках Eccl. ii.* стр. 624.
796. Seckendorf, *Hist. du Luthéranisme*, p. 613.

797. Сарпи, *История. du Concile de Trente*, i. p. 85.

798. 'Pestifera hæresis Lutheri non tantum apud sæculares personas, sed etiam ecclesiasticas et regulares, tam mendicantes quam non mendicantes.' *Краткое сообщение инквизиторам*, Рейнальд ежегодно.

799. 'Læte audio de Venetis quod Verbum Dei receperint.'—Luther, *Ep.* iii. p. 289.

800. 'Scias igitur Italos omnes expectare Augustensis hujus vestri decreta.' Venetiis, 3 calend. Аврyst. anno 1530. *Корпоративная ссылка*. ii. стр. 227.

801. *Корпоративная ссылка*. ii. стр. 170.

802. 'Tibi ea adscribent, quæ Christo, verisque Christi defensoribus, dedecori sunt.'—*Corp. Ref.* ii. p. 243.

803. Селио Секундо пишет свое имя обоими способами, но чаще *Куриони*.

804. 'Natus anno MDIII. calendis Maii, Cyriaci Taurinorum.'—*Curionis Historia* a Professore Stupano, 1570, in Schelhorn, *Amœnitates Litterariæ*, xiii. p. 330.

805. 'Vicenoternosque liberos suscepit, ex quibus Cœlius ultimus natus fuit.'—*Curionis Historia*, p. 329.

806. 'Taurinum se contulit, ubi per aliquos annos apud Magdalenam proavam suam agens.'—*Curionis Historia*, p. 330.

807. Bonnet, *Récits du seizième Siècle*, p. 248.

808. 'Non esse sibi damnandos hosce, priusquam illorum horos legisset.'—*Curionis Historia*, p. 331.

809. 'Adolescens adhuc, cum prima tua monimenta legissem, te ita amavi ut vix ulterius progredi meus in te amor posse videretur.'—*C. S. Curionis, Epist.* i. p. 71.

810. 'Ita est illa (opera) admiratus ut statim decreverit in Germaniam transire.'—*Curionis Historia*, p. 331.

811. 'Institutum iter per Salassorum regionem ingreditur.'—*Ibid.*

812. 'Cum juvenes in itinere, minus caute, de rebus ad religionem pertinentibus disputarent.'—*Ibid.* p. 332.

813. Кельвин.

814. 'Cum essent vallem prætoriam ingressuri.'—*Curionis Historia*, p. 332.

815. 'Privatim multos contraria hisce docebat et in vera fide erudiebat.'—*Curionis Historia*, p. 332.

816. 'Itaque, observato clavium loco, capsam aperit.'—*Ibid.* p. 333.

817. 'Cum cæteri aliis rebus intenti essent.'—*Ibid.*

818. 'Ipse omnibus aderat, consolabatur, atque etiam mortuos ipsos sepeliebat.'—*Curionis Historia*, p. 335.

819. 'Ei uxorem dederunt Margaritam Biancam, puellam elegantissimam.'—*Curionis Historia*, p. 335.
820. 'In vicinum locum, Castelleviolonem nomine.'—*Ibid.*
821. 'Lutherum Germanis placere, quod sub libertate christiana omnis generis libidines concederet.'—*Curionis Historia*.
822. 'Ut vix intercedente Præfecto, vivus Taurinum redire potuerit.'—*Curionis Historia*, p. 339.
823. 'In causa propemodum ipsi fuerunt (soror et maritus) quod captus fuerit, vitam quoque fere amiserit.'—*Curionis Historia*, p. 336.
824. 'Hic examinatur, quæstiones adhibentur.'—*Ibid.* p. 339.
825. 'Ignem flammasque minantur.'—*Ibid.* p. 339.
826. 'Ex prioribus carceribus noctu deducit, et in conclavi quodam fortissimis parietibus munito ... asservari curat.'—*Ibid.*
827. 'Recreatque in memoriam singularum domus partium situm.'—*Curionis Historia*.
828. 'Extrahit caligam pedis liberi, eamdem lineis quibusdam pannis infarcit.'—*Curionis Historia*, p. 341.
829. Его ноги так и не восстановили свою силу.
830. 'Magna studiosorum caterva, eum a sua domo in auditorium deducebat, et ex eo iterum domum comitabatur.'—*Curionis Historia*, p. 343.
831. Maimbourg, *Histoire du Calvinisme*, liv. i. p. 61.
832. Varillas, *Histoire des Hérésies*, ii. p. 499. Brantôme, *Dames Illustres*.
833. П. Мученик Вермилли, п. Шмидт, стр. 11.
834. "Читта лютеранская". —Поли, *Послание*. iii. стр. 84.
835. В. Occhino, 'Responsio qua rationem reddit discessus ex Italia.'
836. Кельвин.
837. В. Occhino, 'Responsio qua rationem reddit discessus ex Italia.'
838. Ант. М. Грациани, епископ Амелии: см. *Историю. дю кардинал Коммендон*, лив. ii. гл. ix.
839. 'Ut auditorum animos quocumque vellet raperet.'—Bzovius, ad annum 1542.
840. 'Ut unus optimus totius Italiæ concionator haberetur.'—Bzovius, ad annum 1542.
841. 'Ex voto quodam quod fuerunt Petro Martyri Mediolanensi, qui quondam ab Arianis occisus est.'—Simler, *Vita Petri M. Vermilii*, Tiguri, 1569.
842. 'Æquales suos quamvis plerosque ingenio excelleret, ita tamen amabat, ita modestia sua sibi devinciebat, ut . . . amicissimos semper habuerit.'—Simler, *Vita Petri M. Vermilii*, Tiguri, 1569.

843. 'Dum litteram aliquandiu sectatur, patefaciente Spiritu Dei, abdita et spiritualia mysteria salutariter cognovit.'—Simler, *Vita Petri M. Vermilii*, Tiguri, 1569.

844. 'Urbs situ, natura, et ingeniis nobilis, inter amœnos colles conclusa, fertilis et copiosa.'—*Oratio de Concordia Civium*, p. 380. (*Палеарская опера*, Ветштейн, Амстердам.)

845. 'Nihil unquam enim civitati defuit nisi concordia civilis.'—*Oratio de Concordia Civium*.

846. De Immortalitate Animarum. Стихотворение было опубликовано Грифиусом в Лионе в 1536 году при содействии кардинала Садоле, епископа Карпантрасского.

847. 'Tres igitur sedes statuit pater optimus ipse.'

848.

'Teque, optima Virgo,

Victricem, præclare acto *Regina* triumpho.'

849. 'Quales nunc habet ingeniis Germania florens.'

850.

"Oculos defigite в unum,

Unus ego omnipotens, ego Rex hominumque Deumque,

Æternumque bonum simplexque, et summa voluptas.'

(*Ad finem.*)

851. Сейчас ви́лла находится в собственности графа Гвиччардини.

852. 'Adolescentulam optimis parentibus bene et pudice educatam ducam in uxorem.'—*Palearii Epist.* p. 61.

853. 'Malevolorum et invidorum plena sunt omnia.'—*Ibid.* p. 209.

854. 'Mane aut inclinato in pomeridianum tempus die, cum Lampridio et Phædro, suavissimis pueris, et cum mulieribus nostris circum villulas errabimus.'—*Ibid.* p. 209.

855. 'Lignipodas, qui in aviæ conclave quotidie cursabant.'—Faustus Bellantes to Paleario, *Epist.* p. 97.

856. 'Rogatus quid primum esset generi hominum a Deo datum, in quo salutem collocare mortales possent? Responderim Christum. Quid secundum? Christum. Quid *tertium*? Christum.'—*Palearii Epist.* p. 99.

857. 'Incredibilem conspiracyonem scelestissimorum hominum contra te esse factam.'—*Palearii Epist.* p. 97.

858. 'Cotta asserebat, me salvo, vestigium religionis in civitate reliquum esse nullum.'—*Ibid.* p. 99.
859. 'Christus tamen meus mihi spem facit, quem sancte et auguste semper colui.'—*Palearii Epist.* p. 100.
860. 'Sed ego jam humana contemno, fortissimo animo sum.'—*Ibid.*
861. 'Miserrima est omnium mulierum.'—*Ibid.* p. 103.
862. 'In lacrymis jacet totos dies et mærore conficitur.'—*Ibid.*
863. 'Tenues homines sed arrogantes, imperiti, loquacissimi.'—*Palearii Opera*, p. 86.
864. 'Alii . . . auditis testibus, mox in ignem conjiciendum censebant, indicata causa. Alii, causa dicta pœnam sequi oportere putabant.'—*Palearii Opera*.
865. 'Testes partim e plebecula tenues, rerum de quibus testimonium dixerunt imperiti.'—*Palearii Epist.* p. 116.
866. 'Alii respondentem graviter objurgatum a Sadoletto.'—*Palearii Epist.* p. 118.
867. 'Injuriam augere injuria, et odio cumulare odium.'—*Ibid.* p. 119.
868. 'Quo nemo melior, nemo sanctior circumventus est innocentissimus Christus.'—*Palearii Epist.* p. 116.
869. *Oratio tertia pro se ipso.* Это речь, которую церковные власти Неаполя вырезали из всех экземпляров работ Палеарио, попавших к ним в руки, но которую мы нашли законченной в амстердамском издании, стр. 73-97.
870. 'Cum succus et sanguis Reipublicæ sit restitutus.'—*Palearii Opera*, edit. Амстердам, стр. 73.
871. 'Homines innocentes in crucem tollas. . . . Tolleres, tolleres quidem si quantum furor iste, superbia, iracundia affert, tantum tibi liceret.'—*Ibid.* p. 80.
872. 'Res domi angusta est; at conscientia in animi penetralibus angusta, læta, alacris.'—*Palearii Opera*, edit. Амстердам, стр. 84.
873. 'Sedeant illi in cathedra, diademata imponunt, dibaphum vestiant.'—*Ibid.*
874. 'Jacebant divina studia, strata in cellulis hominum otiosorum, qui licet in sylvas se abstrusissent, ut in hæc incumberent; ita stertebant tamen, ut nos in urbibus et vicis audiremus.'—*Palearii Opera*, edit. Амстердам, стр. 81-85.
875. 'Parum est accusari et deduci in carcerem, virgis cædi, reste suspendi, insui in culeum, feris objici, ad ignem torreri nos decet, si his suppliciis veritas in lucem est proferenda.'—*Palearii Opera*, edit. Амстердам, стр. 91.
876. Тот факт, что Палеарио был автором этой книги, кажется, четко установлен мистером Бабингтоном, а также М. Дж. Бонне и миссис Молодые.
877. 'Nunquam iis sponsore Christo deerit pater.'—*Palearii Opera*, p. 97.
878. 'Præ dolore misere exanimatam.'—*Ibid.*

879. 'Postquam in urbem profectus es, ita nescio quomodo animus meus torpuit, ut difficillimum mihi fuerit scribere epistolam hanc.'—Plearii *Epist.* p. 93.
880. 'Besonders Italien, welches dem Tyrannus am nächsten unterworfen; ja, dessen Sitz sey.'—Seckendorff's translation, p. 1366.
881. Итальянский оригинал, датированный 5 января 1533 года, хранится в архивах Веймара. Секендорф приводит немецкий перевод в своей "Истории лютеранства", стр. 1365-1367.
882. Мак Кри, *История реформации в Италии*, стр. 88.
883. 'Tu vero, ut audio, sic illum (Alfonsum) refers et corporis specie et ingenii dexteritate, ut non duo gemelli, sed idem prorsus homo videri possitis.'—Erasmi *Epist.* 938 et 1030.
884. 'Fue secretario de la Magestad del Emperador.'—*Hist. de la Сьюдад-де-Куэнса*, цитируется Э. Бемером.
885. 'Ab Alfonso Valdesio, magnæ spei juvene.'—Petri Martyris Anghierii *Epist.* p. 689.
886. *Dialogo sulle Coso accadute in Roma.*
887. Г-н Бемер из университета Галле сослужил хорошую службу литературе и истории религии, переиздав в Галле в 1860 году "*Центр божественных размышлений Джованни Вальдессо*" и тщательно изучив историю двух братьев. Он сообщил о результатах своих исследований в своей *Биографии Сенни*, а в добросовестной статье он внес свой вклад в Энциклопедию нашего ученого друга М. Херцога.
888. Было заявлено, что этот диалог был написан в 1521 году; но он начинается с истории вызова, посланного Франциском I Карлу V. Это произошло в начале 1528 года.
889. Эти два диалога, недавно переизданные на испанском, были переведены на итальянский и немецкий языки, а последний ("*Харон и Меркурий*") - на французский.
890. История реформации Шестнадцатого века, том iv. до н. э. xiv. ч. v.
891. 'In disciplina fraterna præclare institutus, in Hispania vivere non potuit.'—Francisco Enzinas to Melancthon.
892. 'Longe majorem mentium stragem dedit, quam multa illa hæreticorum militum millia.'—Ant. Caracciolo, *de Vita Pauli IV.* p. 239.
893. 'Non però ha egli seguito molto la corte dopo che gli fu rivelato Christo.'—*Epist. de Курионе* в конце "*Центо и божественные соображения*" Дж. Вальдеса, стр. 433.
894. Его *Диалог о Ленге* был впервые напечатан в Мадриде в 1737 году, а затем снова в 1860 году.
895. 'Era di tanta benignità e carità, che a ogni piccola e bassa e rozza persona si rendeva debitore.'—Curione, *Epist.* p. 433.
896. 'Ma più onorato e splendido cavaliere di Cristo.'—Curione, *Epist.* p. 433.
897. 'Ad ipsos fontes se totum contulit.'—Simler, *Vita Vermilii.*

898. 'In hac urbe gratia divinæ illuminationis illustrius ac clarius illi effulgere.'—*Ibid.*
899. "Loci amœnitatem".—*Там же.*
900. 'Quotidie pæne cum amicis qui puræ religionis studiosi erant aliquid ex sanis litteris commentabatur.'—Simler, *Vita Vermilii*.
901. 1-е Коринфянам. iii. 13-15.
902. 'Quod si e vestigio prava dogmata non patefiant, accessione temporis declarantur.'—Petri Martyris *Loci Communes; de Purgatorio Igne*, p. 440.
903. 'Dies ergo accipitur, cum tenebræ depellentur, ut de re, prout ipsa est, iudicium feratur.'—*Ibid.* p. 441.
904. 'Ad ignem divini examinis perstare illas oportet.'—*Ibid.*
905. 'Est itaque ignis et dies, clara inspectio, certa probatio, perspicua revelatio, qua tandem cognoscemus doctrinarum veritatem, earum denique fallaciam.'—Petri Martyris *Loci Communes: de Purgatorio Igne*. Возможно, это не совсем те слова, которые использовал Питер Мартир в своей проповеди, но смысл был тот же.
906. Это тот человек, которого Фламинио упоминает в письме Галеаццо, напечатанном в "Амните" Шелхорна. *Eccles.* ii. p. 132: 'Johannes Franciscus magna lætitia affecit me,' &c.
907. Кальвин — синьору Галеаццо Караччоли, человеку благородного происхождения, еще более известному своими выдающимися добродетелями, чем знатностью своей семьи, единственному сыну и законному наследнику маркиза Вико.-Свидетельство о первом периоде жизни Коринфянина: *Комментарии*.
908. Траджетто, древняя монетная башня, где прятался Мариус.
909. 'Che a colui, il quale Dio disinnamora del mondo ed innamora di se, avvengano quasi tutte le medesime cose che a colui che si disinnamora d' una donna e s'innamora d' un' altra.'—23 *Considerazione: Valdez Cento e dieci divine Considerazioni*.
910. "Центо и божественные соображения" Джованни Вальдеса (Хуана Вальдеса) были опубликованы в Галле в Саксонии в 1860 году Эдвардом Бемером. Каждое из размышлений занимает от двух до десяти страниц. Недавно они были переизданы в Мадриде на испанском языке.
911. 'Cajetanus, perspicaci vir ingenio, rem odorari cœpit.'—Caracciolo. *Vita Pauli IV*.
912. 'Illi Satanicæ reipublicæ triumviri.'—*Ibid.*
913. Sadoleti *Epist.* p. 558. Schrœk, *Kirchengeschichte*, ii. p. 780.
914. *Abecedario espiritual*, fols. 11-12. Вальдес дает полный отчет об этой беседе в своем *Духовном справочнике*, который он назвал так потому, что он был предназначен для обучения элементам христианского совершенства. Нет никаких сомнений в подлинности диалогов, о которых он сообщает, поскольку герцогиня попросила его зафиксировать то, что он сказал ей, на бумаге. Дополнял ли Вальдес при этом какие-либо из своих ответов? Это очень возможно.

ВЭнциклопедии Герцога М. Бемер привел выдержку из этого диалога, гораздо более длинную, чем позволяют рамки данной истории.

915. *Abecedario espiritual* fol. 26. В этом вопросе Вальдес вполне согласен с реформаторами.

916. Там же., стр. 27.

917. *Abecedario espiritual*, fols. 36, 37, 38.

918. Там же., ниже. 44, 45, 47, 50, 52, 53.

919. *Abecedario espiritual*, fols. 57, 58.

920. Там же., стр. 68.

921. Эти комментарии недавно были переизданы в Испании.

922. 'Convictus quod in Italia, cum Victoria Colonna Marchionis Piscarii vidua et Julia Gonzaga, lectissimis alioquin feminis, de pravitate sectaria suspectis, amicitiam coluisset, tandem ad ignem damnatus.'—De Thou, *ad annum* 1567. Шельхорн, *Церковные чтения*, ii. стр. 187.

923. Название Карнесекки все еще существует во Флоренции; в латинских документах, которыми мы пользуемся, оно приводится в форме Карнесека.

924. 'Literarum bonarum scientia . . . ad perspicendum acerrimi sensus . . . купидитас истинный магнарум'.—Заметка *Камерария*, друга Меланхтона, в Шелгорнии *Амнит. Литературный*. x. стр. 1201.

925. 'Pontificatum illius temporis magis a Petro Carneseca geri quam a Clemente.'—*Camerarius* in Schelhorn, *Amœnit. Литературный*. x. с. 1202.

926. 'Carneseca commoratus aliquantulum in regno Neapolitano.'—*Camerarius* in Schelhorn, *Amœnit. Литературный*. x. стр. 1203.

927. 'Carolus V. accersisse Carnesecam, ut ex ipso eliceret arcana consilia pontificis Clementis, quæ hic credebatur cum Francisco rege Galliarum Massiliæ inivisse.'—*Ibid.*

928. 'Tunc etiam boni viri officium neutiquam violavit.'—*Ibid.*

929. 'Cum quibus de sacrarum literarum lectione et intelligentia disserere conferreque accurate solebat.'—Schelhorn, *Amœnit. Литературный*. x. стр. 1204.

930. 'Justificatio per solam fidem . . . Gratiae et salutis certitudo habetur . . . Nulli credendum, nisi Verbo Dei, in Sacris Scripturis tradito.'—Schelhorn, *Amœnit. Эклз.* ii. стр. 197-205.

931. 'Puerum parvulum cum patre fugiente turbulentam dissentionem civium suorum.'—*Camerarius* in Schelhorn, *Amœnit. Литературный*. x. стр. 1149.

932. 'Adolescentem tueamur, in vestiario tantum laboramus.'—Longoli *Epist.* lib. iv. fol. 271.

933. 'Veram et salutarem sapientiam esse statuisset cognitionem sacrarum literarum, id est, rerum divinarum Verbo Dei æterno proditarum.'—*Camerarius* in Schelhorn, *Amœnit. Литературный*. x. стр. 1150.

934. Там же. стр. 1152.

935. 'Cum Gibertus pontifex Veronensis, homo literarum divinarum amantissimus, a me summo studio contenderet, ut hymnos Davidis breviter ac dilucide interpretarer, studiose istum laborem suscepi.'—Flaminii *Psalmorum Explanatio*, Lugduni, 1576, præf. 12.

936. 'Et tum factum est ut in periculosum morbum incideret.'—Camerarius in Schelhorn, *Amœnit. Литературный. х. стр. 1158.*

937. 'Nos Deo reconciliavit, se ipsum in cruce immolans, et omnia peccata nostra suo purissimo sanguine delens.'—Flaminii *Psalmorum Explicatio* (Epistola nuncupatoria Alex. Farnesio, Cardinali amplissimo), p. 9.

938. 'Hunc enim, præ cæteris omnibus, magnopere dilexit et admiratus est.'—*De religione* Flaminii. Шелхорн, *Амнит. Экклз. стр. 50.*

939. Эта переписка имела место в 1543 году и содержится в "*Церковных собраниях*" Шельхорна, ii. стр. 146-179.

940.

'O dulce hospitium! O lares beati!

O mores faciles! O Atticorum

Условия продажи словосочетаний!

Quam vos ægro animo et laborioso

Quantis cum lacrymis miser relinquo!'

Шельхорн, *Амнит. Литературный. х. стр. 1199.*

941. "Протонотарио Карнесека". —Шелхорн*Амнит. Экклз. стр. 154.*

942. 'Cosi maltrato il culto divino, si unirono in un' oratorio chiamato del *Divino Amore*.'—Caracciolo, *Vita di Paolo IV. Buma Каэтани Тьенеу*, i. стр. 7-10.

943. De Thou, *Histoire*, liv. xxiii. *Le Mire de Scriptor. sæculi xvi.*, &c.

944. Joannis Casæ *Vita Gasparis Contarini*, p. 88. Ranke, *Römische Päpste*, i. p. 152. Herzog, *Encyclopédie Théologique*.

945. Beccatello, *Vita del Contarini*, p. 103. Ranke, *Römische Päpste*, i. p. 153.

946. Jean de la Case, *Vie du Cardinal Contarini*, Lettere Volgari, i. 73. Moreri, art. *Контарину*.

947. 'Gratulor tibi quod habiturus sis locum tui et ingenii et animi in Christianæ reipublicæ utilitate et commodis uberius explicandi.'—Sadoletus Contareno, 3 Novemb. 1535, *Epist.* p. 330.

948. Ranke, *Die Römische Päpste*, i. p. 155.

949. Contarini, *De Prædestinatione. De Libero Arbitrio*. Богословские, философские и политические трактаты Контарини были напечатаны в Париже в 1571 году.

950. Послание к Филиппийцам ii. 13.

951. 'Is Paulus [tertius], sui pontificatus initio, spem atque expectationem omnium mirabiliter erexit.'—*Florebelli vita Sadoleti cardinalis*, p. 708.

952. 'Sublatis eis quæ a superioribus pontificibus Romanis instituta, sanctiorem gerendi summi pontificatus rationem instituere.'—*Ibid.* p. 709.

953. Contarini, Weizsäcker, *Theol.* Энциклоп.

954. 'Ægrotat enim corpus reipublicæ, et eo morbi genere ægrotat quod præscriptam medicinam respuit.'—*Sadolet to Contarini* March, 1536. *Sadoleti Epist.* p. 342.

- Примечания переписчика:
 - Пропущенные или затемненные знаки препинания были исправлены автоматически.
 - Типографские ошибки были исправлены автоматически.
 - Непоследовательная орфография и расстановка переносов были приведены в соответствие только тогда, когда в этой книге была найдена преобладающая форма.
 - Сноски приведены в конце текста и связаны для удобства использования.